

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2025

№ 94

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекабай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Атапин И.И. Социализм в отдельно взятом городе: архитектурная реконструкция Анжеро-Судженска в контексте советской урбанизации (конец 1920-х – 1930-е гг.)	5
Васильев А.Д. Ссылка в управлении якутского областного начальника (первая половина XIX в.)	14
Евтехов Р.А. Межведомственные конфликты внутри управленческого аппарата Российской империи последней трети XVIII в. (на примере сюжета из г. Удинска Иркутской губернии)	20
Зиновьев В.П., Дробченко В.А. Общественная жизнь Томска накануне Первой мировой войны	26
Иванова М.О. Представления о лояльности населения престолу и особенности верноподданнической риторики в жандармских донесениях 1820–1830-х гг. (по материалам 2-го округа Корпуса жандармов)	38
Климов И.П. Формирование региональной транспортной системы на Урале в годы третьей (довоенной) советской пятилетки	48
Кравцова Л.А., Сокол Е.В. Леонид Иванович Лутугин в Кузбассе (1914–1915 гг.): к вопросу о роли геологических исследований в развитии угольного региона	54
Мамкина И.Н. Роль пограничных комиссаров в контексте взаимодействия России и Китая в середине XIX – начале XX в.	61
Мастрюкова А.А. Губернатор Томской области В.М. Кресс: в публичном пространстве и научных исследованиях	70
Орлова И.В., Дамешек И.Л. Из истории оспопрививания в Иркутской губернии в имперский период: особенности деятельности оспенных учеников	75
Прохоров И.Р. Взаимоотношения казахов, казаков и российской администрации на Сибирской пограничной линии в XIX в.	84
Пушкаренко Е.А., Третьяк С.А., Янушкевич И.И. Миф о «Новой Европе»: немецкая пропаганда для остарбайтеров на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь)	95
Харусь О.А. На перекрестке экономики и политики: интеллектуальное наследие и общественная деятельность профессора Томского университета М.Н. Соболева	103

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бердников Р.Э. Колониальный вопрос и Коммунистическая партия Великобритании в 1920-е гг.	112
Горбачев А.С. 20 лет инновационной политики Европейского союза	119
Готка А.И. Французская модель деколонизации и алжирский вопрос	132
Дороненко И.А., Крих С.Б. Evocati Augusti: к вопросу об организации ветеранского корпуса	140

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ивановская Е.В., Щербинина А.А. Журнальная периодика из личной библиотеки профессора П.А. Кулаковского в Томске	147
Мажинский С.В. Изучение концепции национального характера в СССР: дискуссии и проблематика	154
Трубникова Н.В., Шевчик А.В., Мананникова А.Г. «Война» и «мир» в исторической памяти современных россиян сквозь призму междисциплинарного сравнительного анализа: ассоциативный эксперимент via большие данные социальных сетей	163

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Atapin I.I. Socialism in one city: architectural reconstruction of Anzhero-Sudzhensk in the context of Soviet urbanization (late 1920s and 1930s)	5
Vasilev A.D. Exile in the management of the Yakut regional head (first half of the 19th century)	14
Evtekhov R.A. Interdepartmental conflicts within the administrative apparatus of the Russian Empire in the last third of the 18th century (on the example of the Irkutsk province)	20
Zinoviev V.P., Drobchenko V.A. Public Life in Tomsk on the Eve of the First World War	26
Ivanova M.O. Perceptions of the People's Loyalty to the Throne and the Features of Loyalist Rhetoric in Gendarme Reports of the 1820–1830s (Based on the Material of the Gendarmes' 2nd District)	38
Klimov I.P. Formation of the Regional Transport System in the Urals during the Third (Pre-war) Soviet Five-year Plan	48
Kravtsova L.A., Sokol E.V. Leonid Ivanovich Lutugin in Kuzbass (1914–1915): on the role of geological research in the development of the coal region	54
Mamkina I.N. The role of border commissioners in the context of diplomatic interaction between Russia and China in the middle of the 19th and early 20th centuries	61
Masteryukova A.A. Governor of Tomsk region Victor Kress: in public space and scientific research	70
Orlova I.V., Dameshek I.L. From the history of smallpox vaccination in the Irkutsk province during the Imperial period: features of the activities of smallpox students	75
Prokhorov I.R. The relationship between Kazakhs, Cossacks and the Russian administration on the Siberian border in the 19th century	84
Pushkarenko E.A., Tretyak S.A., Yanushevich I.I. The myth of the “New Europe”: German propaganda for ostarbeiters in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)	95
Kharus O.A. At the crossroad of Economics and Politics: intellectual heritage and public activity of M.N. Sobolev, professor of Tomsk University	103

PROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Berdnikov R.E. The Colonial Question and the Communist Party of Great Britain in 1920s	112
Gorbachev A.S. 20 years of innovation policy of the European Union	119
Gotka A.I. French model of decolonization and the Algerian question	132
Doronenko I.A., Krikh S.B. Evocati Augusti: Organising a Veteran Corp	140

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES, METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Ivanovskaya E.V., Shcherbinina A.A. Magazine periodicals from the personal library of Professor P.A. Kulakovsky in Tomsk	147
Mazhinsky S.V. Study of the concept of national character in the USSR: discussions and problems	154
Trubnikova N.V., Shevchik A.V., Manannikova A.G. “War” and “Peace” in the Historical Memory of Modern Russians through the Prism of Interdisciplinary Comparative Analysis: An Associative Experiment via Big Data of Social Networks	163

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Тухель А.А. Реорганизация сельскохозяйственного сектора экономики как решающий фактор трансформации топонимической системы бассейна реки Томи в 20–70-е гг. XX в. 172

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Лихтер Ю.А., Кокорина Ю.Г. Терминология и классификация в археологии: проблема критериев (на примере одного вида сосудов) 184

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Расколец В.В. Система повышения квалификации в контексте «третьей роли» высшей школы СССР 194

РЕЦЕНЗИИ

Дегальцева Е.А. Меняющаяся ментальность сибиряков накануне революции. Рецензия: Литягина А.В. Менталитет горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: монография. Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2024. 252 с. 207

Нилогов А.С. О кыргызском князе Эренеке замолвите слово... Рецензия на книгу: Козодой В.И. Князь сибирских кыргызов Эренек. Новосибирск: Дом Лира, 2023. 160 с. 211

Худолеев А.Н., Тресвятский Л.А., Худолеева М.Н. «Всё это из нашей истории строки». Рецензия: Шпрингер А.Э. Забытые герои Кузнецкстроя. Новокузнецк: Информационно-Аналитический центр, 2024. 240 с. 215

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Tukhel A.A. Reorganization of the agricultural sector of the economy as a decisive factor in the transformation of the toponymic system of the Tom river basin in the 1920s–1970s 172

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Likhter Yu.A., Kokorina Yu.G. Terminology and classification in archeology: the problem of criteria (on the example of one type of vessels) 184

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Raskolets V.V. System of advanced training in the context of the “third role” of higher education in the USSR 194

BOOK REVIEW

Degalceva E.A. Review: The changing mentality of Siberians on the eve of the revolution. Review: Lityagina A.V. The mentality of the townspeople of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: monograph. Biysk: AGGPU named V.M. Shukshin, 2024. 252 p. 207

Nilogov A.S. Put in a word about the Kyrgyz Prince Erenek... Review on the book: Kozodoy V.I. Prince of the Siberian Kyrgyz Erenek. Novosibirsk: Dom Lira LLC, 2023. 160 p. 211

Khudoleev A.N., Tresvyatsky L.A., Khudoleeva M.N. “All this is from our history lines”. Review: Shpringer A.E. Forgotten heroes of Kuznetskstroy. Novokuznetsk: Information and Analytical Center, 2024. 240 p. 215

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 94(57)

doi: 10.17223/19988613/94/1

Социализм в отдельно взятом городе: архитектурная реконструкция Анжеро-Судженска в контексте советской урбанизации (конец 1920-х – 1930-е гг.)

Иван Ильич Атапин

Томский государственный университет, Томск, Россия, ivatapin@gmail.com

Аннотация. Исследуется архитектурно-градостроительное развитие одного из промышленных центров Кузбасса – Анжеро-Судженска – в период первых пятилеток (конец 1920-х – 1930-е гг.). Впервые определяются специфические черты городского строительства в контексте процессов советской урбанизации. Выявляются значимые архитектурные объекты и комплексы (общественные, промышленные и жилые здания), построенные в рассматриваемый период, а также неосуществленные проекты. Сделан вывод о незавершенном характере архитектурной реконструкции города, который был обусловлен комплексом причин социального и экономического характера.

Ключевые слова: Анжеро-Судженск, Кузбасс, советская урбанизация, архитектурно-градостроительное развитие, конструктивизм

Благодарности: Автор глубоко признателен Д.П. Несмеяновой и К.В. Ляниковой за помощь в поиске источников и ценные дополнения.

Для цитирования: Атапин И.И. Социализм в отдельно взятом городе: архитектурная реконструкция Анжеро-Судженска в контексте советской урбанизации (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 5–13. doi: 10.17223/19988613/94/1

Original article

Socialism in one city: architectural reconstruction of Anzhero-Sudzhensk in the context of Soviet urbanization (late 1920s and 1930s)

Ivan I. Atapin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ivatapin@gmail.com

Abstract. The paper examines the architectural and urban development of one of the major industrial centers of Kuzbass, Anzhero-Sudzhensk, during the late 1920s and 1930s. The formation of Anzhero-Sudzhensk began in the 1890s, when Anzherskiye and Sudzhenskiye coal mines were founded during the construction of the Trans-Siberian Railway. In the following decade, these mines became the largest coal mining enterprise in Siberia. Mining settlements spontaneously grew around them. In 1928, the settlements of Anzherka and Sudzhenka were united into Anzhero-Sudzhensky work settlement, which was transformed into a city three years later. Despite various administrative transformations, the appearance of Anzhero-Sudzhensk in those years was far from urban. This settlement was a group of workers' "colonies", which testified to the unfinished nature of the urbanization transition. The housing issue was an acute problem in the life of Anzhero-Sudzhensk. In the late 1920s, local mines were included in the Ural-Kuznetsk Combine, a future interregional industrial complex. Forced industrialization entailed a rapid activation of urbanization processes. In 1930, the process of urban space changes was initiated, which can be called the "architectural reconstruction" of Anzhero-Sudzhensk. In the early 1930s, the architectural development of the city was carried out under the influence of Constructivism, an avant-garde architectural movement. Since the late 1920s, Anzhero-Sudzhensk has been enriched with a number of new large buildings: a hospital complex, several schools, a workers' club, mechanized dining facilities, and the House of Soviets. Without a doubt, these buildings gave a more urbanized appearance to the city, but housing construction still lagged far behind the needs of citizens. Instead of mass housing, the construction of elite houses for the "labor aristocracy" began. The reconstruction of Anzhero-Sudzhensk was half-hearted from the very beginning. It was caused by the dominance of departmental interests, the residual principle of civil construction financing, limited capabilities of local authorities, and delays in developing of the city general plan. Nevertheless, new public, industrial

and residential buildings played an important role in the process of urbanization transition in Anzhero-Sudzhensk. They contributed to the making of the “Soviet citizen” and determined the new appearance of the city.

Keywords: Anzhero-Sudzhensk, Kuzbass, Soviet urbanization, architectural and urban development, Constructivism

Acknowledgements: The author is deeply grateful to Daria Nesmeyanova and Karina Lyanikova for their assistance in finding sources and valuable additions.

For citation: Atapin, I.I. (2025) Socialism in one city: architectural reconstruction of Anzhero-Sudzhensk in the context of Soviet urbanization (late 1920s and 1930s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 5–13. doi: 10.17223/19988613/94/1

Введение

Развитие городов Сибири в период первых советских пятилеток – активно изучаемая тема, которая привлекает внимание историков, искусствоведов, социальных антропологов [1–4]. Одним из ее важнейших аспектов являются архитектурно-градостроительные преобразования. К настоящему времени этот процесс изучен неравномерно, что можно заметить на примере Кузбасса. В литературе достаточно хорошо освещено архитектурно-градостроительное развитие трех крупнейших городов этого региона – Кемерово, Новокузнецка и Прокопьевска, в то время как другие населенные пункты остаются крайне слабо исследованными. Такой «подзабытой» локацией является и старейший центр угольной промышленности Кузбасса – Анжеро-Судженск. Его история традиционно рассматривается лишь как приложение к истории предприятий, а архитектура и формирование застройки и вовсе отходят на последний план, встречаясь лишь в единичных работах [5].

В настоящей статье впервые предпринята попытка рассмотреть архитектурно-градостроительное развитие Анжеро-Судженска в конце 1920-х – 1930-е гг. в контексте советской урбанизации. Под урбанизацией понимаются не только рост населения и концентрация производства, но и распространение городского образа жизни с присущими ему материальными и духовными ценностями, интенсификация городских видов деятельности [6. С. 35]. Все эти факторы оказывают прямое влияние на архитектурный облик и функционально-планировочную структуру городов. Источниковой основой статьи стали материалы местных и региональных газет, отраслевых журналов, а также архивные документы, в том числе проектная документация.

Предпосылки архитектурной реконструкции Анжеро-Судженска

Начало формирования Анжеро-Судженска относится к 1890-м гг., когда при строительстве Великого Сибирского пути были основаны Анжерские казенные и Судженские частновладельческие копи, ставшие в последующее десятилетие крупнейшими углепромышленными предприятиями Сибири. Вокруг них стихийно разрослись шахтерские поселения. В 1928 г. Анжерка и Судженка объединились в рабочий поселок Анжеро-Судженский, который, в свою очередь, в 1931 г. был преобразован в город. В 1917 г. население Анжерских и Судженских копей составляло 16 359 человек, в 1926 г. – 30 199, а на 1 января 1930 г. – 47 907 [7. С. 22; 8. С. 23],

что дает наглядное представление о темпах развития будущего города.

Несмотря на административные преобразования, облик Анжеро-Судженска в те годы был весьма далек от городского. К началу 1930-х гг. населенный пункт представлял собой группу бессистемно сложившихся рабочих поселков – «колоний», что свидетельствовало о незавершенном характере урбанизационного процесса (рис. 1). Застройка была почти полностью деревянной. В числе немногих каменных построек города был Дом шахтера (ныне дворец культуры «Центральный»), заложенный в 1923 г. и открытый в ноябре 1925 г. Двухэтажное здание с внутренним железобетонным каркасом, выдержанное в упрощенных формах неоклассицизма, резко выделялось среди окружающих домов и закономерно стало одним из символов нового «культурного строительства» в Кузбассе.

Острой проблемой в жизни Анжеро-Судженска был жилищный вопрос. Подавляющее большинство жителей города обитало в наскоро построенных бараках коридорного или секционного типа, рабочих казармах, старых крестьянских избах. Понятие «благоустройство» отсутствовало. Теснота, антисанитария, бытовая неустроенность, плохое питание были постоянными спутниками жителей [9, 10]. Основным застройщиком на территории города являлся главный работодатель – Анжерское рудоуправление треста «Сибуголь» (впоследствии «Востуголь», «Анжероуголь»), в ведение которого перешли национализированные шахты. По этой причине капиталовложения в строительство промышленных сооружений и объектов соцкультбыта были выше, чем в жилищное строительство. Как отмечает исследователь урбанизации А.С. Сеньянский, рядовые советские горожане «...по сути, не имели ни прав, ни возможностей распоряжаться и преобразовывать материальную среду своих поселений» [6. С. 91].

В конце 1920-х гг. Анжеро-Судженские копи были включены в состав Урало-Кузнецкого комбината – перспективного промышленного комплекса на базе уральских массивов железных руд и каменноугольных запасов Кузбасса. Начались реконструкция существующих шахт и проходка новых. Форсированная индустриализация повлекла за собой бурную активизацию урбанизационного процесса. В 1930 г. Сибирский крайисполком предложил строить в Кузбассе два «социалистических города»: Новый Кузнецк (Сталинск, ныне Новокузнецк) и Тырган (ныне в составе Прокопьевска). В других крупных населенных пунктах региона, центрах угледобычи Щегловске (Кемерово), Ленинске-Кузнецком и Анжеро-Судженске, создавались «условия к переходу» к полному обобществлению быта [11. С. 82].

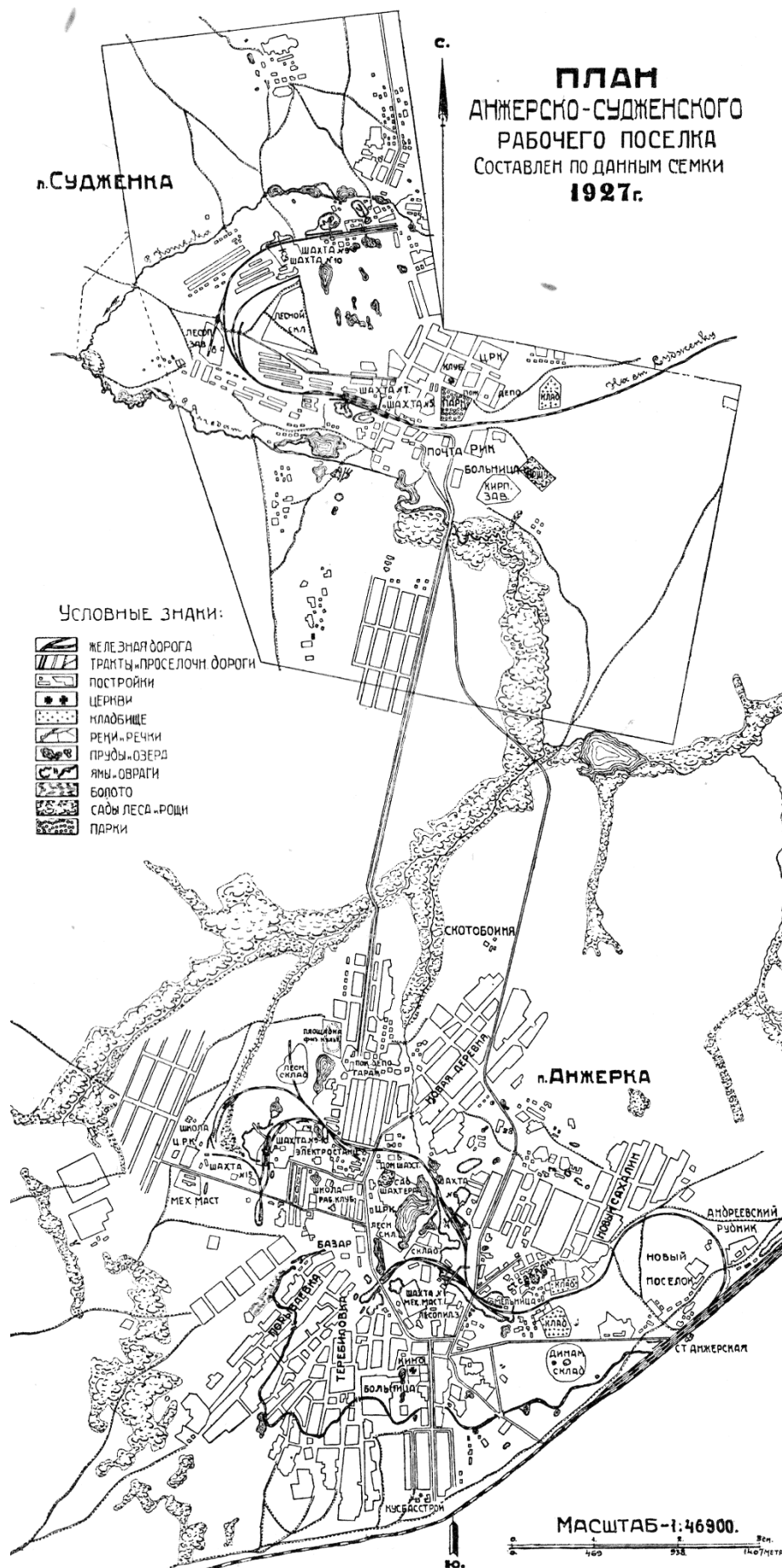


Рис. 1. План рабочего поселка Анжеро-Судженский. 1927 г. Личный архив автора

Под этим весьма расплывчатым понятием подразумевались строительство жилых домов-коммун, в которых устанавливались коллективные быт и досуг, развитие сети культурно-бытового обслуживания, осуществление базового городского благоустройства. Разработанный Сибкрайпланом пятилетний план строительства городов Кузбасса с 1930/1931 по 1934/1935 гг. предусматривал капиталовложения в новое строительство в Анжеро-Судженске в размере 54 млн руб. [11. С. 82]. Так был инициирован процесс изменения городского пространства, который можно назвать «архитектурной реконструкцией» Анжеро-Судженска.

Общественные и промышленные объекты как «лицо города»

На рубеже 1920–1930-х гг. застройка Анжеро-Судженска велась под влиянием идей конструктивизма – авангардного архитектурного направления, получившего популярность на всей территории СССР. Представители конструктивизма выступали за строгое соответствие внешнего облика здания его функциональному назначению, использование новейших материалов и технологий, активное участие архитекторов в преобра-

зовании социальных отношений. Установка на рационализацию и стандартизацию строительства обусловила широкое распространение типовых проектов, которые можно было воплощать даже при отсутствии квалифицированных архитектурных кадров на месте.

Одним из первых и наиболее значимых объектов архитектурной реконструкции Анжеро-Судженска стал комплекс больницы им. 14-летия Октября (рис. 2). Проекты больничных корпусов – хирургического, терапевтического, акушерско-гинекологического и других – были составлены в новосибирском «Госстройтресте» при участии инженера-строителя И.Т. Воронова [12, 13]. Торжественная закладка комплекса состоялась в июне 1928 г. в присутствии наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко [14]. В 1932 г. были завершены пять больших корпусов, которые образовали целый больничный городок на ул. Кубанской. Гладко оштукатуренные стены без декоративного оформления, широкие окна, вертикальное освещение лестничных клеток, скругленные углы фасадов, акцентированные балконами, – все эти приемы в полной мере соответствовали передовым на тот момент тенденциям в архитектуре медицинских зданий. Больница, рассчитанная на 418 коек, имела хорошее оборудование [15. С. 267–268].



Рис. 2. Комплекс больницы им. 14-летия Октября в Анжеро-Судженске. Фотография 1930-х гг. Личный архив Д.П. Несмеяновой

В формах конструктивизма был решен и проект реконструкции центральной городской электростанции (ЦЭС), выполненный в проектно-отделе треста «Сибуголь» в Новосибирске в 1929 г. Старая электростанция, введенная в эксплуатацию еще в 1900-х гг., значительно расширялась. Новая пристройка отличалась монументальными размерами и подчеркнуто утилитарным видом [16]. Реконструкция ЦЭС была осуществлена в 1930 г.

В это же время в Анжеро-Судженске развернулось школьное строительство. Первым подобным зданием стала школа фабрично-заводской девятилетки (ул. Ленина, 10), возведенная в 1930–1931 гг. по типовому проекту. Добиться ассигнований на ее постройку помогла Н.К. Крупская, к которой обратились делегаты от города [17]. Большое двухэтажное здание было

размещено напротив Дома шахтера, сформировав юго-западную сторону центральной площади Анжеро-Судженска. Другой типовой конструктивистский проект был использован при строительстве новых школ в Судженке (ул. Коминтерна, 9) и Новой колонии – районе между Анжеркой и Судженкой (ул. Мира, 14; ныне утрачена) [1. С. 94].

Крупнейшим учебным зданием города стала школа горнопромышленного ученичества (Горпромуш) в Новой колонии. Она также была построена по типовому проекту, выполненному в тресте «Сибуголь» и реализованному в Ленинске-Кузнецком и Кемерове [18. Л. 10–11]. Протяженный трехэтажный корпус с асимметричной композицией главного фасада акцентировался с правой стороны полукруглым эркером и высоким парапетом, на котором была выполнена надпись «Гор-

промуч». Для образовательных целей здание прослужило недолго: в 1940-х гг. его передали одному из эвакуированных в Анжеро-Судженск заводов; впоследствии оно было снесено.

Наряду со школьным шло и клубное строительство. К началу 1930-х гг. старые деревянные клубные здания и Дом шахтера уже не могли вместить всех желающих. Для жителей Судженки в 1929–1931 гг. был возведен рабочий клуб им. М.М. Рабиновича (ныне дворец культуры «Судженский»; Аптекарский пер., 2). При строительстве использовался готовый зеркально отраженный в плане проект клуба в Ленинске-Кузнецком, который был составлен архитектором И.В. Трофимовым [1. С. 92]. Двухэтажное на высоком полуподвале здание клуба скомпоновано из нескольких разновеликих объемов, что обусловлено функциональным зонированием (зрительный зал, сценическая коробка, клубно-библиотечный корпус). В 1950-х гг. клуб получил лаконичное декоративное оформление, но до настоящего времени в целом сохранил свой конструктивистский облик. Вместе со школой на ул. Коминтерна рабочий клуб составил новый культурно-образовательный центр Судженки. Два конструктивистских здания, расположенных недалеко друг от друга, визуально перекликались между собой.

Помимо широкой сети образовательных и культурно-просветительских учреждений, «новый советский быт» подразумевал развитие системы общественного питания. Фабрики-кухни и механизированные столовые рассматривались архитекторами, экономистами, социологами как альтернатива «кухонной кабале» женщины и средство приобщения бывших крестьян к городскому образу жизни. Строительство первых таких сооружений в Анжеро-Судженске, инициированное Центральным рабочим кооперативом «Углекоп», началось в 1929 г. [19, 20]. В апреле следующего года открылась механизированная столовая в Судженке, а 1 мая – в Анжерке [21, 22]. Во втором здании, помимо кухни и обеденного зала, находились комната отдыха и парикмахерская; производственное помещение было оборудовано стерилизатором, машинами для чистки овощей и резки мяса. Журналисты уверяли, что все это нанесет «крепкий удар по старым корням рабочего быта» [22]. На этом развитие сети общепита не остановилось. В 1931 г. был утвержден проект кухни-столовой на 1 000 обедов в Анжеро-Судженске, составленный новосибирским архитектором Н.М. Фукиным. Она задумывалась как одноэтажное деревянное здание на столбчатом фундаменте, выдержанное в формах «деревянного конструктивизма», с просторным обеденным залом, комнатой отдыха, курительной комнатой и открытой террасой для летнего обслуживания [23. Л. 2–2 об.].

Наконец, на центральной площади Анжеро-Судженска в 1931 г. началось строительство главного общественного здания – Дома Советов (ул. Ленина, 6). Он должен был стать смысловым центром города и его архитектурной доминантой, подчиняющей себе все окружающие постройки. Проект, авторство которого к настоящему времени не установлено, отличался крупными размерами здания (четыре этажа на высоком

цоколе) и оригинальной композицией главного фасада с сильно вынесенным вперед полуцилиндрическим объемом [24]. Внутренний железобетонный каркас обеспечивал свободную планировку этажей, необходимую для размещения зала заседаний и многочисленных административных помещений. Строительство здания шло с большими трудностями, что было отмечено сначала местной прессой, а затем и Западно-Сибирским крайисполкомом, опасавшимся срыва плана работ [25, 26. С. 40]. Завершили Дом Советов лишь в 1938 г. К этому моменту в творческой направленности советской архитектуры произошли изменения, поэтому фасады здания приобрели сдержанное декоративное оформление. Примечательно, что Анжеро-Судженск стал единственным городом Кузбасса, где в довоенный период был построен Дом Советов; аналогичные проекты для Сталинска и Кемерово реализованы не были [1. С. 10].

От домов-коммун к элитному жилью: новые подходы в жилищном строительстве

Итак, с конца 1920-х гг. Анжеро-Судженск обогатился целым рядом новых крупных зданий: больничным комплексом, школами, рабочим клубом, механизированными столовыми, Домом Советов. Вне сомнения, они придали городу более урбанизированный облик. Но, в отличие от культурно-бытового и промышленного строительства, жилищное строительство все еще сильно отставало от потребностей горожан.

Именно для Анжеро-Судженска был выполнен один из самых известных архитектурных манифестов советского авангарда. В декабре 1929 г. студент инженерно-строительного факультета Сибирского технологического института в Томске Н.С. Кузьмин защитил дипломный проект дома-коммуны для рабочих шахты № 5-7 Судженских копей. Эта работа вошла в историю советской и мировой архитектуры как образец яркого, последовательного воплощения идеи «полного обобществления быта» [27. С. 114]. Дом-коммуна был рассчитан на 5 140 жителей и представлял собой огромный автономный комплекс жилых корпусов, культурно-образовательных и медицинских учреждений, связанных между собой переходами. «Социальная установка» проекта предполагала ликвидацию института традиционной семьи, которую Кузьмин считал орудием эксплуатации женщины. Все возрастные группы дома-коммуны (дети, подростки, взрослые, пожилые) объединялись в коллективы. Жизненный путь обитателя поэтапно проходил через ясли, затем – школы интернатного типа, впоследствии – групповые спальни для взрослых и т.д. Все необходимое для жизни имелось внутри дома-коммуны, покидать который почти не было нужды: за его пределами находились лишь рабочее место (шахты) и кладбище. Радикализм Кузьмина был обусловлен его личным взаимодействием с горняками в ходе летних практик. Молодого студента шокировали социальные проблемы, обострившиеся в Анжеро-Судженском поселке, прежде всего алкоголизм и домашнее насилие [27. С. 118].

Амбициозный дипломный проект Н.С. Кузьмина получил положительные отклики в сибирской и сто-

личной печати на волне интереса к обобществлению быта и разработке новых типов жилища, однако по объективным причинам к строительству гигантского дома-коммуны так и не приступили. Уже через несколько лет идеи Кузьмина стали подвергаться резкой критике как пример «вульгарно-упрощенческого понимания» социалистического быта [27. С. 115].

Вместо дома-коммуны Кузьмина в Судженке в 1931–1934 гг. было построено другое жилое здание с нестандартной планировочной структурой – «Дом ударника». Автору удалось установить, что при его строительстве использовался переработанный проект дома-коммуны, составленный в тресте «Сибуголь» в 1930 г. [18. Л. 1]. Претерпело изменения и назначение здания: из дома-коммуны для относительно широких слоев населения оно превратилось в Дом ударника, отведенный для

начальства и передовиков шахты № 5-7. В этом отразилось стремление советской власти к формированию новой «рабочей аристократии».

Дом состоял из двух параллельных жилых корпусов и блока с общественно-бытовыми помещениями. Блок примыкал к восточному жилому корпусу, а с западным был связан надземным переходом (рис. 3). В доме находились общежитие на 180 холостых и 24 квартиры для семейных горняков. В каждой квартире имелись кухня, уборная, душ. Общественно-бытовой блок включал в себя столовую, два магазина, читальню, спортивный зал, кружковые комнаты, парикмахерскую и другие обслуживающие помещения [28, 29]. Словом, это был своеобразный «город в городе», отчасти напоминавший проект Н.С. Кузьмина.



Рис. 3. Дом ударника в Анжеро-Судженске. Фотография 1930-х гг. Личный архив Д.П. Несмеяновой

«Дом этот виден издали. Четырехэтажный и многооконный, с четкими и мягкими линиями фасада, он горделиво высылался над Судженкой. В доме живут знатные люди шахты...» – писала газета «Советская Сибирь» [30]. Его часто посещали высокопоставленные гости, в том числе управляющий Анжеро-Судженским рудником А.А. Шестов и председатель горсовета М.А. Михалев. Но, несмотря на внимание со стороны властей, жилой дом сдали в эксплуатацию с недоделками и без запроектированных общественных помещений. Пресса обвинила руководство рудника и шахты № 5-7 в том, что они «безответственно и нечутко» отнеслись к культурно-бытовому обслуживанию жильцов [30]. И все же Дом ударника был самым престижным жильем в Анжеро-Судженске, его фотографии публиковались в отраслевых изданиях как пример «социалистической реконструкции» города [15. С. 257; 31. С. 25]. В 1940-х гг. Дом ударника лишился своего функционального назначения, став частью промышленного комплекса (стекольный завод). Впоследствии был снесен западный жилой корпус с крытым переходом, и здание утратило первоначальный облик. В 2024 г.

этот неординарный памятник конструктивистской архитектуры находился в полуразрушенном состоянии.

После того как ударники получили свой жилой дом, настал черед инженерно-технических работников. Для них в 1935–1936 гг. был построен «Дом специалистов» на территории Десятой колонии (ул. Максима Горького, 26) [32]. Возведение этой категории жилых зданий было инициировано совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1932 г. «О постройке домов для специалистов». Сравнительно небольшая по размерам трехэтажная постройка представляла собой общежитие коридорного типа с невыразительным внешним видом. Во многих отношениях она уступала Дому ударника, но бытовых удобств здесь было достаточно, чтобы маркировать престижный социальный статус жильцов.

Градостроительные задачи и проблемы

Все упомянутые выше здания и комплексы строились в Анжеро-Судженске без привязки к какому-либо генеральному плану. Его разработка сильно осложня-

лась тем, что значительная часть города располагалась на угленосных площадях. Ввиду отсутствия генплана процесс застройки практически не регулировался, лишь иногда проводились мероприятия по благоустройству, распланировке (спрямлению) улиц и сносу ветхих строений [29]. При этом местные власти, следуя директивам сверху, неоднократно заявляли о необходимости скорейшего завершения «социалистической реконструкции» города. Для достижения цели использовались самые разные методы: от добровольно-принудительного привлечения горняков на субботники до выпуска городского облигационного займа, впоследствии признанного незаконным [33, 34].

В 1934 г. бригада новосибирского отделения треста «Горстройпроект» завершила работу над проектом реконструкции Анжеро-Судженска. Предусматривалось создание центральной городской площади, вокруг которой планировались Дом Советов, театр, библиотека с музеем, гостиница с универмагом в первом этаже. Рядом с площадью разбивался городской парк. В северной части Анжеро-Судженска предполагалось построить «соцгород» с трехэтажными каменными жилыми домами, пожарным депо, районным советом, Домом связи, рабочим клубом, кинотеатром и другими социально значимыми объектами [35]. В городской газете «Борьба за уголь» публиковались рисунки с проектов зданий, развертки будущих улиц и площадей. Однако проект, выполненный новосибирскими архитекторами, так и не был утвержден. В итоге Анжеро-Судженск на долгое время остался без генерального плана, как, впрочем, и почти все остальные города Кузбасса (в 1930-х гг. генплан был утвержден только для Сталинска). Из множества построек, намеченных в проекте реконструкции, были осуществлены лишь единицы.

Кризисные явления, сопутствовавшие новому строительству в Анжеро-Судженске, были затронуты в статье чиновника М.П. Христоробова, опубликованной в 1935 г. в журнале «Социалистический город». Автор упомянул, что «...город развивался без плана, дома строились главным образом стандартные (лишь бы как-нибудь обеспечить население жильем), а к благоустройству города не было внимательного и серьезно-го подхода. Отсутствие плановости в застройке отчасти объясняется тем, что селитебная часть расположена в черте отвода участков под новые шахты <...> Низкое качество работы, медлительность в строительстве, постоянные переделки, слабое использование механизмов и ряд других упущений приводят к удорожанию строительства...» [31].

Причины этих затруднений Христоробов видел в том, что строительство в городе велось преимущественно рудоуправлением. Он предложил передать жилищно-коммунальное и культурно-бытовое строительство отдельной организации, подчиненной напрямую горсовету. При этом в редакционной сноске отмечалось, что предложение автора является «спорным» [31]. В действительности такая организация – Анжеро-Судженский горстройтрест – уже существовала, но ее возможности были сильно ограничены. Так, например, в 1936 г. в распоряжении горстройтреста было 30 лошадей, тогда как требовалось 630 лошадей

и 10 автомашин. Ежедневно на строительстве объектов нужно было задействовать 800 человек, но к концу 1936 г. работали только 378 [2. С. 44–45]. Эти сведения, приведенные в статье С.С. Духанова, демонстрируют слабость местных строительных организаций и откровенное безразличие вышестоящих органов власти.

В 1939 г. вопросами планировки и строительства городов Кузбасса занималась межведомственная комиссия, в которую вошли представители наркоматов топливной промышленности и коммунального хозяйства, а также организаций Новосибирской области (в ее границах тогда находился Кузбасс). Согласно выводам комиссии, будущее развитие Анжеро-Судженска должно было пойти к востоку от существующей застройки. Рядом с новыми предприятиями проектировались «отдельные городки». Залежи угля под существующими капитальными сооружениями подлежали консервации с возможностью дальнейшей выработки [36]. Иначе говоря, комиссия предложила частичный перенос города, явно не учитывая наличие уже построенных крупных социальных объектов. Никакого последующего решения по этому вопросу принято не было.

Пока различные ведомства и проектные организации обсуждали перспективы реконструкции Анжеро-Судженска, жители города продолжали ютиться в бараках и избах, а единственным полноценно благоустроенным жильем оставался элитный Дом ударника. В 1937 г. средняя обеспеченность жильем в Анжеро-Судженске составила 3,1 м² на одного человека, фактически не изменившись с 1931 г. [29; 37. С. 303], что было гораздо ниже установленной в РСФСР санитарной нормы в 9 м² на человека. Тем временем численность населения города непрерывно росла и достигла на 1 января 1938 г. более 71 тыс. жителей [38. С. 47]. Несмотря на очевидную непоследовательность и незавершенность архитектурной реконструкции Анжеро-Судженска, она подавалась в пропагандистских материалах как вполне удачная. В качестве примера можно привести фрагмент из беллетризованного дневника журналиста В.И. Мрачковского (1935):

«Я хожу по старым, издавна знакомым, близким и родным местам, но ничего не могу узнать. На горе, за Новой деревней, мы в детстве бегали за грибами, за малиной. Теперь здесь площадь с огромными многоэтажными корпусами – больница. За [речкой] Анжерой была тайга, в которой скрывались когда-то партизаны, а теперь там – рабочие кварталы новых домов с большими окнами. В центре, против ЦЭС, гигант – Дворец горняка, кино, клубы, школы, да какие школы! С огромными окнами, с водопроводом, с паровым отоплением, а не прежние, полусгнившие, жалкие бараки.

Я хожу и повторяю:

– Нет старой дореволюционной Анжерки. Есть новый советский город – Анжеро-Судженск» [39. С. 230].

Заключение

К концу 1930-х гг. Анжеро-Судженск стал одним из крупнейших населенных пунктов Кузбасса, однако принципы его планировки и застройки не претерпели существенных изменений с дореволюционного перио-

да. Молодой город остался конгломератом неблагоустроенных рабочих поселков с отдельными вкраплениями больших общественных зданий и комплексов. Кризисные явления, которые наметились в городском строительстве в 1920-е гг., так и не были решены в течение следующего десятилетия. Реконструкция Анжеро-Судженска с самого начала носила половинчатый характер, что было вызвано доминированием ведомственных интересов, остаточным принципом финансирования гражданского строительства, ограниченными возможностями местных властей, задержкой в разработке генплана. Это ярко отразилось в жилищном строительстве, где был взят курс на возведение единичных элитных домов для «рабочей аристократии». Накопление отрицательных моментов в архитектурно-градостроительном процессе конца 1920-х – 1930-х гг. сказывается на развитии Анжеро-Судженска и сегодня.

Вместе с тем архитектурную реконструкцию города нельзя назвать сугубо символической. В Анжеро-Судженске появился целый ряд значимых объектов: больница, школы, рабочий клуб и др. Почти все они были выдержаны в формах конструктивизма – авангардного направления советской архитектуры. Большинство зданий было построено по типовым проектам, но два объекта – Дом Советов и Дом ударника – можно назвать уникальными для архитектуры городов Кузбасса, поскольку они не имеют аналогов в регионе. И хотя построить социализм в отдельно взятом городе не получилось, новые общественные, производственные и жилые здания выполняли немаловажную роль в урбанизационном процессе. Они в той или иной степени способствовали формированию «советского горожанина» и определили новый облик Анжеро-Судженска – промышленного центра регионального значения, каким он оставался вплоть до конца XX в.

Список источников

- Захарова И.В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг. : материалы к своду памятников архитектуры Кемеровской области. Кемерово : АРФ, 2005. 104 с.
- Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38–55.
- Кружинов В.М., Сокова З.Н. Сибирский город в начале «великого перелома» (на материалах Тюмени) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 50–57.
- Атапин И.И. Социалистический город Тырган: историко-архитектурный очерк // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 20–26. doi: 10.17223/19988613/82/2
- Анищенко Е.А. Этапы формирования города Анжеро-Судженска на базе промышленных производств (конец XVIII – XIX вв.) // Ноэма (Архитектура. Урбанистика. Искусство). 2019. № 3. С. 9–16.
- Сеняевский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М. : Наука, 2003. 286 с.
- Нагнибеда В.Я. Томская губерния : стат. очерк. 2-е доп. изд. Томск : Нар. тип. № 3, 1921. Вып. 2. 27 с.
- Шнейдер А.Р. Округа и районы Сибирского края. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 158 с.
- Санитарное состояние Анжеро-Судженского района. Жилищные условия и рабочие поселки // Красное знамя. 1924. 4 нояб.
- Трофимович П. Пути к оздоровлению быта // Красное знамя. 1926. 3 июля.
- Тихомиров Б. Строительство городов Кузбасса // Коммунальное дело. 1930. № 3. С. 80–83.
- Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 51.
- ГАО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 59.
- Смирнов П. Товарищ Семашко на копиях // Красное знамя. 1928. 7 июня.
- Циприс Б. Города Кузбасса // Вторая угольная база СССР Кузбасс : сб. ст. / под общ. ред. М.С. Строилова. Новосибирск [и др.] : Гос. ОНТИ, 1936. Ч. 2, кн. 2: Техника производства и экономика Кузбасса. С. 250–270.
- [Проект электростанции в Анжерке] // Советская Сибирь. 1929. 6 сент.
- Теплов Н. По ходатайству Надежды Константиновны // Борьба за уголь. 1969. 26 февр.
- Новосибирский городской архив. Ф. 798. Оп. 5. Д. 5.
- Общественное питание у горняков не двигается с места // Красное знамя. 1928. 3 янв.
- Из-под власти кухни // Красное знамя. 1929. 3 марта.
- В Судженке на шахте 5-7 открылась столовая на 4 000 обедов // Красное знамя. 1930. 13 апр.
- 1 мая в Анжерке открылась столовая на 400 человек // Красное знамя. 1930. 6 мая.
- ГАО. Ф. Р-204. Оп. 3. Д. 758.
- [Проект Дома Советов] // Борьба за уголь. 1934. 20 мая.
- Плотников В. Контора пишет... // Советская Сибирь. 1935. 24 июля.
- В обл- и крайисполкомах // Наше строительство. 1936. № 23. С. 40–41.
- Невзгодин И.В. «Музыка будущего» – дипломный проект Н.С. Кузьмина // Николай Кузьмин : к 100-летию со дня рождения : сб. ст. и материалов. М., 2005. С. 113–134.
- Дом шахтеров-ударников // Советская Сибирь. 1934. 12 нояб.
- Благоустройство города в цифрах // Борьба за уголь. 1934. 21 нояб.
- Иванов С. Дом на Судженке // Советская Сибирь. 1935. 18 янв.
- Христолюбов [М.П.]. Город Анжеро-Судженск // Социалистический город. 1935. № 12. С. 25–26.
- [Дом специалистов, выстроенный на 10-й колонии] // Борьба за уголь. 1936. 15 нояб.
- Открытое письмо бригады тов. Моргунова // Борьба за уголь. 1933. 12 окт.
- Суд // Борьба за уголь. 1935. 12 июля.
- Чуг. В. Будущее лицо Анжеро-Судженска (проект реконструкции города) // Борьба за уголь. 1934. 8 апр.
- Малкин Г. Планировка и строительство городов Кузбасса // Советская Сибирь. 1939. 29 сент.
- Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск : Наука, 1982. 425 с.
- Новосибирская область: экономико-географическое описание. Новосибирск : Новосиб. обл. изд-во, 1939. 250 с.
- Мрачковский В.И. Город на угле. Из дневника // Сибирские огни. 1935. № 1. С. 213–230.

References

- Zakharova, I.V. (2005) *Arkhiturnoe nasledie Kuzbassa 1910–1930-kh gg.: Materialy k svodu pamyatnikov arkitektury Kemerovskoy oblasti* [Architectural heritage of Kuzbass in the 1910s–1930s: Materials for the register of architectural monuments of the Kemerovo region]. Kemerovo: ARF.

2. Dukhanov, S.S. (2017). Problemy “nedostroennogo goroda” v Zapadnoy Sibiri 1930-kh gg. [Problems of the “unfinished city” in Western Siberia in the 1930s]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 38–55.
3. Kruzhinov, V.M. & Sokova, Z.N. (2021) Siberian city at the beginning of “great break” (on the materials of Tyumen). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 72. pp. 50–57. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/72/7
4. Atapin, I.I. (2023) Sotsialisticheskiy gorod Tyrgan: Istoriko-arkhitekturnyy ocherk [The socialist city of Tyrgan: A historical-architectural essay]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 20–26. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/82/2
5. Anishchenko, E.A. (2019) Etapy formirovaniya goroda Anzhero-Sudzhensk na baze promyshlennykh proizvodstv (konets XVIII – XIX vv.) [The stages of the formation of Anzhero-Sudzhensk based on industrial production (late 18th–19th centuries)]. *Noema (Arkhitektura. Urbanistika. Iskustvo)*. 3. pp. 9–16.
6. Senyavskiy, A.S. (2003) *Urbanizatsiya Rossii v XX veke: Rol' v istoricheskom protsesse* [Urbanization in Russia in the 20th century: Its role in the historical process]. Moscow: Nauka.
7. Nagnibeda, V.Ya. (1921) *Tomskaya guberniya: Stat. ocherk* [Tomsk province: A statistical essay]. 2nd ed. Vol. 2. Tomsk: Narodnaya tip. No. 3.
8. Shneyder, A.R. (1930) *Okruga i rayony Sibirskogo kraya* [Districts and regions of Siberia]. Novosibirsk: Sibkrazizdat.
9. *Krasnoe znamya*. (1924) Sanitarnoe sostoyanie Anzhero-Sudzhenskogo rayona. Zhilishchnye usloviya i rabochie poselki [Sanitary condition of the Anzhero-Sudzhensk district: Housing conditions and workers' settlements]. 4th November.
10. Trofimovich, P. (1926) Puti k ozdorovleniyu byta [Ways to improve living conditions]. *Krasnoe znamya*. 3rd July.
11. Tikhomirov, B. (1930) Stroitel'stvo gorodov Kuzbassa [The construction of cities in Kuzbass]. *Kommunal'noye delo*. 3. pp. 80–83.
12. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1353. List 1. File 51.
13. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1353. List 1. File 59.
14. Smirnov, P. (1928) Tovarisshch Semashko na kopyakh [Comrade Semashko in the mines]. *Krasnoe znamya*. 7th June.
15. Tsipris, B. (1936) Goroda Kuzbassa [The Cities of Kuzbass]. In: Stroilov, M.S. (ed.) *Vtoraya ugol'naya baza SSSR Kuzbass* [The Second Coal Base of the USSR, Kuzbass]. Vol. 2(2). pp. 250–270. Novosibirsk: ONTI.
16. *Sovetskaya Sibir'*. (1929) [Proekt elektrostantsii v Anzherke] [Project of a power plant in Anzherka]. 6th September.
17. Teplov, N. (1969) Po khodataystvu Nadezhdy Konstantinovny [At the request of Nadezhda Konstantinovna]. *Bor'ba za ugol'*. 26th February.
18. The Novosibirsk City Archive. Fund 798. List 5. File 5.
19. *Krasnoe znamya*. (1928) Obshchestvennoye pitaniye u gornikov ne dvigaetsya s mesta [Public catering for miners is not moving forward]. 3rd January.
20. *Krasnoe znamya*. (1929) Iz-pod vlasti kukhni [Out from under the power of the kitchen]. 3rd March.
21. *Krasnoe znamya*. (1930a) V Sudzhenke na shakhte 5-7 otkrylas' stolovaya na 4 000 obedov [In Sudzhenka, a canteen for 4,000 meals opened at Mine 5-7]. 13th April.
22. *Krasnoe znamya*. (1930b) 1 maya v Anzherke otkrylas' stolovaya na 400 chelovek [On May 1, a canteen for 400 people opened in Anzherka]. 6th May.
23. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-204. List 3. File 758.
24. *Bor'ba za ugol'*. (1934a) [Proekt Doma Sovetov] [Project of the House of Soviets]. 20th May.
25. Plotnikov, V. (1935) Kontora pishet... [All systems go . . .]. *Sovetskaya Sibir'*. 24th July.
26. Anon. (1936) V obl- i krayispolkoma [In the regional and territorial executive committees]. *Nashe stroitel'stvo*. 23. pp. 40–41.
27. Nevzgodin, I.V. (2005) “Muzyka budushchego” – diplomniy proekt N.S. Kuzmina [“Music of the future” – N.S. Kuzmin's diploma project]. In: *Nikolay Kuzmin: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Nikolay Kuzmin: For the 100th anniversary of his birth]. Moscow: [s.n.]. pp. 113–134.
28. *Sovetskaya Sibir'*. (1934) Dom shakhterov-udarnikov [House of strike-worker miners]. 12th November.
29. *Bor'ba za ugol'*. (1934b) Blagoustroystvo goroda v tsifrakh [Urban improvement in numbers]. 21st November.
30. Ivanov, S. (1935) Dom na Sudzhenke [The house in Sudzhenka]. *Sovetskaya Sibir'*. 18th January.
31. Khristolyubov, M.P. (1935) Gorod Anzhero-Sudzhensk [The city of Anzhero-Sudzhensk]. *Sotsialisticheskiy gorod*. 12. pp. 25–26.
32. *Bor'ba za ugol'*. (1936) [Dom spetsialistov, vystroennyy na 10-y kolonii] [House of Specialists built in the 10th colony]. 15th November.
33. *Bor'ba za ugol'*. (1933) Otkrytoye pis'mo brigady tov. Morgunova [Open letter from Comrade Morgunov's brigade]. 12th October.
34. *Bor'ba za ugol'*. (1935) Sud [Court]. 12th July.
35. Chug, V. (1934) Budushchee litso Anzhero-Sudzhenska (proekt rekonstruktsii goroda) [The future face of Anzhero-Sudzhensk (city reconstruction project)]. *Bor'ba za ugol'*. 8th April.
36. Malkin, G. (1939) Planirovka i stroitel'stvo gorodov Kuzbassa [Planning and construction of cities in Kuzbass]. *Sovetskaya Sibir'*. 29th September.
37. Moskovskiy, A.S. (1982) *Rabochiy klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [The Siberian working class during the construction of socialism (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka.
38. Burlakov, M.S. et al. (eds) (1939) *Novosibirskaya oblast': Ekonomiko-geograficheskoe opisanie* [Novosibirsk Region: An Economic-Geographical Description]. Novosibirsk: Novosibirskoe obl. izd-vo.
39. Mrachkovskiy, V.I. (1935) Gorod na ugle. Iz dnevnika [A city on coal: From a journal]. *Sibirskie ogni*. 1. pp. 213–230.

Сведения об авторе:

Атапин Иван Ильич – старший лаборант деканата факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ivatapin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Atapin Ivan I. – Senior Laboratory Assistant, Dean's Office, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ivatapin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.12. 2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 03.12. 2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья
УДК 343.264(571.56)«18»
doi: 10.17223/19988613/94/2

Ссылка в управлении якутского областного начальника (первая половина XIX в.)

Айсен Данилович Васильев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук, Якутск, Россия, aysen_vasilev@mail.ru*

Аннотация. Впервые в отечественной истории на основе вновь вводимых в научный оборот архивных данных Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Саха (Якутия) рассматриваются обязанности областного начальника по управлению политической и религиозной ссылкой на северо-восточной окраине Российской империи – в Якутии – в первой половине XIX в. Отмечается, что отдаленность от политических центров, как столичных так и регионального – г. Иркутска, сложность структуры управления Якутской областью и личные качества начальника региона наложили отпечаток на надзор за ссыльнопоселенцами.

Ключевые слова: Сибирь, Якутская область, управление, областной начальник, политическая ссылка, религиозная ссылка, ссыльнопоселенцы

Для цитирования: Васильев А.Д. Ссылка в управлении якутского областного начальника (первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 14–19. doi: 10.17223/19988613/94/2

Original article

Exile in the management of the Yakut regional head (first half of the 19th century)

Aisen D. Vasilev

*Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences. Yakutsk, Russian Federation, aysen_vasilev@mail.ru*

Abstract. The article contains a study on the issues of political and religious exile in the first half of the 19th century on the northeastern outskirts of the Russian Empire - Yakutsk Oblast in the management of the “owner” of the entrusted region - the regional head. The study was carried out on the basis of new archival data from the funds of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) and the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk); in particular, office-work documents were used – annual reports of regional heads, in which information on the exiles was presented to the highest authorities. Other sources – memoirs and letters of political exiles - Decembrists, who were in the settlement in the Yakutsk region. The issues of organizing links in Siberia and its problems are considered, for example, the lack of personnel and the need to increase the stages. In the absence of a duality of punishment in Yakutia, where they were sent only to the settlement, the local administration was also engaged in monitoring criminals sent to hard labor in other regions of the empire. Exiles begin to play a special role in the activities of the regional chief from the second quarter of the 19th century, which is associated with the Decembrist events of 1825 and the development of the movement of eunuchs across Russia. Despite the fact that Yakutia has become a place of mass exile for religious criminals since the middle of the 19th century, regional heads paid special attention to issues of control over this category of exiles. The article covers multi-level supervision over state criminals, which is associated with the dependence of the Yakut chief on the central and regional authorities (governors-general of Siberia and Irkutsk civil governors). The Yakut regional chiefs were obliged to deal with the placement of the exiles, the organization of their registration, isolation, the creation of control over correspondence, however, other cases were observed in the process of supervising the exiles. Thus, between the regional head N.I. Miyagkov and the Irkutsk civilian governor I.B. Zaydler, to whom the first should have been directly reported, there was a conflict over the supervision of the Decembrists. The author links this phenomenon with the personal qualities of the Yakut chief, his liberal views, loyalty to the Decembrists, and, on the other hand, with the complexity of the governance structure of the Yakutsk region, its remoteness from political centers.

Keywords: Siberia, Yakutsk region, control, regional chief, political link, religious link, exiled settlers

For citation: Vasilev, A.D. (2025) Exile in the management of the Yakut regional head (first half of the 19th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 94. pp. 14–19. doi: 10.17223/19988613/94/2

В 1805 г. северо-восточная окраина Российской империи, отдаленная и огромная по площади Якутия, получила статус административно-территориальной единицы – области, которая являлась промежуточным уровнем между губернией и уездом. В отличие от губернской формы управления область характеризовалась не только «усеченным» составом учреждений и малочисленностью чиновников, но и иной спецификой организации управления, что было обусловлено приграничным расположением территории и этническими особенностями. В связи с этим области учреждались исключительно на окраинах государства. В «Сибирском учреждении» 1822 г. М.М. Сперанского об образовании областей указывалось: «...по малому их населению и по роду обывателей не могут составить губернию, а по обширности их и удалению одного окружного управления было бы для них недостаточно», – что говорит о том, что административно-территориальная единица «область» являлась «приспособлением губернского к местным обстоятельствам» [1. С. 83].

Во главе Якутской области был поставлен областной начальник, который являлся председателем областного гражданского правления – областного правления. Это был новый институт власти в административной практике российского правительства. В последующем данная форма власти учреждалась в Западной Сибири и на Кавказе, где в отличие от Якутии присутствовала военная специфика управления. Якутия в первой половине XIX в. продолжала административно подчиняться Иркутской губернии; соответственно, областные начальники непосредственно были зависимы от Иркутского гражданского губернатора и Сибирского генерал-губернатора (с 1822 г. – Восточно-Сибирского). Данные положения без особых изменений продержались до 1852 г., когда область стала существовать на правах губернии, и ею стал управлять гражданский губернатор.

Важнейшую часть деятельности областного начальника Якутии в условиях периферийности и крайне удаленности региона от центра составлял полицейский надзор. Якутский край, отдаленная сибирская окраина с огромной территорией и сложными климатическими условиями, еще с XVII в. был определен местом уголовной и политической ссылки, выполнял, таким образом, важную роль в пенитенциарной политике Российского государства. Однако в первой половине XIX в. двойственность природы наказания, обусловленная двумя системами управления осужденными, не распространялась на Якутскую область. Якутия в рассматриваемый нами исторический период являлась регионом исключительно для поселения ссыльных, а не исправления каторжных работ.

Основополагающей нормативно-правовой базой формирования централизованного управления сибирской ссылкой в начале XIX в. и первым кодексом сибирской ссылки являлось «Сибирское учреждение» с уставами «о ссыльных» и «об этапах в сибирских губерниях» 1822 г. Ссыльные, которые были определены на поселение, разделялись на шесть категорий: «1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года; 2) дорожные рабо-

чие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения; 3) ремесленники; 4) слуги; 5) поселенцы – причисляемые к деревням старожилов или водворяемые в новых поселениях, и 6) неспособные» [2. С. 372].

Управление ссыльными было возложено на все уровни сибирского управления в зависимости от их властной компетенции: «главное (генерал-губернаторство), губернское, окружное, волостное и инородное» [1. С. 374]. В случае с Якутским краем существовал еще один промежуточный уровень между губернией и округом – областное в связи административной подчиненностью Иркутской губернии.

На основании Сибирской реформы 1822 г. этапирование всех сосланных в Сибирь проходило через г. Тобольск, где определялось окончательное место их ссылки. Всего было организовано четыре экспедиции о ссыльных: тобольская, томская, енисейская и иркутская [3. С. 98–99]. В экспедициях о ссыльных, которые являлись отделениями губернских управлений, акмулировались все дела по управлению ссылкой. Однако на практике из-за нехватки штатных единиц в Иркутской экспедиции в 1832 г. основными делами ссылки занималось Общее присутствие губернского правления [4].

Сухопутным маршрутом, соединявшим города Иркутск и Якутск, являлся Иркутский тракт. В начале 30-х гг. XIX в. было донесено в Сибирский комитет от генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского предложение Иркутского гражданского губернатора И.Б. Цейдлера об учреждении к существовавшим 14 этапам данного тракта еще трех этапов в связи со случившимися побегам и грабежами из числа ссыльных [5].

Этапов по Якутии не имелось, однако в Якутске находились ссыльные, осужденные за особо тяжкие преступления, которые были пересланы из Иркутска в Охотский солеваренный завод на каторжные работы. Отправляемые в Охотск преступники содержались в Тюремном остроге Якутска, ожидая отправления весной или в июне месяце из-за «трудности Охотского тракта и суровости климата». Якутский острог, открытый в 1829 г., при правлении якутского областного начальника Н.И. Мягкова, вмещал в себя как гражданских арестантов, так и особое отделение для гаупвахты. Ссыльные, находясь временно в Якутске, «бывали употребляемы в теплое время на исправление улиц или площадей против казенных и общественных зданий или церквей, или же частных домов за платеж плаката, обращавшего в общую пользу острога». Вместе с тем серьезные опасения со стороны сибирских властей вызывали побеги заключенных Тюремного острога и ссыльнокаторжных Охотского солеваренного завода, которые зачастую попадали в соседнюю Якутскую область. Сведения о случившихся побегах, предпринятых мерах по поимке беглецов и передаче их суду включались в ежегодные отчеты якутского областного начальника перед центральной властью [6, 7].

20-е гг. XIX в. ознаменовались в Сибири не только внедрением Сибирской реформы М.М. Сперанского, но и началом нового витка отправления ссыльных на

поселение в Азиатскую Россию. Якутская ссылка и в целом история Сибири второй четверти XIX в. прочно ассоциируются с событиями декабря 1825 г. Первая партия «государственных преступников» прибыла в Якутию 16 сентября 1826 г., при правлении вновь вступившего в должность областного начальника Якутии Н.И. Мягкова. В Сибирь было сослано 124 революционера, основная их часть была отправлена в Восточную Сибирь [8]. Якутская окраина стала местом для отбывания наказания А. Бестужевым-Марлинским, Н. Бобринцевым-Пушкиным, А. Андреевым, М. Муравьевым-Апостолом, А. Веденяпиным, Н. Заикиным, М. Назимовым, С. Краснокутским, Н. Чижевым, З. Чернышевым, П. Выгодским [9. С. 10–24]. В Якутскую область отправлялись как осужденные непосредственно на поселение, так и те, кто после окончания каторжных работ должен был быть отправлен на поселение в Сибирь. Кроме того, область стала местом для водворения декабристов, которым сократили сроки каторги или освободили от каторжных работ [10. С. 154].

«Устав о ссыльных» 1822 г., определявший положение осужденных в Сибири, не регламентировал категорию декабристов. Нормативно-правовой базой условий их содержания являлись указы императора и разработанные на основании данных рескриптов особые положения III отделения, Генерального штаба, Военного министерства, Министерства внутренних дел, почтового ведомства и временного особого комитета. Существование нескольких распорядителей «нередко приводило к несогласованности и даже противоречивости требований и действий». Главный надзор над декабристами был окончательно сосредоточен только в 1828 г. в руках шефа Третьего отделения его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов [11. С. 110].

Весьма важную роль играло управление на местах, что было обосновано удаленностью Сибири от Санкт-Петербурга. Контроль над ссыльными декабристами в Якутии характеризовался особенными сложностями с точки зрения организации сибирской власти. В Сибири общий надзор над ссыльными дворянами в Якутии поручался генерал-губернатору Восточной Сибири, который подчинялся Третьему отделению. Исследователи считают, что «компетенция генерал-губернатора по установлению и соблюдению режима политической ссылки ограничивалась распоряжениями самого императора, а впоследствии и шефа жандармов», и что генерал-губернатору были присущи прежде всего надзирательные функции [2. С. 325]. Непосредственный, местный уровень управления над «государственными преступниками» на областном уровне принадлежал якутским областным начальникам. Однако в условиях административной подчиненности области от Иркутской губернии областные начальники Якутии по вопросам надзора над декабристами обязаны были подчиняться иркутскому гражданскому губернатору.

Направленные из Иркутска ссыльные отправлялись на поселение в различные уголки Якутии. Так, в отношении определенного на поселение в г. Вилюйск декабриста М.И. Муравьева-Апостола, доставленного из Иркутска, начальник Якутской области Н.И. Мяг-

ков предписывал вилюйскому окружному исправнику: «водворить в Вилюй», «за поведением его иметь неослабный и строгий надзор, донося мне о том с каждой почтой» [12. С. 92].

Декабристы писали и получали письма, а также вещи от родных и близких им людей. М.И. Муравьев-Апостол, находившийся в Вилюйске, за год получил 36 писем. Поскольку почта из Якутска в Вилюйск отправлялась редко, за один раз декабрист получал по 6–7 писем. Письма, отправленные на имя М.И. Муравьева, получал в Якутске областной начальник. Запрещалось высылать письма частным образом, т.е. через купцов, обывателей, которые отправлялись из Вилюйска в Якутск чаще, чем полицейские чиновники. Мягков писал вилюйскому окружному исправнику о том, чтобы Муравьев присылал письма ему: «...кои и должны вы представлять ко мне для доставления Иркутскому гражданскому губернатору». Аналогично было и при получении писем и вещей от родственников [12].

В 1826 г. случилась курьезная ситуация между Н.И. Мягковым и Иркутским губернатором Цейдлером касательно декабристского надзора. Военный министр предписал якутскому областному начальнику Мягкову ежемесячно доносить информацию о поведении декабристов в Якутской области в Главный штаб на имя императора. Когда Цейдлер обратился к Мягкову с аналогичным предписанием отправлять сведения о государственных преступниках ему в Иркутск, якутский областной начальник ответил, что «не почитает себя в его ведомстве», а будет действовать исключительно по предписанию военного министра [13. С. 45].

Иркутский гражданский губернатор обратился с запросом к генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому: «...ответствует ли гражданский губернатор за тех, которые в Якутской области, или считать их как в другой губернии». «Сосланные в Якутскую область преступники, – писал Цейдлеру Лавинский, – принадлежат особенному надзору и наблюдению Вашему так же, как и все прочие, в Иркутскую губернию отправленные, и вы, имея в виду ясные отнесительно сих преступников правила, можете вразумить г. якутского областного начальника, что ни цель сих правил, ни самый порядок подчиненности, Сибирским учреждением определенный, и никакие частные предписания, прямо к нему посылаемые, не дают ему ни малейшего права уклоняться без нарушения своей обязанности от точного и неукоснительного исполнения Ваших предложений» [13. С. 46].

Однако Мягков, не успевший получить «вразумления», как отмечает Б.Г. Кубалов, уже во второй раз начинает отстаивать свою самостоятельность по декабристскому надзору. Военный министр А.И. Татищев указывал Мягкову, что «сведения об Андрееве, Веденяпине, Назимове и Заикине как сосланных в Иркутскую губернию должен представлять государю иркутский губернатор», а о находившихся в области – областной начальник. Но Андреев был переведен в Олекминск Якутской области, соответственно, подавать отчет о нем обязан был согласно приказу мини-

стра якутский областной начальник, а не иркутский гражданский губернатор. При этом совместно с Андреевым жил и Н. Чижев, о поведении которого, согласно предписанию военного министра, должен был представлять сведения Мягков. Таким образом, сложилась ситуация, когда о двух декабристах, находившихся в одном поселении, обязаны были отчитываться иркутский губернатор – по Андрееву, и якутский областной начальник – по Чижев. Поэтому военный министр изъяснил Мягкову, что сведения об Андрееве должен представлять теперь начальник Якутской области, поскольку что он был отправлен в Олекминск, который входил в состав данной области [13. С. 46].

Лавинский, узнав об этом, писал Мягкову следующее: «Ежели бы донесение ваше к г. военному министру не было сделано в противность законного порядка мимо меня и не заключало в себе такого смысла, будто бы Якутская область составляет совершенно отдельное управление от Иркутской губернии, и изъясненное разрешение, конечно, от военного министра последовать бы не могло». Генерал-губернатор Восточной Сибири поспешил изъяснить военному министру: «...по ошибочному понятию своему изъяснился насчет Якутской области в таком смысле, как будто бы она составляла совершенно отдельное от Иркутской губернии управление, тогда как область сия... во всех отношениях подведомственна иркутскому общему губернскому управлению», – и полагал, что «обо всех государственных преступниках, в Иркутскую губернию на поселение сосланных и в разные округа размещенных, гораздо приличнее было бы посылать донесение от лица иркутского губернатора» [13. С. 46–47].

Сложившаяся ситуация по декабристскому надзору объясняется отдаленностью края, сложностью иерархии сибирской власти, из-за чего возникала неясность властных компетенций [14. С. 142–143], а также личностным фактором. Недавно определенный чиновник из сановного Петербурга, удостоившийся перед отправлением в Якутск аудиенции императора Николая I в Зимнем дворце совместно с Бессарабским гражданским губернатором В.Ф. Тимковским, а также поддержанный лично министром внутренних дел В.С. Ланским, вполне вероятно, видел себя полноправным губернатором [15]. Еще одной особенностью личности Мягкова являются его либеральные взгляды. Якутский областной начальник проявлял к декабристам сочувствие, всячески пытаясь облегчить их участь в сибирском заточении. Г.А. Попов отмечал: «Сосланные в Якутск декабристы в лице начальника края Н. Мягкова нашли отзывчивого и доброжелательного администратора. Он по силе возможности смягчал положение ссыльных и этим не раз навлекая на себя неудовольствие Иркутских властей» [16. С. 96–97].

Б.Г. Кубалов пишет, что Мягков видел «в лице сосланных государственных преступников Краснокутского, Чернышева и Бестужева образованных, талантливых и воспитанных людей, способных внести оживление в общество и придать ему особый блеск». Якутский областной начальник приглашал декабристов на балы и торжественные обеды, где государственные преступники были в центре общего внимания. Якутский

городничий Слежановский отмечал: «На случающиеся у Мягкова балы, где быв они в полной мере г. Мягким в виде знаменитых особ уважаемы, и играя они недозволенную роль, занимали первые места и танцевали с приглашенными на бал дамами», «приглашал их в числе штаб- и обер-офицеров, и также почтеннейших граждан к обеденному столу в высокаторжественные дни» [13. С. 51].

«Дружелюбное отношение» Н.И. Мягкова к декабристам в Якутской ссылке отразилось в воспоминаниях и письмах «государственных преступников». М.И. Муравьев-Апостол в своих записках о Сибири писал: «...был так обязателен, что не только предложил мне воспользоваться его седлом до Вилюйска, но и разрешил служившему у него молодому чиновнику, брату вилюйского комиссара, сопутствовать мне до места назначения для свидания с братом»; «Областной начальник Мягков был так добр, что прислал мне в виде лакомства огромного размера туяз, по нашему бурак, из березовой коры, с замороженными щами. Вид давно забытой капусты напомнил мне родину и былое время» [17. С. 60–63]. Другой декабрист – А.А. Бестужев-Марлинский – отзывался о Мягкове в своем письме к брату в Читу: «Начальника нашей области ты, вероятно, знаешь. Человек справедливый, запоздавший в мнениях воеводства, но самый неловкий в самом желании делать добро, особенно в формах его оказывать к месту и впору. У него бываю очень редко» [18. С. 240]. Сам Мягков положительно отзывался о А.А. Бестужева-Марлинском в адрес генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского следующим образом: «...вел себя во все время благопристойно и скромно, не был замечен ни в каких предосудительных поступках» [19].

Возможно, сочувственное отношение Мягкова к декабристам и являлось одной из причин его отзыва в 1831 г. в Санкт-Петербург. Аналогичные процессы наблюдались и в соседней Енисейской губернии, где «хозяином губернии» являлся А.П. Степанов. В 1831 г. Степанов также якобы за «дружелюбное отношение» с декабристами был освобожден от должности. Весьма вероятно, что одной из причин смещения с должности перечисленных представителей местной сибирской власти является отражение элементов эпохи николаевской реакции.

Другие отбывающие наказания на северо-востоке Азиатской России в первой половине XIX в. – это представители религиозных сект: раскольники, скопцы и последователи других религиозных учений. Якутский край становится местом массовой ссылки по религиозным мотивам начиная лишь с середины XIX в., когда генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский определил местом их поселения Якутскую область. До этого «разжаланное» духовенство массово высылали в центральные и южные губернии, а затем в Закавказский край, с чем был не согласен местный губернатор. Тогда министр внутренних дел решил назначить местом массовой ссылки отдаленные уголки Сибири [20. С. 136].

При этом вопросы содержания осужденных за преступления против православной веры занимали нема-

ловажное место в деятельности областных начальников Якутии и в первой половине XIX в. Якутский областной начальник И.Г. Кардашевский в 1815 г. предписал поселить «последователей религиозного лжеучения Ракитина», доставленных в Якутск из Иркутска, в разные селения Якутской области, где они находились бы под надзором «духовного и сельского начальства, не могли иметь между собою свидания или письменного сношения...» Местную власть волновали «распространение лжеучения» и «новые преступления» со стороны данных представителей религиозной секты. Кардашевским было предложено поселить религиозных ссыльных в Охотск, Амгинскую слободу, Зашиверское и Верхневилуйское комиссарства: «...отправить как следует в назначенные мной места скованных за крепким караулом, – и со строжайшим комиссаром, тех мест предписанных, чтобы те ссыльные находились в самых комиссарствах к виду их» [21].

Весьма глубокою историю имеет ссылка раскольников в Якутии, которая начинается с 1671 г. Якутский областной начальник был обязан представлять сведения о раскольниках (старообрядцах) Иркутскому гражданскому губернатору. Так, 15 мая 1826 г. начальнику Якутской области было предписано доставлять ежегодно к 1-му числу ноября «ведомости о старообрядцах, раскольниках и других сект». На примере 1828 и 1831 гг. видно, что сведения о религиозных сектах по Якутскому округу поручалось донести якутскому земскому суду в адрес областных начальников Якутии Н.И. Мягкова и В.Н. Щербачева к 1 октября. Мягков объяснял своевременность доставления сведений к упомянутой дате необходимостью отправления почты 10 октября в Иркутск. Якутские областные начальники требовали от земского суда составлять ведомость по определенной форме: 14 ноября 1831 г. указом Мягкова было велено составить ведомость «без малейшего отступления от данной формы» [22].

Информация о представителях религиозной ссылки в Якутии являлась и составной частью ежегодного отчета областного начальника Якутии, доставляемого

в адрес управляющего МВД. К отчету прилагались сведения о «иконоборцах, не приемлющих священства и не поклоняющихся св. иконам и скопцам», которые были направлены из «внутренних губерний» и поселены в казенные крестьянские общества и якутские улусы. Из них «не приемлющих священства» – 9 (3 – муж., 6 – жен.), скопцов – 10 (9 – муж., 1 – жен.). В документе также говорилось о распространении религиозного учения среди местного населения: в 1841 г. крестьянка Якутского округа была увлечена в организацию скопцов [23]. Подозреваемый «в совращении» скопец, а также скопчиха были переданы к суду. Развитие религиозной секты скопцов на протяжении первой половины XIX в. все больше волновало якутского областного начальника. В 1835 г. И.Д. Рудаков предписал исправляющему должность якутского земского исправника «иметь строжайший надзор и наблюдение» за поселенными на ссылку в Якутии скопцами, находившимися в Амгинской слободе, с целью пересечения распространения «пагубного для человечества лжеучения». В противном случае предписывалось передавать виновных немедленно суду и доносить каждый раз начальнику Якутской области [24].

Во второй половине XIX в. ссылка начинает играть особую роль среди местной власти Якутской области, что в первую очередь характеризуется декабристскими событиями 1825 г. и развитием в России движения скопцов, постепенным отправлением ее представителей в Якутскую область. Якутские областные начальники занимались водворением ссыльных, организацией их учета, изоляцией, созданием контроля за перепиской и корреспонденцией для избегания распространения «вредных для государства идей». При этом отдаленность региона, сложность структуры управления Якутской областью, а также личные качества определяли характер деятельности начальника Якутской области, который проявлял самостоятельность в некоторых вопросах управления, что способствовало возникновению конфликтных ситуаций в отношении надзора над ссыльными.

Список источников

1. Прутченко С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства : историко-юридические очерки. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1899. 532 с.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : Оттиск, 2018. Т. 2. 416 с.
3. Степанова Н.Г. (Шенмайер). Управление каторгой в Сибири в начале XX века (правовой аспект) // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск : Оттиск 2011. С. 92–106.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 444. Л. 1–25 об.
5. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 436. Л. 1–17 об.
6. РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 176. Л. 23 об.–25.
7. РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 177. Л. 13–14.
8. Иванов А.А. Политическая ссылка Иркутской губернии первой половины XIX века // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 2. doi: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).28. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20040>.
9. Сафронов Ф.Г. Декабристы в якутской ссылке. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1975. 105 с.
10. Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, 1998. 496 с.
11. Перцева Т.А. Наказание декабристов: должностное и реальное // Сибирская ссылка. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18). С. 107–123.
12. Рыбаков М. Из архива Якутского областного правления // Сибирские вопросы. 1912. № 21. С. 91–97.
13. Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири : очерки. Иркутск : Губ. архив. бюро, 1925. 217 с.
14. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. 356 с.
15. РГИА. Ф. 1286. Оп. 3: 1825. Д. 210. Л. 26.
16. Попов Г.А. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924. 122 с.
17. Декабрист М.И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Петроград : Былое, 1922. 96 с.
18. Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным / публ. подгот. М. Семецкий // Русский вестник. 1870. № 6. С. 213–264.

19. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 58. Л. 3.
20. Юрганова И.И. Из истории ссылки по религиозным мотивам в Якутию (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. 2016. Т. 16. С. 135–140.
21. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–5.
22. НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 342. Л. 9–10; 15–15 об.
23. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 107. Л. 6.
24. НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 376. Л. 1.

References

1. Prutchenko, S.M. (1899) *Sibirskie okrainy: oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva: istoriko-yuridicheskie ocherki* [Siberian outskirts: regional institutions associated with the Siberian institution of 1822, in the administration of the Russian state: Historical and legal essays]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
2. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2018) *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)* [Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917)]. 2nd ed. Vol. 2. Irkutsk: Ottisk.
3. Stepanova, N.G. (Shenmayer). (2011) *Upravlenie katorgoi v Sibiri v nachale XX veka (pravovoy aspekt)* [Prison administration in Siberia in the early 20th century (a legal aspect)]. In: Ivanov, A.A., Kuznetsov, S.I. & Shostakovich, B.S. (eds) *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Irkutsk: Ottisk. pp. 92–106.
4. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1264. List 1. File 444. pp. 1–25 ob.
5. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1264. List 1. File 436. pp. 1–17 ob.
6. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1281. List 1. File 176. pp. 23 ob.-25.
7. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1281. List 1. File 177. pp. 13–14.
8. Ivanov, A.A. (2015) *Politicheskaya ssylka Irkutskoy gubernii pervoy poloviny XIX veka* [Political exile in Irkutsk province in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. 6(2). DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).28
9. Safronov, F.G. (1975) *Dekabristy v yakutskoy ssylke* [Decembrists in the Yakut exile]. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izd-vo.
10. Kazaryan, P.L. (1998) *Yakutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii. 1826–1917 gg.* [Yakutia in the system of political exile in Russia. 1826–1917]. Yakutsk: [s.n.].
11. Pertseva, T.A. (2011) *Nakazanie dekabristov: dolzhenstvuyushchee i real'noe* [The punishment of the Decembrists: intended and actual]. *Sibirskaya ssylka*. 6(18). pp. 107–123.
12. Rybakov, M. (1912) *Iz arkhiva Yakutskogo oblastnogo pravleniya* [From the archive of the Yakutsk Regional Administration]. *Sibirskie voprosy*. 21. pp. 91–97.
13. Kubalov, B.G. (1925) *Dekabristy v Vostochnoy Sibiri: ocherki* [Decembrists in Eastern Siberia: Essays]. Irkutsk: Irkutskoye gub. arkhiv. byuro.
14. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
15. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1286. List 3: 1825. File 210. p. 26.
16. Popov, G.A. (1924) *Ocherki po istorii Yakutii* [Essays on the history of Yakutia]. Yakutsk: [s.n.].
17. Muravyov-Apostol, M.I. (1922) *Vospominaniya i pis'ma* [Memoirs and Letters]. Petrograd: Byloe.
18. Semevsky, M. (1870) *Aleksandr Bestuzhev v Yakutske. Neizdannye pis'ma ego k rodnym* [Aleksandr Bestuzhev in Yakutsk. Unpublished letters to relatives]. *Russkiy vestnik*. 6. pp. 213–264.
19. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 3. File 58. p. 3.
20. Yurganova, I.I. (2016) *Iz istorii ssylki po religioznym motivam v Yakutiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [From the history of religious exile to Yakutia (second half of the 19th – early 20th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya*. 16. pp. 135–140.
21. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 180-i. List 1. File 85. pp. 4–5.
22. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 180-i. List 1. File 342. pp. 9–10.
23. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1281. List 4. File 107. pp. 6.
24. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 180-i. List 1. File 376. pp. 1.

Сведения об авторе:

Васильев Айсен Данилович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия). E-mail: aysen_vasilev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vasilev Aisen D. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: aysen_vasilev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 29.11.2021; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 94:342(571.5)

doi: 10.17223/19988613/94/3

Межведомственные конфликты внутри управленческого аппарата Российской империи последней трети XVIII в. (на примере сюжета из г. Удинска Иркутской губернии)

Роман Артурович Евтехов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, lib-lab-scan@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен сюжет конфликта в среде Сибирской городской бюрократии XVIII в. через призму ее политической роли. Изучен показательный конфликт внутри региональной бюрократии в лице двух учреждений провинциального города по поводу разделения полицейского ведомства. Гипотеза автора заключается в наличии у среднего бюрократического звена русского общества самостоятельных интересов и возможностей политического влияния. Усложнялось явление тем, что ситуацией конфликта ведущих сил города пользовались многочисленные просители, которые, не получив удовлетворения своих интересов у одной стороны, устремлялись за защитой к другой и тем самым вносили еще большую смуту в сложные отношения.

Ключевые слова: управленческий стиль, бюрократия, управление Восточной Сибирью, комендант, губернатор, воевода, конфликты

Для цитирования: Евтехов Р.А. Межведомственные конфликты внутри управленческого аппарата Российской империи последней трети XVIII в. (на примере сюжета из г. Удинска Иркутской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 20–25. doi: 10.17223/19988613/94/3

Original article

Interdepartmental conflicts within the administrative apparatus of the Russian Empire in the last third of the 18th century (on the example of the Irkutsk province)

Roman A. Evtekhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow. Russian Federation, lib-lab-scan@mail.ru

Abstract. The article examines the plot of the conflict among the Siberian urban bureaucracy of the 18th century through the prism of its political role. Attention is paid to the interaction and relations within the administrative structure of the subjects of the empire. The author has studied the illustrative conflict within the regional bureaucracy in the face of the two strongest institutions of the provincial city over the division of the police department. The materials that served as the main article are archival, previously unpublished documents related to one of the poorly studied topics - the history of the police in the regions of Siberia in the 18th century. The author's hypothesis is that the middle bureaucratic echelon of Russian society has independent interests as well as opportunities for political influence. The author dwells on the characteristics of the capabilities of representatives of the Russian bureaucracy to delay the consideration of the case even with the direct order of the leadership, in order to retain and strengthen their own positions in the management level. From this point of view, the bureaucracy had only one of the tools of resistance available to it - bureaucracy, deliberate delay and compliance with a full set of formalities. This phenomenon was complicated by the fact that the situation of the conflict of the leading forces of the city was used by numerous petitioners who, not receiving satisfaction of their interests from one side, rushed for protection to the other, thereby introducing more confusion into the delimitation of the already complex relations. The paper proves the thesis that the bureaucracy of the eighteenth century is not only an independent political force, but also a kind of political style in exercising power and protecting one's political ambitions.

Keywords: management style, bureaucracy, management of Eastern Siberia, commandant, governor, voivode; conflicts

For citation: Evtekhov, R.A. (2025) Interdepartmental conflicts within the administrative apparatus of the Russian Empire in the last third of the 18th century (on the example of the Irkutsk province). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 20–25. doi: 10.17223/19988613/94/3

Введение

Становление регулярного государства, относимое к периоду Великих Петровских реформ, породило устойчивую группу политических акторов, называемых бюрократией. Являясь одной из ведущих сил политического режима, бюрократия – логичная часть государственного аппарата, который не может существовать без нее. Достаточно быстро она разрастается от исполнения конкретных поставленных властью задач к попыткам, вполне удачным, влияния на сам режим и принятие политических решений. Бюрократия, как и другие политические участники, не защищена от деления внутри себя на мелкие группы интересов. Отделяемые друг от друга разнящимися интересами группы или отдельные представители в борьбе друг с другом использовали и используют совершенно разные инструменты. Одним из достаточно эффективных инструментов является бюрократизм, под которым мы понимаем пренебрежение к сущности дела ради соблюдения формальностей и умышленное затягивание разбираемого дела.

Спецификой сибирской модели управления была значительная самостоятельность управленческого аппарата, определяемая значительной удаленностью от центра и труднодоступностью. Применительно к Забайкальским территориям усложняли управление и значительная протяженность границ, не вполне мирных, кадровая проблема и наличие каторги. Интеграция восточносибирских территорий в единую систему управления в XVII–XVIII вв. осуществлялась главным образом посредством управленческой администрации. По сути, эта администрация была, с некоторыми оговорками, колониальной. В Сибири XVIII в. фактически отсутствовали дворянские корпорации, в связи с чем полицейские, наблюдательные, судебные и другие функции возлагались целиком на бюрократический аппарат. Сибирский бюрократический аппарат XVIII в. был крайне разношерстным и включал представителей разных сословий (военные – преимущественно; выходцы из казаков, мещан, купечества, священнослужителей и т.д.).

Постановка проблемы

Для Сибири характерен малочисленный состав бюрократов среднего звена (воеводы, коменданты, городничие, исправники, комиссары и т.д.), что порождало ситуацию, при которой такой чиновник становился в своей области почти безграничным властителем. Причиной такого самостоятельного размежевания полномочий чиновниками была сама система власти – последствия противоречивых административных преобразований Петра I, пространно трактуемые законодательные акты и коллизии в них. Малейшая попытка ограничить монополию сразу приводила к личностным конфликтам, подогреваемым обществом [1. С. 12]. Имея различные поводы, но совершенно явный общий подтекст – попытки ограничения интересов и полномочий одного чиновника другим, конфликты в среде бюрократии почти не решались без вмешательства высшего начальства.

В данной работе мы хотели бы подробно остановиться на конкретном примечательном сюжете конфликта на фоне дела о передаче Удинской полиции от ведения коменданта в ведение провинциальной канцелярии (Удинская провинция Иркутской губернии). Забайкалье как составная часть Иркутской губернии значительно отличалось от многих других: кроме трансграничного и труднодоступного положения (регион был недоступен почти половину года: весной и осенью), в регионе с середины XIX в. военные и управленческие функции сочетались в руках военного губернатора, существовали градоначальство, самая большая в стране ссылка и каторга.

Система управления Забайкальем в XVIII в. – это крайне сложная, запутанная система – результат синтеза многочисленных и несистематичных административных нововведений времен Петра I и колониальной политики царского правительства. Изучение только лишь законодательных актов не даст полного представления об этой системе, так как при устройстве управления смотрели «по местным условиям». Нередко одна и та же должность в документах называется по-разному, одному чиновнику вверяются чрезвычайные полномочия, которые в прочих условиях он бы никогда не выполнял, при создании нового продолжало существовать прежнее учреждение и т.д. В этой связи архивные материалы являются единственным достоверным источником, характеризующим данный период.

Материалы и методы

Материалами настоящего исследования послужили законодательные акты и делопроизводственные документы. Основная масса законодательных источников, необходимых для выявления структуры, статуса и функционала должностей коменданта и провинциального воеводы в исторической динамике, содержится в трех собраниях Полного собрания законов Российской империи (1649–1913), где отражен спектр законодательных вопросов регулирования жизни в самодержавной России. Первоочередное значение имели «Устав благочиния» (1782), «Полицейская инструкция Тобольскому полицмейстеру» (1733). Более детальные сведения были выявлены из ведомственных (мнения Государственного Совета, указы Сената) и местных (указы, постановления губернской администрации, органов городского самоуправления, инструкции, указы) нормативно-правовых актов. Наиболее ценным среди этих документов является «Полицейская инструкция Тобольскому полицмейстеру», относящаяся ко второй четверти XVIII в.

Основу источниковой базы исследования составляют архивные документы. Документы региональных архивов Сибири периода XVIII в. хоть и небогаты по численности документов, однако нередко содержат ценнейшие фактические материалы, ранее не изученными совершенно. Достаточно интересным представляется разнородный по составу фонд № 88 Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Среди материалов фонда нами обнаружено уникальное дело об учреждении в заштатном городе Удинске полиции

(«Дело по постановлению Удинской провинциальной канцелярии о содержании Удинской полиции в ведении комендантской и провинции, а потому об отдаче под ведение пожарных инструментов и об отводе квартир, о наряде обывателей в штатный караул и о содержании и илиминации с приложением с указов копий от 28 октября 1775 г. по 6 декабря 1782 г. на 338 листах») [2. Л. 1–339]. Кроме прочего, уникальность данного дела не столько в самом факте открытия полиции в уездном городе конца XVIII в., что почти не описывалось ранее в научной литературе, сколько в детально зафиксированном конфликте между провинциальной и городской властями по поводу подчинения полиции. Нами изучены следующие виды документов: промемории, рапорты, штатное расписание, указы, постановления, предложения, прошения и т.д.

В работе использован микроисторический метод, с помощью которого осуществляется многостороннее рассмотрение сути и хода конфликта. С помощью этого метода выявлены особенности внутрибюрократического взаимодействия глав субъектов региона, реакция и использование ситуации местным населением для своей выгоды и т.д.

Причины конфликта

Особое территориальное расположение Забайкалья всегда доставляло особенные сложности для мобильного управления регионом. Еще в 1768 г. иркутский губернатор А.И. Бриль (в должности: 1767–1776 гг.) предложил объединить все Забайкалье с центром в г. Удинске [3. Л. 5–10] (впоследствии Верхнеудинск, сегодня Улан-Удэ). Тем более что в течение длительного времени года Забайкалье было полностью блокировано для коммуникации, что совершенно недопустимо для трансграничного региона и места ссылки и каторги, которым регион являлся. Реформаторский настрой екатерининского правительства позволил воплотить в жизнь эту идею, правда, со значительной задержкой. Только в 1775 г. была образована Удинская провинция с центром в Удинске. 31 января того же года императрица подписала указ «О новом разделении Иркутской губернии...» До учреждения провинции в Забайкалье существовали два уезда, которые управлялись воеводами, Удинск являлся пригородом и входил в состав Селенгинского уезда, который, как и Нерчинский, одновременно был дистриктом. Из этой схемы выбивается только Баргузин, не имевший уезда и возглавлявшийся управителем (приказчиком). С этого времени в Удинске организована провинциальная канцелярия во главе с воеводой.

Сосредоточив в своих руках всю полноту гражданской власти, основываясь на «Наказе губернаторам, воеводам...» 1728 г., воевода И.В. Тевяшев по рассуждению своего товарища фактически сразу же потребовал от Удинского коменданта секунд-майора И.А. Апфельгрена передачи полицейского и пожароохранного ведомства в его ведение как главного гражданского правителя области [2. Л. 1–1 об.]. Комендант указал о «неподвластности коменданта воеводе» и на необходимость указаний на подобную передачу свыше.

В последующих промемориях комендант отвечал отказом уже более аргументированно: в частности, он, «почитая и наводя справки», писал, что комендант в городе положен на основании воинского штата, а провинциальная канцелярия, не имея указаний свыше, самостоятельно определила свои обязанности по управлению полицией, что невозможно без повеления высшего начальства, при том что комендант подчиняется воинской части, а воевода – гражданской.

Естественно, ни одна из сторон отступать так просто не была готова. Были подняты все имеющиеся по этому поводу документы и регламенты, в том числе уже архивные. Провинциальная канцелярия, приводя цитаты и выдержки из документов, настаивала на том, что плац-майор, который должен быть в ведении полиции, в Удинске не положен по штату, потому и полицию необходимо отнести к ведению гражданскому, а не военному. Хотя ордером губернатора А.И. Бриля еще при предыдущем коменданте крепости И.С. Мертвецове было велено, что полицию должно находиться под ведением комендантов. По ордеру того же Бриля от 28 октября 1775 г. полагалось для лучшего порядка создать описи воеводской канцелярии в уезде, а комендантской в городе об изменениях собственности на частные дома, соответственно, также просить разрешения у тех ведомств для постройки [2. Л. 17–18], чем, как счел комендант, разграничены сферы управления.

Наращение противоречий

Воевода не остановился на требовании в свое прямое подчинение полиции центрального Удинска, те же требования он выдвинул комендантам крупнейших Забайкальских крепостей: Селенгинска и Нерчинска. По его замыслу, коменданты должны были передать полицейские правления в ведение местных агентов воеводы – комиссаров. Коменданты категорично отказали, мотивируя отсутствием специальных указов высшего начальства [2. Л. 114–115], сообщив, что по всей Российской империи, где есть в городах коменданты, полиция находится в их ведении. Кроме того, они сослались на прежние постановления губернаторов содержать полицию в ведении комендантов. Даже сами комиссары, прямые подчиненные воеводы, запросили предоставить более точные указания для перевода полиции [2. Л. 35]. Напряженность между ведомствами нарастала, и Нерчинское комиссарство опубликовало указ, что поскольку в городе не учреждена полиция, то никаким ее распоряжениям не подчиняться, что входило в прямое противоречие с существующим положением дел.

Такая, достаточно опасная, борьба ведомств развернулась не где-нибудь, а на самом приграничье с одним из самых опасных соседей России – Китаем, и могла быть прекращена только одним человеком – губернатором. Губернатор в это время для региона был «и царь, и бог», удерживая в своих руках всю полноту власти и подчиняясь напрямую императрице. Губернатор относительно полиций Нерчинска и Селенгинска предложил оставить все на старых учреждениях в военном ведении, правда, все же приказал

передать в ведение комиссарств содержание пожарных инструментов. Губернская канцелярия не была столь же однозначной в вопросе передачи Удинской полиции. Четкого ответа канцелярия губернатора не давала, ограничиваясь посылкой копий указов 1762 г. о должности полицмейстеров. Очевидно, что и в самой губернской канцелярии не было понимания, как стоит поступать в данном случае. В нормативных актах вариантов организации и подчинения полиции было много, вопрос состоял в механизме и целесообразности передачи.

Для воеводы полиция была необходима как один из основных инструментов поддержания послушания среди населения, которым он руководил. Для коменданта, очевидно, полиция была инструментом сохранения власти в городе. В этом смысле комендант затягивал передачу, как мог. В своих многочисленных промемориях он указывал на в целом логичное утверждение об отсутствии предписания в документах, которыми апеллировали воевода и его окружение, о передаче «городового смотрения» комендантом в руки воевод [2. Л. 36]. Действительно, несмотря на существовавшие примеры подобной передачи, форма и порядок передачи ведомства не были каким-либо образом регламентированы.

Первоначально конфликт развивался в виде обмена промемориями для того, чтобы заставить коменданта передать полицию и ее дела, и пожарные инструменты. Затем конфликт вышел на реальную почву. Началось все с того, что прокурор провинциальной канцелярии Мельгунов посчитал отведенную ему квартиру на постой неудобной. Провинциальная канцелярия указала выбрать ему другую среди обывательских домов. Тот избрал квартиру некоего купца Жижина, но купец не допустил прокурора к осмотру своей квартиры. Для разбора дела в канцелярию вызвали земского старосту, который был направлен за купцом, чтобы привести его в канцелярию для ответа. Но, как оказалось, купец «был ослушным» и отправился за покровительством в дом коменданта. Когда он все же был приведен в канцелярию, то объявил, что без дозволения полиции, которая состоит под ведением коменданта, не мог допустить прокурора к осмотру квартиры. Воевода решил доказать, что главный начальник в городе он, и распорядился выписать билет на вселение в указанную квартиру для прокурора. Последний направил своих людей для перевоза дров на новую квартиру, хозяин квартиры – купец – бежал к коменданту с мольбой о «защитении». Комендант прислал вооруженных солдат с розгами, чтобы высечь людей прокурора. Прокурор бросился за защитой к воеводе, которому пришлось отправить своего товарища с приказом к коменданту. Комендант заявил воеводскому товарищу, что как «градодержатель и защитник гражданства» [2. Л. 69] в свете произошедшей ссоры между купцом и прокурором он не допустит занятия прокурором квартиры и что зря воевода не в свою должность вступился, так как главный градоначальник в городе – комендант.

Попытки общества и приближенных двух высших начальников в городе так или иначе использовать личную их неприязнь друг к другу, а нередко и открытый

конфликт между ними также не были редкостью. В сохранившемся эпистолярном наследии такие моменты описаны неоднократно, в том числе и о рассматриваемой ситуации [4. С. 150]. И надо сказать, что, вспоминая эти события, авторы редко были объективны к оппонентам своих господ.

Разрешение конфликта

Удинский воевода, несмотря ни на что, не хотел остаться проигравшим и через губернскую канцелярию обратился к прямому руководству коменданта в обер-комендантскую канцелярию в Иркутске. Обер-комендант И.А. фон Линеман подтвердил коменданту И.А. Аппельгрёну и провинциальной канцелярии, что действительно полиция должна быть в ведении гражданских властей, кои теперь в Удинске имеются в ведении провинциального воеводы [2. Л. 42]. И здесь происходит самое фантастическое: несмотря на повеление прямого руководства обер-комендантской канцелярии, комендант сообщил, что, несмотря на указ, приступить к его исполнению он не может. Основания к этому он усматривал в различных указах, воинском уставе и ссылаясь на особое положение города как находящегося в приграничной зоне [2. Л. 36–37 об.]. Таким образом, без повеления главной в губернии апелляционной инстанции – губернатора, полиция передана быть не может.

Повторным указом обер-комендантской канцелярии от 23 января 1776 г. комендант должен был передать все полицейские и пожарные дела провинциальной канцелярии под угрозой законных взысканий за неисполнение [2. Л. 45]. Но комендант в промемории от 28 апреля 1776 г. все еще упорствовал. Поэтому воевода решил идти до конца и подготовил доношение от 30 апреля 1776 г. к губернатору Ф.Г. Немцову с перечислением оснований для передачи полиции в его ведение как «тутошнего первого и главного градоначальника, а не в комендантском которого при том во внутренний гражданском распоряжении никакой должности не иметь; а должность его состоит только в одной военной страже к обороне сего места» [2. Л. 92–93 об.] и том, что, несмотря на строгое указание обер-коменданта, Аппельгрён все еще ищет причины, чтобы не передавать полицию.

Затянувшийся спор был окончен предложением Ф.Г. Немцова от 12 июня 1776 г.: полицию города велено было передать в ведение провинциального воеводы по силе наказа 1728 г., а коменданту через обер-комендантскую канцелярию было предписано не вступать в письменные и словесные разбирательства с городскими жителями и иметь командование над гарнизоном по силе воинского устава, сохранять дисциплину только среди воинских чинов [2. Л. 101].

Заключение

Конфликт коменданта и провинциального воеводы был не только, вероятно, и не столько межведомственным, сколько межличностным. Хотя М.М. Богословский считал, что основа противоречий системы власти,

выстроенной Петром Великим, стала сама по себе причиной будущих управленческих противоречий [5. С. 46]. Ю.В. Готье в своем фундаментальном труде писал, что подобные соперничающие начальнические конфликты в городах не были редкостью [6. С. 73]. Причиной он называет нечеткость их взаимоотношений в системе управления, которая порождала личную неприязнь. Поддерживая данное утверждение, необходимо внести некоторую деталь. В условиях общественных отношений XVIII в., с особенностями общения в высшем свете с большим уважением к чинам и наградам, действительно же можно увидеть некоторое отражение отношений предыдущего XVII в. и характерные споры в боярской думе о старшинстве. В сущности, описываемый конфликт имеет очень глубокие корни. Для Аппельгрена воевода был прямым ограничителем его власти, тем более что он уже возглавлял ранее крупный центр – Селенгинск. Спор, безусловно, был о старшинстве и разграничении власти. И без того натянутые отношения коменданта и воеводы осложнялись и сами просители, которые в случае неудовлетворения решением одного сразу же обращались за «защитой» к другому, и если один из них принимал решение, противоречащее другому, это не могло не вызывать взаимного раздражения. Документы этого периода свидетельствуют, что многие обыватели и приезжие, получив обиду или неудовлетворение прошений от воеводы или даже в случаях взыскания со стороны воеводы искали заступничество у коменданта. При этом просители прекрасно чувствовали характер взаимоотношений между двумя крупными начальниками города и пытались извлечь из ситуации максимальную выгоду.

Еще более необычным кажется то, как, не желая выполнять решение, принятое стороной-соперником, комендант как опытный чиновник находил многочисленные лазейки в аргументации воеводы: не присылка оригинальных указов, нестыковки и противоречия документов, да и очень частая присылка неконкретных узаконений военной коллегии, сената и ЕИВ указов от провинциальной канцелярии работала в пользу коменданта, у него появлялось право сомневаться в законности требований воеводы. Да и само несовершенство законодательства позволило ему более чем на полтора года отсрочить передачу полиции в новое ведение. Еще больший интерес вызывает фактическое непови-

новение коменданта своему прямому руководителю – обер-коменданту, который как минимум дважды отправлял требование, второй раз уже под угрозой санкций, передать полицию воеводе. Даже это не стало для коменданта помехой, он продолжал затягивать дело, вовлекая в него все большее число должностных лиц. Требование резолюции губернатора и обход указа своего прямого начальства – обер-комендантской канцелярии кажутся удивительными, если не знать, что для отдаленных регионов Сибири губернатор был настоящим хозяином области, а решения, им принятые, могли идти даже в определенной мере вразрез законодательству в соответствии с принципом «смотря по тамошним делам».

Губернатор не пошел на поводу у воеводы и не допустил отдачу полиции в других городах (Селенгинск и Нерчинск) под ведение провинциальной канцелярии через ее агентов – комиссаров. В Удинске таковая отдача была исполнена по его (губернатора) повелению, потому как он решил, что воеводская должность в этом городе является преимущественной перед комендантской; в прочих же городах такового сделано не будет, и более этот вопрос не должен подниматься провинциальной канцелярией [2. Л. 111]. Но даже несмотря на четкое и ясное разъяснение губернатора, фактическую деятельность под ведением воеводы полиция начала только весной 1777 г., когда дела, хранившиеся при полиции, были переданы в ведение воеводской канцелярии.

Таким образом, комендант с помощью различных проволочек смог оттянуть (забюрократизировать) начало работы полиции под ведением воеводы в общей сложности почти на два года. А еще менее чем через два года полиция по предложению нового губернатора была возвращена обратно в ведение коменданта, того же секунд-майора И.А. Аппельгрена. И здесь, безусловно, нужно сказать, что без властных, в какой-то мере даже «старшинских», амбиций коменданта этот вопрос мог бы быть решен куда быстрее. В результате можно сделать вполне резонный вывод о наличии даже у не крупной бюрократии возможностей политического влияния. Тем самым бюрократизм последней трети XVIII в. уже является своеобразным инструментом достижения политических целей, пусть даже на региональном уровне.

Список источников

1. Клоков С.Н. Генезис и эволюция российской гражданской служилой бюрократии в XVIII столетии: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2006. 228 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 144.
3. ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156.
4. Калашников Т.П. Жизнь незначительного Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная, с 1762 по 1794 год // Русский архив. 1904. № 10. С. 147–183.
5. Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 9. С. 45–144.
6. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М. : Тип. Лисснера Г. и Собко Д., 1913. Т. 1. 492 с.

References

1. Klovov, S.N. (2006) *Genesis i evolyutsiya rossiiskoy grazhdanskoy sluzhiloy byurokratii v XVIII stoletii* [Genesis and evolution of the Russian civil service bureaucracy in the 18th century: a historical and legal aspect]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
2. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 88. List 1. File 144.
3. The State Archive of the Republic of Buryatia. Fund 88. List 1. File 156.

4. Kalashnikov, T.P. (1904) Zhizn' neznamenitogo Timofeya Petrovicha Kalashnikova, prostym slogom opisannaya, s 1762 po 1794 god [The life of the unknown Timofey Petrovich Kalashnikov described in a simple style from 1762 to 1794]. *Russkiy arkhiv*. 10. pp. 147–183.
5. Bogoslovskiy, M.M. (1903) Issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya pri Petre Velikom [Studies on the history of local government under Peter the Great]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 9. pp. 45–144.
6. Gauthier, Yu.V. (1913) *Istoriya Oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II* [The History of the Regional Administration in Russia from Peter I to Catherine II]. Vol. 1. Moscow: Lissner G. & Sobko D.

Сведения об авторе:

Евтехов Роман Артурович – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: lib-lab-scan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Evtikhov Roman A. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lib-lab-scan@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 08.11.2021; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/19988613/94/4

Общественная жизнь Томска накануне Первой мировой войны

Василий Павлович Зиновьев¹, Владимир Александрович Дробченко²

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия

² Независимый исследователь, Анжеро-Судженск, Россия

¹vpz@tsu.ru

²vadrobchenko@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается общественная жизнь в Томске накануне Первой мировой войны. Авторы статьи опираются на первоисточники, хронику общественного движения в Томской губернии, составленную в 2013 г. с их непосредственным участием, а также на исследования последнего времени. Показаны прежде всего неполитические формы общественной активности – экономические, культурно-просветительские, досуговые, благотворительные, научные общества, клубы, трезвенное, женское, национальные движения. Авторы считают, что Томск в начале XX в. был значительным центром провинциальной общественной жизни.

Ключевые слова: общественная жизнь, Томск, начало XX в., образование, культура

Для цитирования: Зиновьев В.П., Дробченко В.А. Общественная жизнь Томска накануне Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 26–37. doi: 10.17223/19988613/94/4

Original article

Public life in Tomsk on the eve of the First World War

Vasily P. Zinoviev¹, Vladimir A. Drobchenko²

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russia, Russian Federation

² An independent researcher. Anzhero-Sudzhensk, Russian Federation

¹vpz@tsu.ru

²vadrobchenko@yandex.ru

Abstract. Based on the chronicle of public life in the Tomsk province in the 1880s - 1919, compiled with their participation in 2013, the authors analyze public life in the provincial city of Tomsk on the eve of the First World War. They believe that Tomsk differed from many provincial cities in Russia in that it was a university city with a large number of other educational institutions, a regional center of a number of ministries and departments, a commercial, industrial and transport hub. The concentration in the city of a significant number of officials, entrepreneurs, artisans, workers, employees, students and professors of higher educational institutions was the basis for the formation of various non-political associations of an economic, cultural, educational, leisure, charitable, scientific, professional nature, clubs, sober societies, women's and national movements. On the eve of the First World War, 16 economic organizations operated in Tomsk: 9 cash registers and mutual aid societies, 4 consumer societies, 3 trade unions; 30 charitable organizations caring for prisons, the sick and the maimed, the poor, students, and other objects of public concern; 23 leisure societies, 16 scientific, 2 sober societies, society of distillers, Society for the study of urban and rural affairs. There are 89 organizations in total, according to the chronicle of the social movement in the Tomsk province and additional research. The most common type of activity was mainly legal gatherings – 46 times they were organized by students, workers, and voters of different political persuasions. Illegal activity has decreased: in five and a half years, leaflets of revolutionary organizations have been distributed in the city only 8 times, it was possible to speak out in the open press. The workers went on strike 21 times, the students – 7 times. The activity of the liberal strata of society concentrated around the election campaigns for the State and City Duma. The illegal organizations of the Socialists were under the vigilant supervision of the provincial gendarmerie department. Its head, Colonel S.A. Romanov, knew almost everything about the revolutionaries of the city through his agents, who could not infiltrate only to the editorial office of the liberal professorship "Siberian Life" and the social democratic trade union of printers. Party passions openly boiled among some monarchists. The authors conclude that the intensity of participation in the public life of the city varied from one stratum of society to another. Wealthy citizens and middle-income strata had the opportunity and time for a fairly eventful cultural leisure, were informed about political events in the country and in the world, and were ready to respond to them. The poor and the poorest strata of the townspeople fought for a piece of bread and participation in public events was passive and rare for them. During the decade and a half of the twentieth century, great changes took place in the cultural life of Tomsk, which were expressed in expansion of the network of educational and cultural institutions, creation of public organizations, development of cultural and educational activities, and as a result - in involvement of wider segments of the population in socio-political and cultural life and in formation of political and mass culture.

Keywords: public life, Tomsk, the beginning of the twentieth century, education, culture

For citation: Zinoviev, V.P., Drobchenko, V.A. (2025) Public Life in Tomsk on the Eve of the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 26–37. doi: 10.17223/19988613/94/4

Общественная жизнь в качестве предмета исследования историков пока не существует как нечто целое. Изучаются, и успешно, отдельные ее части – экономические организации, политические институты и организации, научно-технические, культурные, досуговые, благотворительные, конфессиональные, этнические сообщества. В советское время изучались преимущественно политические и экономические организации – партии, профсоюзы, формы рабочего движения. Почти каждая область Сибири имеет историю организаций КПСС. Существуют хроники рабочего и социал-демократического движения в Сибири [1–3], в масштабах всей Российской империи в XIX в., с 1895 г. по 1904 г. [4]. Однако оценить сравнительные масштабы и характер влияния того или иного социального слоя, формы социальной активности, той или иной территории на общественную жизнь страны такого рода исследования возможности не дают. Зато это позволяет спекулировать отдельными фактами общественного движения и выдавать их за ведущие направления общественной жизни, исказить ее историю в пользу социального заказа той или иной власти. Такова теория о гегемонии пролетариата в общественном движении в период первой русской революции, руководящей роли большевиков в борьбе против царизма в любом уголке империи в советской историографии, теперь это всеобщее увлечение буржуазной благотворительностью и порицанием любой революционности, умиление перед царскими особами, вельможами и благородством дворянской культуры.

Единственным лекарством от такой конъюнктурной лихорадки является хроника всего общественного движения. Ее составление требует гигантской работы и организации в масштабах всей страны. Однако в современных условиях создание такой хроники представляется маловероятным.

Если составление хроники общественного движения невозможно в масштабах всей страны, то можно ее организовать в масштабах отдельных регионов. Есть хроника общественного движения в Омске [5], Томской губернии в 1880–1919 гг. [6–8]. При этом хроники общественной жизни вызвали интересную реакцию в среде историков. Исследования по истории общественного движения в Сибири почти прекратились. Почему? Раньше большинство историков пробалялось перечислением фактов и иллюстративными выкладками. Сейчас их можно просто подсчитать по хронике. Однако перейти на новый статистический уровень обобщения оказалось не так просто. Есть подсчеты форм социальной активности по отдельным городам, например по Барнаулу (В.П. Зиновьев) [9], по Кемеровской области (В.А. Дробченко) [10], по отдельным видам неполитических общественных организаций (Е.А. Дегальцева) [11. С. 89–91]. Данная статья – продолжение такой работы. В ней авторы кратко показывают картину общественной жизни губернского города Томска накануне Первой мировой войны.

О том, каким был Томск накануне войны, дает представление краткая зарисовка в Сибирском торгово-промышленном ежегоднике за 1914 г.: «едва ли не 100 000 душ обоего пола», 28 церквей, три монастыря, католический костел, лютеранская церковь, мечеть, три синагоги, университет, технологический институт, Высшие женские курсы, две мужские и три женские гимназии, реальное училище, средний политехникум, учительский институт, железнодорожное техническое училище, торговая школа, духовная семинария, духовное училище, женское епархиальное училище, два ремесленных училища, несколько музыкальных школ, ветеринарная школа, повивальный институт, повивальная школа, женская городская профессиональная школа, 34 начальных школы (3 500 учеников), 11 церковно-приходских школ, 18 частных начальных школ, городская воскресная школа, вечерние общеобразовательные курсы, около 20 библиотек. «Вообще Томск очень оживленный бойкий и красивый город; в нем много красивых и притом больших домов, широкие улицы, многие уже вымощены, но многие еще очень грязны, а весной и осенью во время дождей, невылазны», – такой вывод делает автор очерка о городе [12. Отд. IV. С. 491].

Главной особенностью Томска было наличие трех высших учебных заведений. В 1888 г. в Томске был открыт университет, в 1900 г. – Технологический институт, в 1910 г. – Сибирские высшие женские курсы, преподаватели, ученые и студенты которых активно участвовали в общественной жизни города. Это обеспечивало быструю и острую реакцию общественности Томска на события в стране. В начале XX в. в городе развернулась сеть профессиональных учебных заведений. Действовали учительский институт, духовная семинария, епархиальное, ремесленное, телеграфное, железнодорожное училища. Они создавались как на казенные средства, так и на частные взносы. Если в 1896 г. в Томске было 44 учебных заведения (одно высшее, 5 средних, 38 низших), то в 1910 г. – уже 104 (3 высших, 11 средних и 90 низших) [13. С. 16, 17]. Вовлечение в общественную жизнь различных социальных слоев во многом было связано с развитием образования и культуры.

Другой особенностью Томска было то, что он стал центром крупнейшей в России по численности населения губернии (1804–1921), центром Томской горной области Горного департамента, включавшей Западную Сибирь, Енисейскую губернию и восточную половину Степного края (1888–1919), Томского округа путей сообщения (1885–1920), ведавшим Обь-Иртышской и Енисейской речными системами, Сибирской (с 1915 г. – Томской) железной дорогой (1891–1938), протянувшейся от Челябинска до Иркутска, Томского управления почтово-телеграфного округа МПС (1885–1920), Акцизного управления Западной Сибири (1862–1897), Управления акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области (1898–1919), Управления

государственных имуществ Западной Сибири во второй половине XIX в., Томского переселенческого района Главного управления земледелия и землеустройства (1893–1920), жандармско-полицейского управления Сибирской железной дороги (1886–1917), Томской контрольной палаты Министерства госконтроля (1864–1917), Управления Западно-Сибирского учебного округа (1885–1918), Томской епархии Русской православной церкви, объединявшей с 1834 г. Томскую и Енисейскую губернии, а с 1859 г. Томскую губернию и Семипалатинскую область. Таким образом, в Томске находились территориальные центры управления семи ведомств. Сосредоточение в городе такого грамотного, социально активного элемента, как чиновничество, создавало почву для более богатой экономической, культурной и общественной жизни, нежели в других губернских и областных центрах, сделало его культурной столицей гигантской окраины. Чиновники территориальных управлений различных центральных ведомств наряду с губернскими управленцами были в числе инициаторов и активных членов общественных организаций, формировали образ жизни Томска. Средние городские слои в Томске были представлены не только чиновниками, но и служащими учреждений и частных предприятий, медиками, учителями, преподавателями вузов, студентами, лицами свободных профессий. С деятельностью средних слоев во многом было связано изменение социокультурного пространства города. Одной из форм проявления гражданских инициатив стало создание общественных организаций.

Наконец, Томск был крупным деловым, торгово-промышленным и транспортным центром, здесь находились резиденции крупных торговых и транспортных фирм, из финансовых организаций – Товарная биржа, 7 отделений банков. Годовой объем торговли доходил до 50 млн руб. Фабрично-заводская промышленность города была не крупной, но значительной: мыловаренная, кожевенная, кирпичная, лесопильная, пивоваренная, дрожжевая, шубная, экипажная. Крупные состоятельные дельцы обеспечивали средствами общественные инициативы, дела доступными для горожан технические новшества.

Действовали в городе коммунальные услуги – электрическое освещение, телефон, водопровод. Правда, они еще не охватывали всего города. На краю города – в Черемошниках – трудилась паровозная пристань, выгружались пассажиры, переселенцы и ссыльные. К городу подходила и опоясывала его железнодорожная ветка Тайга–Черемошники, которая везла эту публику дальше по Сибири.

Какой представляется общественная жизнь Томска в зеркале статистики? Самое большое значение для выражения общественной активности имели легальные организации. В Томске накануне Первой мировой войны действовало 16 экономических организаций: 9 касс и обществ взаимопомощи, 4 общества потребителей, 3 профессиональных союза [14]; 30 благотворительных организаций попечения о тюрьмах, о больных и увечных, о бедных, об учащихся, о других объектах общественной заботы [15]; 23 досуговых общества [16], 16 научных [17], 2 трезвенных общества, общество

винокурных заводчиков, общество изучения городского и земского дела [6]. Всего 89 организаций, по данным хроники общественного движения в Томской губернии и по дополнительным разысканиям. Примерно столько же неполитических обществ насчитал Г.Н. Потанин [13. С. 96–97]. Кроме этого, было учтено 11 политических организаций [6]. Таким образом, в Томске накануне войны действовало не менее 100 общественных политических и неполитических объединений.

Общества были разделены по целям и составу участников. Значительная их часть создавалась верхними слоями горожан – чиновниками, купечеством, преподавателями вузов и учебных заведений. Почетными и даже действительными членами таких обществ были высшие чины губернии и города. Большая же часть обществ создавалась средними городскими слоями – ремесленниками, служащими многочисленных учреждений и железной дороги, квалифицированными рабочими, приказчиками. Все эти организации требовали взносов в кассы взаимопомощи, кооперативы, благотворительные фонды, поэтому совсем бедным в них делать было нечего. Состоятельные люди входили в несколько обществ действительными, почетными членами или членами-соревнователями.

Общества имели свои помещения, библиотеки, в которых и текла общественная жизнь. Общественное собрание было местом встреч томской знати, железнодорожное, ремесленное, коммерческое собрания – местом встречи людей попроще. Здания Бесплатной библиотеки, общества ремесленников, Дом науки имени П.И. Макушина, Дом физического развития собирали совсем простую публику. Здесь отмечались праздники, важные события, проводились собрания, лекции, встречи с депутатами, заезжие труппы и местные любители представляли спектакли, так как театр Королева сгорел в 1905 г., а нового не отстроили. Залы вмещали по несколько сот человек. Действовали залы кинематографов «Мир», «Иллюзион», «Иллюзион-Глобус», «Луч», «Мефистофель», «Метеор», «Фурор», «Художественный». На открытых площадках ипподрома, Лагерного сада собирались на представления и спортивные соревнования тысячи людей.

Следует отметить, что неформальные объединения, т.е. официально незарегистрированные, фактически не поддаются учету. В первую очередь это кружки различной направленности, действовавшие в среде интеллигенции и учащейся молодежи. О некоторых из них имеются упоминания в прессе и источниках личного происхождения. Часть таких объединений имела ограниченный временной характер, что определялось их целями, составом, условиями и т.д. Так, например, в летний период дачниками создавались кружки для организации каких-либо мероприятий.

Часть кружков функционировала как научные студенческие объединения при вузах. Так, в Технологическом институте действовали кружки технический, холодильный, ураловедов, аэрокружок, фотокружок, в университете – любителей математики и естественных наук, Пироговский, экономический. Сибирский кружок студентов университета занимался изучением географии, истории, этнографии Сибири. Были круж-

ки, объединявшие любителей спорта: футбола, конькобежцев. В мае 1911 г. было основано Томское отделение Всероссийского гимнастического общества «Сокол», а в 1913 г. открыт Спортклуб.

Вовлечение в общественную жизнь различных социальных слоев во многом было связано с развитием образования и культуры. Средние городские слои в Томске были представлены чиновниками, служащими учреждений и частных предприятий, медиками, учителями, преподавателями вузов, студентами, лицами свободных профессий. С деятельностью средних слоев во многом было связано изменение социокультурного пространства города. Большой вклад в развитие культурной жизни Томска внес меценат и просветитель П.И. Макушин. Он стоял у истоков сибирской книготорговли, основал газету «Томский справочный листок» (1894), из которой вырос «Томский листок», а затем – «Сибирская жизнь». Основанное П.И. Макушиным Общество попечения о начальном образовании в г. Томске, по словам Потанина, «обладало силой воодушевить людей к дружной работе и создавать симпатии к себе «и в хижине, и в чертоге» [13. С. 93].

Обществом были открыты 4 приходских училища, женская рукодельная школа, школа кулинарии, мужские воскресные классы технического рисования, женские воскресные классы рисования, воскресная школа для взрослых. В 1884 г. общество открыло Бесплатную библиотеку, а затем Музей прикладных знаний. В библиотеке регулярно устраивались литературно-музыкальные утренники и вечера, детские праздники, спектакли, народные чтения. После запрещения деятельности общества в 1906 г. его преемником стало основанное в 1909 г. Общество попечения о народном образовании в г. Томске. К 1911 г. в нем состояли 299 членов [18. С. 21–24].

Томская городская дума безвозмездно передала Обществу попечения о народном образовании здание Бесплатной библиотеки и ее книжный фонд, который существенно пополнился в последующие годы. На 1 июня 1910 г. в библиотеке числились 2 160 подписчиков, более половины из которых составляли дети и подростки. Читальный зал библиотеки посещали от 300 до 700 человек в месяц [18. С. 26, 39]. При Бесплатной библиотеке действовал народный театр, в ней устраивались спектакли, вечера, детские утренники, лекции, по воскресеньям проводились бесплатные народные чтения. Репертуар пьес и чтений утверждался комиссией по устройству народных чтений и развлечений при обществе. Специальные тематические чтения посвящались творчеству русских писателей Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др.

Общество попечения о народном образовании возродило празднование годовщины присоединения Сибири к России (26 октября). На Сибирском празднике в 1910 г. Г.Н. Потанин «познакомил публику с историей празднования этого дня», а профессор М.И. Боголепов прочел доклад о материальной культуре и перспективах развития Сибири [18. С. 4]. В феврале 1913 г. обществом вновь был открыт для посещения публикой Музей прикладных знаний при Бесплатной библиотеке [19. 1913. 23 апр.].

Мероприятия общества, как отмечалось в газете «Сибирская жизнь», «привлекали внимание значительных кругов населения г. Томска», ему удалось сделать народные развлечения «возможно доступными и дешевыми» [19. 1912. 28 окт.]. Так, например, на чтении с вокально-музыкальными номерами в Бесплатной библиотеке 17 февраля 1913 г. присутствовали более 600 человек [19. 1913. 19 февр.].

В 1902 г. П.И. Макушиным было основано Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии. За 10 лет при поддержке общества было открыто 278 библиотек [20. С. 93].

В 1896 г. по инициативе врача В.С. Пирусского было основано Общество содействия физическому развитию, которое стало одним из наиболее активных в Томске. Обществом устраивались детские площадки, летние колонии, купальни, катки, загородные прогулки, народные гулянья, спектакли, вечера, проводились спортивные состязания, в 1897 г. был организован «Сад трезвых развлечений», в котором были созданы условия для занятий гимнастикой и подвижными играми. В 1913 г. было завершено строительство здания манежа, в котором разместились детские кружки лепки, рисования, обработки дерева, переплета, рукоделия, проводились выставки-отчеты, а в зале устраивались различные культурно-развлекательные мероприятия.

Весомый вклад в культурную жизнь города вносили общества, объединявшие любителей искусств. Созданное в 1879 г. Томское отделение Императорского Русского музыкального общества в 1914 г. насчитывало в своих рядах 147 членов. При отделении действовали музыкальные классы (с 1893 г.), был организован хор, регулярно проводились концерты. Так, в 1913–1914 гг. были устроены 3 симфонических собрания, 2 оперных спектакля, 3 камерных вечера и 2 концерта. Преподаватели и учащиеся музыкальных классов также принимали участие в благотворительных концертах. По инициативе членов дирекции отделения было основано Общество содействия развитию музыкального образования в г. Томске [21. С. 7, 9, 14].

Первое сибирское хоровое певческое общество, созданное в 1908 г., имело своей целью «развитие и распространение художественного церковного и светского пения». При обществе действовали библиотека, передвижной хор, а с 1909 г. – общедоступные хоровые и фортепианные классы [22. С. 71, 119]. Обществом регулярно устраивались благотворительные концерты, часть из которых «для распространения общедоступных музыкальных выступлений в неимущих слоях населения» были бесплатными.

Первичное музыкальное образование, кроме классов музыкального и хорового обществ, можно было получить в частных музыкальных школах М.Л. Шиловской (с 1901 г.) и В.Н. Тютрюмовой (с 1908 г.). Плата за обучение в них составляла 80 рублей в год [22. С. 70–71].

15 марта 1909 г. состоялось учредительное собрание Томского общества любителей художеств, на котором присутствовали 30–35 человек [19. 1909. 17 марта]. Общество ставило целью «объединение художников

и любителей искусства на почве художественных интересов, распространение художественных идей в широкой публике путем организации выставок, публичных заседаний с чтением докладов по художественным вопросам, лекций об искусстве», а также «изучение художественного творчества местного населения» [22. С. 111–112]. В 1910 г. при обществе были открыты классы рисования и живописи. В 1911/1912 учебном году в них обучались 144 человека [23. С. 4].

На рождественские праздники обществом ежегодно устраивалась периодическая выставка, на которой в основном выставлялись работы местных художников. Так, на выставке 1911 г. было представлено 161 произведение. Выставку посетили 827 платных посетителей и около 200 бесплатных – учащихся начальных городских училищ [23. С. 3]. В разное время проводились персональные выставки таких художников, как Л.П. Базанова, А.С. Капустина, В.Д. Вучичевич, Г.И. Гуркин, С.М. Прохоров.

В 1909 г. на базе основанного в 1888 г. Драматического общества было создано Литературно-музыкально-драматическое общество, поставившее своей целью «способствовать художественному и литературному развитию своих членов и местного населения». Общество имело собственную библиотеку, реквизит (365 предметов), в сезон 1909–1910 гг. устроило 38 спектаклей, литературных собеседований и музыкальных вечеров, но затем активность его заметно снизилась, так как большинство его членов оказалось задействовано в спектаклях драматического кружка при Железнодорожном собрании [22. С. 110–111].

Литературно-артистический кружок, возглавляемый Г.Н. Потаниным, имел целью общение и объединение деятелей литературы и искусств и распространение в публике интереса к литературе и искусству [22. С. 110]. В кружок, объединявший 75 членов, входили В.А. Обручев, В.Я. Шишков, Б.П. Вейнберг, Г.А. Вяткин, Г.Д. Гребенщиков. Члены кружка устраивали вечера с чтением рефератов, докладов на литературные темы и концертными отделениями.

В январе 1909 г. было создано Общество народных развлечений. Оно ставило перед собой задачи: 1) занятия сценическим искусством в форме драматических спектаклей, литературно-музыкальных вечеров, литературных чтений, живых картин, концертов и других народных развлечений; 2) доставление как членам общества, так и публике возможности знакомиться с произведениями сценической литературы; 3) отчисление на народное образование в Томске. Несмотря на небольшое число членов (к марту 1911 г. – 57 чел.), общество с первых дней своего существования развернуло активную деятельность [22. С. 113]. Уже 18 января 1909 г. драмой Л.Н. Толстого «Власть тьмы» открылся театральный сезон. С 22 февраля того же года в ремесленной школе начались народные чтения, на которых присутствовали до 200 слушателей [19. 1909. 20 янв., 24 февр.]. С 1 сентября 1910 г. по 1 марта 1911 г. был проведен 31 вечер [22. С. 113]. Общество, не имея своей сцены, использовало площадки школы-театра Общества ремесленников, Коммерческого собрания, Бесплатной библиотеки.

Своеобразными корпоративными клубами были Общественное, Коммерческое, Железнодорожное и Военное собрания. В адресно-справочной книге за 1911 г. отмечалось, что в состав Общественного собрания допускались «всех званий и состояний лица, которые по своему поведению и образованию могут быть приняты в порядочное общество» [22. С. 291]. Однако по своему составу Общественное собрание больше напоминало закрытый элитарный клуб, костяк которого составляли верхушка чиновничества и крупные предприниматели. При собрании имелись театральный зал на 1 тыс. мест, библиотека, насчитывающая свыше 10 тыс. книг, действовала театральная комиссия.

Коммерческое собрание, открытое в 1900 г. Обществом взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске, объединяло лиц, принадлежащих к торгово-промышленному сословию. В 1909–1910 гг. в его состав входили 188 членов. За этот период собранием было устроено 29 спектаклей, вечеров и маскарадов, которые проводились в собственном зале, вмещавшем до 400 человек [22. С. 293].

Железнодорожное собрание действовало с 1902 г. Его членами могли состоять лица, находящиеся на службе казенных железных дорог, чины контроля и жандармской полиции. Посещать собрание могли представители всех сословий, кроме чернорабочих и прислуги. В 1908 г. при собрании функционировали детский сад, библиотека с кабинетом чтения и музыкально-драматический кружок (19 членов). Библиотека насчитывала 1 023 экземпляра, в нее выписывалось 20 газет и журналов. Музыкально-драматическим кружком в помещении Бесплатной библиотеки было устроено 17 спектаклей, 2 детских вечера, 1 маскарад и 3 семейно-танцевальных вечера. К 1911 г. собрание насчитывало 277 членов. Оно обзавелось собственным залом на 700 человек [19. 1909. 17 янв.; 22. С. 293].

Военное собрание объединяло офицеров Томского гарнизона и было закрыто для гражданских лиц.

В начале XX в. в Томске начинает развиваться трезвенное движение. В письмах с мест в издававшийся в Петербурге журнал «Сибирские вопросы» сообщалось, что крестьяне «пьянствуют во всю». Томский священник П.Н. Комаров писал: «Как тяжкий стон из края в край все громче ширится и раздается над родной нашей пьяный разгул. Плачут деревни, плачет и город от охватившего Россию грозного недуга – народного пьянства» [24. С. 1063].

Трезвенное движение в Сибири получило широкую поддержку духовенства. К 1914 г. при всех томских церквях действовали отделения общества трезвости. Большой вклад в антиалкогольную пропаганду внесли протоиерей И.И. Галахов, священники П.Н. Комаров, М.О. Солнцев, С.Л. Сосунов. «Для отвлечения народа от разгула в праздничные дни» в церквях устраивали народные чтения. Так, Обществом трезвости при градо-Томской Сретенской церкви в 1911 г. было проведено 18 чтений, на которых прочитано 65 статей религиозно-нравственного, исторического, бытового и научного содержания, в том числе 18 специальных по вопросам народной трезвости. Общее количество слушате-

лей превысило 8 650 человек: от 460 до 500 человек на каждом чтении [25, 26].

Томское студенчество громко заявило о себе уже в начале XX в. В годы первой русской революции студенты принимали активное участие в революционном движении, участвовали в работе политических партий. Поражение революции привело к заметному снижению революционной активности студенчества, а студенческие лидеры либо покинули город, либо отошли от партийной работы. Энергия студенчества направлялась на работу в академических кружках, проведение спортивных и культурных мероприятий. Основной формой объединения студентов были землячества. По данным А.А. Иванова и С.А. Некрылова, к 1912 г. в Томске действовало до 50 организованных землячеств, многие из которых были многолюдными, насчитывали до 100 человек и более [27. С. 97]. Землячествами устраивались корпоративные вечера, благотворительные концерты и спектакли.

С осени 1910 г. в Томске стала нарастать волна студенческого движения. Всколыхнуло студенчество известие о смерти Л.Н. Толстого. Сразу после получения телеграмм (7 ноября) в Технологическом институте состоялась сходка, организовано шествие, к которому присоединились студенты университета. На следующий день была устроена демонстрация, которую рассеяла полиция. В тот же день учащимися учительского института в память о Толстом были отменены занятия. 10–11 ноября в университете, Технологическом институте и на Высших женских курсах были проведены Дни памяти Л.Н. Толстого [28. 1911. № 5–6. С. 47–48].

В январе 1911 г. томское студенчество присоединилось к Всероссийской студенческой забастовке, объявленной в знак протеста против усиления реакции, политики правительства и вмешательства полиции в студенческую жизнь. В ходе забастовки произошло размежевание студенчества. Всего с 1909 г. по август 1914 г. студенты и учащиеся Томска бастовали 7 раз, провели 4 террористических акта (подсчет по данным хроники общественного движения [6]). В начале 1911 г. в Технологическом институте организационно оформилась академическая корпорация, действующая под лозунгом «Школа для науки». Корпорация, объединявшая около 50 студентов Технологического института и университета, была промонархической и проправительственной организацией [29. С. 130–133].

Студенты были не самой активной частью общественного движения. Рабочие типографий, фабричных заведений и приказчики с 1909 по первую половину 1914 г. провели 21 забастовку. Наиболее распространенным видом проявления активности были легальные собрания – 46 раз их устраивали студенты, рабочие, избиратели разных политических убеждений. Можно утверждать, что обещанная в манифесте 17 октября 1905 г. императором свобода собраний и слова в основном выполнялась. Нелегальная деятельность сократилась: за пять с половиной лет в городе распространялись листовки революционных организаций лишь 8 раз, можно было высказываться в открытой печати, хотя и не без последствий. Активность либе-

ральных слоев общества концентрировалась вокруг избирательных компаний в Государственную и городскую думы (обзор по данным хроники общественного движения [6]). Нелегальные организации находились под неусыпным надзором губернского жандармского управления. Его глава полковник С.А. Романов знал почти все о революционерах города через своих агентов, которые не могли проникнуть только в редакцию либеральной профессуры «Сибирская жизнь» и в социал-демократический профсоюз печатников. Партийные страсти открыто кипели у одних монархистов.

На рубеже XIX–XX вв. жены купцов, чиновников, служащих довольно активно участвовали в благотворительной и культурно-просветительной деятельности. Зарождение женского движения в Томске в начале XX в. было связано с борьбой женщин за право получать образование наравне с мужчинами. В октябре 1901 г. в Совет Томского университета было передано заявление, подписанное 330 томскими девушками и женщинами, с просьбой возбудить ходатайство о допущении женщин к слушанию лекций совместно с мужчинами [30. С. 60]. В период первой русской революции это движение получило широкую поддержку томской общественности, ходатайство о допущении женщин в вузы поддерживали городская дума, профессура и студенчество. В 1906 г. женщины впервые были допущены к занятиям в университете. После того как в 1908 г. властями было запрещено женщинам обучаться в российских университетах, в 1910 г. в Томске было открыто первое в Сибири высшее учебное заведение для женщин – Сибирские высшие женские курсы. Это было частное заведение, но оно пользовалось широкой общественной поддержкой. В Томске с 1909 г. активно действовало Общество для доставления средств Сибирским высшим женским курсам, в составе которого в 1911 г. было более 650 членов. В состав совета общества входили известные профессора, купцы и их жены.

Осенью 1905 г. в Томске было создано Бюро союза равноправных женщин. В ноябре 1905 г. женщины-работницы пытались создать собственный профсоюз. Но после поражения революции женское движение как таковое было свернуто почти на десятилетие. Созданное в 1907 г. Общество защиты женщин «Пчельник» было благотворительной организацией, руководство которой в 1911 г. осуществляли супруга губернатора М.М. Гондатти, жена одного из богатейших томских купцов Иннокентия Кухтерина Екатерина Кухтерина, настоятельница женского монастыря Зинаида [22. С. 104–105]. И лишь в апреле 1914 г. было открыто Томское отделение Всероссийской лиги равноправия женщин.

Гораздо больших успехов, несмотря на многочисленные ограничения со стороны властей, достигло национальное движение. На рубеже XIX–XX вв. в Томске были созданы Римско-католическое благотворительное общество (1895), Евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество (1905), Еврейская студенческая касса взаимопомощи (1908). В январе 1903 г. в Томске был проведен I сибирский сионистский съезд, в котором участвовали представители еврейских диаспор Баргузина, Боготола, Иркут-

ска, Канска, Каинска, Красноярска, Мариинска, Нерчинска, Омска, Томска и Читы. На съезде в основном обсуждались вопросы культурной жизни сибирских евреев [31. С. 19].

Стало развиваться и национальное образование. В конце XIX в. были открыты начальные еврейское и магометанское (при мечети) училища. В 1905 г. в еврейском училище обучались 68 учащихся, в 1910 г. – 93. В 1908 г. в 6 мусульманских школах (3 мужских и 3 женских) обучались 450 мальчиков и 165 девочек. В 1905 г. было открыто лютеранское училище при приюте, где обучались 19 детей [22. С. 81; 32. С. 33, 37]. Эти школы содержались на средства национальных диаспор при поддержке городского управления. Так, на поддержку двух мусульманских мужских училищ городской думой в 1909 г. была выделена субсидия в размере 600 рублей. Однако на заседании Томской городской думы при рассмотрении сметы расходов на 1911 г. было отмечено, что «по числу магометанского народонаселения недостаточно как этих школ, так и выдаваемого денежного пособия» [33. 1910. № 39-40 (1–8 сент.). С. 4, 7].

После первой русской революции появились организации, направившие свои усилия на национальную культурно-просветительскую деятельность. С 1909 г. действовало Общество мусульман-прогрессистов, поставившее своей целью улучшение и развитие культурной, правовой и экономической жизни мусульман и распространение между ними современного просвещения [22. С. 113]. С февраля 1913 г. обществом издавалась газета «Сибирия» (тираж до 1 тыс. экз.), но уже к концу лета из-за недостатка средств ее выпуск был прекращен [19. 1913. 8 сент.].

С лета 1913 г. действовал Мусульманский литературно-музыкальный драматический кружок [22. С. 63]. В начале 1910 г. были созданы отделы Еврейского литературного общества (ЕЛО) и Общества для распространения просвещения между евреями (ОПЕ) [32. С. 46–47]. По национальному признаку строилась часть таких студенческих землячеств, как кавказское (с 1908 г. – армянское и грузинское), литовско-польское, украинское.

Национальные организации и землячества периодически устраивали культурные мероприятия, нередко имевшие благотворительную направленность. Так, 24 ноября 1908 г. в Коммерческом собрании был проведен украинский вечер, сбор от которого был направлен украинскому землячеству. 10 января 1909 г. в Общественном собрании прошел польский бал в пользу Римско-католического общества. 16 февраля 1909 г. состоялся еврейский вечер в честь юбилея Шолом-Алейхема, сбор от которого был направлен в пользу бедных евреев г. Томска. 19 мая 1913 г. Обществом мусульман-прогрессистов на ипподроме было устроено народное гулянье «Сабантуй», сбор от которого превысил 1 тыс. рублей [19. 1909. 10 янв., 18 февр.; 1913. 19, 21 мая].

Важную роль в формировании и развитии культурного пространства города играла периодическая печать. В период 1900–1913 гг. в Томске, по нашим подсчетам, основанным на данных Е.Н. Косых и А.В. Яковенко

[34. С. 76–130, 301–305], выходило свыше 70 периодических изданий. Однако следует учесть, что часть этих изданий ограничивалась 1–3 номерами, часть (научные сборники, материалы общественных организаций) выходила со значительными временными перерывами. Также необходимо отметить и то, что некоторые издания меняли свое название. Так, журнал «Дорожник по Сибири и Азиатской России» с 1901 г. стал именоваться «Сибирский наблюдатель», с 1906 г. – «Сибирские отголоски», а с 1910 г. стала выходить газета «Сибирское слово». «Сибирская брачная газета», издававшаяся в 1910 г., вскоре стала именоваться «Брак и семья».

Из всего массива периодики около 40% изданий относится к специальным (научным и профессиональным). Это «Известия Императорского Томского университета», «Известия Томского технологического института», «Бухгалтер-практик», «Врачебно-санитарная хроника г. Томска», «Журнал Общества сибирских инженеров», «Сибирский врач», «Сибирское сельское хозяйство», «Горные и золотопромышленные известия» и др. Официальные издания «Томские губернские ведомости» и «Известия Томского городского общественного управления» носили информационный характер. «Томские епархиальные ведомости» освещали жизнь епархии. При поддержке властей выходили октябристская газета «Время» (1906–1907) и черносотенная «Сибирская правда» (1908–1915).

Относительно немного было изданий, адресованных широкой аудитории и регулярно выходивших на протяжении нескольких лет. Среди них – «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (1885–1905), «Сибирская мысль» (1906–1907), «Голос Томска» (1907–1908), «Утро Сибири» (1911–1917). Особое место в этом ряду занимала газета «Сибирская жизнь» (1897–1919). Это была одна из самых массовых сибирских газет, тираж которой в 1905 г. достигал 15 тыс. экземпляров. По насыщенности информацией она далеко опережала все остальные губернские издания, наиболее полно освещая все сколько-нибудь значимые события в регионе, сообщала такие сведения о культурной жизни города, которые выпадали из поля зрения других изданий.

Представителями томской интеллигенции предпринимались попытки выпуска изданий, отражающих различные стороны духовной жизни края. Так, в 1909 г. издавался художественный журнал, посвященный литературе, общественной жизни, искусствам и науке, – «Молодая Сибирь», на смену которому пришел литературно-критический журнал «Сибирская новь». В них публиковались произведения томских писателей, освещались проблемы ссылки, инородческого населения, положения Сибири как «великорусской окраины». Выпуск журнала «Томский театрал» в 1906 г. ограничился 4 номерами и 3 выпусками.

Филолог А.В. Козловская на основе анализа одного из номеров журнала «Томский театрал» указала на такие его черты, как узость проблематики, бедность жанров, отсутствие интересных заголовков, названий рубрик, и отметила, что это – типичный образец прессы дореволюционного Томска [35. С. 10]. Но даже с современных позиций такая оценка томской прессы

некорректна, нельзя судить по одному журналу о состоянии периодической печати всего города. К примеру, «Сибирская жизнь» была среди лучших провинциальных газет России, как и «Утро Сибири». Нельзя забывать и о том, что пресса действовала в условиях жесткой цензуры. Только в 1911 г. «Сибирская жизнь» была оштрафована 5 раз на общую сумму 1 500 рублей [28. 1912. № 1-2. С. 24]. Кстати, среди современных изданий немного найдется сопоставимых с «Сибирской жизнью» по широте проблематики и информационной значимости.

Г.Н. Потанин называл местную прессу «выразителем нужд Сибири» [36. С. 283]. В статье «Сибирские вопросы», опубликованной в журнале «Сибирские вопросы», отмечалось, что «ни черносотенные, ни „казенного направления“ газеты в Сибири не прививаются, и с прогрессивным направлением у нас стоит крепко, несмотря на все препятствия» [28. 1912. № 1-2. С. 27].

Развитие образования и просвещения было связано с расширением библиотечной сети. Кроме уже упомянутой Бесплатной библиотеки в 1911 г. действовали городская публичная библиотека, библиотеки университета, Сибирской железной дороги, П.И. Макушина, епархиальная, польская, Сибирская театральная Н.А. Попова [22. С. 146–154]. Также имелись библиотеки при средних учебных заведениях, Общественном и Железнодорожном собраниях, Обществе взаимного вспоможения приказчиков, редакции газеты «Сибирская жизнь».

Университетская библиотека была «самой богатой» в Сибири. Право пользоваться читальным залом, помимо преподавателей и студентов, имели все лица мужского пола, состоявшие на службе по Министерству народного просвещения, а также живущие в Томске врачи и местные чиновники [22. С. 146].

Городская публичная библиотека – одна из старейших сибирских библиотек – была открыта в 1830 г. при городской думе. Руководство библиотекой осуществлял специальный библиотечный комитет, избираемый думой. К 1912 г. фонд библиотеки содержал 7 427 названий книг (11 393 экз.), 415 газет и журналов (4 886 экз.), причем этот фонд постоянно пополнялся. У библиотеки было 614 подписчиков (читателей) [37. С. 2, 4]. Библиотека Сибирской железной дороги, основанная в 1899 г., по количеству и разнообразию выписываемых периодических изданий была одной из самых богатых в Томске. В 1909 г. выписывалось 253 таких издания [22. С. 152].

С конца XIX в. представители томской интеллигенции выступали за открытие в городе общедоступного музея. Городская дума в заседании 3 февраля 1911 г. постановила в ознаменование 50-летия отмены крепостного права учредить в Томске областной сибирский научно-художественный музей, ассигновав на эти цели 50 тыс. рублей. В состав комитета по устройству музея вошли такие известные в городе люди, как Г.Н. Потанин, П.И. Макушин, Е.Л. Зубашев, А.В. Адрианов, архитектор В.Ф. Оржешко, предприниматель К.Р. Эман. Однако краеведческий музей в Томске был открыт только после гражданской войны.

В начале XX в. в городе действовал ряд небольших музеев. Музеи университета (анатомический, ботанический, минералогический, зоологический, археологический) принимали публику в воскресные дни по согласованию с их заведующими. Педагогический музей учебных пособий был ориентирован только на преподавателей приходских училищ. Лишь музей прикладных знаний в Бесплатной библиотеке был открыт для посещений широкой публики. Однако, по мнению А.В. Адрианова, он был «беден по своему содержанию и разношерстен по составу» [19. 1913. 15 нояб.].

Драматична была судьба томского театра. После того как здание построенного в 1885 г. Королёвского театра было сожжено во время черносотенного погрома в октябре 1905 г., гастролы заезжих трупп и местных коллективов проводились на сценах Общественного, Коммерческого, Железнодорожного собраний и в зале Бесплатной библиотеки. «К стыду перед другими сибирскими городами Томск не имеет постоянного здания городского театра», – указывалось в газете «Утро Сибири» [38. 27 окт.].

Одним из центров культурной жизни Томска был Гоголевский дом, заложенный на средства городского самоуправления в 1902 г. в ознаменование 50-летия со дня смерти писателя. В нем размещались вечерние общеобразовательные курсы, городская женская профессиональная школа, мужское и женское приходские училища, а также музей учебных пособий. В Гоголевском доме устраивались любительские спектакли, литературные чтения, концерты, проходили заседания общественных организаций.

7 октября 1912 г. был открыт Дом науки имени П.И. Макушина. Еще в начале XX в. Макушин высказал предложение об открытии в Томске народного университета, задачу которого он видел «в широком распространении общего и... высшего научного образования и привлечении симпатий населения к науке и знанию» [39. С. 10]. Но только в 1910 г. на средства Макушина при поддержке Томской городской думы и общественности началось строительство здания. На торжествах по случаю открытия Дома науки Макушин в своей речи подчеркнул, что «народный университет имеет в виду обслуживать нужды по преимуществу пасынков русского просвещения, т.е. обездоленные в культурном отношении слои общества» [39. С. 11].

Однако разрешение на открытие народного университета не было получено. В здании с 8 аудиториями на 960 мест проходили занятия Сибирских высших женских курсов, а в 1912–1914 гг. – Общеобразовательных вечерних классов (курсов). Также в Доме науки проводились летние регентские курсы для псаломщиков и учителей церковно-приходских школ. В здании размещались Сибирское фотографическое общество, с 1913 г. – Томское общество любителей художеств. Там проводились выставки и различные мероприятия. В частности, 21 февраля 1913 г. Вольнопожарным обществом было устроено литературно-музыкальное утро по случаю 300-летия дома Романовых, а вечером состоялось два юбилейных сеанса волшебного фонаря и кинематографа. 28 апреля 1913 г.

в рамках «Дня трезвости» с лекцией выступил профессор П.Н. Лашенков [19. 1913. 21 февр., 28, 30 апр.].

В начале XX в. в Томске появился кинематограф. Первый сеанс состоялся еще в 1898 г., а в августе 1908 г. открылся первый кинотеатр. В 1911 г. действовали электротeatры «Заря», «Иллюзион», «Луч», «Мефистофель», «Метеор», «Фурор», «Художественный театр» [19. 1908. 13 авг.; 22. С. 295; 30. С. 121–122].

Первый цирк – Н.К. Боровского – был основан еще в 1896 г. В 1906 г. на берегу Ушайки был открыт цирк Стрепетова [30. С. 81, 116]. В 1911 г. было построено новое здание цирка Франца Изако, в котором регулярно устраивались представления с участием акробатов и гимнастов, пантомимы, состязания борцов, а также выступали гастролирующие труппы. Но уже с начала 1912 г. рядом с программой выступлений публиковалось сообщение о продаже здания цирка на слом [19. 1912. 10 февр., 11 марта]. В 1913 г. цирк почти не функционировал, и лишь с конца июля 1914 г. в нем по понедельникам и пятницам устраивались общедоступные спектакли товарищества драматических артистов под руководством О.П. Томилина [19. 1914. 20, 22, 24 июля].

С 1880-х гг. в Томск почти ежегодно приезжали передвижные зверинцы, которые порой оставались в городе по 3–4 месяца. В первое десятилетие XX в. регулярно через 1–2 года появлялся зверинец Ф. Эйгуса [40. С. 39]. В 1906 г. Обществом поощрения коннозаводства был открыт ипподром, на котором регулярно устраивались бега и скачки, разыгрывались призы на приличные суммы.

Особый интерес горожан вызывали зрелища, связанные с достижениями науки и техники. Так, 13 апреля 1902 г. один из томских спортсменов прокатился по улицам на бензиновом автомобиле. За ним «бродила целая толпа праздных зевак» [41. 18 апр.]. 11 сентября 1906 г. в Городском саду был запущен воздушный шар. Современник писал, что это – «зрелище невиданное в Томске», оно собрало «громadные толпы обывателей всех званий и возрастов, несущихся сломя голову с воплями и дикими возгласами по городским улицам вслед за летящим шаром. Это была картина, поистине оригинальная и... дикая» [19. 1906. 14 сент.].

14 августа 1911 г. состоялся первый показательный полет аэроплана. Задолго до начала полета томичи с семьями потянулись на ипподром, где находился аэроплан. Собралась огромная толпа – до 10 тыс. человек. Платные места были переполнены. Люди сидели на траве, залазили на деревья и крыши близлежащих домов. Полет прошел успешно, и на следующий день собралось еще больше публики. Однако основная масса предпочла наблюдать зрелище бесплатно, раскуплены были только самые дешевые билеты [19. 1911. 17 авг.].

При большом стечении публики 14 мая 1913 г. в Лагерном саду состоялся пробный пробег аэроплана, собранного членами аэрокружка студентов Технологического института [19. 1914. 17 мая]. Из этого аэрокружка, кстати, вышли главные наши конструкторы вертолетов – Михаил Леонтьевич Миль и Николай Ильич Камов.

Интерес публики вызывали и спортивные состязания. В 1913 г. в Томске насчитывалось около 15 футбольных команд, которые весь сезон неумоимо играли между собой, привлекая массу зрителей [42. С. 89]. 1 сентября 1913 г. Спортклубом на ипподроме были проведены состязания на мотоциклетах, велосипедах, по футболу и легкой атлетике [19. 1911. 1, 11 сент.].

Зимой на катках, которые устраивались Добровольным пожарным обществом и Обществом содействия физическому развитию, проводились конькобежные состязания. Так, в конце осени 1907 г. Первым спортивным кружком конькобежцев г. Томска были организованы гулянья и бега [19. 1907. 10 нояб.]. 10 января 1914 г. в Томске был открыт скетинг-ринг – деревянный манеж для катания на роликовых коньках на 200 человек с трибунами на 500 мест [19. 1914. 12 янв.]. Там проводились соревнования, а перед ними – костюмированные балы и выступления артистов.

В теплое время года действовали городские сады. Лучшим местом для отдыха и прогулок современники считали Университетскую рощу. Лагерный сад был в запустении. Гулянья устраивались в Городском саду и частных садах «Эрмитаж» и «Буфф». В последнем были летний крытый театр и открытая сцена, действовала кафе-шантанная труппа; с 7 часов вечера, когда начинал играть оркестр, взималась плата за вход – 30 копеек. Еще один сад был устроен Обществом содействия физическому развитию на Губкинской заимке (в районе Белого озера). В одном из гуляний в этом саду летом 1909 г. приняли участие около 2,5 тыс. человек [22. С. 133, 295].

Нередко такие гуляния организовывались общественными организациями с целью пополнения своего бюджета. Так, в 1906 г. сбор от гуляния в Городском саду 9 июля был направлен в пользу Общества взаимопомощи учащим и учившим, а 23 июля – в пользу Римско-католического благотворительного общества. Устраивались гуляния и на пароходах. 21 мая и 25 июня 1906 г. такие гуляния были устроены Добровольным пожарным обществом, в конце апреля 1910 г. – Обществом сибирских техников [19. 1906. 9, 23 июля; 1910. 30 апр.].

Обеспеченные горожане на лето выезжали на дачи в близлежащие деревни Аникино, Басандайку, Воронино, Заварзино, Кисловку и др. За рекой Томь, напротив города, на арендованных землях развернулось строительство частных дач. Место получило название «Городок», а в 1909 г. было основано общество по его обустройству.

Развитие капиталистических отношений привело к развитию образования и формированию массовой культуры. Основной движущей силой в этом процессе выступали средние городские слои. Именно они составляли костяк общественных организаций, занимались, как по долгу службы, так и по личной инициативе, продвижением образования, просвещения и культуры в массы. Одновременно эти слои являлись и основными потребителями достижений культуры. В то же время не стоит идеализировать и интеллигенцию. «У нашего обывателя вообще вяло пробивается энергия в поисках разумного проведения свободных часов», – писал один

из корреспондентов в журнал «Сибирские вопросы» [28. 1912. № 1-2. С. 41]. В письмах с мест отмечалось, что в Сибири «жизнь интеллигентного общества вращается главным образом около трех добродетелей: карт, выпивки и сплетен» [28. 1912. № 1-2. С. 36]. Все же приведенные выше данные свидетельствуют, что проведение свободного времени средними слоями становилось все более разнообразным и содержательным.

Доступ к образованию и культуре низших слоев общества был затруднен и ограничен. В Томске на 1 января 1911 г. из 6 662 детей школьного возраста обучались 5 114 человек [43. С. 7], т.е. 76,8%. Однако для России начала XX в. этот показатель весьма высокий.

Большинство развлекательных мероприятий было платным. При этом даже самые дешевые билеты на представления и гуляния по цене 10–30 копеек для городских низов были непозволительной роскошью. Зарплаты низкоквалифицированных работников (чернорабочих, землекопов, сторожей) в 1913–1914 гг. составляли 20–35 рублей [44. С. 86–87], а у прислуги, прачек – и того меньше. Те немногочисленные бесплатные мероприятия, которые устраивались в городе, как правило, вызывали большой интерес и привлекали много публики. Современники писали, что «общественная жизнь в Томске бедна событиями» [19. 1913. 20 февр.], «Томск обделен дешевыми, доступными, бесплатными и разумными развлечениями для народа»

[19. 1912. 28 окт.]. Приходится делать вывод, что интенсивность участия в общественной жизни города менялась от одного слоя общества к другому. Состоятельные горожане и средние по достатку слои имели возможность и время для достаточно насыщенного событиями культурного досуга, были информированы о политических событиях в стране и мире, готовы на них реагировать. Бедные и беднейшие слои горожан бились за кусок хлеба, и участие в общественных событиях для них было пассивным и редким.

Подводя итог, следует отметить, что за первые полтора десятилетия XX в. в культурной жизни Томска произошли большие изменения, которые выражались в расширении сети образовательных и культурных учреждений, создании общественных организаций, развитии культурно-просветительской деятельности, а в результате – в вовлечении в общественно-политическую и культурную жизнь все более широких слоев населения и в формировании политической и массовой культуры. Таким образом, перед нами образ быстро развивающегося раннеиндустриального города, регионального центра [45], полного активной общественной, административной жизни и надежд, население которого еще не знает, что город скоро утратит свое экономическое и региональное лидерство, и ему останется на десятки лет доля старого учителя для всей Сибири.

Список источников

1. Рабочее движение в Сибири : историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. / ред. Н.В. Блинов, В.П. Зиновьев. Томск : Изд-во ТГУ, 1988. Т. 1: XVII в. – 1904 г. 374 с.
2. Рабочее движение в Сибири : историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. / ред. Н.В. Блинов, В.П. Зиновьев. Томск : Изд-во ТГУ, 1990. Т. 2: 1905 – июнь 1907 г. 376 с.
3. Рабочее движение в Сибири : историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. / ред. Н.В. Блинов, В.П. Зиновьев. Томск : Изд-во ТГУ, 1991. Том 3: Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. 343 с.
4. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг. Хроника. М. : Ин-т Рос. истории РАН, 1992–2008. Вып. I–X: 1895–1904 гг.
5. Хроника общественного движения в Сибири. 1895 – февраль 1917 гг. Томск : ТГУ, 1996. Кн. 1: Общественное движение в Омске. 1895 – февраль 1917 гг. 171 с.
6. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1: 1880 – февраль 1919 г. 402 с.
7. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 2, ч. 1: Март–август 1917 г. 416 с.; Т. 2, ч. 2: Сентябрь 1917 – май 1918 г. 386 с.
8. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / сост. Н.С. Ларьков, В.А. Дробченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. 376 с.
9. Зиновьев В.П. Статистика общественного движения уездного города России на примере Барнаула (1880 – февраль 1917 года) // Актуальные вопросы истории Сибири : Тринадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сб. науч. ст. / под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. Барнаул : Азбука, 2021. С. 59–65.
10. Дробченко В.А. Кузбасс в вихре революций: Общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 662 с.
11. Дегаляцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002. 287 с.
12. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 гг. Петроград : Д.Р. Юнг, [1914]. 1597 с., [32] л. ил.
13. Город Томск. Томск : Изд. Сиб. т-ва печатного дела в Томске, 1912. 348, 79, 73 с., [10] л. (Бесплатное приложение к газете “Сибирская жизнь” за 1912 год).
14. Зиновьев В.П. Экономические общества в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 120–126. doi: 10.17223/15617793/471/14
15. Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Fominykh S.F. Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 // Bylye Gody. 2018. Vol. 47, is. 1. P. 208–216.
16. Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Sulyak S.G. Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919 // Bylye Gody. 2019. Vol. 51, is. 1. P. 272–283. doi: 10.13187/bg.2019.1.272
17. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Научные и технические общества Томской губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 3. С. 904–920. doi: 10.21638/11701/srbu02.2020.312
18. Отчет общества попечения о народном образовании в г. Томске : за время с 1 ноября 1909 г. по 31 декабря 1910 г. и с 1 января 1911 г. по 1 октября 1911 г. Томск : Типо-лит. Сиб. т-ва печатного дела, 1911. 42 с.
19. Сибирская жизнь. Томск.
20. Краткий очерк деятельности Общества за время его существования и отчет Совета Общества за 1910–1912 год / Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии. Томск : Тип. Дома трудолюбия, 1912. 45, [3] с.
21. Русское Императорское музыкальное общество. Томское отделение : отчет за 1913–1914 год. Томск : Паровая тип. П.К. Орловой, 1915. 156 с.
22. Чавыкин Г.В. Весь Томск на 1911–1912 гг. : адресно-справочная книжка. Год изд. 1-й. Томск, 1911. [369] с., разд. паг.

23. Томское общество любителей художеств : отчет о деятельности Томского общества любителей художеств за 1911–1912 год. Томск : Печатня С.П. Яковлева, 1913. 14, [1] с.
24. Комаров П.Н. Трезвенное дело в Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1912. 1 окт. № 19. Отд. общецерковный. С. 1063–1077.
25. Отчет о деятельности Общества трезвости при Градо-Томской Сретенской церкви за 1911 г. Томск : Тип. Дома трудолюбия, 1912. 12 с.
26. Афанасьев А. Л. Трезвенное движение в Томске и Томском уезде (конец XIX в. – 1909 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 158–162.
27. Иванов А.А., Некрылов С.А. Студенческое самоуправление в Томском университете (конец XIX – начало XX в.) // Жизнь в истории : к 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 94–101.
28. Сибирские вопросы. СПб.
29. Ищенко О.В. Из истории существования и деятельности академической корпорации студентов г. Томска в начале XX в. // Исторический ежегодник, 2002–2003. Омск, 2003. С. 127–140.
30. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом : хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 345 с.
31. Нам И.В., Наумова Н.И. Сибирские сионисты в начале XX в. // Сибирская старина. 2003. № 21.
32. Кутилова Л.Л., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919 / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во ТГУ, 1999. 298 с.
33. Известия Томского городского общественного управления. Томск.
34. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.) : сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск : Ветер, 2011. 375 с.
35. Козловская А.В. Особенности специализированных журналов Томска начала XX века (на примере журнала «Томский театрал») // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. аспирантов и студентов. Воронеж, 2015. С. 9–10.
36. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 260–294.
37. Отчет Томской городской публичной библиотеки за 1912 год (Тринадцатый год ее существования). Томск : Паровая тип. Н.И. Орловой, 1913. 21 с.
38. Утро Сибири. Томск, 1912.
39. Дом науки имени Петра Ивановича Макушина в Томске : открыт 7-го октября 1912 года / [предисл. П.И. Макушина]. Томск : Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. 144 с., [2] л.
40. Вавилов С.П. Звери в Томске // Сибирская старина : краеведческий альманах. 2003. № 20. С. 38–39.
41. Сибирский вестник. Томск, 1902.
42. Дмитриенко Н.М. Молодежь Томска в общественном движении (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Проблемы истории и исторического познания : сб. науч. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 84–98.
43. Виноградов П.Т. Краткий очерк начального образования в Томской губернии в 1910 году. Томск : Тип. губернского управления, 1912. 23, [5] с., [1] л.
44. Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. 334 с.
45. Зиновьев В.П. Региональные центры управления в России (на примере Томска, Омска, Иркутска) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 68–71.

References

1. Blinov, N.V. & Zinoviev, V.P. (eds) (1988) *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika: v 3 t.* [The Labor Movement in Siberia: Historiography, Sources, Chronicle, Statistics: In 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Blinov, N.V. & Zinoviev, V.P. (eds) (1990) *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika: v 3 t.* [The Labor Movement in Siberia: Historiography, Sources, Chronicle, Statistics: In 3 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
3. Blinov, N.V. & Zinoviev, V.P. (eds) (1991) *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika: v 3 t.* [The Labor Movement in Siberia: Historiography, Sources, Chronicle, Statistics: In 3 vols]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
4. Pushkareva, I.M., Zheltova, V.P. & Kiryanov, Yu.I. (1992–2008) *Rabochee dvizhenie v Rossii. 1895 – fevral' 1917 gg. Khronika* [The Labor Movement in Russia. 1895 – February 1917. Chronicle]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
5. Tolochko, A.P., Plotnikov, A. E., Rodionov, Yu.P. et al. (1996) *Khronika obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri. 1895 – fevral' 1917 gg.* [Chronicle of Social Movement in Siberia. 1895 – February 1917]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
6. Zinoviev, V.P. & Kharus, O.A. (eds) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [Socio-Political Life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Chernyak, E.I. & Drobchenko, V.A. (eds) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [Socio-Political Life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 2(1). Tomsk: Tomsk State University.
8. Larkov, N.S. & Drobchenko, V.A. (eds) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [Socio-Political Life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
9. Zinoviev, V.P. (2021) Statistika obshchestvennogo dvizheniya uездного goroda Rossii na primere Barnaula (1880 – fevral' 1917 goda) [Statistics of social movement in a Russian district town: The case of Barnaul (1880 – February 1917)]. In: Skubnevskiy, V.A. & Bobrov, D.S. (eds) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Trinadtsatye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina* [Current Issues in the History of Siberia: The Thirteenth Readings in Memory of Professor A.P. Borodavkin]. Barnaul: Azbuka. pp. 59–65.
10. Drobchenko, V.A. (2008) *Kuzbass v vikhre revolyutsii: Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' kraia v marte 1917 – mae 1918 g.* [Kuzbass in the Whirlwind of Revolutions: Socio-Political Life of the Region in March 1917 – May 1918]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Degaltseva, E.A. (2002) *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.)* [Non-Political Public Organizations in Western Siberia (1861–1917)]. Barnaul: Altai State Technical University.
12. Anon. (1914) *Sibirskiy torgovo-promyshlennyy ezhegodnik. 1914–1915 gg.* [Siberian Commercial and Industrial Yearbook. 1914–1915]. Petrograd: D.R. Yung.
13. Anon. (1912) *Gorod Tomsk* [The City of Tomsk]. Tomsk: Izd. Sib. t-va pechatnogo dela v Tomске.
14. Zinoyev, V.P. (2021) Economic societies in the cities of Tomsk province in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 120–126. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/471/14
15. Zinoyev, V.P., Zinoyeva, V.I. & Fominykh, S.F. (2018) Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917. *Bylye Gody*. 47(1). pp. 208–216.
16. Zinoyev, V.P., Zinoyeva, V.I. & Sulyak, S.G. (2019) Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919. *Bylye Gody*. 51(1). pp. 272–283. DOI: 10.13187/bg.2019.1.272
17. Zinoyev, V.P. & Sulyak, S.G. (2020) Nauchnye i tekhnicheskie obshchestva Tomskoy gubernii [Scientific and technical societies of Tomsk province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 65(3). pp. 904–920. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2020.312
18. Society for the Care of Public Education in Tomsk. (1911) *Otchet obshchestva popecheniya o narodnom obrazovanii v g. Tomске: za vremya s 1 noyabrya 1909 g. po 31 dekabrya 1910 g. i s 1 yanvary 1911 g. po 1 oktyabrya 1911 g.* [Report of the Society for the Care of Public Education in the City of Tomsk: from November 1, 1909, to December 31, 1910, and from January 1, 1911, to October 1, 1911]. Tomsk: Tipo-lit. Sib. t-va pechatnogo dela.

19. *Sibirskaya zhizn'*. (Tomsk)
20. Society for the Promotion of the Establishment of Rural Free Libraries and Reading Rooms in Tomsk Province. (1912) *Kratkiy ocherk deyatelnosti Obshchestva za vremya ego sushchestvovaniya i otchet Soveta Obshchestva za 1910–1912 god* [Brief outline of the Society's activities during its existence and the report of the Society's Council for 1910–1912]. Tomsk: Tip. Doma trudolyubiya.
21. Russian Imperial Musical Society. (1915) *Russkoe Imperatorskoe muzykal'noe obshchestvo. Tomskoe otделение: otchet za 1913–1914 god* [Russian Imperial Musical Society. Tomsk Branch: Report for 1913–1914]. Tomsk: P.K. Orlova.
22. Chavykin, G.V. (1911) *Ves' Tomsk na 1911–1912 gg.: adresno-spravochnaya knizhka* [All Tomsk for 1911–1912: Address and Reference Book]. Tomsk: [s.n.].
23. Tomsk Society of Art Lovers. (1913) *Tomskoe obshchestvo lyubiteley khudozhestv: otchet o deyatelnosti Tomskogo obshchestva lyubiteley khudozhestv za 1911–1912 god* [Tomsk Society of Art Lovers: Report on the activities of the Tomsk Society of Art Lovers for 1911–1912]. Tomsk: S.P. Yakovlev.
24. Komarov, P.N. (1912) *Trezvennoe delo v Tomskoy eparkhii* [Temperance work in Tomsk diocese]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st October. pp. 1063–1077.
25. The Temperance Society at the Tomsk Sretenskaya Church. (1912) *Otchet o deyatelnosti Obshchestva trezvosti pri Grado-Tomskoy Sretenskoj tserkvi za 1911 g.* [Report on the activities of the Temperance Society at the Tomsk Sretenskaya Church for 1911]. Tomsk: Tip. Doma trudolyubiya.
26. Afanasyev, A.L. (2009) *Trezvennoe dvizhenie v Tomске i Tomskom uезде (konets XIX v. – 1909 g.)* [Temperance movement in Tomsk and Tomsk district (late 19th century – 1909)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 158–162.
27. Ivanov, A.A. & Nekrylov, S.A. (2006) *Studencheskoe samoupravlenie v Tomskom universitete (konets XIX – nachalo XX v.)* [Student self-government at Tomsk University (late 19th – early 20th centuries)]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Zhizn' v istorii: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.M. Razgona* [Life in History: On the 100th Anniversary of I.M. Razgon's Birth]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 94–101.
28. *Sibirskie voprosy*. St. Petersburg.
29. Ishchenko, O.V. (2003) *Iz istorii sushchestvovaniya i deyatelnosti akademicheskoy korporatsii studentov g. Tomсka v nachale XX v.* [From the history of existence and activities of the academic corporation of students in Tomsk in the early 20th century]. *Istoricheskiy ezhegodnik*. 2002–2003. pp. 127–140.
30. Dmitrienko, N.M. (2003) *Den' za dnem, god za godom: khronika zhizni Tomсka v XVII–XX stoletiyakh* [Day by Day, Year by Year: Chronicle of Tomsk Life in the 17th – 20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2003) *Sibirskie sionisty v nachale XX v.* [Siberian Zionists in the early 20th century]. *Sibirskaya starina*. 21. pp. 19–21.
32. Kutilova, L.L., Nam, I.V., Naumova, N.I. & Safonov, V.A. (1999) *Natsional'nye men'shinstva Tomskoy gubernii. Khronika obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni. 1885–1919* [National Minorities of Tomsk Province. Chronicle of Social and Cultural Life. 1885–1919]. Tomsk: Tomsk State University.
33. *Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. Tomsk.
34. Kosykh, E.N. & Yakovenko, A.V. (2011) *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Periodicals of Siberia (second half of the 19th century – February 1917): Consolidated index of periodicals and serials]. Tomsk: Veter.
35. Kozlovskaya, A.V. (2015) *Osobennosti spetsializirovannykh zhurnalov Tomсka nachala XX veka (na primere zhurnala "Tomskiy teatral")* [Specialized magazines in Tomsk in the early 20th century (a case study of the magazine "Tomsk Theatre-Goer")]. *Problemy massovoy kommunikatsii: novyye podkhody* [Problems of Mass Communication: New Approaches]. Proc. of the Conference. Voronezh. pp. 9–10.
36. Potanin, G.N. (1908) *Nuzhdy Sibiri* [Needs of Siberia]. In: Melnik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyaniye i nuzhdy* [Siberia, its current state and needs]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 260–294.
37. Tomsk City Public Library. (1913) *Otchet Tomskoy gorodskoy publichnoy biblioteki za 1912 god (Trinadtsaty god ee sushchestvovaniya)* [Report of Tomsk City Public Library for 1912 (Thirteenth year of its existence)]. Tomsk: N.I. Orlova.
38. *Utro Sibiri*. (1912) Tomsk.
39. Makushin, P.I. (ed.) (1912) *Dom nauki imeni Petra Ivanovicha Makushina v Tomске: otkryt 7-go oktyabrya 1912 goda* [House of Science named after Pyotr Ivanovich Makushin in Tomsk: opened on October 7, 1912]. Tomsk: Typ. Priyuta i Doma trudolyubiya.
40. Vavilov, S.P. (2003) *Zveri v Tomске* [Animals in Tomsk]. *Sibirskaya starina: kraevedcheskiy al'manakh*. 20. pp. 38–39.
41. *Sibirskiy vestnik*. (1902) Tomsk.
42. Dmitrienko, N.M. (2001) *Molodezh' Tomсka v obshchestvennom dvizhenii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Youth of Tomsk in the social movement (second half of the 19th century – 1917)]. In: *Problemy istorii i istoricheskogo poznaniya* [Problems of History and Historical Knowledge]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 84–98.
43. Vinogradov, P.T. (1912) *Kratkiy ocherk nachal'nogo obrazovaniya v Tomskoy gubernii v 1910 godu* [Brief Outline of Primary Education in Tomsk Province in 1910]. Tomsk: Tip. gubernskogo upravleniya.
44. Zolnikov, D.M. (1969) *Rabochee dvizhenie v Sibiri v 1917 g.* [The Labor Movement in Siberia in 1917]. Novosibirsk: Nauka.
45. Zinov'ev, V.P. (2017) *Regional'nye tsentry upravleniya v Rossii (na primere Tomсka, Omska, Irkutсka)* [Regional centers of governance in Russia (the case of Tomsk, Omsk, Irkutsk)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 21. pp. 68–71.

Сведения об авторах:

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Дробченко Владимир Александрович – доктор исторических наук, независимый исследователь (Анжеро-Судженск, Россия). E-mail: vadrobenchenko@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zinov'ev Vasily P. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Drobchenko Vladimir A. – Doctor of Historical Sciences, Independent Researcher (Anzhero-Sudzhensk, Russian Federation). E-mail: vadrobenchenko@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 07.11.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/94/5

Представления о лояльности населения престолу и особенности верноподданнической риторики в жандармских донесениях 1820–1830-х гг. (по материалам 2-го округа Корпуса жандармов)

Мария Олеговна Иванова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, moivanova@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции коллективных представлений жандармских офицеров о нормативных проявлениях лояльности престолу и анализу верноподданнической риторики на примере материалов 2-го округа Корпуса жандармов. Исследование опирается на документы из фондов Государственного архива Российской Федерации и опубликованные источники. Анализ риторики донесений и отчетов выявил ряд устойчивых эмоциональных категорий-стереотипов (положительных и отрицательных) и типичных словесных конструкций, использовавшихся для выражения и проявления лояльности престолу.

Ключевые слова: Корпус жандармов, коллективные представления, Центральная Россия, лояльность, история эмоций

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01576 «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», реализуемого на базе Института российской истории РАН (Москва). Автор выражает благодарность Г.Н. Бибикову за многочисленные обсуждения проекта, ценные советы и комментарии.

Для цитирования: Иванова М.О. Представления о лояльности населения престолу и особенности верноподданнической риторики в жандармских донесениях 1820–1830-х гг. (по материалам 2-го округа Корпуса жандармов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 38–47. doi: 10.17223/19988613/94/5

Original article

Perceptions of the People's Loyalty to the Throne and the Features of Loyalist Rhetoric in Gendarme Reports of the 1820–1830s (Based on the Material of the Gendarmes' 2nd District)

Maria O. Ivanova

National Research University Higher School of Economics University, Moscow, Russian Federation, moivanova@hse.ru

Abstract. This article is devoted to the reconstruction of the gendarme officers' collective perceptions of the Russian Empire's territory on the materials about the 2nd gendarme district. The study examined the records of the high police, which reflected the gendarme officers' ideas about the people's political loyalty and loyalist sentiments. The study is based on archival documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation (GA RF), as well as published sources. The author suggests that during this period the gendarmerie officers' collective ideas about the 2nd gendarme district were stable and this territory was perceived as a completely loyal region. An analysis of the gendarmerie reports' rhetoric revealed several stable emotional categories (positive and negative), which were perceived by the 3rd Department as a manifestation of the population's loyalty to the throne. Positive emotions were expressed through the words: joy, delight, jubilation, tenderness, while negative emotions were conveyed by such words as: despondency, grief and sadness. Both emotional categories were also accompanied by tears of joy and grief. In addition, the documents clearly articulate the connection between the manifestation of certain emotions and confirmation of loyalty to the throne. It might be assumed that within the framework of this "emotional regime" there was no room for silence. In other words, events directly connected with the monarch figure invariably required a certain emotional background. The evaluative categories for the emotional narrative used, as well as a certain metaphorical nature of the language are characteristic features of these gendarme reports. They are characterized by an indication of the degree of reliability, as well as generalization and extrapolation of ideas about loyalty to the broad masses of the Russian population.

Keywords: Corps of Gendarmes, collective representations, Central Russia, loyalty, history of emotions

Acknowledgement: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project No. 23-28-01576 "Representations of gendarmerie officers about Russia in the pre-Reform era", implemented on the basis of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow). The author expresses his gratitude to G. N. Bibikov for numerous discussions of the project, valuable advice and comments.

For citation: Ivanova, M.O. (2025) Perceptions of the People's Loyalty to the Throne and the Features of Loyalist Rhetoric in Gendarme Reports of the 1820–1830s (Based on the Material of the Gendarmes' 2nd District). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 38–47. doi: 10.17223/19988613/94/5

В современных исследованиях, посвященных истории России имперского периода, особое внимание уделяется понятию лояльности. Принципы функционирования лояльности в российском обществе преимущественно рассматриваются на примере отдельных исторических фигур или через определенные декларативные практики. Так, историк М.Д. Долбилов рассмотрел лояльность как один из организующих принципов имперской политики во второй половине XIX в. и сфокусировался на понятийном поле этого концепта [1–3]. В то же время в рамках данной проблематики до настоящего времени слабо изучена дореформенная эпоха, в особенности период правления Николая I. Между тем именно в царствование этого императора была проведена реорганизация высшей полиции и созданы III Отделение С.Е.И.В. канцелярии и Корпус жандармов как учреждения, призванные в числе прочего осуществлять политический надзор за обществом и администрацией. В рамках деятельности этих ведомств вопросы лояльности подданных и верности престолу были в числе наиболее актуальных [4]. По долгу службы жандармские офицеры призваны были наблюдать за общественными настроениями, реакцией публики на происшествия и политику властей. Различные аспекты деятельности III отделения и Корпуса жандармов имеют длительную историю изучения, существует ряд комплексных исследований о роли и месте жандармского ведомства в системе российского государства [5–8], однако нам мало известно о коллективных представлениях жандармских чиновников (исключением является лишь ряд статей о мировоззрении отдельных офицеров или коллективном восприятии различных аспектов жизни: [9–11]). Основная цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть делопроизводственные документы высшей полиции, отразившие представления жандармских офицеров о политической лояльности населения и верноподданнических настроениях. В центре внимания оказываются, таким образом, субъективные представления жандармских офицеров о политической лояльности подданных и принятые формы ее описания.

Географические и тематические рамки исследования ограничены территорией 2-го округа Корпуса жандармов с управлением в Москве, который включал в свой состав ряд внутренних губерний с преимущественно великорусским населением. В контексте статьи важно рассмотреть специфику восприятия этого пространства офицерами Корпуса жандармов. В последние годы активно развиваются исследования, посвященные представлениям о регионах Российской империи, при этом основной массив литературы относится к истории имперских окраин, которые привлекают исследователей этнокультурной спецификой и особенностями административного устройства. История Центральной России имперского периода в меньшей степени осмысливается через призму новых теоре-

тических и методологических подходов, почти не рассматривается как отдельный макрорегион и остается, как отметила Е. М. Болтунова, «слепой зоной» и «белым пятном» в историографии [12]. Исключением является ряд работ Л.Е. Горизонтова и М.В. Лескинен, которые обратились к постановке проблем на уровне всего региона, а не отдельно взятой губернии [13–15]. Л.Е. Горизонтов в своем исследовании отмечал, что в XIX в. регион «внутренней России» (450 км вокруг Москвы) представлялся многим современникам эталонным в политическом, экономическом и административном отношении [14. Р. 71–72]. Принимая во внимание концепцию «ментальной географии», необходимо подчеркнуть, что представления о регионах всегда наполняются определенным содержанием, смыслом и эмоциональным фоном для людей. Кроме того, именно с 1827 по 1839 г., с одной стороны, происходило становление жандармского надзора, а также выработка определенного языка и стилистики жандармских донесений, которые анализируются здесь; с другой стороны, этот период совпадает с первой половиной правления Николая I, когда складывается новый «сценарий власти», определявший в том числе отношения монарха и подданных империи.

Статья опирается на корпус документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также опубликованные материалы. В рамках исследования были привлечены жандармские донесения и отчеты из дел, относящихся к отдельным губерниям 2-го округа, которые направлялись в Петербург на имя шефа жандармов и затем подшивались к делам III отделения. Важным источником выступают материалы о путешествиях по России императора и членов царской семьи, в которых отразилась реакция подданных на прибытие высочайших особ. В историографии уделено значительное внимание к заграничным поездкам императоров, а также, в меньшей степени, к внутригосударственным поездкам как важной форме презентации монархии [16–20]. Как отмечали А. Литвин и М. Сидорова, «поездки по империи могли различаться по характеру и целям, но все они должны были становиться своеобразным инструментом, позволяющим «помазаннику Божьему» получать конкретное представление о подданных и землях, а подданным, в свою очередь, – давать уникальный шанс лицезреть высшую власть в империи» [20. С. 12].

Другим значимым источником являются дела о циркулировавших в губерниях слухах и толках вокруг представителей императорской фамилии. Существенным ограничением при оценке значимости отдельных донесений является скудость сохранившихся ответных сообщений, в некоторых случаях судить об этом позволяют пометки на документах («убрать», «к сведению», «к докладу», «государь изволил читать»). Кроме архивных бумаг исследование опирается на корпус ежегодных всеподданнейших обозрений общественно-

го мнения, которые готовились в III отделении и представляли обобщенную позицию руководства жандармского ведомства¹ [21]. С 1827 по 1839 г. формат и заголовок этого документа периодически менялись, при этом важно отметить, что обозрения готовились в том числе на основе донесений штаб-офицеров и начальников жандармских округов [23].

Принимая во внимание специфику источниковой базы, реконструкция коллективных представлений и анализ риторики жандармских донесений могли быть выполнены при учете различных теоретических подходов. Во-первых, большую роль в жандармских характеристиках играла категория «преданности престолу», поэтому мы обратились к исследованиям М.Д. Долбилова и его пониманию концепта «лояльности». Исследователь, понимая лояльность как особую структуру в пространстве власти, выделил следующие ее элементы: «определенный способ самосознания и самопонимания, связанные с политической субъектностью человека или группы и их подчинением властям», а также «практики проявления и принятия (или оспаривания и отклонения) лояльности, которые возникли в результате столкновения или совпадения ожиданий, исходящих сверху, и тех, которые возникли на низовом уровне» [2. Р. 19]. В России объектом такой лояльности выступали монарх и его семья (иными словами, престол). Во-вторых, мы рассматриваем «лояльность» в качестве совокупности определенных практик, нарративов и действий [3], в этой связи аутентичным термином, отражающим лояльность населения престолу применительно к исследуемому периоду, является «преданность» (а также различные производные лексемы). При этом если М.Д. Долбилов интересуется в первую очередь сами акторы, выражавшие лояльность престолу, то в данной статье рассмотрены *представления* о лояльности в отражении жандармского делопроизводства.

Кроме того, изучение вопроса политической лояльности в рамках самодержавной формы правления подводит к изучению жандармского делопроизводства в рамках истории эмоций. В этой связи релевантным представляется концепт «*эмоционального режима*» В. Редди, который он определил как «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, методов и эмоциональных практик... которые служат их выражению и внушению; как необходимое подкрепление любого устойчивого политического режима» [24. Р. 129; 25]. Вдобавок выявленные сюжеты в источниках и особенности языка подводят к классической концепции «*сценариев власти*» Р. Уортмана [26], которая также позволяет объяснить некоторые нюансы в риторике жандармских донесений.

В 1827 г. по указу императора Николая I был учрежден Корпус жандармов, а Европейская Россия разделена на 5 жандармских округов [27]. В 1832 г. новый жандармский округ был создан в Царстве Польском, в 1833 г. – в Сибири, в 1837 г. – «тифлисский» округ на Кавказе. Изначально во 2-й округ были включены следующие губернии: Московская, Ярославская, Тверская, Владимирская, Костромская, Рязанская, Тульская, Орловская, Калужская, Воронежская, Тамбовская. Од-

нако в 1833 г. состав округов претерпел изменения, в том числе ко 2-му округу была присоединена Смоленская губерния и отторгнуты Воронежская и Тамбовская губернии. Теперь в состав округа входили следующие губернии: Московская, Ярославская, Тверская, Смоленская, Владимирская, Костромская, Рязанская, Тульская, Орловская, Калужская [28. Л. 3–4]. В целом 2-й округ был сформирован из ядра великорусских губерний Центральной России. На данный момент не было выявлено свидетельств о причинах изменений состава округа, можно предположить, что это могло быть связано с общей унификацией ведомственных округов империи. Так, жандармские округа по своему территориальному составу стали больше походить на учебные [29]. Вероятно, и до 1827 г. существовало несколько вариантов окружного деления; к примеру, в рапорте И.И. Дибичу от августа 1826 г. Смоленская губерния была включена в состав 2-го округа [30. Л. 1], хотя, как было отмечено, затем она была определена к 1-му округу с центром в Санкт-Петербурге.

Если в первые годы существования Корпуса жандармов одному штаб-офицеру могло быть поручено наблюдение сразу в двух или трех губерниях, то к началу 1830-х гг. во все губернии, входившие в состав 2-го округа, были определены отдельные жандармские чиновники. Авторами рассматриваемых донесений выступали как губернские штаб-офицеры, так и окружные начальники. До конца 1830-х гг. во главе округа находились генералы Александр Александрович Волков [30, 31], Степан Иванович Лесовский, граф Петр Иванович Апраксин [32], Степан Васильевич Перфильев [33]. А.А. Волков ранее служил в Московской губернии полицмейстером [5. С. 199]. П.И. Апраксин был главой Владимирской и Тверской губерний, однако 2-м округом он управлял всего два года, после чего был переведен в 7-й округ. С.В. Перфильев также имел опыт службы в губерниях из состава 2-го округа: с 1827 г. он был штаб-офицером жандармского корпуса в Костромской губернии, а позже назначен гражданским губернатором в Рязань [34. С. 223]. Временно управляющим 2-м округом был также Н.П. Шубинский, который несколько лет «служил штаб-офицером в Ярославской губернии. Затем был переведен в Москву на должность и.о. управляющего делами 2-го жандармского округа, неоднократно замещал своего начальника генерал-лейтенанта А.А. Волкова» [5. С. 224]. Таким образом, все окружные начальники, хотя и состояли в военных чинах, к моменту назначения имели определенный опыт службы по гражданскому ведомству в губерниях из состава 2-го округа. Некоторым исключением можно считать С.И. Лесовского, который с 1827 по 1830 г. состоял в должности курского гражданского губернатора, а в 1832–1834 гг. возглавлял 2-й округ Корпуса жандармов [5. С. 202–206], однако до этого назначения непродолжительное время он исполнял должность начальника 3-го округа, а затем 1-го. Кроме того, все перечисленные офицеры имели боевой опыт, в том числе, полученный во время кампаний 1812–1814 гг.

Отдельного изучения кадрового состава штаб-офицеров 2-го округа в историографии не проводилось

(сведения о жандармских штаб-офицерах по отдельным губерниям см.: [34–36]), что затрудняет составление обобщенного просопографического портрета этой группы. Г.Н. Бибиков отмечает, что в первые годы после учреждения III отделения штаб-офицеры обычно добивались определения на службу в те губернии, где находились их имения, однако с 1831 г. был введен запрет на службу в таких губерниях, что «было вызвано стремлением поставить штаб-офицеров в независимое от губернского общества положение не ангажированных наблюдателей местной жизни» [8. С. 97]. Известно также, что «средний возраст штаб-офицеров в момент поступления в Корпус колебался в пределах 30–45 лет, большинство из них были женаты и владели небольшими имениями. Более 90% штаб-офицеров «первого призыва» имели за плечами опыт исключительно военной службы и, как правило, участвовали в кампаниях против наполеоновской Франции, примерно треть на разных этапах карьеры служили в гвардейских полках» [8. С. 101]. Это позволяет рассматривать офицеров Корпуса жандармов в данный период как единую корпорацию, объединенную не только служебными обязанностями, но и схожим жизненным опытом.

Обратимся к рассмотрению делопроизводственных документов жандармского ведомства, анализу эмоциональных категорий, которыми маркировались действия и настроения населения, а также другим особенностям риторики жандармских донесений. Р. Уортман отмечал, что началу царствования Николая I соответствовал «подъем риторики сентиментальной преданности», основанной на чувствах; это явление было широко распространено «в официальной литературе николаевского царствования». Как полагает историк, «интенсивность чувств подданного монарху выражалась словами *восторг* и *умиление*. Оба эти чувства сопровождалась слезами» [26. С. 376]. Анализ жандармских донесений позволяет во многом подтвердить и частично расширить эти утверждения.

«Эмоциональный» фон весьма характерен для жандармских донесений, посвященных императору и членам царской семьи. Как правило, эмоции были ярко выражены и в зависимости от обстоятельств четко маркированы в качестве положительных или отрицательных. Положительные эмоции характеризовались словами *радость*, *восторг*, *ликование*, *умиление*, регулярно отмечалась такая практика, как *слезы*, часто в описаниях упоминалось, что толпа кричала «*Ура!*» при виде государя или наследника [37. Л. 17 об.; 38. Л. 22 об., 75 об., 94 об., 97]. Эмоции негативного спектра выражались словами *уныние*, *скорбь*, *печаль*, а также *слезами*. Слезы, таким образом, становятся атрибутами двух оппозиций. Р. Уортман считает, что именно во время правления Николая I они «стали обязательными в придворных церемониях – знаком верности и причастности к жизни царя» [21. С. 382]. Однако жандармские донесения повествуют не о придворном церемониале и жизни столичной элиты, а о жителях губернских и уездных городов, в том числе представителях местной администрации.

Положительные эмоции, как правило, представляли в донесениях в контексте контакта императора или

других представителей царствующего дома с населением во время проезда через губернии или посещения отдельных городов. В 1820–1830-х гг. император и члены его семьи не раз бывали в губерниях 2-го округа. В архиве III отделения сохранились дела о таких поездках за 1831–1834, 1837, 1838 гг., что представляет собой достаточно репрезентативную выборку. Как отмечала О.А. Плех, руководство Императорской главной квартирой возлагалось именно на шефа жандармов, а «лица, занимавшие эту должность... контролировали процесс подготовки к выезду из столицы, вступали в переписку с разными ведомствами и учреждениями, в том числе с местными, а кроме того, знакомились с поступающими из провинции жандармскими донесениями» [18. С. 22]. В круг служебных обязанностей штаб-офицеров также входило сопровождение императора или члена его семьи по губернии и необходимость докладывать о реакциях публики.

Многочисленные донесения об ожидании прибытия государя, ходе подготовки городов и дорог к его проезду и разной степени подробности описания того, как прошла встреча императора с публикой, составлялись штаб-офицерами, начальниками округа и направлялись шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу. При этом язык описания таких документов весьма схож между собой на протяжении всего рассмотренного периода. Донесения о контактах населения с императором неизменно сопровождалась описаниями восторга и радости от этой встречи, память о которой, по мнению жандармов, люди должны были хранить всю жизнь. Как следует из многочисленных свидетельств жандармских офицеров, Николая I и членов императорской семьи, в частности наследника Александра Николаевича в 1837 г., по приезде в любой город встречали толпы «ликующих» и «восторженных» людей, всех охватывали «чувства радости и верноподданнической преданности к Августейшему Монарху» [39. Л. 14]. На протяжении всего исследуемого периода не было выявлено ни одного негативного инцидента (в данном случае не принимаются во внимание выявленные недостатки в управлении и устройстве города или губернии, так как данные сюжеты прямо не соотносятся с контекстом лояльности) во время посещения городов и губерний 2-го округа, ни одного донесения, которое поставило бы под сомнение лояльность населения этих губерний.

Порой описываемые эмоции публики от встречи с императором или представителем царской фамилии были так велики, что автор донесения признавался, что не находит слов для описания увиденного [21. С. 159; 37. Л. 22 об.; 40. Л. 10–14 об.]. Примечательно донесение полковника Н.Х. Коптева из Воронежа, который, докладывая о посещении императором города в сентябре 1832 г., сообщал, что «надо было видеть, с каким душевным умилением народ взирал на сие Царя своего Благочестивейше святителю Божию поклонение. Тогда многие так сим были тронуты, что от полноты сердечных благоговейных и радостных чувствований прослезилась и торжество наше общее уподоблялось торжеству истинно небесному, которое мне ни изъяснить, ни передать другим не в состоянии» [37.

Л. 22 об.]. Позже начальник округа, передавая это донесение из Воронежа, дважды добавил от себя, что «выразить чувствования жителей во все время пребывания здесь Монарха г. Коптев не находит слов, коими бы мог хотя бы слабо изъяснить тот порыв сердечной радости и те восторги, коими преисполнены все чувства их, они неизгладимо запечатались в глубине сердец своих часы пребывания его величества» [37. Л. 17 об.]. С одной стороны, подобные примеры демонстрируют остро субъективный взгляд рассказчика. С другой – это может свидетельствовать о нормативной практике представления эмоционального нарратива, так как подобные выражения были не единичны в жандармском делопроизводстве и характерны не только для жандармов. Как отмечал Р. Уортман, подобная невозможность описания художником чувств должна была «свидетельствовать об [их] ошеломляющей власти» [26. С. 375].

Не оставалась без внимания жандармов и реакция на одно только ожидание встречи с монархом. Так, в 1832 г. А.А. Волков несколько раз сообщал в Петербург о том, что в Ярославле начали готовиться к прибытию императора даже до официального о том уведомления: «Тамошний губернатор полагает, что в продолжение нынешнего лета государь император изволят осчастливить своим посещением Ярославскую губернию; почему начались уже разные приготовления, и молва о сем сделалась общей во всех сословиях, которые с восторгом ожидают обожаемого Монарха» [37. Л. 3–4, 17 об.; 40. Л. 10]. Сведения о подобных донесениях находили отражение в ежегодных обозрениях III отделения, например за 1832 г.: «Когда в исходе лета пронеслась весть, что Государь изволят предпринять путешествие в некоторые губернии, с каким восхищением повсюду ожидали Его приезда; уже задолго до совершения сего путешествия были отовсюду получаемы сведения о нетерпении видеть Его Величество» [21. С. 88].

Негативные эмоции как проявление лояльности можно связать с контекстом выражения озабоченности в связи с болезнью или смертью императора или члена царской семьи. Так, в ноябре 1829 г. стало известно о болезни императора, по сему случаю в III отделении было заведено специальное дело – «Сведения о влиянии на публику болезни и выздоровления Его императорского величества» [41]. Дело включает ряд донесений штаб-офицеров, которые содержали в себе практически однотипные формулировки, согласно которым все сословия были «с чувствами глубокого участия» обеспокоены здоровьем императора. 14 ноября 1829 г. А.Х. Бенкендорф писал полковнику М.Н. Жемчужникову о том, что известие о болезни императора распространилось по всей стране, хотя, как он отметил, она не была серьезной, «но, изучив известия, преувеличенные опасениями, неразлучными с чувством любви и приверженности верных подданных, причинили общую горесть и сетование», просил принять меры для успокоения публики [41. Л. 4].

19 ноября 1829 г. из Москвы была отправлена записка «О преданности к Государю императору», в которой содержалась информация о беспокойстве подданных за своего монарха. В бумаге был описан случай

с графиней Екатериной Алексеевной Музиной-Пушкиной; перед смертью своей, «когда собрались духовные особы и приготовились напутствовать ее отходным служением, она остановила их священнодействие, и умирающая приказала наперед совершить службу за здоровье государя императора, а потом уже начать и отходную». Автор донесения заключил: «Вот образец чувствований всех тех, которые заботятся о здоровье императора!» [41. Л. 9 об.]. Обобщенные сведения о реакции публики на болезнь императора были включены в ежегодное обозрение III отделения: «Чувства России к Августейшей чете проявились по поводу болезни Государыни, а затем и Государя. <...> Во время болезни Императора не только искренняя преданность его особе, но и политические и частные интересы заставляли взывать к Богу и проливать слезы» [21. С. 47].

В обозрении за 1831 г. в подобных эмоциональных оттенках были описаны и чувства населения в связи с известием о кончине великого князя Константина Павловича, где горевание и печаль о его смерти, а также соболезнования императору связали с «преданностью и любовью народа к своему Государю» [21. С. 81]. Схожие описания можно встретить и в жандармских донесениях 1839 г. о реакции московской публики на болезнь императрицы, когда «носившиеся о нездоровье Государыни Императрицы слухи (без всякого преувеличения должно сказать) [вызвали] несказанную скорбь. <...> Грусть, бывшая от слухов о нездоровье, являет сильный опыт народной приверженности» [42. Л. 52–52 об.]. В нравственно-политическом отчете III отделения за тот же год отмечалось, что «никогда не было результатов, столько удовлетворительных насчет преданности и любви всех сословий к царскому дому, как во время свадьбы Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Николаевны и в прошедшую осень, когда разнеслась весть о болезни Государыни. <...> Благоговейно любимая Царица своим недугом наинула на всех без изъятия скорбь невыразимую. Болезнь Государя Наследника и Великой Княжны Ольги Николаевны, а еще более видимая, непрерывная, неутешная грусть Государя сделали самое глубокое впечатление на все сословия. Как здесь, так и во внутренних губерниях явились признаки самой неутешной печали» [21. С. 218]. Помещение этих сведений в ежегодный отчет III отделения указывает на то, что подобные проявления эмоций принимались в качестве важного свидетельства преданности престолу.

Скорбь в публике могла проявляться и по другим поводам. Интересен, хотя и не до конца ясен, возникший после посещения императором Николаем I слух в Москве. 14 октября 1832 г. Н.П. Шубинский докладывал А.Х. Бенкендорфу, что «по отбытии Государя Императора из Москвы здесь пронесся (хотя слабый) но весьма огорчительный слух, будто Его Величество Государь Император не уверен во Всепокорнейшей к Себе преданности и расположении Столицы [Москвы], и будто изволят полагать кроющийся в ней дух безначалия и свободомыслия». Н.П. Шубинский писал, что «многих благомыслящих людей [это] приводит в печаль и прискорбие непритворное» [39. Л. 1].

А.Х. Бенкендорф оставил на полях комментариев, что «это самая наглая ложь», но источник слухов оставался неясен [39. Л. 1].

Постоянными спутниками эмоциональных категорий выступали субъективные характеристики их достоверности и подлинности (или, напротив, фальшивости), выраженные такими словами (и их лексемами и производными), как *истинность, искренность, нелицемерность, непритворство* [21. С. 268; 40. Л. 8 об.; 43. Л. 30; 44. Л. 10]. Так, например, описывалась реакция жителей Ярославля на возможное прибытия императора в 1834 г.: «Искреннее усердие и преданность блистали в полном совершенстве непритворства» [40. Л. 8]. Узнав, однако, что государь отправился вместо Ярославля в Калугу, в следующем донесении полковник П.И. Шварц сообщал, что «на всех [это произвело] истинную скорбь» [40. Л. 10]. В июне 1835 г. Н.П. Шубинский докладывал, что с отъездом монарших особ «Москва будто опустела», а «весь город искренне сожалеет о кратковременности их пребывания в Москве, сопровождаемая пламенными благословлениями» [43. Л. 10]. Подобные эпитеты многократно повторяются в жандармских бумагах; можно предположить, что такими выражениями жандармы старались подкрепить достоверность своих сведений и усилить эффект от описанных эмоциональных реакций. Очевидно, жандармам важно было подчеркнуть, что многократно повторяемые и описываемые в схожих лексических конструкциях сцены встреч монарха не теряют прежней эмоциональной нагрузки, а чувства подданных столь же глубоки и искренни. М.Д. Долбилов считал, что «стремление к «искренности», выражавшееся на протяжении большей части XIX в. в сентименталистской риторике, придавало упрямому автократическому режиму определенную степень легитимности и динамики, в то же время предоставляя пространство для культурных и идеологических манипуляций властью» [2. Р. 42].

В донесениях и отчетах жандармские офицеры регулярно давали оценку представляемой информации, а многие выводы обобщались на большую массу населения. Жандармские штаб-офицеры и окружные начальники регулярно подчеркивали, что описанные чувства преданности всесловны и объединяют всех жителей города, уезда или губернии. Такие экстраполяции образовывали воображаемую неиндивидуализированную народную массу, которую можно было рассматривать как однородный элемент. Подобное обобщение чувств, а также их политизация, было связано с необходимостью «свидетельствовать об ошеломляющей власти этих чувств, которые были неподвластны отдельному человеку» [26. С. 375].

К таким метафоричным обобщениям можно отнести перенос преданности на целый город, в данном случае Москву. В привлеченных документах это единственный город 2-го округа, которому жандармские офицеры давали самостоятельные характеристики; прежде всего, Москва регулярно упоминалась как «столица» [39. Л. 10; 40. Л. 2 об.; 43. Л. 1–3, 4 об.; 45. Л. 34] и периодически как «древняя столица» [40. Л. 2; 44. Л. 7]. О Москве иногда писали как об активном

субъекте восприятия [46], когда по правилам языка необходимо было бы писать о людях / группе людей: «Москва действительно чтит и благоговееет пред своим любимым Государем» [43. Л. 1 об.]; «Царелюбивая Москва» [42. Л. 3 об.]; «Сладостно говорить о благодарных чувствах Москвы к Благодетельному Монарху» [42. Л. 9 об.]. Очевидно, «древняя столица» воспринималась как средоточие верноподданнических настроений.

Важно отметить, что с середины 1830-х гг. в ежегодных обозрениях III отделения закрепляется аксиома о преданности всего русского народа престолу как своего рода его природном свойстве. Подобные сентенции повторялись в схожих формулировках, как, например: «...по врожденному в русских чувству безусловной преданности» [21. С. 142]; «одно из прекраснейших свойств русского народа есть <...> то беспредельное, безусловное чувство преданности...» [21. С. 126], «безусловная любовь и неограниченная преданность к Царю принадлежат <...> к природе русского народа» [21. С. 156]. Оппозиций в данном случае выступали поляки, которым после восстания 1831 г. правительство не доверяло, а изъявлениям верности и предполагаемым «тишине» и «спокойствию» в Царстве Польском не верило [21. С. 129; 47. Л. 11 об.–12, 68 об.–69 об., 71, 72 об., 80, 84;]. Примечательно донесение С.И. Лесовского о московских толках сентября 1833 г. вокруг предполагаемой поездки Николая I в Польшу. По словам жандармского генерала, эта новость привела к тому, что «между всеми сословиями жителей здешней Столицы заметны были род зависти к такому счастью поляков и какое-то сожаление, что Государь Император удостоивает своим Высочайшим посещением народ, весьма дурно заплативший за все милосердие Его. <...> Но сколь велико было по сим сведениям негодование здешних жителей к Полякам, столько же, напротив, принесло им радости официальное известие, что Его Величество не соизволил принять депутацию, не удостоил посетить Варшаву и тем унизил пред лицом всех Русских кичливость поляков, возмечтавших, будто бы Государь Император для того нарочито приехал в Польшу, дабы видеть их» [39. Л. 10–10об.]. Подобную реакцию в Главном управлении также расценили как проявление любви и преданности к императору, о чем также сообщили в своем ежегодном обозрении [21. С. 98].

Характерно, что в случае негативных откликов и «ропота» публики в связи с мероприятиями правительства жандармы стремились подчеркнуть, что недовольство вызывали отдельные сановники, но не фигура монарха, которая метафорически отделялась от бюрократии. Например, повышение лажа² [48] министром финансов Е.Ф. Канкриным во время финансовой реформы вызвало недовольство купцов и дворян в Москве [42. Л. 15–18 об.]. Но в жандармском донесении было указано, что «тут же [в Москве] с восторгом говорят, что Батюшка Царь не задерживает у себя дела, ибо любит народ, как детей своих» [42. Л. 15 об.], подчеркивая, что возмущение жителей не обращено к императору. Слухи с недостоверной информацией, будь то молва о вольности среди крестьян или толки

о том, что великий князь Константин Павлович жив и приведет войско, обычно обозначались жандармами как «нелепые» или следствие «невежества» [43. Л. 2 об.; 45. Л. 58; 47. Л. 16, 24 об., 25; 49. Л. 2; 50. Л. 3, 5]. Безусловно, подобные характеристики давались только в случаях, когда дела действительно не представляли опасности для государства. Можно предположить, что необходимость подобного смягчения информации, а также указания на отсутствие злонамеренности по отношению к фигуре императора связаны с тем, что в противном случае такие дела могли попасть под категорию «государственных преступлений» [51].

Проведенный анализ донесений жандармских офицеров, служивших во 2-м округе Корпуса жандармов, дает возможность сделать ряд выводов. Корпус жандармов представлял собой в первую очередь политическую (наблюдательную) полицию, в рамках деятельности которой важным критерием для оценки общественных настроений выступала лояльность поданных. При этом вопросы о территориальности оказывались неизменно связаны с концепцией преданности населения престолу. Губернии округа, представляя из себя значительную часть внутренних губерний, были населены преимущественно русскими. Рассмотренные источники показывают, что на протяжении исследуемого периода коллективные представления офицеров Корпуса жандармов о выбранном регионе были стабильными и не претерпели изменений, территория 2-го округа воспринималась как абсолютно лояльный и преданный престолу регион. Постоянные донесения штаб-офицеров и начальников округа о преданности населения влияли на закрепление аксиоматичного убеждения о лояльности внутренних губерний, что, очевидно, отражалось на различных аспектах управления этим регионом.

Анализ документального материала позволил выявить ряд типичных словесных конструкций, использовавшихся для описания выражений и проявлений лояльности. О том, насколько достоверно жандармские офицеры воспринимали реальные настроения обще-

ства и представляли информацию в своих отчетах, говорить сложно, так как подобные донесения следует расценивать как достаточно субъективный источник информации. Однако в рамках данного исследования важно отметить, что эти описания отразили ряд нормативных культурных практик, прежде всего эмоциональных. Преданность населения понималась в контексте определенного «эмоционального режима». Лояльность маркировалась эмоциями как положительно-го спектра (радость, восторг, ликование, умиление), так и отрицательного (уныние, скорбь, печаль), а также через слезы (радости и горя). Эмоциональный нарратив и образность в словесных выражениях были свойственны только для донесений, касавшихся императора и верности престолу, что проявлялось в контексте встреч императора и других представителей царской семьи с населением, а также в сообщениях о слухах и толках в народе, касавшихся императора и его семьи. Кроме того, в документах достаточно внятно артикулируется связь между проявлением определенных эмоций с подтверждением лояльности престолу. Можно предположить, что в рамках подобного «эмоционального режима» не оставалось места для молчания; иными словами, события, непосредственно связанные с фигурой монарха, неизменно требовали определенного эмоционального фона. В то же время не было выявлено описаний, которые можно связать с эмоциями гнева.

Характерной чертой жандармских донесений являются оценочные категории для используемого эмоционального нарратива, а также определенная метафоричность языка. Информация в донесениях содержала дополнительные субъективные характеристики, относящиеся к уровню достоверности приводимых жандармскими офицерами сведений, а также к степени вовлеченности населения в описываемые эмоциональные практики. Для этих сообщений было характерно указание степени истинности, а также обобщение и экстраполизирование представлений о верности на широкие массы населения.

Примечания

¹ В 1820–1830-х гг. название этого документа неоднократно менялось («Картина общественного мнения», «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления», с 1839 г. – «Нравственно-политический отчет»). Подробнее о различных видах годовой отчетности III отделения см.: [22].

² Лаж – вексельный курс. Как писал М.М. Сперанский, «в общем виде простонародный лаж есть не что иное, как особенного рода счет биржевого курса, изобретенный сперва мелкими торговцами, потом принятый и в торговле оптовой» [48. С. 23].

Список источников

1. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера : этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
2. Dolbilov M. Loyalty and Emotion in Nineteenth-Century Russian Imperial Politics // Exploring Loyalty / eds. by J. Osterkamp, M.S. Wessel. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. P. 17–43.
3. Долбилов М. Аттестация «верноподданических чувств»: Министерство императорского двора и народные панегирики дому Романовых в 1860–1880-х годах // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 22–37.
4. Соловьев Д.В. Формирование политической лояльности в России в 1825–1856 гг.: «виды правительства», печать и общественное мнение : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 201 с.
5. Чукарев А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. М. : Кучково поле, 2005. 701 с.
6. Романов В.В. Трансформация органов политической полиции российской империи в 1826–1860 гг. : историко-правовой анализ. Ульяновск : УлГУ, 2013. 452 с.
7. Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М. : Центрполиграф, 2017. 317 с.
8. Бибилов Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М. : Квадрига, 2023. 354 с.

9. Матвеев Г.Ф. Жандарм в провинциальном русском обществе 1830-х годов // Величие и язвы Российской империи : междунар. науч. сб. в честь 50-летия О. Р. Айрапетова М. : Регнум, 2012. С. 100–110.
10. Лаврѣнова А.М. Синий мундир в зеркале Венеры: взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. 2015. № 2. С. 31–53.
11. Перегудов А.В. Эволюция представлений о мундире среди чинов Отдельного корпуса жандармов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 177–188.
12. Болтунова Е.М. Региональная история России: исследовательское поле и архивная практика (1990-е – начало 2020-х годов) // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 235–250.
13. Gorizontov L. The “Great Circle” of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / eds. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Indiana University Press, 2007. P. 67–93.
14. Горизонтов Л.Е. Образы Центрального региона Российской империи как отражение вызовов второй половины XIX – начала XX столетия // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. : материалы междунар. конф. / под ред. А.Б. Безбородова и др. М. : РГГУ, 2009. С. 83–91.
15. Лескинен М.В. Великоросс / великорус: из истории конструирования этничности. Век XIX. М. : Индрик, 2016. 680 с.
16. Романовы в дороге : путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 320 с.
17. Мелентьев Ф.И. «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма»: краткая характеристика источника и обзор современных переизданий // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 215–230.
18. Плех О.А. «В приятнейшей надежде иметь счастье встретить обожаемого всеми монарха», или о том, как в провинции готовились к приезду Николая I // Россия XXI. 2020. № 3. С. 20–49.
19. Горская Н.И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 26–36.
20. Литвин А., Сидорова М. Журнал высочайшего путешествия: описание поездки Павла I из Петербурга в Казань // Родина. 2011. № 7. С. 11–14.
21. «Россия под надзором» : отчеты III отделения 1827–1869 : сб. документов. М. : Рос. фонд культуры : Рос. архив, 2006. 703 с.
22. Леонтьев А.А. Отчетная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820–1830-е гг. // Российская история. 2021. № 2. С. 105–111.
23. Бибилов Г.Н. Подуговые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 34–57.
24. Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 380 p.
25. Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 512 с.
26. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 605 с.
27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание Второе. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. 2. № 1062. С. 396–397.
28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 398.
29. ПСЗРИ. Собрание Первое. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. 27. № 20598. С. 442.
30. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5.
31. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 162.
32. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 243.
33. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 569.
34. Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Политическая полиция в Костромской губернии и ее кадровый состав в 1826–1867 годы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 221–227.
35. Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 141–149.
36. Румянцев П.П. Кадровая политика жандармского ведомства комплектования руководства управлений Сибирского жандармского округа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 78–89.
37. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 155.
38. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 12. Д. 82.
39. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 16. Д. 116.
40. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 174.
41. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 403.
42. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1198.
43. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1197.
44. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 10. Д. 50.
45. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 10. Д. 295А.
46. Twardzisz P. The Language of Interstate Relations. Palgrave Macmillan, 2013. 242 p.
47. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 1л. Г.
48. Сперанский М.М. Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб. : тип. В. Киришбаума, 1895. 57 с.
49. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1331.
50. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 48.
51. Анисимов Е.В. Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.

References

1. Dolbilov, M.D. (2010) *Russkiy kray, chuzhaya vera: Etnokonfessionalnaya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Region, Foreign Faith: Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Dolbilov, M. (2017) Loyalty and emotion in nineteenth-century Russian imperial politics. In: Osterkamp, J. & Wessel, M.S. (eds) *Exploring Loyalty*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. pp. 17–43.
3. Dolbilov, M. (2021) Attestatsiya “vernopoddannicheskikh chuvstv”: Ministerstvo imperatorskogo dvora i narodnye panegiriki domu Romanovykh v 1860–1880-kh godakh [Certification of “loyalist feelings”: The Ministry of the Imperial Court and popular panegyrics to the Romanovs in the 1860s–1880s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 22–37.
4. Solovyev, D.V. (2008) *Formirovanie politicheskoy loyali'nosti v Rossii v 1825–1856 gg.: “vidy pravitel'stva”, pechat' i obshchestvennoe mnenie* [The formation of political loyalty in Russia in 1825–1856: “government types”, press, and public opinion]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Chukarev, A.G. (2005) *Taynaya politiya Rossii, 1825–1855 gg.* [The Secret Police of Russia, 1825–1855]. Moscow: Kuchkovo pole.

6. Romanov, V. V. (2013) *Transformatsiya organov politicheskoy polititsii Rossiyskoy imperii v 1826–1860 gg.: Istoriko-pravovoy analiz* [The transformation of the political police in the Russian Empire, 1826–1860: A historical and legal analysis]. Ulyanovsk: ULISU.
7. Abakumov, O.Yu. (2017) *Tret'e otделение na strazhe npravstvennosti i blagochiniya. Zhandarmy v bor'be so vzyatkami i porokom. 1826–1866 gg.* [The Third Department guarding morality and order: Gendarmes in the fight against bribery and vice, 1826–1866]. Moscow: Tsentrpoligraf.
8. Bibikov, G.N. (2023) *Zhandarmitskiy nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiyskoy imperii (1826–1856 gg.)* [Gendarmerie oversight in the system of state administration of the Russian Empire (1826–1856)]. Moscow: Kvadriga.
9. Matveev, G.F. (2012) Zhandarm v provintsialnom russkom obshchestve 1830-kh godov [A gendarme in provincial Russian society of the 1830s]. In: Kashirin, V.B. (ed.) *Velichie i yazvy Rossiyskoy imperii* [The Greatness and Ulcers of the Russian Empire]. Moscow: Regnum. pp. 100–110.
10. Lavrenova, A.M. (2015) Siniy mundir v zerkale Venery: Vzaimovliyaniye lichnoy zhizni i sluzhebnoy karery chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov [The blue uniform in the mirror of Venus: The interaction of personal life and service career of gendarme officers]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2. pp. 31–53.
11. Peregudov, A.V. (2017) Evolyutsiya predstavleniy o mundire sredi chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov [Evolution of ideas about the uniform among the ranks of the Separate Corps of Gendarmes]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 177–188.
12. Boltunova, E.M. (2022) Regionalnaya istoriya Rossii: Issledovatel'skoe pole i arkhivnaya praktika (1990-e – nachalo 2020-kh godov) [Regional history of Russia: Research field and archival practice (1990s–early 2020s)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(178). pp. 235–250.
13. Gorizontov, L. (2007) The “Great Circle” of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. In: Burbank, J., Hagen, M. von & Remnev, A. (eds) *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Indiana University Press. pp. 67–93.
14. Gorizontov, L.E. (2009) Obrazy Tsentralnogo regiona Rossiyskoy imperii kak otrazhenie vyzov vtoroy poloviny XIX – nachala XX stoletiya [Images of the Central Region of the Russian Empire as a reflection of the challenges of the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Bezborodov, A.B. et al. (eds) *Mekhanizmy vlasti. Transformatsii politicheskoy kultury v Rossii i Avstro-Vengrii na rubezhe XIX–XX vv.* [Mechanisms of Power. Transformations of Political Culture in Russia and Austria-Hungary at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow: RSUH. pp. 83–91.
15. Leskinen, M.V. (2016) *Velikoross / velikorus: Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX* [Great Russian / Great Rus: From the history of ethnicity construction. The 19th century]. Moscow: Indrik.
16. Leskinen, M.V. & Khavanova, O.V. (eds) (2016) *Romanovy v doroge: Puteshestviya i poezdki chlenov tsarskoy semyi po Rossii i za granitsu* [The Romanovs on the road: Travels and trips of members of the royal family in Russia and abroad]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Melentiev, F.I. (2017) “Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma”: Kratkaya kharakteristika istochnika i obzor sovremennykh pereizdaniy [“Letters about the journey of the heir to the throne through Russia from St. Petersburg to the Crimea”: A brief description of the source and a review of modern reprints]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 215–230.
18. Plekh, O.A. (2020) “V priyatneyshyey nadezhde imet' schast'e vstreit' obozhaemogo vseimi monarkha”, ili o tom, kak v provintsii gotovilis' k priezdu Nikolaya I [“In the pleasant hope of having the good fortune to meet the monarch adored by all”, or how the provinces prepared for the arrival of Nicholas I]. *Rossiya XXI*. 3. pp. 20–49.
19. Gorskaya, N.I. (2020) Mestnaya administratsiya i “vysochayshie puteshestviya” 1830–1850-kh gg. v Smolenskoj gubernii [Local administration and “imperial journeys” of the 1830s–1850s in Smolensk province]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 26–36.
20. Litvin, A. & Sidorova, M. (2011) Zhurnal vysochayshego puteshestviya: Opisaniye poezdki Pavla I iz Peterburga v Kazan [Journal of the Imperial Journey: Description of Paul I's Trip from St. Petersburg to Kazan]. *Rodina*. 7. pp. 11–14.
21. Sidorova, M. & Shcherbakova, E. (eds) (2006) “Rossiya pod nadzorom”: *Otchety III otdeleniya 1827–1869* [“Russia under surveillance”: Reports of the Third Department, 1827–1869]. Moscow: Russian Cultural Foundation; Russian Archives.
22. Leontiev, A.A. (2021) Otchetnaya dokumentatsiya Korpusa zhandarmov i ustroystvo vysshey polititsii v 1820–1830-e gg. [Reporting documentation of the Gendarmerie Corps and the structure of the higher police in the 1820s–1830s]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 105–111.
23. Bibikov, G.N. (2021) Polugodovye doneseniya gubernskikh zhandarmskikh shtab-ofitserov kak istochnik po istorii mestnogo upravleniya Rossiyskoy imperii 1830-kh gg. [Semi-annual reports of provincial gendarme staff officers as a source on the history of local administration in the Russian Empire of the 1830s]. *Novoe proshloe*. 1. pp. 34–57.
24. Reddy, W.M. (2001) *The navigation of feeling: A framework for the history of emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
25. Plamper, Ya., Shakhmat, Sh. & Eli, M. (eds) (2010) *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kulturnoy istorii emotsiy* [The Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
26. Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti. Mify i tsemonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of Russian Monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.
27. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 2. No. 1062. St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery. pp. 396–397.
28. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 398.
29. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 1st ed. Vol. 27. No. 20598. St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery. p. 442.
30. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 5.
31. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 162.
32. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 243.
33. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 569.
34. Bril, G.G. & Zaytsev, L.N. (2020) Politicheskaya polititsiya v Kostromskoy gubernii i ee kadrovyy sostav v 1826–1867 gody [Political police in Kostroma province and its personnel in 1826–1867]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 26(1). pp. 221–227.
35. Rumyantsev, P.P. (2020) Gendarme staff officers and heads of provincial gendarme departments in Tomsk province: Appointment practices and social portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 141–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/457/17
36. Rumyantsev, P.P. (2022) Personnel policy of the gendarmerie department in staffing the leadership of the Siberian Gendarmerie District. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 78–89. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/80/8
37. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 7. File 155.
38. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 12. File 82.
39. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 16. File 116.
40. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 9. File 174.
41. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 4. File 403.
42. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 3a. File 1198.
43. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 3a. File 1197.
44. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 10. File 50.
45. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 10. File 295A.
46. Twardzisz, P. (2013) *The Language of Interstate Relations*. Palgrave Macmillan.
47. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 7. File 11.

48. Speranskiy, M.M. (1895) *Zapiska o monetnom obrashchenii grafa Speranskogo s zamechaniyami grafa Kankrina* [Note on coin circulation by Count Speransky with remarks by Count Kankrin]. St. Petersburg: V. Kirshbaum.
49. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 3a. File 1331.
50. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 11. File 48.
51. Anisimov, E.V. (2019) *Derzhava i topor. Tsarskaya vlast, politicheskiy sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [The state and the axe: Tsarist power, political investigation, and Russian society in the 18th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Сведения об авторе:

Иванова Мария Олеговна – младший научный сотрудник Института региональных исторических исследований НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: moivanova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ivanova Maria O. – Junior Research Fellow at the Institute of Russia's Regional History of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: moivanova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 25.09.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 629(091)(470.5)

doi: 10.17223/19988613/94/6

Формирование региональной транспортной системы на Урале в годы третьей (довоенной) советской пятилетки

Иван Павлович Климов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, 207633@mail.ru

Аннотация. На примере Урала анализируется недостаточно раскрытый в научной литературе процесс формирования региональных транспортных систем в годы третьей (довоенной) пятилетки (1938 – июнь 1941 г.), рассматриваются его содержание и особенности, показываются как позитивные, так и негативные стороны. Определяется удельный вес основных видов транспорта в грузовых и пассажирских перевозках, обозначаются динамика перевозок и степень взаимодействия между различными отраслями транспортного хозяйства. Делаются развернутые выводы об эффективности управления как важным факторе в формировании региональной и национальной транспортных систем.

Ключевые слова: транспортная система, Урал, третья пятилетка, исторический опыт

Для цитирования: Климов И.П. Формирование региональной транспортной системы на Урале в годы третьей (довоенной) советской пятилетки // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 48–53. doi: 10.17223/19988613/94/6

Original article

Formation of the Regional Transport System in the Urals during the Third (Pre-war) Soviet Five-year Plan

Ivan P. Klimov

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, 207633@mail.ru

Abstract. The aim of this paper is to analyze the Ural regional transport system formation process during the third (pre-war) Soviet five-year plan, immediately prior to the Great Patriotic War and partially carried out in the outbreak of World War II, which is insufficiently covered in the academic literature. The sources investigated in the present study include regulatory documents of the party and state bodies, archival holdings, statistical data, and the materials of the periodical press. Unlike the studies of other researchers, whose focus has always been on one type of transport, as a rule, railway transport, the author focuses on the formation of a unified transport system of different modes of transport using the example of the Ural – one of the most developed industrial regions of the country. The reconstruction of railway and water transport which started in the first and second five-year plans continued during the third five-year plan. New modes of transport (road, air, and pipeline) were being deployed and the interaction between them was growing. Railway transport was predominant in passenger and goods transportation, whereas road transport was recorded as having the highest growth rates. Serving industrial enterprises and construction sites, road transport was also gradually accumulating the experience of the industry. In the author's view, the role of animal-powered transport is unjustly underestimated in the published literature. The conducted research gives grounds to conclude that the Soviet state's direction towards the progressive formation of a single national transport system was valid and in accordance with the agenda of the world transport policy.

Keywords: transport system, Ural, third five-year plan, historical experience

For citation: Klimov, I.P. (2025) Formation of the Regional Transport System in the Urals during the Third (Pre-war) Soviet Five-year Plan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 48–53. doi: 10.17223/19988613/94/6

К настоящему времени появилось немало работ, посвященных развитию отдельных видов транспорта в уральском регионе в 20–30-е гг. XX в. Главным образом оно специально или фрагментарно рассматривалось в трудах Е.Г. Захаровой [1], Д.М. Калабухова [2], М.Т. Крючкова [3], А.Я. Стрельцова [4], Т.А. Стояно-

вой [5] и других авторов. Вместе с тем пока отсутствуют комплексные работы, посвященные формированию региональной транспортной системы в целом.

Транспортная система – это совокупность различных видов транспорта, которые взаимодействуют между собой независимо от формы собственности, ведомственной

подчиненности и обеспечивают перемещение грузов и пассажиров в целях удовлетворения спроса на транспортные услуги. Транспортная система также включает в себя управление транспортным хозяйством и направлена на эффективное перемещение грузов и пассажиров.

Существует несколько типов транспортных систем, которые соотносятся между собой по масштабу своей деятельности: мировая, национальная (отдельных стран), региональная (или зональная), функционирующая на определенной части государства с целью ее более выгодного использования, корпоративная (создающаяся предприятиями с разнообразной специализацией).

На протяжении длительного времени в СССР шел процесс формирования единой национальной транспортной системы. Задания по ее созданию в общем виде были сформулированы на XV съезде ВКП(б) при утверждении директив по составлению первого пятилетнего плана, который предусматривал обеспечение «сочетания водных перевозок с железнодорожными» [6. С. 41]. В дальнейшем она конкретизировалась и детализировалась при разработке народнохозяйственных планов на 2–6 пятилетки. На XXIII съезде КПСС в 1966 г. было заявлено о создании единой транспортной системы страны как свершившемся факте и говорилось о необходимости ее дальнейшего совершенствования [7. С. 66].

Хронологические рамки нашего исследования охватывают третью пятилетку (1938 – июнь 1941 г.). В научной литературе по нашей теме она изучена пока бегло и поверхностно. Большинство авторов применительно к транспортному обеспечению уральского региона в довоенный период отдают предпочтение НЭПу и первым двум пятилеткам. Скорее всего, это объясняется тем, что выполнение третьего пятилетнего плана было прервано войной и отсутствуют статистические сведения о его итоговых результатах, а также тем, что в плановые задания в ходе их выполнения вносились существенные коррективы.

Основные параметры конструирования национальной транспортной системы в директивном варианте были изложены в разработанном Госпланом и утвержденном XVIII съездом ВКП(б) третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1938–1942 гг. [8. С. 350–352]. По сравнению с первыми пятилетками третий пятилетний план отличался большей сбалансированностью и экономическим обоснованием. Он предусматривал необходимость преодоления неравномерности в развитии производительных сил, ликвидацию и ослабление существующих диспропорций в народном хозяйстве страны. Намечались крупномасштабные меры по развитию транспортной системы с «правильным размещением по соответствующим районам страны, устранением непроизводительных и дальних перевозок» [8. С. 341, 351–352].

Заметим, что в пятилетнем плане задания по видам транспорта были изложены компактно, в порядке их рейтинговой важности и значимости для экономики страны (железнодорожный, водный, автомобильный, воздушный).

В качестве объекта исследования взят один из развитых промышленных районов страны – Урал, где

наиболее выпукло обозначились стержневые компоненты формирующейся региональной транспортной системы страны. В интересах укрепления экономического и оборонного потенциала в условиях нарастающей угрозы войны на Урале с учетом его выгодного экономического и стратегического положения (предполагалось создать здесь предприятия-дублеры по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии) предусматривалось обеспечить дальнейшую реконструкцию железнодорожного транспорта (расширить ремонтную базу паровозов и вагонов, модернизировать железнодорожные станции и узлы на направлениях, связывающих восточные районы Урала с центральной частью СССР), повысить удельный вес водного и автомобильного транспорта в грузообороте, поднять техническую оснащенность воздушных магистралей, организовать регулярное движение на автомагистралях, трактах и грузонапряженных подъездах к городам, железнодорожным станциям и водным путям [8. С. 350–352, 355].

Что конкретно было сделано по реализации третьего пятилетнего плана и какие практические результаты были достигнуты в формировании региональной транспортной системы Урала? Несмотря на корректировки народнохозяйственного плана, плановые задания по укреплению материально-технической базы транспорта Урала в основном выполнялись. В капитальное строительство железных дорог региона за 1938–1940 гг. было вложено более 600 млн руб. [9. С. 182–184]. В 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О развитии добычи угля на Урале», в соответствии с которым к Донбаровскому месторождению антрацита, расположенному вблизи Орска, начала прокладываться железнодорожная ветка Орск–Донбаровские угли, по которой в 1940 г. было открыто временное движение поездов. В предвоенные годы была сдана в эксплуатацию железная дорога от казахстанского г. Акмолинска до станции Карталы на Южном Урале [9. С. 175–184].

Продолжился начатый в первой и второй пятилетках перевод на электрическую тягу наиболее грузонапряженных участков Свердловской и Пермской железных дорог. В 1940 г. на долю Урала приходилось более четверти всех электрифицированных железных дорог СССР [10]. Наряду с электрификацией проводилась модернизация паровозного и вагонного парка. Новое поколение паровозов серий ФД и ИС на Свердловской и Южно-уральской дорогах составило почти треть от общего количества локомотивов. Строительство Нижнетагильского вагоностроительного завода позволило существенно обновить вагонный парк. Было освоено производство четырехосных гондол, крытых вагонов и платформ, разработанных конструкторами завода. Скоро все вагоностроительные предприятия страны перешли на выпуск вагонов по уральским образцам [11. С. 24].

Началась реконструкция Свердловского вокзала, строилась сортировочная станция в Челябинске, реконструировались станции Бердяуш, Кропачево, Серов, Чусовая, было развернуто сооружение вторых путей на линии Пермь–Свердловск–Омск. Весомый объем

работ был выполнен по реконструкции речного транспорта Камы, на долю которой приходилось 95% всех перевозок грузов, осуществлявшихся по водным путям Урала. В 1939–1940 гг. благодаря гидротехническим работам (углубление русла и шлюзование) были улучшены на 468 км судоходные условия на ее притоке – р. Белой [12. С. 95].

На территории Западного Урала продолжалась реконструкция речного порта в Перми, строился Соликамский речной порт, шло переоборудование пристаней в Березниках, Левшино, Стерлитамаке. Прорабатывался план освоения пригодных для судоходства участников малых рек Чусовой, Тавды, Сылвы, низовья р. Исеть [13].

Развертывались новые виды транспорта (нефтепроводный, автомобильный, воздушный). Для транспортировки нефти на Уфимский нефтеперерабатывающий завод был построен первый на Урале трубопровод Ишимбай–Уфа протяженностью 18 км [14. С. 36]. По мере развития отечественной автомобильной промышленности росла обеспеченность уральского хозяйства автомобилями. Причем по темпам роста ведомственный транспорт региона, где были построены крупные машиностроительные и оборонные предприятия, превосходил автотранспорт общего пользования.

В 1938–1940 гг. автомобильная промышленность СССР выпустила автомобилей значительно больше, чем во второй пятилетке, что позволило не только увеличить численность автопарка на Урале, но и улучшить его качественный состав. Если раньше он отличался разнотипностью и в нем преобладали автомобили, ввезенные в разное время из-за границы, то к концу рассматриваемого периода автопарк почти целиком состоял из машин отечественного производства (ГАЗ, ЗИС, АМО). Они были больше приспособлены к дорожным и климатическим условиям страны. Проведенные нами подсчеты по Челябинской области показывают, что в автомобильном парке региона ведущее место занимали грузовые автомашины (на их долю приходилось 84,9% общего количества грузовых, легковых автомобилей и автобусов) [15]. Однако накануне войны в связи с перераспределением средств и производственных мощностей заводов в пользу оборонной промышленности производство автомобилей уменьшилось.

К новым видам транспорта относился и воздушный. Его развитие как самостоятельной отрасли началось с 1923 г., о чем я рассказывал в одной из своих ранее опубликованных статей [16]. Приведем лишь итоговые данные. В 1940 г. протяженность воздушных трасс Урала по сравнению с 1920 г. выросла в 6,9 раза. В годы третьей пятилетки через Урал была проложена новая трасса всесоюзного значения Москва–Свердловск–Алма-Ата. Первая союзная трасса Москва–Свердловск–Владивосток появилась в 1929 г. Были открыты местные авиалинии: Оренбург–Матвеевка, Уфа–Янаул, Уфа–Белорецк, Уфа–Исангулово [17].

Каких же успехов в формировании региональной транспортной системы добились уральские транспортники к началу Великой Отечественной войны? Это наглядно видно из статистических данных об объемах перевозок, выполненных каждой отраслью транс-

портного хозяйства, их удельном весе в транспортной инфраструктуре региона.

В годы третьей пятилетки, по нашим подсчетам, транспорт Урала существенно увеличил грузовые и пассажирские перевозки. Размеры грузоперевозок по железным дорогам региона в 1940 г. по сравнению с 1936 г. выросли на 5,3 млн т, речным транспортом было перевезено 7,3 млн т грузов. Перевозки автомобильным транспортом в последнем году третьей пятилетки составили 23 млн т [18].

В грузоперевозках основными видами транспорта (железнодорожный, водный, автомобильный) доминировал железнодорожный (70,3%), но наиболее высокие темпы роста были зафиксированы на автомобильном: его доля в регионе достигла 22,5% [19, 20].

Важное значение в повышении производительности автомобильного транспорта имело его взаимодействие с другими секторами транспортной инфраструктуры, прежде всего использование опыта железнодорожников. Центральное управление шоссейных, грунтовых дорог и автомобильного транспорта при СНК СССР издало приказ «О борьбе с авариями и крушениями на автотранспорте». Начальникам автобаз и гаражей предлагалось по примеру железнодорожников не ограничиваться регистрацией аварий, а принимать все необходимые организационно-технические меры к их предупреждению. Как и на железных дорогах, ликвидировалась обезличенная езда: каждый шофер закреплялся за определенной машиной на весь период работы. Создавались зотовские ячейки, общества «за овладение техникой», специальные учебные пункты, которые помогали шоферам овладевать необходимыми техническими знаниями и навыками.

Обслуживая промышленные предприятия и стройки, автомобильный транспорт постепенно аккумулировал и элементы опыта промышленной сферы. Грузы стали классифицироваться по весу, условиям перевозок, размерам отправок, продолжительности погрузо-разгрузочных операций. Были введены в действие нормы времени на погрузку и разгрузку. Перевозки стали осуществляться в соответствии с договорами и заявками, применялась маркировка грузов, вводилось планирование. Постановлением № 810 от 16 августа 1939 г. Экономический совет при СНК СССР обязал все наркоматы и ведомства осуществлять сводные планы автомобильных перевозок [21. С. 15]. Все это свидетельствовало о том, что автомобильный транспорт превратился в важное звено транспортной системы Уральского региона.

Речным транспортом в 1940 г. было перевезено грузов больше, чем в 1937 г., лишь на 0,1 млн т. Его доля в грузообороте основных транспортных коммуникаций Урала составила всего 7,2%, что свидетельствует о более медленных темпах его развития. Такая же картина наблюдалась и в целом по СССР [22. С. 77]. Это объяснялось перераспределением средств в пользу оборонной промышленности. Пополнение флота в третьей пятилетке фактически прекратилось из-за переключения судостроения на выполнение ее заказов. К сказанному добавим, что отсутствие водных соединений между Камой и реками Западной Сибири

делало невозможным использование речных путей для широких связей Урало-Кузбасса. Имела место и определенная недооценка этого вида транспорта со стороны плановых организаций и отправителей. По тем же причинам сравнительно слабое развитие получили смешанные перевозки, основанные на совместном использовании водного и железнодорожного транспорта.

Эксплуатация первых уральских авиалиний убедительно показывала растущую значимость гражданской авиации в экономической жизни региона. Накапливая эксплуатационный опыт, воздушный транспорт постепенно расширял сферу своего применения. Наряду с перевозкой пассажиров, почты он стал использоваться в сельском, лесном хозяйстве, здравоохранении. Роль гражданской авиации в период ее становления определялась не столько грузовыми и пассажирскими перевозками, сколько необходимостью установления быстрого сообщения с отдаленными и труднодоступными районами, а также организации оперативного руководства промышленными новостройками.

На Урале, как и в других районах страны, в местных перевозках сохранялась высокая доля гужевого транспорта. Он по-прежнему широко использовался в местных перевозках, особенно в сельскохозяйственной сфере. Вместе с тем внимание к нему по мере становления автомобильного транспорта ослабевало, что стало негативно отражаться на транспортном обслуживании сравнительно небольших колхозов и совхозов. Принятие в 1939 г. постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О развитии общественного животноводства в колхозах» [23. С. 713–716] несколько приостановило сокращение количества рабочих лошадей. Но к началу войны во всех областях и автономных республиках Урала лошадей было намного меньше, чем раньше. Сведения о статистике перевозок, выполняемых гужевым транспортом, во всех опубликованных статистических сборниках, как правило, отсутствуют, что не дает возможности определить его точное соотношение с другими видами транспорта. Ориентировочные подсчеты, проведенные Б.П. Орловым, показывают, что в 1937 г. автомобильные перевозки в местном грузообороте составляли примерно четвертую часть гужевых и что к началу войны гужевые перевозки по-прежнему преобладали над автомобильными [24. С. 248–249].

В формировании единой транспортной системы немаловажное значение имела структура управления транспортным хозяйством. За годы советской власти она претерпела многочисленные реорганизации и носила противоречивый характер. Первоначально все виды транспорта были подчинены Наркомату путей сообщения (НКПС). Однако в условиях НЭПа в 1926 г. по предложению председателя правления Пермской (ныне Свердловской) железной дороги А.И. Емшанова в экспериментальном порядке на Урале было организовано управление транспортом по образцу Германской децернации (децернанты – транспортные округа с автономной системой управления), которая была направлена на расширение хозяйственной самостоятельности транспортных предприятий. В 1930 г.

в Свердловске был образован Восточно-Уральский районный комитет по перевозкам, который стал выполнять функции единого областного органа, регулировавшего работу железнодорожного и водного транспорта на территории области. Однако в условиях перехода к форсированной индустриализации на транспорте стала прослеживаться тенденция к усилению централизации управления. Был взят курс на разукрупнение и специализацию хозяйственных органов, расширение отраслевого принципа в управлении. Был разукрупнен НКПС, из него выделились Наркомвод, Союзтранс, Всесоюзное объединение гражданско-го воздушного флота. Жесткий централизм в управлении противоречил организации работы транспорта в территориальном разрезе, ибо с завершением экономического районирования многие регионы страны стали формироваться как крупные хозяйственные комплексы, требовавшие соответствующего местного инфраструктурного обеспечения. Выход из сложившегося положения XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) (февраль 1941 г.) увидела в организации транспортных отделов в обкомах ВКП(б) и во введении института секретарей горкомов, обкомов партии по транспорту, которым была поручена координация деятельности транспортных предприятий в регионах [25. С. 468], что свидетельствовало об утверждении двухвидовой партийно-государственной власти в стране.

Подводя итоги исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. Советское государство, действуя в ракурсе мировой транспортной политики, экономически обоснованно определило курс на поступательное формирование единой национальной транспортной системы СССР, которая должна была состоять из совокупности взаимосвязанных региональных транспортных систем.

2. Третья пятилетка, несмотря на ее специфичность, детерминированную приближающейся войной, как свидетельствует опыт Урала, стала заметным шагом в избранном направлении. В ее рамках в регионе получили дальнейшее развитие основные виды транспорта (железнодорожный и речной), появились новые отрасли транспортной инфраструктуры (автомобильная, воздушная, трубопроводная), сохранял свое значение гужевой транспорт.

3. В грузоперевозках и пассажирском сообщении доминировал железнодорожный транспорт. Но с развитием отечественного автомобилестроения произошел рывок в темпах роста автомобильного транспорта. Роль гражданской авиации определялась не столько грузовыми и пассажирскими перевозками, сколько необходимостью быстрого сообщения с отдаленными и труднодоступными районами.

4. В межотраслевом взаимодействии в транспортном хозяйстве в годы третьей пятилетки обозначились лишь общие контуры. Как по объективным, так и по субъективным причинам не получили практического применения смешанные перевозки.

5 Структура управления подвергалась неоднократным преобразованиям, при этом носила противоречивый и недостаточно эффективный характер.

6. Позитивные стороны исторического опыта в формировании региональной транспортной системы могут

иметь как познавательное, так и в определенной мере практическое значение для настоящего времени.

Список источников

- Захарова Е.Г. Железнодорожное строительство на Урале в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Деятельность КПСС по социалистической реконструкции и развитию промышленности Урала. 1917–1950. Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. С. 18–27.
- Колабухов Д.М. Магистраль Южного Урала за годы советской власти // Железнодорожный транспорт. 1957. № 10. С. 81–82.
- Исторический путь Свердловской железной дороги / под ред. М.Т. Крючкова. Екатеринбург : Изд-во УрГУПС, 2011. 512 с.
- Стрельцов А.Я. Башкирская парторганизация во главе строительства железной дороги к Ишимбаевским месторождениям нефти // Ученые записки Башкирского университета. 1970. Вып. 39. С. 82–95.
- Стоянова Т.А. Деятельность партийных организаций по развитию железнодорожного транспорта Урала в годы социалистического строительства (1933–1937 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1981. 226 с.
- О директивах по состоянию пятилетнего плана народного хозяйства // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Изд. 8-е. М. : Политиздат, 1970. Т. 4. С. 31–51.
- Двадцать третий съезд КПСС // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Изд. 8-е. М. : Политиздат, 1972. Т. 9. С. 15–100.
- Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Изд. 8-е. М. : Политиздат, 1971. Т. 5. С. 335–366.
- История народного хозяйства Урала (1917–1945). Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. Ч. 1. 256 с.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-65. Оп. 3. Д. 1507. Л. 8.
- Наша область: прошлое и настоящее Свердловской области. Свердловск : Свердловское кн. изд-во, 1938. 95 с.
- Лукьянин В. Больше века на службе России. Екатеринбург : СВ-96. 352 с.
- ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3922. Л. 51.
- Страницы истории России : сб. науч. тр. Уральского университета путей сообщения. Екатеринбург : Изд-во УрГУПС, 2009. Вып. 69 (152). 204 с.
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р.-485. Оп. 5. Д. 444. Л. 88.
- Климов И.П. Становление гражданской авиации на Урале (20–30-е гг. XX в.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 188–195.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9527. Оп. 7. Д. 1325. Л. 10 об., 34–36.
- Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 14. Д. 918. Л. 52.
- ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 146. Л. 77;
- ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 689. Л. 273.
- Рубец А.Д. История автомобильного транспорта России. 2-е изд. М. : Academia, 2004. 299 с.
- История социалистической экономики СССР / отв. ред. И.А. Гладков. М. : Наука, 1978. Т. 5. 565 с.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. документов / сост.: К.У. Черненко, М.С. Смиртюкова. М. : Политиздат, 1967. Т. 2. 789 с.
- Орлов Б.П. Развитие транспорта СССР. 1917–1962 : историко-экономический очерк. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 396 с.
- Восемнадцатая конференция ВКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Изд. 8-е. М. : Политиздат, 1971. Т. 5. С. 459–474.

References

- Zakharova, E.G. (1984) Zheleznodorozhnoye stroitel'stvo na Urale v gody vosstanovleniya narodnogo khozyaystva (1921–1925 gg.) [Railway construction in the Urals during the restoration of the national economy (1921–1925)]. In: *Deyatel'nost' KPSS po sotsialisticheskoy rekonstruktsii i razvitiyu promyshlennosti Urala. 1917–1950* [The CPSU activities on socialist reconstruction and development of industry in the Urals. 1917–1950]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 18–27.
- Kolabukhov, D.M. (1957) Magistral' Yuzhnogo Urala za gody sovetskoy vlasti [The South Ural mainline during the Soviet years]. *Zheleznodorozhnyy transport*. 10. pp. 81–82.
- Kryuchkov, M.T. (ed.) (2011) *Istoricheskiy put' Sverdlovskoy zheleznoy dorogi* [The historical path of the Sverdlovsk Railway]. Ekaterinburg: UrGUPS.
- Streltsov, A.Ya. (1970) Bashkirskaya partorganizatsiya vo glave stroitel'stva zheleznoy dorogi k Ishimbaevskim mestorozhdeniyam nefi [The Bashkir party organization leading the construction of the railway to the Ishimbay oil fields]. *Uchenye zapiski Bashkirskogo universiteta*. 39. pp. 82–95.
- Stoyanova, T.A. (1981) *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy po razvitiyu zheleznodorozhnogo transporta Urala v gody sotsialisticheskogo stroitel'stva (1933–1937 gg.)* [The activities of party organizations in the development of Ural railway transport during socialist construction (1933–1937)]. History Cand. Diss. Sverdlovsk.
- The CPSU. (1970) O direktivakh po sostoyaniyu pyatiletnego plana narodnogo khozyaystva [On directives for the five-year national economic plan]. In: Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1971)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898–1971)]. 8th ed. Vol. 4. pp. 31–51. Moscow: Politizdat.
- The CPSU. (1971) Dvadsat' tretiy s'ezd KPSS [The 23rd Congress of the CPSU]. In: Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1971)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898–1971)]. 8th ed. Vol. 9. pp. 15–100. Moscow: Politizdat.
- The CPSU. (1971) Tretiy pyatiletniy plan razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR (1938–1942 gg.) [The third five-year plan for the development of the USSR national economy (1938–1942)]. In: Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1971)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898–1971)]. 8th ed. Vol. 5. pp. 335–366. Moscow: Politizdat.
- Sergeev, M.A. (ed.) (1988) *Istoriya narodnogo khozyaystva Urala (1917–1945)* [History of the Ural national economy (1917–1945)]. Vol. 1. Sverdlovsk: Ural State University.
- The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). (n.d.) Fund R-65. List 3. File 1507. p. 8.
- Anon. (1938) *Nasha oblast': proshloe i nastoyashcheye Sverdlovskoy oblasti* [Our region: The past and present of Sverdlovskaya Oblast]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoye izdatel'stvo.
- Lukyanin, V. (1998) *Bol'she veka na sluzhbe Rossii* [More than a century in the service of Russia]. Ekaterinburg: SV-96.
- The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). (n.d.) Fund R-88, List 1. File 3922. p. 51.

14. Kryuchkov, M.T. (ed.) (2009) *Stranitsy istorii Rossii* [Pages of Russian History]. Vol. 69(152). Ekaterinburg: UrGUPS.
15. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO). (n.d.) Fund R-485. List 5. File 444. p. 88.
16. Klimov, I.P. (2006) Stanovleniye grazhdanskoy aviatsii na Urale (20–30-ye gg. XX v.) [The formation of civil aviation in the Urals (1920s–1930s)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 188–195.
17. The Russian State Archive of Economics (RGAE). (n.d.) Fund 9527. List 7. File 1325. p. 10 ob., 34–36.
18. The Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO). (n.d.) Fund 4, List 14, File 918, L. 52.
19. The Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO). (n.d.) Fund 4, List 9, File 146. p. 77.
20. The Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO). (n.d.) Fund 4, List 9, File 689. p. 273.
21. Rubets, A.D. (2004) *Istoriya avtomobil'nogo transporta Rossii* [History of Russian Automobile Transport]. 2nd ed. Moscow: Academia.
22. Gladkov, I.A. (ed.) (1978) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [History of the Socialist Economy of the USSR]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
23. Chernenko, K.U. & Smirnyukova, M.S. (eds) (1967) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
24. Orlov, B.P. (1963) *Razvitie transporta SSSR. 1917–1962: Istoriko-ekonomicheskiy ocherk* [Development of USSR Transport. 1917–1962: A Historical-Economic Essay]. Moscow: USSR AS.
25. The CPSU. (1971) Vosemnadsataya konferentsiya VKP(b) [The 18th Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. In: Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1971)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898–1971)]. 8th ed. Vol. 5. pp. 459–474). Moscow: Politizdat.

Сведения об авторе:

Климов Иван Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и международного права Института государства и права Тюменского государственного университета (Тюмень. Россия). Email: 207633@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Klimov Ivan Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Theory of State and Law and International Law at the Institute of State and Law of the University of Tyumen (Tyumen. Russian Federation). Email: 207633@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 01.06.2021; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 550.81(571.17)"1914/1915"+622"(571.17)"1914/1915"

doi: 10.17223/19988613/94/7

Леонид Иванович Лутугин в Кузбассе (1914–1915 гг.): к вопросу о роли геологических исследований в развитии угольного региона

Людмила Александровна Кравцова¹, Елена Васильевна Сокол²

^{1,2} Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения
Российской академии наук, Кемерово, Российская Федерация

¹kravtcovala@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена деятельность отечественного геолога Леонида Ивановича Лутугина в Кузбассе. С позиции авторов, вклад Лутугина в исследование малоизученного в начале XX в. бассейна сыграл заметную роль в формировании новых представлений о нем, что способствовало интенсификации углепромышленного развития. На основе системного подхода, сравнительного, биографического анализа, реконструкции событий прослежена причинно-следственная связь участия Л.И. Лутугина в изучении Кузбасса и получения новых знаний об угольных ресурсах как один из факторов определения вектора промышленного развития региона.

Ключевые слова: Леонид Иванович Лутугин, геологическое изучение Кузбасса, Кузнецкий угольный бассейн, Акционерное общество «Кузнецкие каменноугольные копи» – Копикуз

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук», проект FWEZ-2024-0024 «Разработка эффективных технологий добычи угля роботизированными горнодобывающими комплексами без постоянного присутствия людей в зонах ведения горных работ, систем управления и методов оценки технического состояния и диагностики их ресурса и обоснование обеспечения воспроизводства минерально-сырьевой базы. 2024-2025 гг.» (рег. № 124041100072-6).

Для цитирования: Кравцова Л.А., Сокол Е.В. Леонид Иванович Лутугин в Кузбассе (1914–1915 гг.): к вопросу о роли геологических исследований в развитии угольного региона // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 54–60. doi: 10.17223/19988613/94/7

Original article

Leonid Ivanovich Lutugin in Kuzbass (1914–1915): on the role of geological research in the development of the coal region

Ludmila A. Kravtsova¹, Elena V. Sokol²

^{1,2} Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation

¹kravtcovala@yandex.ru

Abstract. This article focuses on the important period of geological studies of the Kuznetsk coal basin in 1914–1915 conducted under Leonid Ivanovich Lutugin, one of the founding researchers of the geology of coal fields. The goal set by the authors is to reveal the significance of the contribution of this famous geologist to the formation of knowledge about Kuzbass as a unique source of coal resources. Despite Lutugin's brief participation in these research activities, objective geological data obtained thanks to his professionalism and personal qualities substantiated systematic studies of the basin and contributed to the activation of the coal-industrial development of the territory.

The work is based on biographical studies of this renown geologist's life and publications on the history of geological exploration of Kuzbass; especially significant were the articles written by authoritative scientists and geologists who participated in the exploration of the Kuznetsk coal basin of the period. Based on a systematic scientific approach using biographical and comparative methods and reconstruction of events, the authors of this article link the process of intensive exploration of coal mining in the Kuzbass region to L.I. Lutugin's organizational and scientific activities in Kuzbass, pointing to their causal relationship.

Geological information about the coal basin known by 1913 did not satisfy the demands of the scientific and industrial-economic community, which was eager to determine the prospects for the development of the coal industry. Initiated in the interests of the Kuznetsk Coal Mines Joint Stock Company (Kopikuz) created in 1912, the research aimed at solving applied problems, such as selecting sites for the construction of coal mining enterprises. Due to the complexity of the upcoming commercial studies, Kopikuz invited L.I. Lutugin to conduct them. As a specialist in the geology of

the Donetsk coal basin, he received wide professional recognition for the creation of a geological map of Donbass and the development of a detailed geological survey technique. The decision of L.I. Lutugin to head the work on the study of the Kuzbass coal basin, coupled with his life circumstances and his scientific interests and personal motives, played a key role in obtaining a fundamentally new understanding of it. Thanks to his leadership, initially commercial explorations acquired large-scale scientific character: the age and thickness of many kilometers of coal-bearing strata were established; the variety and characteristics of the properties of Kuznetsk coals were revealed; and, for the first time, reliably assessed coal reserves showed national significance of the basin. Thus, because of scientific and organizational activities of L.I. Lutugin in the study of the geology of the basin, coal-mining and scientific communities obtained data that intensified the formation of the coal industry in the region and indicated broad prospects for its further development.

Keywords: Leonid Ivanovich Lutugin, geological exploration of Kuzbass, Kuznetsk coal basin, Joint Stock Company "Kuznetsk Coal Mines" – Kopikuz

Acknowledgements: The work was performed within the framework of the state assignment of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Project FWEZ-2024-0024 «Development of efficient technologies of coal mining by robotic mining complexes operating without permanent presence of personnel in mining zones, design of control systems and methods to assess their technical condition and operating life as well as justification of the mineral resource base reproduction. 2024-2025» (Reg. No. 124041100072-6).

For citation: Kravtsova, L.A., Sokol, E.V. (2025) Leonid Ivanovich Lutugin in Kuzbass (1914–1915): on the role of geological research in the development of the coal region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 54–60. doi: 10.17223/19988613/94/7

Крупнейший углепромышленный центр современной России, разрабатывающий богатейшие запасы Кузнецкого каменноугольного бассейна, продвигался по пути своего становления, основываясь на результатах геологических исследований. В разные периоды времени в формировании знаний о бассейне участвовали известные путешественники-естествоиспытатели, горные инженеры, геологи, промышленники, благодаря чему по мере изучения природных богатств Земли Кузнецкой уголь становился жизненно необходимым ресурсом социально-экономического развития края. В 2021 году, ознаменованном 300-летием открытия угля Кузбасса, на новом уровне актуализировалась тема истории его геологического изучения на фоне общественного запроса более полного освещения фактов, непосредственно связанных с историей развития базовой отрасли региона.

Среди геологов, участвовавших в развитии знаний о Кузнецком угольном бассейне, Леониду Ивановичу Лутугину следует уделить особое внимание, поскольку его деятельность в бассейне в 1914–1915 гг. коренным образом повлияла на переосмысление геологического «облика» Кузбасса. Этот этап профессиональной жизни Л.И. Лутугина, совпавший по трагическому стечению обстоятельств с его кончиной, в силу кратковременности и фрагментарной освещенности в контексте региональной истории, по мнению авторов, недооценен с точки зрения значимости научно-организационного вклада ученого в становление угольной отрасли на территории Кузнецкой котловины. Биография выдающегося отечественного геолога, рассмотренная в работе С.Р. Иванковского [1], не дает полного представления о глубине геологических изысканий Кузбасса, организованных Леонидом Ивановичем. Данный аспект не стал фокусом рассмотрения и научно-биографического исследования С.И. Романовского [2]. Вместе с тем, анализируя научные геологические труды современников известного геолога, воспоминания о нем как об ученом и общественном деятеле, публикации по истории геологических исследований Кузбасса, роль Лутугина в интенсификации углепромышленного

развития бассейна во втором десятилетии XX в. следует интерпретировать с позиции одного из активных факторов этого процесса.

В контексте рассматриваемой темы необходимо подчеркнуть, что в начале XX в. сведения об угольных недрах бассейна были крайне недостаточными и отставали от сформировавшихся научных и промышленно-экономических потребностей [3. С. 30]. Показательна предпринятая в 1912 г. Азовско-Донским банком командировка с участием известного специалиста по угольной промышленности – горного инженера Л.М. Рабиновича – с целью аренды кабинетских земель и возможного развития в Кузбассе крупной промышленности. В итоговом докладе Рабиновича по оценке возможных перспектив была отмечена «нецелесообразность вложения крупного капитала для развития в бассейне промышленности» [4. С. 53]. Известный геолог-угольщик В.И. Яворский, оценивая степень изученности Кузбасса до 1914 г., также признает: «Имевшиеся скудные материалы, скорее, создавали неблагоприятное впечатление о перспективах бассейна <...>» [5. С. 18]. В целом геологическая наука, располагавшая к 1913 г. знаниями о центральных и западных угольных бассейнах и месторождениях Российской империи, констатировала отсталость изучения восточных угленосных районов, в частности Кузбасса. Материалы Геологического комитета, подготовленные к XII сессии Международного Геологического Конгресса (1913), свидетельствуют: «Ни степень его исследованности в геологическом отношении, ни количество разведок и рудничных работ не дают определенных данных для числового выражения запасов нем угля» [6. С. VII].

Необходимость детального геологического исследования Кузбасса особенно остро встала на региональном уровне после образования в 1912 г. акционерного общества «Кузнецкие каменноугольные копи» (Копикуз), в планы которого входила организация масштабной добычи каменного угля. Однако уже на организационном этапе деятельности Копикуза стало очевидно, что главные вопросы геологии бассейна не решены. Таким

образом, получение «точных сведений о выходах пластов, геологических особенностях их залегания и запасах, свойствах углей различных месторождений, выбор полей для промышленной разработки и др.» определило условия развития угольной промышленности на территории Кузбасса [3. С. 30]. Слабая изученность бассейна наглядно подтверждается мнением А.А. Сняtkова: как участник рассматриваемых в данной работе исследований Кузбасса он отмечал, что в тот период отсутствовала удовлетворительная информация по основным вопросам, включая возраст продуктивных отложений [7. С. 210].

Сотрудничество с Л.И. Лутугиным в решении обозначенных многоплановых задач рассматривалось руководством Копикуза наиболее целесообразным для их решения, поскольку в кругах отечественных геологов и промышленников его высокий профессионализм уже был известен по успешным исследованиям Донецкого бассейна. Нельзя не сказать и о международном научном признании донецких работ. Аналогов проводимых Геологическим комитетом столь детальных исследований угольных бассейнов во второй половине XIX в. не было и в других странах, в частности во Франции, Италии, Англии [8. С. 6]. В связи с этим всемирно известный французский палеонтолог и геолог Жан Альбер Годри в своем отчете о геологической экскурсии в Донбасс, состоявшейся по программе VII сессии Международного геологического конгресса, призвал каждого геолога, работающего по палеозою, учиться по детальным донецким картам, составленным Лутугиным [9. С. 207]. Сыграло роль и личное знакомство с Леонидом Ивановичем директора-распорядителя Копикуза Иосифа Федоровича в период его учебы в Санкт-Петербургском Горном институте. Отправляя письменное приглашение на работы в Кузбасс, Федорович пишет: «Копикуз предлагает Вам, Леонид Иванович, взять на себя руководство геологическими исследованиями Кузнецкого бассейна. <...> Дикое место, Леонид Иванович! Анализ исключительные – уголь без золы, без серы. Где пласты, сколько их – не знает ни одна собака. Двинем, Леонид Иванович, на новые места» [10. С. 42].

Профессионализм Лутугина – одна из важных черт в многогранности и цельности его личности. Однако по отношению к Леониду Ивановичу тезис доктора исторических наук И.А. Крайневой о том, что ученому необходимо «подтверждение своей причастности не только к научному сообществу, но и тем общественно или личностно значимым событиям, в которых он участвовал» [11. С. 135], имеет конкретную наполненность. Наглядное свидетельство этому – мнение его ученика и последователя А.А. Сняtkова: «...стоя на строго научной почве, отстаивал он самые жизненные интересы русского общества» [9. С. 208]. Друг, коллега, соратник В.И. Бауман по-своему раскрывает особенность личностной идентификации геолога-исследователя: «Когда обстоятельства вызвали конфликт между Лутугиным-геологом и общественным деятелем, первый уступал место второму» [12. С. 187]. Выдающийся геолог, углепетрограф Ю.А. Жемчужников в мировоззрении Л.И. Лутугина выделяет «два основ-

ных устремления: к глубокой научной работе и к широкой общественной деятельности, которая тогда – в начале 900-х годов – была для него революционной» [13. С. 181].

Активная гражданская позиция, которая со студенческих лет сопровождала профессиональное становление авторитетного специалиста в вопросах полевой геологии, в разные периоды времени имела обширное поле деятельности: в составе Общества горных инженеров (1892–1904), Вольного экономического общества (1900–1905, 1908–1915), Союза освобождения (1903–1905), Союза инженеров и техников (1904), Союза союзов (1905); выражалась посредством участия в революционных событиях 1905 г., в избирательной кампании III Государственной думы (1907) в качестве кандидата от оппозиционных партий «трудового блока» и в ряде других общественных организаций и политических событий [2. С. 106, 122, 156; 12. С. 193, 198; 14. С. 19–21]. Открытое несогласие с внутренней политикой царского режима привело к тому, что профессиональная и общественная стороны жизни исследователя постоянно контролировались. Закономерным итогом противоречий с властью стало отстранение Лутугина от научно-организационной и преподавательской практики, лишение права на государственную службу. В 1913 г. он был вынужден оставить дальнейшее исследование Донецкого бассейна, изучению которого посвятил 22 года своей жизни, работу в Геологическом комитете и преподавание в Петербургском Горном институте. Названные факты следует рассматривать как предпосылки к его последующей работе в Кузбассе.

Кроме того, в пользу участия в геологических изысканиях важным мотивирующим аргументом для Л.И. Лутугина была научная перспектива, и, включившись в сотрудничество с Копикузом, он принял на себя руководство работами в Кузнецком угольном бассейне. Глубокое понимание значимости изучения угольных недр было высказано исследователем на заседании горного отдела Русского технического общества накануне отъезда в Кузбасс (1 апреля 1914 г.): он подчеркнул свое принципиальное убеждение в том, что запасы угля и знания о них должны быть строго учтены [2. С. 143–144]. В соответствии со своими нравственными и профессиональными принципами Леонид Иванович видел необходимость публиковать для всеобщего сведения результаты планируемых исследований, не ограничивая их интересами акционерного общества; особое внимание ученый уделил вопросам оплаты труда сотрудников в равном размере с ним. В итоге руководство Копикуза обеспечило геологов всем необходимым для работы; в частности, «на деньги акционерного общества в Петербурге для них была оборудована химическая лаборатория, куплена ценнейшая геологическая библиотека, куплены все необходимые приборы и инструменты. Каждому геологу от имени Копикуза было подарено бельгийское охотничье ружье» [10. С. 43].

Встреча Лутугина с Кузбассом, куда прибыла сформированная Леонидом Ивановичем группа геологов – его учеников и соратников, состоялась в мае 1914 г.

Были определены первостепенные задачи для раскрытия экономических возможностей малоизученных угольных недр в интересах Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей. Одной из проблем уже на начальном этапе стало отсутствие необходимых топографических карт для предстоящего исследования [4. С. 54]. Непосредственные участники работ В.И. Яворский, П.И. Бутов характеризуют сложившееся положение как острое отсутствие «сколько-нибудь удовлетворительных карт» [15. С. 2]. Это потребовало от геологов-полевиков вести непрерывную глазомерную съемку замкнутыми полигонами. Составленная топооснова получилась очень точной, как показала изданная в 1919 г. карта масштаба 5 верст в 1 дюйме, топографические данные которой совпали с «лутугинскими» [4. С. 56].

Кроме того, своеобразием бассейна являлась слабая обнаженность коренных пород, в связи с чем работы в Кузнецком бассейне оказались значительно сложнее [7. С. 210]. Особенности бассейна были преодолены применением в новых условиях авторской методики Лутугина детальной геологической съемки на основе прослеживания маркирующих горизонтов, разработанной и апробированной в Донбассе. Ее эффективность и преимущество были доказаны временем и высоко оценены известными отечественными геологами В.И. Яворским, Е.О. Погребницким, Л.И. Нестеренко, Г.А. Ивановым [16. С. 7, 22, 50, 52, 255]. Так, Василий Иванович Яворский в 1970 г. утверждал: «Только такая методика геологической съемки (когда получаемые геологические материалы наносятся на карту тут же, в поле, как это всегда делал Л.И. Лутугин, а не сводятся в кабинете) может дать совершенно правильную картину геологического строения изучаемого участка и бассейна в целом» [17. С. 52].

Первый год работы «геологов-лутунцев» показал значимые результаты и подтвердил необходимость широкого систематического характера исследований. Стало ясно, что даже для частных запросов Копикуза локальные изыскания не смогут дать достаточных ответов. После проведения полевого сезона 1914 г. Лутугин изложил Императорскому Минералогическому обществу неизвестные ранее сведения о бассейне. Согласно им предварительная оценка запасов угля составила 250 млрд т, в отличие от имеющихся на 1913 г. сведений о вероятном запасе в 1,125 млрд т, возможным – 12,5 млрд т. [6. С. 430]. Особый подход к «прочтению» строения Кузнецкого бассейна позволил получить целый ряд новых данных: была подсчитана общая мощность продуктивной толщи; подразделены свиты, определены их мощность, распространение отдельных слагающих их толщ и заключенных в них пластов угля; изучены особенности химической и физической природы кузнецких углей [7. С. 210; 18. С. 5]. Участники исследований П.И. Бутов и В.И. Яворский признают, что организованная Лутугиным программа изысканий охватывала «большую и наиболее важную в промышленном отношении часть Кузнецкого бассейна» [19. С. 6]. По утверждению Ю.А. Жемчужникова, эти исследования «произвели резкий перелом в понимании стратиграфии и структуры этого бассей-

на» [13. С. 188]. О ценности данных, благодаря которым появилось «совершенно новое представление о бассейне», полученное уже на начальном этапе «лутугинцами», говорят В.И. Яворский, П.Ф. Ли, Е.М. Андреева [18. С. 6]. При этом авторы подчеркивают ключевую организационную роль Л.И. Лутугина: «Столь радикальное изменение произошло в представлениях о бассейне и его богатствах благодаря целеустремленности и координации исследований и применению новой методики, разработанной Лутугиным при исследованиях Донбасса и теперь широко используемой у нас геологами <...>» [18. С. 6].

Итак, под руководством Лутугина впервые установлено, что угленосная толща Кузбасса имеет многокилометровую мощность, достигающую «7 км против 1 000 м, принимавшейся геологами «кабинета» [4. С. 57]; запасы угля, получившие в 20 раз большую оценку, свидетельствовали, что в недрах бассейна сосредоточено более половины угольных запасов Российской империи. В связи с этим «с точки зрения значимости для Кузбасса» исследования, начатые Л.И. Лутугиным и его группой, являются началом периода, когда складывается «действительное представление» [18. С. 5] о Кузнецком бассейне как бассейне «общесоюзного значения» [4. С. 60]. Уже к 1916 г. геологами группы на основе полученных данных было сделано обоснованное заключение о том, что «этот громадный и богатейший бассейн должен сыграть роль фундамента, на котором в самом близком будущем будет базироваться вся или почти вся промышленность Урала и Западной Сибири» [7. С. 210].

Изучение Кузнецкого бассейна было прервано внезапной смертью геолога в полевых условиях в августе 1915 г. Трагическое событие вызвало резонанс в научных и общественных кругах страны: в Геологический комитет, Русское техническое общество, Горный институт поступали телеграммы и письма; пресса Петрограда и других городов России разместила некрологи, статьи, воспоминания о Л.И. Лутугине. Совет Съезда горнопромышленников Юга России констатировал: «Исследователь Донецкого каменноугольного бассейна, трудами и талантами которого в области геологических исследований столь многим обязана в своем развитии южнорусская горная промышленность, умирает на работе по исследованию Кузнецкого каменноугольного бассейна, этого нового источника минерального топлива, нового нерва промышленной жизни страны» [12. С. 186].

Говоря о профессионализме Лутугина, нельзя не отметить его яркий педагогический дар и талант наставника, который реализовался в формировании научной школы геологов-угольщиков. По мнению биографиста С.И. Романовского, «...редко в геологии можно встретить такую единодушную привязанность к своему учителю, но для «лутугинской школы» это характерно» [2. С. 187]. А.А. Борисак (с 1929 г. действительный член АН СССР) в некрологе на кончину Лутугина счел важным подчеркнуть, что Леонид Иванович «охотно руководил первыми шагами всякого, кто приходил к нему работать. Он отдавал весь свой опыт полевого исследователя...» [20. С. 14]. О лутугинской школе «гео-

логов – детальных съемщиков» вспоминал П.И. Степанов (с 1939 г. действительный член АН СССР): «Курсы Лутугинской школы были не из легких. <...> но всякий, выдержавший “вкус” Лутугинской школы, выходил из нее как артист с хорошо поставленным голосом, вполне законченным геологом, который не потеряется перед сложной геологической задачей» [21. С. 240]. Яркой иллюстрацией вышесказанного является успешное завершение его учениками и соратниками фундаментальной работы – Геологической карты Кузнецкого бассейна и Пояснительной записки к ней, изданных Геологическим комитетом в 1925 и 1927 гг. соответственно. Эти труды стали важнейшим итогом масштабного и глубокого изучения Кузбасса, начатого под руководством Лутугина в 1914 г. Авторы П.И. Бутов и В.И. Яворский в 1929 г. были удостоены Русским географическим обществом Серебряной медали имени Н.М. Пржевальского [22. С. 86; 23].

Научное геологическое сообщество высоко оценило вклад Л.И. Лутугина в развитие знаний, зафиксировав в разные годы его имя в названиях палеонтологических объектов месторождений Урала, Донбасса и Кузбасса. Так, в честь исследователя названы: фауна Урала – *Pseudofusulina lutugini* (Schellwien, 1908); фауна Донбасса – *Cystolonsdaleia lutugini* Fomitchev (1953), *Griffithides lutugini* Weber (1933), *Astartella lutugini* Fedotov (1932), *Parallelodon lutugini* (Borissiak, 1905), *Naticopsis lutugini* (Yakovlev, 1899); фауна европейской части СССР – *Lagonibelus* (*Lagonibelus*) *lutugini* (Khudjaev, 1927); флора Кузбасса – *Abacanodendron lutuginii* Radchenko (1955), *Sigillaria lutuginii* Zalesky (1904), *Cladostrobilus lutuginii* Zalesky (1918) и еще целый перечень других представителей древней жизни планеты [24. С. 64; 25. С. 88, 105; 26. С. 27]. Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского, являющийся преемником Геологического комитета, включил Леонида Ивановича Лутугина в портретную галерею выдающихся геологов

и создателей научных школ наряду с академиками А.П. Карпинским, Г.П. Гельмерсеном, Ф.Н. Чернышевым, И.В. Мушкетовым, А.А. Борисяком, назвав его основателем научной школы геологов-угольщиков и основоположником геологического изучения Кузбасса [27]. Горно-геологическое сообщество Кузбасса увековечило имя исследователя в названии угольного пласта «Лутугинский», залегающего в нижнепермских отложениях верхнебалахонской подсерии трех геолого-экономических районов.

Таким образом, участие Л.И. Лутугина в исследовании Кузбасса в 1914–1915 гг. сыграло ключевую роль в получении новых данных, способствовавших интенсификации развития угольной промышленности на территории бассейна. Благодаря личностным качествам и высокому профессионализму исследователя организованный новаторский подход к системному изучению Кузнецкого угольного бассейна позволил выявить его общегосударственное значение. Впервые оцененные в 1915 г. запасы угля в 250 млрд т (по сравнению с вероятными – 1,125 млрд т / возможными – 12,5 млрд т на 1913 г.), подсчитанная мощность продуктивной толщи до 7 000 м (относительно известных до 1914 г. 1 000 м), установленные особенности химических и физических свойств стали основой формирования совершенно нового геологического представления о бассейне.

Инициированные Акционерным обществом «Копикуз» региональные изыскания угольных недр под руководством Л.И. Лутугина приобрели систематический характер. По мере их продолжения геологи лутугинской школы после смерти руководителя подтвердили природную исключительность и важное народно-хозяйственное значение Кузбасса. Полученные «геологами-лутугинцами» результаты не потеряли научной ценности с позиции современной геологии, признавшей их прорывными для Кузбасса и актуальными на долгие годы.

Список источников

1. Ивановский С.Р. Леонид Иванович Лутугин. М. : Углетехиздат, 1951. 52 с.
2. Романовский С.И. Леонид Иванович Лутугин. СПб. : Наука, 1997. 191 с.
3. Кравцова Л.А. Исследования Кузнецкого угольного бассейна в XVIII – первой трети XX вв. в динамике развития геологических знаний // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 27–35.
4. Яворский В.И. Очерк по истории геологического исследования Кузнецкого бассейна. М. : Гос. науч.-техн. изд-во лит. по геологии и охране недр, 1962. 144 с.
5. Яворский В.И. Леонид Иванович Лутугин и его методика геологических исследований. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1956. 70 с.
6. Очерк месторождений ископаемых углей России. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 576 с.
7. Снятков А.А. Работы Л.И. Лутугина по изучению русских месторождений ископаемых углей // Поверхность и недра. 1916. № 5. С. 209–211.
8. Яворский В.И. Роль и значение Л.И. Лутугина в организации геологических исследований угольных бассейнов нашей страны // Очерки по геологии Кузнецкого и Донецкого бассейнов. Л. : Недра, 1970. С. 5–11.
9. Снятков А.А. Работы Л.И. Лутугина в Донецком бассейне // Поверхность и недра. 1916. № 5. С. 205–209.
10. Кладчихин В.С. А до этого был Копикуз. Иосиф Иосифович Федорович (1875–1937) // Директорский корпус Кузбасса. Новосибирск : Новосибирское время, 2009. Т. 1. С. 36–57.
11. Крайнева И.А. Персональный архив ученого как феномен исторической идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2 (18). С. 135–142.
12. Бауман В.И. Леонид Иванович Лутугин // Поверхность и недра. 1916. № 5. С. 186–203.
13. Жемчужников Ю.А. Леонид Иванович Лутугин – основоположник угольной геологии // Очерки по истории геологических знаний. М. : Изд-во Акад. наук, 1953. Вып. 1. С. 181–190.
14. Анисимов Ю.А., Новик Е.О. Краткий очерк о жизни и деятельности Леонида Ивановича Лутугина // Лутугин Л.И. Избранные труды по геологии Донецкого бассейна. Киев : Изд-во Акад. наук Украинской ССР, 1956. С. 5–24.
15. Яворский В.И., Бутов П.И. Кузнецкий каменноугольный бассейн. Л. : Изд. Геологического комитета, 1927. 244 с.
16. Очерки по геологии Кузнецкого и Донецкого бассейнов / науч. ред. В.И. Яворский. Л. : Недра, Ленингр. отд-ние, 1970. 435 с.
17. Яворский В.И. Методика детальной геологической съемки угольных бассейнов, разработанная Л.И. Лутугиным // Очерки по геологии Кузнецкого и Донецкого бассейнов / науч. ред. В.И. Яворский. Л. : Недра, Ленингр. отд-ние, 1970. С. 49–52.

18. Яворский В.И., Ли П.Ф., Андреева Е.М. Литолого-стратиграфический очерк Кузнецкого бассейна (с приложением геологической карты масштаба 1:500 000). М. : Гос. изд-во геол. лит., 1951. 153 с.
19. Бутов П.И., Яворский В.И. Материалы для геологии Кузнецкого каменноугольного бассейна / Геологический комитет. Петербург, 1922. Вып. 48. 58 с.
20. Борисьяк А.А. Памяти Л.И. Лутугина // Известия Геологического комитета. 1915. Т. 34. С. 13–15.
21. Степанов П.И. Леонид Иванович Лутугин (некролог) // Горный журнал. 1916. № 3. С. 238–244.
22. Кравцова Л.А. Из истории научных исследований Кузнецкого каменноугольного бассейна // Музеи Российской академии наук : альманах. М. : Таус, 2010. Вып. 8. С. 80–91.
23. Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845–2012) / Рус. геогр. о-во, Исполнительная дирекция. М., 2012. С. 18. URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/upload/spisok-nagrazhennykh_8.pdf (дата обращения: 12.09.2021).
24. Крымгольц Г.Я., Крымгольц М.Г. Имена отечественных геологов в палеонтологических названиях. СПб. : ЦОП тип. Изд-ва СПбГУ, 2000. 139 с.
25. Геология месторождений угля и горючих сланцев СССР / гл. ред. И.И. Аммосов, Д.Н. Бурцев, И.И. Горский и др. М. : Недра, 1969. Т. 7. 912 с.
26. Геология месторождений угля и горючих сланцев СССР / гл. ред. С.А. Скробов, зам. гл. ред. А.В. Тыжнов, И.И. Аммосов и др. М. : Недра, 1967. Т. 4. 476 с.
27. Выдающиеся геологи : портретная галерея ВСЕГЕИ : 135 лет Геологическому комитету России // Институт Карпинского. СПб., 2017. URL: https://karpinskyinstitute.ru/ru/info/public/our_publications/GRgeoRU.pdf (дата обращения: 12.09.2021).

References

1. Ivanovskiy, S.R. (1951) *Leonid Ivanovich Lutugin*. Moscow: Ugletekhizdat.
2. Romanovskiy, S.I. (1997) *Leonid Ivanovich Lutugin*. St. Petersburg: Nauka.
3. Kravtsova, L.A. (2018) Issledovaniya Kuznetskogo uglyanogo basseyna v XVIII – pervoy trety XX vv. v dinamike razvitiya geologicheskikh znaniy [Exploration of the Kuznetsk coal basin in the 18th – first third of the 20th centuries in the dynamics of geological knowledge development]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 27–35.
4. Yavorskiy, V.I. (1962) *Ocherk po istorii geologicheskogo issledovaniya Kuznetskogo basseyna* [Essay on the history of geological exploration of the Kuznetsk basin]. Moscow: State Scientific and Technical Publishing House of Literature on Geology and Subsoil Protection.
5. Yavorskiy, V.I. (1956) *Leonid Ivanovich Lutugin i ego metodika geologicheskikh issledovaniy* [Leonid Ivanovich Lutugin and his methods of geological research]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Charnotskiy, S.I. et al. (1913) *Ocherk mestorozhdeniy iskopaemykh ugley Rossii* [Essay on fossil coal deposits in Russia]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
7. Snyatkov, A.A. (1916) Raboty L.I. Lutugina po izucheniyu russkikh mestorozhdeniy iskopaemykh ugley [L.I. Lutugin's works on the study of Russian fossil coal deposits]. *Poverkhnost i nedra*. 5. pp. 209–211.
8. Yavorskiy, V.I. (1970) Rol' i znachenie L.I. Lutugina v organizatsii geologicheskikh issledovaniy uglyanykh basseynov nashey strany [The role and significance of L.I. Lutugin in organizing geological research of coal basins in our country]. In: Yakovlev, N.N. et al. *Ocherki po geologii Kuznetskogo i Donetskogo basseynov* [Essays on the geology of the Kuznetsk and Donetsk basins]. Leningrad: Nedra. pp. 5–11.
9. Snyatkov, A.A. (1916) Raboty L.I. Lutugina v Donetskoy basseyne [L.I. Lutugin's works in the Donetsk basin]. *Poverkhnost i nedra*. 5. pp. 205–209.
10. Klachikhin, V.S. (2009) A do etogo byl Kopikuz. Iosif Iosifovich Fedorovich (1875–1937) [And before this there was Kopikuz. Iosif Iosifovich Fedorovich (1875–1937)]. In: Mazikin, V.P. (ed.) *Direktorskiy korpus Kuzbassa* [Director's Corps of Kuzbass]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskoe vremya. pp. 36–57.
11. Krayneva, I.A. (2015) A scholar's personal archive as a historical identity phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2(18). pp. 135–142. (In Russian).
12. Bauman, V.I. (1916) Leonid Ivanovich Lutugin. *Poverkhnost' i nedra*. 5. pp. 186–203.
13. Zhemchuzhnikov, Yu.A. (1953) Leonid Ivanovich Lutugin – osnovopolozhnik uglyanoy geologii [Leonid Ivanovich Lutugin – the founder of coal geology]. In: Tikhomirov, V.V. (ed.) *Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy* [Essays on the History of Geological Knowledge]. Vol. 1. Moscow: USSR AS. pp. 181–190.
14. Anisimov, Yu.A. & Novik, E.O. (1956) Kratkiy ocherk o zhizni i deyatelnosti Leonida Ivanovicha Lutugina [A brief essay on the life and work of Leonid Ivanovich Lutugin]. In: Lutugin, L.I. *Izbrannyye trudy po geologii Donetskogo basseyna* [Selected Works on the Geology of the Donetsk Basin]. Kiev: Ukraine SSR AS. pp. 5–24.
15. Yavorskiy, V.I. & Butov, P.I. (1927) *Kuznetskiy kamennougol'nyy basseyn* [The Kuznetsk Coal Basin]. Leningrad: Izd. Geologicheskogo komiteta.
16. Yavorskiy, V.I. (ed.) (1970) *Ocherki po geologii Kuznetskogo i Donetskogo basseynov* [Essays on the Geology of the Kuznetsk and Donetsk Basins]. Leningrad: Nedra.
17. Yavorskiy, V.I. (1970) Metodika detal'noy geologicheskoy s'emki ugol'nykh basseynov, razrabotannaya L.I. Lutuginym [Methods of detailed geological surveying of coal basins developed by L.I. Lutugin]. In: Yavorskiy, V.I. (ed.) *Ocherki po geologii Kuznetskogo i Donetskogo basseynov* [Essays on the Geology of the Kuznetsk and Donetsk Basins]. Leningrad: Nedra. pp. 49–52.
18. Yavorskiy, V.I., Li, P.F. & Andreeva, E.M. (1951) *Litologo-stratigraficheskiy ocherk Kuznetskogo basseyna (s prilozheniem geologicheskoy karty masshtaba 1:500 000)* [A lithological-stratigraphic essay of the Kuznetsk basin (with geological map 1:500,000)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geologicheskoy literatury.
19. Butov, P.I. & Yavorskiy, V.I. (1922) *Materialy dlya geologii Kuznetskogo kamennougol'nogo basseyna* [Materials for the Geology of the Kuznetsk Coal Basin]. St. Petersburg: Geologicheskii komitet.
20. Borisjak, A.A. (1915) Pamyati L.I. Lutugina [In memory of L.I. Lutugin]. *Izvestiya Geologicheskogo komiteta*. 34. pp. 13–15.
21. Stepanov, P.I. (1916) Leonid Ivanovich Lutugin (neкролог) [Leonid Ivanovich Lutugin (obituary)]. *Gornyy zhurnal*. 3. pp. 238–244.
22. Kravtsova, L.A. (2010) Iz istorii nauchnykh issledovaniy Kuznetskogo kamennougol'nogo basseyna [From the history of scientific research of the Kuznetsk coal basin]. In: Buzhilova, A.P. (ed.) *Muzei Rossiyskoy akademii nauk* [Museums of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 8. Moscow: Taus. pp. 80–91.
23. The Russian Geographical Society. (2012) *Perechen' nagrazhennykh znakami otlichiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (1845–2012)* [List of the Russian Geographical Society awardees (1845–2012)]. Moscow: Russian Geographical Society.
24. Krymgolts, G.Ya. & Krymgolts, M.G. (2000) *Imena otechestvennykh geologov v paleontologicheskikh nazvaniyakh* [Names of Russian Geologists in Paleontological Nomenclature]. St. Petersburg: SPbSU.
25. Ammosov, I.I., Burtsev, D.N., Gorskiy, I.I. et al. (eds) (1969) *Geologiya mestorozhdeniy uglya i goryuchikh slantsev SSSR* [Geology of Coal and Oil Shale Deposits in the USSR]. Vol. 7. Moscow: Nedra.
26. Skrobov, S.A. (ed.) (1967) *Geologiya mestorozhdeniy uglya i goryuchikh slantsev SSSR* [Geology of coal and oil shale deposits in the USSR]. Vol. 4. Moscow: Nedra.

27. The Geological Committee of Russia. (2017) *Vydayushchiesya geologi: portretnaya galereya VSEGEI: 135 let Geologicheskomu komitetu Rossii* [Outstanding geologists: Portrait gallery of VSEGEI: 135 years of the Geological Committee of Russia]. St. Petersburg: Karpinsky Institute. [Online] Available from: https://karpinskyinstitute.ru/ru/info/public/our_publications/GRgeoRU.pdf

Сведения об авторах:

Кравцова Людмила Александровна – кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник Кабинета истории угольной промышленности Кузбасса Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия). E-mail: Kravtcovala@yandex.ru

Сокол Елена Васильевна – ведущий инженер Кабинета истории угольной промышленности Кузбасса Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kravtsova Lyudmila A. – Candidate of Cultural Studies, a leading researcher at the Cabinet of the History of the Kuzbass Coal Industry, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Kravtcovala@yandex.ru

Sokol Elena V. – leading engineer in the Cabinet of the History of the Kuzbass Coal Industry, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 29.09.2021; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья
УДК 94 (47; 510)
doi: 10.17223/19988613/94/8

Роль пограничных комиссаров в контексте взаимодействия России и Китая в середине XIX – начале XX в.

Инна Николаевна Мамкина

Забайкальский государственный университет; Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Чита, Россия, inna-mamkina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается институт пограничных комиссаров как механизм приграничного взаимодействия России и Китая в середине XIX – начале XX в. Проведен комплексный анализ организации и деятельности пограничных комиссарств в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX – начале XX в. на основе обобщения имеющихся сведений и документов Архива внешней политики Российской империи, впервые вводимых в научный оборот. Представлены сведения о пограничных комиссарах Кяхты, Южно-Уссурийского края, Амурской области и Урянхайского края.

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, пограничные комиссары, взаимодействие, дипломатия

Для цитирования: Мамкина И.Н. Роль пограничных комиссаров в контексте взаимодействия России и Китая в середине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 61–69. doi: 10.17223/19988613/94/8

Original article

The role of border commissioners in the context of diplomatic interaction between Russia and China in the middle of the 19th and early 20th centuries

Inna N. Mamkina

Zabaikalsky State University; Transbaikalian Scientific Center Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Chita, Russian Federation, inna-mamkina@yandex.ru

Abstract. The article considers the institution of border commissioners as a mechanism for cross-border cooperation between Russia and China in the middle of the 19th and early 20th centuries. It is noted that the growing interest of the United Kingdom, the United States, France, and Germany in the Asian region has stimulated Russian government action in the east. A series of treaties delimiting the border territories of Russia and China laid the groundwork for the establishment of mechanisms for diplomatic cooperation between the two powers. The institution of border commissioners is a key mechanism. The historiography of the question is presented by several publications, highlighting selected parts of the organization and activities of border commissions. The purpose of the study is to carry out a comprehensive analysis of the organization and activities of the border commissions in Siberia and the Far East in the 19th and early 20th centuries on the basis of synthesis of available information and documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire for the first time in scientific circulation.

The methodological basis of the study is the concept of the frontier applied to Siberia and the Far East. The author notes that the Border Commissioner position emerged in the administrative system of the suburbs at the time of its incorporation into the general imperial space under the influence of foreign policy factors. The first references to border commissioners are to be found in the Kyacht Tractate, concluded in 1727 by S.L. Władysław-Raguzynski. The treaty terms considered in addition to territorial delimitation, the establishment of a number of posts to carry out demarcation work, organize border security and interact with Chinese authorities. On the basis of analysis of sources, the author suggests that the post of Border Commissioner, established in the mid-19th century, is based on the authority of A. Tretyakov, the border captain F. Knyaginkin, the interpreter. The article chronologically presents information on the establishment of Border Commissioners' position in Kyacht, South Ussuri Territory, Amur Region, and Uryankhay Territory. The author draws attention to the duties, staffing, content, and specific activities of the border commissioners. It is noted that, in view of the foreign policy situation on the eastern part of the Russian-Chinese border, the border commissioners were carrying out special tasks aimed not only at maintaining good-neighborly relations with the Asian Powers, but also to ensure and defend national interests in the Far East. The author notes that the Border Commissioners acted as a foreign policy mediator between the central and regional authorities. Their activities served as a prerequisite for maintaining mutual relations between Russian and Chinese citizens, between the indigenous and Russian populations, and were likely to ensure social stability.

Keywords: Far East, China, state border, border territory, cooperation, border commissioners, national interests

For citation: Mamkina, I.N. (2025) The role of border commissioners in the context of diplomatic interaction between Russia and China in the middle of the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 61–69. doi: 10.17223/19988613/94/8

Середина XIX столетия ознаменовалась изменениями в политической ситуации на российском Дальнем Востоке. Усиливающийся интерес Великобритании, США, Франции, Германии к азиатскому региону активизировал действия российского правительства на востоке страны. В 1860-х гг. между Россией и Китаем был заключен ряд договоров, оформивший разграничение сопредельных территорий, закрепивший восточный участок государственной границы двух стран. Проведение демаркационной линии, установление пограничных знаков, застав и таможенных постов положили конец свободному передвижению русского, китайского, корейского населения по приграничным территориям, которые десятилетиями находились в совместном пользовании. Безусловно, возникающие хозяйственные, политические, миграционные вопросы на приграничной полосе добавили хлопот губернаторам. Административная система восточной окраины нуждалась в работоспособных дипломатических механизмах. Вместе с тем, учитывая уровень социально-экономического развития окраин двух империй, незначительность населения на огромных просторах, говорить о создании полноценных дипломатических служб было преждевременно.

С момента подписания первого русско-китайского договора в Нерчинске в 1689 г. обязанности по взаимодействию двух сторон непосредственно на границе возлагались на «пограничных воевод», уполномоченных выступать в качестве представителя стороны для решения спорных вопросов о перебежчиках и разрешения «ссоры меж порубежными жителями» [1. С. 9–11]. По мере расширения сфер взаимодействия двух стран необходимость в особых дипломатических механизмах ощущалась с каждым годом все острее.

В условиях неоконченного освоения восточных окраин административная система Сибири и Дальнего Востока включала нетипичные для имперской части России механизмы управления. Приграничное взаимодействие между Россией и Китаем осуществлялось посредством ряда административных должностей с особыми полномочиями, в том числе и должности пограничного комиссара.

Историография института пограничных комиссаров представлена весьма скудно. Отрывочные сведения можно почерпнуть из единичных исторических записок, свидетельствующих об участии комиссаров в приграничной жизни [2, 3]. Наибольшую ценность представляет «Записка...» советника Троицко-Савского пограничного правления Г.А. Сычевского, составленная на основе нормативных документов. Сычевский проливает свет на административную сторону организации пограничной полосы после заключения Кяхтинского трактата в 1727 г. Именно в его трудах упоминаются пограничные управители, пограничные дозорщики и пограничные комиссары и приведены должностные инструкции, составленные С.Р. Рагузинским. В советской историографии упоминание о пограничных ко-

миссарах встречается в работе историка Б.Г. Курца [4]. Автор в контексте исследования русско-китайских торговых отношений анализирует обстоятельства заключения Кяхтинского договора и организацию охраны государственной границы, при этом упоминая о пограничных комиссарах. Советские исследования русско-китайских отношений оставляли за рамками научного интереса имперские механизмы приграничного взаимодействия, сосредотачиваясь на торговых либо пограничных аспектах [5–7].

Стремительное развитие отношений России с азиатскими государствами на современном этапе актуализировало интерес к истории международных отношений, в том числе и к административным механизмам взаимодействия. В 2000-х гг. опубликован ряд научных статей, содержащих первые сведения о деятельности пограничных комиссаров. О Кяхтинских пограничных комиссарах упоминается в публикациях А.И. Петрова и А.В. Малановой [8, 9]. Г.И. Саркисова на основе архивных материалов исследовала отдельные аспекты организации пограничного комиссарства в Кяхте в XVIII в. Публикации автора богаты биографическими сведениями и фактическими данными [10, 11]. Деятельность Южно-Уссурийских комиссаров представлена в трудах Е.И. Нестеровой, И.В. Шмониной, Д.И. Шмониной, подробно изложивших отдельные моменты организации и деятельности Южно-Уссурийского пограничного комиссарства. Е.И. Нестерова уделила внимание биографии первого комиссара В.Д. Овандера. В статьях И.В. и Д.И. Шмоновых собраны сведения о деятельности комиссаров по защите национальных интересов [12–14]. Ю.А. Павлов обобщил данные о кадровых военных, занимавших гражданскую должность пограничных комиссаров на Дальнем Востоке. Статья содержит биографические сведения о шести офицерах Приамурского генерал-губернаторства [15]. Необходимо отметить единственную статью В.А. Василенко, посвященную деятельности Урянхайского пограничного комиссара. Автор описывает противоречия между чиновниками переселенческого комитета, пограничным начальником и пограничным комиссаром, раскрывая еще один аспект деятельности представителей дипломатической службы [16].

Безусловно, современные исследования положили начало рассмотрению дипломатических механизмов на азиатском направлении российской внешней политики в дореволюционный период. Однако совокупность всех имеющихся публикаций не дает возможности воссоздать целостное представление о системе дипломатической службы на востоке Российской империи. Вопрос о механизмах внешнеполитического взаимодействия на азиатском направлении российской внешней политики остается малоизученным.

Принимая во внимание слабую степень изученности данного вопроса, определена цель настоящего исследования – проведение комплексного анализа орга-

низации и деятельности пограничных комиссарств в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX – начале XX в. на основе обобщения имеющихся сведений и документов Архива внешней политики Российской империи, впервые вводимых в научный оборот.

Методологической основой исследования служит концепция фронта применительно к Сибири и Дальнему Востоку в контексте исследований М.В. Шиловского и Д.Я. Резуна о возможности фронта при встрече и контакте двух культур разного уровня цивилизации [17].

Первые упоминания о механизмах приграничного взаимодействия с азиатскими державами встречаются в русско-китайских трактатах о разграничении территории. В первом российско-китайском договоре, подписанном в Нерчинске в 1689 г., упоминались «порубежные воеводы» [1. С. 9–11]. В подписанных в 1727 г. опытным дипломатом С.Л. Владиславичем-Рагузинским Буринском и Кяхтинском трактатах определялись участки границы, торговые места и механизмы взаимодействия. Для разграничения территорий учреждались две совместные комиссии, возглавляемые с русской стороны пограничными комиссарами [17. С. 18]. По сведениям Г.А. Сычевского, С.Л. Владиславич-Рагузинский поручил контроль над восточным от Кяхты участком границы селенгинскому дворянину Григорию Фирсову и переводчику Степану Кобею. При них состояли писарь Иван Мангир и «три служивых человека» из Селенгинска. Западный участок вверялся «Иркутскому сыну Боярскому Анисиму Михалеву да селенгинскому служивому толмачу Григорию Волгарю» [2. С. 29]. Комиссары состояли в прямом подчинении графу Рагузинскому, а после его отъезда – пограничному правителю полковнику И.Д. Бухольцу. Отметим, что по Кяхтинскому трактату Г. Фирсов и А. Михалев заняли должности пограничных комиссаров, однако в дальнейшем Сычевский называет их пограничными дозорщиками. Полномочия дозорщиков регулировались инструкциями, специально составленными С.Л. Владиславичем-Рагузинским.

В инструкции Г. Фирсову основными задачами дозорщиков определялись осмотр границы от Кяхты до р. Аргуни, починка пограничных маяков, разрешение «малых ссор» среди пограничных жителей. Инструкция для А. Михалева имела более детальное описание полномочий. В документе указывалось на неукоснительное соблюдение трактатов, разменных писем, подписанных с китайской стороной, «дабы Двору Китайскому не дать притчины к разорванию мира, нарушению корреспонденции и коммерции, испровержению границы, которая в сем деле главнейшая» [2. С. 29]. Михалеву предписывалось ежегодно осматривать вверенный участок границы, не допускать не санкционированных переходов, пресекать ссоры, возвращать перебежчиков, контролировать несение караульной службы, поддерживать отношения с местными кочевыми народами и с караульной службой Китая, отчитываться перед Селенгинским Пограничным генеральным управителем и Иркутским воеводой. В помощь дозорщику определялись писарь И. Мангир, толмач С. Кобей, «для разсылок служивые Иван

Разгильдеев, Алексей Цыгенов и Сава Лбоков» [2. С. 29].

Отметим, что деятельность комиссий и комиссаров носила разъездной характер, связанный с проведением демаркационных работ и контролем состояния государственной границы. Учитывая протяженность границы, комиссары большую часть года, за исключением зимы, находились в разъездах. На местах осуществление приграничного взаимодействия возлагалось на «пограничного управителя», находившегося в Селенгинске, – полковника И.Д. Бухольца, впоследствии эту должность занимали генерал-майор В.В. Якоби, премьер-майор С. Власов [10. С. 362].

Все это в совокупности дает возможность предположить, что указанные комиссары – в большей степени дозорщики, исполняющие пограничную, а не дипломатическую службу.

Для осуществления торговых договоренностей между Россией и Китаем в Кяхту получили назначение пограничный капитан Федор Княгинкин и переводчик селенгинский дворянин Алексей Третьяков, в Цурухайтуевскую торговую слободу – капитан Михаил Шкадера. Инструкции капитанам вменяли им в обязанность организовать торг и отстроить необходимые помещения. Обращает на себя внимание положение из инструкции Бухольцу, где упоминается о статусе переводчика А. Третьякова. В документе говорилось, что «Указом же определен Селенгинский дворянин Алексей Третьяков вместо Дьяка, от Российской стороны против Китайского Джаргучея, для того что он, Алексей, человек не без ума, и не токмо Мунгальскому языку доволен, но и от части Китайской разумеет» [2. С. 60]. Статус и полномочия А. Третьякова, описанные в инструкции Бухольцу, в большей степени соответствуют должности пограничного комиссара, оформившейся в середине XIX столетия.

Таким образом, заключение в 1727 г. Кяхтинского трактата с китайской стороной повлекло ряд организационных действий, направленных на учреждение специальных должностей для демаркации, охраны вновь установленной государственной границы, организации торгового и регулярного взаимодействия с китайскими властями. Помимо существующих генеральных пограничных управителей, в соответствии с трактатом учреждались должности пограничных комиссаров и капитанов с четко оговоренными функциями, штатным составом, содержанием.

С развитием торговых отношений Кяхта превратилась из торговой слободы в торговый центр с особым международным статусом. 20 июня 1851 г. по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева учреждено Кяхтинское градоначальство во главе с градоначальником. Особый статус Кяхты позволил закрепить за градоначальником широкие полномочия и сохранить в штате должность пограничного комиссара. Преобразования Н.Н. Муравьева-Амурского привели к формированию трех уровней внешнеполитического взаимодействия, просуществовавших до упразднения градоначальства: к первому относились сношения кяхтинского пограничного комиссара и маймаченского джаргучея, ко второму – кях-

тинского градоначальника и правителей Урги, к третьему – Министерства иностранных дел Российской империи и Пекинского трибунала внешних сношений.

В 1852 г. исполняющим обязанности пограничного комиссара был назначен, а в 1854 г. утвержден в должности А.И. Деспот-Зинович, внесший неоценимый вклад в развитие дипломатических отношений с азиатскими державами, в особенности в поддержание дружественных связей с Монголией. А.И. Деспот-Зинович по поручению генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского неоднократно совершал дипломатические поездки в Ургу. В 1859 г. А.И. Деспот-Зинович получил назначение на должность градоначальника Кяхты, в 1862 г. назначен Тобольским губернатором.

Высокие служебные требования, предъявляемые к должности пограничного комиссара, затрудняли поиски подходящих кандидатур. Продолжительное время служебное место могло оставаться вакантным. В частности, следующее назначение на должность пограничного комиссара в Кяхту состоялось в 1862 г. Полномочия комиссара получил Е.В. Пфаффиус [8].

9 февраля 1863 г. Государственный Совет утвердил инструкцию пограничному комиссару, составленную военным губернатором Забайкальской области. При обсуждении полномочий комиссара члены Госсовета отмечали, что должность учреждается «для сношения с дзаргучеем Кяхтинского Маймачена и заведования собственными пограничными делами в Кяхтинской слободке» [18. Л. 3].

Комиссар состоял в непосредственном подчинении военному губернатору Забайкальской области, по дипломатическим вопросам он взаимодействовал с генерал-губернатором Восточной Сибири. Штат включал пограничного комиссара и двух переводчиков монгольского языка. По инструкции пограничный комиссар относился к государственным гражданским должностям Министерства иностранных дел и замещался гражданскими лицами с чином не ниже статского советника. Чиновник получал 1 500 руб. в год жалования, 1 500 руб. столовых, 500 руб. на разъезды и 1 000 руб. на текущие расходы. Переводчики состояли в X классном чине (коллежский секретарь) и в совокупности получали 1 200 руб. в год. Дополнительно из казны выделялось 1 000 руб. на канцелярские расходы [19. Л. 3 об.]. Смета не предусматривала расходы на жилье сотрудникам комиссарства, поскольку купечество Кяхты выделило средства на строительство специального помещения для работы и проживания пограничного комиссара.

Необходимо обратить внимание на обновленные должностные обязанности пограничного комиссара. Существенно расширена компетенция в сфере приграничного взаимодействия с китайской стороной. Чиновнику вменялось в обязанности осуществлять взаимную выдачу лиц, незаконно находившихся на территории государства без документов и не совершивших противоправных действий, разбирать ссоры между русскими и китайскими подданными, рассматривать вопросы о долгах, финансовых претензиях представителей с русской и китайской сторон, осуществлять передачу скота, содействовать розыску и передаче русских пре-

ступников, совершивших преступления в Китае, осуществлять контроль наказаний китайских преступников в Китае за совершенные проступки в пределах российской территории, «сохранять доброе согласие» между местными жителями с обеих сторон, противодействовать контрабанде спирта, выдавать паспорта и торговые свидетельства для русских и китайских подданных, составлять статистический отчет по оптовой торговле России и Китая, осуществляемой через Кяхту, собирать сведения «о нуждах местной торговли», давать заключения по ней, отправлять государственную почту в Пекинскую миссию и содействовать отправке курьеров, осуществлять паспортный контроль над иностранцами из других азиатских и европейских держав [18. Л. 3–5].

Обращает внимание, что инструкция закрепляла довольно широкий и разноплановый круг административных и дипломатических полномочий. Исключение из компетенции охранных функций сделало эту должность сугубо гражданской. На практике деятельность пограничного комиссара в Кяхте в большей степени носила дипломатический характер, способствовала поддержанию дружеских взаимоотношений с китайскими властями и осуществлению контроля пересечения русской границы иностранными подданными.

В 1858 г. между Россией и Китаем был подписан Айгунский, в 1860 г. – Пекинский договор, разграничившие территории по течению р. Амур. Длительная протяженность восточного участка российско-китайской границы, безусловно, требовала дополнительных механизмов приграничного взаимодействия. Вопрос об учреждении должности Южно-Уссурийского пограничного комиссара возник в 1860-е гг. в контексте обеспечения государственной безопасности в связи с «маньчжурской войной» [14. С. 123]. В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков ходатайствовал об административном переустройстве Приморья; среди прочих положений он предлагал учреждение должности пограничного комиссара по подобию Кяхты. Среди причин, побудивших С.М. Корсакова ходатайствовать об учреждении должности, указывались значительный наплыв китайского населения на южной границе Приморской области и необходимость установления контроля и надзора за переходящими границу китайскими подданными. После длительных переговоров и выводов о том, что содержание пограничного комиссара менее затратно, чем содержание консульства, особое совещание по делам Приморского края весной 1869 г. приняло положительное решение относительно учреждения должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае. Окончательное решение было утверждено 12 ноября 1869 г. мнением Государственного Совета.

За основу должностной инструкции Южно-Уссурийского пограничного комиссара была взята инструкция из Кяхты. Круг обязанностей принципиально ничем не отличался. Вместе с тем отметим, что по статусу Южно-Уссурийский комиссар был выше. Он приравнивался к Нингутскому фудутуну и имел право вступать во взаимодействие с начальниками Гиринской и Хэйлуцзянской провинций [12. С. 120]. Чинов-

ник подчинялся военному губернатору Приморской области, по дипломатическим вопросам – генерал-губернатору Восточной Сибири. Изначально местом пребывания комиссара был определен залив Посыет, в дальнейшем с указанием конкретного пункта генерал-губернатором [12. С. 120]. Во Временной инструкции первоначальным местом пребывания комиссара был определен Новгородский пост, в 1880-х гг. пост перенесен в урочище Новокиевское, позднее – в селение Николаевское. Штат и содержание Южно-Уссурийского комиссарства не отличались от штата кяхтинского, за исключением драгоманов (переводчиков) китайского и корейского языков.

По данным Е.И. Нестеровой, первым комиссаром края в 1870 г. назначили Василия (Вильгельма) Дмитриевича (Эдуардовича) Овандера [12. С. 121]. Однако по состоянию здоровья Овандер не смог продолжить службу, и в 1871 г. временно исполнял обязанности надворный советник Филиппович. С 27 августа 1873 г. назначение получил Николай Гаврилович Матюнин, прослуживший в должности более 30 лет. 18 сентября 1899 г. его сменил Евгений Тимофеевич Смирнов. В 1912 г. пограничным комиссаром назначен Никита Дмитриевич Кузьмин, остававшийся в должности до 1922 г. [14. С. 126].

Полномочия Южно-Уссурийского комиссара неоднократно пересматривались. В 1879 г. генерал-губернатор П.А. Фредерикс ввел в действие на два года Дополнительные инструкции Южно-Уссурийскому комиссару и Инструкцию для исполнения кордонной службы на границе с Маньчжурией в Южно-Уссурийском крае. В соответствии с этими инструкциями комиссар получал полномочия по организации пограничной службы [14. С. 126]. Круг обязанностей Южно-Уссурийского комиссара существенно расширился за счет охранных функций. Более того, в работах И.В. Шмониной и Д.И. Шмониной отмечается, что нередко пограничные комиссары являлись резидентами пограничной, военной и внешней разведки на Дальнем Востоке [14. С. 128].

Война Японии и Китая в 1894–1895 гг. и аннексия Японией Кореи изменили расстановку политических сил на Дальнем Востоке. В феврале 1895 г. генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовский пересмотрел содержание инструкции для комиссаров. Помимо взаимодействия с китайскими пограничными властями и визирования паспортов и русских билетов пограничный комиссар получил консульские полномочия до учреждения консульства в захваченной Корее. В обязанности комиссара входили сбор сведений и отчеты о положении дел на пограничных территориях Китая и Кореи. Новшеством в инструкции стало закрепление обязанности в оказании содействия пограничному комиссару со стороны любых властей края [18. Л. 3].

В отличие от Кяхтинского пограничного комиссара, преимущественно контролировавшего приграничные торговые отношения и передвижение иностранцев, Южно-Уссурийскому чаще приходилось решать вопросы охраны государственной границы, принимать сложные политические решения. В частности, после

оккупации Кореи Япония объявила о непризнании ранее заключенных договоров между Россией и Кореей. В соответствии с позицией Японии местные власти были лишены права взаимодействия с русскими представителями, также не признавались полномочия Южно-Уссурийского комиссара. Несмотря на позицию японских властей, Южно-Уссурийский пограничный комиссар продолжал оказывать содействие корейским подданным, сохраняя добрососедские отношения.

Таким образом, в деятельности Южно-Уссурийского пограничного комиссара преобладали полномочия, направленные на обеспечение национальной безопасности Российского государства на Дальнем Востоке. Дипломатические полномочия отходили на второй план перед необходимостью укрепления слабо охраняемой и протяженной государственной границы, угрозой нападения японских войск, хунхузских шаек, необходимостью наблюдения за прибывшими иностранными подданными и сбора информации об обстановке в приграничных территориях. Отметим, что сведения о готовящейся к войне Японии были переданы пограничными комиссарами задолго до начала русско-японской войны.

В 1896 г. на расширенном заседании Государственного Совета, департамента законов и департамента государственной экономики по ходатайству Приамурского генерал-губернатора обсуждался вопрос об учреждении должности Амурского пограничного комиссара. На этот раз необходимость в пограничном комиссаре возникла из-за увеличивающегося числа китайцев и маньчжур в Амурской области. Строительство Транссиба, разработка золотых приисков на Амуре привлекали китайцев возможностью получения работы. Помимо этого, генерал-губернатор указывал на необходимость установления контроля над проживающими на левом берегу Амура «заязскими маньчжурами»: «...оказывается нужным наблюдать за этим пришлым элементом, регулировать отношения между выходцами из Небесной империи и местными жителями, свидетельствовать заключение между ними сделок и договоров» [19. Л. 2 об.]. Отметим, что необходимость «наблюдения» за «заязскими маньчжурами» была продиктована их административной автономностью и отказом подчиняться российским властям.

В сложившейся практике на должность пограничного комиссара назначались гражданские лица, что существенно затрудняло поиск кандидатов. «Для облегчения замещения учреждаемой должности» участники совещания приняли решение о допуске к должности военных чинов [19. Л. 3]. По данным Ю.А. Павлова, на Дальнем Востоке должность пограничного комиссара в разное время занимали шесть офицеров, среди них П.Э. Генке, помощник старшего адъютанта отчетного отделения штаба Приамурского военного округа, А.Г. Лубенцов, военный инструктор, автор первого в России учебника корейского языка Н.Д. Кузьмин, полковник Б.Л. Громбчевский [15. С. 106].

15 апреля 1896 г. штат пограничного комиссара Амурской области утвердили по образцу уже существующих комиссарств в Кяхте и Южно-Уссурийском крае. На содержание пограничного комиссара выделя-

лось 4 500 руб. в год, переводчику китайского языка – 2 300 руб. в год, переводчику монгольского – 1 200 руб. в год, на канцелярские расходы – 1 000 руб. [19. Л. 3 об.]. Чиновник находился в подчинении Амурского губернатора, по дипломатическим вопросам взаимодействовал с Приамурским генерал-губернатором. Местом пребывания был определен Благовещенск. 26 августа 1898 г. генерал-губернатор Н.И. Гродеков утвердил должностную инструкцию Амурскому пограничному комиссару, принципиально не отличающуюся от уже существующих. Первым пограничным комиссаром в Амурской области стал Б.Л. Громбчевский.

Необходимо обратить внимание, что деятельность Амурского пограничного комиссара сосредоточилась в основном на осуществлении паспортно-визового контроля передвижения русских, китайцев и корейцев в пределах пограничной территории. В отличие от комиссарств в Кяхте и Южно-Уссурийске, штат Амурского пограничного комиссара был увеличен, комиссарство разрослось до нескольких отделов.

Одним из первых был учрежден отдел регистрации прибывающих иностранцев. В отделе впервые ввели фотографирование китайцев и корейцев. В отделе служили в разные годы до десяти человек. Паспортный отдел в составе пяти человек занимался выдачей иностранцам русских билетов, оформлял документы на принятие в русское подданство. Трое служащих канцелярии китайского квартала осуществляли сношение с китайским населением, проживающим в Благовещенске, оказывали «содействие полиции» [19. Л. 2 об.]. В период навигации в штат добирались помощники из-за увеличения числа азиатов, переходящих границу в поисках работы в летний период.

Поражение России в русско-японской войне привело к значительному увеличению числа китайцев, стремящихся осесть в приграничной полосе. По мнению генерал-губернатора, после войны Китай, «получив по Портсмутскому договору обратно Маньчжурию, жаждет ее закрепить за собою на вечные времена» [19. Л. 6]. Следуя этой цели, Китай интенсивно заселял приграничные районы Маньчжурии, что усилило миграцию китайцев, искавших работу. В 1907 г. из-за наплыва японцев, китайцев, корейцев Амурский пограничный комиссар ходатайствовал об увеличении штатов. В июне 1909 г. в штат были приняты переводчики японского и корейского языков [19. Л. 26].

Объем работы Амурского пограничного комиссарства можно оценить по суммам сборов с китайских и корейских подданных. За получение русского билета иностранцы платили пошлину. В 1899 г. пошлина составляла 3 руб., из них 1,9 руб. составляли отчисления в казну, 80 коп. – гербовый сбор, 30 коп. – канцелярский сбор [20. С. 58]. Периодически размер пошлины пересматривался, в разные годы она могла увеличиваться до десяти и более рублей. В 1912 г. в Приамурской области русских билетов китайским подданным было выдано на сумму 591 673 руб., корейским – 174 550 руб.; в Амурской области по совокупности 233 838 руб.; на Камчатке – 2 712 руб.; в Сахалинской области – 5 741 руб. [21. Л. 20]. Общий сбор в 1912 г. составил 936 514 руб. Отметим, что годовое содержа-

ние штата одного пограничного комиссара не превышало 6 000 руб., средства от их деятельности, поступавшие в казну, округленно приносили миллион ежегодной прибыли. Цифры говорят сами за себя.

В 1911 г. в Айгуне учреждается вицеконсульство, и все дипломатические полномочия, выдача русских билетов и паспортов перешли в распоряжение вице-консула. В связи с этим вицеконсул отмечал необоснованность наделения пограничного комиссара консульскими функциями, считая должность «лишней инстанцией в переписке»: «фактически же ни одного вопроса разрешить не в состоянии за неимением достаточных полномочий», – настаивал на переносе комиссарства в более отдаленную местность [22. Л. 197].

В свою очередь, пограничный комиссар Николай Алексеевич Спешнев в 1913 г., отстаивая право на продолжение деятельности, справедливо отмечал огромный объем делопроизводственной документации, нецелесообразность переноса комиссарства из Благовещенска, находящегося непосредственной близости от Хэйхе, где была сосредоточена местная китайская администрация. Комиссар видел необходимость «сосредоточения всех дел о желтых в одних руках» и просил оставить возможность взаимодействия с китайскими властями по судебным спорам, гражданским деликтам в торговых делах. В конечном итоге суть прошения Амурского пограничного комиссара свелась к ходатайству о сохранении комиссарства в составе Правления Амурской области [22. Л. 189].

В переписке обращает на себя внимание определенное противодействие чиновников общеимперских и региональных органов власти. По мере инкорпорации окраины в общеимперское пространство на смену специальным региональным административным механизмам приходили типичные общегосударственные принципы управления, что нередко приводило к конфликту местных и центральных властей. Суть конфликтов сводилась к отсутствию осознания у имперских властей специфики региона, требующего особого подхода к управлению. Местные власти старались отстаивать право на свою особенность, что нередко удавалось. В итоге должность пограничного комиссара сохранялась в Амурской области до революции.

Учреждение еще одного пограничного комиссарства было тесно связано со стремлением России вовлечь в сферу своих интересов Монголию. После подписания договора между Россией и Монголией в 1912 г. российские власти активно принимали участие в вопросах, связанных с Внешней Монголией. Одним из инструментов внешней политики Российской империи в монгольском направлении становилось учреждение должности Урянхайского пограничного комиссара.

В 1882 г. из-за волнений среди тувинских сойотов генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин ходатайствовал об учреждении должности пограничного комиссара в Урянхайском крае для урегулирования вопросов с местным населением. Однако власти посчитали ходатайство преждевременным. В начале XX в. ситуация кардинальным образом изменилась: Синьхайская революция 1911 г. в Китае, стремление монголов к независимости подтолкнули российские

власти к действиям. Урянхайский край, зажатый между Российской империей и Внешней Монголией, представлял интерес для обеих сторон. При этом нельзя забывать и о претензиях Китая. В июне 1912 г. в министерстве иностранных дел были подготовлены «Материалы для инструкции Урянхайскому комиссару» [23. С. 282]. Отметим, что на этот раз в обязанности пограничного комиссара входила работа с местным населением по вопросам самоопределения края и установлению самостоятельного правления. Статус пограничного комиссара позволял избежать претензий китайских властей, уже знакомых с характером деятельности комиссаров.

Изначально вопрос о назначении пограничного комиссара в Урянхайский край власти попытались решить переводом комиссара из Благовещенска. Это решение было продиктовано открытием Айгунского вицеконсулства, о чем упоминалось выше. Однако вмешательство Приамурского генерал-губернатора, убедившего власти в необходимости присутствия пограничного комиссара в Благовещенске, заставили пересмотреть решение.

В конечном итоге после длительных консультаций Иркутского генерал-губернатора М.С. Князева с министерствами иностранных и внутренних дел на должность пограничного комиссара в Урянхае был утвержден коллежский асессор А.П. Церерин, приступивший к выполнению обязанностей в 1913 г. [23. С. 228].

Должностная инструкция Урянхайского комиссара значительно отличалась от прочих и имела гриф секретности. Принятая 29 июня 1914 г. инструкция наделяла комиссара широкими полномочиями. Аппарат российского представительства включал должности комиссара по делам Урянхайского края и его управления, Усинского пограничного начальника и его помощников, чинов переселенческого управления [24]. Комиссар подчинялся непосредственно Иркутскому генерал-губернатору, являлся «главным местным представителем Правительства», осуществлял общее руководство. В инструкции отмечалась особая обязанность «вести сношения с туземным населением сего края» [24]. Комиссар имел право поручить ряд полномочий по контролю в области торговли, контрабанды товаров, угона скота, выдачи русских билетов,

судебных споров Усинскому пограничному начальнику и чинам Переселенческого управления.

Усинский пограничный начальник подчинялся комиссару, в его отсутствие замещал должность. Один из чинов Переселенческого управления назначался «заведующим устройством русского населения в Урянхайском крае» и одновременно исполнял обязанности крестьянского начальника [24]. Заведующий подчинялся Минусинскому съезду крестьянских начальников и Общему присутствию Енисейского губернского правления. Вместе с тем все действия по землеустройству согласовывались с пограничным комиссаром.

Оценивая круг полномочий Урянхайского пограничного комиссара, согласимся с позицией исследователя В.А. Василенко о том, что в 1913 г. в Туву были внедрены механизмы российского влияния в лице пограничного комиссара и переселенческого чиновника [16. С. 32]. По сути, Инструкция 1914 г. заложила основы фронтальной системы административного управления пограничной территорией. Отметим, что деятельность комиссарства дала положительные результаты, по ходатайству урянхайских родов Тува приняла российский протекторат.

Подводя итог, отметим, что институт пограничного комиссара появился в административной системе восточной окраины в период ее инкорпорации в общееимперское пространство под влиянием внешнеполитических факторов и представляет собой ярко выраженную региональную специфику в общееимперской системе дипломатических органов власти.

Пограничные комиссары играли роль связующего звена во внешнеполитическом взаимодействии между центральными и региональными властями. Основная задача пограничных комиссаров заключалась в сглаживании пограничных конфликтов, установлении добрососедских отношений с сопредельными азиатскими государствами на территории сибирского фронта. Вместе с тем каждое из четырех пограничных комиссарств, несмотря на схожие функции, выполняло особые полномочия, определенные спецификой региона. Их деятельность, являясь необходимым условием мирного характера взаимоотношений между российскими и китайскими подданными, между коренным и русским населением, обеспечивала в определенной мере социальную стабильность.

Список источников

1. Русско-китайские отношения 1689–1916 г. : офиц. документы. М. : Изд-во Вост. лит., 1958. 142 с.
2. Сычевский Г.А. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. М. : Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1875. 300 с.
3. Шишмарев Я.П. Записка действительного статского советника Шишмарева. 27 февраля 1886 г. // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Sismarev_otcet/frameset1.htm (дата обращения: 18.10.2021).
4. Курц Б.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков : Гос. изд-во Украины, 1929. 158 с.
5. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений в XVII – середине XIX в. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 336 с.
6. Бескровный Л.Г., Нарочницкий А.Л. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке // Вопросы истории. 1974. № 6. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (дата обращения 10.10.2021).
7. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. 311 с.
8. Петров А.И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 3–13.
9. Маланова А.В. Кяхтинское градоначальство и А.И. Деспот-Зенович // Молодой ученый. 2011. № 9 (32). С. 163–167.
10. Саркисова Г.И. Некоторые аспекты формирования кадровой политики коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19, № 19. С. 359–379.

11. Саркисова Г.И. «Во уважение отличного усердия... к службе и в пользу государства подвигов» (архивные материалы о пограничном комиссарстве В.К. Игумнове и его семье) // Исторические события в жизни Китая и современность : V Всеросс. науч. конф. М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2019. С. 42–46.
12. Нестерова Е.И. Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х – начало 70-х годов XIX века) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 118–125.
13. Шмонин И.В., Шмонин Д.И. Деятельность управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов российской империи // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 206–217.
14. Шмонин И.В., Шмонин Д.И. Исторические аспекты обеспечения безопасности дальневосточных границ России в начале XX в. // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 121–129.
15. Павлов Ю.А. Офицеры – пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 105–109.
16. Василенко В.А. Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение проблемы, противостояние // Научные исследования Тувы. 2013. № 4. С. 29–38.
17. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005 // Сибирь капиталистическая. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html> (дата обращения: 25.10.2021).
18. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 327. Оп. 579. Д. 42.
19. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 2.
20. Мамкина И.Н. Особенности реализации миграционной политики в Забайкальской области во второй половине XIX в. // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 10. С. 56–64.
21. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 77.
22. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 85.
23. Василенко В.А. Отношения стран «Центральноазиатского треугольника» по «Урянхайскому вопросу» (1911–1914 гг.) // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. 359 с.
24. Инструкция должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/465347> (дата обращения: 07.07.2021).

References

1. USSR AS. (1958) *Russko-kitayskie otnosheniya 1689–1916 g.: ofits. dokumenty* [Sino-Russian relations 1689–1916: Official documents]. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury.
2. Sychevskiy, G.A. (1875) *Istoricheskaya zapiska o kitayskoy granitse, sostavlenaya sovetnikom Troitsko-Savskogo pogrannichnogo pravleniya Sychevskim v 1846 g.* [Historical note on the Chinese border, compiled by adviser Sychevsky of the Troitskosavsk Border Administration in 1846]. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University.
3. Shishmarev, Ya.P. (1886) *Zapiska deystvitel'nogo statsogo sovetnika Shishmareva* [Note of actual state councilor Shishmarev]. [Online] Available from: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Sismarev_otcet/frame1.htm
4. Kurts, B.G. (1929) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVI, XVII i XVIII stoletiyakh* [Sino-Russian relations in the 16th, 17th, and 18th centuries]. Kharkov: Gosudarstvennoye izdatelstvo Ukrainy.
5. Besprozvannykh, E.L. (1986) *Priamur'e v sisteme russko-kitayskikh otnosheniy v XVII – seredine XIX v.* [The Amur region in the system of Russian-Chinese relations in the 17th - mid-19th centuries]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
6. Beskrovnyy, L.G. & Narochitskiy, A.L. (1974) K istorii vneshney politiki Rossii na Dal'nem Vostoke v XIX veke [On the history of Russia's foreign policy in the Far East in the 19th century]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 14–36.
7. Gurevich, B.P. (1979) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [International Relations in Central Asia in the 17th – first half of the 19th Century]. Moscow: Nauka.
8. Petrov, A.I. (2009) Kitaytsy v Kyakhte (1727–1917 gg.) [Chinese in Kyakhta (1727–1917)]. *Vestnik DVO RAN*. 1. pp. 3–13.
9. Malanova, A.V. (2011) Kyakhtinskoe gradonachal'stvo i A.I. Despot-Zenovich [Kyakhta city administration and A.I. Despot-Zenovich]. *Molodoy uchenyy*. 9(32). pp. 163–167.
10. Sarkisova, G.I. (2014) Nekotorye aspekty formirovaniya kadrovoy politiki kollegii inostrannykh del na kitayskom napravlenii vo vtoroy polovine XVIII v. (po arkhivnym materialam) [Some aspects of personnel policy formation in the Collegium of Foreign Affairs regarding China in the second half of the 18th century (based on archival materials)]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 19(19). pp. 359–379.
11. Sarkisova, G.I. (2019) “Vo uvazhenie otlichnogo userdia... k sluzhbe i v pol'zu gosudarstva podvigov” (arkhivnye materialy o pogrannichnom komissarstve V.K. Igumnova i ego sem'e) [“In respect of excellent diligence... for service and in favor of the state of feats” (archival materials on the border commissioner V.K. Igumnov and his family)]. *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost'* [Historical Events in the Life of China and Modernity]. The Fifth All-Russian Conference. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. pp. 42–46.
12. Nesterova, E.I. (2018) Yuzhno-Ussuriyskoe pogrannichnoe komissarstvo: ot proekta do realizatsii (konets 60-kh - nachalo 70-kh godov XIX veka) [South Ussuri Border Commissioner's Office: From project to implementation (late 1860s – early 1870s)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. pp. 118–125.
13. Shmonin, I.V. & Shmonin, D.I. (2016) Deyatel'nost' upravleniya pogrannichnogo komissara v Yuzhno-Ussuriyskom krae po zashchite natsional'nykh interesov rossiyskoy imperii [Activities of the Border Commissioner's Office in South Ussuri region to protect national interests of the Russian Empire]. *Rossiya i ATR*. 4. pp. 206–217.
14. Shmonin, I.V. & Shmonin, D.I. (2015) Istoricheskie aspekty obespecheniya bezopasnosti dal'nevostochnykh granits Rossii v nachale XX v. [Historical aspects of ensuring security of Russia's Far Eastern borders in the early 20th century]. *Rossiya i ATR*. 4(90). pp. 121–129.
15. Pavlov, Yu.A. (2009) Ofitsery-pogrannichnye komissary na Dal'nem Vostoke (konets XIX – nachalo XX v.) [Officers-border commissioners in the Far East (late 19th – early 20th century)]. *Vestnik DVO RAN*. 1. pp. 105–109.
16. Vasilenko, V.A. (2013) Pogrannichny komissar v Tuve v 1913 godu: naznachenie problemy, protivostoyaniye [Border commissioners in Tuva in 1913: Appointment problems, confrontation]. *Nauchnye issledovaniya Tuvy*. 4. pp. 29–38.
17. Rezun, D.Ya. & Shilovskiy, M.V. (2005) *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th – early 20th century: Frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: [s.n.].
18. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). (n.d.) Fund 327. List 579. File 42.
19. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). (n.d.) Fund 327. List 579. File 2.
20. Mamkina, I.N. (2019) Osobennosti realizatsii migratsionnoy politiki v Zabaykal'skoy oblasti vo vtoroy polovine XIX v. [Features of migration policy implementation in Transbaikalian region in the second half of the 19th century]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 10. pp. 56–64.
21. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). (n.d.) Fund 327. List 579. File 77.
22. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). (n.d.) Fund 327. List 579. File 85.
23. Vasilenko, V.A. (2016) *Otnosheniya stran “Tsentral'noaziatskogo treugol'nika” po “Uryankhayskomu voprosu” (1911–1914 gg.)* [Relations of the countries of the “Central Asian Triangle” on the “Uriankhai issue” (1911–1914)]. Ulan-Bator; Irkutsk: BSU.

24. Department of the Ministry of Internal Affairs. (1914) *Instruksiya dolzhnostnym litsam upravleniya Usinskogo poграничного okruga i Uryankhayskogo kraya* [Instructions for officials of the Usinsk border district and Uryankhai region administration]. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/465347>

Сведения об авторе:

Мамкина Инна Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права юридического факультета Забайкальского государственного университета (Чита, Россия); Забайкальский научный центр Института истории, археологии этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук (Чита, Россия). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mamkina Inna N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Faculty of Law, Zabaikalsky State University (Chita, Russian Federation); Transbaikalian Scientific Center Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Chita, Russian Federation). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 28.10.2021; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.17223/19988613/94/9

Губернатор Томской области В.М. Кресс: в публичном пространстве и научных исследованиях

Анастасия Александровна Мاستрюкова

Томский государственный университет, Томск, Россия, mastryukovaa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию образа губернатора Томской области Виктора Мельхиоровича Кресса в публичном региональном пространстве. Помимо историков в академической среде образ губернатора формировался политологами, экономистами и даже представителями технической науки. Автор показывает процесс создания образа губернатора Томской области в периодической печати, научных публикациях, а также образ, который губернатор зафиксировал в воспоминаниях.

Ключевые слова: Томская область, губернатор, исполнительная власть, переходный период

Для цитирования: Мастрюкова А.А. Губернатор Томской области В.М. Кресс: в публичном пространстве и научных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 70–74. doi: 10.17223/19988613/94/9

Original article

Governor of Tomsk region Victor Kress: in public space and scientific research

Anastasiya A. Mastryukova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mastryukovaa@mail.ru

Abstract. Article focuses on the consideration of the formation of Governor Viktor Melkhiorovich Kress, who held this position from 1991 to 2012 in Tomsk region. As he held this position for 20 years, V.M. Kress is considered a “long-lived” governor. The period of his activity allows us to trace the origin, development, peak and decline of the public image of the governor of Tomsk region in modern Russia.

The aim of the study is to identify the influence and interaction of the public image, largely formed by V.M. Kress himself, on his scientific biography.

The sources of the research are presented by scientific publications in which Governor V.M. Kress is shown.

On the one hand, the governor’s team and he himself created a certain image in the public regional space, and on the other hand, historians studied the formation and dynamics of executive power in the regions. In addition to historians, the image of the governor was formed in the academic environment by political scientists, economists and even representatives of technical science. Since the governor in the 1990s in Russia had to meet certain requirements that were “put forward” by influence groups, it seems important to demonstrate what image was in the regional media and what image remained in regional history. In the public space, there were various assessments of the decisions made by Governor V.M. Kress. In this study, we consciously compared the image formed by V. M. Kress and his team with the image in scientific publications. The author analyzes the image of the governor in the periodical and scientific publications, as well as the image that the governor himself recorded in his memoirs. In conclusion, it is determined that historical research reflects the image of the governor formed in the public space, but it has not been fully studied, despite the growing importance of regional history. Regional history appears in the field of scientific interest only 15-20 years after the events took place, and since the periodical publications most often serve as the main source, the idea of power moves from newspapers into science.

Keywords: Tomsk Region, governor, executive power, transitional period

For citation: Mastryukova, A.A. (2025) Governor of Tomsk region Victor Kress: in public space and scientific research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 70–74. doi: 10.17223/19988613/94/9

Виктор Мельхиорович Кресс был губернатором Томской области с 1991 по 2012 г. В связи с нахождением на этой должности 20 лет, В.М. Кресс относится к губернаторам-«долгожителям». Период его деятельности позволяет проследить зарождение, развитие, пик

и угасание публичного образа губернатора Томской области в современной России. В качестве назначенного главы администрации Томской области В.М. Кресс выиграл выборы в 1995 г., а в 2007 г. вновь был назначен Президентом на должность губернатора Томской

области. Это пример устойчивого образа губернатора, который подходил как населению, выбирающему главу региона, так и федеральной власти для назначения. Цель исследования – выявить влияние публичного образа, во многом формируемого самим В.М. Крессом, на его научную биографию.

Источники исследования представлены научными публикациями, в которых присутствует упоминание губернатора В.М. Кресса. Поиск публикаций осуществлялся по ключевым словам и по первоначальной гипотезе был сосредоточен на исторических работах. Круг источников пришлось расширить, потому что публикаций историков было недостаточно для выявления образа В.М. Кресса. Таким образом, научные публикации с упоминанием губернатора В.М. Кресса стали источниковой базой исследования. Анализ научных публикаций осуществлялся по направлениям и отдельным статьям. Основой для сопоставления образа В.М. Кресса в публичном пространстве и научных публикациях стал личный сайт губернатора.

Образ губернатора Виктора Мельхиоровича Кресса в публичном пространстве в начале 1990-х гг. формировался в основном через средства массовой информации. Читатели газет узнавали о наиболее важных мероприятиях в деятельности губернатора. Чаще всего в публичное поле были включены события, которые способствовали развитию региона, например командировки в Москву, совещания по вопросам, связанным с ключевыми проблемами региона, поездки по районам Томской области, а также пресс-конференции. Отметим, что в публичном пространстве присутствовали различные оценки решений, принятых губернатором В.М. Крессом. В данном исследовании мы сознательно сравнивали образ, сформированный В.М. Крессом и его командой, с образом в научных публикациях.

С появлением Интернета фиксация событий, связанных с деятельностью губернатора, перешла на его персональный сайт kress.tomsk.ru. Сайт появился приблизительно в 2002–2003 гг. Поскольку к этому моменту В.М. Кресс выиграл выборы на должность губернатора в 1995 и 1999 гг., то транслируемый образ в СМИ был закреплён на сайте. Победы на выборах являются подтверждением устойчивости его позиции в регионе. Выделим те рубрики, которые на сайте губернатора Томской области призваны были зафиксировать его образ: новостная лента, Кресс – какой он есть, график рабочих поездок, приемная. Эти разделы близки к традиционным источникам информации, анализ которых позволяет увидеть процесс конструирования образа губернатора Томской области.

Обратимся к биографии губернатора и разделу «Портрет губернатора» на его персональном сайте. Биография Виктора Кресса написана лаконично и дает читателю общий контекст для понимания его профессиональной деятельности. Кроме того, что он губернатор, он также член Совета Федерации Федерального собрания РФ, возглавлял межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение», благотворительные и просветительские фонды, футбольный клуб «Томь». В.М. Кресс – кандидат экономических наук, автор книг о Томской области, женат, имеет двоих детей и

трех внуков. Эта биография почти без изменений в дальнейшем будет основой для публикаций о власти в Томской области.

Журналист С.И. Никифоров в нескольких предвыборных статьях зафиксировал идеального губернатора для избирателей в Томской области. В 1999 г. вышла статья «Случай Виктора Кресса. Портрет политика», в которой губернатор описывается так: «...не яркий Кресс, не суперинтеллектуал, не стратег “а ля Лигачев”» [1]. Автор статьи анализирует факты из жизни Виктора Кресса. Он объясняет читателям, что лучший губернатор – это тот, в регионе которого жизнь лучше. Постоянно подчеркивая простое происхождение, работоспособность, положительное влияние на развитие области, автор приходит к выводу, что прямых конкурентов у В.М. Кресса нет. Кроме того, никто другой не справится с такой должностью, потому что не обладает набором необходимых качеств. Создавался образ губернатора, крепко стоящего на ногах в эпоху перемен. Он важен, поскольку мы видим, что есть временное условие, которое характеризуется нестабильностью, неуверенностью, неопределенностью. Также есть лидер, чья деятельность направлена на закрытие базовых потребностей региона вне зависимости от происходящих событий. Таким образом, налицо удачный выбор как метафоры, так и стратегии на выборах. Этот образ позволяет апеллировать к тому, что губернатор в прошлом, несмотря на тяжелые условия, способствовал экономическому развитию региона. Следовательно, он в любых условиях сможет продолжать эту деятельность с таким же позитивным результатом. Отметим, что выделяется еще один компонент, который в большей степени связан со спецификой региона: акцент на развитии сферы образования и на том, что губернатор начал разбираться в новых для себя сферах. Это свидетельствует о понимании, что жители области проголосуют за того человека, который видит важность университетов и институтов.

Образ В.М. Кресса, представленный в «Портрете губернатора», был следующим: управленец новой рыночной эпохи, центрист, прагматик, опытный практик, умеющий находить общий язык со всеми (федеральный центр, губернаторы других регионов, общество Томской области). Он смог освоить неизвестные для себя области, старается учитывать разные точки зрения, открыт для журналистов. Это тот образ, который сформировался через средства массовой информации Виктором Крессом и журналистами.

Обратим внимание на то, как В.М. Кресс включает себя в региональную историю и какой образ он планирует оставить в региональной памяти. Во время нахождения на посту губернатора В.М. Кресс опубликовал несколько книг о настоящем и будущем Томской области. В данном исследовании представления губернатора о регионе, в котором он реализует политику, не являются ключевыми, поэтому обратимся к воспоминаниям.

Одной из традиций государственных деятелей и политиков стало написание воспоминаний о своей деятельности. В.М. Кресс опубликовал «Счастливые истины. Губернаторские истории» в 2023 г. В обраще-

ние к читателям автор выделил две причины написания книги. Первая – незнание молодежью современной истории, а также попытка показать период 1990–2012 гг. без упрощения. Желание поделиться губернаторским опытом с новыми управленцами названо второй причиной. Виктор Мельхиорович воссоздает историю Томской области и своего губернаторства в контексте общероссийской истории. В том числе он дает оценку событий, личностей и собственных действий. Например, в отношении экономических реформ 1990-х гг. В.М. Кресс предлагает иметь в виду, что они проводились с верой в то, что «рынок и счастье как его следствие наступят совсем скоро» [2. С. 94]. Автор рефлексировал о собственных решениях. Он объясняет, почему в момент их принятия они ему казались наилучшими для региона. Так, В.М. Кресс пишет, что в 1998 г. у него возникла «вера в уникальность “Сибирских Афин”» [2. С. 242] как в образовательный и научный центр. Этот тезис коррелирует с тем, что в заслугу губернатору Томской области журналисты ставили обучаемость и погружение в неизвестные для него сферы.

В заключение приводятся критерии «хорошего губернатора»: умение слышать, личное наблюдение за районами области, обращение к высоким столичным инстанциям и решение проблем региона, баланс между «текучкой» и стратегией, принятие решений, постановка масштабных целей. Делается вывод, что «хороший губернатор имеет недостатки, но достоинств у него все-таки должно быть больше» [2. С. 462]. Если сравнить приведенные критерии с тем, что публиковали о губернаторе в публичном пространстве во время его деятельности, то мы увидим полное совпадение «хорошего губернатора» и губернатора Томской области В.М. Кресса. Поездки по районам области для знакомства с ситуацией на месте встречаются достаточно часто в периодической печати. Командировки в Москву для получения финансирования также являлись предметом для публикации на первых страницах газеты «Красное знамя». Встречи с жителями Томской области и журналистами проходили регулярно. Так как 1990-е гг. отмечены в том числе и поиском путей развития региона, то стратегическое планирование, принятие решений и постановка масштабных целей являлись неотъемлемой частью в позиционировании губернатора этого периода. Было понимание, что если власть делает ставку на определенный сектор экономики, то это можно использовать для выстраивания собственного имиджа, апеллируя к принятым решениям, принесшим успех.

Можно сделать вывод, что написание воспоминаний о собственной деятельности на посту губернатора Томской области – это выстраивание в региональную историю с оценкой своей работы, которую В.М. Кресс заслуживал, по его же мнению. Поскольку в настоящий момент в академической исторической науке отсутствует реконструкция истории Томской области в 1990–2012-е гг. через деятельность губернатора, то он берет на себя роль историка и расставляет необходимые ему акценты. Заметим, что В.М. Кресс является рассказчиком той истории, которая ему представляет-

ся достоверной. В его воспоминаниях использовано большое количество фотографий, иллюстрирующих эпоху, а также приведены документы, которые подтверждают события. В книге В.М. Кресса описаны события не только Томской области, но и Российской Федерации. Это позволяет показать изменения образа региональной власти с учетом общероссийских событий.

Итак, образ губернатора В.М. Кресса в публичном пространстве был динамичным. Ключевые составляющие образа не были заменены, а, скорее, дополнялись необходимым в конкретный исторический период.

Если традиция описания Виктора Кресса и его деятельности в публичном пространстве сформирована, то научная традиция начала складываться относительно недавно. Пожалуй, той научной областью, в которой раньше других предпринята попытка исследовать губернаторский корпус современной России, стала политология. Так, в статье «Уйти нельзя остаться» Е. Курбангалеевой Виктор Кресс и Михаил Прусак (губернатор Новгородской области) были названы «патриархами губернаторства» [3. С. 44], поскольку спустя 10 лет остались на позиции губернатора. Примерно в тот же период начинают говорить о губернаторах-старожилах или губернаторах-долгожителях. Не оставили без внимания губернатора Томской области и участники круглого стола, посвященного политическому лидерству. Е.Б. Шестопал определил Виктора Кресса как «чистого администратора», «интроверта с высоким уровнем доминирования» [4. С. 66] на основе анализа речей и биографии. Е.В. Попова и А.И. Щербинин прогнозировали в 2008 г. сценарий политического развития, в котором, безусловно, деятельность губернатора Томской области отражалась на будущем области и города. В качестве точек напряженности выделяли работу с новым мэром Томска и остаточный принцип бюджетирования города; «инноватики для города в этом никакой нет, Кресс будет управлять так, как все это время управлял областью» [5. С. 279].

В качестве примера использования государственной властью средств массовой коммуникации для формирования общественного мнения М.А. Ющенко приводит позитивное отношение к В.М. Крессу. Он и его команда грамотно построили информационную политику и использовали все возможности средств массовой коммуникации для формирования имиджа губернатора. Например, на сайте «находят отражение не только все мероприятия, связанные с деятельностью В.М. Кресса, но и реформы и проекты общероссийского масштаба, реализуемые на территории области» [6. С. 70].

Отметим экономические исследования, в которых губернатор Томской области фигурирует в качестве деятеля в инновационной сфере. В статье «Показатели регионального устойчивого развития Томской области» Р.В. Кнауэр сравнивает экономические показатели за период с 1950 по 2007 г. и делает вывод, что «наибольший вклад в развитие области внесли два человека – Егор Кузьмич Лигачёв и Виктор Мельхиорович Кресс» [7. С. 11]. Посланием В.М. Кресса депутатам Государственной думы Томской области Т.И. Коломиец [8. С. 13] усиливает вывод о научном, образовательном потенциале, который необходим для

развития инновационного сектора экономики Томской области.

В конце 2000-х – начале 2010-х гг. появляется ряд статей, в которых речь идет об инновационном развитии Томской области. Нередко в них одной из ключевых фигур присутствует Виктор Кресс. Так, в статье «Технологии и актуальные модели инвестиционного развития регионов и городов Российской Федерации» приведен пример Томской области как региона-лидера. Ю.А. Дорошенко и А.В. Манин отмечают, что «губернатор Виктор Кресс обозначил инновационное развитие как приоритет развития области» [9. С. 129]. Авторы указывают на риск смены административной команды региона, что может негативно сказаться на его развитии. В публикациях о круглых столах, совещаниях, посвященных инновационному развитию, в обозначенный период цитировали или упоминали губернатора В.М. Кресса как одного из первых губернаторов России, который обозначил важность инновационного развития для всей страны.

Таким образом, представители различных наук внесли свой вклад в становление образа губернатора. Если политологи в большей степени обращали внимание на «долгожительство», то экономисты – на вклад в экономическое развитие региона. Эти составляющие не противоречат тому, что было в публичном пространстве, поскольку долгое пребывание на посту губернатора виделось как признак стабильности и более глубокого понимания региона.

Обратимся к научным работам по истории, в которых отражена деятельность губернатора Томской области. Изучением региональной исполнительной власти занимается Т.И. Широ. В конце 2000-х гг. становление региональной власти в Томской, Новосибирской и Кемеровской областях в 1990-е гг. становится объектом ее научных интересов. Ею были реконструированы события в 1990-х гг., показано, как формировалась власть в обозначенных субъектах Российской Федерации. Т.И. Широ пришла к выводу, что к началу 2000-х гг. произошло становление исполнительной власти как института, обеспечивающего управление государственными делами [10. С. 32]. Назначенный в 1991 г. губернатором Томской области В.М. Кресс выиграл выборы в 1995 г. в отличие от губернаторов Новосибирской и Кемеровской областей, где возник конфликт в местной элите, поэтому действующие губернаторы проиграли выборы. При этом, несмотря на разные результаты, процесс консолидации региональной элиты вокруг губернатора продолжил складываться в этих трех субъектах.

В статье «Губернаторы Азиатской России (1991–2015 гг.): политико-культурные характеристики» М.В. Шиловским приведены социальные портреты губернаторов, прослеживается их карьерный путь. В.М. Кресс был отнесен к числу «политических долгожителей» [11. С. 120], поскольку он находился на посту губернатора 20 лет и 5 месяцев. В характеристике присутствует указание на национальность: «обрусевший немец». К тому же губернатор Томской области, как и большинство губернаторов Сибири и Дальнего Востока, занимал руководящую должность

в период перестройки. Хронологические рамки исследования позволяют в динамике рассмотреть губернаторский корпус, а проведенный в 2016 г. анализ дает взгляд на предшествующие 24 года.

Научный интерес к региональной истории растет, историки анализируют и сравнивают процессы, происходящие в субъектах, указывая на степень участия или неучастия в них лидера региона. Например, Е.В. Луков исследовал идентификацию сибирской политической элиты. Он указал на то, что лидеры региона «стали активными участниками политического процесса» [12. С. 113]. Им были определены причины актуализации сибирской идентичности у представителей политической элиты, которые входили в Межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение». Примерно в это же время Е.А. Осташова проводит анализ выборов на должность губернатора в Томской и Новосибирской областях в 1995 г. Она делает вывод о том, что «Крессу удалось стать некой фигурой «общественного согласия», поиск которой и предполагала кампания по выборам губернатора области» [13. С. 111].

Как нам представляется, научные публикации о деятельности губернатора Томской области воспроизводят образ, сформированный в периодической печати. Вероятнее всего, это объясняется ограниченным количеством исторических источников и некритическим восприятием имеющихся. Исследователи демонстрируют политические, экономические, социальные и другие процессы в регионе с учетом деятельности губернатора. Данный исторический период можно характеризовать через усиление роли руководителей субъектов в России и возрастание их влияния на все сферы в регионе. Формирование региональной власти начинается в 1991 г. Объектом для изучения власть в регионе становится спустя 15–20 лет. Это позволяет оценивать завершенные процессы, происходившие в России.

Таким образом, мы рассмотрели образ губернатора Томской области в публичном региональном пространстве, исследованиях и в исторической науке. На основе исследовательской литературы можно проследить формирующий образ В.М. Кресса, а также его трансформацию. Важно отметить непротиворечивость образа региональной власти как в источниках, так и в исторической науке. Это можно объяснить тем, что профессиональные историки не ставят своей целью развенчать сложившийся образ. В то же время в недостаточной степени проведен комплексный анализ деятельности губернатора и его влияния на регион, опираясь на имеющиеся исторические источники, происходит их некритическое воспроизведение. Взаимодействие профессионального сообщества историков с историей региональной власти в большей степени связано с анализом региональных процессов и демонстрацией особенного или типичного в истории России на примере Томской области.

Для анализа сложившейся исторической традиции в описании лидеров региональной власти необходим больший промежуток между событиями и интерпретацией.

Список источников

1. Никифоров С. Случай Виктора Кресса: портрет политика // Томский вестник. 1999. 10 сент.
2. Кресс В.М. Счастливые истины. Вторая книга воспоминаний. Губернаторские истории. Томск : Интегральный переплет, 2023. 488 с.
3. Курбангалеева Е. «Уйти нельзя остаться». К пониманию современных региональных процессов // Логос. 2003. № 6. С. 44–52.
4. Шестопад Е.Б. Политическое лидерство и проблемы личности // Полис. 2011. № 2. С. 53–68.
5. Попова Е.В., Щербинин А.И. Сценарии политического развития Томской области: основные тренды и точки бифуркации // Томский регион в начале XXI века : опыт социально-политического сценирования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 274–280.
6. Ющенко М.А. Средства массовой коммуникации как механизм формирования властью общественного сознания граждан // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 67–70.
7. Кнауб Р.В. Показатели регионального устойчивого развития Томской области // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 63. С. 1–14. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000479102>
8. Коломиец Т.И. Об источниках и эффективности инвестиционных вложений в условиях сбалансированного бюджета // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 5. С. 9–13.
9. Дорошенко Ю.А., Манин А.В. Технологии и актуальные модели инвестиционного развития регионов и городов Российской Федерации // Вестник Белгородского государственного технологического университета. 2014. № 1. С. 128–132.
10. Ширко Т.И. Становление региональной исполнительной власти в Российской Федерации в 1990–2000 гг. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 33 с.
11. Шиловский М.В. Губернаторы Азиатской России (1991–2015 гг.): политико-культурные характеристики // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 15. С. 110–125.
12. Луков Е.В. Идентификация сибирской политической элиты: на примере деятельности Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 113–118.
13. Осташова Е.А. Выборы губернаторов Новосибирской и Томской областей (1995 г.): анализ исторического опыта // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 107–113.

References

1. Nikiforov, S. (1999) Sluchay Viktora Kressa: portret politika [The case of Viktor Kress: A portrait of a politician]. *Tomskiy vestnik*. 10th September.
2. Kress, V.M. (2023) *Schastlivye istiny. Vtoraya kniga vospominaniy. Gubernatorskie istorii* [Happy Truths. The Second Book of Memoirs. Governor's Stories]. Tomsk: Integral'nyy pereplet.
3. Kurbangaleeva, E. (2003) "Uyti nельza ostat'sya." K ponimaniyu sovremennykh regional'nykh protsessov ["Leave cannot stay." Towards understanding contemporary regional processes]. *Logos*. 6. pp. 44–52.
4. Shestopal, E.B. (2011) Politicheskoe liderstvo i problemy lichnosti [Political leadership and personality issues]. *Polis*. 2. pp. 53–68.
5. Popova, E.V. & Shcherbinin, A.I. (2008) Stsenarii politicheskogo razvitiya Tomskoy oblasti: osnovnye trendy i tochki bifurkatsii [Political development scenarios for Tomsk region: Main trends and bifurcation points]. In: Rykun, A.Yu. et al. *Tomskiy region v nachale XXI veka: opyt sotsial'no-politicheskogo stsenerirovaniya* [Tomsk Region in the early 21st Century: Socio-Political Scenario Planning]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 274–280.
6. Yushchenko, M.A. (2007) Sredstva massovoy kommunikatsii kak mekhanizm formirovaniya vlast'yu obshchestvennogo soznaniya grazhdan [Mass media as a mechanism for shaping public consciousness by authorities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 67–70.
7. Knaub, R.V. (2014) Pokazатели regional'nogo ustoychivogo razvitiya Tomskoy oblasti [Indicators of regional sustainable development of Tomsk region]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*. 63. pp. 1–14.
8. Kolomiets, T.I. (2005) Ob istochnikakh i effektivnosti investitsionnykh vlozheniy v usloviyakh sbalansirovannogo byudzheta [On sources and efficiency of investment under balanced budget conditions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5. pp. 9–13.
9. Doroshenko, Yu.A. & Manin, A.V. (2014) Tekhnologii i aktual'nye modeli investitsionnogo razvitiya regionov i gorodov Rossiyskoy Federatsii [Technologies and current models of investment development of regions and cities in the Russian Federation]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 1. pp. 128–132.
10. Shirko, T.I. (2010) *Stanovlenie regional'noy ispolnitel'noy vlasti v Rossiyskoy Federatsii v 1990–2000 gg. (na materialakh Kemeroyskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey)* [Formation of regional executive power in the Russian Federation in 1990–2000 (based on materials from Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
11. Shilovskiy, M.V. (2016) Gubernatory Aziatskoy Rossii (1991–2015 gg.): politiko-kul'turnye kharakteristiki [Governors of Asian Russia (1991–2015): Political and cultural characteristics]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 15. pp. 110–125.
12. Lukov, E.V. (2015) Identification of Siberian political elite: a case-study of the Interregional Association Siberian Accord activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 398. pp. 113–118. (In Russian).
13. Ostashova, E.A. (2014) Vyборы gubernatorov Novosibirskoy i Tomskoy oblastey (1995 g.): analiz istoricheskogo opyta [Elections of governors of Novosibirsk and Tomsk regions (1995): Analysis of historical experience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 383. pp. 107–113. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/383/16

Сведения об авторе:

Мастрюкова Анастасия Александровна – преподаватель кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mastryukovaa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mastryukova Anastasiya A. – Lecturer of the Department of History and Documentation of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mastryukovaa@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 22.11.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья
УДК 614.23:316(517.73)
doi: 10.17223/19988613/94/10

Из истории оспопрививания в Иркутской губернии в имперский период: особенности деятельности оспенных учеников

Ирина Вячеславовна Орлова¹, Ирина Львовна Дамешек²

¹ Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

¹ irina_orlova7@mail.ru

² dameshek@rambler.ru

Аннотация. На основе архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, анализируется деятельность оспенных учеников в Иркутской губернии. Авторы комплексно раскрывают механизмы набора оспенников на обучение, дают характеристику документационному сопровождению оспопрививательной работы, приводят данные по качественному и количественному составу оспенных учеников в губернии, анализируют оплату их труда, а также приводят примеры отношения населения к их деятельности. Уникальным компонентом публикации являются вводимые персонифицированные данные по оспенным ученикам.

Ключевые слова: оспенные ученики, оспенный комитет, оспопрививание, Иркутская губерния

Для цитирования: Орлова И.В., Дамешек И.Л. Из истории оспопрививания в Иркутской губернии в имперский период: особенности деятельности оспенных учеников // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 75–83. doi: 10.17223/19988613/94/10

Original article

From the history of smallpox vaccination in the Irkutsk province during the Imperial period: features of the activities of smallpox students

Irina V. Orlova¹, Irina L. Dameshek²

¹ Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

¹ irina_orlova7@mail.ru

² dameshek@rambler.ru

Abstract. The beginning of the smallpox control in Russia at the state level is considered to be in 1768, when Empress Catherine II invited the famous British doctor Thomas Dimmesdale to St. Petersburg to "inoculate smallpox" by the vaccination method. The progressive endeavors of the Empress did not leave indifferent the authorities of Irkutsk province. In 1772 a smallpox house was opened in Irkutsk, and the Irkutsk governor, Adam Ivanovich Brill, committed the act of publicly inoculating his children with smallpox in order to influence the "native population". Since 1805, the Russian Empire started to form the priority direction of smallpox vaccination by law. All civilian medical officials, midwives, and even military doctors were obliged to participate personally in smallpox inoculation. Smallpox inoculation was carried out free of charge. Since 1808, the task of mass smallpox inoculation of the indigenous population was legally formalized. In 1811, with the emergence of the Smallpox Committees, the formation of the primary level social group - smallpox students - began. Their activity at the initial stage was considered by the authorities as the only effective means, which was justified in the conditions of total shortage of medical personnel in Irkutsk province. But over time, illiterate and with vague ideas about the essence of vaccination, smallpox sufferers had become a public health hazard. The article analyses the activity of smallpox students in Irkutsk province on the basis of archival sources, which were first introduced into scientific circulation. The authors comprehensively reveal the mechanisms of recruiting smallpox students for training, describe the documentary support of smallpox prevention work, provide data on the qualitative and quantitative composition of smallpox students in the province, analyze their remuneration, and give examples of the population's attitude to their activities. A unique component of this research publication is the input of personalized data on smallpox students.

Keywords: smallpox students, smallpox committee, smallpox vaccination, Irkutsk province

For citation: Orlova, I.V., Dameshek, I.L. (2025) From the history of smallpox vaccination in the Irkutsk province during the Imperial period: features of the activities of smallpox students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 75–83. doi: 10.17223/19988613/94/10

Введение

Иркутская летопись гласит, что 21 ноября 1768 г. в Иркутске «во весь день продолжался колокольный звон» [1. С. 29]. В этот день читался поздравительный адрес Сената по случаю выздоровления императрицы Екатерины II. Подобным образом по всем городам Российской империи отмечали событие, связанное с удачным введением оспы путем вариоляции императрице и ее сыну Павлу. С этого года на протяжении многих лет по всей России 21 ноября разливался колокольный звон. С позиции сегодняшнего дня борьбу с натуральной оспой конца XVIII – начала XX в. можно характеризовать как серьезный приоритетный государственный проект: в историко-медицинском аспекте ему нет равных по временному отрезку, охвату населения, нормативно-правовому регламентированию кампании и привлечению ресурсов (материальных и человеческих).

Немало научных публикаций посвящено изменению и наполнению правовой базы, касающейся борьбы с натуральной оспой [2–5]; ряд исследователей приводит сведения о статистике прививочной деятельности в регионах [6, 7]. Однако в научно-исследовательской практике отсутствуют публикации о конкретных исполнителях-оспопрививателях, особенностях деятельности тех, кто воплощал государственные задачи на местах. В данной статье, опираясь на архивные материалы, мы даем систематизированные сведения об оснопопрививателях Иркутской губернии, определяем основные черты реализации процедуры прививания «предохранительной коровьей оспы», на основе обширного массива источников вводим в научный оборот ранее не опубликованные сведения из формулярных списков оспенных учеников, содержание ведомостей, оценочно характеризующих деятельность оспенников, фрагменты директивных писем региональных властей и донесений с мест.

3 мая 1811 г. Комитетом министров было принято положение «О распространении прививания коровьей оспой в губерниях». Это повлекло за собой образование в российских губерниях оспенных комитетов, перед которыми были поставлены следующие задачи: «а) приведение в известность повсеместно в каждой губернии число малолетних детей, у которых не было еще оспы, и ведение им правильного счета; б) попечение, чтобы везде знающими людьми прививаема была всем детям без изъятия коровья оспа; в) снабжение прививателей свежей оспенной материей и удобнейшими для сего дела инструментами; г) наставление от медицинских чиновников желающим научиться основательному прививанию» [8. С. 944].

На основании этого документа в том же 1811 г. был создан Иркутский губернский оспенный комитет, в обязанности которому вменялись обучение оснопопрививателей, распространение знаний среди повивальных бабок, составление в доступной форме методических пособий, содержащих общие сведения о вакцинации коровьей оспой. Расходы по обучению прививанию на местах целиком покрывались государством с установлением срока обучения до 2 месяцев. Указом Иркут-

ского губернского правительства от 20 сентября 1811 г. № 821 предписывалось:

– медицинским чинам: использовать все средства по распространению прививания предохранительной оспы; приобщать к обучению выбранных представителей от инородческих обществ и вольножелающих, показывая на своем опыте все возможные способы прививания, снабжать вновь обученных свидетельствами и оспенной материей, «стараясь ввести их в доверие, дозволяя некоторым при себе привить оспу с соблюдением всех правил»;

– чинам Врачебной управы: выдавать свидетельства уже обученным оснопопрививателям, но не имеющим документа на руках; рассылать по всем медицинским чинам оспенную материю и необходимое количество стекол для ее хранения;

– медицинским служащим, городничим и земским судам вести полугодовые ведомости привитых по единой форме с предоставлением отчетов в Иркутскую врачебную управу [9. Л. 301].

Через год после учреждения губернского оспенного комитета, в 1812 г., в Иркутской губернии стали создаваться оспенные комитеты в уездах. На местах острота проблемы по реализации прививочной кампании сосредотачивалась вокруг задач по широкому охвату оснопопрививанием крестьянского и инородческого населения, рекрутированию населения в число оспенников.

Набор оспенников и особенности обучения

Власти стремились привлечь в оспенные ученики не только крестьян, но и представителей инородческих общин, в основном бурят, так как в их укладе уже преобладали признаки оседлости, а эвенки и тофалары еще долгие годы оставались кочующими. С этой целью еще в 1811 г., до создания уездных оспенных комитетов, Иркутской врачебной управой был составлен список лиц, выдвинутых от инородческих стойбищ и родов для обучения оснопопрививанию, с последующим введением оспенников в штат губернского оспенного комитета. В 1811 г. в этом списке числились 45 человек от стойбищ и родов: Иркутского уезда – 19, Верхнеудинского – 15, Нижнеудинского – 1, Якутского – 6, Нерчинского – 4 человека. Однако из 45 человек прошли и получили документ только 22 человека [9. Л. 302].

Существенным фактором, затруднявшим набор в оспенные ученики из представителей коренного населения, было отсутствие авторитетного мнения в инородческих управах, что вызывало недоверие и протест ко всей оснопопрививательной кампании. В связи с этим были предприняты меры по привлечению в оспенные ученики выходцев из влиятельных бурятских семей [10. С. 36].

Что касается русского крестьянского населения, то оспенных учеников выдвигали волостные правления, главным критерием для оснопопрививателя было крепкое телосложение. Грамотность была желательным навыком, но не первостепенным. И, безусловно, в оснопопрививатели брали только мужчин. Статус оспенных

учеников поддерживался экономическими и социальными привилегиями. В исследовании С.Д. Батоева, охватывающем регион Забайкалья, указывается на освобождение оспенных учеников от повинностей и различных казенных нарядов, предоставление верховых лошадей и подвод [11. С. 27].

Первоначально обучение проводилось лекарями по уездам, позже – опытными оспенными учениками. В 1811 г. дефицит лекарей в уездах и отсутствие опытных наставников побудили акушера Иркутской врачебной управы лично обучить шесть оспенных учеников из крестьян и инородцев Иркутского уезда [12. С. 33]. Стали вводить в практику рассылку по уездам стекол для снятия оспы и ее хранения, а также инструменты. Сохранились письменные рекомендации Иркутской врачебной управы, как действовать при отсутствии «оспопрививательных перьев»: «...если не могут выдать, то можно заменить или перочинными ножичками, или иглами простыми, коих концы сточить плоско, и чтобы имели на одной поверхности близ самого кончика ложбинку» [9. Л. 300–302].

Несмотря на непрекращающуюся кампанию по оспопрививанию и подготовку оспенных учеников (в том числе и из инородцев), болезнь десятками уносила человеческие жизни. Киренский учитель арифметики И.И. Затопляев, современник той эпохи, в 1838–1841 гг. зафиксировал: «Вообще если оказывается нерадение и безуспешность в оспопрививании, то это у тунгусов, где оспенники не удовлетворяют ожиданию, а быть может, есть недоверчивость и недоброжелательность тунгусов, не привыкших к пользе...» [13. С. 43].

Документационное сопровождение деятельности оспенников

Оспопрививание, как любое масштабное предприятие, требовало контроля и учета. С этой целью вводились ведомости разных уровней отчетности: конкретного оспопрививателя по населенным пунктам, закрепленного за ним участка; волостные (они составлялись волостным правлением и земскими судами, после передавались в оспенный комитет); уездные / окружные (составлялись оспенным комитетом и окружным врачом); губернские (консолидирующий документ по всем уездам / округам, который готовила Врачебная управа для представления в вышестоящую инстанцию, а также Губернский оспенный комитет).

Такие учетные ведомости предписывалось заполнять «достоверно и аккуратно», особенно это касалось первичного уровня – оспенных учеников. Однако в условиях неграмотности понятия «аккуратность» и особенно «достоверность» вызывают большие сомнения. Законодательно вводилась единая табличная форма ведомостей. Ведомости были полугодовыми: на 1 января и на 1 июля; по взрослому населению и на детей до 12 лет.

Стоит отметить, что эти ведомости являются уникальной источниковой основой для подобного рода исследований. Благодаря многочисленным индивидуальным и консолидированным ведомостям, введенным в отчетно-бюрократический оборот, мы можем отследить динамику оспопрививания, а также получить характеристику штатных исполнителей этой процедуры. В табл. 1 приводится пример заполнения полугодовой ведомости за первую половину 1824 г.

Таблица 1

Структура ведомости по количеству детей в возрасте до 12 лет, привитых за 1-ю половину 1824 г. в Киренском округе Иркутской губернии

Название местности	Осталось к 01.01 1824 г.	Привить с 01.01 по 01.07 1824 г.	Итого	Привито на 01.07 1824 г.	Принялось	Осталось	Кто привил	Кто свидетельствовал	Умерло без вакцины
Макаровка волость	70	96	166	157	157	9	Осп. ученики Селиванов, Косманов	Волостной и сельский старшина	9
Орлинская волость	65	34	99	35	35	64	Осп. ученик Пуляев	Городской голова	8
Нижнеилимская волость	115	105	220	161	161	59	Осп. ученик Бирихчингаев	Сельский староста	27
Карапчинская волость	8	37	45	30	30	15	Осп. ученик Черных	Волостной голова	–
Подкаменная волость	131	113	244	204	204	40	По участкам осп. ученики: Чудинов, Калманов, Анников	Сельские старшины	–
Киренско-Хандинская ясачная инородческая управа	48	32	80	–	–	80	–	–	13
Итого	437	417	854	587	587	267			57

Примечание. Таблица составлена по: [14. Л. 4–57].

Из табл. 1 видно, что в Киренском округе в первом полугодии 1824 г. оспенная вакцина прививалась семью оспенными учениками в обязательном присутствии местного начальства. Также обращает на себя внимание факт, что в инородческой управе (а в эту

ведомость была внесена только одна управа) оспопрививание вовсе не проводилось. Среди крестьянских детей к плановым показателям нарастающим итогом добавлялись остатки от прошлого отчетного периода. Согласно данному документу, количество непривитых

от предыдущего периода превышало количество текущих (437:417), которые не удалось «перекрыть», и оставшиеся 210 человек перешли в списки следующего полугодия.

В целом за первое полугодие 1824 г. план по оспопрививанию (исходя из данных по представленным местностям) был выполнен на 75%. Но этот показатель нельзя считать достоверным, так как по ряду инородческих управ сведения отсутствуют. Сложно сказать, каковы были причины невыполнения плановых показателей по конкретному примеру, пояснения к ведомостям не прилагались. Но причины можно отыскать в других источниках, и они «красной линией» прохо-

дят через донесения с мест, определяя содержание циркуляров и обозначая главные тревожные факторы: дефицит оспопрививателей; недостаток оспенной материи; сопротивление населения вакцинации; трудности передвижения в сложно проходимых местах (особенно это касалось ведомств и управ инородцев Киренского округа).

Через 40 лет форма отчетности, накал напряжения вокруг оспопрививания и процедура прививания коровьей оспой не изменились. В табл. 2 приводятся данные за первую половину 1866 г. по Киренскому округу (в результате административной реформы уезды преобразованы в округа).

Таблица 2

Количество детей в возрасте до 12 лет, привитых за 1-ю половину 1866 г. в Киренском округе Иркутской губернии

Название местности	Остаток к 01.01 1866 г.	Привить с 01.01 по 01.07 1866 г.	Итого	Привито на 01.07 1866 г.	Приня-лось	Оста-лось	Кто привил	Кто свидетель-ствовал	Умерло без вакцины	
г. Киренск	3	15	18	11	11	7	Осп. ученик Шильников	Окружной врач	—	
Прилегающая к Ки-ренску местность	—	57	57	57	57	—				
Петропавловская волость	6	77	83	76	76	7	Осп. ученики Неволин, Руковишников	Волостные и сельские старшины	10	
Макаровская волость	35	85	120	24	24	96	Осп. ученики Накрыдин, Рудометов			
Орлинская волость	6	57	63	13	13	50	Осп. ученик Тупицын			13
Нижнеилимская волость	5	95	100	88	88	12	Осп. ученики Шестаков, Бубнов			7
Карпчанская волость	14	91	105	40	40	65	Осп. ученик Ступин			2
Витимская волость	38	25	63	32	32	31	Осп. ученик Попов			—
Олекминская волость	23	—	23	—	—	23	—			—
Хандинская инородческая управа	—	9	9	7	7	2	Осп. ученики Накрыдин, Рудометов, Тупицын	Инород-ческие начальники	2	
Нижнеилимская инородческая управа	2	13	15	9	9	6	Осп. ученики Антипин, Шестаков, Бубнов			—
Курейская инородческая управа	—	12	12	11	11	1	Осп. ученик Бояршин (инородец)			—
Кондагирская инородческая управа	—	5	5	5	5	—				—
Итого	132	541	673	373	362	300			34	

Примечание. Таблица составлена по: [15. Л. 1–113].

Таблица 2 демонстрирует, что проблема невыполнения планового объема оставалась острой на протяжении многих лет. По данному периоду в Киренском округе из списочного состава детей, нуждавшихся в прививке, во второе полугодие перешло 39%. Количество оспенных учеников в первом полугодии 1866 г. было 12, из них один представитель инородческого ведомства. Некоторые оспенные ученики были закреплены сразу за несколькими участками.

В 1860-х гг. были введены ежемесячные ведомости (позже – двухнедельные и 7-дневные), которые как исторические источники раскрывают картину более детально, с разъяснением обстоятельств. Так, оспенный ученик Орлинской волости Михей Тупицын в комментариях к ведомостям сообщал, что в январе 1866 г. им не проводилось оспопрививание «по неимению материи», в списке на вакцинацию при этом числились

26 детей, из них 3 ребенка умерли, не дождавшись вакцины. В Карапчанской волости в январе 1866 г. в списках у оспенного ученика Хрисанфа Ступина значились 33 ребенка (24 – в крестьянских семьях, 3 – у священнослужителей, 4 – у тунгусов), но оспопрививание не проводилось по причине сезонной распутицы. Из донесения Нижнеилимского сельского фельдшера Денисова Киренскому окружному сельскому врачу от 2 марта 1866 г. № 21: «...у оспопрививателей нет оспенной материи, а посему прошу прислать мне оспенной материи для привития и раздачи оспопрививателям для прививки детям» [16. Л. 5].

Состав и качественные характеристики оспенников

В разные периоды времени и по разным местностям Иркутской губернии численность оспенных уче-

ников колебалась и была крайне нестабильной. Стремление властей поголовно рекрутировать в оспенники как можно большее количество человек сказывалось на их качественных характеристиках.

Фонды Государственного архива Иркутской области (ГАИО) проясняют следующие обстоятельства: Киренский окружной врач Селин 21 января 1833 г. сообщал в Киренский оспенный комитет, что, inspectируя оспопрививание в округе, «нашел очень много неисправностей со стороны оспенных учеников и волостных начальников» [17. Л. 1], а именно не составлены списки детей, которым не была привита коровья оспа или была привита, но не действовала. Также врач просил земский суд вынести решение в адрес волостного начальства о контроле за оспенными учениками, а к оспенному комитету Селин обращался с просьбой «учинить законное взыскание» с 5 оспенных учеников: Гладких (Подкаменская волость), Мельникова (Нижеилимская инородная управа), Пуляева (Орлинская волость), Коновалова (Нижеилимская волость), Швецова (Хандинско-Усольская волость). Также врач Селин решительно предлагал заменить Коновалова, Пуляева, Назарова, Гладких как «совершенно ленивых и неспособных к прививанию», выражая уверенность (хоть и «не имел возможности осмотреть детей инородцев»), что оспенные ученики Хандинско-Усольской инородческой волости Швецов и Нижеилимской инородческой управы Мельников «по лености и незнанию оспопрививанием непременно должны быть заменены». Врач Селин настоятельно просил принудить оспенных учеников (кроме городского Шильникова, от Подкаменской волости Чудинова, от Мака-

ровской волости Скрыпина) к выполнению всех его предписаний, ссылаясь на то, что «видел их послушание и неповиновение», ходатайствовал перед волостным правлением «избрать на место оных других, чтобы были здорового сложения, с тем лучше, если грамотные, и по избрании таковых обществами прислать при особом реестре в комитет» [17. Л. 1]. Спустя годы вопрос о халатном отношении оспопрививателей поднимался неоднократно. В ноябре 1890 г. Иркутский окружной сельский врач Попов после посещения деревень отмечал, что проверить оспопрививателя очень трудно, при сельских управлениях записей о прививании младенцев не велось. Окружной врач докладывал: «Оспопрививателей на местах никогда застать нельзя. Списки младенцев, которые оспопрививатели раз в полгода подают, не свидетельствуются даже волостными и сельскими начальствами. Ведомости по оспопрививанию составляются без соблюдения форм и иногда совершенно неправильно» [18. Л. 72].

Оспопрививатели как первичное звено исполнения государственной задачи состояли в штате оспенных комитетов, а контроль их деятельности осуществляли местные врачи, чины Врачебной управы, полицейские исправники и волостное начальство. Выводы о качественном и количественном составе оспенников сегодня можно сделать на основе таких исторических источников, как именные списки оспенных учеников. Эта форма отчетности была универсальной на протяжении десятков лет и обязательной к исполнению. Типичный пример именных сведений некоторых оспопрививателей, состоящих в штате Иркутского губернского оспенного комитета, представлен в табл. 3.

Таблица 3

Именные списки оспенных учеников, второе полугодие 1837 г.

Имя	Чин, звание, сословие	Место проживания	С какого года состоит оспопрививателем	Сколько привил за все время	Сколько прививок за 2 пол. 1837 г.	Характеристика	Получал ли награды	Сколько обучил
Чудинов Роман Петрович	Из гос. крестьян	Деревня Половинская Подкаменской вол. Киренск. окр.	с 1812	2 422	33	Поведения хорошего, в оспопрививании усерден	От общества Подкаменской волости жалование с 1814 до сер. 1834 – от 20 до 60 руб. в год	11 чел.
Тараканов Василий Иович	Из гос. крестьян	Петропавловское село Подкаменской вол. Киренск. окр.	с сер. 1834	185	37	Поведения хорошего	Наград от обществ не получал	Никого не обучал
Сафьянников Григорий Васильевич	Из экон. крестьян	Могинское село Подкаменской вол. Киренск. окр.	с 1825	451	14	Поведения посредственного, усердия не видно	От общества Подкаменской волости жалование до сер. 1834 от 40 до 60 руб. в год	Никого не обучал

Примечание. Таблица составлена по: [19. Л. 120–124].

Таблица 3 наглядно демонстрирует количественные показатели работы оспопрививателей и содержат мнение контролирующего лица.

Оплата труда оспенников

Как говорилось выше, оспопрививатели освобождались от налоговых выплат, что было немало. Однако

система оплаты была довольно путаная: некоторые оспенники получали выплаты из казны, другие содержались за счет крестьянских обществ. С 1834 г. выплаты жалования от обществ были отменены журналом Иркутского общего губернского совета, состоявшегося 14 августа 1833 г.

С одной стороны, в правовом аспекте финансовая поддержка распространения оспопрививания была под-

креплена системными мерами. Согласно Высочайше утвержденным положениям Комитета министров от 16 февраля 1826 г. № 153 и от 27 декабря 1827 № 1655, отличившихся оспопрививателей предохранительной оспы и членов комитета награждали золотыми и серебряными медалями [20. С. 233; 21. С. 1112]. За труды обученных оспопрививателей в течение одного года согласно положению от 18 августа 1831 г. № 4761 «О мерах для распространения оспопрививания в казенных селениях» освобождали от всех повинностей, обеспечивали их жильем и инструментами [22. С. 766]. С 9 июня 1837 г. положением «О назначении жалования крестьянским мальчикам, окончившим курс учения оспопрививания» № 19320 прививателям назначался оклад в размере 5 руб. и 45 руб. на канцелярские расходы [23. С. 529].

С другой стороны, широкий спектр источников: от земских сборов и частных повинностей до взносов из Приказа общественного призрения и добровольных пожертвований в губернское правление, – делал процедуру выплат оспенникам весьма сложной, вызывал социальное напряжение и немало вопросов у населения, облагаемого налогом в пользу содержания оспопрививателей.

Сложной была не только система формирования жалования, но и механизм денежных выплат, который часто менялся. Оспенники получали деньги и от волостных правлений, и от земских судов. Сложные финансовые механизмы межведомственных обязательств приводили к путанице и курьезам. В 1843 г. произошли очередные изменения, по которым оспенные ученики Иркутской губернии стали получать жалование напрямую из губернского казначейства, но при приеме-передаче финансовых документов казначейские служащие обнаружили, что в волостных правлениях Киренского округа книги выдачи жалования попросту отсутствовали. Затянувшееся разбирательство довело дело до судебного рассмотрения «О неведении волостным начальством книг выдачи жалования оспенным ученикам». Судебная волокита длилась годами, были вынесены решения Иркутской казенной палатой от 9 августа 1847 г. № 8797 и земским судом от 10 августа 1848 г. № 3969 с требованием «предоставить утерянные книги». Земский суд учинял опросы волостных голов и старшин. Так, согласно ведомости суда от 8 июля 1850 г. опросу подверглись 7 человек. Ответ, данный опрошенными, представляет большой интерес. Запись протокола осуществлялась секретарем суда и по единой форме: «Показываю по чистой совести и долгу христианскому, были присылаемы деньги, но в каком количестве на оспенных учеников не припомню... Но у меня на руках никакой суммы не осталось. Что касается книги о жаловании оспенных учеников 1843 г., то об этом должен знать волостной писарь, так как я по безграмотности не знаю ничего в этом деле, да и писарь о ведении таковой книги ничего не сказывал» [24. Л. 5–6]. Спустя годы, 5 апреля 1851 г., по этому делу были опрошены еще 3 человека с тем же результатом. Но поразительными выглядят не суть вопроса, не судебная волокита, а окончательное решение земского суда: «Раз оспенные ученики не обраща-

лись с жалобами о невыплате, значит присвоения денег не было» [24. Л. 16–19]. Вопросы, решение которых длилось годами, неграмотные волостные начальники, малограмотные и не всегда добросовестные оспенные ученики и многое другое – все это в комплексе порождало трудности при реализации более широких задач, в том числе и по оспопрививанию, при этом сложности возникали на уровне первичных исполнителей.

К концу XIX в. единой тарификации по жалованию оспопрививателям разработано не было, к казенному жалованию шли различные доплаты. Так, в 1888 г. Иркутская губернская казна оплачивала оспопрививателям, подготовленным окружными сельскими врачами или фельдшерами из оседлых бурят, 22 руб. 50 коп. в год. Но казенное жалование дополнялось содержанием от сборов с населения: в Балаганском ведомстве добавляли по 50 руб. каждому из пяти оспопрививателей-бурят; в Аларском ведомстве каждый из трех «оспенников» получал сверх казенных еще 20 руб.; в Идинском ведомстве доплаты были по 50 коп. с каждого привитого ребенка четырем оспопрививателям, пятый оспопрививатель Семен Хогоев получал твердо установленную сумму – 100 руб. [10. С. 34].

Реакция населения на деятельность оспопрививателей

На протяжении всего рассматриваемого периода остро стоял вопрос недоверия к оспопрививанию со стороны населения, которое игнорировало доводы медицинских чинов о пользе и безвредности оспопрививания. Указом от 10 октября 1804 г. № 21475 «Об убеждении приходским священником крестьян и прочего звания людей к прививанию их детям коровьей оспы» [25. С. 542] власть стремилась использовать влияние церкви. Согласно документу духовенству вменялось доводить до прихожан положительные примеры вакцинации. Однако сопротивление населения то ослабевало, то возрастало. Первым, кто сталкивался с негативной реакцией, были оспенные ученики. Нередко от оспенников прятали детей, преграждали путь во дворы и дороги в селения. В Иркутское губернское правление Врачебной управой был направлен рапорт от 25 августа 1830 г. № 184, в котором сообщалось о «невежестве и грубости, в коем утопает по сию пору население, против сего благотворительного средства»; подробно описывался случай, произошедший с черемховским оспенным учеником Чemezовым. Оспенник сообщил во Врачебную управу, что в «тамошней волости в Кутуликском селении жители в прививке оспы делают упорство, и прививать оную малолетним детям своим не дают, и считают прививку оспы ненужным». Иркутская врачебная управа выступила с просьбой повлиять и «кому следует приказать, дабы жители в городах, волостях и селениях беспрепятственно допускали оспенных учеников к оспопрививанию, ибо от сего не могут они иметь потери в детях и неприятных последствий, а останутся, как опыты доказывают, довольными» [26. Л. 40]. Случай был не единичным, но осложнялся тем, что в данном эпизоде

инициаторами сопротивления выступили сельский старшина и волостной староста. Именно поэтому Врачебная управа обратилась в губернское правление. Реакция была незамедлительной и конкретной, в виде циркуляров о беспрепятственном допуске оспенных учеников к оспопрививанию малолетних детей.

Неприятие оспопрививания выражалось коллективно: от сходов, от обществ, иногда в виде скрытого протеста и под предлогом «рациональных доводов». В мае 1851 г. Иркутским губернским правлением было вынесено решение о выделении от инородческих управ по два оспенных ученика, решение в виде циркуляра от 12 мая 1851 г. № 476 было направлено по губернии [27. Л. 3]. Это вызвало как открытую реакцию, так и в виде «скрытого протеста». 18 августа 1851 г. Нижнеилимская инородческая управа направила коллективный рапорт «Об испрашивании отменения избрания инородческих оспенных учеников» на вышеупомянутое предписание. В качестве аргументов, что выдвигание оспенных учеников от их управ «будет затруднительно и бесполезно», приводилось следующее: «...потому что бродячие инородцы постоянно переходят с места на место и находятся на больших расстояниях один от другого. От чего оспенный ученик не будет знать, кому он мог наложить оспу и должен будет лишаться действий оспенной материи. Будь они в скопе, и тут оспенные ученики будут несовместны, ибо младенцев инородцев мало, и пока будут дожидаться прибытия младенцев, тоже оспенной материи лишаться должен» [27. Л. 17–18]. Мирской приговор Киренско-Хандинской инородной управы от 27 октября 1851 г. гласил, что инородцы решили просить освободить их от назначения оспенными учениками и поясняли решение так: «Из числа нас нельзя найти таких людей, которые бы могли отнестись исправно к должности, потому что народ бродячий и находится постоянно в походах, а в зимнее время имеют только одну юрту, где нельзя сохранить оспенную материю» [27. Л. 25–26].

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что состав оспопрививателей в Иркутской губернии на протяжении всего периода оставался малочисленным. Несмотря на то, что деятельность оспенников приобрела системный характер, количественный и качественный состав оспенных учеников оставался основной проблемой. На 1 января 1909 г. в Иркутской гу-

бернии было 62 оспопрививателя, а на 1 января 1914 г. – 66 человек. В начале XX в. их жалование приобрело фиксированный характер и составляло 150 руб. в год. Однако в 1912 г. на I съезде сельских врачей Иркутской губернии было высказано мнение о ликвидации службы оспопрививателей, приводились примеры невежества и неаккуратного исполнения вверенных обязанностей, говорилось о «малом понимании важности дела». Сельские врачи предлагали заменить оспопрививателей и «передать это дело в руки фельдшеров или других образованных людей» [28. С. 16].

Окончательно судьба привлеченных из народа оспопрививателей была решена 15 января 1915 г. на заседании Иркутского санитарного совета, где одним из вопросов было обсуждение возможности медико-санитарным бюро приглашать оспопрививателей с фельдшерским образованием. Решение этого вопроса положило начало подворовому оспопрививанию путем привлечения амбулаторных городских фельдшеров. В Иркутской губернии замена оспопрививателей на квалифицированный фельдшерский персонал окончательно произошла в 1917 г.

По мнению исследователей, успешной борьбе с оспой мешала плохая организация обязательного оспопрививания, прививка от натуральной оспы была передана в руки невежественных оспенников – людей, зачастую имевших довольно смутные представления о сущности вакцинации [6. С. 131]. Среди причин, значительно усложнявших проведение массовой вакцинации населению Иркутской губернии, также была нехватка оспопрививателей, недостаток оспенного материала, сопротивление населения. Временами эти проблемы находили решение через привлечение квалифицированных кадров за дополнительное материальное поощрение, организацию собственных телятников для получения местного детрита, просветительскую работу с населением и обязательный учет прививаемости. Однако когда в 1915 г. Иркутская губерния столкнулась с массовой миграцией беженцев из западных регионов, вопрос предупреждения распространения натуральной оспы вновь принял острый характер. Стало очевидно, что решение этой проблемы потребует разработки и внедрения более серьезных административно-законодательных и медико-санитарных мероприятий.

Список источников

1. Кротов В.А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. Иркутск : Сибирская книга, 2013. 439 [7] с.
2. Золотухина П.С. Правовое регулирование оспенных комитетов в России начала XIX века // Таврический научный обозреватель. 2016. № 8 (13). С. 98–102.
3. Караваева Е.В. Законодательные и другие нормативные акты основа для санитарно-просветительской и медицинской деятельности православного духовенства в конце XIX – начале XX веков // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2009. Т. 24. С. 48–56.
4. Микиртичан Г.Л. Из истории вакцинопрофилактики: оспопрививание // Российский педиатрический журнал. 2016. № 19 (1). С. 55–61.
5. Васильев В.С. Иммунизация против натуральной оспы: история и перспективы // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2009. № 3. С. 20–22.
6. Батоев С.Д. Оспопрививание в Забайкальском казачьем войске // История медицины. 2016. Т. 3, № 2. С. 125–132.
7. Федорова Н.В. Оспопрививание на приходах в Земле войска Донского в XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 88–91.
8. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание Первое. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. XXXI: 1810–1811. 941 с.
9. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 474. Оп. 1. Д. 12: Киренский уездный лекарь.
10. Орлова И.В., Дамешек И.Л. О привлечении инородческого населения Иркутской губернии к решению региональных медико-санитарных задач в имперский период. Ч. 1 // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2023. № 2 (50). С. 32–38.

11. Батоев С.Д. Зарождение основ системы здравоохранения в Забайкалье (XVIII – конец первой четверти XX века) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2019. URL: <https://www.dissercat.com/content/zarozhdenie-osnov-sistemy-zdravookhraneniya-v-zabaikale-xviii-konets-pervoiy-chetverti-xx/read> (дата обращения: 21.08.2023).
12. Орлова И.В. Хроника провинциальной медицины: Иркутск и его окрестности в досоветский период. Иркутск : Репроцентр+, 2022. 336 с.
13. Затопляев И.И. Статистическое описание Киренского округа Иркутской губернии. Иркутск : Репроцентр А1, 2016. 146 с.
14. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 504: Об оспопрививании.
15. ГАИО. Ф. 474. Оп. 1. Д. 9: Ведомости об оспопрививании по волостям Киренского округа за первую половину 1866 г.
16. ГАИО. Ф. 474. Оп. 1. Д. 11: Донесения и ведомости о заболевании детей скарлатиной, корью, брюшным тифом за 1886 год в Киренском округе.
17. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 754: Дело об оспопрививании.
18. ГАИО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 4: О состоянии медицинской помощи в сельских местностях Иркутской губернии.
19. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 859: Ведомости о прививке оспы за 1836 г.
20. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. I: 12 декабря 1825 – 1827. 1527 с.
21. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. II: 1827. 1561 с.
22. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1832. Т. VI, отд. 1: 1831. 844 с.
23. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1838. Т. XII, отд. 1: 1837. 823 с.
24. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1409: Об оспенных учениках, 1850–1851 гг.
25. ПСЗРИ. Собрание Первое. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. XXVIII. 1804–1805. 1349 с.
26. ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1015: Указы Иркутского губернского правления.
27. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1451: Дело об оспопрививании.
28. Секулович А.Ф. Из истории борьбы с заразными болезнями в Иркутской области : очерки. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1994. 240 с.

References

1. Krotov, V.A. (2013) *Letopis' goroda Irkutsk. 1652–1856 gg.* [The chronicle of Irkutsk. 1652–1856]. Irkutsk: Sibirskaya kniga.
2. Zolotukhina, P.S. (2016) *Pravovoe regulirovanie ospennykh komitetov v Rossii nachala XIX veka* [Legal regulation of smallpox committees in Russia in the early 19th century]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel*. 8(13). pp. 98–102.
3. Karavaeva, E.V. (2009) *Zakonodatelnye i drugie normativnye akty osnova dlya sanitarno-prosvetitel'skoy i meditsinskoy deyatel'nosti pravoslavnoy dukhovenstva v kontse XIX – nachale XX vekov* [Legislative and other normative acts as the basis for sanitary-educational and medical activities of the Orthodox clergy in the late 19th – early 20th centuries]. *Sibirskiy zhurnal klinicheskoy i eksperimental'noy meditsiny*. 24. pp. 48–56.
4. Mikirtichan, G.L. (2016) *Iz istorii vaktsinoprofilaktiki: ospoprivivanie* [From the history of vaccination: Smallpox vaccination]. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal*. 19(1). pp. 55–61.
5. Vasilyev, V.S. (2009) *Immunizatsiya protiv natural'noy ospy: istoriya i perspektivy* [Immunization against smallpox: History and perspectives]. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. 3. pp. 20–22.
6. Batoev, S.D. (2016) *Ospoprivivanie v Zabayskoy kazach'ey voyske* [Smallpox vaccination in the Transbaikalian Cossack army]. *Istoriya meditsiny*. 3(2). pp. 125–132.
7. Fedorova, N.V. (2017) *Ospoprivivanie na prikhodakh v Zemle voyska Donskogo v XIX v.* [Smallpox vaccination in parishes in the Don Cossack region in the 19th century]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 1. pp. 88–91.
8. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 1st ed. Vol. XXXI. St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery.
9. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 474. List 1. File 12.
10. Orlova, I.V. & Dameshek, I.L. (2023) *O privlechenii inorodcheskogo naseleniya Irkutskoy gubernii k resheniyu regionalnykh mediko-sanitarnykh zadach v imperskiy period. Ch. 1* [On involving the indigenous population of Irkutsk province in solving regional medical and sanitary tasks during the imperial period. Part 1]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2(50). pp. 32–38.
11. Batoev, S.D. (2019) *Zarozhdenie osnov sistemy zdravookhraneniya v Zabayskal'e (XVIII – konets pervoy chetverti XX veka)* [The emergence of the foundations of the healthcare system in Transbaikalia (18th – the end of the first quarter of the 20th century)]. Abstract of Medicine Dr. Diss.
12. Orlova, I.V. (2022) *Khronika provintsial'noy meditsiny: Irkutsk i ego okrestnosti v dosovetskiy period* [Chronicle of provincial medicine: Irkutsk and its environs in the pre-Soviet period]. Irkutsk: Reprotsentr+.
13. Zatoplyayev, I.I. (2016) *Statisticheskoe opisanie Kirenskogo okruga Irkutskoy gubernii* [A statistical description of Kirensky district of Irkutsk province]. Irkutsk: Reprotsentr A1.
14. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 9. List 1. File 504.
15. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 474. List 1. File 9.
16. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 474. List 1. File 11.
17. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 9. List 1. File 754.
18. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 43. List 1. File 4.
19. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 9. List 1. File 859.
20. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. I. St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery.
21. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery.
22. Russian Empire. (1832) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 6(1). St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery.
23. Russian Empire. (1838) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 12(1). St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery.
24. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 9. List 1. File 1409.
25. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 1st ed. Vol. 28. St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery.
26. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 7. List 1. File 1015.
27. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO) (n.d.). Fund 9. List 1. File 1451.
28. Sekulovich, A.F. (1994) *Iz istorii borby s zaraznymi boleznyami v Irkutskoy oblasti: ocherki* [From the history of the fight against infectious diseases in Irkutsk region: Essays]. Irkutsk: Irkutsk State University.

Сведения об авторах:

Орлова Ирина Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Иркутского государственного медицинского университета (Иркутск, Россия). E-mail: irina_orlova7@mail.ru

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: dameshek@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Orlova Irina V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Public Health and Healthcare, Irkutsk State Medical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irina_orlova7@mail.ru

Dameshek Irina L. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation) E-mail: dameshek@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 13.01.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/94/11

Взаимоотношения казахов, казаков и российской администрации на Сибирской пограничной линии в XIX в.

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан, prohorov1974@mail.ru

Аннотация. XIX век – время активного взаимодействия казахов Среднего жуза, сибирских казаков – обособленной части русского народа, российских властей на сибирском фронтире с казахской степью. С одной стороны, Российская империя активно продвигалась вглубь степей, с другой – казахи массово пересекали Сибирскую пограничную линию, кочевали в Томской и Тобольской губерниях, осваивали новые для себя виды хозяйственной деятельности. Взаимоотношения казахов и русских в этот период характеризуются историками и исследователями полярно: с одной стороны – противостояние, с другой – выгодное сотрудничество, хозяйственный и культурный симбиоз.

Ключевые слова: Томская губерния, Пограничное управление сибирскими киргизами, казахи, Омская область, сибирские казаки

Для цитирования: Прохоров И.Р. Взаимоотношения казахов, казаков и российской администрации на Сибирской пограничной линии в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 84–94. doi: 10.17223/19988613/94/11

Original article

The relationship between Kazakhs, Cossacks and the Russian administration on the Siberian border in the 19th century

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, prohorov1974@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to reveal the essence of the relations between the Kazakhs of the Middle Zhuz, the Siberian Cossacks and the Russian border administration in the 19th century. It is important to note that many materials on this topic have not yet been fully introduced into scientific circulation. Russian Russians and Siberian Cossacks, as part of the Russian people and Kazakhs, and in a broader sense Slavs and Turks, are still relevant in Kazakhstan and Russia, and need an unbiased study and rethinking in connection with new conceptual approaches formed in the post-Soviet period. Archival sources revealing the nature of the relationship between the Cossacks, Russians and Kazakhs on the Siberian border, the activities of the Russian administration in the Middle Zhuz are collected in the Russian State Historical Archive (RGIA), the Russian State Military Historical Archive (RGVIA), the State Archive of the Tomsk Region (GATO), the Historical Archive of the Omsk Region (IAOO), the State Archive of the Orenburg Region in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan in Almaty (CGA RK), as well as in the State Archive of Astana city of the Republic of Kazakhstan (GAGA RK). The author explores the interaction and conflicts of Kazakhs, Cossacks and the Russian administration on the Siberian border. In addition, the principle of consistency was used, which made it possible to consider the administrative-territorial and political transformations in the territory of the Middle Zhuz, the relationship of the Siberian Cossacks with the Kazakhs as a long historical process. The author comes to the conclusion that the interaction of Kazakhs, Siberian Cossacks and the Russian border administration helped to solve the long-standing problems of Kazakh society: baranta (cattle rustling), inter-tribal disputes, conflicts over the ways of nomadism. The Russian administration has also taken a number of effective measures to successfully incorporate Kazakhs who moved to the empire, protect their rights and economic opportunities. At the same time, conflicts between ethnic groups were not systemic in nature, they were often caused by external factors, namely the influence of foreign powers.

Keywords: Tomsk province, Border management of Siberian Kyrgyz, Kazakhs, Omsk region, Siberian Cossacks

For citation: Prokhorov, I.R. (2025) The relationship between Kazakhs, Cossacks and the Russian administration on the Siberian border in the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 84–94. doi: 10.17223/19988613/94/11

Введение

Взаимоотношения казахов, сибирских казаков и российской администрации нашли отражение в документах представителей государственной власти. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 1265 «Первый Сибирский комитет» отложились важные материалы о переселении казахов Среднего жуза в пределы Российской империи через Сибирскую пограничную линию в начале XIX в. В Сибирском комитете были сосредоточены сведения об экономическом и социально-политическом состоянии региона, готовились реформы по его административно-территориальному переустройству. В частности, по архивным делам можно проследить меры российской администрации по регулированию наплыва казахских переселенцев в российские пределы, а также дать оценку отношениям власти и сибирского казачества к казахам как новым жителям Российской империи [1].

В Государственном архиве Оренбургской области запечатлелись сведения как о восстаниях казахов против российской власти, так и о развитии различных форм сотрудничества представителей двух этносов, решении российской администрацией застарелых проблем казахского общества – баранты, межродовых распрей, споров за пути кочевания [2].

В историческом архиве Омской области (ИАОО) в фонде 3 «Главное управление Западной Сибири в Омске» собраны сведения о взаимодействии казахов и сибирских казаков, реализации реформы М.М. Сперанского и введении в жизнь «Устава о сибирских киргизах», о ситуации во внешних округах дореволюционной Омской области [3].

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) в фонде 374 «Пограничное управление сибирскими киргизами» имеются данные об административном регулировании отношений казахов и сибирских казаков [4].

В фонде 369 ЦГА РК «Акмолинское областное правление» собраны сведения о спорах и взаимодействиях казаков и казахов, делопроизводстве в судах, экономическом и общественном взаимодействии этносов [5].

В фонде 430 Государственного архива города Астаны Республики Казахстан (ГАГА) «Материалы, собранные в зарубежных архивах» нами выявлены архивные дела об участии сибирского казачества в подавлении восстания Кенесары Касымова, взаимоотношениях казахов и казаков [6].

Также в качестве важных исторических источников использованы исследования и материалы российских исследователей XIX – начала XX в. Среди них выделяются труды историка Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаева [7], российских военных, администраторов и исследователей Н.А. Аристов [8], М.П. Хорошихина [9], Ю.А. Гагемейстера [10], Н.Н. Балкашина [11], А. Гейнса [12], И.И. Крафта [13].

В XX в. история взаимодействия Сибирского казачьего войска с казахами Среднего жуза нашло свое отражение в работах Н.Г. Апполовой [14], Н.В. Алексеенко [15], Е. Бекмаханова [16], исследовавшего по-

литические аспекты и историю национально-освободительных движений.

В работах казахстанских историков периода независимости М.Ж. Абдирова [17], Х.А. Аубакировой [18], Ж.С. Мажитовой [19], Р.Х. Сариевой [20] освещается участие сибирского казачества в подавлении восстаний казахов против российского присутствия в регионе, злоупотреблений чиновничества.

В свою очередь, современные российские историки отмечают, что российские власти действовали в интересах казахского населения как внешних округов, так и переселившихся в российские регионы с целью улучшить его экономическое и социальное положение [21]. В работах томского историка В.П. Зиновьева дается анализ демографической ситуации в регионах Степного края, делается вывод о этническом характере разделения труда в регионе [22].

В трудах западных авторов история взаимодействия сибирского казачества и казахского населения освещается с точки зрения колониальной политики Российской империи. Зачастую западные специалисты ограничивались лишь описанием военных конфликтов между казахами и русскими, говорили о столкновении славянской и тюркской цивилизаций [23]. Элизабет Бэкон ограничивает взаимодействие между властью и народами Центральной Азии, включая казахов, только военным подчинением Степного края и насильственным распространением русской культуры [24]. Одна из последних работ, по-новому рассматривающая характер отношений между русскими, казачеством и казахами, создана Ю. Маликовым. В своем исследовании казахско-казакских отношений на сибирском фронтире автор доказывает, что межэтнические контакты не основывались на военном противостоянии, напротив, характеризовались взаимной выгодой, плодотворными контактами, обменом ценными товарами и технологиями [25].

Результаты

Конец XVIII – начало XIX в. – время активного переселения казахов в пределы Российской империи. Причинами тому стали нестабильная политическая и хозяйственная ситуация в Среднем жузе, ослабление ханской власти, а также воинственная политика Кокандского ханства и Ташкентского владения в отношении казахов.

Казахстанский историк Е. Бекмаханов, в частности, указывает, что по приказанию кокандского хана Алима (1799–1809) был организован военный поход в окрестности Туркестана и Ташкента. «Войска хана, как голодные шакалы, заняв степи Дешт-Кипчака, сделали степной простор для казахов маленьким, как глаз муравья, и темнее, чем могила... Войска, похожие на тигров, вихрем пронесли по казахской степи, чтобы замучить и разорить дотла казахов» [16. С. 159].

В 1798 г. значительная часть казахов Среднего жуза, бывших подвластных хана Аблая, чрез старшину Айходжу муллу Кочина обратилась с прошением к императору Павлу I о дозволении им кочевать между русских крепостей – Семипалатинской и Омской. Ко-

чин добавлял, что и другие многие султаны и старшины Среднего жуза со своими подданными в Российское подданство вступить желают. Именным Высочайшим указом императора Павла I от 23 июля 1798 г. было разрешено Сибирскому начальству давать убежище как Кочину с приверженцами, так и всем казахам, которые будут об этом просить. Изложенные российским исследователем И. Крафтом обстоятельства показывают, что фактическое присоединение к России казахов Среднего жуза (за исключением принятых вместе с Малым жузом) началось в 1798 г., но совершалось, как пишет И. Крафт, «тихо, без всякой торжественности и без выстрелов» [13. С. 9–10].

В 1820-е гг. ташкентский кушбеги (правитель) решил подчинить себе казахов не только Старшего, но и Среднего жуза, организовал военные походы против казахов и сбор налогов [16. С. 167]. В записке I Сибирского комитета, датированной февралем 1821 г., об иностранцах, переходящих в Россию через Сибирскую линию, говорится: «...киргизцы [казахи] переходят в Россию: по причинам крайней бедности, междоусобных ссор, лучших выгод для скотоводства, наконец, по честолюбию [жажда почестей, стремление к почетному положению] старшин и родоначальников. Переходя, таким образом, в разных обстоятельствах в Россию, рядовые киргизцы впоследствии остаются или в работах у крестьян и линейных казаков, либо на вечной, а другие на временной только кочевке и весьма малой частью занимаются хлебопашеством» [1. Л. 2 об.].

Также в этом документе указывается, что «выгода, доставляемая от них [казахов], состоит в том единственно, что прилегающие к линии жители имеют верных и прилежных работников и что с перегоняемых ими [в Россию] табунов взимаются от ста скотин по одной: лошади в ремонт для казачьих полков, прочий же скот для содержания госпиталей. В таковых переходах виден крайний беспорядок, неограниченность правил и даже потерян счет переселившимся» [1. Л. 3].

В этой связи Томский гражданский губернатор Д.В. Илличевский собрал сведения о кочующих по линии киргиз-кайсаках и представил 6 февраля 1817 г. Сибирскому генерал-губернатору М.М. Сперанскому свое мнение, состоящее в том, «чтобы сих киргизцов привести в известность надлежащею переписью, и по числу душ наделить землями, из которых некоторые входят в черту горного ведомства. Обложить их податями в виде ясака, учредить между ними постоянные волости, и определить им со стороны губернского начальства одного или двух комиссаров. Перепуск из заграницы киргизов на временное кочевание для прокормления скота оставить в настоящем положении, но с ведома комиссаров. По представлению сему не сделано никакого дальнейшего распоряжения и остается оное неразрешенным» [1. Л. 16 об.–17].

Также томский гражданский губернатор предлагал «для составления основательного по сему предмету порядка принять следующие начала: переходящих киргизцов в работники, приписывать к тем селениям, где они быть пожелают в обеих [Томской и Тобольской] губерниях. Прибывающий таким образом киргиз войдет в то сословие и подчинится тому начальству,

которому селение принадлежит. А именно, поступающий в губернское ведомство к государственным крестьянам будет государственным крестьянином, поступающим к ясадным причислен к оным; в заводском ведомстве будет заводским крестьянином, а в казачьих станицах – казаком» [1. Л. 3 об.].

Предполагалось таких переселенцев освобождать на пять лет от податей и службы, предоставить им право обзаводиться домами, свободно сохранять веру и наделять по числу душ земель, как местных жителей. Были также планы разделить казахов, переходящих со стадами на кочевку, на подданных и временно кочующих. Первым отвести земли вдали от линии, даже сближая с оседлыми поселениями, сделать перепись, разделить на волости, назначить границы владений каждой волости и предоставить им свободу кочевать и обрабатывать землю, не переходя только за межи [1. Л. 4].

Однако выяснилось, что внутри российской территории земли разных административных образований, в частности Томской губернии и заводского ведомства, на тот момент были разграничены не полностью. Таким образом, чтобы упорядочить расселение казахов, нужно было установить границы земель между губернским и заводским ведомством в Томской губернии, где без всякой пользы для последней считали целую степь никем не занятой. Таким образом, у казахов собирались организовать управление по примеру других кочевых народов Сибири. По истечении срочной льготы они бы начали платить ясак. Но для начала нужно было выяснить точное количество таких переселенцев. Для этого томский губернатор предлагал «киргизцов и других иностранцев в вечное подданство перепускать не иначе как через таможенные заставы, в коих по удобности записать и уже переселившихся» [1. Л. 4 об.].

Что же касается казахов, переходящих лишь на временную кочевку за Сибирскую пограничную линию, то предполагалось «киргизцам, на временную кочевку переходящим, быть на землях на линии отведенных и состоять как в переходе, так и в местном управлении в единственной зависимости от линейного казначества. Они должны переходить только на зиму, давать в казну положенную часть скота» [1. Л. 5].

В свою очередь, начальник Отдельного Сибирского корпуса (в него входило Сибирское казачье войско) генерал-лейтенант Глазенап в своем представлении управляющему Министерством полиции пояснял, что с просьбами об отводе земель кочующим на линии казахам обращался он неоднократно к Тобольскому и Томскому губернским начальствам, также и в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства, однако «не только никакого отвода земель не сделано, но [канцелярия Колывано-Воскресенского горного округа] настаивает, чтобы киргизам непременно не позволять находиться в черте заводской и для того сблизить оных к самой линии, то есть, к реке Иртышу» [1. Л. 11].

Между тем казахи, перешедшие в российские границы, кочевали в Томской губернии по линии, начиная от редута Татарского по крепость Семипалатинскую и далее по редут Пьяногорский. В отчетах ука-

зывалось, что «число сих киргизцов простирается до 9 тыс. человек мужского пола, они состоят в непосредственном заведовании военного пограничного начальства» [1. Л. 12 об.].

Итак, правил для отвода земель казахам по данным на 1821 г. еще не было, власти не знали и точного числа переселившихся. При этом линейным пограничным командирам неоднократно давались высочайшие повеления их принимать в российские пределы. Последовала целая серия таких указов: 15 июля 1788 г., 20 февраля 1789 г., 30 сентября 1797 г., 23 июля 1798 г., 20 января 1800 г. «Сими указами велено отводить земли киргизцам на внутренней российской стороне границы. Некоторым из них дозволялось в летнее время переезжать на заграничную сторону, а осенью обратно возвращаться на российскую» [1. Л. 13].

Кроме того, части переселенцев разрешили поселиться в Семипалатинской округе, с отводом им для хлебопашества и скотоводства достаточного числа земли. Этими приглашениями дело не ограничилось.

В 1808 г. вышло высочайшее положение о тех казахх и их детях, которые, придя в бедственное состояние, покушались даже на продажу детей своих в рабство хивинцам, по торговле приезжающим. Этим положением было велено казахам селить внутри линии и приписывать в казенные селения магометанского и даже христианского исповедания. В селениях, в которых поселят казахам, указывалось нарезать им соразмерное количество земли. Казахам сверх других выгод определена 10-летняя льгота от платежа податей и всякого рода службы [1. Л. 13 об.–14].

По сведениям, полученным Первым сибирским комитетом от военного начальства, в 1808 г. числилось казахам по дистанциям: Железинской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской и Бухтарминской: мужчин 2 415, женщин 2 004 чел.; итого – 4 419 чел. Однако по сведениям, собранным гражданским начальством, считалось в 1808 г. только в Семипалатинской и Ямышевской дистанциях 15 тыс. человек. Из них верноподданных 11 тыс., неверноподданных 4 тыс. чел. Сколько переселенцев кочевало в других российских административных единицах вдоль сибирской линии оседлых поселений на тот момент (1808), данных не было [1. Л. 18].

Конечно, новшества как среди переселенцев, так и в самой казахской степи приживались с трудом. И взгляд на происходившее сквозь розовые очки не выдерживает проверки свидетельствами очевидцев. Вот, к примеру, российский ученый-ориенталист Петр Пашино в путевых заметках 1866 г. приводит свидетельства степного пристава о жизни перешедших на оседлость казахам: «С этими джатаками [оседлыми] ничего не поделаешь. Выстроишь им избу, дашь лошадь, корову и другую скотину; поле вспашешь за него и посеешь, казалось бы, живи – не хочу, а он продаст тихомолком хлеба на корню да купит себе юрту, расставит ее на гумне да свистит целую зиму в кулак... Стада да табуны свои забыл, а к земле привычки не получил, заботы о будущем не имеет. Проживет на линии год ли, два ли, три ли, до тех пор, пока не сколотит деньги на новую юрту, на коня да пару баранов, и уезжает в степь опять» [26. Л. 4].

Что же касается сибирских казаков, то к началу XIX в. общее их число достигло 6 тыс. человек мужского пола. Борьба с Францией заставила правительство вывести все регулярные войска из Сибири. Охрана сибирской границы с казахскими жузами была возложена на казачество. В 1808 г. был утвержден штат Сибирского линейного казачьего войска, состоявшего из 10 конных полков, каждый пятисотенного состава. Всего в войске положено было держать по штату 5 950 человек, не считая конноартиллерийской бригады в 12 орудий [27].

Как поясняет Георгий Катанаев, в начале XIX в. сплочение разбросанных по разным западносибирским городам казаков закончилось сформированием из них на пограничных линиях 10 конных полков и двух конных батарей. Они образовали Сибирское линейное казачье войско, переименованное в 1861 г., с включением в него всех тобольских, томских и сургутских городских казаков, просто в Сибирское казачье войско [28. С. 2].

Сибирское служилое казачество комплектовалось исключительно по царскому указу и воеводскому наказу не только набором нужных людей, но и прямой ссылкой пленных «черкас» (так русские называли малороссов и запорожских казаков), «литвы» (поляков) и «немцев». Состав сибирских служилых людей был переполнен иноземцами, до французов включительно. Поляки даже составляли особые команды «казаков литовского списка», «черкасы» – также. Сотни польских и малороссийских фамилий, встречающихся в среде сибирских казаков, показывают, что иноземное дерево, посаженное на здешнюю почву, не заглохло, а, напротив, укоренившись дало хорошие ростки [28. С. 3–4].

В 1820-е гг. Россия не только принимает казахам переселенцев, но и вводит в Среднем жузе новый порядок управления. Создаются внешние округа специально созданной с этой целью Омской области. Округа управляются административными единицами – приказами, во главе которых стоят старшие султаны, в подчинении у них находятся два русских и два казахских заседателя. При приказах основываются станицы. Так возникли казачьи поселения Кокчетавское, Каркаралинское (1824), Баян-Аульское (1826), Акмолинское (1827) [29. Л. 46].

Опыт управления казахами внешних округов Омским областным начальством оказался неоднозначным. Областному начальству приходилось заниматься одновременно вопросами русского оседлого и казахского кочевого земледелия. Поэтому с 1 января 1839 г. в Омске начало действовать отдельное административно-судебное Пограничное управление сибирскими киргизами. Особенности его заключались в том, что в его состав входили стряпчий (помощник прокурора) казенных и уголовных дел, ассессор из казахам в числе четырех советников управления. Омская область упразднилась. Города Омск, Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, все казачьи станицы, селения причислялись к соседним Тобольской и Томской губерниям [13. С. 44].

Общее число населения во внешних округах киргизской степи в 1852 г. составляло: казахам мужского

пола – 181 731 чел., женского – 154 091. Русских: мужского пола – 11 591 чел., женского – 8 099 чел. Итого мужчин – 193 680, женщин 162 408, обоего пола 356 088 чел. [29. Л. 41 об.].

В 1861 г. издано новое положение для Сибирского линейного казачьего войска, которое было усилено присоединением к нему Томского городского полка, Тобольского пешего батальона, Тобольского конного полка. В 1868 г. присоединенные полки были упразднены, а нижние их чины обращены в гражданское состояние [9. С. 51].

По данным 1865 г. сибирские казаки находились в Акмолинской области (Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Сарысуйский, Акмолинский уезды) Семипалатинской (Павлодарский, Каркаралинский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский уезды и Зайсанское приставство), Томской губернии (Бийский уезд) [9. С. 52].

В 1880-е гг. сибирские казаки проживали в Акмолинской и Семипалатинской областях по Горькой и Иртышской линиям в числе до 60 тыс. чел. обоего пола между русским населением и бывшими территориями Среднего жуза, а в числе 35 тыс. чел. обоего пола посреди казахских кочевий у Кокчетавских пресных озер, по р. Иртыш в Павлодарском и частью Семипалатинском уездах. Сверх того, 6 тыс. казаков обоего пола проживали посреди русского населения в принадлежащем императорскому кабинету Бийском округе Томской губернии [11. С. 27].

16 января 1836 г. последовало высочайшее повеление об изъятии дел о тяжких обидах, наносимых сибирскими казаками инородцам, из ведомства уездных судов и о подчинении суду военно-судных комиссий. Если же обиду нанесли сами казахи, то в Омской области сибирские казаки, как и все русские жители, со своими претензиями к казахам по делам о преступлениях и проступках должны были обращаться к суду биев, совершать для этого дальние поездки в степь и вверяться неизвестным им обычаям. Это было признано неудобным, и высочайше утвержденным 12 декабря 1837 г. положением Сибирского комитета установлено: «...сибирских киргизов (казахов) за преступления и проступки, учиненные ими в городах и селениях, подвергать суду по общим законам империи» [13. С. 43].

Для прекращения скотокрадства (баранты), которое к тому же, как выяснилось, поддерживалось прилинейными жителями, в 1854 г. были утверждены следующие правила: «...удаление в степь киргиз, кочевавших на землях казенных селений, отдача в солдаты тех из киргиз, которые изобличались в краже или приводе краденных лошадей, и строгие наказания для сибирских казаков – укрывателей и сбытчиков краденного. Сибирские казаки за это предавались военному суду и прогонялись через строй. Специально для борьбы со скотокрадством были учреждены в Сибирском казачьем войске особые должности в числе 8 следственных приставов [13. С. 49–50].

Как видим, казахов и сибирских казаков за скотокрадство наказывали одинаково строго.

К тому же еще раньше, 28 июня 1753 г., был издан указ об установлении наказаний русских и казахов в крепостях по Сибирской линии. Так, казахов за во-

ровство предписывалось наказывать «кошками», а за «предерзости с ножом» – бить кнутом. Русских, виновных в таких же проступках против казахов, подвергали таким же наказаниям «по самой справедливости в полной мере» [13. С. 27–28].

Теперь обратимся непосредственно к ежедневным бытовым и хозяйственным отношениям казахов и казаков на Сибирской линии. Историк Сибирского казачьего войска Георгий Катанаев свидетельствует, что при первоначальном появлении на линии почти каждый казах представлял обыкновенного голыша-бедняка, лишившегося скота и не могущего следовать при перекочевках за своим аулом. На первое время он нанимался в поденщики или работники, жил так год или два, просил затем перевезти к себе для совместного житья семью или родственников, которые по прибытии поселялись тоже сначала в качестве работников по дворам или пастухами у казаков. Года через три-четыре казахи эти обыкновенно приселялись к сородичам, более или менее прочно водворившимся особыми зимовьями на окрестных землях. В большинстве раз поселившийся таким образом казах уже не возвращался в степь на постоянное жительство; там, в степи, ему уже нечего делать; здесь его прикрепляли вновь усвоенные привычки, потребности, заработки всякого рода: в извозе, ямщине, найме на весеннюю и летнюю страду у русских, карауле казачьих зимовок и хозяйства на Бельгае, рыбных ловлях, поставке и таскании дров на пристанях и других услугах. Казачий историк свидетельствует: «Ныне [1893 г.] зимовых юрт уже совсем не существует; всюду [близ казачьих селений] они заменены более постоянными – землянками и деревянными избушками, сгруппированными местами как бы деревнями. Уже немало было просьб со стороны киргиз не только о закреплении за ними насиженных ими казачьих земель, но и о совершенном обращении их в казаки с оставлением лишь в магометанской религии» [30. С. 21–22].

По данным Акмолинского областного правления, по всей линии поселений сибирского казачьего войска большинство казахов ближайших к поселениям волостей кочевали или в станичном юрте, или на участках, арендуемых от войска, где имели зимовья. Так, например, по Омскому уезду у казахов Курганской волости летние и зимние стойбища были расположены в соседстве трех казачьих поселков Николаевской волости, в юртовом наделе этих поселков. То же наблюдалось по Петропавловскому уезду в казачьих станицах Полуденской и Становой и по Черлаковской станице Омского уезда. От поселка Елизаветинского и до поселка Крутойрского киргизы трех аулов Черлаковской волости устроили зимовки на землях Тюкалинского округа, в смежности с юртовым наделом казаков Черлаковской станицы. Помимо этого, в каждом без исключения казачьем поселке жили казахи разных волостей – или перебиваясь работами у казаков, или нанимаясь пасти скот станичников [5. Л. 9].

Г. Катанаев специально посвятил часть своей работы «Земельный вопрос в Сибирском казачьем войске» исследованию жалоб казахов на притеснения со стороны сибирских казаков. Он указывал, что прииртыш-

ские казахи по устройству своего хозяйства оказались наиболее близки к быту казаков, а по зажиточности своей и запасам корма для скота стояли выше не только кокчетавских казахов и своих степных родичей Павлодарского уезда, но и самого казачества. Таким образом, говорить, что казахи были только бедняками в услужении у сибирских казаков, было бы неправильным. Находясь в России, богатели самые бедные казахи, превосходя по богатству как своих сородичей в других регионах, так и самих сибирских казаков [7. С. 67].

Как отмечает исследователь, казахи, при всех своих невзгодах и неудовлетворенности многих своих пожеланий по части землепользования, единодушно отвечали отказом на предложения о зачислении их в казаки в целях уравнивания в правах и наделах с последними. «Не прельстило [казахов] предстоящее в таком случае освобождение от кибиточной подати и всякого рода других, платимых ими земских и частных сборов, ни право решения общественных дел и землепользования разными угодьями наравне с казаками; ни право на бесплатное получение равного с казаками 30-десятинного надела и прочих казацких “вольностей” и “преимуществ”. Они хорошо знают эти вольности и преимущества, ибо на их глазах происходит “выбивание” из казаков денег на воинское снаряжение, на их глазах сажают в “кутузку” неисправных казаков, у этих неисправных продают с публичного торга скотину и разное имущество на заведение обмундирования, снаряжение и вооружение, на их глазах уходят молодые казахи в рабочую пору в полки, а остальные в лагери» [7. С. 68].

Исследователь, сравнивая выгоды проживания казахов большую часть года не в занесенных снегом и разобщенных с внешним миром степях, а при русских поселениях, с теми дополнительными платежами, какие за эти преимущества вносятся казахами войску и казакам, признает таковые крайне умеренными [7. С. 6].

Он указывает, что «все казачьи повинности и обязательные платежи превосходят таковые же у прииртышских казахов более чем в 5,4 раза. Это следует всегда помнить, когда говорится о “подневольном” положении киргиз на казачьих землях и “помещичьих” по отношению с ним правам казаков. Нет поэтому ничего удивительного в том, что, когда “подневольным” киргизам в целях избавления их от излишних платежей в пользу “поработителей”-казаков и уравнивания их с последними предлагается одинаковое с казаками землепользование и права с одним лишь обязательством несения общих с казаками повинностей, киргизы отвечают единодушным отказом» [7. С. 156].

Тем не менее вопрос об улучшении условий и правил аренды земель имел, к примеру, для Семипалатинской области самое существенное значение ввиду широкого развития у населения области хозяйства не на своей, а на арендованной земле. Основными территориями, где местными жителями арендовалась земля, служили Бельгагачская и другая степи, прииски, принадлежащие Кабинету Его Императорского Величества, и казачьи земли вдоль обоих берегов Иртыша. Арендаторами были мещане из городов, не приписавшиеся к поселкам крестьяне-переселенцы, а главным

образом казахи, которых числилось к началу XX в. в степях Кабинета около 29 тыс. и на казачьих землях свыше 63 тыс. душ обоего пола. «Вопрос об устройстве этих киргиз возбужден особо, причем администрация Семипалатинской области уже высказала взгляд на желательность самых существенных изменений в правилах арендования киргизами как казачьих земель, так и степей Кабинета Его Императорского Величества» [31].

Чиновники Акмолинского областного правления сообщали, что у казахов давно завязались близкие отношения с сибирскими казаками, они видят постоянную необходимость один в другом. Нужно, например, казаку работника, он нанимает казаха; наступит лето уборка хлебов и трав, ее отбывают наймом казахи. С другой стороны, и казахи в своих нуждах обращаются зачастую к казакам, и те ссужают их и деньгами на подать, и хлебом, пользуясь при этом процентом, превышающим 50. Такие отношения установили близкую связь казахского и казачьего населения. В связи с интересами возникали разные споры между казаками и казаками, заводили дела по жалобам казаков на казахов и наоборот. Чаще и больше всего возбуждалось дел казаками по искам к казахам за похищение скота, потравы лугов и полей казахским скотом, по долговым обязательствам [5. Л. 10].

В свою очередь, казахи предъявляли иски о невыплаченной им заработной плате, о самовольстве и самоуправстве казаков. Что же касается судопроизводства, то зачастую, как свидетельствуют документы, иски сибирских казаков оставались без удовлетворения, а правосудие было на стороне казахов. Вот, к примеру, как рассматривались два дела 1852 г. о взыскании денег с казахов Кушмурунского округа по прошениям урядника Шерстобитова и казака Кокорина [32]. Так, урядник просил взыскать 148 руб. 57 коп. серебром с казахов Еманалы-Киреевской волости, потерявших пять его лошадей, при этом предоставил расписку от казахов. Прошение рассматривал управляющий должностью пограничного начальника сибирских киргизов полковник Клейст. В результате казахи, «по непредставлению просителем доказательств, были оставлены от дела свободными» [32. Л. 4]. В свою очередь, казак Кокорин, не указав сумму, просил взыскать за побои, нанесенные ему казаками того же округа Сиван-Киреевской волости. Однако выяснилось, что «Кокорин никаких улик не предоставил, и вовсе из киргиз, нанесших ему побои, никого не указал, кроме киргиза Тойгунбека Сейкебаева, у которого будто бы ночевал, но тот от всего отрекся и на очной ставке не был уличен. Дело было закрыто с предоставлением казаку права искать доказательства» [32. Л. 5].

Совсем по-другому рассматривались дела, когда они касались высокопоставленных чиновников. Показательно в этом смысле следственное дело 1848 г. по обвинению заседателя Кушмурунского окружного приказа Краузе в нанесении побоев бию Баймурзину и казашке Тлеповой в кочевьях Янсары и Байдалы. В этом случае чиновники, чтобы увести Краузе от ответственности, перевели его в другой приказ – Аман-Карагайский, затем дали ему должность заседателя

Омского земского суда по корчемной части [33. Л. 48]. Аналогичным образом развивались события в деле по обвинению заседателя Аман-Карагайского приказа Барковского и толмача Бадрызинова в присвоении от барантовщиков лошадей [34]. Ушел от ответственности и заседатель Каркаралинского приказа Янов, неоднократно обвиняемый в 1851 г. во взяточничестве и вымогательствах денег с казахов [35].

В Петропавловском уезде возбуждалось много следственных дел по жалобам казахов на казаков, занимающихся рыбной ловлей и гадарным промыслом по озерам в степи и допускающих при этом потравы лугов. «Большинство жалоб предъявляется уездным судьям и станичным судам, часть приносится уездным начальникам, которым, бывало нередко случаев, удавалось приводить стороны к соглашению и прекращать их претензии миром при обоюдной друг другу уступке» [5. Л. 10].

Наиболее сложно, на наш взгляд, развивались отношения казаков и казахов Бухтарминского края, входившего в Бийский округ Томской губернии, затем в Змеиногорский уезд той же губернии [36. С. 53].

В этой местности землю арендовали не казахи у казаков, а наоборот. При этом казаки жаловались, что «правильность аренды у киргизов ничем не обеспечена: «Хочешь на следующую весну посеять хлеб, – глядишь, а киргиз тайно продает уже проданную землю другому, да еще отрицает, что от первого арендатора деньги им уже получены. А не то, случается, пригодишь пашню, вдруг явятся несколько человек киргизов и грозятся отобрать ее, как свою, так что приходится вторично платить за нее. А мы ничего не можем поделать, потому что находимся в загороди (т.е. отовсюду окружены киргизами)» [36. С. 55].

Как свидетельствует Евгений Шмурло, отрезка земли в 1894–1895 гг. для дополнительного надела Алтайской станице оказалась настолько разорительной для казахов, что часть их принуждена была совсем перейти на кабинетские земли: «1-е старшинство волости, в количестве 164 кибиток, часть 2-го, около 40 кибиток, совершенно выбрались в Томскую губернию и там вели свое хозяйство на правах аренды. Казаки же, поселенные в далеком глухом углу, с единственной возможностью прокормить себя земледелием, лишены были главного – пахотной земли. Положение поистине трагическое, и нам невольно припоминаются сказанные казаками в 1896 г. с глухим озлоблением слова: “Не самовольством же нам уходить отсюда: ведь мы люди военные!...”» [36. С. 35–36].

В целом же до 1880 г. сибирские казаки не имели достаточно времени и возможности, чтобы полностью отдаваться хозяйственной деятельности. Служба отвлекала казаков от хозяйства, и поэтому до 1880 г., когда срок службы ограничили, у казаков преобладало скотоводство, требующее меньше рабочих рук, чем, например, хлебопашество. Скотоводство, по местным условиям его ведения, не требовало много рабочих рук, а местные казахи давали дешевую рабочую силу, особенно приспособленную для скотоводческого хозяйства.

В 90-х гг. XIX в. земледелие в казачьих станицах значительно расширилось. Казаки не только были вполне обеспечены продовольствием сами, но избытки

хлеба сбывали на сторону, в степных районах – казахам, около железных дорог и судоходных рек – на железную дорогу и на пароходы [37. С. 172].

Ситуацию с этническим разделением труда в прилинейных регионах разъясняет томский историк В.П. Зинovieв. По его данным, к концу XIX в. межэтническое разделение труда в Семиреченской области, как и в других областях Степного генерал-губернаторства – Акмолинской и Семипалатинской, сохранялось применительно к наиболее крупному казахскому этносу, который по-прежнему занимался традиционным скотоводством. Также следует отметить, что казахи этой области, как и других регионов Сибири, в большинстве своем чуждались городам и почти не занимались индустриальным трудом. В то же время семипалатинские казахи прибегали к земледелию как к основному способу жизнеобеспечения значительно чаще других своих сородичей [22. С. 123].

Казахское население к середине XIX в. в прилинейных регионах значительно выросло. «В 1863 г. в Семипалатинской области проживали 145 675 кочевых инородцев [так называли казахов], оседлых инородцев [ташкентцы, татары, заграничные выходцы] – 1 960 чел.» Общее количество жителей Семипалатинской области составляло 186 027 человек [38. Л. 1–2]. С другой стороны, казахи осваивали новые для себя виды деятельности, свидетельством чему стал рост казахов-купцов. В купеческом сословии числились 954 казаха (купцы с семьями) [38. Л. 2 об.].

Анализ показывает, что сословная идентичность казахов Семипалатинской области практически не была нарушена к концу XIX в. В имперские сословия перешли только 1 722 казаха, из них 573 чел. относились к мещанам. Таким образом, лишь 0,28% казахов Семипалатинской области утратили сословную идентичность, в то же время традиционные занятия животноводством утратили около 27% казахов. Казахи Семипалатинской области в три раза чаще, нежели в Акмолинской области, оставляли традиционное животноводство ради земледелия, однако расстаться с сословным статусом «инородца» не спешили, так как несли более легкие повинности по сравнению с крестьянами или мещанами империи [39. С. 144].

По данным переписи 1897 г., коренные жители Акмолинской области – казахи – занимались преимущественно животноводством – 75 758 чел. (89,1%), земледелием – 3 163 (3,8%), услугами 2 719 (3,3%), торговлей – 924 (1,1%). В остальных сферах хозяйствования были представлены немногие из коренного народа области. В городах жили 6 758 казахов, в том числе самостоятельных – 2 596 чел. [40. С. 153].

Отдельный вопрос – о причинах и движущих силах восстаний казахов против российской власти. Многие российские исследователи, в том числе российский историк Н.А. Середина, основываясь на данных архивов, считают, что главной причиной восстаний казахов против русской власти были действия среднеазиатских государств Хивы и Коканда, а не внутренние социально-экономические мотивы, колонизационная политика Российской империи [41. С. 541].

Такая точка зрения находит подтверждение в документах российских военных. Так, после нападения

предводителя крупнейшего восстания казахов против российской власти Кенесары Касымова на Акмолинское укрепление российские военные сделали вывод, что по расположению центра мятежа – на западе гор Улытау – и доходящим сведениям причиной восстания стали действия правителей Коканда и Хивы. Последние не только снабдили Кенесару порохом и свинцом, но и прислали своих эмиссаров для сбора ясака. Таким образом они намеревались подчинить себе казахов Среднего жуза [42. Л. 46].

В свою очередь, исследователь Н. Балкашин указывает, что Кенесара Касымов десять лет волновал Среднюю и Малую Орды, пытался силой уничтожить органы российской власти в казахской степи, понуждал казахов откочевывать от Оренбургской и Сибирской линий к среднеазиатским странам и при этом сносился с Бухарой и Хивой [11. С. 22–23].

Обратимся непосредственно к документам эпохи. Так, в июле 1834 г. хаким (правитель) Ташкента Лашкар-кушбеги отправил российским подданным – султанам и биям Кокчетавского внешнего округа – воззвание с призывом сопротивляться России. Он также обещал поддержку в случае начала восстания: «Сами же вы приезжайте к нам, для вас под летние кочевки и зимовки в здешней стране мест очень довольно, начиная от рек Семи конуров до рек Чу, Сыр и до урочища Улытау, которые уже опорожня, изготовил. Если бог поможет, то без благодеяния не оставим. Впрочем, ежели чего-то еще вам будет нужно знать, то удостоверьтесь на словах у Калкана-батыра» [43. Л. 169 об.–171 об.].

Также Лашкар-кушбеги в сентябре 1831 г. прислал российским подданным – акмолинскому султану Кобыркульдже Кудаймендину, биям подразделения алтай и карпык племени аргын Среднего жуза – предложение откочевать со своим народом из российских пределов на реки Сыр, Чу и Кобыр, заплатить хану Коканда пошлину, но так, чтобы русские власти об этом не узнали. После того, сообщает Лашкар-кушбеги «с варварами, то есть с русскими, будем вести переговоры». Таким образом, налицо стремление организовать диверсию против российской власти в казахской степи, лишить Россию подданных, а коренных жителей – родной земли [43. Л. 5–6].

Аналогичное письмо в июне 1834 г. Лашкар-кушбеги отправил биям подразделений куандык и сундык племени Аргын Среднего жуза. В нем он призывает восстать против России и откочевать в пределы Кокандского ханства. Он обещает казахам, что «если бог поможет, мы не оставим, чтобы не освободили вас от русского государя, в чем вы, лучшие алтаевцы и карпыковцы, будьте весьма уверены» [43. Л. 135–136].

Одна из крупных откочетов казахов Среднего жуза из русских пределов под влиянием пропаганды Лашкара-кушбеги и под прикрытием отрядов Кенесары Касымова произошла в 1837–1838, затем часть казахов вернулась в прежние места, в российские пределы [42. Л. 26.]

В 1844 г. хивинский хан Рахимкули, также во время восстания Кенесары Касымова, направил письмо султанам-правителям Орды оренбургских казахов (административная единица Российской империи) Баймухаммеду Айчувакову и Араслану Джантюруну в котором требовал, чтобы главнейшие казахские роды Оренбургского ведомства – алимулинский, байулинский и табынский – платили дань Хиве. Хан пишет, что эти роды «с древнейших времен, будучи нашими подданными, платили нам зекет и из Хаварезма (Хивы) выменивали все нужное для них. Пусть этих племен [русские] не касаются, а, сохраняя долг присяги свято, передадут потомству союз дружбы» [44. Л. 40].

Заключение

Начало XIX в. – время активного переселения казахов Среднего жуза в пределы Российской империи, на территорию Томской, Тобольской губерний, Алтайского горного округа. Местные и центральные власти предприняли необходимые меры для встречи и размещения переселенцев. Встречали их с сочувствием, готовностью помочь, и никакого отрицательного отношения, неприятия к ним не было. Делалось все возможное для организации кочевания казахов на новых землях или добровольного перехода их к оседлости. Кроме переселения в пределы России взаимодействие казахов, сибирских казаков и российской администрации налаживалось во внешних округах Омской области, затем функции управления казахами были переданы Пограничному управлению сибирскими киргизами (казахами).

Одной из важнейших задач российской администрации во внешних округах стала борьба с застарелыми проблемами казахского общества: скотокрадством (барантой), межродовыми распрями, спорами за пути кочевания. Правительство России стремилось защитить казахов от самоуправства и произвола, обид со стороны сибирских казаков. Для этого был издан ряд положений законодательного характера. В целом казахи-переселенцы и жители внешних округов были приравнены в правах к жителям Российской империи. Налаживалось взаимовыгодное хозяйственное взаимодействие казахов и казаков. Казахи осваивали новые для себя виды деятельности: земледелие, ремесла, торговлю. В свою очередь, казаки для ведения хозяйства нуждались в рабочих руках казахов. Казахи не только были подсобными рабочими в казахских хозяйствах, но и смогли разбогатеть, вести собственное хозяйство, некоторые из них переходили в купеческое сословие. Наряду с внутренними социально-экономическими мотивами, важнейшей причиной восстаний казахов внешних округов против российской власти была подрывная деятельность среднеазиатских государств Хивы, Коканда, Бухары, считавших этих казахов своими данниками.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 320.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 222. Оп. 1. Д. 11.
3. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1652.

4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 374. Оп. 1. Д. 2489.
5. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2104.
6. Государственный архив города Астаны Республики Казахстан (ГАГА). Ф. 430. Оп. 2. Д. 8.
7. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск : Тип. Окр. штаба, 1904. 201 с.
8. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы : очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001. 582 с.
9. Хорошхин М.П. Казачьи войска : опыт военно-статистического описания. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1881. 67 с.
10. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1854. Т. 3. 115 с.
11. Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1887. 56 с.
12. Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям // Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. 589 с.
13. Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург : Типо-лит. Н.Н. Жаринова, 1898. 215 с.
14. Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М. : Наука, 1976. 371 с.
15. Алексеенко Н.В. К вопросу о торговых связях сибирских крестьян и казаков с казахами в XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 108–113.
16. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. 400 с.
17. Абдиров М. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казачьей колонизации края XVI – начала XX вв.). Астана : Елорда, 2000. 204 с.
18. Аубакирова Х.А. Участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824–1847 гг.). : дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2000. 130 с.
19. Мажитова Ж.С. Военное присутствие в северо-западном Казахстане в XVII–XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 1997. 25 с.
20. Сариева Р.Х. Колониальная политика царизма в Казахстане на примере Тургайской области (1868–1914 гг.). : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 17 с.
21. Дацышен В.Г., Зиновьев В.П., Лысенко Ю.А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 340 с.
22. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в областях Степного генерал-губернаторства по данным переписи населения 1897 г. // Евразийский мир: история, культура, ценности : материалы междунар. науч.-практ. конф. (12 мая 2023 г.). Астана : Казахстан. филиал Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2023. С. 115–123.
23. Аллворт Э. Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. М. : Центрполиграф, 2016. 383 с.
24. Bacon E. Central Asians under Russian Rule: A Study in Culture Change. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1968. XI, 273 p.
25. Malikov Y. Tsars, Cossacks, and Nomads. The formation of a borderland culture in Northern Kazakhstan in the eighteenth and nineteenth centuries. Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2011. 321 p.
26. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. : путевые заметки П.И. Пашино. СПб. : в тип. Тиблена и К° (Неклюдова), 1868. 176 с.
27. ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 88.
28. Катанаев Г.Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб. : Изд. В. Березовский, 1908. Вып. I. 115 с.
29. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1 Д. 2582.
30. Катанаев Г.Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск : Тип. Окр. Штаба, 1893. Кн. XV, вып. II. С. 1–38.
31. Семипалатинский Областной Комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Журналы заседаний 9, 12, 16 и 19 Октября 1902 г. // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. : Тип. Киришбума, 1903. Т. LVII: Степной край. 114 с.
32. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2487.
33. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 832.
34. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 833.
35. ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2493.
36. Шмурло Е.Ф. Русские и киргизы в долине верхней Бухтармы (материалы для истории заселения Бухтарминского края) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Семипалатинск : Типо-лит. Торгового Дома «П. Плещеев и К°», 1907. Вып. 3. 64 с.
37. Сибирский казак : войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска 1582–1932. Харбин : Изд. Войскового представительства Сибирского казачьего войска, 1934. 176 с.
38. ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5297.
39. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Семипалатинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 142–147.
40. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Акмолинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 152–156.
41. Середа Н.А. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838–1847). Ч. 1 // Вестник Европы. 1870. Т. 4, № 8. С. 541–573
42. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569.
43. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 348.
44. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3392.

References

1. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 1. File 320.
2. The State Archives of the Orenburg Region (GAOO). Fund 222. List 1. File 11.
3. The Historical Archives of the Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 1. File 1652.
4. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 2489.
5. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 369. List 1. File 2104.
6. The State Archives of the City of Astana, Republic of Kazakhstan (GAGA). Fund 430. List 2. File 8.
7. Katanaev, G.E. (1904) *Kirgizskiy vopros v Sibirskom kazach'em voyske* [The Kyrgyz Question in the Siberian Cossack Host]. Omsk: Tip. Okr. Shtaba.

8. Aristov, N.A. (2001) *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy: ocherki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan'-Shanya i issledovaniya po ego istoricheskoy geografii* [Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: essays on the history and life of the population of the western Tien Shan and studies on its historical geography]. Bishkek: Ilim.
9. Khoroshkhin, M.P. (1881) *Kazach'i voyska: opyt voenno-statisticheskogo opisaniya* [Cossack troops: A military-statistical description]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
10. Gagemeyer, Yu.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery.
11. Balkashin, N.N. (1887) *O kirgizakh i voobshche o podvlastnykh Rossii musul'manakh* [About the Kirghiz and generally about the Muslims subject to Russia]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
12. Heins, A.K. (1897) *Sobranie literaturnykh trudov Aleksandra Konstantinovicha Geynsa* [Collection of literary works of Aleksandr Konstantinovich Heins]. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
13. Kraft, I.I. (1898) *Sudebnaya chast' v Turkestanskom krae i stepnykh oblastyakh* [Judicial Part in the Turkestan Region and Steppe Regions]. Orenburg: N.N. Zharinov.
14. Appolova, N.G. (1976) *Khozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoy polovine XIX vv.* [Economic development of the Irtysh region in the late 16th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
15. Alekseenko, N.V. (1966) K voprosu o torgovykh svyazyakh sibirskikh krest'yan i kazakov s kazakhami v XVIII – pervoy polovine XIX vv. [On trade relations between Siberian peasants and Cossacks and Kazakhs in the 18th – first half of the 19th centuries]. In: Gorovoy, F.S. (ed.) *Voprosy agrarnoy istorii Urala i Zapadnoy Sibiri* [Issues of the agrarian history of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: [s.n.]. pp. 108–113.
16. Bekmakhanov, E. (1992) *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 1820–1840s]. Alma-Ata: Kazak universiteti.
17. Abdirov, M. (2000) *Zavoevanie Kazakhstana tsarskoy Rossiei i bor'ba kazakhskogo naroda za nezavisimost' (iz istorii voenno-kazach'ey kolonizatsii kraia XVI – nachala XX vv.)* [The conquest of Kazakhstan by tsarist Russia and the struggle of the Kazakh people for independence (from the history of military-Cossack colonization of the region in the 16th – early 20th centuries)]. Astana: Elorda.
18. Aubakirova, Kh.A. (2000) *Uchastie sibirskogo kazachestva v podavlenii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya kazakhskogo naroda pod predvoditel'stvom sultanov Sarzhana i Kenesary Kasymovykh (1824–1847 gg.)* [Participation of the Siberian Cossacks in the Suppression of the National Liberation Movement of the Kazakh People Led by Sultans Sarzhan and Kenesary Kasymov (1824–1847)]. History Cand. Diss. Astana.
19. Mazhitova, Zh.S. (1997) *Voennoe prisutstvie v severo-zapadnom Kazakhstane v XVII–XIX vv.* [Military Presence in Northwestern Kazakhstan in the 17th–19th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Karaganda.
20. Sarieva, R.Kh. (2002) *Kolonial'naya politika tsarizma v Kazakhstane na primere Turgayskoy oblasti (1868–1914 gg.)* [Colonial Policy of Tsarism in Kazakhstan on the Example of the Turgai Region (1868–1914)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
21. Datsyshen, V.G., Zinoviev, V.P., Lysenko, Yu.A. et al. (2019) *Ocherki istorii osvoeniya i izucheniya Severnoy Azii* [Essays on the history of the development and study of Northern Asia]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Zinoviev, V.P. (2023) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v oblastyakh Stepnogo general-gubernatorstva po dannym perepisi naseleniya 1897 g.* [Interethnic division of labor in the regions of the Steppe Governorate-General according to the 1897 population census]. *Evrasiyskiy mir: istoriya, kul'tura, tsennosti* [Eurasian World: History, Culture, Values]. Proc. of the International Conference. May 12, 2023. Astana: Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University. pp. 115–123.
23. Allworth, E. (2016) *Rossiya: proryv na Vostok. Politicheskie interesy v Sredney Azii* [Russia: a breakthrough to the East. Political interests in Central Asia]. Translated from English by L.A. Igorevskiy. Moscow: Tsentrpoligraf.
24. Bacon, E. (1968) *Central Asians under Russian Rule: A Study in Culture Change*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
25. Malikov, Y. (2011) *Tsars, Cossacks, and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag.
26. Pashino, P.I. (1868) *Turkestanskiy kray v 1866 g.: putevye zametki P.I. Pashino* [Turkestan in 1866: P.I. Pashino's travel notes]. St. Petersburg: Tible i Ko (Neklyudov).
27. The Historical Archives of the Omsk Region (IAOO). Fund 67. List 1. File 88.
28. Katanaev, G.E. (1908) *Zapadno-Sibirskoe sluzhiloe kazachestvo i ego rol' v obsledovanii i zanyatii russkimi Sibiri i Sredney Azii* [West Siberian service Cossacks and their role in the exploration and occupation of Siberia and Central Asia by Russians]. Vol. 1. St. Petersburg: V. Berezovskiy.
29. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1 File 2582.
30. Katanaev, G.E. (1893) *Priirtyshskie kazaki i kirgizy Semipalatinskogo uyezda v ikh domashney i khozyaystvennoy obstanovke (k voprosu o kul'turnom vzaimodeystvii ras)* [The Irtysh Cossacks and Kirghiz of the Semipalatinsk District in Their Home and Economic Environment (towards the Question of Cultural Interaction of Races)]. In: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. XV(2). Omsk: Tip. Okr. Shtaba. pp. 1–38.
31. Semipalatinsk Regional Committee on the Needs of the Agricultural Industry. (1903) *Zhurnaly zasedaniy* 9, 12, 16 i 19 Oktyabrya 1902 g. [Minutes of the Meetings of October 9, 12, 16, and 19, 1902]. In: *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti* [Works of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry]. T. LVII. St. Petersburg: Kirsbbum.
32. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 2487.
33. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 832.
34. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 833.
35. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 374. List 1. File 2493.
36. Shmurlo, E.F. (1907) *Russkie i kirgizy v doline verkhney Bukhtarmy (materialy dlya istorii zaseleniya Bukhtarminskogo kraia)* [Russians and Kirghiz in the Upper Bukhtarma Valley (materials for the history of the settlement of the Bukhtarma region)]. In: *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Semipalatinsk Subdivision of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 3. Semipalatinsk: Tipo-lit. Tor-govogo Doma "P. Pleshcheev i Ko."
37. Berezovskiy, E.P. (ed.) (1934) *Sibirskiy kazak: voyskovoy yubileyyny sbornik Sibirskogo kazach'ego voyska 1582–1932* [Siberian Cossack: Military jubilee collection of the Siberian Cossack army 1582–1932]. Harbin: Military Representative Office of the Siberian Cossack Army.
38. The Historical Archives of the Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 4. File 5297.
39. Zinovyev, V.P. (2023) Interethnic division of labor in the Semipalatinsk region according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 142–147. (In Russian).
40. Zinovyev, V.P. (2023) Interethnic division of labor in the Akmola region according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 152–156. (In Russian).
41. Sereda, N.A. (1870) *Bunt kirgizskogo sultana Kenisary Kasymova (1838–1847)*. Ch. 1 [Rebellion of the Kyrgyz Sultan Kenisary Kasymov (1838–1847). Part 1]. *Vestnik Evropy*. 4(8). pp. 541–573
42. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 405. List 6. File 1569.
43. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1264. List 1. File 348.
44. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund I-4. List 1. File 3392.

Сведения об авторе:

Прохоров Игорь Русланович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального архива Республики Казахстан (Астана, Казахстан). E-mail: prohorov1974@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Prokhorov Igor R. – Cand. Sci. (History), research fellow, National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: prohorov1974@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 26.10.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 94(470/476.42)“1941/1944”

doi: 10.17223/19988613/94/12

Миф о «Новой Европе»: немецкая пропаганда для оstarбайтеров на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь)

Елена Анатольевна Пушкаренко¹, Сергей Александрович Третьяк², Иван Иванович Янушевич³

¹ Российская таможенная академия, Люберцы, Россия

² Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

³ Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

¹ pushkarenko-elena@mail.ru

² modernhistbel@mail.ru

³ ivan-jan@yandex.ru

Аннотация. Анализируется содержание материалов немецкой пропаганды для оstarбайтеров на материалах Генерального округа Беларусь. Мифологема о «Новой Европе» активно использовалась как в разжигании националистических чувств и создании определенной социальной опоры среди местного населения в лице коллаборационистов, так и при выполнении эксплуатационных задач и планов. При этом эффективность идеологического воздействия на белорусское население округа нивелировалось рядом факторов: крайне жестоким оккупационным режимом, в том числе политикой «выжженной земли», и советской контрпропагандой.

Ключевые слова: Генеральный округ Беларусь, Великая Отечественная война, немецкая пропаганда, миф о «Новой Европе», оstarбайтеры, коллаборационисты, В. Кубе

Для цитирования: Пушкаренко Е.А., Третьяк С.А., Янушкевич И.И. Миф о «Новой Европе»: немецкая пропаганда для оstarбайтеров на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 95–102. doi: 10.17223/19988613/94/12

Original article

The myth of the “New Europe”: German propaganda for ostarbeiters in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)

Elena A. Pushkarenko¹, Sergey A. Tretyak², Ivan I. Yanushevich³

¹ Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian Federation

² Institute of History National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

³ Belarusian State University, Minsk, Belarus

¹ pushkarenko-elena@mail.ru

² modernhistbel@mail.ru

³ ivan-jan@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of German propaganda for ostarbeiters in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus). The purpose of the study is to consider the features of the thematic direction of German propaganda called "New Europe", to determine its target audience among the population of the General District of Belarus, to evaluate the effectiveness of German propaganda. The sources for writing the work were the documents of the National Archive of the Republic of Belarus (NARB), the Russian State Military Archive (RGVA), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Research methods – analysis, synthesis, comparison.

The problem of German propaganda for potential ostarbeiters within the individual Soviet republics of the occupied USSR during the Great Patriotic War remains a little-studied problem until recently. Propaganda was an instrument of manipulation of the mass consciousness and a means of fulfilling the economic and operational plans of the German occupation authorities. In addition, the mythologeme of the «New Europe» was actively used by German propagandists to incite nationalist feelings and create a certain social support among the local population in the person of collaborators. It should be noted that the policy and propaganda of the German occupation authorities within the General District of Belarus had a number of specific features that were caused by a number of objective factors. Among them, it is necessary to mention the mass partisan movement, the partisan counter-propaganda, the long previous period of stay of this territory as part of other states, the peculiarities of the mentality of the local population. The German civil administration

of the district, represented by V. Kube and his successor K. von Gottberg, made the main bet in the implementation of the occupation plans on ideological means. The propaganda of the myth of the «New Europe» was supposed to encourage potential workers from the East to voluntarily send them to work in the "Reich". At the same time, a wide variety of forms and methods of influence were involved: the media, holding holidays, organizing excursions to Germany, radio propaganda.

The authors concluded that the effectiveness of the German ideological influence on the local Belarusian population was minimal. In general, the reaction of the population of the district to the German propaganda was characterized by a high degree of distrust and skepticism, since the content of the propaganda materials was in sharp contrast to the harsh reality. The policy of «scorched earth», methods of fighting against partisans, the genocide of Jews, the practice of forced recruitment of potential ostarbeiters – all this together leveled the slogans of German propaganda about the prospects of life and work of Belarusian ostarbeiters in Nazi Germany.

Keywords: General District of Belarus, the Great Patriotic War, German propaganda, the myth of the “New Europe”, ostarbeiters, collaborators, V. Kube

For citation: Pushkarenko, E.A., Tretyak, S.A., Yanushevich, I.I. (2025) The myth of the “New Europe”: German propaganda for ostarbeiters in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 95–102. doi: 10.17223/19988613/94/12

Пропаганда всегда выступала мощным инструментом влияния на массовое сознание. Пропагандистские акции предшествовали и сопровождали военные экспансии, «крестовые походы», ограбление колоний. Период Второй мировой войны в истории человечества ознаменовался расцветом идеологии как инструмента формирования общественного мнения и обоснования устремлений и ценностей создателей третьего рейха. При этом многие современные пропагандистские штампы являются калькой слоганов пропаганды Геббельса [1]. В годы Великой Отечественной войны немецкая пропаганда активно эксплуатировала на оккупированной советской территории мифологему о «Новой Европе». Ее современным аналогом является идея принадлежности к «цивилизованному» Западу. Вхождение в этот круг избранных народов и стран преподносится как залог и гарантия будущего благополучия народа и суверенитета государства. Но так ли это? Исторические документы из фондов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) периода Великой Отечественной войны свидетельствуют об обратном.

В настоящее время Россия стала объектом многочисленных попыток со стороны коллективного Запада изменения ее культурного, ценностного и исторического кода. Предпринимаются попытки исказить историческую правду, в том числе знания о Второй мировой войне. В массмедиа, а зачастую и в исследованиях профессиональных историков, можно встретить идеологические клише из арсенала геббельсовской пропаганды. В этой связи данное исследование представляется актуальным и значимым. Только воссоздание целостной и достоверной картины последней мировой войны поможет избежать подобных исторических ошибок в будущем. Новизна данного исследования обусловлена его объектом.

В отечественной и зарубежной историографии крайне мало работ, посвященных специфике содержания пропаганды немецких властей на территории оккупированных советских республик, в данном случае БССР. Существующие советские и западные исследования в силу объективных причин были лишены ис-

точниковой базы, ставшей основой для данной работы [2–7]. В советское время это было связано с идеологическими запретами и установками, ведь немецкая пропаганда нередко содержала критику реальных недостатков советской экономической и политической модели (политические репрессии, раскулачивание, методы коллективизации и т.д.) [3, 6, 7]. Поэтому главным предметом изучения историков применительно к обозначенной проблеме были партизанская контрпропаганда и партизанское движение как таковое [7, 8]. В настоящее время недостаточная изученность вопроса во многом обусловлена недоступностью архивных источников для российских историков на постсоветском пространстве, поэтому их основным объектом исследования в контексте указанной проблемы стало изучение немецкой пропаганды в пределах отдельных оккупированных частей РСФСР либо отдельных аспектов советско-германского идеологического противостояния [9]. Зарубежные историки также провели исследование данной проблемы лишь частично. Например, анализ и систематизацию периодических изданий немецких оккупационных властей на территории Генерального округа Беларусь осуществил белорусский историк С.В. Жумарь [10], изучение пропагандистских материалов, ориентированных на сельское население округа, предприняла А.А. Мигунова [11]. Польский историк Ю. Туронек исследовал специфические черты оккупационной политики немецкой гражданской администрации на территории округа, уделив особое внимание роли в ней пропаганды [12]. Немецкий историк Й. Шлоотц в конце 90-х гг. прошлого столетия провел анализ содержания изобразительных средств немецкой пропаганды в Генеральном округе Беларусь (листовок, обращений к населению, «пропусков» для партизан и т.д.), однако всеохватывающего и системного исследования проблемы проведено не было [13]. Сравнительно недавно стала объектом исследования тема политических настроений населения на оккупированной территории, его реакции на вражескую пропаганду [13, 14], а также проблема коллаборационизма, в том числе белорусского, сыгравшего существенную роль в реализации оккупационных планов нацистов [15]. Таким образом, проблема немецкой пропаганды на оккупированной советской территории

требует дальнейшего детального и системного осмысления.

В настоящем исследовании его объект ограничен конкретными временными и территориальными рамками. Немецкая пропаганда в пределах различных оккупированных административных единиц СССР и в разные периоды Великой Отечественной войны имела ряд особенностей. В данном случае был проведен анализ немецких пропагандистских материалов 1941–1944 гг., распространявшихся в границах Генерального округа Беларусь. Следует отметить, что в Генеральный округ Беларусь входила 1/4 часть территории довоенной БССР, а ее остальные части входили в состав Генерального округа Литва рейхскомиссариата Остланд, генеральных округов Волыния и Житомир рейхскомиссариата Украина, округа Белосток и территорию тыла группы армий «Центр» [16. С. 7].

Пропаганда в оккупационной политике немецкой гражданской администрации Генерального округа Беларусь играла особую роль. Глава немецкой гражданской администрации В. Кубе большое внимание уделял содержанию и формам идеологического воздействия на местное население. В частности, он считал, что для успешного господства в белорусском крае необходимо учитывать «его наиболее тяжелое положение среди стран рейхскомиссариата Остланд». Причину этого он видел «в более чем 20-летнем нахождении Беларуси под властью Польши и большевиков». «В Беларуси положение осложняется еще и тем, что здесь постоянно проходят войска, а теперь остались коммунисты и партизаны. В годы советской власти на белорусских землях хорошо жили евреи и русские, а местные рабочие, крестьяне, ученые находились под жидовским гнетом. Культура Беларуси уничтожалась: церкви разграбили большевики, а поляки проводили полонизацию. Чтобы навести здесь порядок, – отмечал Кубе, – необходимо в первую очередь уничтожить большевизм и его последствия, остановить рост партизанского движения, провести реприватизацию, поднять зарплату местным служащим и рабочим до уровня Прибалтики, начать издание белорусскоязычной литературы, особенно учебников». Он считал необходимым развивать школьную систему, запретить употребление русского и польского языков как отголоска большевистского и польского режимов. Кубе предложил наладить отношения с православной церковью и «попытаться найти взаимопонимание с католической» [17. Л. 151].

К идее большего использования в оккупационной политике идеологических средств обратился и командующий областью тыла группы армий «Центр» Шенкендорф. В его распоряжении от 21 октября 1941 г. обращается особое внимание на их значение: «Для борьбы с советской пропагандой должны быть использованы все возможные средства. К ним относится и белорусизация. Белорусские люди, которым мы можем доверять, должны быть привлечены к проведению белорусизации на местной почве. Одной из целей является забота о сохранении белорусских обычаев, песен, музыки, создание детских садов, организация производства товаров повседневного спроса, содействие развитию белорусского языка, проведение театраль-

ных мероприятий... В указанных видах деятельности можно предоставлять свободу действий; только нужно обращать внимание на то, чтобы рядом с культурной деятельностью ни в коем случае не проглядывались политические цели; нужно вести контроль за такими объединениями» [17. Л. 151].

Следует отметить, что В. Кубе изначально сделал ставку на пропаганду как средство реализации оккупационных экономических и политических задач. Его двухлетняя деятельность в должности генерального комиссара была направлена на приобретение симпатий населения путем определенных уступок, по крайней мере внешних, в области культуры, религии, образования. Уже в его первом обращении «К жителям Беларуси» от 22 сентября 1941 г. в общих словах декларировалось свободное развитие края в составе так называемой «Новой Европы». В нем говорилось: «Белорусы! Первый раз в вашей истории победа Германии дает вам возможность обеспечения вашему народу свободного развития и светлого будущего без российско-азиатско-большевистского гнета и чужеземного владычества. Я надеюсь, что каждый из вас понимает, что его интересы тесно связаны с интересами Германии, и что вы будете верными последователями и помощниками немецкого руководства» [12. С. 123].

Большинство пропагандистских акций было так или иначе связано с темой «Новой Европы». Это понятие выступало как неизменный идеологический агитационный штамп в материалах, адресованных белорусским оstarбайтерам, и белорусской интеллигенции. В июле 1942 г. Кубе в очередной раз заявил, что только в союзе с нацистской Германией белорусский народ обретет «европейскую жизнь и европейскую свободу» [18. Л. 5]. Фактически предложенная Кубе мифологема о «Новой Европе» стала впоследствии активно использоваться средствами пропаганды на территории округа, особенно в таких ее разделах, как превентивные агитационные кампании, предшествовавшие вербовкам оstarбайтеров, а также в контексте пропаганды национализма и привлечения национально ориентированной интеллигенции в число активно сотрудничавших с оккупантами коллаборационистов.

Военная экономика нацистского рейха испытывала острый недостаток рабочих рук, восполнить который можно было, только прибегнув к использованию труда работников из оккупированных стран Европы и СССР. Стимулом для добровольной отправки на работу в рейх могло стать только создание привлекательной перспективы жизни и работы в Германии, некой идеальной картины, созданной на противопоставлении с условиями жизни и труда советских людей в колхозах и на предприятиях. Так и пребывание белорусских оstarбайтеров в рейхе должно было быть организовано с учетом особенностей менталитета и культурно-исторических традиций белорусов. Подтверждением вышесказанному является цитата из газеты, издававшейся в округе немецкими властями: «Мы знаем: на примере советской пропаганды белорусы стали относиться критически к любой пропаганде, так как за советской пропагандой не стояло никаких практических действий. На всех иностранных рабочих в рейхе – ис-

ключая военнопленных, занятых на работах, – распространяются записанные в трудовом договоре правила социального, трудового и правового обеспечения в Германии. Таким образом, Германия дает иностранному рабочему все, что в ее силах: постоянное медицинское обслуживание, хорошее питание и жилищные условия, духовную пищу, возможность заработать большие деньги для своей семьи. Два миллиона иностранных рабочих, которые находятся в настоящее время в рейхе, являются красноречивым доказательством, что оба партнера довольны данной политикой великодушия и взаимного доверия. Белорусы, которые через несколько месяцев поедут в рейх, также смогут прийти к такому мнению и убедиться, какое бесконечное различие находится между советскими обещаниями пропаганды и немецким делом» [19. Л. 45].

Однако даже педантичная немецкая подготовка к проведению вербовочных кампаний давала сбои и содержала ряд упущений. Обличая советскую пропаганду, власти нацистского рейха не слишком заботились о соответствии реальной практике своих собственных обещаний. Информация об истинном положении вещей с белорусскими оstarбайтерами в Германии доходила до родных и близких завербованных и создавала целый ряд препятствий как для проведения вербовочных акций, так и для воздействия немецких пропагандистов. Например, гебитскомиссар Глубокского округа П. Гахман рапортовал в сентябре 1943 г. Кубе, что «изо дня в день увеличивается число жалоб о плохом обращении в рейхе с рабочими, вывезенными туда из Глубокского района. Они пишут своим родным о том, что их поместили в лагерь вместе с военнопленными и обращаются с ними, как с таковыми. Повсюду раздаются жалобы на то, что их держат взаперти и после работы. Родные приносят заверенные районными бургомистрами справки о том, что их работающие в Германии дети не состояли в большевистских организациях, и тем самым отсюда хотят помочь их положению там. Такое обращение, конечно, в пропагандистском отношении не в нашу пользу. Учитывая современное политическое положение, только хорошие вести могут удержать население от симпатий или даже от договоренности с партизанами. Я прошу обратить внимание соответствующих учреждений на то, что повсеместное плохое обращение с рабочими в рейхе может иметь опасные последствия для нашей работы на оккупированной территории» [20. Л. 176].

В обращениях представителей белорусского коллаборационизма к немецким властям также содержится целый ряд рекомендаций по совершенствованию вербовочных акций. Например, в докладе главы Белорусской народной самопомощи (БНС) И. Ермаченко на имя В. Кубе от 10 сентября 1942 г. высказываются следующие соображения: «...категория людей, на которых следует обратить внимание Вашего превосходительства, – это белорусские рабочие. Эти честные труженики за период жидовско-большевистского гнета так были обезличены и пригнетены, что до сих пор еще находятся под этим коварным влиянием. Им необходимо создать условия труда приблизительно такие, какие имеет германский рабочий. Кроме того,

он [белорусский оstarбайтер] должен получить из государственных земельных фондов маленький кусочек земли, на котором мог бы построить себе домик и огород, где он смог бы в свободное время копаться. Одним словом, восстановить собственность и создать новый слой частных собственников, на которых тоже могло бы опереться государственное управление. В Беларуси есть еще много рабочих резервов, которые можно было бы использовать в Германии, но для этого необходимо коренным образом изменить отношение германских властей к белорусскому рабочему. Ведь нельзя забывать, что это тоже люди. Приехав в Германию, рабочий получает нашивку “Ост”, которую он будет носить с болью, ибо он видит в этом для себя обиду, сравнение с жидом, носящим тоже нашивку, или с поляком. Эти нашивки оскорбляют его национальное сознание. Кроме того, необходимо уравнивать наших рабочих, которые приехали добровольно, в правах с другими, например чешскими рабочими. Ведь это же несправедливо, если чешские рабочие, которые, конечно, намного меньше лояльны, чем белорусы, имеют намного больше прав, чем белорусы. Мне кажется, что мы, прежде всего, должны думать, какой ценой выиграть войну и при этом завоевать симпатии тех рабочих, которые работают, чтобы помочь эту войну выиграть. Что же мы видим у наших рабочих. Работая в Германии и видя к себе несправедливое отношение, они испытывают не любовь, а ненависть к Германии. А ведь так немного нужно, чтобы изменить это отношение в пользу Германии! Ведь наш рабочий очень неприхотлив, он всю жизнь тяжело работал и, если к нему хоть немного более внимательно отнестись, то он будет боготворить Германию и будет для нас лучшим агитатором... Если нам удастся урегулировать рабочий вопрос, это даст нам огромное оружие в борьбе против так называемых партизан» [21. Л. 72–86].

Чтобы создать видимость заботы о белорусских рабочих в рейхе, а также стимулировать добровольные вербовки, для местных пропагандистских кадров был разработан ряд рекомендаций с учетом наиболее актуальных вопросов. В частности, немецким агитаторам следовало обращать внимание на то, что белорусские работники в Германии будут получать за свой труд равную оплату, а также равные надбавки за производительность, сложность, тяжелые условия труда; что есть возможность отправлять заработанные деньги на родину, и они будут переданы семье; что есть возможность положить заработок под проценты в банк, а оставшаяся на родине семья в случае нужды сможет получать ежемесячную выплату в размере 130 рублей. Особо обращалось внимание на то, что «восточные работники» в Германии смогут получать бесплатную медицинскую помощь, а также пользоваться правом свободной почтовой переписки. Подчеркивалось, что им предоставляется свободное время, которое они смогут посвятить занятиям в музыкальных, танцевальных, ремесленных коллективах, что они смогут слушать радиопередачи с развлекательными программами и правительственными сообщениями на немецком и родном языках. Особый акцент ставился на том, что «восточные работники», а также их родственники бу-

дуг пользоваться преимуществами при выделении участков земли [22. Л. 17].

Особым разделом пропаганды, ориентированной на оstarбайтеров, стала критика социальной политики советской власти и ее сравнение с политикой германского правительства. Известно, что с первых дней оккупации население округа ощутило на себе ряд нововведений в области социального обеспечения: например, врачебная помощь и получение образования стали платными. При этом газеты и листовки объясняли подобные меры новых властей потребностями военного времени, «нуждами фронта», от обеспечения которых население вскоре будет полностью освобождено. Но понятно, что одни пропагандистские лозунги не могли решить текущие социально-экономические вопросы. Людей надо было обеспечивать продовольствием, решать их насущные бытовые вопросы. При этом партизанская контрпропаганда сообщала о реальном положении восточных работников в рейхе, а также о том, что зарплаты на территории округа самые низкие по сравнению с другими территориями Остланда, не говоря уже о Германии. На это быстро отреагировали немецкие власти: в декабре 1941 г. было опубликовано постановление В. Кубе «О политике в области зарплаты», которое предусматривало сохранить тот уровень, который существовал до 20 июня 1941 г. (в пересчете на марки), что объяснялось такой гуманной целью, как «предупреждение роста цен и инфляции» [23. Л. 58]. Однако те, кто, возможно, рассчитывал на какие-то позитивные изменения, были разочарованы последующим постановлением в области трудовых отношений и зарплат от 21 октября 1942 г. Оно полностью повторяло содержание закона об отношениях между работниками и хозяевами предприятий, действовавшего на территории Германии. Постановление создавало только видимость заботы государства о народе, поскольку собственники предприятий не имели права увольнять работников или снижать им зарплату, но и работники не могли перейти на другое предприятие в поисках больших заработков. Нарушение трудового договора той либо иной стороной, отказ работать на данном рабочем месте и снижение производительности труда строго наказывались.

Пропаганда нового трудового законодательства должны были служить марионеточные профсоюзы, организованные в августе 1942 г. по приказу В. Кубе по образцу немецких. В инструкции для пропагандистов касательно освещения этого события, говорилось, что акцент в ходе пропагандистских акций нужно делать на том, что белорусские профсоюзы призваны заботиться о материальном обеспечении трудящихся, проведении ими свободного времени, а также о здравоохранении. Создание профсоюзов по примеру «Немецкого трудового фронта» якобы должно было повысить производительность труда, а то, что они избавлены от необходимости вести «классовую борьбу», является историческим достижением и одновременно создает основу для возрождения Беларуси. Подчеркивалось, что другой важной задачей генерального комиссара и его подчиненных будет медицинское обеспечение белорусского населения [17. Л. 37–39]. Пропаганда

социальных прав и гарантий подспудно работала на сказочный образ «Новой Европы» и должна была стимулировать белорусских работников к добровольной вербовке на предприятия рейха.

Образ идеальной, привлекательной для жизни рядового обывателя Германии создавался через устные выступления пропагандистов-референтов, радиопередачи, публикации в газетах. Практиковались даже так называемые «экскурсии» белорусских крестьян и рабочих для знакомства с условиями жизни в нацистском рейхе, по итогам которых проходили пропагандистские акции. Например, в Минской газете 24 декабря 1942 г. была опубликована статья под заголовком «Возвращение в Белоруссию», в которой от имени бывшего колхозника-белоруса рассказывалось о преимуществах жизни и труда в гитлеровской Германии, о достоинствах немецкой промышленности и сельского хозяйства. «Мы сами убедились, что восточные рабочие живут в рейхе хорошо», – утверждал вымышленный автор и приводил целый ряд доводов. «Везде мы видели, что война в Германии не чувствуется. Там не было оборванных и неряшливых людей, а жизнь в городах и деревнях не отличается от мирной. Мы говорили с крестьянами, которые живут в трех-четырехкомнатных квартирах. Крестьяне, работающие по найму, получают жилье, 1,5 га земли, две коровы, а в мирное время три свиньи, которые питаются вместе с хозяйскими свиньями во дворе. Куда бы мы ни приходили, мы везде видели что-нибудь новое. Во время всех наших посещений мы замечали, что в Германии для всего находится применение и там ничего не пропадает в сельском хозяйстве. В каждом округе имеются одна или две сельскохозяйственные школы, где обучаются молодые крестьяне. Когда мы сами себя спрашивали о том, что же мы увидели в Германии, то мы говорили себе, что не сможем и через сто лет достичь в Беларуси того, что имеет сегодня Германия» [19. Л. 48].

Этот сказочный образ мог стать «реальностью» для белорусов в случае добровольной вербовки и отправки в рейх. Однако пропаганда работала шире: помимо решения вопроса об увеличении поставок на предприятия рейха рабочих рук из оккупированных республик СССР, она была нацелена на достижение еще одной, стратегически важной цели – создание в тылу вермахта не только стабильной и надежной сырьевой базы, но и социальной опоры в лице националистических, коллаборационистских сил. Чтобы привлечь последних, мало было пообещать равную оплату на предприятиях и в частных хозяйствах нацистской Германии. Следовало создавать мифологический образ свободной Беларуси в составе так называемой «Новой Европы», построенный на контрасте с советским этапом развития белорусского края. Типично в этом смысле содержание одной из листовок, адресованной белорусскому населению. «Белорусы и белоруски! – говорилось в ней. – Европа зовет вас на работу в Германию. Миллионы немецких мужчин, а с ними тысячи представителей других народов Европы сплотились с оружием в руках в борьбе с большевизмом. 25 лет вы были заложниками советской системы. Вас мучили в колхозах и совхозах, на принудительных работах в Сибири.

Многие из Ваших близких там погибли, и Вы их никогда не увидите. Но теперь Вас призывает к борьбе Европа! Объединяйтесь в европейский фронт борьбы! Ваш лозунг: борьба с большевизмом и его жидовскими прислужниками! Работа для Европы – это возрождение Беларуси! Свобода европейских народов в объединенной Европе – это наилучшая цель!» [24. С. 134].

В пропаганде мифа о «Новой Европе» особый акцент был сделан на разжигании национализма и формировании корпуса белорусских коллаборационистов. Так, в 1943 г. по инициативе В. Кубе в округе прошла пропагандистская кампания о «нордической крови белорусов». Так называемая «теория» декларировала, что по своему этническому происхождению белорусы стоят на более высокой ступени, чем русские. Это объяснялось тем, что белорусы, а вместе с ними украинцы и «русские Севера», «имели общие этнические корни с викингами и развивались под их культурным влиянием» [25. Л. 90].

Однако белорусские коллаборационисты наивно рассчитывали, что признание пропагандой особого родства с викингами и издание националистических брошюр выльется в признание суверенитета Беларуси. Пропганда и политическая практика немецких властей диаметрально расходились, что вызывало недоумение в среде самих коллаборационистов. Так, в марте 1943 г. Центральная рада БНС составила меморандум по вопросам национальной политики и направила его В. Кубе. «Белорусская интеллигенция не может противостоять вражеской пропаганде, поскольку сама не знает конкретных условий вступления Беларуси в Новую Европу, – говорилось в нем. – Съезд считает целесообразным предложить следующие мероприятия, которые еще могут вернуть энтузиазм в народе для борьбы за Новую Европу: обозначить идеологическую и организационную основу вхождения Беларуси в состав Новой Европы, признать ее независимость; создать национальное правительство, которое объявит об отделении от СССР и объявит ему войну как врагу белорусского народа; отменить большевистские законы; организовать Белорусскую Национальную Армию; привлечь в Беларусь эмигрантские силы» [26. Л. 3–4]. Но подарка в виде суверенитета от своих «освободителей» белорусские коллаборационисты так и не дождались. Более того, за годы оккупации белорусская земля претерпела от своих «освободителей» не только истребление каждого третьего жителя, но и самое бессовестное разграбление культурных, исторических ценностей, экономике республики был причинен огромный материальный ущерб.

Внешне привлекательная мифологема о «Новой Европе» не принесла ожидаемых результатов ни в плане активизации добровольных вербовок, ни в плане разжигания националистических чувств и создания социальной базы оккупационного режима в лице массовой коллаборации. За годы оккупации не менее 380 тысяч белорусов были вывезены гитлеровцами на принуди-

тельные работы в рейх [27. С. 26]. В ответ на насильственный угон людей советское правительство заявило протесты на международном уровне. Советская пропаганда публиковала разоблачительные материалы о положении принудительно вывезенных в Германию работников. Однако самым действенным средством дискредитации вербовочных акций стали транспорты так называемых «возвращенцев». В 1942–1943 гг. «непригодных» восточных рабочих (больных, старых, беременных), от которых отказались предприятия в Германии, привозили обратно. По данным Центрального управления восточного министерства, в 1942 г. вернулись примерно 80–100 тыс. человек [24. С. 224]. Состояние этих изможденных и больных людей производило на население оккупированной территории ужасное впечатление. Внешний вид вернувшихся оstarбайтеров, сообщения и письма о положении восточных рабочих в рейхе, эскалация насильственных мер при вербовке не остались без последствий. Уже весной 1942 г. число добровольцев стало стремительно уменьшаться, при этом принудительные меры по вывозу рабочей силы в рейх только возросли. Во многом это обусловило рост партизанского движения и создало тем самым угрозу военно-экономическому потенциалу вермахта, материальному обеспечению войск на востоке. Следует отметить, что в рядах партизан, действовавших на территории Беларуси, насчитывалось около 374 тыс. человек, объединенных в 213 партизанских бригад и 258 отдельно действовавших отрядов [7. С. 123]. Партизанские формирования являлись действенной преградой на пути угона людей на работу в Германию.

Оценивая эффективность немецкой пропаганды на белорусской земле, необходимо учитывать существовавшее в годы войны административное деление и политику оккупационных властей. Так, по мнению ряда историков, в центральной и восточной частях оккупированной БССР настроения населения стали более активными уже в первый период войны [28. С. 96], в них ярче проявилась просоветская позиция (кроме западной части региона, где германские оккупанты проводили более осторожную политику) [9. С. 23]. В июне 1942 г. ЦК КП(б)Б докладывал в ЦК ВКП(б), что «население Белоруссии все более озлобляется против немецких захватчиков», и антигерманские настроения «перерастают в народное движение» [29. Л. 9]. Эти утверждения соответствовали истине, так как Беларусь стала одним из главных центров сопротивления оккупантам, в котором принимали активное участие представители местного населения.

Таким образом, пропаганда мифа о «Новой Европе» не принесла оккупационным немецким властям ожидаемого эффекта. Принудительные вербовки, осуществление политики «выжженной земли» в зонах действия партизан, советская контрпропаганда минимизировали эффект пропаганды и сводили усилия немецких пропагандистов к нулю.

Список источников

1. Пушкаренко Е.А., Мамаева Т.П., Пушкаренко М.С. Пропганда как инструмент политики немецких оккупационных властей на Востоке // Великая Отечественная война в памяти поколений : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне / отв. ред. Т.П. Мамаева, 2020. С. 48–58.

2. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944) : о роли вермахта и его руководящих органов в организации оккупационного режима на советской территории. М. : Воениздат., 1974. 387 с.
3. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма : исторические очерки, документы и материалы : в 2 т. М. : Наука, 1973. Т. 1. 766 с.
4. Herbert U. *Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „Auslandereinsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. Berlin : J.H.W. Dietz, 1985. 265 S.
5. Факторович А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. Минск : Наука и техника, 1979. 150 с.
6. Юденков А. Ф. Политическая работа партизан среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М. : Мысль, 1971. 358 с.
7. Беларусь партизанская : иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск : Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. 352 с.
8. Беларусь в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. А. Коваленя. Минск : БелТА, 2005. 529 с.
9. Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР. Национальный и религиозный аспекты : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. 41 с.
10. Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1995. 129 с.
11. Мігунова А.А. Нямецкая прапаганда сярод вясковага насельніцтва Генеральнага Камісарыята Беларусі (ГКБ) у 1941–1944 гг. // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. 1998. № 4. С. 101–106.
12. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск : Беларусь, 1993. 236 с.
13. Шлоотц Й. Немецкая пропаганда в Беларуси 1941–1944 : конфронтация между пропагандой и действительностью. Берлин : Свободный университет, 1997. 80 с.
14. Чехлов В.Ю. Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941–1944 гг. (на примере Белорусской ССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 32 с.
15. Романько О.В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М. : Центрполиграф, 2013. 478 с.
16. Остарбайтеры. Принудительный труд белорусского населения в Австрии. Документы и материалы = Ostarbeiter. Weißrussische Zwangsarbeiter in österreichisch Dokumente und Materialien. Graz–Minsk, 2003. 331 с.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 1272.
18. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1363к. Оп. 5. Д. 67.
19. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 410.
20. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 483.
21. НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 5.
22. НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 26.
23. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 577.
24. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : документы и материалы : в 2 кн. / сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. Минск : НАРБ, 1997. Кн. 2. 304 с.
25. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1355.
26. НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 2.
27. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : документы и материалы : в 2 кн. / сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. Минск : НАРБ, 1996. Кн. 1. 304 с.
28. Майнер С.М. Сталинская священная война: религия, национализм и союзническая политика: 1941–1945. М. : РОССПЭН, 2010. 407 с.
29. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 66.

References

1. Pushkarenko, E.A., Mamaeva, T.P. & Pushkarenko, M.S. (2020) Propaganda kak instrument politiki nemetskikh okkupatsionnykh vlastey na Vostoke [Propaganda as an Instrument of Policy of the German Occupation Authorities in the East]. In: Mamaeva, T.P. (ed.) *Velikaya Otechestvennaya vojna v pamyati pokoleniy* [The Great Patriotic War in the Memory of Generations]. [s.l., s.n.]. pp. 48–58.
2. Müller, N. (1974) *Vermakht i okkupatsiya (1941–1944): o roli vermakhta i ego rukovodyashchikh organov v organizatsii okkupatsionnogo rezhima na sovetsoy territorii* [The Wehrmacht and the Occupation (1941–1944): On the Role of the Wehrmacht and Its Leadership Bodies in Organizing the Occupation Regime on Soviet Territory]. Moscow: Voenizdat.
3. Dashichev, V.I. (1973) *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy* [Bankruptcy of the Strategy of German Fascism: Historical Essays, Documents and Materials]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Herbert, U. (1985) *Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „Auslandereinsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. Berlin: J.H.W. Dietz.
5. Faktorovich, A.A. (1979) *Krakh agrarnoy politiki nemetsko-fashistskikh okkupantov v Belorussii* [Collapse of the Agrarian Policy of the Nazi Invaders in Belarus]. Minsk: Nauka i tekhnika.
6. Yudenkov, A.F. (1971) *Politicheskaya rabota partizan sredi naseleniya okkupirovannoy sovetsoy territorii (1941–1944 gg.)* [Political Work of Partisans Among the Population of the Occupied Soviet Territory (1941–1944)]. Moscow: Mysl'.
7. Litvin, A.M. (ed.) (2019) *Belarus' partizanskaya: illyustrirovannaya entsiklopediya partizanskogo dvizheniya v Belarusi v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [Guerilla Belarus: an illustrated encyclopedia of the guerilla movement in Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk: The Petrus Brouki Belarusian Encyclopedia.
8. Kovalenya, A.A. (ed.) (2005) *Belarus' v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk: BelTA.
9. Sinitsyn, F.L. (2018) *Sovetsko-germanskoe ideologicheskoe protivoborstvo na okkupirovannoy territorii SSSR. Natsional'nyy i religioznyy aspekty* [Soviet-German Ideological Confrontation in the Occupied Territory of the USSR. National and Religious Aspects]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
10. Zhumar, S.V. (1995) *Okkupatsionnaya periodicheskaya pechat' na territorii Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [Occupation periodicals on the territory of Belarus during the Great Patriotic War]. History Cand. Diss. Minsk.
11. Migunova, A.A. (1998) *Nyametskaya prapaganda syarod vyaskovaga nase'l'nitstva General'naga Kamisaryyata Belarusi (GKB) u 1941–1944 gg.* [German propaganda of the common people of the General Staff of Belarus (GKB) in 1941–1944]. *Vesti Belaruskaga dzyarzhavnaga pedagagichnaga universiteta*. 4. pp. 101–106.
12. Turonak, Yu. (1993) *Belarus' pad nyametskay akupatsyyay* [Belarus under German occupation]. Minsk: Belarus'.
13. Schlootz, J. (1997) *Nemetskaya propaganda v Belarusi 1941–1944: konfrontatsiya mezhdu propagandoy i deystvitel'nost'yu* [German Propaganda in Belarus 1941–1944: Confrontation between Propaganda and Reality]. Berlin: Svobodnyy universitet.
14. Chekhlov, V.Yu. (2004) *Otnoshenie naseleniya k nemetskomu okkupatsionnomu rezhimu na territorii SSSR 1941–1944 gg. (na primere Belorusskoy SSR)* [Attitude of the Population to the German Occupation Regime on the Territory of the USSR 1941–1944 (a case study of the Belarusian SSR)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

15. Romanko, O.V. (2013) *Belorusskie kollaboratsionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941–1945* [Belarusian Collaborators. Cooperation with the Occupiers on the Territory of Belarus. 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf.
16. Knatko, G. et al. (eds) *Ostarbaytery. Prinuditel'nyy trud belorusskogo naseleniya v Avstrii. Dokumenty i materialy* [Ostarbeiters. Forced Labor of the Belarusian Population in Austria. Documents and Materials]. Graz; Minsk: [s.n.].
17. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1272.
18. The Russian State Military Archives (RGVA). Fund 1363k. List 5. File 67.
19. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 410.
20. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 483.
21. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 908. List 1. File 5.
22. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 384. List 1. File 26.
23. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 1. File 577.
24. Knatko, G.D., Adamushko, V.I. et al. (1997) *Belorusskie ostarbaytery. Ugon naseleniya Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniyu (1941–1944): dokumenty i materialy* [Belarusian Ostarbeiters. The Deportation of the Population of Belarus for Forced Labor in Germany (1941–1944): Documents and Materials]. Vol. 2. Minsk: NARB.
25. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1355.
26. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 908. List 1. File 2.
27. Knatko, G.D., Adamushko, V.I. et al. (1996) *Belorusskie ostarbaytery. Ugon naseleniya Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniyu (1941–1944): dokumenty i materialy* [Belarusian Ostarbeiters. The Deportation of the Population of Belarus for Forced Labor in Germany (1941–1944): Documents and Materials]. Vol. 1. Minsk: NARB.
28. Mayner, S.M. (2010) *Stalinskaya svyashchennaya vojna: religiya, natsionalizm i soyuznicheskaya politika: 1941–1945* [Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Allied Policy: 1941–1945]. Moscow: ROSSPEN.
29. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 122. File 66.

Сведения об авторах:

Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (Люберцы, Россия), E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Третьяк Сергей Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом новейшей истории Белоруссии Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь). E-mail: modernhistbel@mail.ru

Иван Иванович Янушевич – кандидат исторических наук, проректор Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь). E-mail: ivan-jan@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Pushkarenko Elena A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russia). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Tretyak Sergey A. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Modern History of Belarus at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus). E-mail: modernhistbel@mail.ru

Yanushevich Ivan I. – Candidate of Historical Sciences, vice-rector of the Belarusian State University (Minsk, Belarus). E-mail: ivan-jan@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 20.04.2021; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 94(571.16)"1905/1917"

doi: 10.17223/19988613/94/13

На перекрестье экономики и политики: интеллектуальное наследие и общественная деятельность профессора Томского университета М.Н. Соболева

Ольга Анатольевна Харусь

Томский государственный университет, Томск, Россия, olga.kharus@mail.ru

Аннотация. Раскрываются основные факторы и формы корреляции научной и общественно-политической деятельности профессора Томского университета М.Н. Соболева. М.Н. Соболев представлен как многогранная личность: профессионал в области исследования экономических проблем, преподаватель высшей школы, популяризатор научных знаний, активный участник общественно-политической жизни города и страны. На основе изучения научных и публицистических трудов профессора, а также материалов периодической печати и архивных документов сделан вывод о гармоничном сочетании интеллектуальной деятельности ученого-экономиста и гражданской позиции либерально настроенного общественного деятеля.

Ключевые слова: М.Н. Соболев, Томск, наука, экономика, политика

Для цитирования: Харусь О.А. На перекрестье экономики и политики: интеллектуальное наследие и общественная деятельность профессора Томского университета М.Н. Соболева // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 103–111. doi: 10.17223/19988613/94/13

Original article

At the crossroad of Economics and Politics: intellectual heritage and public activity of M.N. Sobolev, professor of Tomsk University

Olga A. Kharus

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olga.kharus@mail.ru

Abstract. The study was undertaken to determine the factors and forms of correlation between the scientific and socio-political activities of M. N. Sobolev, Professor of Tomsk University. The author's focus on conceptual and methodological approaches of intellectual history was aimed at achieving two objectives: 1) to establish the connection between the social context and the texts of the professor's multi-genre publications; 2) to reveal the influence of his intellectual activity on the formation of his civic position. M.N. Sobolev's scientific and journalistic works served as a basis for reconstructing the logic of his reasoning and inferences on the problems of socio-economic development of the Motherland. Reference to periodicals and archival documents made it possible, in turn, to record the facts of his participation in the life of the region and the country as a member of the Cadet Party. The strengthening of opposition sentiments in the society, politicization of various strata of the population against the background of the first Russian revolution contributed to the initiation of M.N. Sobolev's social and political activism. He was a member of the provincial bureau of the People's Freedom Party; co-editor of the liberal newspaper "Sibirskaya zhizn" and the printing body of the local cadet organization, the newspaper "Narodnye nuzhdy"; propagandist and agitator in the elections to the State Duma; participant in all-party discussions on the tactics of the faction in the representative body - these are the main facts of his political biography.

At the same time, an important role in the formation of liberal views of the scientist was played not only and perhaps not so much by external circumstances, but also by his research in the field of economic statistics, economic theory and specific problems of economic development of Russia. Scientific integrity and high professional qualification, reliance on facts, the desire to comprehend them and identify cause-and-effect relationships created a powerful intellectual foundation for understanding the impossibility of solving problems in the country's economy without modernizing its socio-political structure. The harmonious combination of intellectual activity of a scientist and an economist, as well as civil position of a liberal-minded public figure is the main conclusion of the study devoted to the Tomsk period in the life of M.N. Sobolev.

Keywords: M.N. Sobolev, Tomsk, science, economics, politics

For citation: Kharus, O.A. (2025) At the crossroad of Economics and Politics: intellectual heritage and public activity of M.N. Sobolev, professor of Tomsk University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 103–111. doi: 10.17223/19988613/94/13

Постановка проблемы

Основные вехи жизненного пути Михаила Николаевича Соболева, снискавшего известность в начале XX в., прежде всего, в качестве исследователя проблем экономики России и зарубежных стран, нашли отражение в целом ряде энциклопедических изданий и биографических справочников [1–4]. Особого внимания интересующихся личностью и судьбой этого ученого заслуживает статья, подготовленная авторским коллективом историков Томского университета [1]. Из общего ряда публикаций подобного рода ее выделяет наполненность фактическим материалом, позволяющим составить общее представление не только о научной, но и о преподавательской и общественной деятельности профессора, а также наличие репрезентативного списка использованных авторами статьи разноплановых источников. Вместе с тем специфика технологий энциклопедической биографии определяет как несомненные достоинства, так и известные ограничения, присущие всем биографическим статьям, посвященным М.Н. Соболеву. Жанр энциклопедической биографии предполагает точное и максимально беспристрастное изложение фактов, а потому в высокой степени коррелирует с принципом научной объективности. Однако эта его особенность минимизирует возможности научного анализа и интерпретации представленного материала, а также осмысления и понимания роли конкретной личности в истории социума (тем более что исторический контекст в такого рода статьях, как правило, отсутствует или сведен к минимуму). Еще одной важной характеристикой репрезентации результатов применения биографического метода в справочных изданиях, к числу которых относятся энциклопедии и биографические словари, является следование единым требованиям, определяющим общую композицию, структуру, содержательное наполнение и оформление статей. Унификация исключает возможность постановки и решения разноплановых исследовательских задач, связанных с жизнеописанием конкретной персоны. Кроме того, такой существенный императив энциклопедической биографии, как лаконичность в изложении фактов, не позволяет фиксировать детали, высвечивать нюансы, без которых невозможно наполнить реконструируемый в общих чертах образ человека уникальным личностным содержанием.

Значимые штрихи к портрету М.Н. Соболева добавляют публикации его коллег по профессиональному «цеху» – ученых и преподавателей экономических дисциплин в Томском государственном университете, посвященные истории экономического образования и науки в Сибири [5. С. 20–25; 6]. Общий замысел и соответствующее ему содержание этих работ предусматривали концентрацию внимания исключительно на научной и образовательной деятельности специалистов, внесших свой вклад в становление преподавания экономических дисциплин и развитие исследовательских практик в области экономики. Экспертные оценки профессионалов убедительно продемонстрировали многообразие научных интересов М.Н. Соболева, а также широту круга проблем, освещавшихся в его учебных

курсах. Признание исключительных заслуг Михаила Николаевича как основоположника экономической науки и образования в Сибири нашло отражение в специально посвященной ему монографии К.И. Могильницкой, которая являлась инициатором и руководителем исследовательского проекта по изучению истории сибирского экономического образования [7]. Такой формат позволил наряду с обстоятельным освещением научной и педагогической деятельности профессора затронуть некоторые аспекты его участия в общественной жизни Томска и Сибири. Однако и в этом случае сюжеты, не связанные непосредственно с профессиональной сферой, остаются на периферии повествования, что представляется вполне логичным с учетом специфики авторского замысла.

В целом же обращает на себя внимание особенность жизнеописания М.Н. Соболева, присущая всем посвященным ему публикациям, – профессиональная и общественная деятельность профессора рассматриваются без учета их взаимосвязи и пересечений. В результате формируется представление о двух параллельных жизненных траекториях этой многогранной личности. Такая оптика, по-видимому, нуждается в корректировке, поскольку реальная жизнь любого человека характеризуется сложными переплетениями различных сфер его интересов и сопряженностью различных практик в конкретной пространственно-временной системе координат. Изложение фактов научной биографии, за которым следует перечисление эпизодов общественно-политической активности (с повторной реконструкцией уже представленного ранее хронологического ряда), оставляет без ответа целый ряд вопросов, значимых для понимания жизненного пути Михаила Николаевича. Почему молодой исследователь, погруженный в изучение вопросов мобилизации земельной собственности в Германии и посвятивший их решению свою магистерскую диссертацию, не проявлявший на рубеже веков сколько-нибудь явного интереса к политике, не просто оказался вовлеченным в общественно-политическую жизнь сибирского города, но и стал одним из самых активных и деятельных членов местного отдела кадетской партии? Каким образом профессиональная позиция ученого, нашедшая отражение в научных трудах, повлияла на его умонастроения, общественную активность и политические предпочтения? Насколько значимой для российского интеллектуала была рефлексия по поводу экономических, социальных, политических реалий Отечества в начале XX в.?

В поисках ответов на эти и подобные им вопросы представляется целесообразным ориентироваться на концептуально-методологические подходы интеллектуальной истории. Выбор исследовательской оптики продиктован двумя обстоятельствами. Во-первых, именно в парадигме интеллектуальной истории принципиальное значение придается фундаментальной проблеме реконструкции отношений «между текстом и контекстом, между словами и действиями» [8. С. 37–38], решение которой видится в уходе от своеобразной традиции изучения идей как неких автономных абстракций, имеющих внутреннюю логику развития безотноси-

тельно к другим видам человеческой активности или к тому, что называют их «социальным контекстом» [8. С. 33]. Во-вторых, это интердисциплинарное по самой своей сути направление, по словам Л.П. Репиной, не признает «жестких ограничителей ни в предметном поле, ни в подходах и методах», допуская различные «вариации ракурса, уровня и масштаба исследования» [8. С. 42] и предоставляя каждому исследователю свободу выбора «своих содержательно-методологических предпочтений в этом обширном пространстве» [8. С. 48]. Обращение к методологическому потенциалу интеллектуальной истории открывает возможности для выявления реакции мыслителя на вызовы конкретной исторической ситуации посредством генерирования идей и вместе с тем позволяет ставить вопрос о том, каким образом эта интеллектуальная деятельность проецируется на поприще общественно-политической деятельности. Именно в этом и заключается замысел данной статьи, целью которой является осмысление корреляции между научными исследованиями М.Н. Соболева и его участием в политической жизни страны и региона.

Хронологические рамки исследования охватывают «томский период» жизни Михаила Николаевича. С одной стороны, это обусловлено наличием репрезентативной источниковой базы, представленной как научными и публицистическими трудами профессора Томского университета, так и материалами периодической печати и архивными документами, освещающими его общественно-политическую деятельность. С другой стороны, этот период связан с изменением не только личных жизненных обстоятельств М.Н. Соболева (переезд из Москвы в сибирский город, начало профессиональной деятельности в только что созданном первом за Уралом университете), но и с усилением оппозиционных настроений и резкой интенсификацией общественно-политических процессов в стране. Это обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку одна из задач данного исследования состоит в выявлении изменений в жизнедеятельности профессора в зависимости от изменений социального контекста.

Обсуждение

Начало томскому периоду в жизни М.Н. Соболева было положено назначением его в июле 1899 г. исполняющим должность ординарного профессора по кафедре политической экономии и статистики Томского университета. К этому времени выпускник Московского университета имел уже довольно солидный для 30-летнего ученого опыт научных исследований. Он не только успешно защитил диссертацию «Мобилизация земельной собственности и новое течение аграрной политики в Германии», получив степень магистра политэкономии и статистики и должность приват-доцента Московского университета по кафедре политической экономии, но и стал автором таких фундаментальных научных трудов, как «Очерк истории всемирной торговли в связи с развитием экономической жизни» (М., 1899), «Очерк хозяйственной статистики России сравнительно с иностранными государ-

ствами» (М., 1899). Принадлежащая его перу «Коммерческая география», будучи впервые опубликована в 1899 г., на протяжении последующих 12 лет переиздавалась 6 раз [1, 2], что, безусловно, свидетельствовало о высоком качестве работы и ее востребованности. Характерной особенностью исследований этого периода являлась концентрация внимания молодого ученого исключительно на экономических процессах, а также стремление к изучению проблем отечественной экономики в широком страноведческом контексте.

С переездом в Томск сфера научных интересов М.Н. Соболева расширилась за счет включения в нее региональной проблематики. При этом его первые публикации в изданиях Томского университета свидетельствовали о сохранении прежней исследовательской парадигмы, предусматривавшей скрупулезный анализ конкретных фактов и статистических данных и четкость формулируемых на их основе выводов по поводу экономических явлений и процессов [9, 10]. И все же было бы ошибочным полагать, что профессиональная позиция ученого-экономиста жестко ограничивала диапазон его интересов исключительно так называемыми вопросами хозяйственной жизни. Произнесенная им в октябре 1900 г. речь о экономическом значении Сибирской железной дороги была выдержана в логике научно обоснованных суждений о влиянии экономики «на весь строй общественной жизни» [9. С. 1]. Такая постановка проблемы во многом предвосхитила вектор дальнейших исследований ученого, направленный на рассмотрение экономических процессов, их предпосылок и последствий в контексте существования и развития социума.

Появлению ярко выраженной социальной составляющей в научных трудах М.Н. Соболева способствовало погружение в исследование насущных экономических проблем региона. Профессор активно включился в деятельность местного комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, учрежденного в 1902 г. по инициативе С.Ю. Витте. Миссию Особого совещания представители инициативной общественности, к числу которых принадлежал и М.Н. Соболев, видели в выявлении причин аграрного кризиса и определении мер по его преодолению. Свои размышления и умозаключения по этому поводу Михаил Николаевич изложил в статье «К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири», опубликованной в самом первом номере периодического сборника «Сибирские вопросы» [11. С. 86–99]. Показателен общий контекст материалов этого издания, отражавший нарастание оппозиционных настроений в среде интеллектуалов региона. В статье «От редакции» современная ситуация в России квалифицировалась как иллюстрация «несомненной истины, насколько обветшавшие общественно-политические формы, в которых искусственно удерживается народный организм, вредят даже внешнему, хозяйственному благополучию страны» [11. С. III]. Поскольку же «Сибирь далеко отстала даже от Евр. (так в тексте. – О.Х.) России во всем, что касается тех условий общественной жизни, которые могли бы создать прочные устои для ее экономического благосостояния», редакция сборника кон-

статировала необходимость «немедленных и коренных реформ», без которых преодоление «тяжелого кризиса» в регионе невозможно [11. С. IV]. На этом фоне и было анонсировано издание статей «программного характера, написанных специалистами», с изложением важнейших фактов и выводов по экономическим и общественно-правовым вопросам, «имеющим для Сибири в настоящее время особенно серьезное значение» [11. С. IV].

Статья М.Н. Соболева органично вписалась в концепцию и проблематику сборника. Перспективы экономического и социального развития Сибири, являющейся «колонией, занятой почти всецело добывающим и земледельческим производством», были поставлены автором в прямую зависимость от благополучия местных крестьян, в руках которых и было сосредоточено это производство [11. С. 86]. Утверждая, что главное содержание ближайших назревших реформ в Сибири должны составлять именно нужды крестьянства, Соболев, пожалуй, впервые в своей научной карьере сконцентрировал внимание не на экономических, а на юридических и общественно-политических аспектах предлагаемых преобразований. Генеральная цель статьи состояла в анализе сложившейся системы административного управления крестьянским населением и определении необходимых мер по ее реорганизации [11. С. 88].

В качестве одной из ключевых особенностей и вместе с тем серьезной проблемы крестьянского хозяйства в Сибири профессор обозначил наличие разветвленной сети бюрократических учреждений, сосредоточивших «в своих руках не только административные функции, но всю область экономического и финансового “попечения” о крестьянах» [11. С. 88]. Ситуация усугублялась отсутствием в регионе земских учреждений, следствием чего стала тотальная зависимость крестьян от административных органов «во всех проявлениях местной жизни, начиная с дороги кончая школой» [11. С. 92]. Обосновывая неприемлемость сложившейся «системы всепроникающей опеки», специалист в области экономики обращался к ментальным особенностям сибирского крестьянства, демонстрируя тем самым способность использовать различную оптику в своих исследованиях и выходить на комплексное рассмотрение интересующих его проблем. Фиксируя явный диссонанс бюрократических практик с интересами и умонастроениями местных крестьян, профессор отмечал особенности «характера сибирского земледельца», обусловленные, с одной стороны, отсутствием влияния крепостного права, а с другой – спецификой самой хозяйственной деятельности, «требовавшей предприимчивости, инициативы, борьбы за жизнь в новых неведомых условиях и пр.» [11. С. 88]. В отличие от крестьян великороссийских губерний сибирякам, по мнению М.Н. Соболева, были присущи большая самостоятельность и независимость, более развитое чувство личного достоинства [11. С. 88]. Эти качества местных крестьян вселяли уверенность в том, что они, «будучи непосредственно заинтересованными в результатах тех или иных экономических мероприятий сельского общества, лучше всего сами разберутся в них

и придут к решению, отвечающему интересам большинства» [11. С. 93–94]. Одновременно профессор констатировал некомпетентность в «суждении о деликатных и весьма сложных хозяйственных отношениях местных крестьян» крестьянских начальников, назначенных министерством, не имеющих экономического образования и творящих произвол при отсутствии гласности, контроля общественности и надлежащего надзора со стороны вышестоящих органов власти [11. С. 93]. Таким образом, в статье была представлена развернутая аргументация основного вывода, заключавшегося в настоятельной необходимости уничтожения института крестьянских начальников и предоставления крестьянским обществам самостоятельности в решении местных вопросов общественной и хозяйственной жизни посредством создания волостного бессословного земства [11. С. 98].

Логика рассуждений профессора экономики была весьма созвучна представлениям либерально настроенной общественности о необходимости преобразований, направленных на развитие самостоятельности и самоорганизации населения. В том, что к 1905 г. М.Н. Соболев определился в своей гражданской позиции, убеждает заключительный пассаж его статьи. Предлагая оставить в сфере компетенции местной администрации только две функции – надзор за соблюдением закона и меры по обеспечению личной и имущественной безопасности, он делает оговорку: «Но и то следует сказать, что при свободе печати и широко поставленном самоуправлении наилучшим стражем законности явится само общество и общественное мнение» [11. С. 99]. От признания необходимости мер по модернизации общественного устройства до активного включения в политический дискурс профессора отделял один шаг, и своеобразным триггером для этого шага стал Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в соответствии с которым общественности было предоставлено право подачи петиций «по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния».

Своим представлением о необходимых политических преобразованиях М.Н. Соболев в начале марта 1905 г. поделился с читателями газеты «Сибирская жизнь» в статье «К вопросу об осуществлении рескрипта 18 февраля» [12. 1905. 9 марта]. Все свои логические рассуждения профессор выстраивал, исходя из тезиса о введении в стране всеобщего избирательного права. Данный принцип представлялся ему само собой разумеющимся и не подлежащим каким бы то ни было дискуссиям. Предметом обсуждения, по мнению М.Н. Соболева, мог быть лишь механизм практической реализации всеобщего избирательного права. При отсутствии у большинства населения Российской империи опыта участия в избирательном процессе и сколько-нибудь «ясного общественного самосознания» Соболев считал необходимым в качестве промежуточной стадии предусмотреть двухступенную систему выборов. Целесообразность этого варианта он обосновывал следующими соображениями: с одной стороны, речь не шла об отказе от принципа всеобщего избира-

тельного права, с другой – собрания выборщиков от земств и городов с обменом мнениями, обсуждением возможных кандидатов в депутаты не только позволят сделать выбор в пользу избрания «лучших» и «достойнейших» людей, но и станут своеобразной школой политического воспитания для населения. Очевидно, что предлагавшийся вариант свидетельствовал о либеральном настрое профессора, убежденного в необходимости эволюционных постепенных преобразований политической системы, важной предпосылкой которых должна была стать подготовка соотечественников к осознанному включению в активную общественную жизнь через формирование зрелой гражданской позиции. Интересно отметить, что и в качестве автора этой газетной статьи, ставшей откликом на актуальную политическую повестку, Соболев предстает перед читателем не только как публицист, предлагающий свое видение оптимального варианта избирательной системы, но и как ученый, для которого принципиальное значение имеет научная обоснованность выводов. В его аргументации явственно прослеживается профессиональная позиция специалиста в области статистики. Профессор оперирует конкретными фактами и цифрами, опираясь на которые приводит расчеты для подтверждения своего мнения о необходимости выстраивать российскую избирательную систему на основе принципа пропорциональности численности депутатов от каждой губернии численности ее населения.

Переплетение экономической и политической проблематики ярко проявилось и в составленном Михаилом Николаевичем в начале 1905 г. прогнозе формирования партийной системы в России [13]. Продолжая свои размышления о желательных перспективах общественного переустройства Отечества, профессор высказал и обосновал мнение, согласно которому «важным элементом для наиболее плодотворной деятельности будущего представительного учреждения» является «объединение населения в немногие партии, имеющие в основе определенные экономические интересы» [13. С. 33–34]. Свое видение предстоящего в ближайшем будущем процесса партийно-политической самоидентификации основных групп населения, к которым он относил крупных землевладельцев, крестьянство, рабочий класс и буржуазию, Соболев сопроводил дифференцированной характеристикой места каждой из этих групп в сложившейся системе экономических отношений и вместе с тем представил проекцию их специфических экономических интересов на политические предпочтения и ожидания.

Выбор самого М.Н. Соболева в пользу членства в созданной в октябре 1905 г. конституционно-демократической партии стал осознанным шагом интеллектуала с присущим ему либеральным видением перспектив движения России. Профессору импонировала предлагавшаяся кадетами модель общественного переустройства, поскольку она представлялась ему соответствующей интересам широких масс трудящегося населения и при этом учитывающей специфические обстоятельства Российской империи в начале XX в. [12. 1906. 7 мая]. Программные положения и тактика социал-демократов и эсеров как партий, также претен-

довавших на роль выразителей интересов народа, с его точки зрения, не выдерживали критики именно по причине диссонанса с конкретными историческими условиями, а именно: республика не соответствует правосознанию и традициям большинства населения; немедленное осуществление социализма «невозможно по экономическим условиям, ибо развитие экономических форм происходит последовательно и постепенно, а не может быть предписано законодателем»; насильственные действия для разрушения существующего порядка влекут за собой неоправданные жертвы и провоцируют усиление реакции [12. 1905. 23 дек.].

С первых дней существования томского губернского отдела партии, учредительное собрание которого состоялось 25 ноября 1905 г., М.Н. Соболев стал одним из самых активных его деятелей. Он был избран членом бюро отдела [14. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 17], являлся (совместно с профессором Томского университета И.А. Малиновским) редактором одной из наиболее известных и читаемых в регионе газет «Сибирская жизнь», имевшей ярко выраженную либеральную направленность, а потому воспринимавшуюся местным населением как печатный орган кадетской партии [11. 1906. № 1. С. 92; 15. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2597. Л. 616]. Кроме того, совместно с И.А. Малиновским М.Н. Соболев редактировал еженедельную газету «Народные нужды», официально заявленную в качестве партийного печатного органа томской кадетской организации и издававшуюся с января 1906 г. для сельского населения тиражом в 3 000 экземпляров [14. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 36; 16. 1906. 17 янв.].

Весомая роль и авторитет М.Н. Соболева в среде членов кадетской партии стали основанием для выдвижения его одним из кандидатов в выборщики от местного отдела на выборах в I Государственную думу [12. 1906. 16 апр.]. В избирательную кампанию профессор включился весьма энергично. В качестве одного из руководителей томского отдела партии он проводил имевшие характер консультаций «беседы» с членами отдела по проблемам государственного устройства, аграрного и финансового законодательства, разъясняя содержание и направленность партийной программы [12. 1906. 20 апр.]. Активно участвовал он и в организации «народных чтений» на политические темы для популяризации программных требований Партии народной свободы, а также в проведении предвыборных собраний губернских выборщиков [17. 1906. 4 мая; 18. 1906. № 9. С. 10]. Впрочем, эта активность не смогла обеспечить успех на выборах в Томской губернии ни самому Соболеву, ни его партии, которой удалось провести в I Думу только одного своего кандидата – А.И. Макушина [11. 1906. № 4. С. 42; 12. 1906. 30 мая; 18. 1906. № 13. С. 16]. Тем не менее это обстоятельство не стало поводом для снижения политической активности Михаила Николаевича в ходе последующих избирательных кампаний. На выборах во II Государственную думу он возглавил одно из шести районных отделений Партии народной свободы, созданных в Томске специально для распространения изданий кадетов и ведения партийной агитации среди избирателей [14. Ф. 102. 1907. ДП ОО. Д. 362. Л. 1–2].

Не ограничиваясь поддержкой списка кандидатов «группы прогрессивных избирателей» со страниц газеты «Сибирская жизнь», соредактором которой он продолжал оставаться в ходе кампании по выборам депутатов III Думы, профессор и в условиях начавшейся полосы реакции продолжал выступать в роли инициатора и организатора предвыборных собраний [15. Ф. 104. Оп. 2. Д. 3554. Л. 144]. По завершении выборов М.Н. Соболев принял активное участие в создании и вошел в состав совета томского отдела «Общества изучения Сибири», миссия которого, по замыслу учредителей, должна была состоять в оказании содействия сибирской парламентской группе в разработке законопроектов путем сбора материалов и научного исследования различных сторон жизни региона, а также в популяризации научных знаний [12. 1907. 2 июня, 14 июля].

В июне 1908 г. М.Н. Соболев в качестве делегата от Сибири принял участие в совещании кадетской фракции III Государственной думы с представителями местных партийных групп. Суть предложений, с которыми он выступил на этом совещании, сводилась к необходимости всемерно развивать законодательную инициативу с опорой на программные положения партии для расширения электората и формирования фундамента будущей законотворческой деятельности [14. Ф. 523. Оп. 1. Д. 6. Л. 7]. И хотя его позиция не получила поддержки большинства кадетских депутатов Думы, считавших необходимым отказаться от проявлений оппозиционности и сосредоточиться на «конструктивной» работе, профессор, судя по публикациям в редактируемой им газете «Сибирская жизнь», остался верен своим убеждениям. Со страниц томской газеты звучали призывы к «более решительной думской деятельности» по укреплению конституции и усовершенствованию государственного устройства [12. 1909. 9 окт.]. Такие призывы, как и общее «вредное», по мнению Министерства народного просвещения, направление газеты «Сибирская жизнь», в конечном итоге дали основание министерству обратиться к ее редакторам в 1910 г. с официальным предложением отказаться от редактирования или профессуры ввиду несовместимости издания подобной газеты с профессорской деятельностью [19. 1910. 12 авг.]. М.Н. Соболев и И.А. Малиновский вынуждены были объявить о передаче своих прав на редактирование газеты Г.Б. Баитову. Впрочем, они продолжали весьма активно сотрудничать в газете. В частности, почти все статьи по экономическим проблемам по-прежнему принадлежали перу Михаила Николаевича.

Сам же М. Н. Соболев, в отличие от представителей официальной власти, по-видимому, не считал свою активную гражданскую позицию препятствием для профессиональной деятельности. Во всяком случае он вполне успешно совмещал участие в общественно-политической жизни страны и региона с научными исследованиями и преподаванием не только на юридическом факультете Томского университета, где читал курсы политической экономии и статистики, но и в Томском технологическом институте, на Высших историко-философских курсах, а также в Первом Си-

бирском коммерческом училище. Находил время профессор и для организации внеаудиторной работы студентов. Являясь почетным членом «Сибирского кружка томских студентов», созданного решением Совета университета осенью 1907 г. с целью изучения материалов по географии, этнографии, археологии, экономике и истории Сибири [20. 1908. 2 нояб., 15 нояб.], М.Н. Соболев взял на себя руководство разработкой вопроса о безработице в регионе и аграрной проблемы в России. Предметом обсуждения на проводившихся профессором практических занятиях были перспективы общины, принудительного отчуждения частновладельческих земель, выкупа крестьянских наделов, переселения как направления правительственной аграрной политики. Поскольку же все эти проблемы являлись значимой составляющей общественно-политического дискурса, планы занятий предусматривали обсуждение и анализ аграрных программ таких политических партий, как «Союз 17 октября», кадетская, социал-демократическая и эсеровская [20. 1908. 15 нояб.].

При всем многообразии интересов Михаил Николаевич в самых различных проявлениях своей социальной активности – в преподавании и публицистике, политической пропаганде и просветительстве – оставался исследователем, склонным к глубокому анализу, систематизации и осмыслению фактов и аргументированному изложению своей позиции. Научная деятельность неизменно составляла важную часть его жизни. В 1910 г. совместно с профессором М.И. Боголеповым при поддержке томского отдела «Общества изучения Сибири» он предпринял экспедицию в Монголию для изучения условий торговли в этой стране [2; 12. 1911. 26 апр.; 1912. 10 марта]. По результатам проведенных исследований в 1911 г. были опубликованы «Очерки русско-монгольской торговли» в двух томах, удостоенные Томским университетом премии им. Л.П. Кузнецова.

Но основным объектом научных интересов профессора Томского университета на протяжении шести лет являлась таможенная политика России во второй половине XIX в. В 1910 г. по постановлению юридического факультета Томского университета была опубликована его фундаментальная монография, подводящая итоги работы по изучению и анализу таможенного законодательства и таможенных тарифов, по сбору и систематизации огромного массива статистических данных по различным отраслям экономики [21]. Приступая в 1904 г. к исследованию этой проблемы, М.Н. Соболев руководствовался исключительно научным интересом к выяснению причин смены фритредерских и протекционистских течений в таможенной политике России. Его первоначальная гипотеза основывалась на представлении о том, что в 1850–1860-е гг. определяющим фактором таможенной политики являлись фритредерские настроения помещиков, крестьян и городского населения, но затем постепенно стало набирать силу и к концу 1880-х – началу 1890-х гг. достигло своего апогея протекционистское направление [21. С. V–VI]. Однако изучение колоссального массива разнообразных источников и исследовательской литературы привело профессора к отказу от дан-

ной гипотезы. При этом его выводы приобрели оппозиционную по отношению к действиям государственных органов тональность, продиктованную отнюдь не политическими взглядами и предпочтениями автора, а исключительно его научной добросовестностью, неукоснительным следованием фактам и статическим данным. М.Н. Соболев представил развернутое обоснование несостоятельности заявлений представителей официальной власти о том, что протекционизм, являющийся основной целью таможенной политики, ведет к понижению цен посредством защиты внутренней промышленности и развития внутренней конкуренции [21. С. 817–820]. Он убедительно доказал, что «все... теоретические основы протекционизма попирались самым беззастенчивым образом русской таможенной политикой, которая применяла покровительственную систему в совершенно извращенном виде» [21. С. 820].

Опора на обширную источниковую базу, представленную, в частности, архивными материалами министерства финансов и Государственного Совета, а также на результаты исследовательской работы предшественников позволила профессору представить убедительную научную аргументацию сформулированных положений о характере, направленности и последствиях таможенной политики России. Их суть сводилась к определению в качестве преобладающего принципа этой политики фискализма. Непрерывное повышение тарифных ставок, усиление таможенного обложения М.Н. Соболев объяснял прежде всего расчетом правительства на быстрое увеличение доходов государства [21. С. 823, 824]. Одним из самых тяжелых последствий этой политики профессор считал повышение внутренних цен на облагаемые пошлиной товары [21. С. 834, 842]. Фискальная цель, состоявшая в «извлечении наивысшего дохода путем обложения иностранных товаров при их ввозе», была, по его мнению, «блестяще осуществлена при величайшем напряжении платежных сил народной массы». Резюмируя результаты своего фундаментального исследования, Соболев пришел к выводу: «В обложении иностранных товаров правительство шло тем же путем, какой оно приняло во всей налоговой системе. Центр тяжести лежал на косвенных налогах, оплачиваемых широкой массой малоимущих потребителей». Основываясь на таком умозаключении, в финальных строках своей монографии ученый счел необходимым поставить «вопрос о пересмотре самых оснований нашей таможенной системы, грубо нарушающей существенные, насущные интересы русского народа» [21. С. 849–850]. Таким образом, и в этом капитальном научном исследовании нашла свое воплощение гражданская позиция профессора, обозначившего острую социальную значимость поставленной им проблемы. Результатом серьезных научных изысканий специалиста в области экономической теории и экономической статистики стали выводы, предполагавшие принципиальное и глубоко обоснованное неприятие правительственной политики в одной из значимых сфер экономики России. Неслучайно в ответ на поступившие в 1910 г. просьбы либерально настроенных руководителей иркутского общества

«Просвещение» разрешить лекции М.Н. Соболева по теме «Протекционизм в России и интересы населения» генерал-губернатор ответил решительным отказом «ввиду особой важности и значения затрагиваемых этой темой вопросов» [19. 1910. 16 мая].

В 1912 г. М.Н. Соболев защитил монографию «Таможенная политика России во второй половине XIX века» в качестве докторской диссертации [5. С. 24]. Этот труд стал одним из наиболее значимых итогов его деятельности в качестве профессора Томского университета. С сентября 1912 г. Михаил Николаевич, единогласно избранный в 1911 г. ординарным профессором кафедры финансового права Харьковского университета, приступил к работе в этой должности. Начался новый этап в жизни талантливого ученого, педагога и неравнодушного к судьбам Отечества гражданина.

Выводы

Переезд М.Н. Соболева в Томск не только положил начало новому этапу в профессиональной карьере молодого ученого, но и ознаменовал собой важный рубеж в его становлении как деятельного участника общественно-политической жизни страны. Расширение сферы научных интересов за счет включения в нее актуальных проблем социально-экономического развития Сибири дало импульс для интенсивной мыслительной деятельности по выявлению глубинных причинно-следственных связей в исследуемых процессах. Сформировавшаяся в результате исследований убежденность в обусловленности многих проблем в экономике страны особенностями сложившейся политической системы стала основой для формирования активной гражданской позиции профессора, выражавшейся в признании необходимости модернизации общественно-политического устройства. Усиление оппозиционных настроений в обществе, начало первой российской революции, формирование политических партий, создание представительного органа – таков был общий социально-политический фон, сопутствовавший становлению Михаила Николаевича как общественного деятеля.

Томский период в жизни и деятельности М.Н. Соболева оказался весьма насыщенным важными событиями в стране, регионе и судьбе самого профессора Томского университета. Будучи личностью многогранной, он проявил себя в самых различных ипостасях: ученый с широким кругом разносторонних интересов в области экономической теории и сфере прикладных исследований, преподаватель высшей школы и популяризатор научных знаний, публицист и активный участник общественно-политической жизни города и страны. При этом гражданская позиция Михаила Николаевича гармонично соотносилась с его научными изысканиями (более того, она во многом была обусловлена их результатами), что дает основания для вывода о внутренней целостности этой незаурядной личности и отсутствии когнитивного диссонанса на уровне сопряженности его позиции ученого-экономиста и либерально настроенного общественного деятеля.

Список источников

1. Соболев Михаил Николаевич // Профессора Томского университета : биографический словарь / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1: 1888–1917. С. 238–241.
2. Соболев, Михаил Николаевич // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: https://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Соболев_Михаил_Николаевич (дата обращения: 11.11.2024).
3. Соболев Михаил Николаевич // Электронная энциклопедия ТПУ. URL: https://wiki.tpu.ru/wiki/Соболев_Михаил_Николаевич (дата обращения: 11.11.2024).
4. Савченко М.М. Соболев Михаил Николаевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX вв. : энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2010. С. 861–865.
5. Сто лет экономическому образованию и науке в Сибири / под ред. К.И. Могильницкой. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 256 с.
6. Могильницкая К.И., Сахарова З.Е. К 100-летию экономического образования в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 267. С. 135–139.
7. Могильницкая К.И. У истоков высшего экономического образования в Сибири: профессор М.Н. Соболев. Томск : Изд-во НТЛ, 2001. 68 с.
8. Репина Л.П. Интеллектуальная история в теории и на практике: сбылись ли прогнозы прошедшего тридцатилетия // Слово, культура, история: теория и практика гуманитарного знания. М. : Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2023. С. 31–52.
9. Соболев М.Н. Экономическое значение Сибирской железной дороги // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1901. Кн. 18. С. 1–34.
10. Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов // Труды юридического кабинета при Императорском Томском университете. Статистико-экономическое отделение. Томск, 1902. Вып. II. 55 с.
11. Сибирские вопросы. СПб., 1905. № 1.
12. Сибирская жизнь. Томск.
13. Соболев М.Н. Экономические интересы и группировка политических партий в России. М. : Е.В. Кожевникова и Е.А. Коломийцева, 1906. 34 с.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
15. Государственный архив Томской области (ГАТО).
16. Народные нужды. Томск.
17. Время. Томск.
18. Сибирские отголоски. Томск.
19. Речь. СПб.
20. Сибирь. Иркутск.
21. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1910. Кн. XLI. VI, 850, XXVI с.

References

1. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A biographical dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–241.
2. Anon. (n.d.) *Sobolev, Mikhail Nikolaevich*. [Online] Available from: https://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Sobolev_Mikhail_Nikolaevich (Accessed: 11th November 2024).
3. Anon. (n.d.) *Sobolev Mikhail Nikolaevich*. [Online] Available from: https://wiki.tpu.ru/wiki/Sobolev_Mikhail_Nikolaevich (Accessed: 11th November 2024).
4. Savchenko, M.M. (2010) Sobolev Mikhail Nikolaevich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX vv.: entsiklopediya* [Russian liberalism of the mid-18th – early 20th centuries: an encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 861–865.
5. Mogilnitskaya, K.I. (ed.) (1998) *Sto let ekonomicheskoy obrazovaniyu i nauke v Sibiri* [One Hundred Years of Economic Education and Science in Siberia]. Tomsk: NTL.
6. Mogilnitskaya, K.I. & Sakharova, Z.E. (1999) K 100-letiyu ekonomicheskogo obrazovaniya v Sibiri [On the 100th Anniversary of Economic Education in Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 267. pp. 135–139.
7. Mogilnitskaya, K.I. (2001) *U istokov vysshego ekonomicheskogo obrazovaniya v Sibiri: professor M.N. Sobolev* [At the Origins of Higher Economic Education in Siberia: Professor M.N. Sobolev]. Tomsk: NTL.
8. Repina, L.P. (2023) *Intellectual'naya istoriya v teorii i na praktike: sbylis' li prognozy proshedshego tridsatiletia* [Intellectual history in theory and practice: have the forecasts of the past thirty years come true?]. In: *Slovo, kul'tura, istoriya: teoriya i praktika gumanitarnogo znaniya* [Word, Culture, History: Theory and Practice of the Humanities]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 31–52.
9. Sobolev, M.N. (1901) *Ekonomicheskoe znachenie Sibirskoy zheleznoy dorogi* [Economic significance of the Siberian railway]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 18. pp. 1–34.
10. Sobolev, M.N. (1902) *Ekonomicheskoe polozhenie tomских студентов* [Economic situation of Tomsk students]. In: *Trudy yuridicheskogo kabineta pri Imperatorskom Tomskom universitete. Statistiko-ekonomicheskoe otdelenie* [Works of the Legal Office at the Imperial Tomsk University. Statistical and Economic Department]. Vol. II.
11. *Sibirskie voprosy*. (1905) St. Petersburg. № 1.
12. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk.
13. Sobolev, M.N. (1906) *Ekonomicheskie interesy i gruppировка politicheskikh partiy v Rossii* [Economic Interests and Grouping of Political Parties in Russia]. Moscow: E.V. Kozhevnikova & E.A. Kolomyitseva.
14. The State Archives of the Russian Federation (GARF).
15. The State Archives of Tomsk Region (GATO).
16. *Narodnye nuzhdy*. Tomsk.
17. *Vremya*. Tomsk.
18. *Sibirskie otgoloski*. Tomsk.
19. *Rech'*. St. Petersburg.
20. *Sibir'*. Irkutsk.
21. Sobolev, M.N. (1910) *Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Customs Policy of Russia in the Second Half of the 19th Century]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. XLI.

Сведения об авторе:

Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga.kharus@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kharus Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.kharus@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 23.01.2025; accepted for publication 01.04.2025

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 94(410)

doi: 10.17223/19988613/94/14

Колониальный вопрос и Коммунистическая партия Великобритании в 1920-е гг.

Родион Эдуардович Бердников

Томский государственный университет, Томск, Россия, rodionberdnikov@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ программы и тактики Коммунистической партии Великобритании по колониальному вопросу в 1920-е гг. Изучены предпосылки формирования позиции британских коммунистов по проблеме национального самоопределения. Сделан вывод о том, что неудачи коммунистов в распространении их взглядов связаны не только с непопулярностью идей коммунизма в британском обществе, но и с идейным наполнением позиции по колониальному вопросу.

Ключевые слова: колониальный вопрос, империализм, Британская империя, рабочее движение, Коммунистическая партия Великобритании

Для цитирования: Бердников Р.Э. Колониальный вопрос и Коммунистическая партия Великобритании в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 112–118. doi: 10.17223/19988613/94/14

Original article

The Colonial Question and the Communist Party of Great Britain in 1920s

Rodion E. Berdnikov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, rodionberdnikov@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of the approach of the Communist Party of Great Britain (CPGB) to the colonial question. The purpose of this article is to provide the analysis of the programme suggestions and tactics of the British communists for resolving of the colonial and national questions in 1920s and to answer the question why the CPGB's colonial platforms were relevant and unpopular at the same time. The relevance of the research topic stems from the fact that the communists in their programmes raised the question of self-determination of colonial peoples. The national question remains significant nowadays, while the experience of the British communist understanding of the issue of self-determination is little-studied. A variety of sources is used in the article: the programmes of the CPGB of 1924 and 1929, the Communist Papers, party resolutions and manifestos, the documents of the Communist International (CI). At the beginning of the article the author provides the data on the development of the national movements and the overall economic decline of the British Empire. In the second part the author analyzes the CPGB platform concerning the colonial peoples. Moreover, the tactics of the CPGB are analyzed through the prism of the regulations of the Congresses and Plenums of the CI in 1920s.

Then the author marks a number of factors in the British Empire and its metropolis which were favorable for the activities of the CPGB in 1920s. Among them are the aggressive policies of the British governments in colonies and dependent territories, the failure of the mandate system of the League of Nations, the overall decline of the imperialist ideology in the British society and the rise of the labor movement in 1925 – 1926. After that the factors which obstructed the communist activities are named: the defeat of the General Strike, repressions against the British communists and the CI's line change. Though the author concludes that all the negative factors are not sufficient for the explanation of the communists' colonial rhetoric unpopularity.

As a result, the author turns to the ideological sources of the CPGB colonial platform and formulates the general conclusion that the reason of the failures of the British communists in their attempts of making their position on the British Empire widespread consists in their radical position on self-determination, which was neither pragmatic, nor popular among the British workers.

Keywords: colonial question, imperialism, British Empire, labor movement, Communist Party of Great Britain

For citation: Berdnikov, R.E. (2025) The Colonial Question and the Communist Party of Great Britain in 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 112–118. doi: 10.17223/19988613/94/14

Положение Британской империи после Первой мировой войны

Большинство отечественных и зарубежных работ по теме британских коммунистов сфокусированы на изучении их программы и тактики в отношении метрополии. Исследователи делают вывод о том, что неудачи коммунистов в распространении их идеологии в Великобритании связаны с наличием в стране традиционных демократических институтов или же с некоторыми особенностями развития британской философии [1. С. 64; 2. Р. 272]. В то же время объективные факторы, сложившиеся после Первой мировой войны, способствовали интенсификации активности коммунистов, предложивших свое видение колониального вопроса и проблемы национального самоопределения, которая сохраняет свою актуальность и поныне.

После Первой мировой войны положение Британской империи казалось прочным. Ее территория достигла наибольшего размера, а экономика была крупнейшей в мире [3. С. 9]. Вместе с тем только 13% населения империи считало английский язык родным. Привлечение жителей колоний и доминионов к непосредственному участию в войне породило всплеск самосознания народов, сражавшихся за чужие интересы в Европе [3. С. 43]. Переориентация британской экономики на военные нужды лишила страны империи части готовых товаров, которые ранее импортировались из метрополии. Поэтому в колониях и доминионах развились собственные производства и буржуазия, стремившаяся действовать независимо от британских капиталистов [4. С. 20]. Факторы роста капитала и национального самосознания совокупно привели к развитию национализма и повышению актуальности колониального вопроса. При этом зависимость метрополии от империи росла. Из всех британских инвестиций в 1913 г. половина приходилась на колониальные владения и доминионы [5. Р. 74]. Война усилила эту тенденцию. Уже в 1929 г. на империю приходилось 59% британских капиталовложений. С империей был связан относительно высокий уровень жизни британских подданных в метрополии [6. С. 250].

Научные круги и политическая элита Великобритании по-разному осмысливали процессы, происходившие в империи. В британской научной литературе в межвоенный период наметилась тенденция рассматривать метрополию и колонии в роли «семейного круга» [7. Р. 53]. Термин «империя» постепенно заменялся понятием «содружество». В научной среде империя рассматривалась скорее как инструмент распространения благ западной цивилизации, а не как средство подавления. Этой позиции наиболее соответствовала риторика Либеральной партии, члены которой приветствовали расширение прав доминионов и сохраняли осторожность в отношении перспектив предоставления статуса доминиона прочим колониям [8. С. 85].

Другой интерпретацией нового осмысления роли империи стала лейбористская модель развития колоний. Она заключалась в преобразовании империи в «Социалистическое Содружество» [8. С. 145]. Путем реформ лейбористы предполагали заменить отношения капиталистической эксплуатации сотрудничеством трудящихся всех народов. Консерваторы сохраняли традиционную проимперскую позицию. Лорд Керзон – один из виднейших деятелей Консервативной партии и министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 гг., писал лорду Милнеру, бывшему в разные годы военным министром и министром колоний, что «реальное место» британцев будет всегда «впереди» народов Востока [8. С. 104]. Лорд Бальфур, также знаменитый консервативный государственный деятель, занимавший пост министра иностранных дел до Керзона, говорил о том, что «фасад» независимости азиатских стран не должен становиться препятствием для британского политического или военного вмешательства. Однако и консерваторы, которые большую часть 1920-х гг. формировали правительство, были вынуждены прибегать к созданию косвенных механизмов управления колониями и зависимыми территориями на смену традиционным [8. С. 85].

Коммунистическое осмысление колониального вопроса и тактика

Коммунистическая партия Великобритании (КПВ) с момента своего образования в 1920 г. не обладала достаточным количеством интеллектуалов для развития собственной экономической теории и имела относительно небольшую численность – 5 116 человек [2. Р. 271; 9. Р. 44]. Однако она входила в Коммунистический интернационал (Коминтерн) и могла пользоваться обширным теоретическим материалом зарубежных коллег. В своем сочинении «О праве наций на самоопределение» В.И. Ленин впервые заявил о необходимости предоставления права на самоопределение народам азиатских колоний европейских держав [10. С. 261]. Эта позиция также оказалась закреплена в ходе II Конгресса Коминтерна, и КПВ во всех программных документах последовательно ее придерживалась [11. С. 128–129]. Партия использовала и устоявшееся понимание империализма как высшей стадии капитализма. По В.И. Ленину, создание колониальных империй было вызвано чрезмерной аккумуляцией капитала в развитых капиталистических странах и последующим его вывозом на «ничейные земли» народов, менее развитых технологически [12. С. 386–387]. Необходимость империализма дополняла и его практическую. Например, С. Родс, премьер-министр Капской колонии в 1890–1896 гг. и один из деятелей британского империализма, говорил, что империализм – это способ «спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны» [12. С. 376]. Империя рассматривалась как способ решения соци-

ально-экономических проблем. В связи с этим колониальный вопрос рассматривался британскими коммунистами через призму борьбы с капитализмом. В ранних документах КПВ не подвергался сомнению тот факт, что сохранение империи является фундаментальным интересом британской буржуазии, тогда как революционная борьба британских рабочих должна связываться с освободительной борьбой индийского и ирландского народов [13]. Считалось, что национальное движение может ослабить позиции капиталистов в метрополии. Подчеркивались потеря страной влияния в собственных колониях, рост присутствия в них зарубежного капитала, борьба с которым обостряла международные противоречия и усугубляла риск новой войны [14, 15]. Разрушение системы колониальной зависимости виделось необходимым.

Наличие антиимпериалистических взглядов КПВ закреплялось особой тактикой. В первой половине 1920-х гг. партия стремилась к аффилиации с Лейбористской партией (ЛПВ) [2. Р. 258; 9. Р. 47]. За этим скрывался прагматичный расчет. В.И. Ленин призывал коммунистов заключить с лейбористами соглашение об объединенной политической борьбе против консерваторов и либералов при условии сохранения свободы пропаганды и агитации [16. С. 71–72]. Окончательной целью такого объединения было помочь лейбористам прийти к власти с тем, чтобы те скомпрометировали себя в глазах рабочего класса своей неспособностью к решительным преобразованиям. Это должно было привлечь пролетариат на сторону КПВ. Однако организационное сотрудничество было отклонено ЛПВ, поэтому британские коммунисты вступали в лейбористские организации на индивидуальной основе. Так предполагалось создать устойчивые группы коммунистов в некоммунистических организациях с целью последующего установления контроля над ними [17. Р. 37]. Примером организации с устойчивым коммунистическим крылом стала Антиимпериалистическая лига (АЛ), созданная в 1927 г. Организация занималась борьбой с империалистической политикой ведущих капиталистических стран [18. Р. 138]. Президентом АЛ стал лейборист и член парламента Дж. Лэнсбери, в то время как секретарями были коммунисты В. Мюнцберг и В. Чатопадайя. Британские коммунисты планировали воспользоваться некоммунистическим имиджем организации. В 1925–1927 гг. КПВ последовательно отправляла своих членов в Индию на работу по созданию местной коммунистической организации, получившей название Рабоче-крестьянской партии Индии [17. Р. 42–43]. Материальную помощь новой организации планировалось отправлять по линии АЛ, а не Коминтерна.

В ходе Девятого пленума 9–25 февраля 1928 г. Коминтерн призвал КПВ изменить линию и выступить как самостоятельная партия, выставив на выборах кандидатов не только против консерваторов и либералов, но и против ЛПВ [11. С. 757–758]. На практике это означало и сворачивание попыток организационного сотрудничества с ЛПВ, и возвращение к позициям левого коммунизма. В колониальном вопросе новая линия была дополнена VI Конгрессом. В его тезисах

была обозначена необходимость создания сильных коммунистических организаций в колониях с целью установления в них власти советов [11. С. 862–863].

Коминтерн целиком отождествил социал-демократическую политику Рабочего социалистического интернационала, в который входила ЛПВ, с империализмом [11. С. 868]. Так, радикализация позиций КПВ должна была коснуться и колониального вопроса. Однако смена политики не была односторонней. ЛПВ исключала коммунистов из своих партийных структур с 1925 г. [17. Р. 40; 19. С. 153]. Создавшаяся ситуация вынудила Коммунистическую партию Великобритании последовать новой линии Коминтерна, которую британские исследователи именуют «сектантской» [20. С. 518–519].

Однако изменения тактики коммунистов в целом не коснулись общего вектора их колониальной программы – освобождения колоний. В 1929 г. вышел предвыборный документ КПВ – «Класс против класса» [21]. В нем были наиболее системно изложены взгляды КПВ по колониальному вопросу. Британская империя рассматривалась в контексте военной угрозы и угнетения колониальных народов. Ее предполагалось ликвидировать, предоставив народам стран империи право на самоопределение вплоть до полного отделения и вывода войска из них и прочих зависимых стран. Отдельно оговаривалась необходимость предоставления независимости Индии без сценария самоопределения в рамках содружества, предложенного лейбористами [4. С. 157]. Предполагалось уничтожить систему экономических взаимосвязей между Великобританией и странами империи, которая виделась основой эксплуатации колониальных народов. Для обеспечения международного мира предполагалось демонтировать всю послевоенную систему международных отношений, способствовать роспуску Лиги Наций и ликвидации мандатной системы, которые рассматривались как прикрытие для империалистической политики стран-победительниц.

Благоприятные факторы для распространения коммунистических взглядов

Послевоенное положение Британской империи создавало благоприятное поле для деятельности коммунистов. Рост национально-освободительного движения в колониях сочетался со снижением популярности империализма в рабочих массах в метрополии [8. С. 111–112]. Британцы в основном оставались индифферентны к имперской идее, что проявилось даже в снижении спроса на произведения литераторов, занимавшихся восхвалением империи, включая Р. Кипплинга – английского литератора и путешественника. Население в основном поддерживало идею мирного распространения ценностей и достижений западной цивилизации. Откровенный империализм был в первую очередь характерен взглядам представителей высшего класса, которые привыкли управлять колониальными народами [22. Р. 166].

Давала поводы для критики и британская колониальная политика: империя все чаще прибегала к наси-

лию для самосохранения и не могла расширяться, как раньше. 13 апреля 1919 г. для подавления мирного национального митинга индийцев в городе Амритсар были использованы войска [3. С. 61]. Было убито около 1 тыс. человек, ранено около 2 тыс. В августе 1919 г. Великобритания навязала оккупированному Ирану договор, по которому получала контроль над страной [3. С. 47–48]. Это была составная часть плана лорда Керзона по созданию единой полосы британских владений от Ближнего Востока до Индии. Однако под давлением факторов сокращения военных расходов и поддержки Ирана со стороны РСФСР Великобритания была вынуждена вывести войска из страны в 1921 г. [8. С. 105]. Попытки подавить национально-освободительное движение в Китае в 1924–1927 гг. встречали сопротивление внутри метрополии [4. С. 139, 142–145]. Меры британского правительства по затягиванию процесса предоставления Индии самоуправления критиковались в колонии [4. С. 168].

Оправдалась и расчет коммунистов на то, что лейбористы не осуществят радикальных перемен в пользу рабочего класса. Первое лейбористское правительство целиком продолжило политику предшественников. 6 января 1924 г. Р. Макдональд в телеграмме в Индию писал, что революционные движения будут подавляться новым правительством [4. С. 78–79]. 21 февраля 1924 г. в Пенджабе произошел инцидент с использованием вооруженных сил против шествия сикхов акали. Весной 1924 г. был проведен Канпурский процесс над видными коммунистическими деятелями [4. С. 85–87]. Тогда же британской армией с использованием всех современных видов вооружения было подавлено восстание курдов в Ираке [4. С. 113]. Наконец, осенью 1924 г. движение свараджистов в Бенгалии было подавлено репрессивными методами [4. С. 95–96]. Из-за противоречий по вопросам военного присутствия британцев в формально независимом Египте, а также отказа правительства Р. Макдональда рассматривать вопрос об объединении Египта с Суданом англо-египетские переговоры осенью 1924 г. окончились безрезультатно [4. С. 103–105].

Раскрылись и недостатки послевоенной системы международных отношений, на которую Великобритания опиралась в своей имперской политике. Отказ США от участия в Лиге Наций устранил важнейшего потенциального соперника Великобритании по вопросу распределения мандатов. Лорд Бальфур признавал, что мандатная система превратилась в «распределение наград, основанное на традиционных стереотипах колониальной политики стран-победительниц» [8. С. 98]. Из положений о мандатах Лиги Наций была исключена норма о флаге организации для подмандатных территорий, что подчеркивало стремление Великобритании обеспечить свой суверенитет над этими землями [8. С. 99]. Лорд Лугард – представитель Великобритании в Постоянной комиссии Лиги наций по вопросам мандатных территорий – в 1922 г. писал, что у мандатов Лиги Наций есть два значения, первое из которых накладывало на Британию обязанность цивилизаторской миссии, а второе давало ей право эксплуатировать природные богатства территорий [23. Р. 282]. По-

этому критика Коминтерна и КПВ в адрес Лиги Наций, проводимая с момента II Конгресса, оказалась актуальной [11. С. 126].

Широкий размах стачечного и забастовочного движения в 1925–1926 гг. способствовал росту популярности коммунистов [9. Р. 49]. После событий «Красной пятницы» 31 июля 1925 г. – увенчавшейся успехом акции рабочего движения по борьбе с увеличением рабочего дня и уменьшением зарплаты, Конгресс тред-юнионов принял резолюцию, в которой в числе целей профсоюзного движения был назван демонтаж капитализма и имперской политики угнетения народов [19. С. 129]. Британские рабочие демонстрировали большую степень солидарности. Недовольство работников угольной промышленности планами правительства по увеличению рабочего дня и снижению зарплаты 4 мая 1926 г. переросло во Всеобщую стачку, в которой приняли участие рабочие ключевых отраслей экономики [19. С. 136–139]. Во время этой акции многие рабочие проявляли не только профессиональную, но и политическую сознательность, а ее поражение во многом объясняется тем, что это не соответствовало линии Генсовета Конгресса тред-юнионов, который пошел на компромисс с правительством [19. С. 143]. Именно в период Всеобщей стачки численность КПВ достигла своего пика – более 12 000 членов [9. Р. 49].

Причины неудачи коммунистов

Поражение стачки 13 мая 1926 г. и последующая реакция правительства, в ходе которой было принято законодательство, ухудшавшее рабочие условия, в итоге привели к снижению численности партии до 3 200 членов [9. Р. 49]. Помимо поражения рабочего движения, негативно отразилось на распространении колониальной повестки слабо развитое сотрудничество с коммунистическими организациями колоний и национально-освободительными движениями.

11–12 июля 1925 г. на Колониальной конференции в Амстердаме индийский коммунист М. Рой заявил, что Колониальный отдел КПВ находится под влиянием империалистических предрассудков [24. Р. 83]. Более того, национально-освободительные движения, чаще всего буржуазные, не стремились сотрудничать с коммунистами. Например, в Египте местное правительство преследовало коммунистов [4. С. 106–107]. Несмотря на то, что КПВ была легальной, британские власти преследовали ее членов в колониях. Деятельность Коминтерна была раскрыта британской администрацией в Индии. 20 марта 1929 г. начался Мирутский процесс, обвиняемыми в подготовке мятежа по которому выступили индийские коммунисты и члены КПВ Ф. Спрэтт и Б. Брэдли [20. Р. 515–516].

Репрессивная активность британской власти проявлялась и в метрополии. После исключения коммунистов из состава ЛПВ в октябре 1925 г. были подвергнуты заключению 12 руководителей КПВ, а изъятая в ходе обысков документация использовалась правительством и лейбористами для антикоммунистической пропаганды [17. Р. 35]. Еще одним результатом этих репрессий стало то, что в период Всеобщей стачки

партия действовала без сильного руководства. Во время Всеобщей стачки каждый десятый из числа коммунистов был арестован [19. С. 140].

Неявной причиной сложностей КПВ в распространении взглядов на колониальный вопрос стало также то, что после раскола Либеральной партии консерваторы перехватили крупную часть ее электората и оказывали большое влияние на информационное поле [8. С. 79–80]. Они имели широкую аудиторию в кругах рабочих [25. Р. 149]. Консервативные правительства демонстрировали устойчивость, а профсоюзное руководство – отсутствие готовности к революционным преобразованиям. Господство консерваторов в информационном поле нивелировало и одно из немногих преимуществ КПВ – поддержку со стороны Коминтерна. Партия регулярно получала денежные переводы из Москвы, а некоторые ее члены обучались в советских учебных заведениях [17. Р. 44; 26. Р. 20–21]. Поэтому КПВ виделась частью советской агентурной сети. Лозунги о роспуске Британской империи для непосвященного в марксизм читателя можно было приравнять к советскому заговору, что также использовалось против партии.

25 октября 1924 г. в Daily Mail было опубликовано письмо председателя исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьева, сопровождаемое подписью А. Макмануса, члена КПВ, революционного содержания [27. С. 695–697]. Обнародование письма позволило дискредитировать как Коминтерн с КПВ, так и лейбористское правительство, установившее дипломатические отношения с СССР. Лишь впоследствии было выяснено, что означенный документ был поддельным [1. С. 63].

Тем не менее даже узаконенное преследование коммунистов и их нахождение в меньшинстве относительно социал-демократических сил на практике не становилось главной причиной неудач движения [2. Р. 259; 28. С. 31–33]. Вопреки распространенному мнению, КПВ также проявляла активность в профсоюзном движении, в том числе через движение меньшинства, достигавшего в численности миллиона человек [19. С. 133]. Более того, КПВ массово работала со студентами из колоний, многие из которых впоследствии стали видными коммунистами в своих странах [17. Р. 43; 24]. Поэтому нельзя сказать, что работа коммунистов в среде рабочих и интеллектуалов оказалась целиком неудачной.

Куда большей проблемой для британских коммунистов стала линия Коминтерна. В период британского рабочего законодательства и упадка рабочего движения в 1927–1928 гг., когда численность КПВ заметно снизилась, а в СССР происходила борьба с троцкистской оппозицией, Коминтерн оказал давление на британскую партию и ее структуры, вызвав смену ее руководства [17. Р. 50–53]. Так раскол коммунистических сил затронул и КПВ, что не могло положительно сказаться на ее работе. Однако раскол и смена руководства – нормальная практика коммунистических сил этого периода [2. Р. 259; 28. С. 15–22]. Поэтому приводимая отечественными и зарубежными исследователями аргументация неудач КПВ в распространении идеологической повестки требует дополнения. Именно анализ

партийной программы и тактики в соотношении с марксистской теорией позволяет прийти к новому ответу на этот вопрос.

Придерживаясь колониальной тактики II и VI Конгрессов Коминтерна, британские коммунисты оказались скованы рамками ленинизма в его наиболее ярких чертах. В их числе оказалось и признание права народов Британской империи на самоопределение. Однако анализ общественного мнения не свидетельствует об однозначной готовности британцев в 1920-е гг. отказаться от империи, существование которой долго определяло развитие британской культуры [8. С. 110–112]. Также Британская империя обеспечивала рынок для британских товаров, а значит, и занятость британских рабочих. Неслучайно Т. Квелч, британский делегат на II Конгрессе Коминтерна, заявил, что британские рабочие увидят в лозунге об освобождении колоний предательство их интересов [18. Р. 143].

Однако идейные позиции международного коммунистического движения нельзя назвать в целом бесперспективными, поскольку теоретические установки марксизма не ограничивались ленинским учением. В среде коммунистов существовали альтернативные позиции по национальному и колониальному вопросам. Роза Люксембург, немецкий теоретик марксизма, одна из основательниц немецких марксистских организаций – Союза Спартака и Коммунистической партии Германии, например, первичным видела вопрос освобождения народных масс от капиталистической эксплуатации и придерживалась позиции, согласно которой право на самоопределение будет выгодно буржуазным националистам, а не коммунистам [29]. Согласно коренным установкам марксизма, ключевым распространителем науки и политической сознательности является господствующий класс [30]. Для народных масс в менее развитых колониях куда более актуальным был очевидный вопрос исключительно тяжелых условий жизни. Пример Индии показывает высокую смертность, сокращение посевной площади, регулярный голод, безграмотность и политическое бесправие населения, сохранение феодальных пережитков, систематическую эксплуатацию сырьевых ресурсов страны при сохранении аграрной экономики [3. С. 53–54]. Это вызывает сомнение в целесообразности продвижения политического самоопределения, которое не тождественно признанию культурной самобытности народа, не избавит его от экономической эксплуатации и не даст ему политические права. Сохранение взаимосвязей со странами империи позволило бы предполагаемому рабочему правительству оградить их от влияния иностранного капитала и возможной агрессии, а также обеспечило бы безопасность самой метрополии.

Таким образом, избранные КПВ и поддержанные Коминтерном колониальная программа и тактика не представляли интересов ни британских рабочих, ни широких масс колониальных народов. Акцент на предоставлении права на самоопределение привел партию к революционному идеализму, который и стал ключевой причиной того, что британские коммунисты так и не нашли своего массового избирателя.

Список источников

1. Прокопов А.Ю. Коминтерн, английские коммунисты и первое лейбористское правительство Великобритании // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 51–64.
2. Wood N. The Empirical Proletarians: A Note on British Communism // Political Science Quarterly. 1959. Vol. 74 (2). P. 256–272.
3. Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. М.: Мысль, 1967. 279 с.
4. Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами / под ред. А.Н. Ерофеева. М.: Наука, 1976. 268 с.
5. Knowles L.C.A., Knowles C.M. Economic Development of the British Overseas Empire. London: George Routledge & Sons, 1928. Vol. 2. 1592 p.
6. Оруэлл Дж. Эссе, статьи, рецензии. Пермь: КАПИК, 1992. Т. II. 320 с.
7. Jenks E. The Government of the British Empire. Boston: Little, Brown, and company, 1919. 369 p.
8. Сагимбаев А.В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М.: ЦИОГНИС, 2018. 526 с.
9. Pelling H. The Early History of the Communist Party of Great Britain, 1920–9 // Transactions of the Royal Historical Society. 1952. Vol. 8. P. 41–57.
10. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 25. С. 252–320.
11. Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919–1932 / под ред. Бела Куна. М.: Партийное изд-во, 1933. 1016 с.
12. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 27. С. 299–426.
13. A United Front Against the Capitalist Enemy. Manifesto of the Communist Party of Great Britain // The Communist. 1922. Oct. 28. URL: <https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/periodicals/communist/1922/10/28.htm>
14. Colonial Resolution. Sixth Congress of the Communist Party of Great Britain // Speeches & Documents of the Sixth (Manchester) Conference of the Communist Party of Great Britain. 1924. May 17–19. URL: <https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/congresses/06/07.htm>
15. Draft Programme of the C.P.G.B. to the Comintern // The Communist Review. 1924. Vol. 5 (2). URL: https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/periodicals/communist_review/1924/02/draft_programme.htm
16. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1981. Т. 41. С. 1–104.
17. Pelling H. The British Communist Party. A Historical Profile. London: Adam and Charles Black, 1975. 204 p.
18. Sherwood M. The Comintern, the CPGB, Colonies and Black Britons, 1920–1938 // Science & Society. 1996. Vol. 60 (2). P. 137–163.
19. Трухановский В.Г. Новейшая история Англии. М.: Соцэкгиз, 1958. 592 с.
20. Callaghan J. Colonies, Racism, the CPGB and the Comintern in the Inter-War Years // Science & Society. 1997. Vol. 61 (4). P. 513–525.
21. Class Against Class: General Election Programme of the Communist Party of Great Britain. 1929. URL: <https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/pamphlets/1929/class-against-class.htm>
22. Porter B. Critics of Empire: British Radical Attitudes to Colonialism in Africa. New York: St. Martin's P., 1968. 369 p.
23. Lugard F. The Dual Mandate in British Tropical Africa. Edinburgh; London: W. Blackwood and Sons, 1922. 647 p.
24. Communist Papers: documents selected from those obtained on the arrest of the Communist leaders on the 14th and 21st October, 1925 / presented to Parliament by command of His Majesty. London: H.M.S.O., 1926. 136 p.
25. British Electoral Facts, 1885–1975 / ed. by E.W.S. Craig London: Macmillan, 1976. 182 p.
26. Eaden J., Renton D. The Communist party of Great Britain since 1920. New York: Palgrave, 2002. 220 p.
27. Zinoviev G.E., McManus A., Kuusinen O.V., Gregory J.D. The Zinoviev Letter // Advocate of Peace through Justice. 1924. Vol. 86 (12). P. 695–698.
28. Ленин В. И. Что делать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1963. Т. 6. С. 1–192.
29. Luxemburg R. The National Question. Selected Writings by Rosa Luxemburg // Monthly Review Press. 1976. URL: <https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1909/national-question/ch01.htm>
30. Kautsky K. The Intellectuals and the Workers // Fourth International. 1946. Vol. 7 (4). P. 125–126.

References

1. Prokopov, A.Yu. (2015) Komintern, angliyskie kommunisty i pervoe leyboristskoe pravitel'stvo Velikobritanii [The Comintern, English Communists, and the First Labour Government of Great Britain]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. pp. 51–64.
2. Wood, N. (1959) The Empirical Proletarians: A Note on British Communism. *Political Science Quarterly*. 74(2). pp. 256–272.
3. Erofeev, N.A. (1967) *Zakat Britanskoy imperii* [The Decline of the British Empire]. Moscow: Mysl'.
4. Sudeykin, A.G. (1976) *Kolonial'naya politika leyboristskoy partii Anglii mezhdu dvumya mirovymi voynami* [Colonial Policy of the Labour Party of England Between the Two World Wars]. Moscow: Nauka.
5. Knowles, L.C.A. & Knowles, C.M. (1928) *Economic Development of the British Overseas Empire*. Vol. 2. London: George Routledge & Sons.
6. Orwell, G. (1992) *Esse, stat'i, retsenzii* [Essays, Articles, Reviews]. Vol. 2. Translated from English. Perm: KAPIK.
7. Jenks, E. (1919) *The Government of the British Empire*. Boston: Little, Brown, and Company.
8. Sagimbaev, A.V. (2018) *Kolonial'naya politika Velikobritanii v mezhoennyy period: prichiny i osobennosti transformatsii* [Colonial Policy of Great Britain in the Interwar Period: Causes and Features of Transformation]. Moscow: TsIOGNIS.
9. Pelling, H. (1952) The Early History of the Communist Party of Great Britain, 1920–9. *Transactions of the Royal Historical Society*. 8. pp. 41–57.
10. Lenin, V.I. (1969a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 25. Moscow: Politizdat. pp. 252–320.
11. Kun, B. (ed.) (1933) *Kommunisticheskiy Internatsional v dokumentakh: resheniya, tezisy i vozzvaniya kongressov Komintern i plenumov IKKI, 1919–1932* [The Communist International in Documents: Decisions, Theses, and Appeals of the Congresses of the Comintern and the Plenums of the Executive Committee of the Communist International, 1919–1932]. Moscow: Partiynoye izd-vo.
12. Lenin, V.I. (1969b) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 27. Moscow: Politizdat. pp. 299–426.
13. The Communist Party of Great Britain. (1922) A United Front Against the Capitalist Enemy. Manifesto of the Communist Party of Great Britain. *The Communist*. 28th October. [Online] Available from: <https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/periodicals/communist/1922/10/28.htm>
14. The UK. (1924) Colonial Resolution. Sixth Congress of the Communist Party of Great Britain. In: *Speeches & Documents of the Sixth (Manchester) Conference of the Communist Party of Great Britain*. May 17–19. [Online] Available from: <https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/congresses/06/07.htm>
15. The Communist Party of Great Britain. (1924) Draft Programme of the C.P.G.B. to the Comintern. *The Communist Review*. 5(2). [Online] Available from: https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/periodicals/communist_review/1924/02/draft_programme.htm
16. Lenin, V.I. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 41. Moscow: Politizdat. pp. 1–104.

17. Pelling, H. (1975) *The British Communist Party. A Historical Profile*. London: Adam and Charles Black.
18. Sherwood, M. (1996) The Comintern, the CPGB, Colonies and Black Britons, 1920–1938. *Science & Society*. 60(2). pp. 137–163.
19. Trukhanovskiy, V.G. (1958) *Noveyshaya istoriya Anglii* [Contemporary History of England]. Moscow: Sotsekgiz.
20. Callaghan, J. (1997) Colonies, Racism, the CPGB and the Comintern in the Inter-War Years. *Science & Society*. 61(4). pp. 513–525.
21. The Communist Party of Great Britain. (1929) *Class Against Class: General Election Programme of the Communist Party of Great Britain*. [Online] Available from: <https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/pamphlets/1929/class-against-class.htm>
22. Porter, B. (1968) *Critics of Empire: British Radical Attitudes to Colonialism in Africa*. New York: St. Martin's P.
23. Lugard, F. (1922) *The Dual Mandate in British Tropical Africa*. Edinburgh; London: W. Blackwood and Sons.
24. The UK. (1926) *Communist Papers: documents selected from those obtained on the arrest of the Communist leaders on the 14th and 21st October, 1925*. Presented to Parliament by command of His Majesty. London: H.M.S.O.
25. Craig, E.W.S. (ed.) (1976) *British Electoral Facts, 1885–1975*. London: Macmillan.
26. Eaden, J. & Renton, D. (2002) *The Communist Party of Great Britain since 1920*. New York: Palgrave.
27. Zinoviev, G.E., McManus, A., Kuusinen, O.V. & Gregory, J.D. (1924) The Zinoviev Letter. *Advocate of Peace through Justice*. 86(12). pp. 695–698.
28. Lenin, V.I. (1963) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 6. Moscow: Politizdat. pp. 1–192.
29. Luxemburg, R. (n.d.) *The National Question. Selected Writings by Rosa Luxemburg*. [Online] Available from: <https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1909/national-question/ch01.htm>
30. Kautsky, K. (1946) The Intellectuals and the Workers. *Fourth International*. 7(4). pp. 125–126.

Сведения об авторе:

Бердников Родион Эдуардович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rodionberdnikov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Berdnikov Rodion E. – Postgraduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rodionberdnikov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 19.04.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 327.7

doi: 10.17223/19988613/94/15

20 лет инновационной политики Европейского союза

Александр Сергеевич Горбачев

Томский государственный университет, Томск, Россия, gorbachev5aleksandr@mail.ru

Аннотация. Рассматривается развитие инновационной политики Европейского союза начиная с 1980-х гг. Резюмируются итоги и результаты деятельности Европейского союза в научно-технической и инновационной политике в период с 2004 по 2022 г. По итогам исследования обозначены главные вызовы ЕС в инновационной деятельности до 2030 г. Методологической основой исследования являются общенаучные методы: анализ, синтез, сравнительно-статистический и конкретно-исторический. Особое внимание уделено институционально-правовому измерению политики, рамочным программам и организациям.

Ключевые слова: инновации, Европейский союз, научно-техническая политика, рамочные программы

Для цитирования: Горбачев А.С. 20 лет инновационной политики Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 119–131. doi: 10.17223/19988613/94/15

Original article

20 years of innovation policy of the European Union

Alexander S. Gorbachev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, gorbachev5aleksandr@mail.ru

Abstract. The main purpose of the research is a comprehensive and systematic study of the EU innovation policy and an assessment of current innovation activity in the European Union. In particular, the author describes the concept of innovation policy of the European Union, identifies the main trends in the evolution of the innovation policy of the European Union. The main result of the article is an evaluation of innovation activity effectiveness and reflection of future challenges in the innovation policy of the EU. The innovation policy is considered as the main direction of scientific and technological development in the EU. The main part of the literature and sources were the reports of the European Commission. The research is also based on the reports of public organizations and national governments, as well as scientific works of European researchers. The article contains a historical background on the development of innovation policy from the beginning of the 21st century to 2022. The author examines the effectiveness of the scientific and technical policy of the European Union in various cross-sections in order to make the study objective and reflect pluralism in approaches to evaluation. The article presents the problematic aspects of innovation policy, as well as its successful components. The final part of the study provides a list of predicted challenges that the European Union will face in the direction of innovation until 2030. In order to successfully implement the framework programs and get closer to the targets, the European Union needs the same interpretation of common goals, joint efforts and infrastructure combined into a solid ecosystem. Numerous mechanisms for implementing innovation policy are reduced to the need to coordinate the actions of actors, delegating responsibilities and establishing relationships between laboratories, industry, states, EU institutions and society. Meanwhile, dissimilarity and large number of actors in innovation policy complicates coordination, as well as unequal national interests of the EU countries.

Keywords: innovation, European Union, scientific and technical policy, framework programs

For citation: Gorbachev, A.S. (2025) 20 years of innovation policy of the European Union. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 119–131. doi: 10.17223/19988613/94/15

История европейской интеграции неразрывно связана с научно-техническим направлением: научно-техническое сотрудничество велось еще в угольной и сталелитейной промышленности в рамках Европейского объединения угля и стали, а также по сельскому хозяйству в рамках Европейского экономического сообщества. А на базе Евратома был создан Совместный

научно-исследовательский центр (СНИЦ) – Joint Research Centre (JRC). Активизация научно-технического прогресса началась со вступлением Великобритании в Сообщество, тогда ЕЭС с поддержкой Еврокомиссии начало частично финансировать научно-технические проекты, мобильность научных кадров и закупку дорогостоящего оборудования.

Позже, в 1980-х гг., была запущена Европейская стратегическая программа исследований и разработок в области информационных технологий (ESPRIT) с бюджетом 1,5 млрд евро. Половина этой суммы поступила от ЕС, а еще половина – от участников проекта. Средства вкладывались также и в трансграничные НИОКР. Приоритетами программы были микроэлектроника и системы обработки информации. Всего с 1983 по 1998 г. было запущено 4 программы ESPRIT (European Strategic Programme on Research in Information Technology). С этой программы и началась современная, активная фаза в развитии инновационной политики в Европейском союзе.

С 1984 по 2013 г. Европейский союз потратил почти 25 млрд евро на поддержку тысяч исследовательских проектов в области информационных и коммуникационных технологий: от мультимедиа до мобильных телекоммуникаций, от транспорта до медицинских приложений, от сельскохозяйственных IT-систем до искусственного интеллекта. Подробное описание рамочных программ в инновационной политике данного периода приводится в документе Европейской Комиссии «25 лет Цифровой Европы. Роль ЕС в развитии высоких технологий», откуда будет взята справочная информация по ним [1].

В этот период ключевыми программами стали ESPRIT, RACE, ACTS, Telematics. Цель программы ESPRIT: обеспечить европейскую IT-индустрию более современной технологической инфраструктурой. Программа финансирования способствовала сотрудничеству между различными компаниями по всей Европе. Также укреплялась связь между промышленностью и научными кругами. ESPRIT I была включена в Первую рамочную программу, которая имела совокупный бюджет в 3,75 млрд евро. ESPRIT II проходила с 1987 по 1989 г. и была обеспечена 1,5 млрд евро. ESPRIT III – в 1990–1994 гг. с бюджетом 1,5 млрд евро. ESPRIT IV – в период 1994–1998 гг. с бюджетом в 2 млрд евро. Результаты программы ESPRIT, отчеты о которых также изложены в документах Европейской Комиссии, во многом положили начало складыванию такой инновационной политики, какой она стала к началу исследуемого в настоящей работе периода, – к 2000 г. [2].

RACE (Research and Development in Advanced Communications Technologies) – рамочная программа, которая ставила целью повысить конкурентоспособность телекоммуникационной отрасли Сообщества, ее операторов связи и услуг. Она разрабатывалась от-

дельно от предыдущей программы и имела собственную схему финансирования, которым занималось Сообщество. RACE I (1988–1992) – 550 млн евро; RACE II (1991–1994) – 489 млн евро. В практическом смысле RACE была нацелена на новаторскую работу в области широкополосной и мобильной связи и цифрового телевидения. Одной из основных целей было развитие интегрированной широкополосной связи для ускорения передачи данных по сетям, что было достигнуто к 1995 г.

ACTS (программа-преемник RACE). Данная программа дала толчок развитию технологий широкополосной и мобильной связи, она действовала в 1994–1998 гг. и была поддержана финансированием Евро-союза в 671 млн евро. Исследователи, финансирующие ACTS, опубликовали более 4 000 научных работ и зарегистрировали более 140 новых патентов, также они занимались оцифровкой элементов культурного наследия, разрабатывали мировые стандарты кодирования видео (MPEG2 и MPEG4) и стандарты цифрового телевидения (DVB). Значительный вклад в развитие интерактивных видеосервисов был внесен Советом по цифровым аудиовизуальным технологиям (DAVIC) и Инициативой Открытой платформы для мультимедийного доступа (OPTIMA).

Telematics – программа, разработанная для объединения телекоммуникаций и информационных технологий. Она включила в себя 3 подпрограммы: DRIVE – телемеханические программы для транспорта; DELTA – телемеханические программы для образования и обучения; AIM – телемеханические программы для медицины.

Исследовательские области были расширены до сельских районов, окружающей среды, языковой инженерии и разработок для инвалидов и пожилых людей. Программа действовала до 1998 г. и получила совокупное финансирование в 1,28 млрд евро.

Перечисленные программы были составными частями многолетних рамочных программ (1-я, 2-я, 3-я и 4-я), которые имеют общую периодизацию и установленное Комиссией финансирование сферы информационных и компьютерных технологий (ICT). Вторая рамочная программа: ESPRIT II, RACE I, DRIVE, DELTA, AIM; совокупный бюджет 5,4 млрд евро. Третья рамочная программа: RACE II, ESPRIT III, Telematics (включая объединенные DRIVE, DELTA и AIMS); совокупный бюджет 6,6 млрд евро. Четвертая рамочная программа: ACTS, Telematics, ESPRIT IV; совокупный бюджет 13,2 млрд евро (табл. 1).

Таблица 1

Рамочные программы Европейского союза в 1984–2013 гг.

№	Период, годы	Рамочные программы	Финансируемые программы	Объем финансирования, млн евро
1	1984–1987	1-я Рамочная программа	ESPRIT I	750
2	1987–1991	2-я Рамочная программа	ESPRIT II (1987–1989); RACE I (1988–1992); DRIVE; DELTA; AIM	2 275
3	1990–1994	3-я Рамочная программа	RACE II (1991–1994); ESPRIT III; Telematics (продолжение программ DRIVE, DELTA и AIM)	2 360
4	1994–1998	4-я Рамочная программа	ACTS; ESPRIT IV	3 626
5	1998–2002	5-я Рамочная программа	IST Programme	3 600
6	2002–2006	6-я Рамочная программа	IST Programme	4 000
7	2007–2013	7-я Рамочная программа	ICT Programme	9 110

Пятая рамочная программа (FP5) – IST Programme – регулировала деятельность Европейского союза в области исследований и технологических разработок на период 1998–2002 гг. Эти приоритеты были выбраны на основе набора общих критериев, отражающих основные проблемы повышения конкурентоспособности промышленности и качества жизни европейских граждан [3].

Она состояла из двух отдельных частей: рамочная программа Европейского сообщества, охватывающая исследования, технологические разработки и демонстрационную деятельность, и рамочная программа Евратома, охватывающая исследовательскую и учебную деятельность в ядерном секторе.

Подробное описание того, какую роль инновации занимали в ЕС во время Пятой рамочной программы, можно найти в «Зеленой книге инноваций ЕС» [4].

Бюджет FP5 по сравнению с предыдущими программами увеличился незначительно – 14,96 млрд евро. Однако она значительно отличалась от предыдущих программ идейно. По мнению Европейской Комиссии, она была способна ответить на основные социально-экономические вызовы, стоящие перед Европейским союзом на рубеже XX–XXI вв. Так, программа сочетала технологические, промышленные, экономические, социальные и культурные аспекты. Процедуры управления также были оптимизированы с акцентом на упрощение процедур и систематическое вовлечение ключевых участников в исследования.

Основными треками программы (Тематические программы), охватывающими ряд конкретных проблем, являлись: качество жизни и управление жизненными

ресурсами (LIFE QUALITY); удобное для пользователя информационное общество (IST); конкурентоспособный и устойчивый рост (GROWTH); энергетика, окружающая среда и устойчивое развитие (EESD).

Они были дополнены Горизонтальными программами, отвечая общим потребностям во всех областях исследований: подтверждение международной роли исследований сообщества (INCO 2); поощрение инноваций и включенности МСП (INNOVATION-SME); развитие человеческого исследовательского потенциала и базы социально-экономических знаний (HUMAN POTENTIAL). Полный перечень программ приведен в табл. 2.

Кроме того, FP5 включала специальную программу Евратома по исследованиям и подготовке кадров в области ядерной энергетики, охватывающую области управляемого термоядерного синтеза и ядерного расщепления. Как Рамочные программы ЕС, так и программы Евратома содержали конкретные задачи, которые должны были выполняться Объединенным исследовательским центром (ОИЦ) Европейской комиссии. Они включали и исследования, и научно-техническую поддержку институционального характера.

Все поддерживаемые меры подразделялись на две категории: косвенные действия (планирование финансирования и разделение затрат, координация национальных проектов, выплата учебных пособий и проведение сопутствующих мероприятий) и прямые действия (институциональные исследования и мероприятия по научно-технической поддержке, осуществляемые Объединенным исследовательским центром – JRC).

Таблица 2

Подпрограммы, реализованные в период действия Пятой Рамочной программы

№	Наименования подпрограмм	Расшифровка
1	ASSO	Система анализа официальных данных
2	BEEP	Лучшие практики электронной Европы
3	BUSY	Инструменты и методы анализа бизнес-циклов
4	CASC	Вычислительные аспекты статистической конфиденциальности
5	CHINTEX	Гармонизация панельных опросов, анализ панельных эффектов
6	CLAMOUR	Повышение качества систем классификации, автоматизированное кодирование
7	CODACMOS	Кластер систем интеграции сбора данных и метаданных для статистики
8	COSMOS	Кластер систем метаданных для официальной статистики
9	DACSEIS	Методы варьирующихся подсчетов
10	DIASTASIS	Статистические показатели «Цифровой эры»
11	DIECOFIS	Разработка системы показателей экономической конкурентоспособности и финансового воздействия на эффективность деятельности предприятия
12	EICSTES	Европейские показатели, Киберпространство и система «Наука-Технология-Экономика»
13	ESIS	Европейская система индексов удовлетворенности
14	EURAREA	Оценка малых площадей, оценка стандартных расчетов
15	EUREDIT	Разработка и оценка новых методов редактирования
16	EUROKY-PIA	Развитие знаний в Европе для анализа воздействия политики
17	FASTER	Гибкий доступ к статистике, таблицам и электронным ресурсам
18	FLASH	Предварительные оценки квартальных национальных счетов
19	INSPECTOR	Качество жизненных циклов статистической информации
20	IPIS	Интеграция систем общественной информации и статистических служб
21	IQML	Программный пакет и расширенный стандарт языка разметки (XML) для наукоемкой документации
22	METANET	Система разработки для согласования и синтеза статистических метаданных
23	MISSION	Мультиагентная интеграция общей статистической информации в международном пространстве
24	MOSUS	Моделирование возможностей и ограничений для реструктуризации Европы в направлении устойчивого развития
25	NEWKIND	Показатели экономической активности, связанные со знаниями
26	OPUS	Оптимизация использования ограниченной информации в городских и региональных системах
27	SIBIS	Статистические показатели, характеризующие информационное общество

Окончание табл. 2

№	Наименования подпрограмм	Расшифровка
28	SPIN!	Пространственный интеллектуальный анализ данных, представляющих общественный интерес
29	STATLAS	Статистический атлас Европейского союза
30	STILE	Статистика и показатели на рынке труда в электронной экономике
31	WEBSM	Методологии веб-опросов

Главное отличие и новизна Пятой рамочной программы – в ее глобальности. Это подтверждается и материалами, которые приводятся в «Зеленой книге инноваций ЕС» 1995 г., упомянутой выше. Так, инновации в начале 2000-х гг. рассматривались как синоним успешного производства, освоения и использования новизны в экономической и социальной сферах. Инновации – это в то же время и новые подходы к решению проблем, которые позволяют поднять уровень благосостояния как отдельного человека, так и общества в целом.

Следующая – 6-я Рамочная программа (FP6) – проводилась в 2002–2006 гг. и имела больший бюджет, чем предыдущая.

Европейская комиссия утверждает, что FP6 была призвана внести свой вклад в создание настоящего «Европейского исследовательского пространства» (ERA) [5]. ERA – это видение будущего исследований в Европе, внутреннего рынка науки и технологий. Улучшение координации между соответствующими акторами на всех уровнях должно было способствовать научному развитию и обеспечению конкурентоспособности. Экономический рост все больше начинал зависеть от научных исследований, и многие из общественных и промышленных проблем того времени больше не могли решаться только на национальном уровне, особенно в малых странах.

Заявки на участие в этой программе отбирались более тщательно, чем в предыдущих программах, и проходили несколько этапов отбора, который имел строгие критерии, главные из которых: ЕС финансировал только те проекты, в которых участвуют несколько партнеров из разных стран; качество и технологическая актуальность проектов, поданных на финансиро-

вание, оценивались внешними независимыми экспертами, и каждое предложение оценивалось в среднем пятью экспертами; фонды FP6 не являлись субсидиями исследовательским организациям или компаниям и могли использоваться только для тщательно описанных проектов или исследовательских разработок.

Совокупный бюджет 6-й FP составил 17,5 млрд евро [6], что составляет около 4% от общего бюджета ЕС (2001) и 5,4% всех государственных (невоенных) расходов на исследования в Европе. 7% от этой суммы (1 230 млн евро) планировалось потратить на ядерные исследования в рамках рамочной программы Евратома.

Еврокомиссия определила три приоритетных направления и ранжировала их по объему финансирования: сосредоточение и интеграция исследований сообщества (Focusing and integrating Community research) – 13,34 млрд евро; структурирование Европейского исследовательского пространства (Structuring the European Research Area) – 2,6 млрд евро; укрепление основ Европейского исследовательского пространства (Strengthening the foundations of the European Research Area) – 320 млн евро.

Рамочная программа Евратома также имеет три приоритетных направления, но с гораздо меньшим финансированием (7% от общего): приоритетные тематические области исследований (Priority thematic areas of research) – 890 млн евро; иная деятельность в области ядерных технологий и безопасности (Other activities in the field of nuclear technology and safety) – 50 млн евро; деятельность Объединенного исследовательского центра (Activities of the Joint Research Centre) – 290 млн евро.

В табл. 3 приведен общий список названий подпрограмм и проектов Шестой Рамочной программы.

Таблица 3

Подпрограммы, реализованные в период действия Шестой Рамочной программы

№	Наименования подпрограмм	Расшифровка
1	COMPARE	Инструментарий для улучшения сопоставимости данных межнациональных обследований с инструментами для обмена
2	DECOIN	Разработка и сравнение показателей устойчивости
3	ESEC	Европейская социально-экономическая классификация
4	ESS	Европейские социальные исследования
5	EU-KLEMS	Производительность в Европейском союзе: сравнительно-отраслевой подход
6	I-CUE	Повышение производительности и удобства использования EUROMOD
7	INDI-LINK	Оценка взаимосвязей между Целями устойчивого развития на основе показателей
8	KEI	Индикаторы экономики знаний: разработка инновационных и надежных систем показателей
9	MICMAC	Преодоление микро- и макро-разрыва в прогнозировании численности населения
10	MEADOW	Измерение динамики работы организаций
11	PRIME	Политика в области исследований и инноваций в рамках перехода к Европейскому исследовательскому пространству
12	SHARE	Обзор состояния здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе
13	THESIM	На пути к гармонизации европейской статистики международной миграции
14	WORKS	Организация и реструктуризация труда в Обществе знаний

Заявки на участие в программе проходили по определенному алгоритму, включающему несколько проверок и верификаций. Со всеми кандидатами, успешно прошедшими проверку, Комиссия заключала контракты. Помимо прочего, устанавливались правила и нормы для интеллектуальной собственности, предоставлялась вся необходимая информация и поддержка CORDIS (Информационная служба Сообщества по исследованиям и разработкам) [7].

Можно на данном этапе заключить, что к 2002 г., к моменту, когда FP6 была организована, эволюция инновационной политики проявлялась в том, что Европейская Комиссия усложнила бюрократическую часть рамочной программы и структурировала ее прежде всего по приоритетам, а затем – по подпрограммам и назначению их финансирования. Также бюрократизм проявлялся в более строгом отборе заявок. Подпрограммы были четко разделены по функциям, но все еще отвечали тем приоритетам, которые лишь недавно

актуализировались в политике Евросоюза и еще не претерпели существенных идейных изменений, как это было в последующих программах. Само же усложнение механизмов впоследствии оказалось не самым эффективным инструментом, из-за чего эти механизмы стали упрощаться в будущем.

Седьмая рамочная программа проводилась с 2007 по 2013 г. и была обеспечена бюджетом в 50 млрд евро, что в 2,8 раза больше бюджета предыдущей программы. Несмотря на то, что все рамочные программы и так брали курс на развитие высокотехнологичных разработок в области ИТ, промышленности, машиностроения и средств связи, можно сказать, что именно в этот период началось предварительное «строительство Европы знаний» [8]. Как уже было сказано ранее, «Рамочная программа <...> была значительно упрощена, чтобы быть более эффективной и более доступной для исследователей». Подпрограммы Седьмой рамочной программы перечислены в табл. 4.

Таблица 4

Подпрограммы, реализованные в период действия Седьмой Рамочной программы

№	Наименование подпрограммы	Расшифровка
1	AMELI	Усовершенствованная методология для европейских «Индикаторов Лакена»
2	BLUE-ETS	Работа по направлению статистики: более эффективный сбор данных для повышения качества статистики
3	BRAINPOoL	Включение альтернативных показателей в политику
4	CESSDA-PPP	Проект для Масштабной модернизации Исследовательской базы архивов Совета Европейских социальных наук (CESSDA)
5	COINVES	Конкурентоспособность, инновации и нематериальные инвестиции в Европе
6	DASISH	Инфраструктура обслуживания данных для социальных и гуманитарных наук
7	DEMETER	Разработка методов и инструментов для оценки результатов исследований
8	DwB	Данные без границ
9	e-Frame	Европейская система оценки прогресса
10	ECOSH	Экономика охраны труда и техники безопасности
11	EERQI	Европейские индикаторы качества образовательных исследований
12	ENGAGE	Инфраструктура для открытого, совместного предоставления правительственных данных исследовательским сообществам и гражданам
13	ESSprep	Подготовительный этап разработки инфраструктуры европейского социального опроса (Европейское социальное исследование (ESS))
14	EUDAT	Европейские данные
15	IN-STREAM	Интеграция основных экономических показателей с устойчивым развитием
16	INNO S&T	Инновационные научно-технические показатели, объединяющие патентные данные и опросы: эмпирические модели и анализ политики
17	INTEGRIS	Улучшенный сбор данных о несчастных случаях и инвалидности
18	POINTS	Влияние политики на показатели в разных секторах
19	RISQ	Показатели репрезентативности для оценки качества исследований
20	ROWER	Создание базы данных для экономических исследований в области благосостояния
21	SAMPLE	Методы оценки благосостояния и условий жизни на малых территориях
22	WIOD	Создание и применение Всемирной базы данных

Сравнивая направления, по которым работали подпрограммы FP5, FP6 и FP7, можно заметить разницу в их общей направленности: подпрограммы FP5 были направлены преимущественно на создание инструментов для правильного сбора и систематизации данных, подпрограммы FP6 имели своего рода баланс между разработкой методов сбора информации, общественно полезными проектами и промышленно-ориентированными проектами, в то время как подпрограммы Седьмой программы в большинстве служили обществу и реализовывали проекты, ориентированные на повышение качества жизни граждан.

Европейская Комиссия опубликовала доклад с оценкой эффективности FP7. В нем говорится, что

программа была эффективна в стимулировании науки и укреплении промышленной конкурентоспособности Европы, способствовала росту и созданию рабочих мест в Европе [9]. Повысились как качество научных исследований, так и их количество: суммарно проекты FP7 собрали 170 000 публикаций, при этом уровень открытого доступа составляет 54% для всех научных рецензируемых публикаций, созданных за время проведения FP7. В некоторых программах до 30% публикаций, полученных в результате проектов, финансируемых FP7, входят в топ-5% часто цитируемых публикаций по своим дисциплинам, что значительно выше средних показателей по Европе и США. По итогам FP7 было подано более 1 700 патентных заявок и бо-

лее 7 400 коммерческих разработок. FP7 продвигала новаторские исследования через Европейский исследовательский совет (ERC). Количество публикаций в научных журналах с самым высоким рейтингом, профинансированных ERC, а также количество Нобелевских премий и медалей Филдса, присужденных получателям грантов ERC, демонстрируют, что гранты ERC быстро стали отличительной чертой научной деятельности в ЕС.

По оценкам Комиссии, FP7 увеличила ВВП ЕС примерно на 20 млрд евро в год в течение следующих 25 лет, обеспечила создание около 130 000 рабочих мест в области исследований в год (в течение 10 лет) и 160 000 дополнительных рабочих мест в год (в течение 25 лет). Имеются также свидетельства положительно-го воздействия с точки зрения микроэкономических эффектов: участвующие предприятия сообщают о разработке инновационных продуктов, увеличении оборота, повышении производительности и конкурентоспособности. FP7 усилила подготовку и долгосрочную мобильность исследователей, повысила качество подготовки докторантов и помогла улучшить условия труда для исследователей в ЕС. FP7 поддержала 50 000 исследователей, в том числе 10 000 кандидатов наук из 140 стран (из них более трети были стипендиатами из третьих стран).

В ходе оценки также были определены способы повысить эффективность финансирования инноваций. Многие замечания, содержащиеся в докладе, были учтены при планировании программы Horizon 2020, «преемницы» FP7.

Важную роль сыграла стратегия Европейского союза, принятая до 2020 г. – «Европа 2020». Она представляет собой десятилетнюю экономическую стратегию, представленную Европейской комиссией в марте 2010 г. Ее заявленная цель – способствовать «разумному, устойчивому и инклюзивному» росту. «Европа 2020» определила восемь основных целей, которые должны были быть достигнуты к концу 2020 г., включая занятость, исследования и разработки, климат и энергетику, образование, социальную интеграцию и сокращение масштабов нищеты [10]: 75% населения в возрасте от 20 до 64 лет должны быть трудоустроены (EMP); 3% ВВП ЕС будет инвестировано в НИОКР (R&D); выбросы парниковых газов должны понизиться на 20% (или на 30%, если условия подходящие) по сравнению с 1990 г. (GHG); 20% энергии – из возобновляемых источников (REN); повышение энергоэффективности на 20% по сравнению с 2005 г. (EFF); снижение частоты преждевременного ухода из школы до показателя ниже 10% (ESL); не менее 40% лиц в возрасте 30–34 лет, получающих образование третьего уровня (TERT); сократить на 20 миллионов количество людей, живущих в условиях нищеты и социальной изоляции (AROP).

Трудность заключалась в том, чтобы оценить, какой объем государственных инвестиций необходим для достижения 3% ВВП, выделяемых на НИОКР, ведь значительная их доля должна обеспечиваться частным сектором. В итоге бюджет ЕС и вклады национальных бюджетов заняли равные доли, примерно по

трети. Остальная нагрузка легла на частный сектор. Забегая вперед, стоит отметить, что 3% ВВП на инновации и исследования удалось выделить только Германии, Дании, Австрии и Швеции. Это говорит о том, что финансирование инноваций или целевые показатели требуют пересмотра.

Европейская комиссия также представила отдельную подробную оценку потребностей государственного и частного секторов в области исследований и разработок. Установленный план предусматривал дополнительные инвестиции в размере 50 млрд евро в дополнение к базовому сценарию, который подразумевает ежегодные инвестиции в размере 3 млрд евро, в результате чего общая сумма приблизилась к 80 млрд евро.

Инновации в Horizon 2020 играют ключевую роль, поскольку ее флагманской инициативой стала программа Innovation Union – одна из семи основных инициатив. Innovation Union, в свою очередь, и являлся главным воплощением инновационной и исследовательской политики в ЕС до 2020 г. План этой программы содержал более 30 проектов и был направлен на выполнение трех главных задач: превратить Европу в научную державу мирового класса; устранить препятствия на пути инноваций, такие как дорогостоящее патентование, фрагментация рынка, медленное принятие стандартов и нехватка квалифицированных кадров; кардинально изменить способы взаимодействия государственного и частного секторов, в частности благодаря инновационному партнерству между европейскими институтами, национальными и региональными властями и бизнесом.

Таким образом, в ходе реализации «Инновационного союза» инновационная политика ЕС претерпела массу трансформаций. Во-первых, в Евросоюзе было обеспечено стратегическое использование бюджетов государственных закупок для финансирования подпрограмм и «всеобъемлющей базы инноваций», основанной на 25 показателях. Во-вторых, был создан механизм финансирования с разделением рисков, с помощью которого удалось привлечь финансирование заинтересованных сторон объемом в 15 раз больше, чем совокупный вклад Комиссии и ЕИБ в размере более миллиарда евро [11]. В рамках Innovation Union Евросоюз позиционировал себя как центр транснационального взаимодействия и сотрудничества, объединяясь с третьими странами для совместного ведения проектов.

Нельзя не упомянуть и более локальные программы, сопутствовавшие «Инновационному Союзу»: Механизм финансирования с разделением рисков (RSFF) – это механизм распределения кредитных рисков, совместно созданный Комиссией и Европейским инвестиционным банком (ЕИБ) для обеспечения доступности кредитного финансирования частным компаниям или государственным учреждениям, продвигающим НИОКР и инновационную деятельность; Рамочная программа конкурентоспособности и инноваций (CIP). Финансовые инструменты CIP охватывают гарантии по кредитам и венчурный капитал и управляются Европейским инвестиционным фондом (EIF), мажоритарным акционером которого является ЕИБ.

Кроме того, именно во время реализации «Инновационного союза» Европейскому парламенту и Совету было предложено предпринять необходимые шаги для создания патентной системы ЕС, в том числе по языковому режиму, чтобы первые патенты ЕС могли быть выданы в 2014 г.

Horizon 2020 – восьмая по счету рамочная программа, проводившаяся в 2014–2020 гг. и имевшая объемы финансирования в 1,6 раз больше, чем FP7 – около 80 млрд евро. Ее можно рассматривать как финансовый инструмент для реализации «Инновационного союза», флагманской инициативы «Европа 2020». Так, можно заключить, что Horizon 2020 – также один из центральных механизмов обеспечения глобальной конкурентоспособности Европы [12].

Рассматриваемая как средство стимулирования экономического роста и создания рабочих мест, Horizon 2020 к 2014 г. обрела весомую политическую поддержку европейских лидеров и членов Европейского парламента. «Они согласились с тем, что исследование – это инвестиции в наше будущее, и поэтому поставили их в центр плана ЕС по разумному, устойчивому и инклюзивному росту и созданию рабочих мест», – заявлено в архивных материалах Еврокомиссии [13]. В приоритеты данной программы было поставлено создание гарантий, что Европа «производит науку мирового класса, устраняет барьеры для инноваций и облегчает совместную работу государственного и частного секторов в области внедрения инноваций». Также подчеркивается, что механизмы Horizon 2020 сохранили тенденцию на упрощение своей структуры, которая сокращала бюрократические издержки и время на согласование заявок, чтобы участники могли сосредоточиться на том, что действительно важно [14].

При все тех же упрощенных механизмах для подачи заявок, по содержанию и масштабу Horizon 2020 представляет собой глобальную сеть институтов и подотчетных им подпрограмм. Кроме того, эта структура была более согласованной, чем FP7, а использование целевых областей для содействия междисциплинарным решениям многих проблем общества особенно поддерживалось партнерами.

Европа 2030 – новая стратегия, принятая Европейским союзом на следующее десятилетие, до 2030 г. Эта стратегия основывается на двух главных целях: поддержание открытой исследовательской и инновационной среды, основанной на европейских ценностях, чтобы помочь исследователям и новаторам во всем мире работать в рамках многостороннего партнерства и находить решения для глобальных проблем; обеспечение взаимности и равных условий в международном сотрудничестве в области исследований и инноваций.

Инновации в ее контексте все так же тесно связаны со всеми системообразующими отраслями: промышленностью, экономической политикой, социальной средой, здравоохранением, территориями и городской средой, сельским хозяйством, патентами и разработками. Свыше 90% инициатив открыты для сотрудничества со странами, не входящими в ЕС, однако Европейская Комиссия уточнила, что все участники должны

давать гарантии, что они готовы защищать стратегические активы, интересы, автономию и безопасность ЕС. Существенное отличие новой стратегии в том, что она должна отвечать на новые вызовы, о которых речь пойдет ниже.

Horizon Europe (FP9) – девятая рамочная программа, принятая на период 2021–2027 гг. Horizon Europe сегодня является ключевым инструментом реализации новой стратегии до 2030 г. Программа остается открытой для участия организаций, расположенных по всему миру, а не только в странах Евросоюза, что отвечает приоритетам новой стратегии. Однако, чтобы защитить стратегические интересы, автономию и безопасность ЕС, программа может в исключительных случаях ограничивать участие тех или иных организаций из третьих стран в некоторых мероприятиях.

Системное описание программы приводится Национальной контактной точкой «Здравоохранение» на ее сайте [15]. Бюджет FP9 в конечном итоге составит более 100 млрд евро: 97,9 млрд евро будет выделено для реализации программы, и 2,4 млрд евро предназначается для программы Евратома. Новый бюджет не предусматривает вклада Великобритании в связи с ее выходом из ЕС, но Еврокомиссия рассчитывала, что Великобритания присоединится к программе в статусе ассоциированной страны. Основными приоритетами Horizon Europe стали открытая наука (Open science), глобальные вызовы (Global Challenges), открытые инновации (Open Innovation).

В рамках первого раздела на сегодняшний день действуют Европейский исследовательский совет, Программа имени Мари Склодовской-Кюри, а также проводится работа в направлении «Исследовательские инфраструктуры». Целями данного раздела являются поддержка передовых исследований, повышение потенциала исследователей в Европе и обеспечение им доступа к исследовательским инфраструктурам.

Второй раздел нацелен на решение мировых социальных проблем. Исследовательская деятельность здесь сфокусирована на следующих приоритетных областях: здравоохранение; инклюзивное и безопасное общество; цифровизация промышленности; климат, энергетика и мобильность; продовольствие и природные ресурсы.

Третий раздел «Открытые инновации» способствует максимизации инновационного потенциала Европейского союза и продвижению и коммерциализации полученных научных знаний. В рамках раздела действует Европейский совет по инновациям (EIC), который поддерживает прорывные исследования посредством двух механизмов. Первый – EIC Pathfinder – предоставляет гранты суммой до 5 млн евро любым юридическим лицам, включая учебные заведения, ожидаемым результатом взаимодействия которых является новый стартап или бизнес-план. Второй механизм, который получил название EIC Accelerator, направлен на масштабирование производства перспективных продуктов. Инфраструктуру Horizon Europe и визуализацию задействованных институтов и программ на момент февраля 2022 г. можно представить в виде схемы (рис. 1).



Рис. 1. Дорожная карта Horizon Europe [16]

Horizon Europe также не входит в исследуемый период, однако ее следует учитывать в контексте ответа Евросоюзом на стоящие перед ним вызовы. Так, например, во втором столбце (Global challenges & European industrial competitiveness) можно увидеть приоритет «здоровье» на первой строке (ответственность за данное направление несет Объединенный исследовательский центр), поскольку программа была начата в период пандемии COVID-19. Кроме того, многие выработанные механизмы координации оказались недоступны из-за карантина, поэтому данная программа изначально была осложнена именно в процессах взаимодействия между институтами. «На порядок сложнее построить консорциум, организовать партнеров, понять вызов и попытаться разместить нужные элементы», – комментирует программу Horizon Europe Круз Энрике Борхес Эрнандес, эксперт из Университета Деусто, Испания [17].

Параллельно проводится инициатива Digital Europe, которая обеспечивает стратегическое финансирование проектов в пяти ключевых областях: суперкомпьютеры, искусственный интеллект, кибербезопасность, передовые цифровые решения и обеспечение широкого использования цифровых технологий в экономике и обществе, в том числе через Центры цифровых инноваций. Имея общий бюджет в 7,5 млрд евро, программа направлена на ускорение восстановления экономи-

ки и формирование цифровой трансформации европейского общества [10].

Через ее приоритетные направления хорошо демонстрируются те вызовы, которые стоят перед Европой сегодня, а цели программы в какой-то степени и являются ответом на эти вызовы: необходимость трансформировать экономику и общество в эпоху пандемии, угроза безопасности киберпространства и постоянная конкуренция лидирующих государств за статус передовой, инновационной державы.

Подытоживая и оценивая хронологию появления рамочных программ, можно увидеть, как менялась динамика в росте их финансирования, а вместе с этим – важность и масштаб исследований и инноваций для всего Евросоюза. Если соотнести размеры бюджета первых рамочных и текущих программ, станет понятно, насколько со временем актуализировалась значимость инноваций для общества, образования, исследований и для всех приоритетных отраслей производства: с 3,75 млрд евро (Первая рамочная программа) до 100 млрд евро (Девятая рамочная программа), т.е. более чем в 26,6 раз. Если же говорить только о периоде 2000–2020 гг., т.е. о разнице между FP5 (1998–2002) и FP8 Horizon Europe, то бюджет последней (80 млрд евро) был больше в 5,3 раз.

На данный момент можно заключить, что Евросоюзу удастся расширять инновационную политику,

в частности улучшать инвестиционные механизмы в том, что касается объема бюджета. С другой стороны, в таком масштабном объединении, как ЕС, очень тяжело рассчитывать нужное направление инвестиционных потоков. Это связано по меньшей мере с тем, что разные страны имеют разную обеспеченность ресурсами, разными ВВП и проблемами в экономике, а значит, имеют различную включенность в реализацию общих задач. Кроме того, постоянно есть риски, понижающие вероятность успешного проведения программ. В условиях глобализации мировые тренды меняются очень быстро, однако ЕС увеличил сроки проведения рамочных программ, начиная с FP7, с 4 до 6 лет. Кроме того, Евросоюз постоянно задействован как глобальный актор, что делает его более зависимым от экономических и нефтяных кризисов, пандемии, точек международной нестабильности и конфликтов: например, экономический кризис 2008 г. оказал продолжительное и значимое влияние на экономику, и Евросоюзу долгое время не удавалось достичь выделения целевых 3% ВВП на НИОКР, а в последних рамочных программах речь идет именно о восстановлении экономики в условиях пандемии.

С другой стороны, современная инновационная политика Евросоюза – это система, которая уже способна оценивать свои результаты и эмпирическим путем выводить новые методы развития. Например, по мере того как расширялись рамочные программы, поначалу (в период FP6) усложнилась и процедура оформления заявок. Затем, с 2007 г., пошла тенденция на упрощение бюрократической составляющей, которая сохраняется и по сей день.

Говоря о сложностях, с которыми сталкивается ЕС, следует отметить, что существует множество факторов, задающих неоднородность Евросоюзу как наднациональному объединению. Среди них: правовое поле государств-наций ЕС; культурные отличия и особенности европейской идентичности и национальных идентичностей; отличие внутривнутриполитических доктрин стран-членов; разница экономик и экономических систем по величине и приоритетным отраслям; длительность пребывания участников в составе ЕС и их исторический опыт; разница в показателях эффективности в реализации общеевропейских программ; влияние пандемии COVID-19; отношения с торговыми партнерами и Россией; разное отношение стран-членов к текущим обновлениям стратегий ЕС и другие факторы. Поэтому в качестве проблемного аспекта, который проявился сразу и усложнялся по мере расширения Евросоюза, можно выделить неоднородность. Когда речь идет о координации работы 27 государств, параллельно усилия самих государств и их институтов тратятся в значительной степени на эту координацию. Но объяснить этим аспектом все нюансы инновационной политики ЕС представляется недостаточным с научной точки зрения, поэтому в заключительной части исследования речь пойдет как о сильных сторонах инновационной политики, так и о ее недостатках и слабых сторонах.

Бесспорным остается тот факт, что расходы на НИОКР и инновации в сочетании с более эффектив-

ным использованием ресурсов способствуют повышению конкурентоспособности ЕС и созданию рабочих мест. Но когда речь идет о направлениях, между задействованными институтами или государствами может возникнуть расхождение в видении приоритетов для инвестирования. Например, инвестиции в более экологичные технологии, помимо сокращения выбросов парниковых газов, по-прежнему поддерживают бизнес и создают новые рабочие места, следовательно, могут повысить конкурентоспособность и внести вклад в промышленную политику. Эта взаимосвязь помогает создать синергию между различными инициативами, но затрудняет четкое определение инвестиционных потребностей для каждой новой инициативы. Иными словами, инициативы в той или иной степени связаны между собой, но этим они и сложны, потому что для их реализации всегда есть множество способов, а у каждого способа, в свою очередь, есть свои сторонники и инвесторы.

Следующим проблемным аспектом является отставание Юга от Севера. При подведении итогов программы Horizon 2020 эксперты из Европейской Комиссии сопоставляли целевые показатели, заранее известные для каждой страны, с текущими результатами их участия в проектах Horizon 2020. В конечном счете они выяснили, что страны Южной и Восточной Европы, такие как Испания, Болгария, Греция, Португалия, Польша, Венгрия и Румыния, отстают от стран Северной и Западной Европы. Эта тенденция сегодня не нова, она обнаруживается также в исследованиях другого профиля, в том числе в социологических. Объяснить это можно тем, что население и политическая элита стран Южной Европы, как правило, более консервативны, чем соответствующие социальные группы стран Севера, а также южные страны изначально имели более низкую конкурентоспособность. Например, они труднее переносили кризис 2008 г. Что касается стран Восточной Европы, многие из них вступили в Евросоюз относительно недавно и имеют слабую экономику, которая вместе с социалистическим прошлым не позволяет наверстать прогресс и вступить в конкуренцию.

Анализ, проведенный экспертами Еврокомиссии, показывает также значительную межрегиональную неоднородность показателей стратегии «Европа 2020» для многих стран. Примеры Испании и Италии особенно показательны в этом отношении. Это также следует из доклада Европейской комиссии The Europe 2020 Regional Index, в котором национальные показатели сравниваются с целевыми показателями стран ЕС [18]. По итогам двух десятилетий 3% ВВП на инновации и исследования удалось выделить только Германии, Дании, Австрии и Швеции. Это требует пересмотра финансирования инноваций Евросоюзом.

Horizon 2020 имел более согласованную структуру, чем FP7, а использование междисциплинарных решений многих проблем общества особенно поддерживалось партнерами и политиками. Тем не менее большое количество инструментов и сложная структура делают основу для поддержки исследований и инноваций сложной для управления Евросоюзом и могут приве-

сти к менее согласованным действиям участников. Фокусирование на повышении уровня технологической развитости создает проблемы отвлечения ресурсов от подготовки будущих прорывных, хотя и более долгосрочных, инноваций. Несмотря на инициативы, направленные на усиление согласованности взаимодействия с другими фондами ЕС, в частности с европейскими структурными и инвестиционными фондами, дальнейшая согласованность затрудняется нарушением последовательности действий и сложностью различных финансовых и других правил: например условий предоставления государственной помощи. Партнерские отношения между государственным и общественным секторами, поддерживаемые софинансированием Horizon 2020, создают основу для долгосрочного сотрудничества, но, похоже, не влияют на политику и стратегии государств-участников [19].

После пандемии COVID-19 эксперты Европейского стратегического форума по исследовательским инфраструктурам (ESFRI) ожидают, что большие лаборатории будут развивать схемы удаленного доступа, позволяющие большему числу исследователей отправлять образцы в лаборатории без физического присутствия [20]. Если эти изменения станут постоянными, то лабораториям придется пересмотреть свои планы по найму, потому что для обработки образцов, присланных удаленными исследователями, потребуется больше сотрудников. В связи с изменением подходов к международному сотрудничеству в исследованиях и инновациях европейские исследовательские инфраструктуры будут разрабатывать политику, позволяющую оставаться открытыми для международных исследователей. Одновременно они должны гарантировать, что результаты конфиденциальных исследований не попадут в руки конкурентов, а также найти баланс между открытостью и контролем операционных расходов на обслуживание инфраструктуры. Это важный вопрос, так как доля международных исследователей, использующих европейские установки, растет, и встает вопрос, как покрывать операционные расходы.

Также в ESFRI обратили внимание на ряд других проблем. Эксперты соглашались с тем, что не все исследования могут быть коммерциализированы, но это не значит, что они менее ценны. Стоит добавить, что с этим косвенно связано и несправедливое давление на ученых в отношении того, чтобы они также были коммерчески ориентированными или занимались предпринимательской деятельностью. На самом же деле у каждой стороны есть своя цель, и цель ученых – проводить передовые исследования и создавать разработки. При этом обязанность вспомогательных служб состоит в обеспечении соответствующей исследовательской инфраструктуры, и затем – в коммерциализации. Но в то же время коммерциализация означает не только то, что новые открытия воплощаются в патенты. Она должна приводить к росту ВВП, созданию рабочих мест и в конечном счете – к повышению уровня жизни. А научные публикации в журналах с высокой цитируемостью сами по себе не должны быть показателем успеха конкретного исследователя – необходимо более широкое определение, указываю-

щее на применимость его разработок в текущих рамочных программах.

Говоря об успехах инновационной политики, можно сказать, что Европейский союз справляется со многими вызовами благодаря следованию следующим принципам: сосредоточение общеевропейских усилий на меньшем количестве приоритетов, в частности на областях, где сотрудничество на европейском уровне представляет ощутимую ценность; движение к постепенной интеграции деятельности всех участников, работающих на разных уровнях; поощрение исследовательской деятельности, направленной на долгосрочное, «структурообразующее» сотрудничество; поддержка мероприятий, которые укрепляют общую научно-техническую базу Европы; использование научного потенциала стран-кандидатов для подготовки и содействия их вступлению в ЕС на благо европейской науки в целом; широкое применение возможностей некоммерческих организаций, исследовательских центров, как и интеграция прочей разрастающейся инфраструктуры в национальные программы стран ЕС и рамочные программы; постоянная разработка новых инструментов стимулирования спроса на инновации, включая внедрение более эффективных стандартов, операционных методов регулярного мониторинга, а также осуществление государственных закупок и реализации эко-инноваций.

Таким образом, современный ЕС постоянно переосмысливает ценность инноваций, как и их роль в экономике и обществе, однако придерживается уже проверенных инструментов. Это и обуславливает расширение трехзвенной модели инновационной системы «наука–бизнес–государство» до пятизвенной «наука–бизнес–государство–гражданское общество–окружающая среда», о котором писал исследователь В. Циренщиков [20].

Невозможно предсказать, какой будет следующая программа в рамках стратегии Европа 2030, как и предварительно оценить успех Horizon Europe. С другой стороны, есть несколько вызовов для Европейского союза, выработка ответов на которые необходима уже сегодня. Здесь попытаемся перечислить на первый взгляд неочевидные вызовы, которые требуют внимания не меньше, чем кибертерроризм или пандемия COVID-19. Повышение эффективности европейских исследований и инноваций сегодня является необходимым для ЕС, чтобы поддерживать устойчивый рост и создать хорошо оплачиваемые рабочие места, а также выдержать давление глобализации и международную конкуренцию. Поэтому среди главных – и сохраняющихся – вызовов можно перечислить конкуренцию Евросоюза с США и Японией.

Следующий вызов следует обозначить как неблагоприятные условия рамочных программ: частные инвестиции в исследования и инновации ограничиваются, а идеи не попадают на рынок из-за плохой доступности финансирования, дорогостоящего патентования, фрагментации рынка, устаревших правил и процедур, медленного установления стандартов и неспособности использовать государственные закупки стратегически. Кроме того, отдавая предпочтение устоявшимся новаторам на рынке, руководство про-

граммы упускает из виду молодые, быстро развивающиеся компании. Тенденция на упрощение механизмов в будущем должна будет решить именно эти проблемы, если, конечно, не потребуется более радикальный и принципиальный пересмотр данных механизмов. Также к вызовам можно отнести противоречия между фрагментацией деятельности и объединением усилий: с одной стороны, национальные и региональные исследовательские и инновационные системы по-прежнему работают по разным направлениям, что приводит к дублированию в создании дорогостоящей инфраструктуры. С помощью Европейской исследовательской зоны, объединив усилия, ЕС может повысить качество исследований и потенциал Европы для крупных прорывов. Разрыв взаимосвязи между исследователями и рынком в этом случае будет восстанавливаться с помощью инновационных партнерств. С другой стороны, как было упомянуто выше, все страны уже давно имеют по-разному сложенную структуру инновационной политики, и их участие сводится лишь к определению подпрограмм, к которым они подключаются.

Старение населения сегодня – важная социальная проблема, имеющая значительные социальные и экономические последствия. Заглядывая в будущее, нетрудно предположить, что расходы, связанные с возрастом и социальным обеспечением, увеличатся в среднем по ЕС на несколько процентов от ВВП в год. Поэтому задачей инновационной политики здесь является повышение устойчивости систем социального обеспечения за счет более эффективных расходов на здравоохранение и долгосрочное лечение и в конечном счете повышение продолжительности жизни, а вместе с ним и продление трудоспособного возраста. Для этого нужно будет внедрять более эффективные медицинские инновации для борьбы с хроническими заболеваниями, инновационные и более интегрированные системы ухода, а также разрабатывать и внедрять инновационные продукты и устройства, специально предназначенные для пожилых людей.

До 2030 г. на первый план постепенно выходит концепция «Цифрового гражданства», в рамках которой Евросоюз выводит на первый план следующие принципы [21]: нахождение общества и прав граждан в центре цифровой трансформации; поддержка солидарности и интеграции; обеспечение безопасности в Интернете; содействие участию в цифровом обществен-

ном пространстве; повышение уровня безопасности, защищенности и расширения прав и возможностей отдельных лиц; содействие устойчивому развитию цифрового будущего.

Комиссия также будет проводить ежегодное исследование Евробарометра для мониторинга эффективности мер в государствах-членах. Евробарометр будет собирать качественные данные, основанные на восприятии гражданами того, как цифровые принципы применяются на практике в различных государствах-членах.

По предварительным прогнозам, для Евросоюза в 2030 г. будут свойственны финансирование проектов с высокой «социальной отдачей» и создание «открытых экосистем для исследований, инноваций и образования». Перед ЕС будут стоять задачи перехода к низкоуглеродной экономике, устойчивому производству и потреблению, т.е. так называемой циклической экономике [22]. В продолжение дискуссии о том, какой будет Европа в 2030 г., важно уточнить, что основную роль в будущем сыграют политические факторы, от которых будет зависеть, ждет ли ЕС в дальнейшем расширение или сужение. Некоторые политические события (например, в Нагорном Карабахе и Украине) приводят к образованию новых политических коалиций на Западе и Востоке, а также к смещению приоритетов с инноваций на развитие оборонного потенциала.

К 2030 г. Евросоюзу предстоит координировать деятельность стран-членов, чтобы адекватно отвечать на вызовы безопасности, изменения климата, окружающей среды. Государства-члены должны увеличивать объем финансирования исследований и воспринимать инновации как инвестиции в будущее. Можно предположить, что при соблюдении таких принципов ЕС сможет создать условия для сохранения инновационного лидерства.

Чтобы успешно реализовать рамочные программы и приблизиться к целевым показателям, Европейскому союзу необходимы одинаковое толкование общих целей, объединение усилий и инфраструктура, объединенная в прочную экосистему, а многочисленные механизмы реализации инновационной политики в очередной раз сводятся к необходимости координировать действия акторов, делегируя обязанности и налаживая взаимосвязи между лабораториями, промышленностью, государствами, институтами ЕС и обществом.

Список источников

1. 25 Years of Digital Europe – The EU's role in high-tech development // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/information_society/doc/digitaleurope-historial.pdf (accessed: 15.05.2022).
2. ESPRIT results and progress 1991/1992 // European Commission. 2022. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/1201-esprit-results-and-progress-19911992> (accessed: 15.05.2022).
3. Fifth RTD Framework Programme, 1998–2002 // European Commission. 1998. URL: <https://cordis.europa.eu/programme/id/FP5> (accessed: 15.05.2022).
4. EU Green Paper on Innovation. European Commission, 1995. 136 p.
5. The 6th EU Research Framework Programme // European Commission. 2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_02_152 (accessed: 15.05.2022).
6. The Sixth Framework Programme in brief // ICES. 2002. URL: https://www.ices.dk/about-ICES/projects/EU-RFP/EU%20Repository/fp6-in-brief_en.pdf (accessed: 16.05.2022).
7. About CORDIS // European Commission. URL: <https://cordis.europa.eu/about/en> (accessed: 15.05.2022).
8. Seventh Framework Programme: Building the Europe of Knowledge // European Commission. 2007. URL: https://transport.ec.europa.eu/transport-themes/research-and-innovation/seventh-framework-programme-building-europe-knowledge_en (accessed: 15.05.2022).
9. Commission presents its evaluation of the 7th Framework Programme for Research // European Commission. 2026. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_16_146 (accessed: 15.05.2022).

10. Athanasoglou S., Dijkstra L. The Europe 2020 Regional Index. European Commission, 2014. 47 p. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC90238> (accessed: 17.05.2022).
11. Turning Europe into a true Innovation Union // European Commission. 2010. URL: https://wayback.archive-it.org/12090/20181227162102/http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-10-473_en.htm?locale=en (accessed: 17.05.2022).
12. Заплатина Т.С. Институт Лауэ–Ланжевена как форма научной кооперации // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 11 (156). С. 108–123. doi: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.108-123. EDN BGGJUU
13. What is Horizon 2020? // European Commission. URL: <https://wayback.archive-it.org/12090/20220124080448/https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/what-horizon-2020> (accessed: 17.05.2022).
14. Пилавов Г.П. «Инновационный Союз», его инструменты и место Германии в рамках этой программы // Вестник Луганского национального университета им. Владимира Даля. 2019. № 1 (19). С. 97–99. EDN JQOUHH.
15. Horizon Europe // European Commission. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (accessed: 06.04.2025).
16. Roadmap & Strategy report // ESFRI. 2021. URL: <https://roadmap2021.esfri.eu/strategy-report/> (accessed: 22.05.2022).
17. The Digital Europe Programme // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme> (accessed: 22.05.2022).
18. Research & technology infrastructures: How to build closer ties between excellence, industry and society? // Science | Business. 2021. URL: <https://sciencebusiness.net/system/files/reports/010-R%26T%20INFRASTRUCTURE.pdf> (accessed: 22.05.2022).
19. Европейские фонды, гранты, программы // Политех : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. URL: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/expert-center-international-cooperation/scientific-cooperation/european-funds-grants-programs/> (дата обращения: 30.04.2024).
20. Циренщиков В.С. Очередная версия промышленной политики ЕС // Современная Европа. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherednaya-versiya-promyshlennoy-politiki-es> (дата обращения: 30.03.2021).
21. Europe's Digital Decade: digital targets for 2030 // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en (accessed: 28.05.2022).
22. Ибрагимов К.А. Европа-2030: рамочная программа Европейского союза по исследованиям и технологическому развитию // Обозреватель. 2017. № 11 (334). С. 51–61. EDN YMCJER.

References

1. European Commission. (n.d.) *25 Years of Digital Europe – The EU's role in high-tech development*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/information_society/doc/digitaleurope-historial.pdf (Accessed: 15th May 2022).
2. European Commission. (2022) *ESPRIT results and progress 1991/1992*. [Online] Available from: <https://cordis.europa.eu/article/id/1201-esprit-results-and-progress-19911992> (Accessed: 15th May 2022).
3. European Commission. (1998) *Fifth RTD Framework Programme, 1998–2002*. [Online] Available from: <https://cordis.europa.eu/programme/id/FP5> (Accessed: 15th May 2022).
4. European Commission. (1995) *EU Green Paper on Innovation*. Publications Office of the European Union.
5. European Commission. (2022) The 6th EU Research Framework Programme. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_02_152 (Accessed: 15th May 2022).
6. European Union. (2002) *The Sixth Framework Programme in brief*. ICES. [Online] Available from: https://www.ices.dk/about-ICES/projects/EU-RFP/EU%20Repository/fp6-in-brief_en.pdf (Accessed: 16th May 2022).
7. European Commission. (n.d.) About CORDIS. [Online] Available from: <https://cordis.europa.eu/about/en> (Accessed: 15th May 2022).
8. European Commission. (2007) *Seventh Framework Programme: Building the Europe of Knowledge*. [Online] Available from: https://transport.ec.europa.eu/transport-themes/research-and-innovation/seventh-framework-programme-building-europe-knowledge_en (Accessed: 15th May 2022).
9. European Commission. (2016) *Commission presents its evaluation of the 7th Framework Programme for Research*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_16_146 (Accessed: 15th May 2022).
10. Athanasoglou, S. & Dijkstra, L. (2014) *The Europe 2020 Regional Index*. [Online] Available from: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC90238> (Accessed: 17th May 2022).
11. European Commission. (2010) *Turning Europe into a true Innovation Union*. [Online] Available from: https://wayback.archive-it.org/12090/20181227162102/http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-10-473_en.htm?locale=en (Accessed: 17th May 2022).
12. Zaplatina, T.S. (2019) Institut Laue–Langevin как форма научной кооперации [The Laue–Langevin Institute as a Form of Scientific Cooperation]. *Lex Russica*. 11(156). pp. 108–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.108-123
13. European Commission. (n.d.) *What is Horizon 2020?* [Online] Available from: <https://wayback.archive-it.org/12090/20220124080448/https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/what-horizon-2020> (Accessed: 17th May 2022).
14. Pilavov, G.P. (2019) “Innovatsionnyy Soyuz”, ego instrumenty i mesto Germanii v ramkakh etoy programmy [“Innovation Union”, its instruments and Germany's place within this program]. *Vestnik Luganskogo natsional'nogo universiteta im. Vladimira Dallya*. 1(19). pp. 97–99.
15. European Commission. (n.d.) *Horizon Europe*. [Online] Available from: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (Accessed: 6th April 2025).
16. ESFRI. (2021) *Roadmap & Strategy Report*. [Online] Available from: <https://roadmap2021.esfri.eu/strategy-report/> (Accessed: 22nd May 2022).
17. European Commission. (n.d.) *The Digital Europe Programme*. [Online] Available from: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme> (Accessed: 22nd May 2022).
18. Anon. (2021) *Research & technology infrastructures: How to build closer ties between excellence, industry and society?* [Online] Available from: <https://sciencebusiness.net/system/files/reports/010-R%26T%20INFRASTRUCTURE.pdf> (Accessed: 22nd May 2022).
19. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. (n.d.) *Evropeyskie fondy, granty, programmy* [European funds, grants, programs]. [Online] Available from: <https://www.spbstu.ru/international-cooperation/expert-center-international-cooperation/scientific-cooperation/european-funds-grants-programs/> (Accessed: 30th April 2024).
20. Tsirenschikov, V.S. (2020) European Union's industrial policy: a next version. *Sovremennaya Evropa*. 6. pp. 153–162. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherednaya-versiya-promyshlennoy-politiki-es> (Accessed: 30th March 2021).
21. European Commission. (n.d.) *Europe's Digital Decade: digital targets for 2030*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en (Accessed: 28th May 2022).
22. Ibragimova, K.A. (2017) *Evropa-2030: ramochnaya programma Evropeyskogo soyuza po issledovaniyam i tekhnologicheskomu razvitiyu* [Europe 2030: the European Union's Framework Programme for Research and Technological Development]. *Obozrevatel*. 11(334). pp. 51–61.

Сведения об авторе:

Горбачев Александр Сергеевич – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gorbachev5aleksandr@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gorbachev Alexander S. – Postgraduate Student at the Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gorbachev5aleksandr@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 20.05.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/94/16

Французская модель деколонизации и алжирский вопрос

Алексей Игоревич Готка

Томский государственный университет, Томск, Россия, gotka.aleksey@gmail.com

Аннотация. Рассматривается французская модель деколонизации через призму алжирского вопроса, регулярно становившегося предметом обсуждений в ООН в 1954–1962 гг. Подчеркивается, что международное давление стало одной из ключевых причин постепенной трансформации французской модели деколонизации. Выделяются этапы этой трансформации: ассимиляция, ассоциация, двухсторонние соглашения. Сделан вывод, что алжирский вопрос вынудил Францию обратиться к системе неформальной опеки над бывшими колониями и способствовал усилению роли стран Азии и Африки на международной арене.

Ключевые слова: деколонизация, Франция, алжирский вопрос, ООН, Алжирская война

Для цитирования: Готка А.И. Французская модель деколонизации и алжирский вопрос // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 132–139. doi: 10.17223/19988613/94/16

Original article

French model of decolonization and the Algerian question

Aleksey I. Gotka

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, gotka.aleksey@gmail.com

Abstract. The article observes the transformation of the French model of decolonization. The Algerian question is seen as one of the main reasons for this transformation. This question was discussed at the UN in 1954–1962. The article examines the main mechanisms of political pressure from the former dependent countries of Africa and Asia. The primary sources for this study are presented by the transcripts of meetings of the UN Security Council and the summary record of the meeting of UN General Assembly. Other sources were the speeches of the French President Charles De Gaulle and notes of a French politician Alain Peyrefitte.

The article begins with a short description of the status of Algeria in the structure of France. Algeria was considered as a department and integral part of France. The Fourth French Republic did not allow secession. Therefore, Algerian movement “National Liberation Front” started uprising. The military action drew global attention. Afro-Asian countries supported the right of the Algerian people to independence and began to apply diplomatic pressure towards France to limit its influence as much as possible.

The second part of the article begins with a description of the transformation of French policy towards the Algerian crisis. Paris offered association to resolve the Algerian conflict and keep Algeria in the French Union. Afro-Asian countries sought to coerce France into a peaceful solution and to give the conflict international status. Western countries did not allow for such an outcome.

The Fifth Republic did not change its policy toward Algeria at first. Charles de Gaulle continued the policy which had begun by the leadership of the Fourth Republic. France soon began to see the idea of the French Community in the form of an association of sovereign states as a solution to dependency problems. Afro-Asian countries supported Algerian rebels again and forced France to abandon the association idea. Western states initially supported France, but closer to the end of the conflict they began to establish friendly relations with the Algerian rebels.

The article emphasizes that de Gaulle decided to finally dismantle any form of French colonial system. He decided to realize French interests through bilateral treaties between Paris and the former colonies. Thus, the *Françafrique* project was laid, which was much more resistant to any diplomatic pressure because it was not publicized. That project allowed French diplomats and politicians to deny its existence.

Keywords: decolonization, France, Algerian question, UN, Algerian War

For citation: Gotka, A.I. (2025) French model of decolonization and the Algerian question. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 132–139. doi: 10.17223/19988613/94/16

Введение

После Второй мировой войны европейские метрополии столкнулись с необходимостью трансформации своих империй. Мощное национально-освободительное движение в период Второй мировой войны и рост расходов на содержание колониального аппарата делали неэффективным существование империй образца первой половины XX в. [1. С. 5–9]. При этом европейские державы были заинтересованы в сохранении своих экономических и стратегических привилегий на зависимых территориях, поэтому стремились к реорганизации отношений с ними. Каждая метрополия имела свое уникальное видение этого процесса.

Франция обращалась к двум моделям деколонизации – ассимиляции и ассоциации. Первая модель, которая была заложена еще при Третьей Французской республике, была взята на вооружение руководством Четвертой республики. Париж делал ставку на ассимиляцию населения зависимых территорий, стремясь создать единое централизованное государство в рамках Французского Союза [2. Р. 9171–9172]. Механизмы достижения этой интеграции – уравнивание в правах граждан метрополии и жителей колоний и ограниченное привлечение последних к участию в центральных органах власти [3. Р. 285]. Такая политика показала свою неэффективность, главным образом из-за сопротивления со стороны национально-освободительных движений, которые стремились к достижению суверенитета, а не к расширению собственных прав в рамках существующего государства. Вызванный этими процессами конфликт – война за независимость Алжира (1954–1962) – привел к окончательному отказу от ассимиляции в пользу второй модели, которая предполагала создание ассоциации независимых государств в рамках Французского Сообщества [3. Р. 286]. Франция отказалась и от этой модели во многом из-за неудач в алжирской политике и приступила к реализации двухсторонних соглашений с бывшими колониями.

Алжирская война была предопределена особым статусом этой территории в государственном устройстве Франции. В 1848 г. территория Алжира была включена в состав Второй Французской республики, разделена на департаменты, которые по статусу приравнивались к европейским департаментам французской метрополии. Таким образом, в конституции 1848 г. выделялось три группы территориальных единиц: департаменты Франции, департаменты Алжира и французские колонии [4]. К 1954 г. в Алжире проживали около миллиона французов, он воспринимался как символ империи и новой ассоциации, которая гарантировала сохранение за французским государством статуса великой державы. Руководство Четвертой республики не допускало отделения региона и стремилось сохранить существующий статус, поэтому с 1954 г. был взят курс на вооруженную борьбу с алжирскими повстанцами. Данный конфликт в условиях назревающего процесса деколонизации привлек внимание международной общественности и вошел в ряд продолжительных дискуссий в ООН.

Совокупность этих дискуссий 1954–1962 гг. обозначается в документах ООН как алжирский вопрос.

В его рамках государства искали способ для решения продолжающегося конфликта между Францией и алжирским национально-освободительным движением под руководством Фронта Национального освобождения (FNL). Поддержку последнему оказывали страны Африки и Азии¹, которые сами не так давно получили независимость. Эта поддержка стала одной из ключевых причин дипломатического поражения французского государства. Таким образом, алжирский вопрос выступает ярким примером разгорающегося в ходе деколонизации конфликта бывших метрополий и колоний. Он также демонстрирует, как происходило формирование у различных государств подходов к классификации и характеристике похожих конфликтов.

В современном мире происходит реактуализация нарратива деколонизации и возникает тенденция к его комплексному переосмыслению. Одна из причин – кризис франко-африканских отношений, который демонстрирует общую тенденцию в африканской политике стран Западной Европы и Северной Америки. У исследователей возникает интерес к генезису современных отношений между бывшими метрополиями и колониями.

В отечественной (см., напр.: [5, 6]) и зарубежной историографии (см., напр.: [7–9]) в последние годы вышел ряд работ, посвященных различным сюжетам франко-алжирского конфликта; главный труд – «История Алжира в колониальный период» (2014) [10]. Несмотря на то, что авторы рассмотрели вопрос интернационализации конфликта [10. Р. 644–683], методы дипломатического воздействия и их влияние на трансформацию французской модели деколонизации не выступили предметом отдельных исследований. Это связано прежде всего с тем, что французская традиция начала обращаться к изучению алжирского конфликта лишь в начале текущего века, на фоне политического сближения Франции и Алжира в 1999 г. и дестигматизации самого конфликта. Современные французские исследователи уделяют основное внимание сюжетам, которые затрагивают судьбы рядовых граждан Франции. Интернационализация конфликта используется для воссоздания политического контекста событий. Специалисты по международным отношениям концентрируют внимание на роли в конфликте США и СССР (см., напр.: [11]).

Обращение к алжирскому вопросу демонстрирует, как афро-азиатские страны разрабатывали и применяли методы давления и отстаивания собственных интересов на международной арене. Посредством такой политики освободившиеся государства превращались в самостоятельную силу в условиях размыwania биполярной системы. Параллельно этому процессу бывшие метрополии стремились к реорганизации империй и искали иные методы интеграции. Таким образом, цель данного исследования – проследить трансформацию французской политики в отношении Алжира и иных зависимых территорий в условиях постепенно растущего политического давления со стороны группы освободившихся стран Азии и Африки в ООН. Также следует выделить методы этого давления. Источниками для исследования служат стенограммы заседаний

и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) и Совета Безопасности ООН (СБ ООН). Для реконструкции позиции руководства Франции были использованы мемуары Шарля де Голля, записи его выступлений, дневник французского политика Алена Пейрефита, который являлся «бароном голлизма» и занимался решением алжирского вопроса в 1959–1962 гг. Также были рассмотрены конституции Четвертой и Пятой республик.

Четвертая республика и алжирский конфликт: провал метода ассимиляции

После Второй мировой войны основным методом взаимодействия французской метрополии с зависимыми территориями выступала ассимиляция. Поскольку Алжир был разделен на департаменты, которые входили в состав метрополии, то он выступал «витриной» французской модели деколонизации. Франция проводила ряд социальных и экономических реформ: передача мусульманским фермерам феллахам современного оборудования; стимулирование перераспределения земли от европейцев к феллахам; увеличение государственных инвестиций в алжирскую промышленность; реорганизация системы образования [12. Р. 160–165]. В основе этой политики лежали разработки и отчеты исследователей и общественных деятелей республики: доклад Роланда Маспетиоля (1955); доклад «Десятилетние перспективы экономического развития Алжира» (1957). Два главных вывода этих исследований: 1) Алжир сможет самостоятельно решить собственные проблемы только ценой колоссальных затрат и многих человеческих жизней; 2) Франция может принудить население Алжира к сотрудничеству и достигнуть ассимиляции путем углубления интеграционных процессов через реформы и поддержку [12. Р. 166].

Однако уже весной 1956 г. на фоне массовых народных выступлений французское руководство дает независимость Марокко и Тунису [13. Р. 120, 162]. Учитывая, что Франция уже смирилась с потерей Индокитая, можно предположить, что Париж отказался от наименее интегрированных регионов Французского Союза. Такое решение позволяло сконцентрировать внимание на регионах, которые еще можно было удерживать, даже если пришлось бы отказаться от ассимиляции. С этой целью в марте 1956 г. французский премьер-министр Ги Молле провел секретные переговоры с членами FNL в Каире. Предметом переговоров выступали прекращение огня, защита европейских поселенцев, автономия Алжира, а алжирский деятель национально-освободительного движения и первый президент Алжира Ахмед Бен Белла и вовсе утверждал, что «мир был в пределах досягаемости» [12. Р. 168]. Таким образом, к 1956 г. Париж уже рассматривал автономию Алжира как потенциальное решение проблемы. Противоположную позицию заняли военные и колонны – французские жители Алжира. Они не могли допустить какой-либо реорганизации статуса Алжира и были согласны только на восстановление довоенного статуса региона. Отчасти из-за страха перед этой группой руководители Четвертой республики не шли по пути дипломатического решения конфликта.

Руководство страны воспринимало конфликт исключительно как внутренние волнения. Париж заявлял об особом статусе Алжира в дискуссиях ООН, в которых затрагивался алжирский конфликт. В сентябре 1955 г. в ответ на просьбу афро-азиатских стран включить алжирский вопрос в повестку дня 10-й сессии Генеральной Ассамблеи французский представитель выступил против, сославшись именно на статус Алжира [14. С. 3–5]. На заседаниях ГА ООН представитель Франции подчеркнул, что Алжир является неотъемлемой частью метрополии с 1834 г., и любой алжирец, будь то мусульманин или христианин, является полноценным французским гражданином и имеет избирательные права. При этом он подчеркнул, что военные акции предпринимаются лишь террористическими группировками, спонсируемыми из-за рубежа Египтом и другими странами Лиги арабских государств. Эти группировки не получают массовой поддержки населения, поэтому конфликт является операцией по восстановлению порядка. Французская сторона подчеркнула, что ситуация в Алжире является строго внутренним вопросом и целиком попадает под п. 7 ст. 2 Устава ООН² [15. С. 7–9].

Ряд представителей западных государств³ поддерживал позицию Франции, отметив, что ситуация в Алжире не угрожает мировой безопасности и является вопросом строго внутреннего характера. Военные действия в регионе – это акция по установлению порядка; поскольку Париж сумел самостоятельно решить проблемы в других частях Магриба, то любое вмешательство ООН только осложнит ситуацию и создаст опасный прецедент [15. С. 10–12]. Американская оппозиция вмешательству ООН происходила из желания сохранить сотрудничество с Францией по линии Организации Североатлантического договора, а также из стремления избежать создания прецедента, который мог дать ООН право на вмешательство во «внутренние дела» США, касающиеся, к примеру Пуэрто-Рико [16. Р. 37]. Интересы Великобритании в целом аналогичны интересам американцев, им также было необходимо избежать опасного прецедента вмешательства ООН. Менее существенные и значительные западные державы сохраняли лояльность политике США и Великобритании.

Ключевая претензия стран Африки и Азии – отрицание со стороны Парижа права алжирского народа на самоопределение и продолжение эксплуатации мифа о «французском Алжире». Под мифом освободившиеся страны понимали утверждения французских представителей, что Алжир не может существовать вне Франции и является такой же неотъемлемой частью республики, как Иль-де-Франс, Нормандия и т.д. [17. С. 109–115].

Положение сохранялось вплоть до прихода к власти генерала де Голля. За пять лет военных действий (1954–1959) были приняты две резолюции: 1012 (XI) и 1184 (XII). В первой Генеральная Ассамблея «выражает надежду, что в духе сотрудничества надлежащими средствами будет найдено мирное, демократическое и справедливое решение в соответствии с принципами Устава ООН» [18]. Во второй резолюции было снова отмечено беспокойство Генеральной Ассамблеи относительно положения в Алжире и выражалось пожелание,

чтобы стороны перешли к мирным переговорам [19]. Таким образом, дальше выражения обеспокоенности по поводу продолжающихся военных действий и пожелания мирного урегулирования представители мирового сообщества не зашли.

Позиция Франции о внутреннем характере конфликта позволяла ее союзникам блокировать любые инициативы афро-азиатских или советских государств, которые каким-либо образом нарушали французский суверенитет. Однако к обсуждению проблемы присоединялось все больше стран: если в 1954 г. с просьбой о внесении вопроса в повестку дня выступили представители 14 государств, то к 1959 г. с аналогичной просьбой обратились уже 25 стран. Стоит признать, что постепенно нарастающее международное давление стало негативно сказываться на стабильности внутри французского государства. В частности, это отмечает в своих мемуарах Шарль де Голль [20. С. 16–20].

В условиях продолжающихся военных действий, роста затрат и отсутствия подвижек к решению конфликта во Франции произошел военный мятеж. Руководство Четвертой республики было вынуждено капитулировать перед ультиматумом французского военного командования. Руководящую позицию в стране занял Шарль де Голль, который имел собственный подход к решению алжирской проблемы.

Пятая республика и алжирский конфликт: переход к методу ассоциации

Изначально Пятая республика не проводила существенных изменений в алжирской политике. В октябре 1958 г., находясь на посту председателя Совета министров, де Голль объявил о проведении программы экономического развития, которая получила название «план Константины» (по названию города, в котором было объявлено о программе) [21]. Этот план по модернизации Алжира предполагал за несколько пятилетних периодов, несмотря на скачок рождаемости, довести экономический, социальный и культурный уровень Алжира до уровня метрополии [21]. Главный интерес Франции – сохранить стратегические интересы и присутствие в Алжире посредством финансовой, технической и образовательной помощи. Таким способом Париж стремился продемонстрировать, что процветание Алжира тесно связано с французским государством, а не с деятельностью FNL и достижением суверенитета [22. Р. 176]. Существенное влияние на «план Константины» оказали разработки и отчеты исследователей и общественных деятелей Четвертой республики [12. Р. 166]. Как отмечает политик из близкого окружения де Голля Алан Пейрефит, у большинства французских общественных деятелей сложилось впечатление, что план несет цель модернизировать Алжир для полной интеграции в состав Франции. Де Голль не рассматривал план в таком ключе, а предполагал, что модернизация будет способствовать формированию более умеренной и переговороспособной алжирской общественности. К этому времени президент уже был убежден в необходимости предоставить Алжиру суверенитет и сохранить при этом француз-

ские привилегии [23. С. 17–18]. В рамках этой цели и для осуществления схожих реформ во всех зависимых территориях Французский Союз был преобразован в Французское Сообщество – объединение формально суверенных государств [24].

Открыто о новой политике де Голль заявил в сентябре 1959 г., выступив по французскому телевидению с речью, в которой допустил достижение Алжиром суверенитета как потенциальный способ решения конфликта. В этом ключе президент Пятой республики, учитывая все затруднения, которые вызывает политика Франции по алжирскому вопросу, признал существование алжирского народа, его право на самоопределение и сообщил о планах проведения референдума о будущем устройстве Алжира [25]. Де Голль обозначил сроки референдума – не позднее ближайших 4 лет, и установил главный критерий – восстановление мира. Президент предполагал три возможных решения алжирского конфликта: 1) независимость и отделение Алжира от Франции; 2) полная интеграция Алжира во французское государство и уравнивание всех алжирцев в правах с французами; 3) независимость Алжира при тесном сотрудничестве с Францией. Последний пункт, по всей видимости, должен был напоминать будущее сотрудничество Пятой республики со странами Центральной и Западной Африки [26]. Учитывая, что большинство бывших французских колоний пойдут по третьему пути, можно предположить, что Париж рассчитывал именно на такой исход алжирского референдума. В таком случае формально независимые государства объединились бы в рамках Французского Сообщества, а за Пятой республикой сохранились часть привилегий и руководящее место в организации внешней политики. Алжир интересовал французское руководство из-за стратегического положения, нефтяных месторождений в Сахаре и возможности использования пустыни для ядерных испытаний.

Во французском обществе доминировало представление о том, что «Алжир – это Франция». Граждане ассоциировали обладание зависимыми территориями с сохранением за Францией статуса великой державы [12. Р. 171–172]. С этим тезисом первоначально соглашались даже представители левой общественности, разумеется, наиболее умеренная их часть. Среди левых республиканцев сохранялось представление, утвердившееся еще во время Народного фронта (1936–1937). С их точки зрения, республика выполняет по отношению к зависимым территориям гуманистическую миссию и распространяет идеалы революции 1789 г. [27. Р. 27–55]. С затягиванием войны люди все больше разочаровывались в необходимости сохранять Алжир. Де Голль, используя свой авторитет, продвигал представление о том, что Франция не обязана иметь анахроничную империю, чтобы являться великой державой. Французская республика, считал он, может выступать в роли старшего партнера в отношениях с развивающимися странами. Позиция со временем утвердилась в общественном дискурсе, и когда 8 января 1961 г. был проведен референдум о статусе Алжира, за предоставление независимости высказались 75% участников опроса [28].

Страны Африки и Азии отнеслись к новой французской политике с подозрением. Представитель Саудовской Аравии в сентябре 1959 г. подчеркнул явную ангажированность выступления де Голля и использование колонизаторской риторики. В своем выступлении президент Франции указывал, что «в том виде, в каком Алжир есть сейчас, и в том мире, который мы знаем, последствием отделения станут ужасная нищета и политический хаос, массовая резня, а вскоре и воинственная диктатура коммунистов» [25]. Афро-азиатские страны отметили, что утверждения де Голля далеки от истины и задуманы как запугивание [29. С. 226]. Представителя Объединенной Арабской Республики смущал тот факт, что де Голль обозначил необходимость одобрения решения Алжира со стороны французских граждан [29. С. 226]. В условиях, когда все больше зависимых стран обретали независимость, такая риторика выглядела анахронично и отдавала мессианством и цивилизаторской миссией. В результате афро-азиатская группа выразила опасение, что решения на будущем референдуме могут быть навязаны силой и направлены на установление тесного сотрудничества Алжира с Францией. Поэтому они обозначили, что задача ООН состоит в том, чтобы способствовать созданию условий для полного и подлинного волеизъявления алжирского народа на будущем референдуме [30. С. 221–226].

Кроме этих замечаний, появление возможности мирного решения проблемы через референдум было позитивно оценено в ООН. В ходе заседания было решено, что ООН отныне должна поощрять все стороны, заинтересованные в мирном урегулировании кризиса [31. С. 735–752]. Подход афро-азиатских стран к решению конфликта отразился в резолюции Генеральной Ассамблеи 1573 (XV). ГА ООН отметила, что кризис в Алжире угрожает международному миру и безопасности, таким образом, конфликт был переведен из статуса регионального в глобальный. Также ООН официально признала право алжирского народа на самоопределение, заранее определив исход конфликта, который будет устраивать международное сообщество [32].

К началу 1961 г. активные военные действия практически прекратились, французские войска добились существенных успехов, и Франция фактически одержала военную победу [33. Р. 15–16]. Большинство французских граждан были убеждены в необходимости предоставить Алжиру независимость, и французское руководство было готово к мирному решению конфликта. 20 мая 1961 г. были открыты мирные переговоры между Францией и FNL, которые прошли без особого результата из-за отсутствия общей позиции по вопросу Сахары. Французское руководство настаивало на предоставлении ему привилегированных прав на эксплуатацию сахарских нефтяных месторождений, а алжирцы стремились ограничить любое присутствие французов. Де Голлю требовалось найти средство для давления, и в июле 1961 г., выступая по французскому телевидению, он объявил, что намерен провести переселение европейского населения в прибрежные районы Алжира. Президент сообщил, что в случае отсутствия подвижек в мирных переговорах Париж сможет

защитить европейское население Алжира и арабов, желающих остаться с Францией, и при необходимости разделит Алжир [34].

Как отмечал А. Пейрефит, де Голль сообщил ему о разделении Алжира следующее: «Нужно найти средство давления, которое сделало бы невозможным сохранение статус-кво. Надо заставить их пойти на переговоры и сотрудничество, как бы они ни упирались» [23. С. 29]. При этом де Голль предполагал, что FNL может и дальше отказываться от приемлемого для Франции решения конфликта. Поэтому он допускал, что придется прибегнуть к разделению Алжира с сохранением прибрежных департаментов в составе французского государства и созданием примыкающей к ним автономной республики Сахары [23. С. 30]. Пейрефит был ответствен за разработку этого проекта и написал ряд статей, посвященных разделению Алжира.

Такой выход, с одной стороны, соблюдал установки ООН, а с другой – позволял Франции сохранить существенное влияние в Северной Африке и контроль над Сахарой. Афро-азиатские страны, отметив это, указали, что необходимо закрепить территориальную целостность Алжира как основу будущего референдума и подчеркнуть его суверенитет над Сахарой [30. С. 222–223]. Усилиями стран советского блока и афро-азиатской группы данный принцип был закреплен в резолюции 1724 (XVI). Данный документ стал итогом дискуссий вокруг алжирского вопроса, в нем Генеральная Ассамблея отметила, что сохранение единства и территориальной целостности Алжира является основой для мирных переговоров. Также резолюция содержит ссылку на декларацию 1514 (XV) о предоставлении независимости колониальным странам и народам [35]. Таким образом, афро-азиатская группа нивелировала любое давление, которое французское руководство стремилось оказать на FNL. Раздел Алжира являлся бы прямым нарушением резолюции ООН, за которым следовало усиление международной изоляции, а алжирцы могли продолжать вести переговоры для достижения выгодных им условий.

К началу очередного тура мирных переговоров в Эвиане Пятая республика находилась в затруднительном положении: несмотря на военные успехи, она подвергалась дипломатическому давлению как со стороны афро-азиатских стран и советского блока, так и со стороны союзников. К 1961 г. независимость Алжира была вполне вероятным исходом конфликта, и администрация Дж.Ф. Кеннеди начала проявлять стремление к налаживанию дружеских отношений с лидерами алжирских повстанцев, чтобы ограничить советское влияние в регионе [16. Р. 38]. Эвианские соглашения, подписанные в марте 1962 г. и положившие конец алжирской войне, все же сохраняли за Францией ряд привилегий в Алжире: в частности, Париж сохранял контроль над рядом военных баз и ракетно-ядерных полигонов [36. С. 107–109]. При этом французское влияние в бывших колониях, которые расстались с метрополией «полюбовно», было гораздо сильнее [26].

30 сентября 1962 г. Алжирская Народная Демократическая Республика была принята в состав ООН. Для

стран афро-азиатской группы Алжир стал символом борьбы против колониального гнета, а обретение независимости – долгожданной победой [37]. Западные государства отмечали заслуги как алжирского народа, так и Франции, которая мудро и добросовестно поступила, предоставив Алжиру независимость, ставшую возможной благодаря сотрудничеству французских политиков и алжирских борцов за независимость [37].

Заключение

Франция изначально следовала по пути ассимиляции зависимых территорий и испытывала ряд существенных затруднений. Как отмечал Шарль де Голль, «мы с самого начала основывали нашу колониальную политику на принципе ассимиляции. Мы полагали, что из “негров” можно сделать настоящих французов. Мы заставляли их твердить: “Галлы – наши предки”. Не очень-то мудро с нашей стороны. Вот почему деколонизация для нас – дело гораздо более трудное, чем для англичан. Они-то всегда знали о различиях между расами и культурами. Они организовали в колониях self-government. Им достаточно ослабить связи, и механизм самоуправления заработает» [23. С. 20].

Алжирский конфликт окончательно подтвердил, что ассимиляция является неэффективным методом выстраивания отношений с зависимыми территориями. Постепенная интернационализация конфликта и усиление дипломатического давления на Францию привели

к падению Четвертой республики и показали острую необходимость выстраивания новых отношений.

Шарль Де Голль видел пример в британской модели деколонизации, которая была выражена в Содружестве наций. Президент поставил перед собой задачу создать похожую структуру и для Франции [23. С. 23]. Так, нацеленный на ассимиляцию Французский Союз был реорганизован в Французское Сообщество в октябре 1958 г. одновременно с установлением Пятой республики. Сообщество, в отличие от Содружества, существенно ограничивало участников, передавая Франции контроль над их внешней политикой, обороной и сырьем. Де Голль планировал решить алжирский конфликт через предоставление независимости Алжиру и привлечение его в ряды Сообщества. Таким образом, Пятая республика смогла бы «уйти, чтобы остаться».

В условиях дипломатического давления со стороны афро-азиатской группы, добившейся существенных привилегий для Алжира, Париж отказался от этой инициативы. Дипломатическое давление привело к тому, что де Голль решил окончательно демонтировать любые формы французской колониальной системы и реализовывать интересы республики посредством двухсторонних договоров между Францией и бывшими колониями. Таким образом, он заложил проект «Франсафрик», который был гораздо более устойчивым к любому дипломатическому давлению, поскольку не афишировался и позволял французским дипломатам и политикам отрицать его существование.

Примечания

¹ Афро-азиатские страны, которые поддерживали внесение алжирского вопроса в повестку дня 10–16-й сессиях ГА ООН: Афганистан, Бирма, Гаити, Гана, Гвинея, Египет, Индия, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Камбоджа, Кипр, Конго, Лаос, Либерия, Ливан, Ливия, Малайя, Мали, Марокко, Непал, Нигерия, Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия, Сомали, Судан, Таиланд, Тунис, Цейлон, Эфиопия, Япония.

² Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII.

³ Страны, которые выразили солидарность с французской стороной: Австралия, Аргентина, Бельгия, Доминиканская республика, Израиль, Испания, Италия, Канада, Куба (до 1959 г.), Нидерланды, Новая Зеландия, Перу, Португалия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Южно-Африканский Союз.

Список источников

1. Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 2. С. 5–19.
2. Constitution de la République française // Journal officiel de la République française. Lois et décrets. 1946. Vol. 78. P. 9166–9175. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9617344x/f2>
3. Simpson A.W.B. Human Rights and the End of Empire: Britain and the Genesis of the European Convention. New York : Oxford University Press, 2001. 1184 p.
4. Конституция Французской республики от 4 ноября 1848 года // Конституции : библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=674>
5. Канинская Г.Н. Французское общество и алжирская война (1954–1962 гг.) // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 13 (135). С. 157–175.
6. Канинская Г.Н. Две войны в зеркале французской истории // Люди и тексты : исторический альманах. 2014. № 6. С. 366–399.
7. Cohen W.B. The Algerian War and the Revision of France's Overseas Mission // French Colonial History. 2003. Vol. 4. P. 227–239.
8. Cohen W.B. The Algerian War, the French State and Official Memory // Historical Reflections. 2002. Vol. 28 (2). P. 219–239.
9. Stora B. The Algerian War: Memory through Cinema // Black Camera. 2014. Vol. 6 (1). P. 96–107.
10. Bouchène A., Peyroulou J.-P., Tengour O.S., Thénault S. Histoire de l'Algérie à la période coloniale 1830–1962. Paris–Alger : La Découverte, Barzakh, 2012. 717 p.
11. Zoubir Y.H. The United States, the Soviet Union and Decolonization of the Maghreb, 1945–62 // Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 31. P. 58–84.
12. Naylor P.C. A Reconsideration of the Fourth Republic's Legacy and Algerian Decolonization // French Colonial History. 2002. Vol. 2. P. 159–180.
13. McKenna A. The History of Northern Africa. The Britannica Guide to Africa. Chicago : Britannica Educational Pub., 2011. 200 p.
14. Дополнительный список вопросов, предлагаемых к включению в повестку дня 10-й очередной сессии ГА ООН. 29 июля 1955. A/2924 // United Nations. Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/749063?ln=en>
15. 103-е заседание 10-й сессии Генерального комитета Генеральной Ассамблеи ООН. 22 сентября 1955 г. A/BUR/SR.103 // United Nations. Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/839068?ln=en>

16. Barkaoui M. Kennedy and the Cold War imbroglio: the case of Algeria's Independence // *Arab Studies Quarterly*. 1999. Vol. 21. P. 31–45.
17. 525 пленарное заседание 10-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 27 сентября 1955. A/PV.525 // United Nations. Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/738765?ln=en>
18. Резолюции 11-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1956–1957 годы). A/RES/1012(XI) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://www.un.org/ru/ga/11/docs/11res.shtml>
19. Резолюции 12-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1957 год). A/RES/1184(XII) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://www.un.org/ru/ga/12/docs/12res.shtml>
20. Голль Ш. де. Мемуары надежд / Обновление: 1958–1962; Усилия: 1962... М. : Прогресс, 2000. 337 с.
21. Discours du plan de Constantine, le 3 octobre 1958. URL: <https://fresques.ina.fr/de-gaulle/fichemedias/Gaule00022/discours-du-plan-de-constantine-le-3-octobre-1958.html>
22. Davis M.H. Restaging Mise en Valeur; "Postwar Imperialism" and The Plan de Constantine // *Review of Middle East Studies*. 2010. Vol. 44. P. 176–186.
23. Пейрефит А. Таким был де Голль / пер. по изд.: Alain Peyrefitte. C'était de Gaulle. Editions de Fallois. Fayard, 1994–2000. М. : Моск. школа полит. исслед., 2002. 696 с.
24. Конституция Пятой республики 4 октября 1958 г. URL: https://pnu.edu.ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igp2io54/
25. Allocution du général de Gaulle du 16 septembre 1959 en faveur de l'autodétermination. URL: <https://fresques.ina.fr/independances/fichemedias/Indepe00232/allocution-du-general-de-gaulle-du-16-septembre-1959-en-faveur-de-l-autodetermination.html>
26. Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М. : Горячая линия – Телеком, 2017. 382 с.
27. Chafer T. The end of empire in French West Africa: France's successful decolonization? New York : Berg Publishers, 2002. 284 p.
28. BBC. 1961. Jan. 8. URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/january/8/newsid_4464000/4464264.stm
29. 1069-е заседание 1-го комитета 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 2 декабря 1959. A/C.1/SR.1069 // United Nations. Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/859025?ln=en>
30. 1124-е заседание 1-го комитета 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 9 декабря 1959. A/C.1/SR.1124 // United Nations. Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/859030?ln=en>
31. 856-е пленарное заседание 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 12 декабря 1959. A/PV.856 // United Nations. Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/738710?ln=en>
32. Резолюции 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1960–1961 годы). A/RES/1573(XV) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://www.un.org/ru/ga/15/docs/15res.shtml>
33. Windrow M., Chappell M. The Algerian War 1954–62. Oxford : Osprey Publishing, 1997. 49 p.
34. Allocution du général de Gaulle du 12 juillet 1961. URL: <https://fresques.ina.fr/de-gaulle/liste/recherche/Theme.id/7/df#sort/DateAffichage/direction/DESC/page/2/size/10>
35. Резолюции 16-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1961 год). A/RES/1724(XVI) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://www.un.org/ru/ga/16/docs/16res.shtml>
36. Воскресенская А.И. Позиция французского МИД по отношению к первому правительству независимого Алжира в 1962 г. // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*. 2022. № 3. С. 103–119.
37. 1020-е заседание Совета Безопасности ООН. 4 октября 1962. S/PV.1020 // United Nations. Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/631125?ln=en>

References

1. Fursov, K.A. (2015) Dekolonizatsiya afro-aziatskogo mira: predposylki, etapy, modeli [Decolonization of the Afro-Asian world: prerequisites, stages, models]. *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2. pp. 5–19.
2. France. (1946) Constitution de la République française. *Journal officiel de la République française. Lois et décrets*. 78. pp. 9166–9175. [Online] Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9617344x/f2>
3. Simpson, A.W.B. (2001) *Human Rights and the End of Empire: Britain and the Genesis of the European Convention*. New York: Oxford University Press.
4. France. (1848) Konstitutsiya frantsuzskoy respubliki ot 4 noyabrya 1848 goda [The Constitution of the French Republic of November 4, 1848]. In: *Konstitutsii: biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* [Constitutions: Roman Pashkov's Library of Constitutions]. [Online] Available from: <https://worldconstitutions.ru/?p=674>
5. Kaninskaya, G.N. (2014) Frantsuzskoe obshchestvo i alzhirskaya voyna (1954–1962 gg.) [French society and the Algerian war (1954–1962)]. *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 13(135). pp. 157–175.
6. Kaninskaya, G.N. (2014) Dve voyny v zerkale frantsuzskoy istorii [Two wars in the mirror of French history]. *Lyudi i teksty: istoricheskiy al'manakh*. 6. pp. 366–399.
7. Cohen, W.B. (2003) The Algerian War and the Revision of France's Overseas Mission. *French Colonial History*. 4. pp. 227–239.
8. Cohen, W.B. (2002) The Algerian War, the French State and Official Memory. *Historical Reflections*. 28(2). pp. 219–239.
9. Stora, B. (2014) The Algerian War: Memory through Cinema. *Black Camera*. 6(1). pp. 96–107.
10. Bouchène, A., Peyroulou, J.-P., Tengour, O.S. & Thénault, S. (2012) *Histoire de l'Algérie à la période coloniale 1830–1962*. Paris; Alger : La Découverte, Barzakh.
11. Zoubir, Y.H. (1995) The United States, the Soviet Union and Decolonization of the Maghreb, 1945–62. *Middle Eastern Studies*. 31. pp. 58–84.
12. Naylor, P.C. (2002) A Reconsideration of the Fourth Republic's Legacy and Algerian Decolonization. *French Colonial History*. 2. pp. 159–180.
13. McKenna, A. (2011) *The History of Northern Africa. The Britannica Guide to Africa*. Chicago: Britannica Educational Pub.
14. UNO. (1955a) *Dopolnitel'nyy spisok voprosov, predlagayemykh k vklyucheniyu v povestku dnya 10-y ocherednoy sessii GA OON. 29 iyulya 1955. A/2924* [Supplementary List of Items Proposed for the Agenda of the 10th Regular Session of the UN General Assembly. July 29, 1955. A/2924]. [Online] Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/749063?ln=en>
15. UNO. (1955b) *103-e zasедание 10-y sessii General'nogo komiteta General'noy Assamblei OON. 22 sentyabrya 1955 g. A/BUR/SR.103* [103rd meeting of the 10th session of the General Committee of the General Assembly of the United Nations. 22 September 1955. A/BUR/SR.103]. [Online] Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/839068?ln=en>
16. Barkaoui, M. (1999) Kennedy and the Cold War imbroglio: the case of Algeria's Independence. *Arab Studies Quarterly*. 21. pp. 31–45.
17. UNO. (1955c) *525 plenarnoe zasедание 10-y sessii General'noy Assamblei OON. 27 sentyabrya 1955. A/PV.525* [525th plenary meeting of the 10th session of the UN General Assembly. 27 September 1955. A/PV.525]. [Online] Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/738765?ln=en>
18. UNO. (1956–1957) *Rezolyutsii 11-y sessii General'noy Assamblei OON (1956–1957 gody). A/RES/1012(XI)* [Resolutions of the 11th session of the UN General Assembly (1956–1957). A/RES/1012(XI)]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/ga/11/docs/11res.shtml>
19. UNO. (1957) *Rezolyutsii 12-y sessii General'noy Assamblei OON (1957 god). A/RES/1184(XII)* [Resolutions of the 12th session of the UN General Assembly (1957). A/RES/1184(XII)]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/ga/12/docs/12res.shtml>

20. Gaulle, Ch. De (2000) *Memuary nadezhd / Obnovlenie: 1958–1962; Usiliya: 1962...* [Memoirs of Hopes / Update: 1958-1962; Efforts: 1962...]. Translated from French. Moscow: Progress.
21. France. (n.d.) *Discours du plan de Constantine, le 3 octobre 1958*. [Online] Available from: <https://fresques.ina.fr/de-gaulle/fichemedia/Gaulle00022/discours-du-plan-de-constantine-le-3-octobre-1958.html>
22. Davis, M.H. (2010) Restaging Mise en Valeur; “Postwar Imperialism” and The Plan de Constantine. *Review of Middle East Studies*. 44. pp. 176–186.
23. Peyrefitte, A. (2002) *Takim byl de Goll'* [That Was De Gaulle]. Translated from French. Moscow: Moscow School of Political Studies.
24. France. (1958) *Konstitutsiya Pyatoy respubliki 4 oktyabrya 1958 g.* [Constitution of the Fifth Republic of October 4, 1958]. [Online] Available from: https://pnu.edu.ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio54/
25. France. (1959) *Allocution du général de Gaulle du 16 septembre 1959 en faveur de l'autodétermination*. [Online] Available from: <https://fresques.ina.fr/independances/fiche-media/Indepe00232/allocution-du-general-de-gaulle-du-16-septembre-1959-en-faveur-de-l-autodetermination.html>
26. Filippov, V.R. (2017) “*Fransafrik*”: *ten' Eliseyskogo dvortsa nad Chernym kontinentom* [“*Françafrik*”: The shadow of the Elysee Palace over the Black Continent]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom.
27. Chafer, T. (2002) *The End of Empire in French West Africa: France's Successful Decolonization?* New York: Berg Publishers.
28. BBC. (1961) 8th January. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/january/8/newsid_4464000/4464264.stm
29. UNO. (1959a) *1069-e zasedanie 1-go komiteta 14-y sessii General'noy Assamblei OON. 2 dekabrya 1959. A/C.1/SR.1069* [1069th meeting of the 1st Committee of the 14th session of the UN General Assembly. December 2, 1959. A/C.1/SR.1069]. [Online] Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/859025?ln=en>
30. UNO. (1959c) *1124-e zasedanie 1-go komiteta 14-y sessii General'noy Assamblei OON. 9 dekabrya 1959. A/C.1/SR.1124* [1124th meeting of the 1st Committee of the 14th session of the UN General Assembly. December 9, 1959. A/C.1/SR.1124]. [Online] Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/859030?ln=en>
31. UNO. (1959c) *856-e plenarnoe zasedanie 14-y sessii General'noy Assamblei OON. 12 dekabrya 1959. A/PV.856* [856th Plenary Meeting of the 14th Session of the UN General Assembly. December 12, 1959. A/PV.856]. [Online] Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/738710?ln=en>
32. UNO. (1960–1961) *Rezolyutsii 15-y sessii General'noy Assamblei OON (1960–1961 gody). A/RES/1573(XV)* [Resolutions of the 15th Session of the UN General Assembly (1960–1961). A/RES/1573(XV)]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/ga/15/docs/15res.shtml>
33. Windrow, M. & Chappell, M. (1997) *The Algerian War 1954–62*. Oxford: Osprey Publishing.
34. France. (1961) *Allocution du général de Gaulle du 12 juillet 1961*. [Online] Available from: <https://fresques.ina.fr/de-gaulle/liste/recherche/Theme.id/7/df#sort/DateAffichage/direction/DESC/page/2/size/10>
35. UNO. (1961) *Rezolyutsii 16-y sessii General'noy Assamblei OON (1961 god). A/RES/1724(XVI)* [Resolutions of the 16th session of the UN General Assembly (1961). A/RES/1724(XVI)]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/ga/16/docs/16res.shtml>
36. Voskresenskaya, A.I. (2022) *Pozitsiya frantsuzskogo MID po otnosheniyu k pervomu pravitel'stvu nezavisimogo Alzhira v 1962 g.* [The position of the French Ministry of Foreign Affairs towards the first government of independent Algeria in 1962]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 3. pp. 103–119.
37. UNO. (1962) *1020-e zasedanie Soveta Bezopasnosti OON. 4 oktyabrya 1962. S/PV.1020* [1020th meeting of the UN Security Council. October 4, 1962. S/PV.1020]. [Online] Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/631125?ln=en>

Сведения об авторе:

Готка Алексей Игоревич – аспирант кафедры новой и новейшей истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gotka.aleksey@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gotka Alexey I. – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gotka.aleksey@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 25.03.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья
УДК 94(03)
doi: 10.17223/19988613/94/17

Evocati Augusti: к вопросу об организации ветеранского корпуса

Илья Алексеевич Дороненко¹, Сергей Борисович Крих²

¹ Колледж Омского государственного технического университета, Омск, Россия

¹ Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, Омск, Россия

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹ ilya.doronenko99@gmail.com

² krikh@rambler.ru

Аннотация. Представлены доказательства, что подразделение эвокатов не было окончательно сформировано при Августе. Вплоть до середины I в. н.э. встречаются сверхсрочники из легионов. Окончательное оформление корпуса связано с именем Луция Элия Сеяна, который и придал гвардии тот вид, который она имела вплоть до роспуска Вителлием в 69 г. Эвокаты в преторианских когортах были наделены особым статусом: получали особый тип выплат, были освобождены от строевой службы. Эвокаты были приписаны к когортам и центуриям. Однако они были объединены в особое подразделение, подчинявшееся напрямую префекту претория.

Ключевые слова: преторианские когорты, городские когорты, эвокаты, римская армия

Для цитирования: Дороненко И.А., Крих С.Б. Evocati Augusti: к вопросу об организации ветеранского корпуса // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 140–146. doi: 10.17223/19988613/94/17

Original article

Evocati Augusti: Organising a Veteran Corp

Ilya A. Doronenko¹, Sergey B. Krikh²

¹ College of the Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

¹ Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russian Federation

² Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

¹ ilya.doronenko99@gmail.com

² krikh@rambler.ru

Abstract. The history of *evocati Augusti* remains a historiographical problem. The Veterans have not been studied as a part of Garrison of Rome. We envisage some problem: 1) formation of the *evocati Augusti*; 2) status of the *evocati* in the Praetorian Guard; 3) affiliation with the *cohortes praetorianorum*; 4) command structure of the Veterans; 5) standing and function of the *evocati legionis*. The aim of our study, therefore, is reconstruction of the organizational structure of the *evocati Augusti* from their foundation at the end of the First Century BC to their dissolution in 312 AD. The article is based, first of all, on inscriptions. Some of the sources are fragmentary, which makes it difficult to reconstruct the history of *evocati*, especially in the case of unique inscriptions. It stands to mention that the information is inhomogeneously distributed. Most of the evidence belongs to the Third Century, which may exert on the conclusions applying to an earlier period. The article presents evidence that the *evocati Augusti* was not finally formed under Augustus. Veterans from the legions can be found until the middle of the 1st century AD. The final formatting of the Corps was implemented by Lucius Aelius Sejanus in 23AD. The *evocati* in the *cohortes praetorianorum* were entitled to a special status: they received a special type of pay and were unreined from field duty. The *Laterculi* testifies, that the *evocati* were assigned to *cohortes* and *centuriae*. However, they were grouped into a special unit that reported directly to the *praefectus praetorio*. The *numerus evocatorum* is not visible. The *centurio evocatorum* has not been founded. The definition “*optio evocatorum*” means that *optio* became the *evocatus*. *Evocati* served beyond in the Praetorian. Septimius Severus disbanded the “Old Guard” in 193AD, which was no longer an exceptionally “Italian Unit”. But this change did not affect for the *cohortes urbanae*. More warriors from this cohortes become *evocati*. Only one example is known for the *classis* in Italy. *Evocati legionis* from Rome were sent to the legions from Rome for the preparing warriors. The *laterculi* indicated their previous duty station. In the Legions they reported directly to the legates. The letter of Marcus shows, that the *evocati* participated in combat: at least on special missions. In summary the *evocati Augusti* formed the Special Unit in the Garrison of Rome. The Corps was changing along with the entire Praetorian Guard in 27/26BC, 23 and 193AD. The transitional changes cannot be identified due to fragmentation of the sources. This confirms the thesis of the constant adaptation of the Garrison of Rome to the changes in imperial policy.

Keywords: Praetorian Guard, cohortes praetorianorum, cohortes urbanae, evocati, Roman Army

For citation: Doronenko, I.A., Krikh, S.B. (2025) Evocati Augusti: Organising a Veteran Corp. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 140–146. doi: 10.17223/19988613/94/17

Уже в первые годы принципата Октавиан Август стал выстраивать систему императорских столичных подразделений, которая не была оформлена окончательно вплоть до середины I в. Преторианские когорты являлись важной частью «гарнизона Рима». И в самой гвардии были «особые» подразделения, функции которых были шире, чем охрана принцепса и императорской фамилии, а также несение караула в столице. Мы выделяем три таких корпуса: *evocati Augusti*, *speculatores Augusti* и *statores*. Особые подразделения помимо специализированных функций выделялись и своим положением внутри преторианской гвардии. Данные формирования известны по источникам в гораздо меньшей степени, чем преторианские когорты в целом. Отличались они тем, что состояли из ветеранов, оставленных для службы сверх срока (16 лет). В данной статье мы остановимся лишь на *evocati Augusti*.

Ветераны-сверхсрочники не столь часто становились предметом исследования. В работах Т. Моммзена [1], И. Шмидта [2], О. Фибигера [3] и А. Домашевского [4. S. 75–78] сформировалось представление об эвокатах как о наиболее отборной части преторианских когорт, служившей источником кадров для столичных и провинциальных войск. При этом особый акцент делался на тех карьерах сверхсрочников, которые заканчивались центурионатом. Но уже в указанных работах наблюдаются различные подходы к оценке статуса *evocati Augusti* в качестве отдельного подразделения или же лишь одного из элемента когорт. Исследования эвокатов периода Империи были продолжены А. Пассерини [5. P. 77–78] и М. Дюрри [6. P. 117–126]. Введенные за тридцать лет в антиковедение надписи позволили сделать целый ряд предположений о численности сверхсрочников, обязанностях в гвардии и легионах, возможной командной структуре и т.д. Практически последней на данный момент работой о *evocati Augusti* является статья Э. Бирли, в которой анализируются карьерные пути эвокатов [7].

Несмотря на интерес исследователей к теме, остается целый ряд проблем, нуждающихся в уточнении. Необходимость в этом обусловлена увеличением источниковой базы. Так, И. Шмидт в своей статье использовал порядка 30 надписей [2. S. 352]. Т. Моммзен имел в распоряжении уже 150 надписей, тогда как Э. Бирли упоминает 280 источников [7. P. 29]. Разумеется, кардинальных изменений в источниковой базе с 1980-х гг. не произошло. Тем не менее обращение к уже известным надписям в рамках системного подхода к особым подразделениям способно дать новые результаты. Пожалуй, следует добавить, что в исследовательской литературе не уделяется внимания интересному письму врача Марка своим родителям, которое было опубликовано Г.Ф. Церетели в 1930 г. [8. С. 13–28]. Все это делает необходимым новое обращение к истории эвокатов от формирования преторианской гвардии в 27/26 г. до н.э. и до упразднения корпуса в 312 г. В статье мы рассмотрим следующие вопросы: 1) формирование *evocati Augusti*; 2) статус эвокатов в гвардии; 3) принадлежность к когортам преторианцев; 4) командная структура у сверхсрочников.

История *evocati Augusti*, т.е. преторианских «сверхсрочников», начинается в самом конце I в. до н.э. Октавиан Август попытался реорганизовать римскую армию, сократив разросшееся количество легионов, а также сформировав из оставленных легионов армейские группировки для защиты границ на основных направлениях. Давно отмечено, что в своей деятельности Август редко создавал что-либо принципиально новое, предпочитая опираться на уже имеющиеся институты. Эта тенденция проявила себя и в учреждении «гарнизона Рима».

В 27/26 гг. до н.э. принцепс переформировал когорты полководцев, организовав преторианскую гвардию (Dio. LV. 24, 6 [9. P. 456]). Вместе с ней несли службу и *ἀνάκλητοι*, как называет эвокатов Кассий Дион (Dio. LV. 24, 8 [9. P. 456]). Он также признает, что не может указать их численность, хотя и отмечает, что эти ветераны были организованы в особый отряд. И хотя Дион в описании десяти преторианских когорт, а также четырех милиарных *cohortes urbanae* переносит на времена Августа реалии III в., в случае с эвокатами сообщения историка подтверждаются и другими источниками. Во-первых, еще Светоний сообщает, что Августу пришлось расследовать дело эвоката Скутария, обвиненного в насилии (Suet. Aug. LVI [10. P. 235–236]). Во-вторых, надписи отразили факт существования императорских эвокатов. Так, ветеран Гай Юлий Агедиллий даже получил всадническое кольцо от Августа (CIL. XIII 1041 = AE. 1888, 51 [11; 12]). Правлением Тиберия датируется надпись, оставленная Секстом Юлием Руфом, эвокатом и префектом I когорты корсиканцев (CIL. XIV. 2954 [11])¹.

Период до 23 г. (реформа преторианской гвардии Сеяном) был переходным. По всей видимости, изначально у принцепса и его приближенных не было сложившейся концепции императорских подразделений. Так, лишь во 2 г. до н.э. Август учредил должность префекта претория (Dio. LV. 10, 10; AE. 1980, 907 [9. P. 408; 12]), тогда как до того сам руководил когортами. На наш взгляд, аналогичной была ситуация и с эвокатами.

Ко временам Тиберия *evocati Augusti* уже существовали в качестве отдельной структуры [4. S. 75; 6. P. 118; 6. P. 532]. Тем не менее мы сталкиваемся с рядом вопросов при рассмотрении положения эвокатов. Известно, что срок службы преторианцев ко временам Тиберия составлял 16 лет (Dio. LV. 23, 1 [9. P. 452]). После положенного срока преторианец мог, если пожелает, остаться на службе уже в статусе эвоката². Однако могли быть и исключения. К примеру, Элий Эмерит прослужил в преторианских когортах 14 лет, после чего получил эвокатуру (CIL. VI. 2462 [11]). Гай Анний Галл служил в преторианских когортах 17 лет до получения статуса эвоката (CIL. XI. 5935 [11]). Объясняется это, судя по всему, практикой увольнения раз в два года. По неизвестным причинам эвокат, чье имя до нас не дошло, был *stipendiorum* в течение 19 лет [14. P. 153–160]. Впрочем, известна практика перевода в эвокаты и раньше положенного срока, если человек до этого отслужил какое-то время в легионах (CIL. VI 2725 = 37189 = ILS. 2034 [11; 15]).

Сложным является вопрос об индивидуальном статусе сверхсрочников и их отличиях от срочников-преторианцев. Высказывались предположения о предоставлении им ряда гражданских свобод [6. Р. 121; 16], хотя прямых подтверждений этому нет. При этом они точно не смешивались с гражданским населением, оставаясь военными, хотя и с особым статусом [17. С. 922]. М. Дюрри предполагал, что эвокаты имели право на ношение калцей [6. Р. 121]. Сомнителен сам факт такой «привилегии», учитывая, что это была обычная солдатская обувь. К тому же М. Дюрри приводил в подтверждение своей гипотезы надпись, в которой калцеи даже не упоминались (CIL. VI 2578 [11]). В эпитафии Тита Юлия Патерна действительно можно прочесть *IN CAL* дважды (CIL. III 7108 [11]). Вероятно, надпись можно прочесть как *incaligatus*, т.е. «не служащий в калигах». Еще один предлагаемый Дюрри источник содержит лишь два слова *IN CALCEO ET CALIGA* и никак не указывает на эвокатов (CIL. VI 33061 [11]). Уверенно можно утверждать, что сверхсрочники выделялись денежным пожалованием: вместо обычного солдатского *stipendium* им платился *salarium*³.

Не до конца выясненным остается вопрос о включении эвокатов в состав центурий и когорт. Т. Моммзен считал, что ветераны не оставались в своих когортах [1. С. 147], А. Домашевский и А. Буш указывали, что эвокаты были организованы подобно *numerus*⁴ и имели свою центурию [4. С. 76; 19. С. 168]. Схожую позицию высказывал М. Дюрри, говоря об особом подразделении сверхсрочников, схожем со спекуляторами⁵ и кавалерией [6. Р. 121].

Были ли эвокаты отдельным корпусом? Они действительно в столичных войсках считались особым подразделением, это дважды обозначено у Кассия Дiona, а именно: он описывает эвокатов времен Гая Юлия Цезаря как *τὸ τῶν ἰπποκράτων σύστημα* (Dio. XLV. 12, 3 [9. Р. 428]) и *Καὶ νῦν σύστημα ἴδιον, ῥάβδους φέροντες ὥσπερ οἱ ἐκατόνταρχοι* (Dio. LV. 24, 8 [9. Р. 408]). Слово *σύστημα*, согласно О. Фибигеру, корректно переводить как «военный отряд» [3. С. 1149], что подтверждается примерами словоупотребления (Polyb. I. 81, 11 [20. Р. 240]). Автор трактата II в. н.э. *De Munitionibus Castrorum* не выделяет эвокатов в отдельный отряд, но указывает, что они вместе с примипилариями располагаются в лагере рядом с преторианцами (Hug. De mun. castr. VI [21]). Что касается Тацита, то он лишь отделяет их от остальных преторианцев, *veterani e praetorio*, когда говорит об армии отонианцев, выдвинувшейся на север Италии для отражения наступления вителлианцев в 69 г. (Hist. II.46 [22. Р. 234]).

Если мы обратимся к надписям завершивших по разным причинам службу сверхсрочников, то встретим в них формулировку *veterani ex evocato* («ветерану из ранга эвоката»). И. Шмидт предлагал трактовать ее как указание на полученные во время службы увечья, что и становилось препятствием для занятия центурионской должности [2. С. 346]. Тем не менее известны примеры надписей с формулой *veterano ex centurione* (CIL. XI 49; AE. 1944, 34 [11; 12]) и *veterano ex optione* у воинов из провинциальных войск – т.е. «ве-

терану из центурионского ранга» и «ветерану из ранга опциона» (CIL. V 2393; XI 76; 6741 [11]), которые явно отмечают факт продвижения по службе. Еще одну вариацию обозначения эвокатов дает пример Патерния Матерна, который в надписи назван *ex evocato Palatino*, но во второй половине III в. он не мог принадлежать к *Scholae Palatinae*. Предположение, что в эпитафии отразилось зарождение нового корпуса, который стал охранять императоров с 280-х гг., представляется маловероятным [23. Р. 256]. Скорее всего, Матерн был из тех же преторианских эвокатов, но отразил в надписи факт охраны императорского дворца [24. Р. 357–358].

Вопрос об особом корпусе / приписывании к центуриям позволяет разрешить эпиграфика. Так, в посвящении изображения Геня ветераны отделяются от остальных воинов (CIL VI. 212 = ILS 2100 [11; 15]). Посвящение Марку Аврелию 140 г. демонстрирует, что преторианцы, воины городских когорт, *statores* и эвокаты отделены друг от друга. При этом не указано, что существует отдельная когорта сверхсрочников (CIL. VI 1009 = ILS. 2012 = AE. 2004, 43 [11; 15; 12]). Несколько проясняет вопрос ряд надписей, в котором генетивом выражается принадлежность эвоката к подразделению (CIL. VI 2495; 2547; 32677; VII. 810 [11]). Эпитафии на надгробиях Юлия Секундина (CIL. VI 2495 [11])⁶ и Тита Флавия Ювенката (VI. 32677 [11])⁷, в которых они обозначены как эвокаты IV преторианской когорты, можно рассматривать как указания умершего на подразделение, в котором он служил. Другие же надписи демонстрируют, что эвокаты были приписаны к когортам. Находит свое подтверждение данный тезис в текстах латеркулей, в которых содержатся сведения об увольнении из рядов преторианской гвардии и стражи Рима (CIL. VI 2378; 2379; 2380; 2384; 2385a = 3762 = 32533; 2385b01 = 32536,18 = AE. 2013, 1189 = AE. 2014, 133a = AE. 2014, 657; 2386 = 32625; 2387; 2388b01 = 32563 = AE. 2001, 219; 2390b = 32604 = AE. 2014, 133b; 32623; 32624; 32627; 32640 [11; 12]). Эвокаты же в этих текстах приписаны не только к когортам, но и к центуриям. В этой связи тезис о том, что воины отмечали лишь память о когорте, не вполне корректен [5. Р. 78]. Получается, что организационная структура напоминала отчасти *speculatores Augusti*, хотя и с рядом отличий. Эти всадники также были приписаны к преторианским когортам, формируя при этом параллельную основную часть гвардии структуру. Например, Гней Сентий Сатурнин, в эпитафии которому написано следующее: *Cn(aeus) Sentius / Cn(aei) f(ilius) Ter(etina) / Saturninus / Atine spec(ulator) / coh(ortis) VIII pr(aetoriae) / |(centuria) Severi / mil(itavit) ann(os) VIII / vix(it) ann(os) XXVII* (CIL VI. 2722 [11]). Отличие в том, что спекуляторы имели своих собственных командиров в ранге *centurio speculatorum* (CIL. III 5223 = 11692 [11]) и *trecenarius* (AE. 2007, 1199 = 2011, 1082 [12]).

Весьма затруднительно решить вопрос о *centurio evocatorum* и командной структуре в целом. Эпитафия Валерия Таура содержит в себе сведения, что умерший был *miles VII* преторианской когорты, а также *centurio evocatus* (CIL. VI. 2662 = 32657 [11]). Точно так же обозначен статус центуриона IV Скифского Легиона

Элия Верекундия, который на одном из этапов своей карьеры был *evocatus centurio* затем и *centurio frumentarius* (AE. 1993, 1577 = 1996, 1540 = 2008, 1523 = 2008, 1526 [12]). Очевидно, что центурион не мог быть переведен в эвокаты, так как это было бы понижением в ранговой системе. И. Шмидт предложил вполне убедительную трактовку, согласно которой *centurio evocatus* следует читать как *centurio ex evocato* [2. S. 339]. Предположение о командной структуре эвокатов позволяет выдвинуть надпись на надгробии Мунация Паулиниана, который был бывшим *optio evokk(ato)* (AE. 1990, 64 [12]). Множественное число генетива указывает на то, что умерший был «опционом эвокатов». Впрочем, такое прочтение весьма уязвимо. Во-первых, маловероятно, чтобы вся командная структура началась и заканчивалась опционом. Во-вторых, сам статус эвокатов был промежуточным между принципалами и центурионами (Dio. LV. 24, 9 [9. P. 458]), что тоже позволяет усомниться в необходимости выделения командиров над сверхсрочниками. В-третьих, в эпитафии Марка Апиция есть сочетание *OPTIONI EVOC*, которое все же следует читать как *optioni ex evocato* (CIL. XI 19 = ILS. 2664 [11; 15]). Аналогично можно интерпретировать могильную надпись Мунация Павлиниана (AE. 1990, 64 [12]). На наш взгляд, следует читать *ex optione ex evocato*. В пользу этого говорит употребление слова *optio* в аблативе.

Таким образом, эвокаты были не только приписаны к когортам, но и объединены в особое подразделение. В связи с этим мы находим удачным сравнение И. Шмидта эвокатов с «офицерскими корпусами», которые существовали в конце XIX в. в европейских армиях [2. S. 349]. Должность «центуриона эвокатов» не прослеживается, как и промежуточных командных постов, поэтому можно уверенно говорить лишь о непосредственном подчинении префекту претория. В противном случае пришлось бы сделать вывод о том, что эвокаты находились в ведении трибунов когорт, что, на наш взгляд, не позволяло бы в полной мере задействовать специальные функции эвокатов в рамках всей гвардии. Маловероятно, чтобы эвокаты напоминали *vexillum veteranorum*, существовавший в римской армии, так как они не ждали увольнения, а намеревались продолжить службу (Tac. Ann. III. 21 [25. P. 364]) [2. S. 331]. О численности эвокатов в Риме ничего однозначного сказать нельзя. Косвенно судить о численности позволяют данные латеркулей. На основании надписей (CIL. VI 2379, 2385, 2386 [11]) И. Шмидт делал вывод из соотношений между воинами и сверхсрочниками, что в среднем на когорту приходилось 40 эвокатов [2. S. 351]. В ходе перепроверки данных, в частности на основании CIL. VI 32520 [11], мы склонны согласиться с подсчетами численности М. Дюрри [6. P. 122]. Так, в надписи приходится 14 эвокатов на 16 центурий. Следовательно, всего в гвардии было 60 эвокатов с конца I в. Поэтому сверхсрочники могли обеспечить подготовку *milites* в каждой центурии.

Теперь обратимся и к ветеранам из других столичных подразделений. *Evocati* не состояли исключительно в преторианских когортах, хотя и размещались в *castra praetoria* [19. S. 31]. А. Домашевский считал,

что лишь начиная с III в. воины городских когорт могли становиться эвокатами [4. S. 119]. Правда, есть единственный более ранний пример Марка Карантия Макрина, который в 76 г. начал служить в I городской когорте и спустя шесть лет стал бенефициаром, а еще через шесть лет эвокатом (CIL. XII. 2602 = AE. 1995, 1044 [11; 12]) [6. P. 119]. Карьера этого воина позволила Д. Кемпбеллу высказать сомнение в трактовке эвокатов как «вновь призванных». Исследователь указывает, что Макрин занял эвокатуру не после 20 лет службы [26. P. 45]. Однако в данном случае нет никаких противоречий, так как остальные надписи вполне явно говорят лишь о 16–17 годах службы, нужных для перехода в разряд эвокатов, о чем мы и писали выше.

Очевидно, что после 193 г. количество эвокатов не из преторианских когорт возросло. Это подтверждают латеркули (CIL. VI 2384 = 3884 = 32526; 3885 = 32521 [11])⁸, а также несколько других надписей с весьма поздней датировкой (CIL. VI 2870; 2925 [11]). Связано это с формированием новым императором Септимием Севером в 193 г. фактически новой гвардии. Теперь преторианцы преимущественно набирались из легионеров, которые не были италиками (Dio. LXXV. 2, 4–5 [27. P. 164]). Север или его наследники увеличили численность городских когорт (Dio. LV 24, 6 [9. P. 457]), оставив их для италиков. Маловероятно, что на перевод этих воинов в эвокаты кардинально влиял уровень грамотности [4. S. 75], так как эвокаты из преторианцев не исчезли. Хотя известно лишь шесть примеров таких сверхсрочников (CIL. VI 2384 = 3884 = 32526; 2870 = AE. 1997, 166; 2893 = ILS. 2144; 2925; 2946; 3885 = 32521 [11; 12; 15]). Вполне могло быть стремление повысить статус городских когорт в глазах италиков, чтобы привлечь италийскую молодежь к службе, как и прежде, но уже в ином подразделении. И. Шмидт в своей статье указывал, что моряки могли становиться эвокатами [2. S. 338]. Однако дополнительным примером к работе немецкого историка может послужить лишь одна эпитафия Гая Веттия Грата, который был *architectus classis praetoriae Misenensis* (CIL. X. 3392 [11]). Источники зафиксировали, что эвокаты служили и во II Парфянском легионе, созданном Септимием Севером (CIL. VI 793 = XIV 2258 [11]).

Еще одной проблемой является положение *evocati legionis* (CIL. III 3565; 5339; 14072; 14409.1; VI 627; 2379; 2380; VIII 18065 = AE. 1937, 157; X 3886 = I 792; XI 5275 [11; 12]). Прежде всего они занимались подготовкой личного состава, хотя и напрямую это утверждение не вытекает из источников. Действительно, факт приписывания эвокатов к разным легионам говорит о сколько-нибудь сложившейся практике. Учитывая, что оставшиеся на службе эвокаты занимали должности инструкторов, *campidoctor* (CIL. VI 2697 [11]), *exerciator legionis* (CIL. III 3470 = ILS. 2453 [11; 15]); *exerciator armaturarum* (CIL. VI 3736 = 31122 [11]) и *exerciator equitum* (CIL. XI 395 [11]), это предположение не лишено смысла. Очевидно, что легионные эвокаты покидали Рим⁹. Но подчинялись ли они напрямую префекту претория? В текстах увольнительных надписей *evocati legionis* по-прежнему приписаны к преторианским когортам (CIL. VI 2379 = 32520 = XI

618,06 = 806d [11]). Все же корректнее было трактовать это указание на когорты как на прежнее место службы, так как ветераны, на наш взгляд, переходили под командование легионных командиров.

Оформление института *evocati Augusti* не было завершено в один момент, поэтому и неудивительно, что и в легионах могли появляться сверхсрочники до середины I в. Проблема возникает, когда мы пытаемся распространить данную ситуацию на III в. Д. Бриз допустил, что Генний Феликс мог быть эвокатом из III Августова легиона (AE. 1946, 38 = 1950, 163 = 1999, 80 = 2017, 1701 [12]) [30. Р. 338]. Однако формула *EVOCATVM LEG III AVG* по аналогии с текстами латеркулей будет, скорее, указывать на то, что он был прислан из Рима. *Evocati legionis* не были сугубо административной должностью, как об этом писал О. Фибигер [3. S. 1150]. В письме некоего врача Марка к родителям упоминается вооруженная стычка между, вероятно, жителями одного из номов и римскими воинами: *singulares*, легионерами и эвокатами¹⁰. В тексте указано, что погибло неизвестное количество *τ[ο]υς ἡβωκάτορες*. Известно, что письмо было написано в III в. в Египте, в котором размещался в тот период II Траянов легион. Хотя об описанной стычке более ничего не известно, можно сделать несколько предположений. Эвокаты были отправлены вместе с эскортом и легионерами для умирения бунтовщиков, но понес-

ли потери. Планировалось ли, чтобы сверхсрочники участвовали в сражении, установить точно невозможно. Но к отряду на тот момент они наверняка были причислены.

Evocati со времен Республики были неотъемлемой частью римской армии. Профессионализация войска и наступление эпохи гражданских войн требовали привлечения уже подготовленных и опытных ветеранов. Победа Октавиана и начало преобразований привели к изменениям в армии. Императорские подразделения должны были не только оберегать принцепса от врагов, настоящих и мнимых, но и стать источником кадров для провинциальных войск, стоявших на границах обширной Империи. В первую очередь эта роль была возложена на *evocati Augusti*.

Ветераны из гарнизона Рима подчинялись напрямую префекту претория. Неопределенные сроки службы и востребованность в технических специалистах и командирах обеспечивали им продвижение по службе. Однако лишь малая часть эвокатов становилась центурионами, равно как и инструкторами, инженерами, заведующими арсеналами и т.д. Большая же часть оставалась в Риме, обеспечивая функционирование столичных частей. История этого особого подразделения обрывается в начале IV в., когда император Константин распустил преторианскую гвардию после ее поражения в битве на Мульвиевом мосту.

Примечания

¹ Sex(tus) Iulius S(puri) f(ilius) Pol(lia) Rufus / evocatus divi Augusti / praefectus [I] cohortis / Corsorum et civitatum / barbariae in Sardinia.

² Д. Редаэлли показывает, что далеко не все ветераны становились эвокатами [13. Р. 137–139].

³ Моммзен в комментарии к CIL. III 10988 указывал, что *salararius* получал нестандартное воинское жалование.

⁴ Отряд, который не является ни легионом, ни алой, ни когортой [18. С. 36].

⁵ *Speculatores Augusti* – кавалерийское подразделение в составе преторианской гвардии, занимавшееся в основном охраной императора, политическим сыском и доставкой сообщений.

⁶ Iul(ius) Secundinus ev(o)<c=K>(atus) / coh(ortis) III pr(aetoriae) salarior(um) / XXVII qui vix(it) an(nos) LXXXV / nat(ione) Dacus Atticia Sa/bina co(n)jux et Iul(ius) / Co(n)sta(n)s filius et / her(e)d(es) b(ene) m(erenti) f(e)c(e)r(unt?).

⁷ T(itus) Flavius Iuven/catus evoc(atus) coh(ortis) / III pr(ae)toriae P(iae) V(indicis) Trosius / Septimus fratri / b(ene) m(erenti) (h)eres posuit.

⁸ Примечательно, что в увольнительных списках указывается и центурия, к которой «приписан» эвокат. Скорее всего, в латеркули попадали эвокаты, которые по своему желанию или в случае смерти (CIL. VI 32887 = 3924 [11]) прекращали службу в армии.

⁹ Однако известно и исключение. Так, неизвестный эвокат, приписанный к легиону VI *Victrix*, скончался в Риме (CIL VI. 32887 = 3924 [11]). Слово *defunctus*, судя по другим надписям, означает именно смерть, а не отставку (CIL. III 14930; VII. 1058; AE. 1959, 322 [11; 12]).

¹⁰ В данной статье мы не станем затрагивать проблему издания данного источника и личности самого Марка [8. С. 13–15].

Список источников

- Mommsen T. *Evocati Augusti* // *Ephemeris Epigraphica*. 1884. Bd. 5. S. 142–154.
- Schmidt J. *Die Evocati* // *Hermes*. 1879. Bd. 14 (3). S. 321–353.
- Fiebigler O. *Evocati* // *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. 1907. Bd. XI. S. 1145–1152.
- Domaszewski A. *Die Rangordnung des römischen Heeres*. Bonn : A. Marcus und E. Weber, 1908. 275 S.
- Passerini A. *Le coorti pretorie*. Roma : Signorelli, 1939. 362 p.
- Durry M. *Les cohortes pretoriennes*. Paris : E. de Boccard, 1938. 454 p.
- Birley E. *Evocati Aug.: A Review* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1981. Vol. 43. P. 25–29.
- Шаврин Я.А. Частные письма русско-грузинских папирусных собраний : выпускная квалификационная работа. СПб., 2021. 75 с. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/30347/1/Savrin_Dissertacia.pdf (дата обращения: 15.05.2022).
- Dio. – Dio Cassius. *Roman History*. Vol. VI, books 51–55 / transl. by E. Cary, H.B. Foster. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1917, 512 p. (Loeb Classical Library; 83).
- Suet. – Suetonius. *Lives of the Caesars*, Vol. I: Julius. Augustus. Tiberius. Gaius. Caligula / transl. by J.C. Rolfe; introduction by K.R. Bradley. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1914, 528 p. (Loeb Classical Library; 31).
- CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVI. URL: <https://arachne.dainst.org/catalog/41/22656> (accessed: 27.01.2025).
- AE – L'Année épigraphique. 1888–. URL: <https://www.jstor.org/journal/anneepig> (accessed: 27.01.2025).
- Redaelli D. *Milizie urbane nella Regio X orientale e nelle province limitrofe. Con particolare riguardo ai veterani* // *The Roman Army between the Alps and the Adriatic*. Ljubljana : Založba ZRC, 2016. P. 121–144.
- Cordiano G., Gregori G.L. *Iscrizioni e materiali marmorei da Roma nella Collezione di Carlo Borra a Trevignano Romano* // *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*. 1993. Vol. 95 (1). P. 153–160.
- ILS – Inscriptiones Latinae Selectae. Vol. I–III. Berlin, 1892–1916.
- Ростовцев М.И. Эвокаты // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона*. СПб. : Семеновская Типолит. (И.А. Ефрона), 1904. Т. 40 (79). С. 134–135.

17. Мартемьянов А.П. Об участии ветеранов римской армии в местном самоуправлении и религиозной жизни Нижней Мезии // Вестник древней истории. 2017. № 4 (77). С. 915–933. doi: 10.7868/S0321039117040069
18. Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М. : РОССПЭН, 2001. 400 с.
19. Busch A.W. *Militär in Rom: Militärische und paramilitärische Einheiten im kaiserzeitlichen Stadtbild*. Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2011. 184 S.
20. Polyb. – Polybius. *The Histories*, Vol. I, books 1–2 / transl. by W.R. Paton; revised by F.W. Walbank, Ch. Habicht. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2010. 466 p. (Loeb Classical Library; 128).
21. Hyg. *De mun. castr.* – Псевдо-Гигин. Об устройстве военных лагерей / пер. А.В. Колобова // Древность и Средневековые Европы. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2002. С. 108–130.
22. Tac. *Hist.* – Tacitus. *Histories*. Books 1–3 / transl. by C.H. Moore. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1925. 512 p. (Loeb Classical Library; 111).
23. De la Bédoyère G. *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven ; London : Yale University Press, 2017. 336 p.
24. Breeze D.J. *The immunes and principles of the Roman army* : doctoral thesis. Durham University, 1969. Vol. 1. 359 p. URL: http://etheses.dur.ac.uk/10478/1/10478_7275-vol1.PDF?UkUDh:CYT (accessed: 15.05.2022).
25. Tac. *Ann.* – Tacitus. *Histories*. Books 4–5. *Annals*. Books 1–3 / transl. by C.H. Moore, J. Jackson. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1931. 643 p. (Loeb Classical Library; 249).
26. Campbell D.B. *The Roman Army in Detail: The Evocati – a Special Corps of Trusted Men* // *Ancient Warfare Magazine*. 2018. Vol. 12 (4). P. 42–45.
27. Dio Cassius. *Roman History*. Vol. IX, books 71–80 / transl. by E. Cary, H.B. Foster. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1927. 592 p. (Loeb Classical Library; 177).
28. Breeze D.J. *The immunes and principles of the Roman army* : Doctoral thesis. Durham University, 1969. Vol. 2. 364 p. URL: http://etheses.dur.ac.uk/10478/1/10478_7275-vol1.PDF?UkUDh:CYT (accessed: 15.05.2022).

References

1. Mommsen, T. (1884) *Evocati Augusti*. *Ephemeris Epigraphica*. 5. pp. 142–154.
2. Schmidt, J. (1879) *Die Evocati*. *Hermes*. 14(3). pp. 321–353.
3. Fiebigler, O. (1907) *Evocati*. *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. XI. pp. 1145–1152.
4. Domaszewski, A. (1908) *Die Rangordnung des römischen Heeres*. Bonn: A. Marcus und E. Weber.
5. Passerini, A. (1939) *Le coorti pretorie*. Roma: Signorelli.
6. Dury, M. (1938) *Les cohortes pretoriennes*. Paris: E. de Boccard.
7. Birley, E. (1981) *Evocati Aug.: A Review*. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 43. pp. 25–29.
8. Shavrin, Ya.A. (2021) *Chastnye pis'ma russko-gruzinskikh papirusnykh sobraniy* [Private letters from Russian-Georgian papyrus collections]. Final Thesis. St. Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/30347/1/Savrinn_Dissertacia.pdf (Accessed: 15th May 2022).
9. Dio Cassius. (1917) *Roman History*. Vol. VI(51–55). Translated by E. Cary, H.B. Foster. Cambridge, MA: Harvard University Press.
10. Suetonius. (1914) *Lives of the Caesars*. Vol. I. Translated by J.C. Rolfe. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Academiae Litterarum Regiae Borussicae. (n.d.) *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. I–XVI. [Online] Available from: <https://arachne.dainst.org/catalog/41/22656> (Accessed: 27th January 2025).
12. *L'Année épigraphique*. (1888) [Online] Available from: <https://www.jstor.org/journal/anneepig> (Accessed: 27th January 2025).
13. Redaelli, D. (2016) *Milizie urbane nella Regio X orientale e nelle province limitrofe. Con particolare riguardo ai veterani*. In: Hovart, J. (ed.) *The Roman Army between the Alps and the Adriatic*. Ljubljana: Založba ZRC. pp. 121–144.
14. Cordiano, G. & Gregori, G.L. (1993) *Iscrizioni e materiali marmorei da Roma nella Collezione di Carlo Borra a Trevignano Romano*. *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*. 95(1). pp. 153–160.
15. Dessau, H. (ed.) (1892–1916) *Inscriptiones Latinae Selectae*. Vol. I–III. Berlin: Nobel Press.
16. Rostovtsev, M.I. (1904) *Evokaty* [Evocati]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 40(79). St. Petersburg: Semenovskaya Tipolit. pp. 134–135.
17. Martemyanov, A.P. (2017) *Ob uchastii veteranov rimskoy armii v mestnom samoupravlenii i religioznoy zhizni Nizhney Mezii* [On the Participation of Veterans of the Roman Army in Local Government and Religious Life of Lower Moesia]. *Vestnik drevney istorii*. 4(77). pp. 915–933. DOI: 10.7868/S0321039117040069
18. Le Boeck, J. (2001) *Rimskaya armiya epokhi Ranney Imperii* [The Roman Army of the Early Empire]. Translated from French. Moscow: ROSSPEN.
19. Busch, A.W. (2011) *Militär in Rom: Militärische und paramilitärische Einheiten im kaiserzeitlichen Stadtbild*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
20. Polybius. (2010) *The Histories*. Vol. I(1–2). Translated by W.R. Paton. Cambridge, MA: Harvard University Press.
21. Pseudo-Hyginus. (2002) *Ob ustroystve voennykh lagerey* [On the Organization of Military Camps]. Translated from Latin by A.V. Kolobov. In: *Drevnost' i Srednevekov'e Evropy* [Antiquity and the Middle Ages of Europe]. Perm: Perm State University. pp. 108–130.
22. Tacitus. (1925) *Histories*. Vol. 1–3. Translated by C.H. Moore. Cambridge, MA: Harvard University Press.
23. De la Bédoyère, G. (2017) *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven; London: Yale University Press.
24. Breeze, D.J. (1969a) *The Immunes and Principles of the Roman Army*. Doctoral Thesis. Vol. 1. Durham University. [Online] Available from: http://etheses.dur.ac.uk/10478/1/10478_7275-vol1.PDF?UkUDh:CYT (Accessed: 15th May 2022).
25. Tacitus. (1931) *Histories*. Vol. 4–5. *Annals*. Vol. 1–3. Translated by C.H. Moore, J. Jackson. Cambridge, MA: Harvard University Press.
26. Campbell, D.B. (2018) *The Roman Army in Detail: The Evocati – a Special Corps of Trusted Men*. *Ancient Warfare Magazine*. 12(4). pp. 42–45.
27. Dio Cassius. (1927) *Roman History*. Vol. IX(71–80). Translated by E. Cary, H.B. Foster. Cambridge, MA: Harvard University Press.
28. Breeze, D.J. (1969b) *The Immunes and Principles of the Roman Army*. Doctoral Thesis. Vol. 2. Durham University. [Online] Available from: http://etheses.dur.ac.uk/10478/1/10478_7275-vol1.PDF?UkUDh:CYT (Accessed: 15th May 2022).

Сведения об авторах:

Дороненко Илья Алексеевич – преподаватель Колледжа Омского государственного технического университета (Омск, Россия); преподаватель Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина (Омск, Россия). E-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Крих Сергей Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: krikh@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Doroshenko Ilya A. – Lecturer at the College of the Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation); Lecturer at the Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin (Omsk, Russian Federation). E-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Krikh Sergey B. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of General History of the Historical Faculty of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: krikh@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.06.2022; accepted for publication 01.04.2025

Статья поступила в редакцию 02.06.2022; принята к публикации 01.04.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 027.1:027.7(571.16)

doi: 10.17223/19988613/94/18

Журнальная периодика из личной библиотеки профессора П.А. Кулаковского в Томске

Екатерина Викторовна Ивановская¹, Александра Андреевна Щербинина²

^{1,2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ivanovskaya_e@lib.tsu.ru

² ashcher@lib.tsu.ru

Аннотация. Рассматривается часть личной библиотеки П.А. Кулаковского, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета, а именно журнальная периодика. Личная библиотека П.А. Кулаковского находится на стадии исследования, поэтому сложно предоставить полную информацию о ее составе. Значительную часть личной библиотеки составляют периодические издания (выявлено уже более 100 названий журналов), преимущественно это восточно-европейские журналы XIX – начала XX в. В статье представлен перечень наименований журналов, классифицированных по месту издания, а также характеристика их тематического содержания.

Ключевые слова: Платон Андреевич Кулаковский, личная библиотека, издания на славянских языках, периодика

Для цитирования: Ивановская Е.В., Щербинина А.А. Журнальная периодика из личной библиотеки профессора П.А. Кулаковского в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 147–153. doi: 10.17223/19988613/94/18

Original article

Magazine periodicals from the personal library of Professor P.A. Kulakovsky in Tomsk

Ekaterina V. Ivanovskaya¹, Alexandra A. Shcherbinina²

^{1,2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ivanovskaya_e@lib.tsu.ru

² ashcher@lib.tsu.ru

Abstract. The personal library is a unique experience of a person who, through his views, passions and professional activities, has collected different types of documents over the years. The choice of certain publications, the presence of autographs, notes, etc. make it possible to characterize the owner from different points of view. An interesting example is the personal library of the Russian Slavic historian, philologist, publicist, and public figure Platon Andreevich Kulakovsky (1848–1913). His scientific interests included the history of the Slavic peoples. During his travels in Serbia, Croatia, Bulgaria, Platon Andreevich worked in local libraries with books in the late 18th and early 19th centuries and also tried to buy the publications he was interested in whenever it was possible and send them to Moscow for his personal library, including publications banned in Russia, which he needed in to write his scientific works. In addition to books, P.A. Kulakovsky actively bought periodicals in Slavic languages. This personal library is at the stage of study and research, so it is difficult to provide complete information about both the list of all publications and the periodicals in particular. There are very few works that contain information about the formation of the library with specific publications, and they mainly relate to the memoirs of Platon Andreevich himself about his travels to the Slavic lands. Some data can be found among his published correspondence with various public figures and scientists. The exact number of titles that his library includes has not yet been established, since the scientist's library itself was divided into two parts. One part of his collection is stored in the library of the Russian Academy of Sciences in the Slavic department, and the other part is in the Research Library of Tomsk State University. The article examines periodicals from the personal library of P.A. Kulakovsky, stored in the Research Library of Tomsk State University. At the moment, it was possible

to identify more than 3000 copies related to the library of P.A. Kulakovsky. In the process of their study, it was established that a significant part of the collection is made up of periodicals. These are mainly Eastern European magazines of the 19th – early 20th centuries. At this stage of the study, more than 100 names of magazines are known. The analysis and description of individual journal volumes continues.

Keywords: Platon Andreevich Kulakovsky, personal library, publications in slavic languages, magazine periodicals

For citation: Ivanovskaya, E.V., Shcherbinina, A.A. (2025) Magazine periodicals from the personal library of Professor P.A. Kulakovsky in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 147–153. doi: 10.17223/19988613/94/18

Введение

Среди миллионов изданий в Научной библиотеке Томского государственного университета (НБ ТГУ) живут как многочисленные книги, так и журналы, газеты, ноты, карты, эстампы. Одни поступили сюда как отдельные издания, а другие в составе разнообразных личных библиотек и книжных коллекций. Среди них встречаются собрания общественных деятелей, путешественников и, конечно же, ученых. Особое место занимают библиотеки профессоров, так как они включают в себя документы, связанные с их непосредственными профессиональными интересами и увлечениями, что не только делает их источниками по изучению исследовательской деятельности ученых, но и позволяют лучше раскрыть как их круг общения, так и сами их многогранные личности.

В НБ ТГУ уже много десятилетий идут исследования личных библиотек и книжных коллекций. Каждая из них уникальна и требует много внимания и в момент изучения своего состава, истории формирования и бытования, и особенно тогда, когда библиотекарь начинает вести поиски документов, принадлежащих к каждой из этих библиотек.

В данной статье пойдет речь о библиотеке профессора Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913).

Библиотека П.А. Кулаковского поступила в НБ ТГУ ориентировочно в 1914–1915 гг. Сведений о том, кто передал эту часть книжного собрания ученого, не сохранилось, как и данных о количестве передаваемых документов. Из отчета Императорского Томского университета за 1915 г. мы знаем следующее: «В отчетном году занумерована и записана в инвентарь часть (973 назв. в 1078 том. на сумму 788 р. 96 к.) библиотеки, пожертвованной покойным проф. П.А. Кулаковским» [1. С. 123]. Можно сделать предположение, что само книжное собрание Платона Андреевича могло прибыть в Томск еще в 1914 г., но из-за переезда университетской библиотеки в собственное здание осенью того года документы из этого собрания начали записываться в фонд позднее. После просмотра инвентарных книг НБ ТГУ удалось установить, что данная коллекция начала оформляться в фонд с 30 июня 1915 по 1919 г. в несколько этапов. Впоследствии отдельные издания продолжали вливаться в общий фонд еще в течение нескольких десятилетий после записи основного массива документов. На данный момент удалось выявить более 3 000 экземпляров, относящихся к библиотеке П.А. Кулаковского.

За свою плодотворную, активную научную и общественную жизнь Платон Андреевич Кулаковский собрал

большую и ценную библиотеку. Она не сохранилась как единое целое, а была разделена на две части после его смерти в 1913 г. Одна часть этого книжного собрания в количестве около 1 200 названий поступила в Славянский фонд библиотеки Российской Академии наук (БАН) в 1914 г. [2. С. 27; 3. С. 20], а другая часть в 1915 г. была передана в библиотеку Императорского Томского университета [1. С. 123]. Кроме этого массива документов существуют издания, которые Платон Андреевич еще при жизни передал Санкт-Петербургскому Славянскому Благотворительному обществу. Эта часть его собрания влилась в фонды Славянского отдела БАН в 1923 г. [4. С. 51–52].

Единого каталога на библиотеку П.А. Кулаковского не сохранилось, а также отсутствуют какие-либо перечни приобретенных им изданий. Однако весной 2024 г. в Государственном архиве Томской области (ГАТО) было обнаружено дело под названием «Список книг, пожертвованных профессором П.А. Кулаковским. 1915–1917 годы» [5], которое было составлено библиотекарем Томского университета А. Милутиным в указанные годы. Найденное дело дает возможность просмотреть фонд университетской библиотеки на предмет определения изданий, принадлежавших ранее профессору Кулаковскому. Это возможно сделать, так как книжное собрание Платона Андреевича обладает рядом отличительных особенностей (владельческие знаки, оставленные на обложках и титульных листах книг, владельческий штамп, особенность переплетов), что позволяет идентифицировать большую часть изданий. Кроме того, как в БАН, так и в НБ ТГУ значительную часть изданий можно выявить благодаря записям в Книге поступлений за 1914 г. в БАН [6. С. 136] и в инвентарных книгах в НБ ТГУ за 1915–1919 гг. В данной работе речь пойдет о той части библиотеки ученого, которая попала в Томский государственный университет.

Историография вопроса

Изучение библиотеки П.А. Кулаковского началось в 2017 г., когда было принято решение изучать данную книжную коллекцию, обогатившую фонд НБ ТГУ славянскими изданиями XIX – начала XX в. Для формирования представления о численности и составе коллекции первоначально были изучены отчеты Томского университета за 1914 и 1915 гг. [1; 7], инвентарные книги НБ ТГУ.

Отправной точкой исследования послужила статья С.Ф. Фоминых и В.П. Зиновьева про журнал «Славянский век» (2015), в которой упоминалось о поступле-

нии в библиотеку Томского университета книжного собрания ученого-слависта П.А. Кулаковского [8. С. 86]. Впоследствии был изучен ряд исследовательской литературы, который позволил проследить жизнь и деятельность ученого, что дало понимание того, в каких условиях и как формировалось данное книжное собрание [8–16].

Среди изученных нами публикаций есть статьи Санкт-Петербургских исследователей, изучавших ту часть библиотеки Платона Андреевича, которая хранится ныне в Библиотеке Академии наук РФ. Большую роль в исследовании данной библиотеки играют работы С.А. Жабревой [2, 6, 17].

В 2024 г. в ходе поисков в ГАТО в фонде р-1892 было обнаружено дело 2а «Список книг, пожертвованных профессором П.А. Кулаковским» за 1915–1917 гг. [5], где содержится перечень поступивших в НБ ТГУ документов из данной коллекции. В нем документы идут двумя списками:

1. Список книг, пожертвованных П.А. Кулаковским (Русский алфавит) – 1 744 пунктов.

2. Список книг, пожертвованных П.А. Кулаковским (Иностранный алфавит) – 925 пунктов.

Изучение исследовательской литературы и источников, проведение мониторинга фонда отдела основного фонда НБ ТГУ в 2017–2023 гг. позволили выявить основную часть этой библиотеки.

Характеристика источников

Особый интерес в рассматриваемой библиотеке представляют периодические издания – показатель широты и разносторонности интересов читателя.

В процессе работы с библиотекой П.А. Кулаковского было выявлено, что значительную часть его коллекции составляют периодические издания. На данный момент обнаружено 100 названий периодики, изданной преимущественно в XIX – начале XX в. Наличие такого массива периодических изданий связано с тем, что научные интересы П.А. Кулаковского были связаны с языком и литературой южнославянских народов, а также с тем, что за годы своей жизни он совершил ряд длительных путешествий по славянским землям. Ученый неоднократно, посещал чешские, болгарские, сербские, хорватские и черногорские земли, где работал в местных библиотеках с книгами XVIII–XIX вв. [18. С. 152], что нашло отражение и в его книжном собрании.

Сербские периодические издания. Среди общего массива журналов в коллекции встречается 20 названий сербских журналов. Их можно разделить на две категории: журналы, изданные за пределами Сербии, и периодические издания, изданные на территории Сербии (Белград, Нови сад). Темы изданий: литература, история, этнография, археология.

К первой группе журналов можно отнести те, что были опубликованы в Вене. Самым ранним из них в коллекции Кулаковского является альманах «Забавник Димитрием Давидовичем с'учредником новина србски. У Виенни» (в Вене) за 1815–1816, 1819, 1821, 1833–1835 гг. Журнал первоначально печатался в Вене

в типографии Г.И. Шнирера. После переезда издателя Д. Давидовича в Белград в 1833 г. альманах изменил свое название и стал издаваться как «Забавник. Сочинение Д. Давидовича». К этой группе также можно отнести журнал «Србска Зора. Забавник. Беч» (Вена). В коллекции Платона Андреевича сохранились издания только за 1836 и 1837 гг. В издании 1836 г. встречаются карандашные пометы на полях и в тексте. Присутствует в коллекции календарь-альманах «Даница: забавник / издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу» (Вена), который издавался Вуком Караджичем. В альманахе Караджич размещал собственные критические статьи, рецензии и ответы оппонентам, отстаивал свои взгляды на реформу языка, помещал новые литературные, этнографические и исторические материалы, в основном им же написанные или собранные. Этим «Даница» принципиально отличается от других подобных изданий того периода [19]. Всего было издано 5 выпусков, но в коллекции Платона Андреевича присутствуют лишь издания за 1828 и 1834 гг.

Также к первой группе можно отнести «Алманах (Банатский)», издававшийся в городе Темишвару (Румыния). В коллекции находятся 2 тома за 1827–1828 гг. В альманахе размещались календарь, географическая и генеалогическая информация, разные статьи и короткие рассказы, статистические данные и т.д.

В городе Будишин (Баутцен, Германия) – неформальной столице лужицких сербов – выходили два издания:

1. Журнал «Časopis. Macicy Serbskeje». Это общественно-культурный и литературный журнал, особенностью которого является то, что он издавался на верхнелужицком и нижнелужицком языках. Он выходил два раза в год (до запрета в 1937 г.). В коллекции 4 тома за 1875, 1876, 1880, 1882 гг.

2. «Katholski posol : ludowy časopis». Это церковное периодическое издание для католических лужичан. Издавался на верхнелужицком языке. В личной библиотеке имеется том за 1877 г.

Помимо этих журналов в описываемом книжном собрании содержатся следующие периодические издания: «Алманах (Србско-Далматинский)» (Корлштадт, Германия, 1836–1838), «Любитель Просвещения. Србско-Далматинский магазин» (Задр, Хорватия, 1839–1871, 1873).

Вторую группу можно подразделить на журналы, изданные в Белграде и Нови саде.

К журналам, изданным в Белграде, относятся:

1. «Старинар. Спрског археолог друштва. Београд» (Белград) – старейший сербский академический журнал по археологии. Издаваться он начал с 1884 г. как бюллетень Сербского археологического общества, а затем археологического общества в Белграде. В коллекции Кулаковского было обнаружено 12 экземпляров с 1884 по 1895 г. Этот журнал посвящен археологии, истории, истории искусств, архитектуры, классической филологии, физической антропологии и других смежных научных дисциплин.

2. «Рад: лист за науку и књижевност» Београд (Белград) за 1881–1882 гг.

3. «Дело: лист за науку, књижевност и друштвени живот», Београд (Белград), за 1894 г.

4. «Годишница Николе Чупића», Београд (Белград), за 1877–1882 гг. Это научный журнал преимущественно исторической и литературно-исторической тематики, издаваемый на средства фонда Николы Чупича (1836–1870). В журнале печатались сербские историки, филологи и других ученые.

5. «Урања. Издао Д.П. Тирол. Београд» (1838).

Из журналов, печатавшихся в Нови саде, в коллекции П.А. Кулаковского присутствуют «Слога. Забавник» (1 том за 1862 г.), «Рад и именик Матице српске» (3 тома за 1899, 1905–1906 гг.), «Стража. Книга за науку, књижевност и друштвени живот» (1 том за 1879 г.), «Омладинска Зајувница» (1 том (3-й) за 1869 г.), «Летопис. Матице Српске» (1825–1834, 1837–1848, 1850–1876, 1879–1911).

Хорватских журналов в личной библиотеке П.А. Кулаковского насчитывается 19 наименований. Они были изданы в городах Загреб, Задар, Дубровник.

Единичными экземплярами представлены издания: «Dragoljub ili Upisnik Kalendar» (1 том за 1877 г.), «Izvjese. Kraljevske velike gimnazije u Zagrebu» (1885–1886), «Hrvatski Dom. Zabavnik hrvatske omladine» (1878), «Hrvatski pokret» (1848), «Ljetopis. Ogled po hrvatskom norodu» (1894), «Jahresbericht der K.K. Ober-Realschule in Agram» (1860), «Jzvjestay Matice Hrvatske» (1892).

Также присутствуют наименования, которые представлены 2–4 экземплярами. Это журналы «Kalendar (Zagrebacki Sostar)» (2 тома 1877, 1894 гг.); «Viestnik hrvatskoga arheologickoga druztva» (2 тома за 1879–1892 гг.); «Kalendar» (Narodni) (2 тома за 1887, 1892 гг.); «Knjizevnik. Casopis za jezik i povicest...» (3 тома за 1864–1866 гг.). Имеется 4 тома журнала «Dubrovnik. Cvet narodnog Knjizevstva» (с 1851 г. назывался «Cvet narodnoga Knjizevstva», с 1870 г. – «Dubrovnik Zabavnik Stionice Dubrovacke»): 1849, 1851 (1852), 1870 (1871), 1874 (1876) гг.

Самые широко представленные наименования имеют объем в 8, 12, 26 и 100 выпусков или томов. К таким журналам относятся «Ljetopis Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti» (8 томов за 1867–1877, 1877–1887, 1888–1893 гг.); «Djela jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti» (8 томов за 1882–1883, 1887, 1889, 1891, 1895 гг.); «Arkiv za povjestnicu jugoslavensku» (кн. 1–12 за 1851–1852, 1854, 1857, 1859, 1863, 1865, 1868–1869, 1872, 1875 гг.); «Starine» (кн. 1–26 за 1869–1893 гг.); «Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti» (100 выпусков за 1867–1893, 1898, 1902 гг.).

Болгарские периодические издания. В библиотеке П.А. Кулаковского насчитывается 15 названий (напечатаны в городах София, Пловдив, Шумен). Темы журналов: философия, история, литература, политика.

Одно наименование из них на русском языке – «Болгаро-русский журнал. Научно-философский, литературный и политический» (София). В библиотеке П.А. Кулаковского сохранился всего один том (№ 1 за 1886 г.).

Журнал «Библиотека на Славянска беседа» (издание «Дружества Славянска беседа» в городе София) имеется в 2 томах за 1906–1907 годы.

Имеется журнал «Памятник» (издавался в городе Шумен) за 1895–1896 гг. Учредителем издания был

Илия Рашков Блысков – болгарский писатель, переводчик и театральный деятель.

В коллекции имеются издания Болгарского литературного общества (Българско книжно дружество), печатавшиеся в городах Средец и София. «Периодическо списание на Българското книжно дружество в Сръдец» – 12 томов за 1882–1901 гг. «Периодическо списание на Българското книжно дружество в София» – 4 тома за 1870–1871, 1872–1873, 1882, 1876 гг.

«Българска Сбирка. Списание за книжнина, исторически и общественни знания» – 19 томов за 1894–1912 гг.

Часть журналов в коллекции присутствует в разрозненном виде, какие-то названия есть за разные годы или несколько томов, например, «Славянски Глас» – 10 томов за 1902–1905, 1907–1912 гг., «Задружен Труд. Месечно общественно-научно списание» (кн. 1–12 за 1902 г.), «Наука. Периодическо списание». издавался в г. Пловдив (3 тома за 1881–1883 гг.).

«Минало. Българо-Македонско научно списание» (кн. 1–3 за 1909 г.). Журнал «Прошлое» с подзаголовком «Болгаро-македонский научный журнал», издававшийся в период 1909–1919 гг., представляет собой научный журнал об истории под редакцией Георгия Балашева. В журнале публиковались статьи по археологии, этнографии, истории, экономике.

Есть журналы, представленные одним томом: «Календарь (Славянски)» (1 том за 1909 г.), «Отчет на Софийската народна библиотека» (1 том за 1898 г.), «Демократический Преглед» (б.м., 6-я книга за 1910 г.), «Записки по мисълета и живот» (кн. 9–10 за 1893 в одном переплете), «Български Преглед. Списание за наука, литература и обществен живот» за 1899 г. (кн. 1–10 в одном переплете).

Польские периодические издания. Всего в библиотеке П.А. Кулаковского находится 7 польских наименований. Печатались эти журналы в Варшаве и Кракове.

Есть одно издание русском языке – Акт (Годичный) Имп. Варшавского ун-та (печатался в Варшаве). В библиотеке имеется 8 томов (1877, 1891–1893, 1897–1900).

Остальные издания на польском языке.

К изданным в Варшаве относятся «Ksiazka» (2 тома за 1901–1902 гг.), «Prace Filologiczne» (5 томов за 1885, 1888, 1891, 1893, 1895 гг.).

В Кракове издавались «Swiat Stowianski Miesiecznik» (10 томов за 1906, 1908–1911 гг.), «Spis wykladow w polroczu zimowen» (1 том за 1899 г.), «Przegląd Powszechny» (1 том за 1909 г.), «Przewodnik Bibliograficzny» (5 томов за 1883–1884, 1886–1888 гг.).

Чешские периодические издания. В коллекции П.А. Кулаковского выявлено 13 наименований на чешском языке. Двенадцать из них были изданы в Праге. Один журнал печатался в Вене, Австрия.

Одним из самых объемно представленных журналов является «Časopis Českého Museum» (после 1854 г. до 1922 г. выпускался под названием «Časopis Musea království Českého»). В коллекции П.А. Кулаковского находится 68 томов с 1846 по 1912 г. Это периодическое издание, один из старейших чешских научных журналов (основан в 1827 г.), носило универсальный характер, основными разделами которого были фило-

логия и художественная литература, история и естественные науки. Доля этих составляющих менялась в зависимости от текущих задач журнала и личностей главных редакторов.

«Vestnik slovanských starozitností» (в коллекции 4 тома за 1898–1900 гг.). Главный редактор журнала Любор Недрле – известный чешский археолог, этнограф, историк-славист и антрополог, профессор Карлова университета, член Чешской академии наук и искусств.

В коллекции имеются либеральный ежемесячник, издававшийся Томашем Масариком, – «Nase Doba» (3 тома 1893–1895 гг.) и ежемесячный журнал Национальной свободомыслиющей партии, посвященный общественным проблемам, – «Česka Revue» (номера 5–9 за 1912 г.).

Остальные названия чешских журналов представлены фрагментарно: «Slovansky Svet. Listy pro kulturní tvorbu» (1 том за 1872 г.); «Slovansky Sborník; «Osvěta» (статьи о взглядах на искусство, науку и политику); «Český Lid. Sborník...»; «Slovansky Přehled. Sborník statí...»; «Česky Časopis historický»; «Almanach. České Akademie Cisare...»; «Bibliothek (Nowocaska)».

Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Rozprawy z oboru historie» братьев Йозефа и Герменегильда Йирчек печатался в Вене. В личной библиотеке П.А. Кулаковского имеется 1 том за 1860 г.

Словенские журналы насчитывают 7 наименований, печатавшихся в городах Целе, Любляна, а также на территории Австрии.

«Letopis Matice Slovenske» – журнал словенского национального культурно-просветительного общества, который начал издаваться с 1866 г. и выходил под заглавием Národní Kolendar in Letopis Matice Slovenske, с 1871 г. – «Letopis Matice Slovenske», а с 1894 г. – «Letopis Slovenske Matice». В библиотеке Платона Андреевича хранится 28 томов (1866, 1867, 1871–1898).

Словенский журнал «Slavjan. Časnik slovstven i uzajemen za Slavjane kniževne i prosvětlene» печатался на территории Австрии (город Целовец, современный Клагенфурт-ам-Вёртерзе). В библиотеке П.А. Кулаковского имеются выпуски 1873–1875 гг. в одном (личном) переплете. Ведущим редактором журнала был Матия Маяр – словенский общественный деятель и просветитель. Помощь в издании журнала ему оказывал Московский славянский благотворительный комитет. Журнал содержит статьи на славянских языках (словенский, сербский, русский, чешский и т.д.).

Российских журналов насчитывается 17 наименований. Издания в большей степени разрозненными томами за разные годы: «Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства» (1885–1886, 1888–1889, 1892); «Галицко-русский Вестник. Ежемесячный историко-литературный и политический журнал» (1884); «Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнал» (1892); «Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. Москва» (1907–1908) и др. Одно из изданий выпущено на французском языке – «Annuaire de la noblesse de

Russie» (Санкт-Петербург, 1889). Печатались журналы в основном в Санкт-Петербурге, но также присутствуют наименования из Москвы и Казани.

Украинские журналы представлены единичными экземплярами наименований, печатавшихся во Львове, Киеве и Одессе (всего в личной библиотеке 7 названий). В этот перечень входят такие журналы, как «Сборник (Научно-литературный)» (Львов, 1901), «Rocznik. Statystyki Galicyi. Rok 5» (Львов, 1894–1897), «Временник Ставропигийского института с месяцесловом» (Львов, 1896), «Ежегодник (Славянский). Альманах и сборник статей по славяноведению» (Киев, вып. 5 за 1882 г.), «Славянская беседа» (Киев, 1888), «Летопись историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете» (Одесса, 1890), «Отчет (краткий) о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета» (Одесса, 1869).

В личной библиотеке П.А. Кулаковского имеются также австрийские и немецкие журналы.

В Австрии издавался всеславянский журнал «Славянский век» (статьи внутри сборников печатались на разных славянских языках, а также присутствовали тексты на немецком языке). В личной библиотеке П.А. Кулаковского имеется 4 тома за 1900–1904 гг.

В личной библиотеке имеется и 1 том «Славянского альманаха» за 1879 г., выпускавшегося в Вене. Это издание интересно тем, что оно входило в список запрещенных цензурой к обращению на территории России (1831–1917). Тексты представлены на русском, украинском, чешском, болгарском, сербском, словенском, хорватском языках.

Также в библиотеке имеется журнал на немецком языке, но печатавшийся в городе Черновцы (территория современной Украины, в XIX в. принадлежавшая Австрийской империи), – «Verzeichniss der öffentlichen Vorlesungen» (3 тома за 1898–1900 гг.).

В Германии печатались «Archiv für slavische Philologie» (Берлин, 9 томов за 1876–1877, 1879, 1884, 1892, 1895, 1903–1905 гг.) и «Verzeichniss der Universität Leipzig zu haltenden Vorlesungen» (Лейпциг, 1 том за 1899–1900 гг.).

Журнальная периодика других стран представлена в небольшом количестве номеров за разные годы, их изучение продолжается.

Заключение

Изучение истории книжных собраний, созданных учеными и исследователями, обогащает нашу источниковедческую базу, дает возможность лучше понять не только личность, но и ту историческую эпоху, в которой ученый работал и жил. Значительная часть журнальной периодики в личной библиотеке П.А. Кулаковского состоит из изданий, посвященных движению панславизма или в целом публикующих работы на славянских языках и на славянскую тематику.

Список источников

1. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1915 г. Томск, 1916. 145 с.
2. Жабрева С.А. П.А. и Ю.А. Кулаковские: коллеги и братья // Славянский мир: общность и многообразие : тез. конф. молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / отв. ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 24–28.

3. Отчет о деятельности библиотеки Императорской академии наук за 1914 г. Петроград : Изд. Имп. акад. наук, 1915. [4], 106 с.
4. Жабрева С.А. Штатпы и пометы книжных собраний и частных коллекций в библиотеке Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 2 (62). С. 51–53.
5. Государственный архив Томской области. Ф. р-1892. Оп. 1. Д. 2а.
6. Жабрева С.А. Деятельность П.А. Кулаковского, отраженная в экземплярах Славянского фонда БАН // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 2 (67). С. 135–137.
7. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1914 г. Томск, 1915. Разд. паг.
8. Фоминых С.Ф. Зиновьев В.П. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1. С. 83–94.
9. Робинсон М.А. Методологические вопросы в трудах русских славяноведов XIX – начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М. : Наука, 1986. С. 91–112.
10. Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М. : Наука, 1989. 198 с.
11. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М. : Индрик, 2005. 847 с.
12. Москва–Сербия; Белград–Россия : сб. документов и материалов. Белград : Арх. Србије ; Москва : Гл. арх. упр. г. Москвы, 2012. Т. 3: Друштвено-политичке и културне везе, 1878–1917. 702 с.
13. Котов А.Э. «Акрит» русской публицистики: П.А. Кулаковский между Катковым и Аксаковым // Славистика. 2013. Т. XVII. С. 455–472.
14. Шемякин А.Л. Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // Родина. 2013. № 12. С. 47–52.
15. Гусев Н.С. Объективный ученый-славист, боевой публицист-консерватор проф. П.А. Кулаковский // Материалы для виртуального Музея Славянских Культур : сб. науч. ст. / сост., отв. ред. И.И. Калиганов. М. : Ин-т славяноведения РАН : ПОЛИМЕДИА, 2020. Вып. 1. С. 64–70. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_kulakovskiy.pdf (дата обращения: 07.10.2024).
16. Гусев Н.С. Путевые заметки П.А. Кулаковского о Болгарии // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 439–452.
17. Жабрева С.А. Конволюты из личного собрания Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913) в Славянском фонде БАН // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2019. Вып. 2. С. 167–173.
18. Русские о Сербии и сербах : сб. / сост., подгот., введ., закл. ст. А.Л. Шемякина. СПб. : Алетейя, 2014. Т. 2: Архивные свидетельства. 632 с.
19. Дракулич-Прийма Д. «Даница» Вука Стефановича Караджича // Румянцевские чтения – 2020 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21–24 апреля 2020. М. : Пашков дом, 2020. Ч. 1. С. 237–242.

References

1. Anon. (1916) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1915 g.* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1915]. Tomsk: [s.n.].
2. Zhabreva, S.A. (2021) P.A. i Yu.A. Kulakovskie: kollegi i brat'ya [P.A. and Yu.A. Kulakovskys: Colleagues and brothers]. In: Uzeneva, E.S. & Khavanova, O.V. (eds) *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie* [The Slavic World: Community and Diversity]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 24–28.
3. Imperial Academy of Sciences. (1915) *Otchet o deyatel'nosti biblioteki Imperatorskoy akademii nauk za 1914 g.* [Report on the activities of the library of the Imperial Academy of Sciences for 1914]. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.
4. Zhabreva, S.A. (2018) Shtampy i pomety knizhnykh sobraniy i chastnykh kollektsey v biblioteke Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvornogo obshchestva [Stamps and notes of book collections and private collections in the library of the St. Petersburg Slavic Charitable Society]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. 2(62). pp. 51–53.
5. The State Archives of Tomsk Region. (GATO). Fund r-1892. List 1. File 2a.
6. Zhabreva, S.A. (2019) *Deyatelnost' P.A. Kulakovskogo, otrazhennaya v ekzemplyarakh Slavyanskogo fonda BAN* [P.A. Kulakovsky's activities reflected in the copies of the Slavic fund of the BAS]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. 2(67). pp. 135–137.
7. Anon. (1915) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1914 g.* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1914]. Tomsk: [s.n.].
8. Fominykh, S.F. & Zinoviyev, V.P. (2015) Journal “Slavic Age” as a source on the history of the Rusins. *Rusin*. 1. pp. 83–94.
9. Robinson, M.A. (1986) Metodologicheskie voprosy v trudakh russkikh slavyanovedov XIX – nachala XX v. (V.I. Lamanskiy, P.A. Kulakovskiy, K.Ya. Grot) [Methodological issues in the works of Russian Slavic scholars of the 19th – early 20th centuries (V.I. Lamansky, P.A. Kulakovsky, K.Ya. Grot)]. In: Dyakov, V.A. (ed.) *Istoriografiya i istochnikovedenie stran Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy* [Historiography and Source Study of the Countries of Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 91–112.
10. Danchenko, S.I. (1989) *Russko-serbskie obshchestvennye svyazi (70–80-e gody XIX v.)* [Russian-Serbian public relations (1870s–1880s)]. Moscow: Nauka.
11. Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [History of Slavic Studies in Russia in the 19th Century]. Moscow: Indrik.
12. Timofeev, A., Miloradovich, G. & Silkin, A. (2012) *Moskva–Seriya; Belgrad–Rossiya* [Moscow–Serbia; Belgrade–Russia]. Vol. 3. Beograd: Arkh. Srbije; Moscow: Gl. arkh. upr. g. Moskvy.
13. Kotov, A.E. (2013) “Akrit” russkoy publitsistiki: P.A. Kulakovskiy mezhdu Katkovym i Aksakovym [“Acrit” of Russian journalism: P.A. Kulakovsky between Katkov and Aksakov]. *Slavistika*. XVII. pp. 455–472.
14. Shemyakin, A.L. (2013) Moskovskiy professor o nezavisimoy Serbii. Platon Andreevich Kulakovskiy v Belgrade (1878–1882) [Moscow professor on independent Serbia. Platon Andreevich Kulakovsky in Belgrade (1878–1882)]. *Rodina*. 12. pp. 47–52.
15. Gusev, N.S. (2020) Ob"ektivnyy uchenyy-slavist, boevoy publitsist-konservator prof. P.A. Kulakovskiy [Objective Slavic scholar, militant conservative publicist prof. P.A. Kulakovsky]. In: Kaliganov, I.I. (ed.) *Materialy dlya virtual'nogo Muzeya Slavyanskikh Kul'tur* [Materials for the virtual Museum of Slavic Cultures]. Vol. 1. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS: POLIMEDIA. pp. 64–70. [Online] Available from: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_kulakovskiy.pdf (Accessed: 7th October 2024).
16. Gusev, N.S. (2021) Putevyie zametki P.A. Kulakovskogo o Bolgarii [P.A. Kulakovsky's travel notes about Bulgaria]. In: Danchenko, S.I. (ed.) *Slavyane i Rossiya. Rossiya: vzglyad na Balkany. XVIII–XXI vv. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.S. Dostyan* [Slavs and Russia. Russia: a look at the Balkans. 18th – 21st centuries. On the 100th anniversary of the birth of I.S. Dostyan]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 439–452.
17. Zhabreva, S.A. (2019) Konvolyuty iz lichnogo sobraniya Platona Andreevicha Kulakovskogo (1848–1913) v Slavyanskom fonde BAN [Convolutives from the personal collection of Platon Andreevich Kulakovsky (1848–1913) in the Slavic Fund of the BAS]. In: Mamontova, G.A. (ed.) *Lichnye biblioteki v sostave fondov rossiyskikh knigokhranilishch: problemy izucheniya* [Personal Libraries as Part of the Funds of Russian Book Depositories: Study Problems]. Vol. 2. St. Petersburg: Russian National Library. pp. 167–173.
18. Shemyakin, A.L. (ed.) (2014) *Russkie o Serbii i serbakh* [Russians about Serbia and the Serbs]. Vol. 2. St. Petersburg: Aleteyya.
19. Drakulich-Prinya, D. (2020) “Danitsa” Vuka Stefanovicha Karadzichia [“Danica” by Vuk Stefanovic Karadzic]. *Rumyantsevskie chteniya – 2020* [The Rumyantsev Readings – 2020]. Proc. of the International Conference. April 21–24, 2020. Vol. 1. Moscow: Pashkov dom. pp. 237–242.

Сведения об авторах:

Ивановская Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом основного фонда Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ivanovskaya_e@lib.tsu.ru

Щербинина Александра Андреевна – ведущий библиотекарь Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ashcher@lib.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ivanovskaya Ekaterina V. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Main Collection Department of the Research Library of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ivanovskaya_e@lib.tsu.ru

Shcherbinina Aleksandra A. – Lead Librarian of the Research Library of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ashcher@lib.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 25.10.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/94/19

Изучение концепции национального характера в СССР: дискуссии и проблематика

Станислав Витальевич Мажинский

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия, smazhinskiy@hse.ru*

Аннотация. Рассматривается советский опыт изучения концепции национального характера через призму трех периодов. Цель данного исследования – выявить особенности развития теоретических и методологических особенностей концепции национального характера в рамках советской науки. В первом периоде показано два взгляда на концепцию с позиции советских ученых и русской эмиграции. Первая волна дискуссий, вызванная внутри и внешнеполитическими факторами, возникает во второй половине 1960-х гг. Второй этап дискуссий обозначил большой методологический кризис в исследовании национального характера.

Ключевые слова: национальный характер, психический склад, дискуссия, СССР, национальная психология

Для цитирования: Мажинский С.В. Изучение концепции национального характера в СССР: дискуссии и проблематика // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 154–162. doi: 10.17223/19988613/94/19

Original article

Study of the concept of national character in the USSR: discussions and problems

Stanislav V. Mazhinsky

*National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation, smazhinskiy@hse.ru*

Abstract. The article examines the Soviet experience of studying the concept of national character through the prism of three periods. The purpose of this study is to identify the specific features of the development of theoretical and methodological features of the concept of national character within the framework of Soviet science. The first period shows two views on the concept from the standpoint of Soviet scientists and Russian emigration. Significant work within the Soviet Union was done by G.G. Shpet, who proposed the term "ethnic psychology" and created the groundwork for the typological consideration of ethnic groups. The peculiarity of this period is that since the early 1930s, the development of the concept of national character within the USSR ceased for more than thirty years, but it was carried out by scientists in emigration (I.L. Solonevich, I.A. Ilyin, L.P. Karsavin). The first wave of discussions arose in the second half of the 1960s, caused by both foreign policy factors (decolonization processes) and ethnic processes occurring in the zone of Soviet influence. A distinctive feature of this period is the major debate on the existence of national character, initiated by I. Kon, as well as controversial issues related to the definition of the concepts of "nation", "ethnos" and "nationality" in the context of the development of the theory of ethnos. The result was the recognition of the existence of national character as a national phenomenon. The second stage of the discussions marked a major methodological crisis in the study of national character. To resolve this crisis, two solutions were put forward - the use of methodology from related disciplines with ethnography and the development of psychological methods for studying ethnic processes. Among the aspects that significantly complicated the development of the theoretical and methodological foundations of the concept were critics of American methods (modal personality, basic personality structure) and class theory, which required theoretical and ideological coordination with the postulates of K. Marx, V.I. Lenin, I.V. Stalin. One of the ways out of this situation was undertaken by A.Ya. Gurevich, who in the late 1980s began to develop the theory of mentalities.

Keywords: national character, mental makeup, USSR, nation, national psychology

For citation: Mazhinsky, S.V. (2025) Study of the concept of national character in the USSR: discussions and problems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 154–162. doi: 10.17223/19988613/94/19

Введение

Концепция национального характера начала обсуждаться в России с первой половины XIX в. Славянофилы и западники обсуждали особенности национального характера России и предлагали решение проблем, вызванных, по их мнению, особенностью русских традиций и отсталостью общества. Проблема национального характера и особенности общества России XIX и начала XX в. отразились в трудах русских писателей и публицистов Н.Г. Чернышевского Ф.М. Достоевского, М. Горького и др.

После революции 1917 г. в России поменялась не только политическая система, но и социальные отношения. Научные подходы к объяснению общества и социальных процессов также претерпели изменения. Появление социальных наук на Западе в начале XX в. оказало большое влияние и на отечественную науку, которая пыталась описать в новых парадигмах общество после революции. Более того, этому способствовал накопленный исследовательский опыт предыдущей эпохи.

Два подхода – одна страна

В образовавшемся государстве достаточно остро стоял вопрос понимания культурных и национальных характеристик для прикладных политических задач. При этом, как и в западной науке того времени, ставились вопросы и теоретического плана к концепции национального характера, такие как генезис, движущие силы, структура и т.д. На раннем довоенном этапе осмысление национальных процессов и теоретических вопросов концепции национального характера проводилось как внутрисоветскими, так и внешними исследователями. Внешнюю исследовательскую группу составляли философы, публицисты, писатели и ученые, которые эмигрировали либо были высланы в начале 1920-х гг. Позиция по русской эмиграции включала в себя критику и теоретическое осмысление концепции национального характера на примере России.

Так, в 1922 г. культурно-психологический взгляд на национальный характер представил Н.С. Трубецкой. В работе «Об истинном и ложном национализме» он обозначил, что чем больше людей сами себя познали, тем интенсивнее идет процесс создания национальной культуры, которая является залогом успешного самопознания индивида. В этом взаимодействии Трубецкой акцентировал внимание на национальном характере, который складывается из отдельных индивидуальных характеров. Философ видел в национальном познании особую важность, так как если такой процесс не будет происходить, то это может изменить национальный характер [1. С. 119].

К проблеме выявления национального характера обратился в 1922 г. религиозный философ Л.П. Карсавин. Он обратил внимание на то, что делаются попытки на основе одного признака сконструировать полное представление о народе. На базе такого конструирования создавались ложные предположения о будущем народа. Для решения этой проблемы он предложил

проводить исследования народа на основе диалектики [2. С. 7–13].

Проблематика национального характера и народных черт России начала XX в. поднималась и в других работах Карсавина. Основным компонентом при описании национального характера России философ полагал православие [3. С. 124–126].

Важным трудом, в котором были рассмотрены и развиты идеи национального духа в отечественной науке, стала работа Г.Г. Шпета «Введение в этническую психологию». Исследование Шпета важно тем, что оно была написана уже после смерти В. Вундта, что позволило оценить весь путь немецкой народной психологии. Шпет в данной работе выступал с позиции критика подходов Вундта, писал о том, что немецкий психолог допускал серьезные ошибки, в частности ограничил народную психологию тремя проблемами: языком, мифами и нравами. Это, по мнению Шпета, не соответствовало действительным запросам народной психологии того времени. Более того, были замечены противоречия Вундта с пониманием народной психологии Лацаруса и Штейнтала [4. С. 40–42].

Несмотря на критику Вундта как одного из основателей народной психологии, Шпет поддерживал данное научное направление. Он ввел понятие «этническая психология», которое казалось ему не таким двусмысленным и более точным, чем название «народная психология» [4. С. 18]. К тому же он понимал народный дух как тип, стиль или тон, а этнопсихологию – как науку типологическую, которая рассматривает народ как носитель определенного типа духа [4. С. 92]. Позиция Шпета по рассмотрению народного духа с точки зрения типологии открывала достаточно большие перспективы исследования этнической психологии, что подразумевало разработку комплексного методологического подхода. Однако политические репрессии 1930-х гг. XX в. в советской России и расстрел Г.Г. Шпета в 1937 г. прервали дальнейшие исследования данной тематики.

В марте 1929 г. была опубликована статья И.В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм». Данную статью Сталин начал с объяснения понятия нации, определенной им как исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков: общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. В рамках данной статьи Сталин отрицал пятый признак, который был предложен, – национальное государство, так как под нациями он понимал и этнические группы, которые проживали не только на территории СССР, но и в других странах [5]. Данная статья послужила основанием для многих последующих научных работ.

Изучение психологических характеристик как индивидов, так и нации в целом в СССР было приостановлено в 1930-е гг. [6. С. 53]. Возобновление дискуссии о психологических характеристиках произойдет в середине 1960-х гг., что обозначит первую волну обсуждений национального характера и психологиче-

ских аспектов нации. Однако разработка этой тематики продолжалась вне СССР философами и публицистами, которые в начале 1920-х гг. покинули Россию. С точки зрения актуальности таких работ стоит отметить, что они были написаны вне России, а значит – вне влияния национальной среды. Это позволило описать некоторые аспекты национальной жизни объективно.

Работа философа И. Ильина 1937 г. «Путь духовного обновления» отсылала к вопросу об истоках национального характера. В частности, Ильин писал, что национальный характер среди народа основывается на четырех связях: природных, исторических, кровных и бытовых. Именно эти связи указывают человеку его родину и обретают духовное значение. А обрета духовное значение, становятся символами национального характера и его материалом [7. С. 523–524]. Для создания национального характера каждый народ осуществляет особые действия – Ильин называл их «душевно-духовными актами», – которые формируют отличительные черты народа [7. С. 573–574].

Начало второй половины XX в. ознаменовалось публикацией эмигрировавшего публициста и писателя И.Л. Солоневича «Народная монархия». Он отвергал климат и географию в качестве основополагающих компонентов национального характера. Религия, которая, по мнению русских религиозных философов, играла важнейшую роль в установлении и развитии национального характера, Солоневичем была признана вторичной, так как она претерпевала существенные изменения в рамках той или иной культуры. Писатель признавал в этой работе, что факторы, которые образуют нацию и ее особый склад характера, совершенно неизвестны. Однако то, что национальные особенности присутствуют в любой нации, не вызывает сомнений. Важным тезисом Солоневича стало утверждение, что психология народа не может быть понята по литературе, а возможность понимания характеристик народа может обеспечиваться только пониманием истории государства [8. С. 18–22].

Работа философа Б.П. Вышеславцева «Философская нищета марксизма» (1952) также затрагивала вопрос изучения характеристики народа и национального характера. В своем понимании национального характера Вышеславцев был близок с позицией Карсавина. Тезис Вышеславцева касался понимания национального характера не по одной черте, а по комплексному многообразию проявления культуры народа [9. С. 104–105].

Советский историк М.П. Ким в статье 1953 г. выдвинул точку зрения, что советские социалистические нации выработали новый национальный характер. Это стало возможным только после революции 1917 г., которая считалась Кимом точкой отчета в обретении нового психологического склада. Если у Сталина психологические особенности национального характера проявляются в культуре, то у Кима – в патриотизме и служении Родине [10. С. 34]. Данная статья стала неким советским ответом на развитие концепции национального характера русской эмиграцией.

Также к проблеме национального характера обратился религиозный философ Н.О. Лосский в работе «Характер русского народа» (1957). Лосский отмечал,

что в национальном характере каждого народа заложены пары противоположностей, которые проявляются в обычной жизни народа. На основе этого философ сформировал задачи, которые ставятся при изучении национального характера. Первая – найти основное свойство народа, из которого вытекают противоположности. Вторая – определить свойства национального характера, которые являются основными, первичными, и те, которые вытекают из основных [11. С. 7].

Также Лосский полагал, что для глубокого понимания характера народа необходимо сравнить его с другими народами [11. С. 150]. Философ предлагал кросс-культурный подход, который бы на примере сравнения четко выделил определяющие черты национального характера. Несмотря на попытку Лосского дать описание основных характеристики русского народа, он предпочел разделение черт характера на плохие и хорошие.

Советским историком и социологом Б.Ф. Поршневым в дискуссионной статье «К спорам о проблеме возникновения человеческого общества» (1958) было выдвинуто предположение, что психологическая составляющая является самой сложной в объяснении появления различных сообществ. По его мнению, процесс труда сопровождается определенными психическими процессами [12. С. 146], которые влияют на появление общностей и, соответственно, на их психический склад.

Таким образом, с 1920-х по середину 1960-х гг. русской эмиграцией делались попытки выявить особенности национального характера и предложить методологию его изучения. В СССР большой теоретический вклад внесла работа Г.Г. Шпета, которая не получила дальнейшей разработки.

Первая волна дискуссий

В советский период интерес к проблеме национального характера начал возрастать во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. [13. С. 66–67]. Здесь справедливо можно говорить о первой волне дискуссии о теории нации, которая включала в себя обсуждение психического склада нации, национального характера, определений границ человеческих общностей. Причиной этому послужило развитие советскими исследователями теории этноса, в рамках которой были поставлены вопросы для обсуждения.

Если Б.Ф. Поршнев ставил под сомнение значение психологии в понимании национальных процессов, то историк А.Я. Гуревич придавал психологической составляющей важное значение. Он справедливо заметил одну из проблем определения нации, данного И.В. Сталиным. По его мнению, формирование устойчивых общностей нации – экономики, политики, языка и психического склада, о которых писал Сталин, не обеспечивает интеграцию малых этнических групп с основной нацией. Ответ на этот сложный вопрос сможет дать психологический подход, который затрагивает национальный характер, психический склад народа, но, как заметил Гуревич, данный подход не разрабатывался в СССР, хотя имел развитие на Западе [6. С. 62].

Гуревич предлагал сфокусироваться на разработке методов исследования социально-исторической психологии, приводя в пример французских философов и историков [6. С. 68].

Данная дискуссия развернулась вокруг научного определения национального характера и нации, из-за чего часть исследователей 1960-х гг. отрицала существование национального характера [14. С. 69–70].

С одной стороны, интерес к данной проблеме сформировал процесс деколонизации, начавшийся после Второй мировой войны. Начало государственного строительства в новообразовавшихся странах обуславливало потребность в объяснении характеристик появившихся наций для ученых не только Запада, но и СССР. С другой стороны, возможной причиной обращения к данной проблеме со стороны послужили конфликты внутри сферы советского влияния, такие как «Пражская весна» (введение военного контингента в Чехословакию в 1968 г.), пограничный конфликт на советско-китайской границе в 1969 г., беспорядки в Ташкенте в 1969 г., волнения в Минске в 1970 г. В связи с этим потребовались иные подходы к объяснению межнациональных отношений.

Еще одна проблема советской этнографии этого периода касалась развития теории этноса и, как следствие, определения этнических общностей и их границ. В частности, обсуждались вопросы определения этноса, народности, нации. Из этого же вопроса следовало и обсуждение проблематики национального характера и психологических черт. Эти вопросы обсуждались на протяжении практически 30 лет Н.Н. Чебоксаровым, В.И. Козловым, Ю.В. Бромлеем, С.А. Арутюновым, Г.Е. Марковым, М.В. Крюковым, Ю.И. Семеновым, А.И. Першицем, К.В. Чистовым и др.

Во второй половине 1960-х гг. советскими учеными было начато обсуждение определения и содержания понятия «нация». Начались пересмотр и дополнение сталинской концепции нации, что включало определение места и границ понятия среди понятий «этнос» и «народность». В числе ученых, которые поддерживали данную дискуссию, были П.М. Рогачев, М.А. Свердлин, М.С. Джунусов, С.Т. Калтахчян, П.Г. Семенов, М.О. Мнацаканян, Т.Ю. Бурмистрова, Н.А. Тавакалян, Пружинин, В.И. Козлов, Н.П. Ананченко, А.Г. Агаев, А.И. Горячева, И.Ф. Дроздов, Н.К. Стрелкова, М.Н. Росенко.

В то же время советскими учеными обсуждалась проблема использования терминов «психический склад» и «национальный характер». В.И. Козлов указывал, что психологический склад народа часто описывается в терминах личностной психологии, и народ наделяют теми или иными чертами личности. А «национальный характер», по мнению Козлова, использовался на Западе учеными – сторонниками «психологического расизма». Именно поэтому советским ученым, признававшим это понятие, было сложно раскрыть его научное содержание [15. С. 90–91].

Советский историк Н.А. Тавакалян предложил включить термин «психический склад» в национальный характер как более широкую категорию, включающую в себя психологическую составляющую [16. С. 116].

Вместе с тем была и иная точка зрения, согласно которой национальный характер был включен в качестве самого устойчивого элемента в психический склад. Как отмечала А.И. Горячева, национальный характер содержит в себе устойчивые культурные и психические структуры, в отличие от психического склада. Это аргументировалось тем, что при изменениях в национальной психике народ или нация не теряет своих культурных особенностей [17. С. 99].

Благодаря усилиям двух исследователей В.М. Зайченко и К. Сабирова была разработана структура психического склада нации. По их мнению, структура состоит из двух частей. Первая часть представлялась совокупностью общих черт нации, большая часть из которых интернациональна. В частности, указывался классовый характер этих черт. К остальной части общих черт наций принадлежали общецивилизационные черты. Вторая часть – национальный характер, который сочетает в себе специфику национальных черт психики нации и определяет психические свойства конкретной нации [18. С. 79–80].

Исследование И.С. Кона подняло вопрос о мифичности национального характера. Проблема мифичности национального характера, по мнению Кона, выражалась в нескольких аспектах. Во-первых, проблема непонимания диалектики общего, особенного и единичного. Во-вторых, концепция национального характера на момент написания статьи находилась в процессе перехода от теорий биологических к теориям социально-историческим. Отвечая на вопрос статьи о реальности или мифичности национального характера, Кон пришел к выводу, что национальный характер мифичен (иллюзорен) и реален одновременно [19. С. 215–229].

Если рассматривать проблему диалектики, о которой писал Кон, то она заключается в том, что исследователи по-разному видели и понимали ключевые культурные аспекты народа, на которых строилось описание культурных характеристик. Из-за этого возникла проблема унификации понимания ключевых черт культуры народа. Что касается процесса перехода концепции национального характера от одних теоретических подходов к другим, то здесь он зафиксировал деградацию американской школы «культура и личность» и переход к психологическому детерминизму 1970-х гг.

В конце 1960-х гг. вышла работа советского демографа и этнолога В.И. Козлова «Динамика численности народов». В ней ученый критиковал западный подход к толкованию концепции национального характера. Например, он указал, что концепцию национального характера в XX в. на Западе использовали сторонники «психологического расизма». Причиной такого использования Козлов называл то, что для описания характеристик национального характера использовались термины психологии личности, которые описывали качества индивидуумов с позиции положительных и отрицательных качеств. [20. С. 38–39].

Козлов в своей работе также поднимал вопрос об условиях, которые влияют на формирование национального характера. Одной из составляющих уклада народов, по мнению Козлова, является преобладаю-

ций тип темперамента, который устанавливает связь с антропологическими особенностями народа и обуславливает разные сочетания в различных этнических общностях. Автор выделил важные элементы, влияющие на формирование уклада народа: условия жизни людей, окружающая природная и социокультурная среда, воспитание и мировоззрение [20. С. 40].

В 1970 г. в журнале «Вопросы истории» были подведены итоги дискуссии о теории нации. За 1966–1968 г. по этой тематике было опубликовано 27 статей специалистами из различных областей: истории, этнографии, экономики, филологии и юриспруденции. Одним из итогов дискуссии стали заключения по национальному характеру. Исследователи признавали, что национальный характер не является идентичным классовой психологии и идеологии. Также советскими учеными признавался тот факт, что черты национального характера не являются неизменными и формируются под влиянием окружающей среды и материальных условий жизни. Но эти черты могут трансформироваться классовой психологией [21. С. 87–94]. В начале 1970-х гг. журнал «Вопросы истории» обозначил завершение дискуссии о теоретических основах нации и, соответственно, обсуждения проблематики национального характера и психического склада. Несмотря на это, дискуссия и далее получила свое продолжение в монографиях и статьях советских авторов.

Позиция И.С. Кона обсуждалась видным советским философом Н.Д. Джандильдиным в работе «Природа национальной психологии». Джандильдин не соглашался с выводами Кона о мифичности и реальности национального характера из-за отсутствия конкретного ответа. Философ обратился к работам Маркса и Энгельса, которые основным критерием влияния на национальный характер считали степень развития производства [22. С. 106].

Позиция Джандильдина по национальному характеру выразилась в следующих тезисах. Во-первых, национальный характер представляет собой реальное социально-психологическое явление. Во-вторых, национальный характер не является неизменным и целостным свойством народа. Он медленно формируется и медленно исчезает. В-третьих, национальный характер определялся Джандильдиным как совокупность специфических психологических черт, реализующихся в той или иной степени в конкретных условиях: природных, исторических, экономических и культурных [22. С. 122–123].

Одним из важнейших вопросов, поднятых Джандильдиным, был вопрос о структуре национального характера. Среди структурных компонентов философом были отмечены следующие четыре группы: привычки и поведение; эмоционально-психологическая реакция на явления привычной и непривычной среды; ценностные ориентации; потребности и вкусы. На основании описания характеристик и черт Джандильдин привел определение национального характера, которое является собирательным понятием, представляющим собой воплощение передаваемых из поколения в поколение в процессе общественно-исторической деятельности свойств внутреннего облика индивидов,

неповторимых в таком же виде в других «национальных типах» [22. С. 146–147].

Продолжая дискуссию о проблематике национального характера в начале 1970-х гг., И.С. Кон в целом согласился с тезисами Джандильдина о реальности национального характера, но при этом поднял ряд новых вопросов. По мнению Кона, термин «национальный характер» являлся не аналитическим, а описательным, так как изначально появился в заметках путешественников, фиксирующих специфику того или иного народа. На основе этого ученым был поставлен вопрос о подходе к изучению национального характера, чтобы вывести концепцию из описательной в разряд аналитических. Кон изначально обозначил несостоятельность индивидуально-психологического подхода, так как он неспособен выделить черты национального характера, а только черты отдельной личности [23. С. 124].

К дискуссии о проблематике национального характера присоединился историк и этнограф Ю.В. Бромлей, который подчеркнул отсутствие единого взгляда на феномен как у зарубежных исследователей, так и у отечественных. По его мнению, элементом национального характера выступают не отдельные личности, а социально-психологические черты, характерные для этнической общности. Бромлей сделал попытку обозначить некоторые структурные элементы национального характера. Так, им было предложено включить чувства в структуру национального характера, так как представителям этноса или нации характерны определенные переживания действительности [24. С. 83–84].

Первая волна дискуссии о сущности национального характера обозначила, с одной стороны, критику западных подходов в изучении этносов, с другой, кризис теоретических основ дискуссии. Отсутствие на протяжении 30 лет разработок психокультурных методов изучения этносов при решении одного теоретического вопроса порождала новые. Однако, несмотря на неразработанность теоретического аппарата, советскими учеными предлагались на рассмотрение вопросы о структуре и свойствах национального характера.

Вторая волна дискуссий

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. возникает вторая волна теоретического осмысления национального характера. Она была связана с теоретизацией этнических общностей и разработкой методов изучения этнических процессов.

Социальный философ Э.А. Баграмов не отрицал существования национального характера, но, рассматривая межэтническое взаимодействие, пришел к выводу, что западные концепции и подходы национального характера мешают взаимопониманию между народами. Причиной этому Баграмов называл европоцентризм, который изначально ставил европейцев выше других народов, и на этих установках были построены подходы к объяснению национальной психологии. Однако благодаря трудам этнологов, лингвистов и историков было доказано, что «примитивные» народы являются более глубокими и цельными, чем себе представляли ученые в прошлых столетиях [25. С. 89].

А.Ф. Дашдамиров осуществлял поиски методов исследования национально-психологических особенностей. Он писал, что национальный характер часто отождествляют с психическим укладом нации. Но при исследовании этих двух терминов Дашдамировым было выявлено, что национальный характер является частью психического склада, который представляет наиболее устойчивую часть национальной психологии [26. С. 70].

В.И. Козлов поднял вопрос о национальном характере как о проблемной категории в рамках этнической психологии. Он обозначил разногласия среди советских исследователей и методологические проблемы его исследования. Например, Козлов указывал на то, что основной метод исследования национального характера этносов основывается на стереотипах, которые сложились в ходе взаимодействия между этносами.

Козлов также указывал на поверхностность концепции национального характера в изучении народов. По его мнению, психологические черты и качества могут представить более четкое понимание о народе. Но проблема заключалась в том, что уровень методологии в изучении черт личности психологами вызывал трудности. Козлов указывал на попытки советских исследователей продвинуться в изучении психологических характеристик этносов и получении массовых данных. Один из подходов был связан с изучением межличностного общения между представителями этнических групп на территории СССР, другой – с изучением феномена группового долгожительства в районах Закавказья [27. С. 76–79].

К дискуссии о проблемах изучения национального характера и национальной психологии присоединился советский лингвист и психолог А.А. Леонтьев. Анализируя работы Дашдамирова, Горячевой, Макаровой и других авторов, он пришел к заключению, что проблемой в изучении черт национальной психологии является уровень общих деклараций и метафорических, ненаучных выражений, к которым прибегают исследователи. В качестве проблемных точек изучения психологических черт этносов Леонтьев выделял национально-психологические аспекты социальной психологии классов, групп, общества и проблемы стереотипов и этноцентризма – с одной стороны, а с другой – проблему этнической и исторической вариантности психологических явлений и их связь с личностью [28].

Советский этнолог и социолог И.М. Кузнецов называл национальный характер стержневым термином этнической психологии. Он выступал с критикой личностного подхода в изучении психологических черт этноса. Кузнецов предлагал обратить внимание на такую категорию в изучении этносов, как «адаптивность». Именно адаптивность, по его мнению, – способность к выживанию этноса, – формирует как устойчивые, так и изменчивые психологические черты, культурные особенности. Кузнецов предложил ввести «имплицитную теорию личности», которая должна была объяснять психологические и культурные качества в динамике человеческого общения и поведения [29. С. 86–87].

В то же время Ю.В. Бромлей говорил о неувовимости национального характера и, вследствие этого, его отрицания многими учеными. Проблему неувовимости национального характера Бромлей видел в обыденности сознания, а при изучении этносов многие их психологические черты абсолютизируются и представляются уникальными. Ученый призывал усовершенствовать методы исследования в изучении отличительных особенностей психического склада этнических общностей при совместных усилиях психологов, социологов, историков, этнографов [30. С. 68], хотя и признавал, что исследовательская деятельность должна быть больше этнографической, нежели психологической.

И.С. Кон соглашался с тезисами Бромлея и ряда других ученых, что этнографический метод исследования этносов дает гораздо больше информации, чем психологический. Из-за методологических проблем в самой психологической науке она не способна предоставить такой же богатый материал, как и этнографические исследования, так как основным методом работы с представителями этноса является тестирование. Однако, как указывал Кон, имеются области, где этнографы зависят от результатов исследования психологов, ставя в пример кросс-культурную психологию. По мнению Кона, этнография достаточно успешно использует свою методологию для исследования этносов, и следующий шаг, с точки зрения методологии, должна сделать психология [31].

Также стоит сказать, что ряд исследователей – Л.М. Дробизева, А.М. Решетов, Г.В. Старовойтова и др. – поднимали вопросы о смежных и вспомогательных дисциплинах, способных помочь в решении задач этнической психологии. Советский социолог М.С. Джунусов обращался к проблематике психологии нации во второй половине 1980-х гг. Он выделил проблему субъективности в восприятии национальной психологии, которая искажает ее адекватное понимание. Социолог отрицал тезис о неувовимости и неизменности национального характера, хотя и указывал на сложность его выделения и понимания. В представлении Джунусова, национальный уклад состоит из устойчивых и меняющихся компонентов. Устойчивые выражают специфику национального характера, а меняющиеся – уровень духовной жизни нации. К меняющимся Джунусов отнес социальные мифы, суеверия, различные верования, распространенные в народе, которые могут меняться по прошествии времени [32. С. 56–57].

Развитие теории этноса, широкая научная дискуссия и национальная специфика СССР обусловили появление в 1987 г. комплексной исследовательской программы «Этническая история и современные национальные процессы», которая была разработана Институтом этнографии АН СССР под руководством Ю.В. Бромлея. Одной из проблем, обозначенных в программе, являлось развитие этнопсихологических исследований [33. С. 104]. Итогом этой программы должна была стать комплексная работа «Этническая история человечества», выход которой был намечен на 1991 г. Но данная работа не была выполнена по двум причинам. Во-первых, в 1990 г. умер Ю.В. Бромлей. Во-вторых, исследования не были доведены до конца в силу соци-

ально-политических процессов, приведших к распаду СССР.

Также в этот период А.Я. Гуревич начал разработку теории ментальности, которая была призвана объяснить психологические особенности этносов и наций и была ответом на невозможность решить эти проблемы с помощью концепции национального характера [34]. Данный задел будет разрабатываться в постсоветский период как отечественными, так и украинскими исследователями. Однако теория ментальности в советский период не получила четких трактовок. Она определяла ментальность как общий для этноса психологический и умственный инструментарий, который определяет уникальность восприятия окружающего мира и себя. Такая специфика создает особое этническое мировидение, которое влияет на поведение человека [35].

Вторая волна дискуссии обострила методологический кризис в изучении национального характера. Несмотря на кризис методов и подходов, западные методы критиковались и не брались во внимание. Из этого советские ученые выделили несколько выходов: во-первых, воспользоваться смежными науками для решения определенных задач в изучении народов; во-вторых, разрабатывать собственные психологические подходы; в-третьих, начать разработку новых концепций, которые бы разрешили теоретико-методологический кризис. К последним можно отнести концепцию ментальности Гуревича.

Выводы

Период изучения национального характера и вопросов национальной психологии отечественными исследователями с 1922 по 1991 г. был достаточно сложным из-за событий, происходивших в СССР. Но, несмотря на это, в данный период происходило развитие теоретических знаний и подходов, касающихся национальной психологии. Среди значимых итогов развития знания о национальном характере можно выделить следующие.

Во-первых, в России после 1917 г. исследование национального характера осуществлялось на основе дореволюционных разработок и взглядов. Так, большинство авторов, которые рассматривали проблему национального характера не только теоретически, но и применительно к процессам, происходящим в России, в первой половине XX в. находились в эмиграции. Однако были и выдающиеся ученые, которые смогли в непростое время положить начало большим исследовательским направлениям, например С.М. Широкого-ров и Г.Г. Шпет.

Во-вторых, развитие основ теории нации в ранний советский период происходило под влиянием работ И.В. Сталина и В.И. Ленина. Очевидно, это было связано с процессом государственного строительства, для которого требовалось унифицированное понимание базовых социальных и государственных категорий. Однако такая ситуация через несколько десятилетий привела к глубокому методологическому кризису в позднем СССР.

В-третьих, особенностью советского периода изучения концепции является то, что на исследование и понимание национальных процессов и психического склада нации повлиял классовый подход. При теоретической разработке того или иного вопроса или метода требовалась ссылка на классовую теорию, которая не принимала во внимание этнические или национальные особенности.

В-четвертых, в 1980-е гг. были обозначены вопросы о включении психологических методов в исследование этнических и национальных процессов, а также в понимание культурных особенностей и национального характера. Но из-за слабой разработанности психологических подходов в данном направлении полноценное применение их в исследованиях не представлялось возможным.

В-пятых, несмотря на две волны дискуссий по теории нации и национальным вопросам, цельной и обоснованной структуры национального характера не было предложено.

Список источников

1. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М. : Прогресс : Универс, 1995. 798 с.
2. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Петроград : Academia, 1922. 80 с.
3. Карсавин Л.П. Сочинения. М. : Раритет, 1993. 494 с.
4. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб. : Алетей, 1996. 156 с.
5. Сталин И.В. Сочинения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 11: 1928 – март 1929. С. 333–355.
6. Гуревич А.Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 51–68.
7. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Минск : Изд-во Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2012. 927 с.
8. Солоневич И.Л. Народная монархия. Минск : Лучи Софии, 1998. 504 с.
9. Вышеславцев Б.П. Сочинения. М. : Раритет, 1995. 460 с.
10. Ким М.П. К вопросу о формировании социалистических наций // Вопросы истории. 1953. № 1. С. 16–39.
11. Лосский Н.О. Характер русского народа. Франкфурт н/М : Посев, 1957. 152 с.
12. Поршнев Б.Ф. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 139–156.
13. Гнатенко П.И. Национальный характер. Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1992. 140 с.
14. Козлов В.И., Шелепов Г.В. «Национальный характер» и проблемы его исследования // Советская этнография. 1973. № 2. С. 69–82.
15. Козлов В.И. Некоторые проблемы теории нации // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 88–99.
16. Тавакалян Н.А. Некоторые вопросы понятия «нация» // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 115–123.
17. Горячева А.И. Является ли психический склад признаком нации? // Вопросы истории. 1967. № 8. С. 91–104.
18. Зайченко В.М., Сабиров К. Общность психического склада – один из существенных признаков нации // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 75–81.
19. Кон И.С. Национальный характер – миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9. С. 215–229.
20. Козлов В.И. Динамика численности народов. М. : Наука, 1969. 403 с.
21. К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 86–98.

22. Джандильдин Н.Д. Природа национальной психологии. Алма-Ата : Казахстан, 1971. 303 с.
23. Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология / под ред. Б.Ф. Поршнева. М. : Наука, 1971. С. 122–158.
24. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М. : Наука, 1973. 281 с.
25. Баграмов Э.А. Национальный вопрос в борьбе идей. М. : Политиздат, 1982. 336 с.
26. Дашдамиров А.Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем // Советская этнография. 1983. № 2. С. 62–74.
27. Козлов В.И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии // Советская этнография. 1983. № 2. С. 74–82.
28. Леонтьев А.А. Национальная психология и этнопсихология // Советская этнография. 1983. № 2. С. 80–82.
29. Кузнецов И.М. Об обыденных этнокультурных психологических представлениях // Советская этнография. 1983. № 2. С. 84–87.
30. Бромлей Ю.В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. 1983. № 2. С. 67–75.
31. Кон И.С. Нужна помощь психологов // Советская этнография. 1983. № 3. С. 75–78.
32. Джунусов М.С. Буржуазный национализм: принципы критики. М. : Наука, 1986. 239 с.
33. Бромлей Ю.В. Комплексная программа «Этническая история и современные национальные процессы» // Вопросы истории. 1987. № 9. С. 98–119.
34. Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6. С. 16–25.
35. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы / отв. ред. А.О. Чубарьян, В.В. Согрин. М. : Наука, 1989. С. 53–67.

References

1. Trubetskoy, N.S. (1995) *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress: Univers.
2. Karsavin, L.P. (1922) *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West, and the Russian Idea]. Petrograd: Academia.
3. Karsavin, L.P. (1993) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Raritet.
4. Shpet, G.G. (1996) *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic Psychology]. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Stalin, I.V. (1949) *Sochineniya* [Works]. Vol. 11. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. pp. 333–355.
6. Gurevich, A.Ya. (1964) Nekotorye aspekty izucheniya sotsial'noy istorii (obshchestvenno-istoricheskaya psikhologiya) [Some aspects of the study of social history (socio-historical psychology)]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 51–68.
7. Ilin, I.A. (2012) *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal]. Minsk: Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate.
8. Solonevich, I.L. (1998) *Narodnaya monarkhiya* [People's Monarchy]. Minsk: Luchi Sofii.
9. Vysheslavtsev, B.P. (1995) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Raritet.
10. Kim, M.P. (1953) K voprosu o formirovani sotsialisticheskikh natsiy [On the formation of socialist nations]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 16–39.
11. Losskiy, N.O. (1958) *Kharakter russkogo Naroda* [The character of the Russian People]. Frankfurt on Maine: Posev.
12. Porshnev, B.F. (1958) K sporu o probleme vozniknoveniya chelovecheskogo obshchestva [On the disputes about the problem of the emergence of human society]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 139–156.
13. Gnatenko, P.I. (1992) *Natsional'nyy kharakter* [National Character]. Dnepropetrovsk: DSU.
14. Kozlov, V.I. & Shelepov, G.V. (1973) "Natsional'nyy kharakter" i problemy ego issledovaniya ["National character" and problems of its study]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 69–82.
15. Kozlov, V.I. (1967) Nekotorye problemy teorii natsii [Some problems of the theory of nation]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 88–99.
16. Tavakalyan, N.A. (1967) Nekotorye voprosy ponyatiya "natsiya" [Some issues of the concept of "nation"]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 115–123.
17. Goryacheva, A.I. (1967) Yavlyaetsya li psikhicheskii sklad priznakom natsii? [Is mental makeup a feature of a nation?]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 91–104.
18. Zaychenko, V.M. & Sabirov, K. (1968) Obshchnost' psikhicheskogo sklada – odin iz sushchestvennykh priznakov natsii [Commonality of mental makeup – one of the essential features of a nation]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 75–81.
19. Kon, I.S. (1968) Natsional'nyy kharakter – mif ili real'nost'? [National character – myth or reality?]. *Inostrannaya literatura*. 9. pp. 215–229.
20. Kozlov, V.I. (1969) *Dinamika chislennosti narodov* [Dynamics of the Number of Peoples]. Moscow: Nauka.
21. Anon. (1970) K itogam diskussii po nekotorym problemam teorii natsii [On the Results of the Discussion on Some Problems of the Theory of the Nation]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 86–98.
22. Dzhandildin, N.D. (1971) *Priroda natsional'noy psikhologii* [The Nature of National Psychology]. Alma-Ata: Kazakhstan.
23. Kon, I.S. (1971) K probleme natsional'nogo kharaktera [On the Problem of National Character]. In: Porshnev, B.F. (ed.) *Istoriya i psikhologiya* [History and Psychology]. Moscow: Nauka. pp. 122–158.
24. Bromley, Yu.V. (1973) *Etnos i etnografiya* [Ethnos and Ethnography]. Moscow: Nauka.
25. Bagramov, E.A. (1982) *Natsional'nyy vopros v bor'be idey* [The National Question in the Struggle of Ideas]. Moscow: Politizdat.
26. Dashdamirov, A.F. (1983) K metodologii issledovaniya natsional'no-psikhologicheskikh problem [On the methodology of studying national-psychological problems]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 62–74.
27. Kozlov, V.I. (1983) O nekotorykh metodologicheskikh problemakh izucheniya etnicheskoy psikhologii [On some methodological problems of studying ethnic psychology]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 74–82.
28. Leontiev, A.A. (1983) Natsional'naya psikhologiya i etnopsikhologiya [National psychology and ethnopsychology]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 80–82.
29. Kuznetsov, I.M. (1983) Ob obydennykh etnokul'turnykh psikhologicheskikh predstavleniyakh [On everyday ethnocultural psychological ideas]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 84–87.
30. Bromley, Yu.V. (1983) K voprosu o vliyani osobennostey kul'turnoy sredy na psikhiku [On the influence of cultural environment on the psyche]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 67–75.
31. Kon, I.S. (1983) Nuzhna pomoshch' psikhologov [The Help of Psychologists needed]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 75–78.
32. Dzhusunov, M.S. (1986) *Burzhuznyy natsionalizm: printsipy kritiki* [Bourgeois Nationalism: Principles of Criticism]. Moscow: Nauka.
33. Bromley, Yu.V. (1987) Kompleksnaya programma "Etnicheskaya istoriya i sovremennye natsional'nye protsessy" [Comprehensive Program "Ethnic History and Modern National Processes"]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 98–119.
34. Gurevich, A.Ya. (1988) Izuchenie mental'nostey: sotsial'naya istoriya i poiski istoricheskogo sinteza [A Study of Mentality: Social History and the Search for Historical Synthesis]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 16–25.
35. Gurevich, A.Ya. (1989) Problema mental'nostey v sovremennoy istoriografii [The Problem of Mentality in Modern Historiography]. In: Chubaryan, A.O. & Sogrin, V.V. (eds) *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podkhody* [General History: Discussions, New Approaches]. Moscow: Nauka. pp. 53–67.

Сведения об авторе:

Мажинский Станислав Витальевич – кандидат исторических наук, доцент департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: smazhinskiy@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mazhinsky Stanislav V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations at the National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: smazhinskiy@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 31.10.2024; accepted for publication 01.04.2025

Научная статья

УДК 930.1

doi: 10.17223/19988613/94/20

«Война» и «мир» в исторической памяти современных россиян сквозь призму междисциплинарного сравнительного анализа: ассоциативный эксперимент via большие данные социальных сетей

Наталья Валерьевна Трубникова¹, Анна Валерьевна Шевчик², Анна Геннадьевна Мананникова³

^{1,2,3} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ troub@mail.ru

² mikheeva_anna13@mail.ru

³ anytamanannikova@gmail.com

Аннотация. Сравниваются выводы анализа конструкторов исторической памяти, связанных с семантическими полями «война» и «мир». Данные получены через изучение исторических представлений пользователей «ВКонтакте» на основе массива данных с применением цифровых технологий и в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, направленного на обнаружение отношения человека к исследуемым объектам через их репрезентацию в его лексике и определение эмоциональных и референциальных компонентов слова.

Ключевые слова: историческая память, военно-исторический дискурс, война и мир, социальные сети, большие данные, ассоциативный эксперимент

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке программы развития Томского государственного университета «Приоритет 2030», проект № 2.3.7.22 ОНГ.

Для цитирования: Трубникова Н.В., Шевчик А.В., Мананникова А.Г. «Война» и «мир» в исторической памяти современных россиян сквозь призму междисциплинарного сравнительного анализа: ассоциативный эксперимент via большие данные социальных сетей // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 163–171. doi: 10.17223/19988613/94/20

Original article

“War” and “Peace” in the Historical Memory of Modern Russians through the Prism of Interdisciplinary Comparative Analysis: An Associative Experiment via Big Data of Social Networks

Natalia V. Trubnikova¹, Anna V. Shevchik², Anna G. Manannikova³

^{1,2,3} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ troub@mail.ru

² mikheeva_anna13@mail.ru

³ anytamanannikova@gmail.com

Abstract. Authors of the article compare the findings of the analysis of semantic constructs of historical memory associated with the semantic fields of the concepts of «war» and «peace».

The data were obtained through the study of historical representations of users of the social network "VKontakte" based on an array of data using digital technologies, as well as as a result of a free associative experiment of the semantic constructs "war" and "peace" aimed at identifying a person's active attitude to the objects under study through their representation in his active vocabulary and determining the emotional and referential components of the word. The associative experiment, in turn, was aimed at discovering the active attitude of a person to the objects under study through the representation of concepts in their active vocabulary and determining the emotional and referential components of the word.

A combination of historiographic (history of memory), psycholinguistic (methodology of associative experiment) and digital (applied intellectual analysis of big data) methods is applied within the framework of an interdisciplinary comparative approach. The authors establish correlations between ideas about basic semantic plots, emotional-evaluative connotations and value constructs of «war» and «peace», which form the basic narratives of the collective memory of participants in historical communities of the social network «VKontakte», in comparison with the practices of the living everyday language of modern Russian society.

The authors come to the conclusion that the technology of free associative experiment allows to significantly supplement the results of big data analysis to identify the structure and event hierarchy of military-historical narratives of thematic

network communities linking different historical eras, by outlining the boundaries of semantic associative fields of concepts significant for the semantic constructs of «war» and «peace» and determining the specifics of their existence in the living language of modern Russian society.

Keywords: historical memory, military-historical discourse, war and peace, social networks, big data, associative experiment

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Tomsk State University development program “Priority 2030”, project No. 2.3.7.22 ONG.

For citation: Trubnikova, N.V., Shevchik, A.V., Manannikova, A.G. (2025) “War” and “Peace” in the Historical Memory of Modern Russians through the Prism of Interdisciplinary Comparative Analysis: An Associative Experiment via Big Data of Social Networks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 163–171. doi: 10.17223/19988613/94/20

В исследованиях коллективной памяти, уже образовавших устойчивый мировой тренд, известный как Memory Studies, особое значение имеет развитие синкретических подходов, объединяющих усилия наук, которые изучают разные грани сознания человека. Представляемое исследование формирует опыт применения методов современной историографии, сетевого анализа больших данных социальных сетей и филологии, чтобы определить ключевой исторический нарратив массового сознания современных пользователей Рунета, связанный с восприятием проблематики «войны и мира».

Репрезентации этой бинарной смысловой связи, выявленные с помощью прикладного интеллектуального анализа больших данных в исторических нарративах сетевых сообществ «ВКонтакте», были подвергнуты содержательной концептуальной интерпретации и уже опубликованы [1].

Однако ресурс развития современной филологии позволяет верифицировать полученные результаты посредством другого типа анализа, характеризующего практики употребления этих понятий и природу живого знания у носителей языка [2, 3], полученных с помощью более традиционных «качественных» методов гуманитарных наук, которые позволяют выявлять смысловые оппозиции сознания, отраженные в языке.

К числу важнейших особенностей мышления человека относится формирование собственной уникальной картины мира на основе системы значений субъективного опыта: представлений о реальности, образах прошлого и будущего [4]. Помимо системы значений по отношению к внешней реальности, картина мира включает также систему эмоционально окрашенных категорий, личностных отношений и ценностных ориентаций. Последние часто выстраиваются на основе дихотомического структурирования мира через формирование бинарных оппозиций лингвокультурных концептов. Однако нужно отметить, что интересующие нас концепты «война» и «мир» не составляют типичной дихотомической пары, так как «мир» не только является противоположностью состояния войны или ситуацией ее отсутствия, но и представляет собой более сложный и многогранный феномен, часть семантики которого не связана с идеей войны.

Язык является основой системы значений картины мира, отражая наряду с индивидуальными характеристиками человека «общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ

жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей» [5. С. 17]. Исходя из этого, был проведен эксперимент, выявляющий ассоциативное поле понятий «война» и «мир», целью которого была верификация результатов проведенного ранее анализа больших данных сетевых сообществ. Выявленные исторические нарративы, связанные с семантикой «войны и мира», должны были получить уточнение смыслового поля конструктов через определение практики их использования в живой речи.

В основе ассоциативного эксперимента, нацеленного на выявление базовых конструктов «войны и мира» в репрезентациях прошлого, лежали подходы истории памяти, лингвокультурологии и психолингвистики.

Подход истории памяти включает рассмотрение конструирования образов прошлого через медиа и социальное бытование памяти. При этом для процессов развития исторической науки и обыденной исторической памяти характерны асинхронность и относительная автономность, память нередко позиционируется как «истинная» форма сохранения прошлого на фоне ангажированной властью академической истории [6, 7].

Лингвокультурология позволяет рассматривать язык с точки зрения ценностно-смыслового содержания, выявлять «тонкие» особенности внутреннего мира человека через мыслительные, культурные и психические характеристики представителей разных этносов [8]. Слово в данном случае рассматривается как погруженное в комплекс представлений, знаний и ассоциаций, присущих обществу его употребления.

Использованный в исследовании термин «смысловой конструкт» берет исток в теории личностных конструктов Дж. Келли и понимается как формирование классификационно-оценочного эталона на основе обобщения предшествующего личного опыта, используемое для ценностного освоения реальности и прогнозирования дальнейших событий [9]. Важно отметить, что для подобного конструкта характерна присущая всем структуралистским подходам дихотомичность, позволяющая типологизировать личный опыт субъекта через элементы подобия (эмерджентно) и различия (имплицитно). Определение ценностных ориентаций выбранных смысловых конструктов в момент включенности их в коммуникативную ситуацию также соответствует нарративному подходу в видении Х. Уайта [10], сделавшего акцент на формировании эмоциональных коннотаций элементов нарративов о прошлом [11].

В рамках данного исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент, имевший устно-письменную форму, позволяющую сократить перекрестные реакции на слова, стоящие рядом в списке стимулов. Состав стимульного материала изначально определялся с учетом результатов исследования представлений об исторических нарративах, связанных с проблематикой войны и мира, в коллективной памяти пользователей социальной сети «ВКонтакте», выявленных на основе технологии интеллектуального анализа больших данных [1]. Предложенный набор слов включал в себя выявленные смысловые элементы памяти о событийной иерархии военного нарратива, эмоциональных коннотаций конкретно-исторических событий, наполняющих военные повествования, ценностно-смысловых конструктов «война» и «мир».

Суть эксперимента заключается в фиксации первых реакций на слово-стимул, формирующих ассоциативное поле, характеризующее организацию представлений о мире в языковом сознании человека. Анализ результатов эксперимента позволяет сформировать представление о структурно-содержательных особенностях фрагмента сознания [12], рассмотреть организацию и функционирование памяти, хронологические изменения сознания индивида. Получаемые в ходе эксперимента ассоциаты носят автоматический характер, что позволяет выявить устойчивые связи в сознании человека.

Описание ядерных ассоциаций семантических полей «война» и «мир» произведено по методике В.А. Пищальниковой [13], указывающей на преимущества ассоциативного эксперимента в обнаружении деятельностного отношения индивида через репрезентацию в его активной лексике и определении эмоциональных и референциальных компонент слова.

Стимульный материал включал 6 групп:

А. Слова, соотносимые с результатами интеллектуального анализа текстов социальной сети «ВКонтакте»: война, войско, работа, победа, революция, иго, мир, грех, пацифизм, компромисс, уступки, гуманность, милосердие.

Б. Понятия, соотносимые с дефинициями лексем «война» и «мир» в толковых словарях русского языка: борьба, конфликт, вселенная, планета, общество, покой, соглашение, договор.

В. Существительные, представляющие частотные реакции на лексемы «война» и «мир» в ассоциативных словарях А.А. Леонтьева [14] и Ю.Н. Караулова [15], Русской региональной ассоциативной базе данных (Сибирь и Дальний Восток) [16]: смерть, кровь, ужас, (планета).

Г. Понятие, обусловленное современным медиаконтекстом: операция.

Д. Дистракторы – лексемы из иных тематических групп, включаемые для минимизации тематической направленности стимульного материала (дистракторы исключаются из анализа результатов эксперимента).

Е. Ключевые номинации тематических блоков военной истории России в дискурсе тематических сообщений «ВКонтакте» 2021–2023 гг.: Октябрьская революция, Первая мировая война, Гражданская война

в России, Отечественная война 1812 года, Куликовская битва, Невская битва, Великая Отечественная война, афганская война, чеченская война, холодная война.

В эксперименте приняли участие 48 респондентов в возрасте от 21 до 54 лет: молодежь – студенты и недавние выпускники вузов в возрасте 18–24 лет (22 человека); старшее поколение разных возрастов: а) 25–35 лет (10 человек); б) 36–50 лет (13 человек); в) 51–65 лет (1 человек); 2 респондента не оставили информацию о возрасте. Все респонденты имеют высшее образование по направлениям, исключающим историю, филологию и лингвистику, и различаются родом занятий: специалисты в сфере экономики и финансов, бизнеса и маркетинга, программисты, инженеры, аналитики, преподаватели, дизайнеры, специалисты по СММ. Родной язык респондентов – русский.

Анализ смыслового конструкта «война» в сетевых исторических нарративах показал предсказуемо негативные эмоциональные коннотации с этим понятием с незначительными позитивными нотами, относящимися к семантике героизма, победы и военных успехов. Милитаристский дискурс больших нарративов Рунета, как было выявлено в исследовании массива данных, насыщен фактологическим материалом и прагматическим описанием тягостных сторон военного времени. Война неизменно ассоциируется у пользователей «ВКонтакте» со злом, грязью, смертью, конфликтами.

Реакции, полученные на стимул «война» в ходе ассоциативного эксперимента, также показывают ярко негативный эмоциональный окрас конструкта в языковом сознании участников: частотно выделяются эмоционально окрашенные ассоциаты *смерть* (8 реакций), *слезы*, *страх*, *ужас*, *кровь*, *разрушение* (по 2 реакции).

Однако *смерть*, *кровь*, *ужас*, представляющие собой частотные реакции на лексику «война» и в ассоциативных словарях русского языка, при обратном ассоциативном посыле в виде стимулов в настоящее время не вызывают частотных реакций, связанных с семантическим полем «война» (*смерть* – 1 реакция; *кровь* – 2 реакции; *ужас* – 3 реакции) и практически не влияют на состав ассоциативного поля «война», выстраивая связи с иными семантическими областями – «похоронный обряд», «медицина», «киноиндустрия».

Реакции на стимульный материал, соотносимый с дефинициями лексем «война» и «мир» в толковых словарях русского языка (*борьба*, *конфликт*) незначительно дополняют ассоциативное поле «война», поскольку респонденты не устанавливают их семантическую соотношенность. Напротив, результаты эксперимента показывают, что гиперонимы – понятия *борьба*, *конфликт* – в сознании современных носителей русского языка в большей степени ассоциируются не с тематикой войны, а со сферами спорта и межличностных бытовых и производственных отношений.

Обусловленный медиаконтекстом стимул *операция* также вызывает реакции из медицинской сферы и сферы кино и не вызывает частотных реакций, связанных с семантикой «войны»; только один респондент оставил синтагматическую реакцию «специальная», возможно, как часть лексико-грамматической конструкции «специальная военная операция».

Реакция на стимулы, выявленные в ходе анализа текстов исторических сообществ социальной сети «ВКонтакте» и тесно связанные с семантикой «войны», *войско, работа, победа, революция, иго* показали относительно невысокую эмоциональную и семантическую связь со смысловым конструктором «война».

Так, стимул *работа* не вызвал ни одной реакции, пересекающейся с ассоциативным полем «война», в том числе по эмоциональному окрасу. Стимулы *войско, победа, революция, иго* вызывают реакции, связанные с событиями мировой и отечественной военной истории и историческими нарративами, т.е. находят опору в фактологическом материале, вероятно, приобретенном в ходе обучения, о чем говорит и эмоционально нейтральная окраска ассоциатов. Важно отметить, что на фоне общего ряда стимулов ярко выделяется *победа*, ассоциаты которого имеют яркую положительную эмоциональную окраску и непрямо (*война* – 2 реакции), но устойчиво связаны с семантикой концепта «войны», в первую очередь отражающего символический конструктор Великой Отечественной войны. Это поддерживает вывод исследования массива данных о «вездесущности» Великой Отечественной войны как ключевого для пользователя Рунета события российской истории, отражающего «предельный» опыт нации на «все времена».

В частности, стимул *войско*, представляющий собой устаревающую лексическую единицу русского языка, наиболее часто вызывает реакцию-синоним, более употребительную в настоящее время, – *армия*. Большая часть реакций – одиночные и связаны с представлениями об устройстве и функционировании войска: *солдаты, конница, отряды, рота, полководец, построение, марш, снаряженные люди, слитность* и др. Среди реакций встречаются отсылки к эпизодам древней и средневековой истории: *монголы, крестоносцы, Анубис, Речь Посполитая, Спарта*. Ассоциативных связей с современностью и отечественной историей XX–XXI вв. не выявлено, что может объясняться особенностями употребления слова-стимула в современном русском языке как присущего именно историческому нарративу. Четыре реакции включают лексему *война*, только две реакции *смерть* отражают негативное, эмоционально-окрашенное представление, одна реакция *контракт*, возможно, связана с событиями современности (прохождением военной службы по контракту).

Ассоциативные реакции на стимулы *революция* и *иго* наиболее связаны с событиями отечественной истории – Октябрьской революцией (16 реакций разного типа) и зависимостью русских княжеств от Монгольской империи и Золотой Орды (32 реакции разного типа), эмоционально-оценочные реакции единичны и носят негативный характер, прямых связей с семантикой войны ассоциативный контекст не имеет.

Доминирующие реакции на стимул *победа* – позитивные эмоционально-оценочные: *ура!*, *радость, празднование, торжество, праздник, слава, счастье* (всего 25 реакций), 6 реакций снова отсылают к нарративу /о Великой Отечественной войне: *май, 9 мая, 1945 г. = Парад на Кр. Площади, Берлин*. Ассоциаций с иными

историческими событиями, победами в других войнах, событиями современности не зафиксировано.

Полученные в ходе ассоциативного эксперимента реакции на стимул «война» обнаруживают корреляции с материалами Русской региональной ассоциативной базы данных (эксперименты 2008–2021 гг.) [16] и дополняют представления об изменении ядра ассоциативного поля, выявляющиеся при сопоставлении со словарными статьями Русского ассоциативного словаря [15] и Словаря ассоциативных норм русского языка [14].

В результате эксперимента выявлено ядро ассоциативного поля «война» – реакции *смерть, мир, и мир, кровь, страх, ужас, слезы, разрушение, зло, горе, боль, оружие, убийство, плохо, жестокая, мировая, Отечественная*. Важно отметить, что ядерные ассоциации обладают резко негативным эмоционально-оценочным фоном. Также в семантическом поле «война» неизменно присутствуют и доминируют среди других конкретно-исторических отсылок ассоциации с Великой Отечественной войной (1 реакция в ходе нашего эксперимента при отсутствии иных, 12 реакций в СИБАС против 12 реакций, связанных со всеми иными военными конфликтами).

Относительно ассоциативного поля смыслового конструктора «война» можно сделать вывод, что незначительное количество обратных реакций на стимулы-гиперонимы *борьба, конфликт* в ходе проведенного эксперимента говорит о незначительных связях между понятиями в живом языке современного российского общества, несмотря на их семантическую близость в рамках письменной речи, характерной для сетевых сообществ исторической тематики. Операциональные реакции *мир, и мир, мировая, Отечественная*, напротив, обнаруживают устойчивые шаблонные синтагматические реакции, среди которых ассоциация «Отечественная», вероятно, связана с конкретным историческим событием Великой Отечественной войны (и совсем не связана с 1812 годом), что вновь подтверждает выводы Н.В. Трубниковой, И.Е. Рогаевой, А.Ю. Саркисовой по результатам анализа коллекции текстов социальной сети «ВКонтакте» о том, что «память о Великой Отечественной войне является неоспоримой доминантой военного нарратива в истории России», Великая Отечественная война, «оставаясь «главной» войной нашего прошлого, формирует в массовом сознании критерии и рамки восприятия всех других войн прошлого» [17. С. 316]. Результаты ассоциативного эксперимента позволяют утверждать, что значение памяти о Великой Отечественной войне в коллективном сознании носителей русского языка столь велико, что она входит в ядро ассоциативного поля, и ассоциативное значение слова «война» становится частью самой смысловой структуры.

Важно также отметить, что реакции-представления *смерть, кровь, слезы, разрушение, оружие, убийство* и эмоционально-оценочные реакции *страх, ужас, зло, горе, боль, плохо, жестокая* обнаруживают значительное тяготение к типу эмоционально-оценочных благодаря негативному коннотативному компоненту лексических значений и указывают на преобладающую негативную окраску ассоциативного поля конструктора «война».

Состав ассоциативного поля «мир» по данным эксперимента показал устойчивые связи со смысловым конструктом «война» (6 реакций), однако общее поле ассоциации характеризуется неоднородностью, включая ассоциаты *земля, дружба, труд, планета, согласие*. Это показывает, что «мир» в сознании современных носителей русского языка в большей степени ассоциируются не только с тематикой войны, но с космической и всечеловеческой сферой – ассоциаты *планета, солнце, вся земля, глобус*, а также межличностными отношениями – *дружба, счастье, любовь, принятие, люди, союзники*. Важно отметить, что ассоциативное поле «мир» обладает здесь позитивными эмоциональными коннотациями.

Результаты анализа нарративов исторических сообществ в «ВКонтакте» также показали многогранность текстуальных контекстов использования этого ценностно-смыслового конструкта, в том числе в милитарном дискурсе. Однако в ассоциативном эксперименте заметен больший акцент на «мир» как вселенную и совершенно отсутствует проявленный в ходе анализа больших текстовых данных религиозный контекст [17. С. 316]. Выявленные в ходе анализа фактологические отсылки к событиям XX и XXI вв. также практически отсутствуют в ассоциативном поле.

Так, реакции на стимульный материал, соотносимый с дефинициями лексемы «мир» в толковых словарях русского языка (*вселенная, планета, общество, покой, соглашение, договор*), свидетельствуют о размытости понятийного ядра ассоциативного поля «мир» вне его соотнесенности с семантикой войны.

Если «война» и «мир» устанавливают стабильные перекрестные ассоциации, то среди реакций на стимулы, соотносимые с денотативной семантикой многозначного слова «мир», не встречается частотной обратной реакции *мир* (на стимул *общество* – отсутствует; на стимул *покой* – и *мир* 1 реакция, однокоренное *умиротворение* с более определенной семантикой состояния – 4 реакции; на стимул *соглашение* – отсутствует; на стимул *договор* – *мирный* 3 реакции, *перемирие* 1 реакция; на стимул *планета* – отсутствует; на стимул *вселенная* – *мир, мир* = *Земля, Мироздание*).

Анализ реакций на стимульный материал, соотносимый с результатами анализа текстов исторических сообществ «ВКонтакте», позволяет говорить о специфике функционирования выявленных ключевых слов и концептов *пацифизм, компромисс, уступки, гуманность, милосердие* [1] в военных дискурсах сетевых сообществ, где они имеют отрицательно-оценочные коннотации, поскольку «ни окруженный негативными коннотациями компромисс, ни относительно нейтральные «уступки» не способствуют, в представлении россиян, наступлению мира», «гуманность, как и пацифизм, также рассматривается в основном с позиции деконструкции или опровержения ее основного смысла, авторы и комментаторы публикаций, как правило, не верят в искренность ее проявлений», «чаще всего “милосердие” звучит все же как анахронизм: не ценностно-ориентированное понятие в комментариях наших современников, а «фигура речи» в цитатах из речей прошлого, призывающих не верить лицемерию врагов» [1. С. 356].

Ассоциативный эксперимент позволяет установить семантические связи стимула *пацифизм* с ассоциативными полями «война» и «мир» (16 реакций) и проявляет, скорее, положительный эмоционально-оценочный компонент ассоциативных реакций в сознании носителей русского языка вне военного нарратива. При этом своеобразным подтверждением мысли о чуждости данного понятия российской культуре [1] является довольно частотная реакция *пофигизм*, возникающая, возможно, как операциональная благодаря рифмовке и повтору словообразовательной модели, но и отражающая неоднозначность положительно-оценочного компонента ассоциативного значения: недоверие общества к подведению идеологической основы под абсолютную ценность мира и ощущение неискренности и искусственности ненасильственной позиции, иногда скрывающей равнодушие. Дополнительными признаками чуждости понятия для современного российского общества служат ассоциат *хиппи*, напрямую отсылающий к западной культуре, и указания на неопределенность концепта: *не знаю такого слова, не знаю это что, путаю*. Важно также отметить, что эмоциональная окраска понятия неоднозначна и включает как позитивно окрашенные ассоциаты, так и негативные коннотации.

Ассоциативные реакции на стимулы *компромисс* и *уступки* обнаруживают устойчивые взаимные связи данных лексем в сознании носителей русского языка и неоднозначную оценочность, присутствующую в положительном варианте в семантике реакций *круто, правильно, одобрение, дружелюбие, выход, золотая середина, жертвенность, добро, любовь, щедрость, согласие*, и в негативном варианте в семантике реакций *неудовлетворенность, смерть, проклятый, не круто, не нужны, сдался = поддался, отступить, сдаться, подачки*. Это соотносится с результатами анализа больших данных, который также показал, что в военном дискурсе *компромисс* и *уступки* чаще всего включают в себя негативную оценку и определяются как недопустимый способ решения конфликтов.

Понятия *гуманность* и *милосердие* в отличие от использования в нарративах исторических сообществ «ВКонтакте» вызывают понятийные ассоциации *доброта, добро, человечность, сострадание, справедливость, помощь, жертвенность, благотворительность* и в подавляющем большинстве случаев положительно-оценочные эмоциональные реакции и реакции-представления. Связи реакций с ассоциативными полями «война» и «мир» не прослеживаются, так же как и для стимула *грех*, закономерно связанного в общественном сознании в основном с религиозной сферой.

Полученные в ходе ассоциативного эксперимента реакции на стимул «мир» обнаруживают корреляции с данными Русской региональной ассоциативной базы данных (эксперименты 2008–2021 гг.) [14] и Русского ассоциативного словаря (эксперименты 1986–1996 гг.) [15]. Одной из самых частотных реакций остается *война*, следующей по частоте идут ассоциаты связанные с пониманием мира как вселенной и отсылающие к специфике межличностных отношений.

Центральным элементом ядра ассоциативного поля «мир» является понятийная реакция *война* (по данным

проведенного эксперимента и Русской региональной ассоциативной базы данных), проявляющая стойкое представление о мире как состоянии, противопоставленном войне. Иные понятийные реакции *земля, вселенная, большой, планета* соотносятся со значениями лексемы-омонима «мир», понимаемой как совокупность материи в пространстве Земли и космоса, Вселенная.

Часть реакций на стимул «мир», вероятно, обусловлена прецедентными текстами, связанными с праздником весны и труда: реакции-представления *труд, голубь* тяготеют к операциональным *труд-май, во всем мире*.

Эмоционально-оценочные коннотации семантического конструкта можно оценить как положительные, о чем говорят частотные ассоциаты *дружба, счастье, добро, любовь*. Более того, анализ реакций на стимульный материал, соотносимый со смысловым конструктом «мир» по результатам анализа текстов социальной сети «ВКонтакте» (*пацифизм, компромисс, уступки, гуманность, милосердие*), позволяет сделать вывод об отсутствии выраженных негативно-оценочных коннотаций в ассоциативном значении данных лексем; приобретение таковых в рамках военно-исторического нарратива, вероятно, обусловлено общей тематической направленностью текстов о «худом мире», «позорном мире», «унизительном мире», тесно связанном на эмоциональном уровне с семантикой войны [1. С. 352].

Результаты анализа ключевых номинаций событийных блоков военной истории России, выявленных в дискурсе тематических сообществ «ВКонтакте» 2021–2023 гг., свидетельствуют о том, что исторические нарративы военно-центрических сообществ придерживаются сдержанного, фактологического языка описания и избегают эмоциональной экспрессии [1].

Ассоциации на стимулы, именующие события военной истории, в подавляющем большинстве случаев представляют собой реакции-представления – фактологические минимальные фрагменты военно-исторического нарратива, отсылающие, скорее, к текстам школьных учебников и педагогическому дискурсу; нередко встречается и ошибочная привязка фактов (дат, топосов, действующих субъектов и сил) к тому или иному событию.

Среди реакций на стимул *Октябрьская революция* выделяются ассоциации, связанные с фигурой *В.И. Ленина* (7 реакций), *большевиками, осенью и октябрём*, а реакция *1917*, в отличие от результатов ранее проведенного анализа больших данных, который показал, что этот маркер более востребован, чем *октябрьская революция*, не является частотной (3 упоминания). Отличие результатов ассоциативного эксперимента от анализа нарративов видится и в характере эмоционального окраса изучаемого конструкта: если пользователи «ВКонтакте» в военно-историческом дискурсе не окружают *Октябрьскую революцию* эмоциональным ореолом, то ассоциаты явно указывают на негативный окрас понятия: *смерть, кровь, изменения, усталость, холодно, жесть*.

Среди общего ряда стимулов выделяется *Гражданская война в России*, ассоциации которого также несколько смещены от фактуальных диспозиций (сре-

ди которых в ядре *красные и белые*) к эмоционально-оценочному типу (*смерть, плохо, искалечены, страшное событие, кровь, кровопролитие* – всего 13 реакций), что соответствует бытованию концепта в части исторических нарративов «ВКонтакте», где смысловое ядро сообщений о Гражданской войне составляют эмоционально нагруженные сообщения, передающие сожаление и драматизм образа братоубийственной войны [1. С. 346].

Среди реакций на стимул *Первая мировая война* доминирует фактологический материал: упоминание различных стран-участниц конфликта, акцент на территории как театр и цель военных действий. Идея «несправедливости» войны, явно заметная в историческом дискурсе сетевых сообществ, в ассоциативном поле не проявляется, а ощущение «неправильности», напротив, отчетливо видно в реакциях *глупость, бредни сумасшедшего, то, что большое, но будто забытое*. Ассоциаты *Первой мировой войны* несут негативные коннотации: *смерть, плохо, ненависть, убийство, страх, жестокая, жестокость = фашизм, ужас = поломанные*. Как видим, «неправильность» дискурса о Первой мировой войне видна и в общем непонимании этого события, о чем говорят ложные фактологические ассоциации: неверные даты, персоналии, связь с фашизмом.

Стимул *Отечественная война 1812 года* резко выделяется наличием высокочастотной реакции *Наполеон*, а также включающих эту лексику иных фактологических представлений и положительно-оценочными элементами *подвиг, великая победа* (всего 16 реакций, треть от общего числа). Анализ больших данных показал, что в текстах социальной сети «ВКонтакте» «победа над гением Наполеона – предмет национальной гордости россиян, а сам Наполеон – это наш наиболее уважаемый враг» [17. С. 311], значимость фигуры Наполеона проявлена и в результатах ассоциативного эксперимента; к этому стоит добавить малое количество эмоционально-оценочных реакций и подтверждение «музейного» характера памяти о Наполеоновских войнах вне связи с современным общественным сознанием в таких реакциях, как *камзолы, ампир, детство, из стихов по литературе*.

Стимулы-названия отдаленных событий военной истории в рамках кластера сюжетов о золотоордынском владычестве *Куликовская битва, Невская битва* почти не вызвали эмоционально-оценочных реакций респондентов, при этом в отношении *Куликовской битвы* реакции-представления фактологического характера (топосы, субъекты, действующие силы) значительно дополняются понятийными реакциями (*сражение, поход, битва* – всего 7 реакций). *Невская битва*, в ассоциативных реакциях респондентов слившаяся с Ледовым побоищем, частотно ассоциируется с фигурой *Александра Невского*, центральным образом борьбы с захватчиками в исторических нарративах сетевых сообществ, и топосом реки *Невы* (9 и 13 реакций соответственно), и только в отношении данного стимула получено значительное количество реакций – визуальных образов: *провал рыцарей под лед, портрет Невского в шинели с мечом, князь на коне, рыцари на льду*,

тяжесть под лед, отсылающих к педагогическому нарративу, картинкам из учебника истории и особенно к эталонному образу Александра Невского, созданному С.М. Эйзенштейном в одноименном фильме и довлеющему в культурной памяти нации.

Реакции на стимульный материал, называющий события второй половины XX в., *афганская война, чеченская война, холодная война* отличаются большей долей эмоционально-оценочных ассоциаций, вызванных, видимо, небольшой хронологической удаленностью событий и драматической связью с пространством текущей социальной жизни: *ошибка политиков, соц. разруха в обществе после, агрессия = жестокость, жестокость, боль, ужас, травма, страх, слезы, беда, бессмысленность, бессилие, погибли зря, резня, терроризм, безразличие, обман, гнев, мрак*; наличием реакций, связанных с личным опытом респондентов: *папа, отец = ожидание, ветераны, Валера со стройки (воевал там), сосед, папа, Вовка, ПТСР, война где-то, почему не рассказывали в школе?* Тем не менее общий фактологический характер ассоциаций (указание на топосы военных действий) и преобладание реакций-представлений характерен и для данных стимулов.

Ассоциативные реакции на стимул *Великая Отечественная война* свидетельствуют о сложившемся в сознании русскоязычных респондентов определяющем и глубоко символическом значении этого события, память о котором ритуализована и имеет осязаемые формы, что ясно коррелирует с выводами анализа нарративов сетевых исторических сообществ. Самая частотная реакция 1941–1945, вероятно, возникает как визуальное представление, образ на стенах и обелисках. Для сравнения: стимул *чеченская война*, вызвавший реакции в связи с личным опытом и более близкий респондентам во временной ретроспективе, не дал ни одной ассоциации-даты. Можно предположить, что это говорит о постепенном отдалении события из области живой памяти в область коммеморации, вызывающей стойкие ассоциации с регламентированными обществом проявлениями поминовения Великой Отечественной войны, празднования дня Победы, и постепенной утратой личной привязанности к событию. При этом частотные реакции, актуализирующие семантику памяти: *недавнее прошлое; знать и помнить; несправедливо забыть, и ведь так близко; дедушка; горе бесконечное на много поколений*, а также ритуализацию этой памяти с акцентом на победу: *9 мая, 9 мая = дед, георгиевская лента, Бессмертный полк, спасибо-ДЕДУ-за Победу, подвиг народа = победа = 9 мая, письма, гвоздика, песня «Вставай, страна народная»*. Семантика победы по частотности реакций уравнивается с семантикой *смерти, страха, голода, потерь* (9 и 10 реакций соответственно), что обуславливает противоречивые и сложные эмоционально-оценочные коннотации.

Важно отметить, что представление о Великой Отечественной войне как «главной» войне в памяти русскоязычных людей входит в ядро ассоциативного поля «война» и структурирует его, представляя собой некий недостижимый эталон опыта нации, символ войны вообще, войны с «победным концом». При этом

в ядре совокупности ассоциативных реакций на стимул «Великая Отечественная война» семантика войны (оценочные реакции *смерть, кровь, слезы, страх, ужас, зло*) не доминирует, уступая место представлениям, порожденным ритуализацией памяти вкупе с семантикой победы.

Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента показал корреляции с результатами исследования представлений о военных конфликтах в коллективной памяти пользователей социальной сети «ВКонтакте» посредством применения технологии интеллектуального анализа больших данных [1, 17] в области семантических элементов памяти о войнах, базовых смысловых сюжетах, эмоционально-оценочных коннотаций, ценностных конструкторов «война» и «мир».

Важно отметить, что наибольшая семантическая связанность с концептами «войны» и «мира» характерна именно для первой группы стимулов, соотносимых с результатами интеллектуального анализа текстов социальной сети «ВКонтакте»: *война, войско, работа, победа, революция, изо, мир, грех, пацифизм, компромисс, уступки, гуманность, милосердие*.

Среди результатов ассоциативного эксперимента важным является подтверждение прочных понятийных связей смысловых конструкторов «война» и «мир». Относительно ассоциативного поля смыслового конструктора «война» можно сделать вывод, что для него характерны общая негативная эмоциональная окраска, непрочные семантические связи с понятиями, соотносимыми с дефиницией лексемы «война» в толковых словарях русского языка, и явная семантическая связь с Великой Отечественной войной, которая становится частью его смысловой структуры. При этом содержание ассоциативного поля «мир», хотя и включает определение мира как состояния не войны в ситуациях военного дискурса, в общем характеризуется как более абстрактное и неопределенное, хотя и положительное по эмоционально-оценочным коннотациям.

Результаты анализа ключевых номинаций тематических блоков военной истории России также в целом коррелируют с выводами анализа больших данных, показавшими сдержанный, фактологический, по большей части эмоционально нейтральный характер.

Таким образом, технология свободного ассоциативного эксперимента позволяет существенно дополнить результаты анализа больших данных по выявлению объективной структуры и событийной иерархии военно-исторического нарратива тематических сетевых сообществ, связывающих различные исторические эпохи, через очерчивание границ семантических ассоциативных полей значимых для смысловых конструкторов «война» и «мир» понятий и определение специфики их бытования в живом языке современного российского общества. Следовательно, можно сделать вывод о высоком эвристическом потенциале сочетания историкографических (история памяти), психолингвистических (методика ассоциативного эксперимента) и цифровых (интеллектуальный анализ больших данных) методов при изучении базовых конструкторов исторического сознания и коллективной памяти.

Список источников

1. Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю., Робаева И.Е. Исторические нарративы национальной идентичности в оптике больших данных Рунета: смысловые конструкты «война» и «мир» // *Русин*. 2023. № 74. С. 339–363. doi: 10.17223/18572685/74/17
2. Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология*. 2010. № 5. Вып. 3: Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 175–193.
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. М. : Гнозис, 2005. 542 с.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. 352 с.
6. Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2-3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 03.08.2024).
7. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41 (2). P. 179–197.
8. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М. : Изд-во РУДН, 1996. 170 с.
9. Келли Дж.А. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб. : Речь, 2000. 249 с.
10. White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality // *Critical Inquiry*. 1980. Vol. 7 (1). P. 5–27.
11. Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // *Российская история*. 2018. № 5. С. 128–140.
12. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
13. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761.
14. Леонтьев А.А., Клименко А.П., Супрун А.Е. и др. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.
15. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. М. : АСТ : Астрель, 2002.
16. СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток) – 2008–2023 гг. URL: <http://adictu.nsu.ru/about>
17. Трубникова Н.В., Робаева И.Е., Саркисова А.Ю. Память о военных конфликтах России в сетевом дискурсе «ВКонтакте»: структура и событийная иерархия // *Русин*. 2023. № 73. С. 298–319. doi: 10.17223/18572685/73/19

References

1. Trubnikova, N.V., Sarkisova, A.Yu. & Rogaeva, I.E. (2023) Historical narratives of national identity in the optics of RuNet big data: semantic constructs “war” and “peace”. *Rusin*. 74. pp. 339–363. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/74/17
2. Zalevskaya, A.A. (2010) Znachenie slova v zerkale psikholingvisticheskogo portretirovaniya [The meaning of the word in the mirror of psycholinguistic portraiture]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya*. 5(3). pp. 175–193.
3. Zalevskaya, A.A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst* [Psycholinguistic Studies. Word. Text]. Moscow: Gnozis.
4. Petrenko, V.F. (2005) *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of Psychosemantics]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
5. Ter-Minasova, S.G. (2008) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Moscow State University.
6. Nora, P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [Worldwide Celebration of Memory]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2–3. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (Accessed: 3rd August 2024).
7. Kansteiner, W. (2002) Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*. 41(2). pp. 179–197.
8. Vorobiev, V.V. (1996) *Lingvokulturologicheskaya paradigma lichnosti* [The linguistic and cultural paradigm of personality]. Moscow: RUDN.
9. Kelly, J.A. (2000) *Teoriya lichnosti. Psikhologiya lichnostnykh konstruktov* [Personality Theory. Psychology of Personality Constructs]. S. Petersburg: Rech'.
10. White, H. (1980) The Value of Narrativity in the Representation of Reality. *Critical Inquiry*. 7(1). pp. 5–27.
11. Miller, A.I., Malinova, O.Yu. & Efremenko, D.V. (2018) Politika pamyati i istoricheskaya nauka [The politics of memory and historical science]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 128–140.
12. Zalevskaya, A.A. (2011) *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [The politics of memory and historical science]. Tver: Tver State University.
13. Pishchalnikova, V.A. (2019) Interpretatsiya assotsiativnykh dannyykh kak problema metodologii psikholingvistiki [Interpretation of associative data as a problem of psycholinguistic methodology]. *Russian Journal of Linguistics*. 23(3). pp. 749–761.
14. Leontiev, A.A., Klimenko, A.P., Suprun, A.E. et al. (1977) *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow: Moscow State University.
15. Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V. et al. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar'*: v 2 t. [Russian Associative Dictionary: in 2 volumes]. Moscow: AST: Astrel'.
16. SIBYAS – Russian regional associative database (Siberia and the Far East) – 2008–2023. [Online] Available from: <http://adictu.nsu.ru/about>
17. Trubnikova, N.V., Rogaeva, I.E. & Sarkisova, A.Yu. (2023) Memory of military conflicts in Russia in the online discourse “VKontakte”: structure and event hierarchy. *Rusin*. 73. pp. 298–319. DOI: 10.17223/18572685/73/19

Сведения об авторах:

Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: troub@mail.ru

Шевчик Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mikheeva_anna13@mail.ru

Мананникова Анна Геннадьевна – магистрант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anytamanannikova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Trubnikova Natalia V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Ancient World, Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troub@mail.ru

Shevchik Anna V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mikheeva_anna13@mail.ru

Manannikova Anna G. – Master's Student of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anytamanannikova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 29.11.2024; accepted for publication 01.04.2025

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/94/21

Реорганизация сельскохозяйственного сектора экономики как решающий фактор трансформации топонимической системы бассейна реки Томи в 20–70-е гг. XX в.

Анатолий Андреевич Тухель

Томский государственный университет, Томск, Россия, Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Аннотация. Анализируется трансформация топонимической системы бассейна р. Томи в 20–70-е гг. XX в. под влиянием различных социокультурных и политико-идеологических факторов, воздействий, в числе которых коллективизация, укрупнение колхозов, ликвидация неперспективных деревень выделяются как наиболее значимые, решающие. Сделаны выводы относительно количественных и качественных изменений топонимики, основного принципа ее организации как системы, выделены ключевые этапы таких изменений.

Ключевые слова: топонимическая система, реорганизация сельского хозяйства, коллективизация, укрупнение колхозов, ликвидация неперспективных деревень

Для цитирования: Тухель А.А. Реорганизация сельскохозяйственного сектора экономики как решающий фактор трансформации топонимической системы бассейна реки Томи в 20–70-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 172–183. doi: 10.17223/19988613/94/21

Original article

Reorganization of the agricultural sector of the economy as a decisive factor in the transformation of the toponymic system of the Tom river basin in the 1920s–1970s

Anatoly A. Tukhel

Tomsk State University Tomsk, Russian Federation, Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Abstract. In this article the author analyzes the transformation of the toponymic system of the Tom river basin in the 1920s – 1970s under the influence of various socio-cultural and political-ideological factors, among which collectivization, enlargement of collective farms, liquidation of unpromising villages are singled out as the most significant and decisive.

When studying sociocultural processes, including the reorganization of agriculture, the author considers it necessary to use interdisciplinary methods and approaches, in particular, toponymy data for the analysis of information and in-depth study of processes on the basis of specific numerical indicators, which corresponds to the general orientation of historical science at present on the search for new sources of information and relevant methods of work.

In order to achieve the research goal, namely, to determine the root causes of destructive trends in the agrarian sector and the destruction of the toponymic system in qualitative and quantitative terms, it is necessary to apply comparative-historical, historical-genetic, structural-diachronic, systemic and content analysis, since toponymy has been constantly changing in historical retrospect. There are many toponymic systems, from regional to global, and they all differ from each other. The toponymic system of the Tom river basin is, first of all, a system that has its own principles of organization and constituent elements. At different chronological stages, the toponymic system is largely transformed qualitatively and quantitatively, so it is important to take into account such changes.

In addition, the author identifies destructive trends in the toponymic system of the Tom River basin, their root causes and consequences for toponymy. Since toponymy is an indicator of the nature of socio-cultural processes, their reflection, negative manifestations in social life, way of life, and economy become obvious, as these are not just names or marks on the map that appear, change, disappear, but real settlements with real people and their fates.

The conclusions are based on archival materials, legislative acts, toponymic dictionaries and other sources. The paper provides numerical indicators of the disappeared, appeared, changed status (etc.) settlements located in the territory of five districts of Tomsk region and the entire territory of Kemerovo region for the whole specified period, which is the territory of the Tom river basin.

Keywords: toponymic system, agricultural reorganization, collectivisation, consolidation of kolkhozes, liquidation of unpromising villages

For citation: Tukhel, A.A. (2025) Reorganization of the agricultural sector of the economy as a decisive factor in the transformation of the toponymic system of the Tom river basin in the 1920s–1970s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 172–183. doi: 10.17223/19988613/94/21

В современной Российской Федерации существует тенденция стремительного разрушения, деградации сельских населенных пунктов и оттока населения в город. Учитывая, что Россия до сих пор в значительной степени остается аграрной страной, а правительство нацелено на развитие сельского хозяйства, в том числе с целью обеспечения внутреннего рынка продовольствием (продовольственная безопасность), автор считает необходимыми определение первопричины кризиса на селе и анализ факторов, которые активно проявились в 20–70-е гг. XX в. и вызвали деструктивные тенденции, сохраняющиеся и по сей день. Учитывая подобный опыт, вполне возможно направить в нужное русло внутриполитический курс РФ и тем самым предотвратить возможную катастрофу в сельскохозяйственном секторе, ограничить дальнейшее разрушение и исчезновение населенных пунктов.

Принимая во внимание тот факт, что в современной российской исторической науке существует необходимость расширения источниковой базы всевозможных исследований, автор считает важным и актуальным применение междисциплинарных методов и подходов к изучению социокультурных процессов, в числе которых реорганизация сельского хозяйства. Применение данных топонимики в историческом исследовании будет способствовать более качественному анализу информации, углубленному изучению разностороннего влияния тех или иных процессов, в том числе на основании конкретных численных показателей (например, количества исчезнувших, появившихся населенных пунктов и т.п.)

Процесс формирования и развития топонимики, а также ее трансформации происходит неравномерно и скачкообразно, от одного качественного этапа к другому. Такие этапы характеризуются повышенной активностью населения, внутриполитическими и внешнеполитическими изменениями и значительной активизацией других социокультурных процессов. На топонимическую систему влияет множество факторов, как экономических, так и общественных и политических. Последние часто играют решающую роль в трансформации топонимии.

В 20–70-е гг. XX в. в СССР наблюдались значительные изменения в сфере сельского хозяйства, которые не могли не отразиться на топонимике бассейна р. Томи. В этот период происходило активное формирование колхозов и совхозов, их укрупнение и разукрупнение, «совхозовизация» и т.д. Идеологические воздействия на основополагающие принципы организации топонимической системы, проводимая государством политика в отношении аграрного сектора (его реорганизация) и социальных отношений на селе, спецпереселения и другие факторы оказали существенное влияние на изменение топонимической системы бас-

сейна р. Томи как в количественном, так и в качественном отношении. В данной статье основной акцент сделан именно на реорганизации сельского хозяйства, оказавшей решающее влияние на трансформацию топонимики.

Для воссоздания более детальной социокультурной характеристики этого периода советской истории необходимо разделить его на несколько этапов, каждый из которых сопряжен со значительными изменениями в топонимической системе исследуемого региона.

1. *Коллективизация в СССР.* В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в Советском Союзе происходило активное распространение коллективного хозяйства как основной формы экономической организации сельского хозяйства.

2. *Укрупнение колхозов и создание совхозов из нерентабельных коллективных хозяйств в 50–60-е гг. XX в.* Этот этап ознаменовался уменьшением числа колхозов и «задействованных» в них населенных пунктов. Также происходило изменение названий колхозов, расположенных вблизи населенных пунктов и на их территориях.

3. *Ликвидация неперспективных населенных пунктов в 60–70-е гг. XX в.* В этот период в значительной степени сократилось количество населенных пунктов в результате ликвидации и «самоликвидации».

Решения, принимавшиеся государством на каждом этапе, приводили к появлению новых топонимов и изменению или исчезновению уже существующих. В.А. Жучкевич отмечал, что «на высшей ступени развития общественного производства установление имен и наименование объектов определяются специальными правительственными актами и декретами» [1. С. 57]. Это указывает на важную роль государственной политики в изменении топонимики.

Однако следует подчеркнуть, что общесистемные тенденции не всегда совпадают с тенденциями на уровне подсистемы или ее элементов.

В Сибири процесс землеустройства начинался в 20-е гг. XX в., когда были приняты декларация Сибревкома от 6 марта 1920 г. «О порядке выделения и пользования землей» и Земельная декларация Сибревкома от 10 марта 1920 г. На основании последней в стране уравнивались в правах и обязанностях русскоязычные крестьяне и инородцы (они интересуют автора в первую очередь). Все ранее существовавшие различия у податного населения ликвидировались [2. С. 83].

Однако государственные власти продолжили политику, проводившуюся в имперский период, по переселению крестьян за Урал, так как и на идеологию не могут не повлиять объективная реальность и необходимость. В Сибири был заложен огромный потенциал, его нужно было реализовывать хоть Российской империи, хоть СССР. Об этом писал в свое время еще Н.М. Ядринцев [3. С. 149]. Поэтому и наблюдается

преemptивность в подходах «радикально противоположных» враждующих идеологических систем.

На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Советом труда и обороны был определен порядок переселения русскоязычных крестьян в Сибирь и землеустройства аборигенного и пришлого населения.

Изначально планировалось систематизировать уже существующие земельные отношения и упорядочить налогообложение еще остающегося в Сибири кочевого инородческого населения и, безусловно, населения оседлого. В дальнейшем обеспечивалось землеустройство пришлого в результате стихийных миграций русскоязычного населения (неприписное население), которого было около полумиллиона. Последовательность завершало плановое переселение на свободные участки крестьян из Европейской России в 1925 г.

При этом, что характерно, такое расселение было в основном на территории Западной Сибири, в частности в Верхнем Притомье, так как, например, в Хакасии, Бурят-Монгольской республике и других регионах Восточной Сибири уже разворачивалось землеустройство инородческого населения и самовольных русскоязычных переселенцев, как правило, новопоселенцев. Нужно отметить, что старожильским населением стали считаться прибывшие в Сибирь до мая 1922 г., остальные же считались новопоселенцами.

«К 1926 г. из 500 тыс. неприписного населения Сибири, прибывших до 22 мая 1922 г., было землеустроено примерно 300 тыс. человек, в том числе в Западной Сибири 206 648 человек. К 1925 г. здесь осталось 165 тыс. человек, не приписанных к земле» [2. С. 83].

В 1926 г. неприписных крестьян по-прежнему оставалось около 200 тыс., а в 1928 г. их число увеличилось на 150 тыс. Таким образом, наблюдались высокие темпы переселенческого движения в Сибирь.

Рубеж 1920–1930-х гг. обозначился в истории нашей страны качественным переходом от аграрной экономической системы с преобладанием сельского хозяйства к индустриальной с преобладанием промышленного производства, по преимуществу тяжелой и военной промышленности. Реструктуризация экономики не обошла стороной и Верхнее Притомье, на юге которого, в Кузбассе, создавался мощный индустриальный центр.

Изменения в экономике, коллективизация, индустриализация, постоянный нескончаемый поток переселенцев, как самовольных, так и «плановых», внесли значительные коррективы в жизнь коренных малочисленных народов (татар, шорцев, телеутов и т.д.), сказались на их численности, укладе, этнокультурном единстве и религиозном мировоззрении.

XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. ознаменовался провозглашением курса на коллективизацию сельского хозяйства. В 1929 г. в Советском Союзе началась сплошная коллективизация, и к 1933 г. процесс реструктуризации экономики в стране, в частности на территории Верхнего Притомья, практически завершился.

В декабре 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия, которая занималась разработкой планов коллективизации и ее темпов, ликвидации кулачества, помощи и поддержки колхозов. 2 февраля 1930 г. в Сибири на основании постановления Сибирского

краевого комитета власти приняли курс на ускорение темпов коллективизации (планировалось завершить мероприятия весной 1930 г.). В марте 1930 г. доля коллективных хозяйств в Сибири составила примерно 53%, в частности в Кемеровской области – почти 40% [4. С. 59].

В период с 1928 по 1932 г. на территории Советского Союза было организовано около 3 тыс. совхозов. Одновременно наблюдался отток населения из деревни. «В годы сплошной коллективизации из восточно-сибирского села убыло 430,5 тыс. человек. К 1935 г. за пределы края и в промышленность ушло 50–60 тыс. крестьянских хозяйств. Сельское население в крае уменьшилось примерно на 20 сельских районов» [2. С. 84]. Эти данные относятся к Восточной Сибири, однако процесс коллективизации затронул территорию практически всей страны, поэтому допустимо проводить параллели с соседними регионами.

Следует учитывать, что большинство населенных пунктов в Сибири было малочисленными. М.Д. Северьянов, в частности, пишет, что в 1936 г. из (примерно) 6 тыс. населенных пунктов в той же Восточной Сибири лишь 124 имели численность населения свыше тысячи человек [2. С. 84]. Образование мелких хозяйственных структур на селе привело к снижению показателей обработки земли, пашни. Наблюдалось также снижение экономических показателей среди мелких колхозов, в которых не хватало рабочих рук.

Параллельно с переводом индивидуальных хозяйств в коллективные решался вопрос снижения влияния кулачества, его роли в сельском хозяйстве. В 1929 г. выходит ряд постановлений («О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах» от 20 февраля [5], «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» от 21 мая [6]), содержащих критерии, по которым крестьянин мог считаться кулаком. Среди них – систематическое использование наемной рабочей силы, владение промышленным предприятием, мельницей, маслобойней и тому подобным, арендодательство и т.д. Всего таких критериев было пять.

В начале 1930-х гг. на кулачество увеличилось налоговое давление. Были повышены налоговые ставки индивидуального обложения их хозяйств: с первых 500 руб. годового дохода взималось по 20 коп. с рубля, с 500 до 700 руб. годового дохода – по 30 коп. с рубля; с 700 до 1 000 руб. годового дохода – по 40 коп. и т.д. [4. С. 59].

Темпы сплошной коллективизации постоянно взмывались. Если летом 1929 г. в Сибирском крае планировалось к осени объединить в коллективные 14,5% индивидуальных крестьянских хозяйств, то уже зимой Сибкрайком планировал в ближайшее время довести показатель коллективных хозяйств до 22%, а к концу пятилетки, т.е. к 1932/1933 гг., – до 85%.

«Крупные колхозы объединяли вокруг себя населенные пункты, за счет чего росла численность их населения. А это, в свою очередь, влекло за собой развитие на селе объектов социальной и культурной инфраструктуры. С другой стороны, значительная часть крестьянства не спешила обобществлять свое имуще-

ство, уходя жить из деревень на заимки. А объединение мелких хозяйств (соответственно и селений, где они существовали) в колхозы вызвало исчезновение их с карты Тарского Прииртышья» [7. С. 210]. Аналогичные процессы протекали и в Верхнем Притомье, о их результатах в численном выражении речь пойдет ниже.

Государство ожидало от коллективизации унификации и упрощения системы управления крестьянским населением, концентрации рабочей силы и планового перераспределения производственных сил и средств в интересующих государство областях, отраслях сельского хозяйства, увеличения посевных площадей и показателей товарности сельского хозяйства, поголовья скота, что напрямую влияло на продовольственную безопасность. Соответственно, усиление темпов коллективизации было связано с ожиданием достаточно быстрого положительного результата.

Параллельно с вопросом ускорения темпов коллективизации уже решался вопрос ликвидации кулацких хозяйств (не просто ограничения) на территориях, где проводились мероприятия по сплошной коллективизации (т.е. практически повсеместно). Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и Постановление бюро Сибкрайкома «К выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака как класса» [8. С. 7], по сути, спровоцировали форсирование темпов коллективизации путем насильственного объединения индивидуальных хозяйств в коллективные. Одновременно производились экспроприация собственности зажиточных крестьян, их депортация в малопригодные для проживания места. Население из разных уголков Советского Союза было собрано воедино и отправлено осваивать незаселенные, труднодоступные места. Многие погибли, иных власти были вынуждены вернуть на более пригодные для жизни территории, однако были и те, кто сумел справиться со всеми трудностями, основать поселения, названия которых свидетельствуют, не побоюсь этого слова, о подвиге человеческом.

Депортация в данном случае явилась искусственной причиной миграции населения, усилила внутриагитационные и межэтнические взаимодействия, стала значительным фактором в изменении социокультурной среды на территории Советского Союза, Западной Сибири, в частности Верхнего Притомья, и толчком для трансформации топонимической системы.

Следует сказать о кооперации, крайних ее формах – колхозах-гигантах. Они объединяли несколько сотен, иногда даже тысяч дворов и огромное количество посевных площадей. Само собой разумеется, что подобного рода кооперация была нежизнеспособна, потому что контролировать такого «монстра» было достаточно проблематично. Впоследствии колхозы-гиганты разукрупнились, на их месте образовывалось несколько более или менее адекватных по размеру колхозов.

«Несмотря на усилия центральных, региональных и местных властей, в полной мере преодолеть последствия форсирования процесса коллективизации в Сибири не удалось. Несвоевременная доставка семян, так

и не преодоленная их нехватка, истощенность лошадей, плохая организация труда в колхозах, отсутствие стимулов для сохранения прежнего уровня производства у единоличников привели к беспрецедентному затягиванию сроков сева и сокращению посевных площадей» [8. С. 10].

Форсированные темпы коллективизации, колоссальное давление на крестьянское население привели, увы, к протестным настроениям в сельском обществе, кризисным явлениям в сельском хозяйстве, его «скукоживанию». Проявились эти кризисные явления в виде голода в ряде районов Сибири.

Безусловно, политика властей привела к существенному преобразованию аграрной сферы, что было во многом сопряжено с нежелательными, пагубными эффектами в экономике и социальной сфере. При этом массовая коллективизация значительным образом способствовала мобилизации ресурсов, которая отразится на дальнейших успехах советского государства, в том числе военных.

Ликвидация кулачества как класса провоцировала волну спецпереселений по всему Советскому Союзу. По данным архивных материалов Томской окружной колонизационной переселенческой партии [9], а также земельного отдела Каргасокского райисполкома, спецпереселенцы, которые прибыли в Томск в 1930 г., должны были разместиться в местах временного пребывания (среди них, например, железнодорожная станция «Томск-1»). Впоследствии спецпереселенцев должны были отправить в Нарымский край на постоянное место пребывания. Местные власти столкнулись с трудностями переселения, последующего размещения спецпереселенцев, так как спецпереселенческие районы не были готовы. Еще большей проблемой стало содержание спецпереселенцев на местах их временной «дислокации».

Спецпереселенческий район, его инфраструктура и ресурсная база не позволяли должным образом принять и обеспечить всем необходимым спецпереселенцев. Что говорить о районах, которые изначально даже не предполагалось использовать в качестве спецпереселенческих?

Отсутствовал жилищный фонд для спецпереселенцев, последние располагались в уже имеющихся помещениях, домах и пр. То есть имела место не организация новых переселенческих участков (как следствие – населенных пунктов, как в период Столыпинского переселения), а перераспределение ссыльных по существующим населенным пунктам (уплотнение, а не увеличение их количества).

Нескончаемый поток спецпереселенцев, отсутствие должным образом выстроенной системы по размещению, переселению, оказанию медицинской помощи привели к углублению кризисных явлений, в числе которых обострение санитарно-эпидемиологической обстановки (повышенная заболеваемость тифом, дизентерией), загрязнение целых районов города, скопление мусора и т.д. Лишь более чем через год ситуацию удалось нормализовать.

Императивное повсеместное вмешательство государства в процесс коллективизации, как бы это стран-

но ни звучало, вызвало отторжение со стороны крестьянства. Любой процесс должен протекать органично, без излишнего напряжения и дополнительных стрессовых факторов. Крестьяне должны были свыкнуться с мыслью, что теперь их личное имущество стало общим, а хозяйство – коллективным. «Поспешай медленно», как говорится. Мало того что государство инициировало противоестественный для крестьянства процесс коллективизации (с которым чисто теоретически можно было свыкнуться), так оно еще и стремилось в кратчайшие сроки этот процесс завершить.

В 1932 г. советское правительство частично пытается вернуться к экономическим методам управления сельскохозяйственным сектором и снизить административное давление на деревню. В мае публикуются постановления ЦК ВКП(б) совместно с СНК «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане скотозаготовок и мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян» [10. С. 181], которые говорили о необходимости комбинированного подхода к регулированию сельского хозяйства, в том числе о сочетании госзакупок со свободным товарообменом города и деревни.

В этот период еще одной острой проблемой коллективизации стали негативное отношение власти к личному подсобному хозяйству (ЛПХ) и непреклонная позиция колхозников, которые это самое ЛПХ отстаивали...

Так называемое личное подсобное хозяйство интересно автору данной работы не столько с точки зрения экономического благосостояния крестьянства, его самостоятельности, жизнеспособности, сколько с точки зрения стабильного присутствия на одной и той же территории, в одном и том же населенном пункте. Как уже отмечалось ранее, крестьянское хозяйство нельзя на долгое время оставить, бросить. Крестьянин не мог куда-то уехать и забыть про посевы, про уборку урожая. ЛПХ – своего рода якорь, который удерживает крестьянина на земле. Таким образом, наличие ЛПХ – это гарантия неизменности (постоянства) места жительства крестьянина на длительный срок. Когда у крестьян забрали все имущество и запретили иметь свое собственное хозяйство, какая-либо привязка к месту была утрачена.

Крестьянам незачем было находиться на земле, поскольку ничего своего на этой земле у них не было. В дальнейшем, когда будут укрупняться колхозы, крестьяне относительно свободно будут сниматься со своих насиженных мест, отсекал корни, которых к этому моменту осталось не так уж много. Так и появятся первые истинно неперспективные населенные пункты, которые потеряют свое население, потому что перестанут быть для этого самого населения домом.

По мнению властей, «дисперсность расселения крестьян осложняла процесс социально-экономического развития региона» [7. С. 210]. Населенные пункты, в том числе малые, объединялись в колхозы, а отсутствие «якоря» в виде ЛПХ этому потворствовало. «В результате проводимой политики к середине 1939 г. с карты Прииртышья исчезло свыше тысячи малолюд-

ных селений» [7. С. 210]. Аналогичные процессы протекали и в Верхнем Притомье.

Таким образом, основными причинами, по которым происходило расселение населенных пунктов, стали, прежде всего, политика коллективизации, нехватка рабочей силы в объединяемых в колхозы селах и деревнях и отсутствие посевных площадей, инфраструктуры. Например, «в 1938 г. на 78 населенных пунктов Усть-Ишимского района было только 14 школ, из которых 13 – школы первой ступени. В результате проводимой государством политики к началу 1940 г. в списке сельских населенных пунктов Омской области осталось 3,6 тыс. селений» [7. С. 210].

В 1950-е гг. возникла необходимость преобразования колхозной системы ввиду ее недостаточной эффективности. Началось укрупнение колхозов, второй крупный этап реорганизации сельского хозяйства в СССР, и предприятие это также носило ускоренный и императивный характер. В Сибири количество сельхозобъединений уменьшилось почти в два раза, в целом по стране – в полтора.

Государство ставит перед собой внеочередную задачу реорганизации сельского хозяйства. Постановлением ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» [11] государство признавало малоэффективной деятельность мелких колхозов, отсутствие в них технической оснащенности и квалифицированной рабочей силы. Было принято решение присоединить мелкие колхозные хозяйства к более крупным. Если при коллективизации в 1930-е гг. пострадали и были частично стерты с карт малые населенные пункты ввиду объединения последних под знамя колхозов, то теперь уже малые колхозы пострадали и были частично уничтожены в результате объединения с более крупными.

Колхоз – понятие не абстрактное, а вполне конкретное, выраженное в нескольких населенных пунктах, их жителях. Ликвидация колхоза – обречение этих самых населенных пунктов и их населения на «гибель» (не физическую, само собой).

«Уже в июне 1950 г. число колхозов по стране сократилось на 15%, в июле – на 17,2%, а к 1 октября – на 44,7%. Всего в 1950 г. было объединено 199,8 тыс. (79,3%) сельскохозяйственных артелей, вместо них образовалось 64,3 тыс. укрупненных колхозов» [7. С. 209–211].

В 1950-е гг. сельскохозяйственный кризис постепенно перерос в продовольственный. Возникла резкая необходимость финансирования колхозно-совхозного сектора. Об этом заявил 8 августа 1953 Г.М. Маленков на V сессии Верховного Совета СССР. Была разработана программа аграрного развития под руководством Н.С. Хрущёва, утвержденная 7 сентября 1953 г. пленумом ЦК.

На государственное обеспечение переводились, как правило, малоимущие, «неперспективные», захудалые хозяйства. Однако имел место перевод и экономически сильных коллективных объединений для сохранения их стабильно высокого экономического уровня. В период с 1950 по 1964 г. на территории Советского Союза, таким образом, путем реорганизации (укруп-

нения или перевода в совхозы) количество колхозов снизилось в 3,2 раза, в РСФСР – в 3,9, а на территории Сибири – в 5,7 раза.

Освоение целины в 1954 г. поначалу принесло колхозам Сибири дополнительные средства благодаря увеличению объемов производства и успешной реализации продукции. Это на короткий период увеличило доходность сибирских хозяйств, так как привело к резкому увеличению валового сбора зерна, однако снижение урожайности посевов в 1957 г. привело к откату в показателях экономической эффективности.

До 1958 г. были увеличены закупочные / заготовительные цены на продукты сельхозпроизводства, улучшены условия кредитования колхозов, снижены налоги на индивидуальные и общественные хозяйства, помимо этого, введены госзакупки и отменена натуральная оплата МТС. Такие мероприятия привели к росту экономического потенциала колхозно-совхозной системы на территории Сибири чуть менее чем в 3 раза. Оплата труда также была повышена. Стоимость трудовой увеличилась в 5 раз, это увеличение коснулось и натуральной части дохода колхозников.

Личные подсобные хозяйства, которые в первую волну реорганизации экономики были практически повсеместно уничтожены, постепенно расправлялись, крепились. На территории Западной Сибири, в частности Верхнего Притомья, уровень сельхозпроизводства ЛПХ составлял практически половину от общего вместе с колхозно-совхозным.

Однако после ликвидации МТС в 1958 г. количество квалифицированных кадров в сельской местности стало резко снижаться. И без того низкодходное колхозное производство, по сути, оказалось в состоянии кризиса. Отсутствие рабочих мест на селе послужило основной причиной оттока населения в город, и немалую часть его составляли квалифицированные кадры.

Еще больше усилился отток кадров из-за необходимости выкупа техники ликвидируемых МТС колхозами. У последних не было свободных средств для осуществления данной программы, а потому сокращались заработные платы рабочих. «В 1959–1964 гг. в Алтайском крае количество колхозных трактористов, комбайнеров и шоферов уменьшилось на 13%» [12. С. 242]. А поскольку сокращалось количество квалифицированных рабочих, техника, выкупаемая колхозами, оставалась без обслуживания и использовалась неэффективно. Такой вот замкнутый круг.

Низкая доходность колхозного сектора, низкая дисциплина трудящихся, бесхозяйственность вынуждали государство снова и снова обращаться к императивным методам регулирования сельского хозяйства. В 1955 г. стартовало движение «тридцатитысячников», которое не принесло ощутимых результатов ввиду отсутствия материальной, технической базы на селе, оттока кадров и недостаточного финансирования. Укрупнение колхозов было в самом разгаре, продолжался перевод малообеспеченных колхозов в разряд совхозов, т.е. на полное государственное обеспечение. Неэффективная политика в области сельского хозяйства привела в 1950–1960-е гг. к снижению заработной платы колхозников. К тому же большинство колхозов

Западной Сибири ввиду зернового кризиса вынуждено было вернуться к смешанным формам заработной платы, в том числе к натуральной. Усилению кризисных явлений способствовала политика власти по ограничению личных подсобных хозяйств.

Возможным путем выхода из кризиса власти видели очередное повышение цен, в частности на сельхозпродукцию. В начале 1960-х гг. это привело к удешевлению запчастей и, соответственно, техники, что снизило нагрузку на колхозы, вынужденные выкупать последнюю у МТС. Таким образом, часть средств могла пойти на выплату зарплат. Пенсионная реформа 1964 г. также способствовала росту благосостояния колхозников.

Несмотря на все попытки властей сдержать кризис и его миновать, результатом аграрной политики государства к концу 1960-х – началу 1970-х гг. стало отчуждение крестьянина от земли, средств производства и преобразование крестьянства в наемную рабочую силу, которая ввиду кризисных явлений и дестабилизации на селе понемногу, а где-то в больших масштабах, переезжала в город. Так и появились пресловутые неперспективные деревни (малодворные поселения со слабо развитой социальной и культурной инфраструктурой, находящиеся в относительно трудной доступности от центральных усадеб [7. С. 212]), так они в конечном итоге и «самоликвидировались». Причем корень «само» растет не из желания крестьян покинуть насиженные места, бросить землю, а из государственно-правового регулирования сельскохозяйственного сектора экономики страны – долгого, непоследовательного, противоречивого, зачастую неэффективного.

Таким образом, среди факторов, которые значительно повлияли на трансформацию топонимической системы Верхнего Притомья, можно выделить следующие: продолжающиеся миграции и переселения, добровольные и императивные, с территории Европейской части Советского Союза; внутренние миграции на территории Западной Сибири, в том числе и в Верхнем Притомье; спецпереселения, в том числе кулацкая ссылка; процесс коллективизации в сельском хозяйстве, создание колхозов и совхозов; укрупнение колхозов в послевоенный период, ликвидация «неперспективных» населенных пунктов, ставшими таковыми в результате длительного процесса перестроения сельского хозяйства, в том числе изменений в колхозном строительстве и реструктуризации экономики в целом.

Урбанизация идет рука об руку с изменением топонимики. При этом урбанизацию автор данной работы не может отнести к причинам изменения топонимической системы ввиду того, что урбанизация во многом была вызвана неадекватной сельскохозяйственной политикой и являлась ровно таким же следствием, как и изменение топонимики, но никак не первопричиной.

Ликвидация неперспективных деревень представляла собой комплексное мероприятие, направленное на «оптимизацию», а фактически на изживание сельского населения с насиженных мест путем фактического уничтожения инфраструктуры, необходимой для физического существования населения. Закрытие школ, больниц, отключение линий электропередач и т.п. –

все это вынуждало людей бросать свои дома и переселяться в другие населенные пункты...

«Политика ликвидации “неперспективных” деревень заключалась в сосредоточении населения в сравнительно крупных поселках и ликвидации мелких селений. По мнению властей, такие мероприятия могли остановить отток населения из сельской местности и улучшить бытовые условия населения, приблизив их к городским. В результате реализации данной политической линии с карты Тарского Прииртышья исчезли многие населенные пункты» [7. С. 212].

С точки зрения государства, такими крупными поселками должны были стать соседние перспективные деревни, села, куда и велось перераспределение жителей. Однако государство не учитывало психологический фактор. Где гарантия, что ныне перспективная деревня через пару лет не станет неперспективной и не будет отрезана от внешнего мира? Людям, которые потеряли свое прошлое, нужно было верить в будущее. Такое будущее могло сложиться только в городе: городам не отрезают свет, воду, там не закрывают школы в таких масштабах. Зачем ехать в другую деревню, которую, вполне возможно, постигнет такая же судьба – она просто перестанет существовать? Вот и поехали люди в город, вот и начало иссякать крестьянство на Руси.

В 1962 г. темпы урбанизации достигнут таких масштабов, что численность сельских жителей впервые окажется ниже численности городских примерно на 3 млн человек. Как выяснилось, урбанизация эта была не следствием «космических» темпов роста индустриального сектора, развития промышленности, концентрировавшейся в городах, а результатом сначала коллективизации, затем укрупнения колхозов, а потом уже и ликвидации неперспективных населенных пунктов. Люди в поисках стабильности, гарантий «светлого будущего» просто переехали в город.

Государство, таким образом, добилось повышенных показателей урбанизации не в силу развития промышленности, которая, как правило, концентрировалась в городах, а в силу того, что людям просто переселение в город виделось более целесообразным, обещающим в перспективе лучшую жизнь, стабильность.

Человека в деревне держат своя скотина, огород, покос, свой собственный дом без крикливых соседей, стучащих по ночам. У него сначала отняли хозяйство, скотину, потом запретили сажать свой огород... Теперь же власти забирали у человека его «дом». Раньше у него было все, что нужно для жизни. Куда-то ехать, когда у тебя хозяйство «стоит», огород не убран – на такое решится либо слабоумный, либо такой человек, из-за которого в свое время случался массовый голод. Теперь крестьян на земле ничего не держало. Теперь у крестьян не было самой земли.

Обратимся к конкретным данным по количественным и качественным изменениям топонимической системы Верхнего Притомья в исследуемый период.

Кемеровская область

Общее количество уникальных наименований населенных пунктов в словаре В.М. Шабалина [13] равно

1 887 единицам. Немногим более чем за полвека на территории Верхнего Притомья из-за проводимой государством политики различного рода изменениям подверглось 362 ойконима (названия населенных пунктов), что составляет 19,2% от общего количества ойконимов. За 55 лет исчезло, появилось, изменило название, получило новый статус значительное количество населенных пунктов.

Изменили статус

Получили статус «города»: ойконимы Анжеро-Судженский (1931), Белово (1938), Калтан (1959), Киселевск (1936), Ленино (1926), Ольжерас (1955), Мыски (1956), Осинники (1938), Прокопьевск (1931), Салаир (1941), Таштагол (1962), Топки (1933), Юрга (1949), – 13 новых астионимов.

Появились новые ойконимы

1920-е гг.: основаны населенные пункты Большая Сулага (1926), Березовка (1929), Драгунский (1928), Калининский, Калиновка, Калмыковский (1929), Канаш (1926), Клин, Малиновка (1927), Нижняя звезда, Перехляй (1929), Путь новой жизни, Трещевский (1928), Успенка (1927), – 14 ойконимов.

1930-е гг.: Баевка (1938), База Заготскот, Бараки, Болотная, Боровой / Заготскот, Заготскот, Братский, Бригада № 1, Верх-Егоз, Вольный, Восход, Вулкан, Лесной городок, Заря (6 ойконимов), Зеленый луг, Зиминка, ЗОЛХ (1937), Ильича, Индустрия, Искра, Клей-завод, Колхозная Тарба, Комиссаровка, Комсомольск, Комсомольский, Красная звезда, Красный луч, Ленинский, Майск, Майский (3 ойконима), Майский Второй, Майский Первый, Металлплощадка, Металлургов, Нива, Нижняя колония, Новая жизнь, Новая Москва, Новостройка, Новошахтерка (1931), Новый, Новый путь, Новый свет, ОСОВИАХИМ, Петровка, Пламя, Привольный (2 ойконима), Прогресс, Пушкино, Пчелка, Рассвет (3 ойконима), Рубцовка, Свет, Свобода, Свободный, Славино, Смычка, Таштагол (1939), Увал, Ударник, Ударный, Цветущий (1932 г.), Центральный (1930), Чапаевский, – всего 75 ойконимов.

1940-е гг.: Артышта Вторая, Горбольница, Каменный ключ (1949), Красная тайга, Майзас (1947), Мало-этажка, Ольжерас, Полосухоно, Разведчик (1947), Салаирка, Соревнование, Тальжино (1949), Усинский (1947), Ясная Поляна (1943), Ясное Поле, – 15 ойконимов.

1950-е гг.: Алтамыш (1958), Ерунаково, Зенчиха, Карагайлинский (1959), Кедровка (1954), Малый Майзас (1956), Мир, Мирный (2 ойконима), Полуторник (1953), Польшаево (1950), Распадный (1950), Сливень (1950) Тальжино (1950), – 14 ойконимов.

1960-е гг.: Инской, Казарма, Новосафоновое, Степной (2 ойконима), Терентьевское (1962), Тырган (1960), – 7 ойконимов.)

1970-е гг.: Известковский (1975).

С пометой «в советское время»: Дружный, Красный холм, Малиновка (4 ойконима), Панинск, Раздолье, Раздольное, Ракитный, Раздольный, Ранний, Ржавчик, Родниковый, Свердловский, Сергеевка, Солнечный – 17 ойконимов.

Всего в топонимической подсистеме Кемеровской области появилось 143 новых ойконима. Деструктивные тенденции в топонимической системе становятся

очевидными после 1930-х гг., когда система еще по инерции пополнялась новыми топонимами за счет переселенцев из Европейской России, своего рода отголосков столыпинской реформы. Реструктуризация сельского хозяйства в стране приводит к тому, что значительное количество населенных пунктов исчезает, при этом топонимическая система не уплотняется, а разрежается, причем катастрофически быстро. Интересен тот факт, что если не большинство, то значительная часть образовавшихся в период с 1920-х по 1970 г. населенных пунктов исчезнет как «неперспективная».

Исчезли по разным причинам: Абрамовский выселок (1930-е гг.), Агеева (1930-е гг.), Алябиха (после 1929 г.), Архангелка (1930-е гг.), Бараки (1950-е гг.), Вулкан (1960-е гг.), Искра (1960-е гг.), Новоселово (1930-е гг.), Пономарево (1950-е гг.), Поронино (после 1945 г.), Хмелево (1930-е гг.), – 11 ойконимов).

Исчезли как неперспективные в 1970-е гг.: Александровка (4 ойконима), Алексеевка (2 ойконима), Алла-Кожух, Алташ, Алчедат, Амполык, Анзас, Анохино, Асаново, Афонин Ключ, Ачкасово, Базас, Зенчиха, Горбольница, Изора, Междуреченка, Московка, Мунгат, Никифоровка, Никольский, Никулинский, Новая Деревня, Новая Еловка, Новая Жизнь, Новая Москва, Новая Уфа, Новоалександровка (2 ойконима), Новобелово, Новозаречье, Новоивановка, Новоказанка, Новопокровка, Новотроицк, Новый (3 ойконима), Новый Калтан, Овчинношубный, Одрабаш, Озерный, Краинный, Октябрь, Онинск, Орлово-Розова, Павловка, Пайкино, Первое Мая, Первомайка (2 ойконима), Первомайский, Петровка, Петровский, Пламя, Подгорный, Подкидовка, Покровка (2 ойконима), Половка, Правдинка, Предметкино, Привольный, Прудовой, Путь Новой Жизни, Пчелка, Рабочая тарба, Раевка, Рассвет, Рубцовка, Рюриковка, Рязань, Салаирка, Самарка, Сахарово, Свет, Светлый (2 ойконима), Семечково, Сергеевка, Скалистый, Смирновка, Соболевка, Советский, Сосновка, Среднее Ганово, Средняяш-кино, Средний Альбедет, Средний Камзас, Средняя Таловка, Степной (2 ойконима), Степановка (2 ойконима), Су-Мрассу, Сураново, Сутункий Брод, Тагарыш, Таенза, Таловка (2 ойконима), Талы, Ташъема, Тиновка, Толстовка, Толстовский, Толстовский, Трехречье, Трещевский, Троицкое, Турла, Тыштым, Тюменев, Ударник, Уколь, Улус-Корчуган, Уразан, Урлеп, Урское, Усть-Берензас, Усть-Грязное, Усть-Пурла, Усть-Таймет, Усть-Узас, Усть-Уруш, Феофановка, Филиал, Чебура, Чедат, Черная Речка (3 ойконима), Черноборка, Чернолеска, Чертолог, Чирковка, Чишма, Шадрова Заимка, Шиловка, Шишино, Шодрова, Шумиха, Щемилловка, Эгрим, Этакол, Южный, Юрманово, Ясное Поле, Яя-Бобровка.

Всего исчезло 153 ойконима – на 10 больше, чем появилось за полвека (следует подчеркнуть, что за конец XIX – первую четверть XX в. исчезло всего 8 наименований населенных пунктов).

Исчезли из-за включения территории одного населенного пункта в состав другого / объединения населенных пунктов: населенный пункт (н.п.) Абагурский улус вошел в состав н.п. Абагур (1920-е гг.); н.п. Аил слился с н.п. Кузедеевское, в результате чего

образовался н.п. Аило-Кузедеевское (1920-е гг.); н.п. Анжерка слился с н.п. Судженка, в результате чего образовался н.п. Анжеро-Судженский (1928 г.); н.п. Горбуново (1930-е гг.), н.п. Араличево (1930-е гг.), н.п. Антоново (1930-е гг.), н.п. Байдаевка (1930-е гг.), н.п. Бессоново (1930-е гг.), н.п. Бызово (1930-е гг.), н.п. Болотная (1960-е гг.), н.п. Сад-Город (1930-е гг.), г. Кузнецк (1930-е гг.), н.п. Верхняя колония (1930-е гг.), н.п. Нижняя колония (1930-е гг.), н.п. Соцгород (1930-е гг.), н.п. Островская площадка (1930-е гг.) вошли в состав г. Новокузнецка; н.п. Афонино, н.п. Черкасово, н.п. Казачий вошли в состав г. Киселевска (1930-е гг.); н.п. Березовский, н.п. Октябрьский, н.п. Южный вошли в состав г. Березовского (1965); н.п. Зенково, н.п. Зиминка вошли в состав г. Прокопьевска (1930-е гг.); н.п. Старая Юрга вошел в состав г. Юрга (конец 1940-х гг.); н.п. Новостройка слился с н.п. Новая Малиновка, в результате чего образовался н.п. Малиновка, – 29 ойконимов.

Географические названия заменяются другими / названия изменяются: Артышта был переименован в 1940–1950-е гг. в Артышта Первая в результате строительства ж/д станции Артышта Вторая для разграничения понятий; г. Щегловск был переименован в г. Кемерово (1932); Клековка до 1967 г. называлась Поселок фермы № 1 совхоза «Юргинский»; Кобылино в 1939 г. было переименовано в Береговое; Святая гора в 1930-е гг. была переименована в Красную горку (в период коллективизации жители были репрессированы и выселены за его пределы, поселение было переименовано согласно советской революционной идеологии), Красная горка до 1962 г. носила название Ферма № 2 совхоза имени Чкалова; Поселок фермы № 2 совхоза «Октябрьский» в 1967 г. был переименован в Ленинградский; Ленино вместе с получением статуса города было переименовано в Ленинск-Кузнецкий (1926); Линейный до 1967 г. носил название Поселок № 1 совхоза «Арлюкский»; Ольжерас вместе с получением статуса города был переименован в Междуреченск (1955); г. Новокузнецк был переименован в 1932 г. в Сталинск (в 1961 г. было возвращено прежнее название); Тракторная в 1970-е гг. была переименована в Юла, – 13 ойконимов.

Изменили статус с административной точки зрения: получили статус «пгт» – «поселок городского типа»: населенные пункты Абагур (1957), Барзас (1934), Бачаты (1958), Грамотеинский (1952), Ижморский (1958), Итатский (1958), Калтан (1950), Карагайлинский (1963), Кедровка (1957), Крапивинский (1958), Красногорский (1956), Листвяги (1956), Малиновка (1958), Мундыбаш (1934), Никитинский (1961), Промышленная (1936), Таштагол (1952), Тяжинский (1958), Урск (1935), Тугунаш (1944), Шерегеш (1957), Ягуновский (1950), – 24 ойконима.

Томская область

Ниже приводятся данные за период с 1939 по 1980 г. по пяти районам Томской области, территориально относящимся к Верхнему Притомью: Асиновскому, Зырянскому, Кривошеинскому, Томскому и Шегар-

скому [14. Д. 158. Л. 1–8; Д. 165. Л. 1–5; Д. 173. Л. 1–13; Д. 176. Л. 1–7; 15. Л. 3, 78–79, 127–142, 202; 16. Д. 11. Прил. Л. 1; Д. 13. Прил. Л. 1; Д. 15. Прил. Л. 1; Д. 28. Прил. Л. 1; Д. 31. Прил. Л. 1; 17. С. 248, 254–255; 18. С. 254–255, 282–283].

Асиновский район. По подсчетам автора, на территории Асиновского района в период с 1939 по 1980 г. существовало 143 уникальных наименования населенных пунктов.

Населенный пункт Вознесенка вошел в состав города Асино в 50-е гг. XX в. Населенный пункт Ксеньевка изменил название на Асино и в 1952 г. получил статус города. Семь населенных пунктов были отнесены к другим районам в ходе административных преобразований (4,9%).

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1930–1940-е гг.: Березовая грива, Воскресенка, Сосновка, Большое Семеново, Качайкино, Малое Семеново, Малое Семеново (хут.), Лаптевка, Сайчик смолокурка, Трескулова, Андреевский, Разъезд 66 км., Горелый 2-й, Горский 2-й, Васильевка, Пашенский 1-й, Пашенский 2-й, Викторовка, Дозмаровка, Кужелевский остров, Устье Малой Нисы, Комжар, Дом Петряковой, Новотроица, Кисенская Пасека, Берег реки Чулым, Кузнецовка, Аникина, Клинь, Куликовка, Мало-Жирова, Чернышевский, – 32 ойконима, или 22,4%.

1950-е гг.: Пашенский 2-й, Дракино, Каурово 2-е, Нагорный, Нижне-Кайнары, Барнаулка, Рябчевка, Малая Антоновка (Малая Антиповка), Сухоречка, Огнерубово, Юрково, Новотроица (Новотроицкие хутора), Красная Курья, Кужербак, Лысая Гора, Ишкольский – 16 ойконимов, или 11,2%.

1960-е гг.: Устье Красной Курьи, Совхоз Яя, Луговой, Озерный, Рассвет, Березовский, Березовка, Горелый 1-й, Дудкино, Каурово 1-е, Октябрьский, Кайнары, Кузнецовка, Комаровская мельница, Копыловка 2-я, Большая Антоновка (Большая Антиповка), Таньково, Корнеевка, Чувашовка, Жауталь (Каутали, Кайтал-Кужербак), Малый Кардон, Красино, Восток, Заимка Уточкина, – 24 ойконима, или 16,8%.

1970-е гг.: Заготзерно, Усть Лай, Кокымыво (Кымово), Березовка, Прокопьевка, Верхние Соколы, Бороковка (Чесноки), Ново-Покровка, Воробьевка, Зимаревка, Корженево, Верх-Кужербак, Сборный, Нижняя Анга, Нижняя Курья, Орловка, Челбак Вятский, Челбак Смоленский, Тиунова (Тигунова) заимка, – 19 ойконимов, или 13,3%.

В разные годы исчез 91 ойконим (63,6% от общего количества). Из них хуторов – 8 (5,6%), заимок – 8 (5,6%), населенных пунктов, численность население которых не превышало за весь период 40–50 человек – 30 (21%). Итого 46 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 32,2% от общего количества или примерно половину от исчезнувших (50,6% от 91 утраченных). Десять ойконимов являются топонимами-конструктами (7% от общего количества).

Зырянский район. По подсчетам автора, на территории Зырянского района в период с 1950 по 1980 г.

существовало 77 уникальных наименований населенных пунктов. 11 населенных пунктов было отнесено к другим районам в ходе административных преобразований (14,3%).

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1950-е гг.: Митюшкино, Одерный (Одринка), Добровольный (хутор Литвинов), Заимка Левина, Туйла, Тайга, Чедодаты, Мангазеина (Мангазеево), Четь-Берегай, Бихтуим, Солганы, Березовка, – 12 ойконимов, или 15,6%.

1960-е гг.: Красноярка, Усачево (Усачевка), Платоновка, Старая Павловка, Ивановка, Рассвет, Заготскот (Поселок Скотобаза), Кашнинский хутор, Каменский Кордон, Потекин (Новоселовский), Кардон Тукайский, Федоровский, Сухой Лог, Торба, Антошкин кордон (Антошкино), – 15 ойконимов, или 19,5%.

1970-е гг.: Новая Павловка, Высел Вершинина (Вершинка), Усть-Кия (поселок Морфлот), Арышево, Рассвет, – 5 ойконимов, или 6,5%.

В разные годы исчезло 32 ойконима (41,6% от общего количества). Из них хуторов – 2 (2,6%), заимок – 1 (1,3%), населенных пунктов, численность население которых не превышало за весь период 40–50 человек – 9 (11,7%). Итого 12 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 15,6% от общего количества, или примерно 2/5 от исчезнувших (37,5% от 32 утраченных). Три ойконима являются топонимами-конструктами (3,9% от общего количества).

Кривошеинский район. По подсчетам автора, на территории Кривошеинского района в период с 1939 по 1980 г. существовало 84 уникальных наименования населенных пунктов.

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1930–1940-е гг.: Каромы, Мельничный, Нефтебаза, Сергеевка, Баньковские, Егоровка, Ново-Малиновск, Орешинская, Русинская, Мысловая, Тунгусский бор, Вольный, Усть-Каным, Черепаново, – 14 ойконимов, или 16,7%.

1950-е гг.: Ново-Андреевка, Картуль, Веселенький, Родинский отрез, Средняя речка, Анисимовка, – 6 ойконимов, или 7,1%.

1960-е гг.: Ставское, Кайбасово, Бровцева (Бронцево), Долорес, Бобраковская (Бобреневка), Каменка, Сидоровка, Спуливка, Новый мир, Тайлашевка, Украинка, – 11 ойконимов, или 13,1%.

1970-е гг.: Ивановка, Козырбак, Айканиево, Горевка (Гурьевка), Семеновка, Междуречино, Петухово, Ивановка, Кантовка, Крестовка, Маличевка, Добрынка, Ново-Клевка, Новый Путь, Старая Обь, Тугулино, Юг, – 17 топонимов, или 20,2%.

В разные годы исчезло 48 ойконимов (57,1% от общего количества). Из них хуторов – 4 (4,8%), заимок – 0, населенных пунктов, численность население которых не превышало за весь период 40–50 человек – 15 (17,9%). Итого 19 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что

составляет 22,6% от общего количества, или примерно 2/5 от исчезнувших (39,6% от 48 утраченных). Пять ойконимов являются топонимами-конструктами (6% от общего количества).

Томский район. По подсчетам автора, на территории Томского района в период с 1939 по 1980 г. имелось 177 уникальных наименований населенных пунктов.

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1930-1940-е гг.: Зоновка, Лесоперевалочная база, Казанцева, Новый Сабьт, Сафроновка, Якимовка, Большанина, Нижне-Шубина, Горный Яр, Маркушинский, Савино, Хайдуково, Красный хуторок, Чуровский, 32-й Километр, 37-й Километр, 45-й Километр, Малиновка, Пролетарка, Советский, Моряковка, Сенная курья, Смолокурная дача, Мазиха, Самохина заимка, совхоз Бактина, Дачный городок, Татарский городок (Новая Эушта), – 28 ойконимов, или 15,8%.

1950-е гг.: Белобородово, Иглаковка, Мельница колхоза «Искра», Ларино (Ново-Ларино), Оловяниково, Кондратьевск, Аникино, Зимовье, Совхоз № 2 НКВД (Совхоз МВД), – 9 ойконимов, или 5,1%.

1960-е гг.: Нижние Озера, Первый Сибирский, Скоп, Совхоз «Агрокультура», Чичаг, Калугино, Кулаково, Филиппово, Совхоз Заварзино, Межениновский совхоз, Борово (Боровой), Реженка 1-я, Просекино, 34-й Километр, Мало-Петухово, Таловка, Луговая (Луговое), Рождественка (Ильичевка), Витебка, Серебряково, Гуляева, Красный Восток, Украинка, – 23 ойконима, или 13%.

1970-е гг.: Баталино, Кирек, Малые Ключи, Молочное, Власово, Каменка, Покровский, Уптала, Падумск (Падун, Поддун), Медведский (Медведка), Гортоп, 28-й Километр, Тегильдеево (Тигильдеево), Чернышевский, Жуковка, Горбуново, Пушкарево, – 17 ойконимов, или 9,6%.

В разные годы исчезло 77 ойконимов (43,5% от общего количества). Из них хуторов – 14 (7,9%), заимок – 6 (3,4%), населенных пунктов, численность населения которых не превышало за весь период 40–50 человек – 11 (6,2% ества). Итого 31 населенный пункт не представлял собой устойчивого образования в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 17,5% от общего количества, или примерно 2/5 от исчезнувших (40,3% от 77 утраченных). Четыре ойконима являются топонимами-конструктами (2,3% от общего количества).

Шегарский район. По подсчетам автора, на территории Шегарского района в период с 1939 по 1980 г. было 110 уникальных наименований населенных пунктов. Ново-Казанка *слилась* с Ново-Ильинка (1970-е гг.), Ново-Российский *слился* в этот же период с Ново-Ильинкой.

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1940-е гг.: Беляковский, Красногорка, Краснозерский, Вознесенский, Перелюбский, Леонова, Горбуново, Казюлино, Ново-Игловка, Красная Игловка, Орловка, Плотбище, Пушкарева, Прибольничное хозяйство, Салтанакново, Раковский, Войково (Мельничный), Каркушенский, Преляловский, Фроловский, Кирилинск,

Первомайский, Герай, Скачок, – 24 ойконима, или 21,8%.

1950-е гг.: Ново-Российский, Михайловка, Березовка, Ленинский (Ленинск), Малая Гарь, – 5 ойконимов, или 4,5%.

1960-е гг.: Иловка (Иловский), Ново-Никольск, Лесной, Фимушинский, Ключево, Реченск (Ново-Покровка), Андросово, Ново-Октябрьск, Осинники, Астальцево, Абросимовка, Нижний склад, Новая Заря, Троицкий, Ново-Октябрьск, Успенка (Адамовск), Безунакова, Малые Кулманы, Поздняково на Шегарке, Еловка, Мельниково, Еловка, Саргат, – 24 ойконима, или 21,8%.

1970-е гг.: Кирьяновка, Дубровинка, Малый Баткат, Росташевка, Комаровка, Ново-Рождественский, Мура, – 7 ойконимов, или 6,4%.

В разные годы исчезло 60 ойконимов (54,6% от общего количества). Из них хуторов – 6 (5,5%), заимок – 0, населенных пунктов, численность население которых не превышало за весь период 40–50 человек – 6 (5,5%). Итого 12 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 11% от общего количества, или примерно 1/5 от исчезнувших (20% от 60 утраченных). Пять ойконимов являются топонимами-конструктами (4,5% от общего количества).

Таким образом, общее количество уникальных топонимов на территории пяти районов Томской области в период с 1939 по 1980 г. равно 591. Исчезло в разные годы 308 топонимов (52,1% от общего числа). Из них (исчезнувших): хуторов – 34 (5,8% от общего числа), заимок – 15 (2,5%), населенных пунктов, численность населения которых не превышало за весь период 40–50 человек – 71 (12%). Итого 120 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 20,3% от общего числа существовавших на территории ойконимов, или примерно 2/5 от числа исчезнувших (39% от 308 утраченных). Двадцать два ойконима представляют собой топонимы-конструкты, что составляет 3,73% от общего количества.

Если взглянуть на список потерянных навсегда наименований географических объектов, можно проследить определенную закономерность: количество исчезающих топонимов в разные временные отрезки в разных районах примерно одинаково. И эти временные отрезки соотносятся напрямую с государственным вмешательством в аграрную сферу экономики, сельское хозяйство. Уничтожение значительного количества топонимов, стирание их из топонимической системы напрямую соотносятся с этапами активизации аграрной политики советской власти. Коллективизация, укрупнение колхозов, ликвидация неперспективных деревень – гибель населенных пунктов.

К вопросу о коллективизации на территории Верхнего Притомья. Чтобы человек оставался на земле, ему нужно быть заинтересованным в результате своего труда. «...Народный труд в деле колонизации, в области его самостоятельности и творчества, не должен

быть стесняем, он предоставлен до известной степени самому себе» [3. С. 156]. Как в земельном вопросе «эмиграция будет продолжаться до тех пор, пока на местах заселяемых условия жизни будут выгоднее, нежели на местах покидаемых» [3. С. 147], так и в вопросе крестьянского, теперь уже коллективного, труда люди всегда будут делать так, как им наиболее выгодно. Поскольку люди не получают выгоды от коллективного труда, не получают прибыли, буквально не видят результата своей работы, ни о каком успехе мероприятий советской власти в области сельского хозяйства, конкретно его оптимизации, и речи быть не может. Отсюда и бесхозяйственность, отсюда и голод, отсюда кризис сельского населения, разложение и последующее уничтожение, в некоторой степени самоуничтожение, крестьянства как сословия, подрыв социальный стабильности в деревне, в сельской местности.

Таким образом, государственная политика привела к резкому снижению числа населенных пунктов и, соответственно, качественному и количественному изменению топонимической системы.

Политика государства очень неустойчива. Сменяется администрация, сменяется правительство, сменяется государственная власть. Власть подвержена номенклатурным веяниям, идеологическим воздействиям. Глубинная топонимика, создаваемая веками, даже тысячелетиями, в конечном итоге берет верх над «напускной», советской. И среди «социалистических» топонимов все равно пробивается значительный пласт

географических названий, исконно аборигенных, исконно русских (переселенческих).

Советская власть оказала деструктивное влияние на самоорганизацию топонимической системы, искусственно внедрила единообразие в пеструю палитру этнокультурных, социокультурных красок, в которые окрашена топонимическая картина. Появлялись императивно созданные колхозы, совхозы, но их существование не было обеспечено ничем иным как волонтеристской, непреклонной политикой партии и правительства. Как появлялись, так и исчезали...

Система рушилась, потому что искусственно регламентировалась (хоть и косвенно), потому что в систему была заложена «бомба замедленного действия». Сначала в 1930-е гг. исчезали малые населенные пункты (отрубы, хутора, заимки), потому что на их территории вести хозяйство было нельзя, а колхозы, где люди могли и должны были трудиться, находились в более крупных населенных пунктах. В 1950–1960-е гг., после войны, ликвидировались, самоликвидировались уже бывшие «средние» населенные пункты и даже колхозы, численность населения и экономический потенциал которых по понятным причинам (снижение численности населения, прежде всего мужского, послевоенная нищета) снизился до критического уровня. Ну а уже в 1960–1970-е гг. ликвидировались «потерявшие» свой колхоз населенные пункты, деревни и села, в которых не было инфраструктуры или последняя была, но ее содержание себя не оправдывало, было «неперспективно». Деревня уходила в город.

Список источников

1. Жучкевич В.А. Общая топонимика. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Вышэйшая школа, 1968. 432 с.
2. Северьянов М.Д. Государственная земельная политика в Сибири в 20-е – 80-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 82–86.
3. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. 471 с.
4. Орлова Е.А. Создание колхозов у телеутов в 1929–1933 гг. (на основе документов из фондов Государственного архива Кемеровской области) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 63. С. 59–64.
5. О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.02.1929 // КонсультантПлюс. URL: [#Н My7Yft i8B31dy9T](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=27525) (дата обращения: 29.11.2024).
6. О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде : постановление СНК СССР от 21.05.1929 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=u4vBYfTFdkAST5o4&cacheid=8D1C31915F9F0641F4B9CE6BB35E488B&mode=splus&rnd=CCHndQ&base=ESU&n=37789#ZBwBYfTugGVoxAyuw> (дата обращения: 29.11.2024).
7. Соколова Е.В. Основные причины и этапы исчезновения деревень Тарского Прииртышья в советский период // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (23). С. 207–217.
8. Ильиных В.А. Коллективизация Сибирской деревни, январь–май 1930 г. / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2009. 488 с.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 105.
10. Бабашкин В.В. Социальные последствия коллективизации 1930-х гг. и «второй коллективизации» 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы : социальный мир деревни X–XXI вв. Воронеж : Науч. книга, 2020. С. 179–185.
11. Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле: постановление ЦК ВКП(б) от 30.03.1950 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246651-postanovlenie-tsk-vkp-b-30-maya-1950-g-ob-ukрупnenii-melkih-kolhozov-i-zadachah-partiynyh-organizatsiy-v-etom-dele> (дата обращения: 29.11.2024).
12. Андреевков С.Н. Колхозно-совхозная система Сибири в середине 1950-х – начале 1960-х гг.: особенности, тенденции и вектор развития // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 240–247.
13. Шабалин В.М. Тайны имен земли Кузнецкой : краткий топонимический словарь Кемеровской области. Новосибирск : Наука, 1994. 225 с.
14. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1.
15. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 31.
16. ГАТО. Ф. Р-1700. Оп. 5.
17. Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933–1938 гг. / отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск : ЭКОР, 1994. 310 с.
18. Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1939–1945 гг. / отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск : ЭКОР, 1996. 311 с.

References

1. Zhuchkevich, V.A. (1968) *Obshchaya toponimika* [General Toponymy]. 2nd ed. Minsk: Vysheyschaya shkola.
2. Severyanov, M.D. (2013) *Gosudarstvennaya zemel'naya politika v Sibiri v 20-e – 80-e gg. XX v.* [State land policy in Siberia in the 1920s–1980s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 366. pp. 82–86.

3. Yadrintsev, N.M. (1889) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a Colony]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
4. Orlova, E.A. (2020) Creation of teleut collective farms in 1929-1933 (based on documents from KRSA (Kemerovo region state archives). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 63. pp. 59–64.
5. Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1929) *O poryadke primeneniya kodeksa zakonov o trude v kulatskikh khozyaystvakh: postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 20.02.1929* [On the procedure for applying the labor code in kulak farms: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR dated February 20, 1929]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=27525#HMy7YfT i8B31dy9T> (Accessed: 29th November 2024).
6. Council of People's Commissars of the USSR. (1929) *O priznakakh kulatskikh khozyaystv, v kotorykh dolzhen primenyat'sya kodeks zakonov o trude: postanovlenie SNK SSSR ot 21.05.1929* [On the characteristics of kulak farms in which the labor code should be applied: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated May 21, 1929]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=u4vBYfTFdkAST5o4&cacheid=8D1C31915F9F0641F4B9CE6BB35E488B&mode=splus&md=CCHndQ&base=ESU&n=37789#ZBwBYfTugGVoxAyw> (Accessed: 29th November 2024).
7. Sokolova, E.V. (2017) Osnovnye prichiny i etapy ischeznoveniya dereven' Tarskogo Priirtysh'ya v sovetskiy period [The main reasons and stages of the disappearance of the villages of the Tarskoye Irtysh region in the Soviet period]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(23). pp. 207–217.
8. Ilinykh, V.A. (2009) *Kollektivizatsiya Sibirskoy derevni, yanvar'–may 1930 g.* [Collectivization of the Siberian Village, January–May 1930]. Novosibirsk: [s.n.].
9. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-338. List 1. File 105.
10. Babashkin, V.V. (2020) Sotsial'nye posledstviya kollektivizatsii 1930-kh gg. i "vtoroy kollektivizatsii" 1950-kh gg. [Social Consequences of Collectivization in the 1930s and the "Second Collectivization" of the 1950s]. In: Gorskiy, A.A. & Kondrashin, V.V. (eds) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy: sotsial'nyy mir derevni X–XXI vv.* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe: the Social World of the Village in the 10th–21st Centuries]. Voronezh: Nauch. Kniga. pp. 179–185.
11. The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1950) *Ob ukрупnenii melkikh kolkhozov i zadachakh partiynykh organizatsiy v etom dele: postanovlenie TsK VKP(b) ot 30.03.1950* [On the consolidation of small collective farms and the tasks of party organizations in this matter: resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of March 30, 1950]. [Online] Available from: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246651-postanovlenie-tsk-vkp-b-30-maya-1950-g-ob-ukрупnenii-melkih-kolhozov-i-zadachah-partiynyh-organizatsiy-v-etom-dele> (Accessed: 29th November 2024).
12. Andreenkov, S.N. (2008) Kolkhozno-sovkhoznaya sistema Sibiri v seredine 1950-kh – nachale 1960-kh gg.: osobennosti, tendentsii i vektor razvitiya [The collective farm and state farm system of Siberia in the mid-1950s - early 1960s: features, trends and vector of development]. In: Romanov, R.E. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 240–247.
13. Shabalin, V.M. (1994) *Tayny imen zemli Kuznetskoy : kratkiy toponimicheskii slovar' Kemerovskoy oblasti* [Secrets of the Names of the Kuznetsk Land: A Brief Toponymic Dictionary of the Kemerovo Region]. Novosibirsk: Nauka.
14. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-591. List 1.
15. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1085. List 3. File 31.
16. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1700. List 5.
17. Danilov, V.P. & Krasilnikov, S.A. (eds) (1994) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri, 1933–1938 gg.* [Special Settlers in Western Siberia, 1933–1938]. Novosibirsk: EKOR.
18. Danilov, V.P. & Krasilnikov, S.A. (eds) (1996) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri, 1939–1945 gg.* [Special settlers in Western Siberia, 1939–1945]. Novosibirsk: EKOR.

Сведения об авторе:

Тухель Анатолий Андреевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС), преподаватель Юридического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tukhel Anatoly A. – Postgraduate Student at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences, a Junior Researcher at the Problematic Research Laboratory of the History, Archeology and Ethnography of Siberia (PNIL IPP), Lecturer at the Faculty of Law of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Anatoly.Tukhel@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 15.11.2024; accepted for publication 01.04.2025

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья

УДК 902.02

doi: 10.17223/19988613/94/22

Терминология и классификация в археологии: проблема критериев (на примере одного вида сосудов)

Юлия Абрамовна Лихтер¹, Юлия Георгиевна Кокорина²

¹ ООО «Археологические изыскания в строительстве (АИСТ)», Москва, Россия

² Московский политехнический университет, Москва, Россия

¹ likhter@gmail.ru

² kokorina@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о критериях классификации высоких сосудов для жидкостей, образующих нечеткое множество: кувшин–амфора–бутылка–графин–фляга–флакон–кружка. Уделяется внимание анализу конструкции и формы отдельных элементов перечисленных видов сосудов. Представлены результаты сопоставительного анализа их названий в различных языках. Впервые проводится работа на стыке истории и лингвистики на примере одной группы сосудов и их наименований. Актуальность исследования обусловлена необходимостью использования информационных технологий в лингвистике, этнологии, антропологии.

Ключевые слова: археологическая классификация, этимология, нечеткое множество, археологическая терминология, Щапова Юлия Леонидовна

Для цитирования: Лихтер Ю.А., Кокорина Ю.Г. Терминология и классификация в археологии: проблема критериев (на примере одного вида сосудов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 184–193. doi: 10.17223/19988613/94/22

Original article

Terminology and classification in archeology: the problem of criteria (on the example of one type of vessels)

Yulia A. Likhter¹, Yulia G. Kokorina²

¹ LLC “Archaeological Surveys in Construction (AIST)”, Moscow, Russian Federation

² Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

¹ likhter@gmail.ru

² kokorina@inbox.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the question of classification criteria for high liquids vessels forming a fuzzy set. The sources for the study were images of vessels belonging to the archaeological era in the catalogues of Russian and foreign museums. In addition, dictionaries and dictionary products in various European modern and ancient languages were used as sources of linguistic information. In the course of the study, the design and shape of individual elements of those types of vessels that can be attributed to the named fuzzy set are considered. A comparative analysis of their names in different languages is carried out. This work is multidisciplinary in nature. It is carried out at the intersection of history and linguistics on the example of one group of vessels and their names. This work is relevant, since it raises the question of the unambiguity of terminology. It is important to use information technologies in linguistics, ethnology, and anthropology. The question of the need to organize the terminology of these vessels in ethnographic, anthropological and archaeological research is raised for the first time in this work. For this purpose, the definitions of pitcher-shaped vessels in different European languages are given. Such signs of vessels that can be attributed to pitchers as stability were identified. It is provided by the expansion of the body downwards and a concave bottom. Sometimes additional elements are used. They are: pallets, footrests, legs with footrests, several legs. The jug should have a massive handle. It is attached so that the jug is easy to hold and turn. In modern vessels, two lateral dents are sometimes replaced. To make it convenient to pour liquid from the jug, a whisk or spout is attached. The liquid that pours out of the jug does not spread over the outer surface thanks to the whisk or spout. The ancient oinohoya deserves special attention in this regard. It is a jug for pouring wine with a mouth that ended with three wide bends of the upper edge outward. This allowed the person who

poured the liquid not to change the position of the hand pour wine from the oinohoya into three bowls arranged in a triangle. Conclusions are drawn about the determining importance of the shape details of individual parts of vessels, identified by changing the contour, and the quality of the manufacturing material. The classification of vessel shapes is performed. The dictionary definitions in different languages of these vessel forms are analyzed. One of the important conclusions is the provision that the forms and their names are not separated in everyday use. The result of the work is the formulation of features that would help to indicate certain names for certain forms, which can help to turn them into terms. The reason for the existing terminological diversity was the fact that the jug is structurally close to the container, and according to etymology is structurally close to drinking vessels.

Keywords: archaeological classification; etymology; fuzzy set; archaeological terminology; Shchapova Julia Leonidovna

For citation: Likhter, Yu.A., Kokorina, Yu.G. (2025) Terminology and classification in archeology: the problem of criteria (on the example of one type of vessels). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 184–193. doi: 10.17223/19988613/94/22

1. Необходимость упорядочения терминологии для создания классификационных систем

В любой науке, особенно в той, в которой частью является описание предмета исследования, важную роль играет система терминов. Особенно настойчиво об этом говорят специалисты в области классиологии. По их мнению, «классификационные системы в ботанике или в минералогии не в меньшей степени заслуживают наименование информационных моделей (в рамках соответствующих языков), чем системы уравнений механики точки или гидродинамики» [1. С. 72]. Для создания таких классификационных систем требуется упорядоченная терминология. В упомянутых ботанике или в минералогии она существует уже длительное время. Так, в ботанике, эта система сложилась в середине XVIII в. благодаря трудам К. Линнея [2], в минералогии первые опыты научного описания минералов относятся к первой половине XVI в. и принадлежат Георгу Агриколе [3. С. 339]; долгий путь прошла система химической номенклатуры.

К сожалению, при изучении древних артефактов, входящих в систему материальной культуры, отсутствует не только общепринятая и упорядоченная терминология, но и потребность в ней. Артефакты такого рода изучаются в первую очередь в археологии, но внимание им уделяется и в культурологии [5]. При этом справедливо утверждение Ю.Л. Щаповой, что «номенклатура и соответствующая терминология распространяются, нужно признать, по “живым” каналам связи, в виде традиции, литературной или устной, и не являются специальной отраслью знания» [6. С. 22]. Ю.Л. Щапова показала, что изучение древних вещей должно быть предметом особого направления, которое она предложила назвать «Вещеведение» [7]. Авторы полагают, что анализ наименований артефактов, базирующийся на исследованиях археологов, может быть интересен также этнологам и культурологам.

Ю.Л. Щапова настойчиво говорила о необходимости терминологической работы в археологии. По ее мнению, необходим особый язык, «который должен быть принят некоторым научным сообществом (после предварительного обсуждения и согласования)... В таких условиях слова лишаются своей многозначности и приобретают значение термина. Область приложения термина определена, что, в свою очередь, исключает употребление синонимов» [7. С. 41]. В этом она следовала

за Ж.-К. Гарденом, предложившим для археологических описаний понятие «документальный язык» и опиравшимся в этом на информатику (русский перевод см.: [8]). «Проблема научного языка, терминов и дефиниций, столь необходимых для фиксации, хранения и обработки информации, больших ее объемов, приобретают неизвестную ранее остроту, особенно в связи с широким применением компьютерных технологий» [7. С. 60].

На кафедре археологии исторического факультета МГУ с 1989 по 2006 г. под руководством профессора Ю.Л. Щаповой работал семинар «Морфология древностей». Основная задача, которую решали его участники, – создание языка описания и алгоритма классификации вещей (библиографию работ по этой теме см.: [9. С. 88]). В какой-то мере такие словари были сведены и упорядочены авторами настоящей статьи [9. С. 299–315; 10].

Упомянутые работы посвящены преимущественно описанию археологических предметов. Названия этих предметов, так называемые «археологические категории», специальному исследованию не подвергались. Между тем здесь царит не меньший разнобой, чем при собственно описании предметов. Это справедливо не только по отношению к археологическим находкам (т.е. предметам, извлеченным из земли в ходе археологических работ), но и к музейным предметам, которые включают и вещи, сохранявшиеся в обиходе и не прошедшие стадии археологизации.

2. Классификация как путь упорядочения знания

Использование термина как элемента научного языка дисциплин, изучающих сосуды, – этнологии, археологии, искусствоведения и др., призвано обеспечить порядок не только в языке, но и в знании.

Человек вносит этот порядок, разделяет, классифицирует, но в реальности мир не дискретен, о чем говорят специалисты-классиологи: «Дело не столько в большом объеме материала, сколько в его разнородности, в неподдающемся учету разнообразии его сторон. Мы отмечали, что именно с этой трудностью связывают многие ученые особую роль классификации в своих науках. Классификацию и осознают в первую очередь как средство “свести” это многообразие к некоторому сравнительно небольшому числу образований» [1. С. 65]. «Надо допустить, что объективная расчлененность и сгруппированность явлений природы не носят абсо-

лютного характера, одни и те же объекты в разных отношениях объективно принадлежат к разным группам и классам [1. С. 81]». Применительно к археологии существование этой проблемы отмечала Ю.Л. Шапова: «Размытость границ между археологическими типами – очевидность, с которой постоянно сталкиваются исследователи» [11. С. 13].

Одной из наиболее распространенных археологических категорий (т.е. групп вещей одинакового назначения) являются сосуды. Появившись в эпоху неолита, они сопровождают жизнь людей на всем земном шаре до наших дней. Можно назвать два опыта упорядочения названий сосудов: античной расписной керамики [12] и изделий из стекла, рассмотренных в ходе работы над «Каталогом анализов древнего стекла Восточной Европы». Об этом проекте см.: [10. С. 67–69; 11. С. 7]. В числе прочего авторы проанализировали названия стеклянных сосудов, используемые разными исследователями и на разных языках. Как видно из составленных авторами таблиц, здесь существует большой разнород, и к одним и тем же предметам применяются различные названия [13. Tab. 5–7].

Как продолжение этих исследований авторы данной статьи проанализировали одну вещевую категорию, входящую в морфофункциональную группу «сосуды» – «кувшины». В.И. Даль определяет кувшин как «глиняный, стеклянный или металлический сосуд, сравнительно высокий, бочковатый, с пережабиною под горлом, с ручкою и носиком, иногда с крышкою» [14. С. 210]. Большое количество конкретных деталей позволяет относить это определение только к кувшинам, современным ему. Более обобщенное определение дает С.И. Ожегов: «...высокий, округлый сосуд с ручкой» [15. С. 267]. Существенно, что автор отказывается от такой детали, как носик, поскольку не у всех сосудов, именуемых кувшинами, он есть. Однако и тут присутствует такая деталь, как округлая форма, хотя тулово кувшина может быть любой формы.

Мы рассмотрели изображения кувшинов, представленные в археологических публикациях [12; 16–21], каталогах музейных коллекций [22–29], антикварных каталогах [30], каталогах выставок [31; 32], монографиях [33–37]. Особенно полезен справочник для описания стеклянных изделий, разработанный международным коллективом [13]. Это дало возможность проанализировать сосуды, именуемые *кувшины* (рус.) или *jug* (англ.) в хронологическом интервале от начала II тыс. до н.э. до начала XX в. У этих сосудов мы определили конструкции в соответствии с классификацией, разработанной Ю.Л. Шаповой. При изучении конструкций сосудов она выделила 10 конструктивных элементов: край, венчик, горло, тулово, дно, поддон, ручка, ножка, подножка и носик. Сосуд – емкость, поэтому его основу составляют элементы, образующие емкость, – тулово, дно и край. Остальные элементы являются дополнительными. Набор возможных конструкций сосудов может быть рассчитан как 2^n , где n – число дополнительных элементов, прибавляемых к основе. В данном случае $n = 7$, т.е. число возможных конструкций – 128 классов. Повторение однотипных элементов (ручек или ножек) может быть отмечено как

подклассы. Например, в классе сосудов с ручками как подклассы могут рассматриваться конструкции с одной, двумя, тремя и более ручками [11. С. 46–47; 38. С. 170–177]. Основываясь на этой классификации, к кувшинам можно относить 46 конструкций, образованных сочетанием основы и ручки с носиком, венчиком, поддоном, ножкой и подножкой. Объединяет их также мерный признак: у всех высота больше диаметра, т.е. они могут быть отнесены к группе высоких сосудов, по определению Ю.Л. Шаповой [39. С. 29]. Таким образом, кувшин можно определить как высокий сосуд с ручкой, предназначенный для жидкостей.

Однако в этих же источниках выявились некоторые формы, которые носят другие названия, но по конструкции сходны с кувшинами и также предназначены для жидкостей. В одних случаях кувшин с двумя ручками называют амфорой, в других – просто «кувшином с двумя ручками»; среди античных сосудов к кувшинам можно отнести сосуды, разные по назначению и иногда по форме, имеющие собственные названия: к столовым относятся ойнохоя, ольпа, лагин (лагос); к туалетным – арибал, алабастр, бомбилий, лекиф. Близки по конструкции к кувшинам бутылки с ручкой, кофейники (кумганы), кружки и даже ритоны с ручкой, среди античных – сосуды для переноски воды – гидрия, урна; конструкцию кувшина имеют пивные кружки (*boccale* (ит.), *bock* (фр.), *chope* (фр.), *Seidel* (нем.), *Tankard* (англ.)). Узкогорлые сосуды с ручкой называют *графинами с ручкой*, *бутылками с ручкой* и т.п.; ручки встречаются также у фляг, флаконов.

3. Названия высоких сосудов для жидкостей в современных и древних языках

Рассмотрим разновидности названий высоких сосудов для жидкостей, используемые как в специальной литературе, так и в бытовом употреблении. Названия предметов в музейной практике во многом зависят от их происхождения. Некоторые названия сохранила историческая память: например, среди предметов столового обихода XVIII–XX вв. помимо собственно «кувшинов» известны кумган, квасник, кофейник, чайник. Названия античных сосудов восстанавливаются по надписям на них и сообщениям древних авторов, а также благодаря исследованиям искусствоведов Нового времени [40]. Однако в собраниях музеев присутствуют и разнообразные сосуды, относящиеся к другим культурам, названия которым зачастую даются по аналогии с известными нам вещами.

Следовательно, помимо конструкции и формы самих изделий необходимо исследовать обозначающие их слова, причем не только в русском, но и в других языках. Выше было приведено наблюдение Ю.Л. Шаповой об отсутствии четких границ между археологическими типами (в археологии под типом понимается «собрание предметов, схожих по назначению, веществу и форме» [41. С. 29]). Точно так же пересекаются названия предметов. Можно констатировать, что названия сосудов для жидкостей образуют нечеткое множество: кувшин–амфора–бутылка–графин–фляга–флакон–кружка (рис. 1).

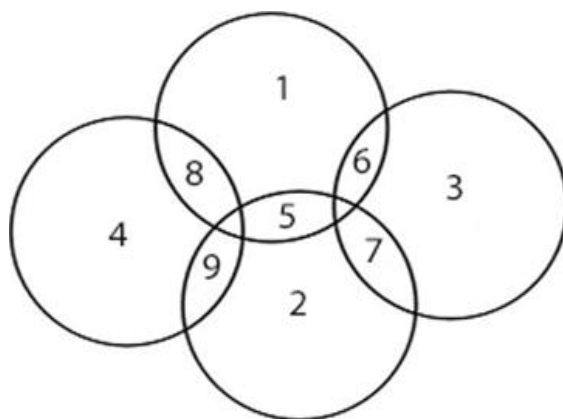


Рисунок 1. Нечеткое множество названий сосудов для жидкостей:

1 – кувшин, кружка с одной ручкой; 2 – амфора с двумя ручками; 3 – графин, штоф без ручки; 4 – бутылка, флакон без ручки; 5 – кувшин с двумя ручками; 6 – графин с ручкой; 7 – графин с двумя ручками; 8 – бутылка с ручкой; 9 – кувшин без ручки

Чтобы разобраться в этом многообразии, мы предлагаем рассмотреть не только конструкции перечисленных видов, но и их названия в различных языках. Неоднозначности конструкций сосудов соответствует неоднозначность названий. В целом можно выделить три вида названий предметов в научной литературе: названия современных предметов в разных языках; древнегреческие названия сосудов, восстановленные по надписям на них. В русскоязычной литературе они были проанализированы и упорядочены В.Д. Блаватским [12]; названия исторических предметов, сохранившихся в музеях, которые известны традиционно, названия в антикварных каталогах

В качестве источников для такого исследования авторы помимо литературы, перечисленной ранее, использовали разнообразные словари – двуязычные [42], толковые [15; 43–45], этимологические [46–55]. Очень полезен многоязычный интернет-словарь ABBY Lingvo, созданный на основе наиболее авторитетных словарей.

В какой-то степени в названиях может помочь разобраться их этимология.

Русский язык. В русском языке для сосудов этого типа за основные можно принять названия *кувшин, графин, бутылка, фляга, флакон, кружка*. Как особые варианты кувшина отметим *кумган, жбан*. Фактически разновидностями кувшина можно считать такие специализированные формы, как кофейник, чайник, молочник, сливочник, квасник. Близки по конструкции, но различаются в употреблении *бутылка* и *графин*. Близкий к ним *штоф* определяют как бутылку с граненным туловом [45. С. 646], но иногда рассматривают как разновидность графина [56. С. 221–222. Рис. 155]. *Фляга (фляжка)* близка по конструкции к бутылкам, но всегда имеет плоское тулово и зачастую ручки. По пропорциям и конструкции с кувшинами можно сблизить некоторые разновидности *кружек*, заодно отметим, что их часто называют *бокалами*. Сюда же можно добавить *крынку*, отличающуюся от кувшина отсутствием ручки, но близкой к нему по пропорциям. Отметим также, что современные конструкторы посуды относят к кувшинам сосуды без ручки, но с двумя боковыми вмятинами, заменяющими ее [56. С. 227. Рис. 163]. В современном русском языке *флаконами* называют небольшие бутылочки, предназначенные для аптечных

и парфюмерных снадобий. По конструкции они разнообразны и иногда больше похожи на графины. В археологической литературе флаконами также называются предшественники графинов – узкогорлые сосуды с округлым туловом на поддоне восточного происхождения [17. С. 9. Табл. III, IV]. Отметим, что в англоязычной литературе их часто называют **decanter**. Стандартный перевод этого слова на русский – графин.

Посмотрим, как это выглядит в других языках.

Английский язык. **Кувшин** обозначается тремя синонимами: **jug, pitcher** и **ewer** [58. С. 217]. В антикварном каталоге приведены разнообразные разновидности кувшинов: *ale or bear jug, magnum claret jug, soda glass jug, wine jug, cream jug* [30. Р. 160–169]. Насколько можно судить, между **jug, pitcher** и **ewer** нет четких формальных различий. **Ewer** определяют как «большой кувшин для воды», однако, к примеру, в каталоге антикварного стекла в разделе **jugs & ewers** [30. Р. 160–169] трудно усмотреть различия даже по приводимым размерам. Столь же мало различаются по формам *ale or bear jug, magnum claret jug, soda glass jug, wine jug, cream jug*. Четче выделяется *decanter jug*, что можно перевести как «графиноподобный кувшин», – в этих случаях сосуд действительно похож на графин, к которому приделали ручку [30. Р. 160]. Отметим кстати, что все специальные названия сочетаются только со словом **jug**, к **pitcher** и **ewer** они не прилагаются.

Такие специальные формы, как чайник (*teapot*) и кофейник (*coffee pot*), скорее, относятся к кухонной посуде, поскольку собственно *Pot* имеет только одно значение – горшок.

Графин – decanter, с синонимом *carafe*.

Бутыль – bottle, carboy, flask, vessel. Самое общее – *bottle*, остальные можно считать специализированными. Так, *carboy* – оплетенная бутылка (для кислот), *flask* – любая небольшая бутылка с узким горлом [59. Р. 531]. Отметим также *Demijohn* – большая оплетенная бутылка. Любопытно, что к бутылкам применяется слово *vessel*, т.е. просто сосуд. Прибавим сюда также **Cruet** – по словарю бутылочка, графинчик для уксуса или масла, восходит к германскому **kruka* (*krug*) [59. Р. 341]. Может иметь форму кувшинчика [26. Р. 40].

Фляга как бутылка для воды обозначается словом *flask*; небольшие плоские фляжки в музейных катало-

гах называются *pilgrim bottle*, т.е. бутылка пилигрима [24. Р. 126].

Флакон определяется как маленькая бутылка, бутылка для духов (*scent-bottle*). Как синонимы приводятся *flask*, *phial*, *vial*. Два последних названия употребляются также для широких мелких сосудов для питья и восходят к греческому *phial* [59. Р. 1068, 1581].

Кружка обозначается словами *mug*, небольшую кружку именуют *noggin*. *Tankard* – пивная кружка, зачастую с крышкой, почти не отличается от кувшинов. В каталоге антикварного стекла кружки помещены в раздел *Mugs & Tankards* [30. Р. 214], однако этим же термином назван кувшинчик, помещенный в раздел *Drinking Glasses Beakers & Rummors* [30. Р. 86].

Немецкий язык. В немецком языке такого разнообразия не наблюдается. Для **кувшина** есть два синонима – *Krug*, *Kanne*. Причем *Krug* имеет значение не только кувшин, но и кружка; *Kanne* переводится как кружка, кувшин; бидон, кофейник, заварочный чайник, фляга (напр. для молока).

Графин – *Karaffe*.

Бутыл, бутылка – *Flasche*, *Ballon*, *Korbflasche* – бутылка в плетенке. *Flasche* используется также, как мера жидкости. Этим же словом обозначаются античные амфоры и кувшины [13. Fig. 7].

Употребление названий *Krug*, *Kanne*, *Flasche* можно проследить по каталогу повседневной посуды XV–XIX вв. [60]. Применительно к бутылкам присутствуют термины *Kugelflasche* – т.е. бутылка с шаровидным туловом [60. № 587, 588]; *Schenkflasche*, возможно, от *Schänke* – кабак, трактир [60. № 591–593]; *Enghals-Kanne* – узкогорлый кувшин [60. № 594, 595]; *Scherzkrug* [60. № 596].

По рисункам на с. 32–33 нельзя отличить словоупотребление *Kanne* и *Krug*. Сосуды совершенно одинаковых форм называются то так, то этак [60. S. 32–33].

Среди бутылок отметим экзотическую форму *Kutrolf* – бутылку с четырьмя горлышками, закрученными спирально. В России его называли *кутрофль* [56. С. 219. Рис. 150, б].

Фляга (походная) – *Feldflasche*; *Flachmann* (карманная, плоская), *Plattflasche* [60, S. 41–46].

Флакон – *Flakon*; *Fläschchen* (бутылочка).

Кружка – *Krug*; *Becher* (бокал) – небольшая кружка; *Schoppen*, *Seidel* – пивная кружка.

Французский язык. Во французском языке имеется три синонима для **кувшина**: *cruche*, *cruchon*, *broc* (бро). Для емкости для молока и воды используется слово *pot* (*pot à lait* (для молока); *pot à eau* (для воды)). Для чайника, кофейника названия построены по модели содержимое сосуда + суффикс (*théière*, *cafétière*). Можно предполагать, что при создании русских слов была заимствована французская модель.

Графин – *carafe*.

Бутылка – *bouteille*; *canette* (пивная), *bocal*.

Фляга – *gourde*, *fiole*.

Флакон – *bocal*, *flacon*.

Кружка – *chope*, *bock* (для пива); *quart* (солдатская).

Сюда же примыкает **pot** – горшок, кувшин; кружка; котелок, чугун; баночка.

Итальянский язык. **Кувшин** имеет три синонима: *brocca*, *cuccuma*, *caraffa*. Употребляется также *boccale* (кружка; кувшин, мера жидких и сыпучих тел (около двух литров)), этим же словом обозначается ночной горшок. Для маленьких кувшинчиков с трубчатым носиком употребляется слово *ampollina* [25. № 21].

Графин – *caraffa*, *caraffina*, синоним – *cuccuma*.

Бутылка – *bottiglia*, *fiasco* (означает также оплетенную бутылку, медицинскую склянку)

Для **фляжек** используется название *fiasco da Pellegrino* [25. № 7].

Флакон – *flacone*, *matraccio*.

Кружка – *boccale*.

Античность. Названия древнегреческих сосудов в русском языке более или менее упорядочены благодаря исследованиям В.Д. Блаватского [12]. Как показывают наблюдения авторов «Принципов описания древнего стекла», в других европейских языках наименования употребляются более свободно [13. Fig. 5–7].

Как видно из каталога В.Д. Блаватского [12], в античности были в ходу многие специализированные высокие сосуды для жидкостей. Для перевозки жидкостей использовали амфоры, для переноски – амфоры и гидрии, к столовым кувшинам относятся ойнохоя, ольпа, лагин (лагос), к туалетным – арибал, алабастр, бомбилий, лекиф.

Среди латинских названий отметим: кувшин – *urceus* [42. С. 1048]; бутылка – *flasca* – сосуд или мех для вина [42. С. 431], и *flasco* – бутылка для вина [42. С. 431], а также туалетные и аптечные флаконы – бальзамарии, унгвентарии (*unguentarium*) [42. С. 1046].

В целом наблюдения над названиями в разных языках показывают ряд особенностей, характеризующих употребление слов, входящих в рассматриваемое семантическое поле:

– В английском, немецком, французском – существуют специальные слова для обозначения пивной кружки: *bock* (фр.), *Seidel* (нем.), *Tankard* (англ.). В итальянском *boccale* употребляется как кружка для пива.

– Во французском *bocal* используется для флакона аналогично тому, как в английском для флакона применяется *phial*, *vial*.

– Во французском и русском языках выделяются сосуды для кофе (*кофейник*, *cafétière*) и чая (*чайник*, *théière*), тогда как в английском для их обозначения используют слово *pot* (одно из значений – *кружка*) – *teapot*, *coffee pot*.

– Можно отметить, что иногда одно и то же слово используется для кувшина и кружки: немецкие *Krug* и *Kanne*, итальянское *boccale*, которое обозначает также ночной горшок. Во французском слово *pot* значит *горшок*, *кувшин*; *кружка*; *котелок*, *чугун*; *баночка*.

– В английском *bottle*, *flask* применяют для античных амфор и кувшинов [13. Tab. 7]; *flask* обозначает также оплетенный кувшин (*jug*).

Некоторые слова в английском, французском, немецком, итальянском языках происходят от латинских слов:

– *Fiasco* (ит.), *Flasche* (нем.), *flask* (англ.) происходят от слова *flasca* поздней латыни, восходящего к латинскому названию сосуда *vasculum* [53. Р. 216].

– *Bottle* (англ.), *bottiglia* (ит.), *бутыль* / *бутылка* (рус.) происходят от латинского *buticula, buttis, butis* – бочка [48. С. 254].

– *Pitcher* (англ.) от латинского *piccarium / becarium* – кувшин, чаша (отсюда же *Beaker*) [59. Р. 1085].

– *Ewer* – от латинского *aquarius* (*aqua* – вода) [59. Р. 486].

– Интересно использование в английском языке для флаконов для духов греческого *Phial* [59. Р. 1068], также в форме *Vial* [59. Р. 1581], при том что первое употребляется и как широкий мелкий сосуд для питья.

Отметим также слова восточного происхождения. В русском языке *кумган* – тюркского происхождения [49. С. 415]; *графин* (древняя форма *корафин*) восходит к арабскому через посредство итальянского–немецкого [48. С. 453]. Можно предположить, что именно так назывались сосуды восточного происхождения, которые в английском языке именуются *decanter*, а в русском – *флакон*, или как калька с английского – *декантер* [57. С. 113].

Интересно, что хотя *бальзамарий* происходит от латинского корня *Balsamum* – благовоние [42. С. 125], это название сосуда для благовоний встречается только в русскоязычной литературе.

4. Конструктивные и функциональные особенности сосудов в зависимости от их назначения

Мы видим, что во всех европейских языках названия сосудов для жидкостей, так же как их формы, пересекаются друг с другом, поэтому нет возможности четко отделить исследуемые виды сосудов друг от друга. Разобраться в этом многообразии нам помогут принципы конструирования, сформулированные в учебнике по изготовлению художественного стекла [56. Гл. 5]. В частности, авторы описывают конструктивные и функциональные особенности сосудов в зависимости от их назначения, которое отражается в конструкции.

Кувшин служит для хранения значительных количеств жидкостей и для разливания их большими порциями [56. С. 222]. Чтобы жидкость при вылипании не растекалась по наружной поверхности, необходим носик или расширение в верхней части сосуда (венчик, по терминологии Ю.Л. Щаповой) [56. С. 217. Рис. 145]. При этом к кувшину относят также сосуды не только без носика, но и без ручки [56. С. 222].

Графины, так же как **бутыли**, предназначены для хранения быстро портящихся на воздухе жидкостей. Поэтому при их конструировании обычно стремятся к тому, чтобы при максимальном объеме площадь соприкосновения жидкости с воздухом внутри графина была наименьшей, т.е. графин должен быть наполнен до самого горлышка, которое специально делается узким [56. С. 216, 217].

Поскольку графины используются зачастую не только для хранения наливок и настоек, но и для их приготовления, то для этих целей лучше использовать графины с крутыми плечами (резкий переход от корпуса к горлу). Плечи могут быть даже несколько промяты внутрь [56. С. 219. Рис. 149, а]. Такой крутой переход будет лучше задерживать ягоды, апельсиновые

корки и другое твердое содержимое графина. Для этой же цели может быть предусмотрено резкое расширение средней части графина [56. С. 219. Рис. 149, б].

Они снабжены чаще всего притертой или корковой пробкой. Стебель пробки и соответствующая ему внутренняя часть горла имеют коническую форму и притираются друг к другу на специальной установке с применением абразивного порошка.

Как кувшины, так и графины должны быть устойчивыми. Устойчивость обеспечивает вогнутое дно, так как при этом сосуд опирается на внешнюю кольцевую кромку дна, т.е. фактически использует всю площадь опоры дна [56. С. 218], а также дополнительные элементы – поддон, подножка.

Чтобы было удобно держать сосуд на весу и разливать из него жидкость, кувшин снабжают ручкой [56. С. 223]. Небольшие ручки иногда добавляют и в конструкцию графина [56. С. 218. Рис. 148].

Как разновидность графинов авторы отмечают **штофы**, обладающие граненым туловом и коротким узким горлышком, которые очень устойчивы и практичны в обращении [56. С. 221. Рис. 155].

У **бутылок** современные дизайнеры выделяют два варианта – столовые и тарные. Столовые родственны графину, отличаются тем, что проще по форме, часто не имеют пробок и поддонов [56. С. 221]. Некоторые бутылки для крепких спиртных напитков имеют расширение на горле [56. С. 233. Рис. 186, д]. Такое расширение способствует более спокойному выливание из горлышка [56. С. 233]. Одним из требований, предъявляемых к винным бутылкам, является наименьшая площадь соприкосновения налитого в них вина с воздухом, находящимся в пространстве между поверхностью вина и пробкой [56. С. 232. Рис. 186, а, б, в]. Отметим, что бутылки как тара для напитков появляются не ранее конца XVII в. [61. Р. 146]. Все более ранние сосуды подобной конструкции относятся к столовой посуде. Тарная бутылка должна иметь форму и конструкцию, обеспечивающие наиболее плотную упаковку при транспортировке. Бутылки для пива, безалкогольных напитков и минеральных вод несколько шире и массивнее бутылок для вина. Они должны выдерживать заметное внутреннее давление, так как многие перечисленные жидкости насыщены газом [56. С. 233. Рис. 186, г].

Горло **флаконов** должно быть очень узким, чтобы не выдыхался аромат и не испарялось содержимое. Кроме того, узкое горлышко позволяет выливать содержимое по каплям [56. С. 231].

Кружки для пива изготавливают высокими, так как в верхней части требуется свободное пространство для поднимающейся пены [56. С. 230. Рис. 181, а]. Ручка максимально приближена к центру тяжести, поскольку полностью налитую кружку нужно держать на весу [56. С. 231].

Фляга не упоминается у названных авторов, но, по словарному определению, это – плоская бутылка для ношения через плечо на ремне, тесьме [15. С. 742]. Следовательно, у нее должны быть ручки для подвешивания и плоское тулово. В некоторых случаях фляжки снабжали оплеткой или кожаным футляром,

тогда ручки на самой фляжке не требовались [60. № 631–640].

Итак, особенности формы и конструкции тесно связаны с назначением сосуда. Их можно сопоставить с реальными сосудами, известными нам по музейным коллекциям и публикациям, а также с названиями, употребляющимися в русском языке, включая названия античных сосудов, ставшие частью русского языка, по крайней мере как термины, используемые в специальной литературе.

По назначению рассматриваемые сосуды разделяются на тарные, столовые, туалетные.

– Для транспортировки жидкостей используются остродонная амфора, бутылка (включая штоф), а также фляга. Для переноски нужны ручки – у амфор их две; древнейшие из известных нам фляг – с тремя ручками [24. Р. 126. № 196]. Фляга предназначена для переноски на теле, иногда на дальние расстояния. Ее тулово должно быть плоским, чтобы плотнее прилегать к человеческому телу. На более древних флягах на плечиках делали ручки-петли, чтобы их подвешивать. Затем, вероятно, не ранее XIX в., фляги стали оплетать различными волокнами или вставлять в кожаный футляр с ремнем.

– Для подачи на стол употребляются кувшины (включая античные разновидности – ойнохоя, ольпа, лагинос [12. С. 50, 51], и специализированные формы – чайник, кофейник, сливочник, молочник), возможно, кумган и его разновидности – квасник, чайник, кофейник, графин (включая штоф), амфора. Столовая посуда должна быть устойчива.

– Для хранения – бутылка, графин, (включая штоф).

– Для личного туалета – кумган и разнообразные флаконы. К ним относятся греческие алабастр, амфориск, арибалл, бомбилий, лекиф и латинские бальзамарий, унгентарий.

Тарная посуда должна быть удобна для укладки. Поэтому тарные амфоры узкие, длинные, с заостренным дном, образующим утолщенную ножку. Тарные бутылки должны быть простыми по форме, чтобы их можно было плотно упаковать, и прочными, чтобы выдерживать длительную транспортировку. Прочность обеспечивает также вогнутое дно.

Подающиеся на стол сосуды должны иметь устойчивое дно. Это либо обеспечивается дополнительными конструктивными элементами – поддоном, подножкой, либо просто дно делают сильно вогнутым внутрь, так что оно контактирует с поверхностью стола не всей плоскостью дна, а кольцом [56. С. 218]. У тарных бутылей вогнутое дно обеспечивает их прочность.

Для кувшинов важны следующие качества сосуда:

1. Устойчивость, которую обеспечивают расширение тулова книзу, вогнутое дно (кольцо скользит меньше), иногда дополнительные элементы – поддоны, подножки, ножки с подножками, на некоторых древних кувшинах их заменяет несколько ножек.

2. Ручка у кувшина должна быть массивной, она крепится так, чтобы кувшин было удобно держать на весу и поворачивать. В настоящее время ручку заменяют двумя боковыми вмятинами [56. С. 227. Рис. 163].

3. Удобство наливания обеспечивают венчик, наклонный наружу, или носик. Благодаря венчику или носику выливаемая жидкость не растекается по наружной поверхности. Изящное решение в этом плане представляет собой античная ойнохоя – одноручный кувшин для разливания вина с весьма своеобразным устройством устья. Оно расходилось широким раструбом, завершавшимися тремя широкими плавными загибами верхнего края наружу. Такая форма устья кувшина позволяла виночерпию, не меняя положения локтя, только наклоняя или поворачивая кисть руки, наливать из ойнохой вино в три расставленные треугольником чаши [12. С. 50. Рис. 1:96].

С эпохи Ренессанса различаются кувшины с двумя ручками и амфора. Судя по изображениям, *амфорами* назывались парадные кувшины с двумя ручками, чаще всего на ножке с подножкой, у которых яйцевидное тулово расширено вверх [27. Р. 55. Fig. 3; Р. 74, 90]. *Кувшинами* же – кувшины с двумя ручками, чаще всего на поддоне, у которых яйцевидное тулово расширено вниз [27. Р. 69] подобно античной пелике [12. С. 40. Рис. 29–32].

Как особую форму, по пропорциям близкую к кувшину, можно выделить **пивную кружку** – она должна быть узкой и высокой, без венчика и носика. **Кружка** предназначена для питья, поэтому ей не нужны венчик, носик, поддон, подножка, зато необходима ручка. Иногда, особенно у кружек для пива, верхняя часть сужается, образуя горло, тем самым обеспечивая пространство для пены.

У графина и бутылки горло должно обеспечивать минимальный контакт жидкости с воздухом. Когда появились притертые пробки, усилились требования к форме горла. Поскольку пробка должна точно подходить к горлу, внутри горло должно иметь идеальную форму.

Как и кувшины, графины и бутылки должны быть устойчивыми, у них также делают вогнутое дно, добавляют поддоны или подножки, однако нам неизвестны графины с ножками. Их также часто снабжают ручками, но эти ручки, как правило, небольшие, предназначены для того, чтобы придерживать сосуд, и не рассчитаны на то, чтобы выдерживать его вес. Если графин используют для приготовления напитков и настоек, у него должен быть резкий переход от тулова к горлу, который лучше задерживает ягоды, апельсиновые корки и другое твердое содержимое графина. Этой же цели служит резкое расширение средней части графина.

Как промежуточный вариант между графинами, бутылками и флягами можно выделить **штоф**. Хотя название восходит к немецкому Stoff, как особая форма они выделяются только в русском языке. Это – граненные бутылки с невысоким горлом. Штофы из простого стекла, по-видимому, употреблялись для розлива водки в кабаках, более изящные штофы представляют собой вариант графина [56. С. 221–222. Рис. 155], уплощенные штофы брали с собой в дорогу, устанавливая их в специальную шкатулку [35. С. 98–99. Рис. 36, а; 60. № 626, 627].

Бутылки, так же как графины, предназначены для хранения и подачи на стол быстро портящихся на воз-

духе жидкостей. Они делятся на два вида – столовые и тарные. Столовые отличаются от графинов тем, что проще по форме. Тарные бутылки делают из естественно окрашенного стекла темных оттенков, чтобы предохранить содержимое от вредного воздействия солнечных лучей.

Парадные бутылки и штофы по конструкции от тарных не отличаются, но можно отметить большие отличия в качестве материала. Так, парадные бутылки более нарядны, керамические – из поливной керамики, стеклянные – часто из цветного стекла или украшены разноцветным декором.

Упомянем также старонемецкую бутылку Kutrolf – с несколькими спирально закрученными горлышками. Полагают, что это обеспечивает более равномерное и медленное выливание жидкости. Кутрольфы использовали при поездках в каретах и прочих повозках [62].

У сосудов, которые использовались для ухода за телом, можно отметить следующие особенности: для умывания удобен трубчатый носик (как, например, у кумгана); у античных сосудов для туалетных масел (арибалл, алабастер, бомбилий, лекиф) имеется широкий горизонтальный венчик [12 С. 52–53], чтобы удобно было размазывать масло для умощения кожи.

Флакон – небольшая бутылочка с узким горлом для аптечных или туалетных жидкостей. Иногда на горле делают желобчатый носик, облегчающий выливание. Античные флаконы иногда снабжены плоским горизонтальным венчиком, предназначенным для растирания вылитой жидкости, как правило, масла (арибалл, бомбилий, лекиф).

Заключение

Рассмотрение конструкции сосудов, а также изучение их наименований демонстрируют отсутствие чет-

ких различий в этой сфере. При этом «смыслоразличающее» значение имеют детали формы отдельных конструктивных элементов, а также качество материала. Отметим также, что кувшин по конструкции близок к тарным сосудам, а по этимологии – к сосудам для питья.

Детальное рассмотрение сосудов, входящих в сформулированное множество – высокие закрытые, с точки зрения конструкции в целом и формы отдельных конструктивных элементов, их назначения и правил конструирования, а также связанной с ними лексики в различных языках помогло в какой-то степени упорядочить знание о них. К сожалению, этого упорядочения пока недостаточно, чтобы превратить упорядоченные названия в четкие термины.

Авторы полагают, что в современных исследованиях в области истории, этнологии, археологии, дизайна и других областей знания, использующих наименования сосудов, относящихся к классу высоких закрытых, выбрать необходимое название из исследованного нами нечеткого множества помогут признаки, описывающие форму отдельных конструктивных элементов. Исключением здесь являются названия «кувшинообразных» форм античных сосудов, но в античной культуре был выработан стандарт форм и пропорций сосудов, который отразился в терминологии. Поэтому названия античных сосудов, в отличие от прочих, могут рассматриваться как термины.

Как показывает изучение этимологии названий сосудов, образующих семантическое поле кувшина, она восходит в подавляющем большинстве случаев к наименованиям античной посуды. Изучение путей, по которым проходила идея, отраженная в этимологии, к воплощению в реальном сосуде, обозначенном словом русского или какого-либо из рассмотренных европейских языков, может быть дальнейшим развитием данной темы.

Список источников

1. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск : Наука, 1986. 222 с.
2. Линней К. Философия ботаники. М. : Наука, 1989. 451 с.
3. Минералогия : энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1896. Т. 37. С. 339–341.
4. Химическая номенклатура : энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1903. Т. 73. С. 205–213.
5. Свод этнографических понятий и терминов. М. : Наука, 1989. Т. 3: Материальная культура. 224 с.
6. Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 142 с.
7. Щапова Ю.Л. Естественнонаучные методы в археологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 150 с.
8. Гарден Ж.К. Теоретическая археология. М. : Прогресс, 1983. 295 с.
9. Лихтер Ю.А. Вещественный источник и база данных – принципы взаимодействия. М. : ТМ Продакшн, 2015. 414 с.
10. Кокорина Ю.Г. Словарь археологического вещеведения. М. : Новый хронограф, 2017. 543 с.
11. Щапова Ю.Л. Древнее стекло : морфология, технология, химический состав. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. 120 с.
12. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. 301 с.
13. Principes de description des verres anciens depuis les temps les plus recules jusqu' au XIIIe siecle de n.e. Warszawa–Torun : Wydawnictwo DiG, 2002. 218 p.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ГИС, 1955. Т. 2. 779 с.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1984. 796 с.
16. Алексеева Е.М., Амброс А.К., Арсеньева Т.М. и др. Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред. Г.А. Кошеленко и др. М. : Наука, 1984. 392 с. (Археология СССР).
17. Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л. : Наука, 1968. 26 с.
18. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М. : Наука, 1991. 140 с. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д 1–7).
19. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М. : Наука, 2003. 532 с. /Археология СССР.
20. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. : Наука, 1968. 123 с.
21. Ein Hurrpaeum an der Grenze. Das Grab Varrese. Canosa di Puglia : Serimed, 2010. 107 S.
22. Ашарина Н.А. Русское стекло XVII – начала XX вв. М. : Галарт, 1998. 255 с.
23. Дулькина Т.И. Русский художественный фаянс 18–20 веков. М. : Внешторгиздат, 1984. 40 с.
24. The museum of Anatolian civilisations. Ankara : Doenmez offset, 2010. 255 p.

25. Balboni Brizza M.T. Vetri. Museo Poldi Pezzoli. Milano. Le guide del Museo. Milano, 1991. 96 p.
26. Dorigato A. The Glass Museum. Venice : Marsilio Editori, 2006. 111 p.
27. Guida al Museo internazionale delle ceramiche in Faenza. Faenza : Emil edizione, 2016. 188 p.
28. Kunina N. Ancient glass in the Hermitage collection. SPb. : The State Hermitage arts publishers Ltd., 1997. 340 p.
29. Sakellarkis J.A. Herakleon. Das arhaeologishe Museum. Einbildfuerer. Athen, 2005. 144 S.
30. Miller's glass buyer's guide. London : Octopus Publishing group Ltd., 2004. 320 p.
31. Древнее искусство греческих островов Эгейского моря : каталог выставки. М. : ГМИИ им. Пушкина, [1981].
32. Троя и Фракия : Каталог выставки. М. : Госизопропаганда, 1983. 103 с.
33. Даркевич В.П. Художественный металл востока. М. : Наука, 1976. 195 с.
34. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения, Отд. Древнего Востока. М. : Наука, 1988. Т. 2. 622 с.
35. Рожанківський В.Ф. Українське художнє скло. Київ : Изд-во АН УССР, 1959. 52 с.
36. Lexicon der Antike. Leipzig : Bibliogr. Institut, 1982. 639 S.
37. Vavra J. Das Glas und die Jahrtausende. Praga : Artia, 1954. 198 S.
38. Щапова Ю.Л. Программа изучения керамики // Древнерусская керамика. М. : Наука, 1992. С. 170–179.
39. Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Замечания и пояснения к машинной версии программы «Сосуды» // Артефакт, программный продукт по археологии. М. : СП Диалог, центр в МГУ, 1991. С. 3–33. (Не опубликовано, существует в виде руководства к программе).
40. Эволюция древнегреческой вазописи // Искусствед.ру. 2016. URL: <https://iskusstvoed.ru/2016/02/01/jevoljucija-drevnegrechskoj-vazopisi/>
41. Городцов В.А. Типологический метод в археологии. М. : Ин-т археологии РАН, Гос. Исторический Музей, 1995. Т. 1: 1917–1933. С. 27–30. (Антология советской археологии).
42. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус. язык, 1976. 1096 с.
43. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ГИС, 1955. Т. 1. 669 с.
44. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ГИС, 1955. Т. 3. 555 с.
45. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ГИС, 1955. Т. 4. 683 с.
46. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М. : ГИС, 1959. Т. 1: А–О. 718 с.
47. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М. : ГИС, 1959. Т. 2: П–Я. 1284 с.
48. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.
49. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986. Т. 2. 676 с.
50. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
51. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
52. Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique du français. Paris : Larousse, 1982. 804 p.
53. Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by C.T. Onions. Oxford : Clarendon Press, 1996. 1025 p.
54. Robert P. Dictionaire alphabetique et analogique de la langue française : en 6 vols. Deuxième edition. Paris : Société du Nouveau Littre, 1953–1964.
55. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von Elmar Seebold. Berlin ; New York : De Gruyter, 1999. LXIV, 921 S.
56. Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л. Изготовление художественного стекла. М. : Высшая школа, 1987. 303 с.
57. Кузина И.Н., Зейфер В.А., Янишевский Б.Е. Из новых находок стеклянных сосудов в Перяславле Залесском // Археология Подмосквья. 2017. № 13. С. 110–116.
58. Таубе А.М. Литвинова А.В., Миллер А.Д., Даглиш Р.С. Русско-английский словарь. М. : Рус. язык, 1991. 624 с.
59. Webster's new world dictionary. New York : Simon & Shuster, 1982. 1692 p.
60. Schaich B., Schaich D. Glass des Alltags. Muenchen : Birgit + Dieter Schaich, 2012. 103 S.
61. McNulty R.H. European green glass bottles of the seventeenth and eighteenth centuries: a neglected area of study // Annales du 5 congres international d'Etude Historique du verre, Prague, 6–11 juleit 1970. Liege, 1970. P. 145–152.
62. The Merchant venturers. URL: https://www.themerchantventurers.co.uk/index.php?main_page=product_info&cPath=7_9&products_id=51

References

1. Rozova, S.S. (1986) *Klassifikatsionnaya problema v sovremennoy nauke* [The Classification Problem in Modern Science]. Novosibirsk: Nauka.
2. Linnaeus, K. (1989) *Filosofiya botaniki* [Philosophy of Botany]. Translated from German. Moscow: Nauka.
3. Andreevskiy, I.E. (1896) *Mineralogiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Mineralogy: An Encyclopedic Dictionary]. Vol. 37. St. Petersburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. pp. 339–341.
4. Andreevskiy, I.E. (1903) *Khimicheskaya nomenklatura: entsiklopedicheskiy slovar'* [Chemical Nomenclature: An Encyclopedic Dictionary]. Vol. 73. St. Petersburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. pp. 205–213.
5. Bromley, Yu.V. & Shtrobakh, G. (eds) (1989) *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov* [A set of ethnographic concepts and terms]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
6. Shchapova, Yu.L. (2000) *Vvedenie v veshchevedenie* [Introduction to Material Science]. Moscow: Moscow State University.
7. Shchapova, Yu.L. (1988) *Estestvennonauchnye metody v arkheologii* [Natural Scientific Methods in Archeology]. Moscow: Moscow State University.
8. Garden, J.K. (1983) *Teoreticheskaya arkheologiya* [Theoretical Archaeology]. Translated from English. Moscow: Progress.
9. Lighter, Yu.A. (2015) *Veshchestvennyy istochnik i baza dannykh – printsipy vzaimodeystviya* [Material Source and Database – Principles of Interaction]. Moscow: TM Prodakshn.
10. Kokorina, Yu.G. (2017) *Slovar' arkheologicheskogo veshchevedeniya* [Dictionary of Archaeological Material Science]. Moscow: Novyy khronograf.
11. Shchapova, Yu.L. (1989) *Drevnee steklo: morfologiya, tekhnologiya, khimicheskiy sostav* [Ancient Glass: Morphology, Technology, Chemical Composition]. Moscow: Moscow State University.
12. Blavatskiy, V.D. (1953) *Istoriya antichnoy raspisnoy keramiki* [History of Ancient Painted Ceramics]. Moscow: Moscow State University.
13. Dekowna, M. & Olczak, J. (2002) *Principes de description des verres anciens depuis les temps les plus recules jusqu' au XIIIe siecle de n.e.* Warszawa; Torun: Wydawnictwo DiG.
14. Dal, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. Moscow: GIS.
15. Ozhegov, S.I. (1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Alekseeva, E.M., Ambroz, A.K., Arsenieva, T.M. et al. (1984) *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient States of the Northern Black Sea Region]. Moscow: Nauka.
17. Gurevich, F.D., Dzhanpoladyan, R.M. & Malevskaya, M.V. (1968) *Vostochnoe steklo v Drevney Rusi* [Eastern Glass in Old Rus']. Leningrad: Nauka.
18. Dashevskaya, O.D. (1991) *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in Crimea]. Moscow: Nauka.
19. Makarova, T.I. & Pletneva, S.A. (eds) (2003) *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka* [Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th–13th centuries]. Moscow: Nauka.
20. Rozenfeldt, R.L. (1968) *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv.* [Moscow Ceramic Production of the 12th–18th Centuries]. Moscow: Nauka.

21. Anon. (2010) *Ein Hyppageum an der Grenze. Das Grab Varrese*. Canosa di Puglia: Serimed.
22. Asharina, N.A. (1998) *Russkoe steklo XVII – nachala XX vv.* [Russian Glass of the 17th – Early 20th Centuries]. Moscow: Galart.
23. Dulkina, T.I. (1984) *Russkiy khudozhestvennyy fayans 18–20 vekov* [Russian Art Faience of the 18th–20th Centuries]. Moscow: Vneshtorgizdat.
24. Temizer, R. (2010) *The Museum of Anatolian Civilisations*. Ankara: Doenmez offset.
25. Balboni Brizza, M.T. (1991) *Vetri. Museo Poldi Pezzoli. Milano. Le guide del Museo*. Milano: [s.n.].
26. Dorigato, A. (2006) *The Glass Museum*. Venice: Marsilio Editori.
27. Anon. (2016) *Guida al Museo internazionale delle ceramiche in Faenza*. Faenza: Emil edizione.
28. Kunina, N. (1997) *Ancient Glass in the Hermitage Collection*. St. Petersburg: The State Hermitage Arts Publishers Ltd.
29. Sakellarkis, J.A. (2005) *Herakleon. Das archaologische Museum*. Athen: Einbildfueller.
30. Hayhurst, J. (2004) *Miller's Glass Buyer's Guide*. London: Octopus Publishing Group Ltd.
31. Korovina, A.K. & Sidorov, N.A. (eds) (1981) *Drevnee iskusstvo grecheskikh ostrovov Egeyskogo morya: katalog vystavki* [Ancient Art of the Greek Islands of the Aegean Sea]. Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts.
32. Korovina, A.K. (ed.) (1983) *Troya i Frakiya: Katalog vystavki* [Troy and Thrace: The exhibition catalogue]. Moscow: Gosizopropaganda.
33. Darkevich, V.P. (1976) *Khudozhestvennyy metall vostoka* [Artistic Metal of the East]. Moscow: Nauka.
34. Bongard, G.M. (ed.) (1988) *Istoriya Drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii* [History of the Ancient East. The Origin of the Most Ancient Class Societies and the First Centers of Slave-Owning Civilization]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
35. Rozhankivskiy, V.F. (1959) *Ukrains'ke khudozhne sklo*. Kiiv: USSR AS.
36. Irmischer, J. (1982) *Lexicon der Antike*. Leipzig: Bibliogr. Institut.
37. Vavra, J. (1954) *Das Glas und die Jahrtausende*. Praga: Artia.
38. Shchapova, Yu.L. (1992) *Programma izucheniya keramiki* [Program for studying ceramics]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Drevnerusskaya keramika* [Old Russian Ceramics]. Moscow: Nauka. pp. 170–179.
39. Lighter, Yu.A. & Shchapova, Yu.L. (1991) *Zamechaniya i poyasneniya k mashinnoy versii programmy "Sosudy"* [Notes and explanations on the machine version of the program "Vessels"]. In: *Artefakt, programmnyy produkt po arkheologii* [Artefact, software product for archaeology]. Moscow: SP Dialog, tsentr v MSU. pp. 3–33.
40. Anon. (2016) *Evolutsiya drevnegrecheskoy vazopisi* [Evolution of Ancient Greek Vase Painting]. [Online] Available from: <https://iskusstvoed.ru/2016/02/01/jevoljucija-drevnegrecheskoj-vazopisi/>
41. Gorodtsov, V.A. (1995) *Tipologicheskiy metod v arkheologii* [Typological Method in Archeology]. Vol. 1. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, State Historical Museum. pp. 27–30.
42. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
43. Dal, V.I. (1955a) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow: GIS.
44. Dal, V.I. (1955b) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: GIS.
45. Dal, V.I. (1955c) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: GIS.
46. Preobrazhenskiy, A.G. (1959a) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: GIS.
47. Preobrazhenskiy, A.G. (1959b) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow: GIS.
48. Fasmer, M. (1986a) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Progress.
49. Fasmer, M. (1986b) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Progress.
50. Fasmer, M. (1987a) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Progress.
51. Fasmer, M. (1987b) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Progress.
52. Dauzat, A., Dubois, J. & Mitterand, N. (1982) *Nouveau dictionnaire étymologique et historique du français*. Paris: Larousse.
53. Onions, C.T. (ed.) (1996) *Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Clarendon Press.
54. Robert, P. (1953–1964) *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française: en 6 vols*. Deuxième édition. Paris: Société du Nouveau Littre.
55. Kluge, F. (1999) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin; New York: De Gruyter.
56. Lantsetti, A.G. & Nesterenko, M.L. (1987) *Izgotovlenie khudozhestvennogo stekla* [Production of Art Glass]. Moscow: Vysshaya shkola.
57. Kuzina, I.N., Zeyfer, V.A. & Yanishevskiy, B.E. (2017) *Iz novykh nakhodok steklyannykh sosudov v Peryaslavl-Zalesskom* [From New Finds of Glass Vessels in Peryaslavl-Zalessky]. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 13. pp. 110–116.
58. Taube, A.M. Litvinova, A.V., Miller, A.D. & Daglish, R.S. (1991) *Russko-angliyskiy slovar'* [Russian-English Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
59. Simon and Schuster. (1982) *Webster's New World Dictionary*. New York: Simon & Shuster.
60. Schaich, B. & Schaich, D. (2012) *Glass des Alltags*. München: Birgit + Dieter Schaich.
61. McNulty, R.H. (1970) *European green glass bottles of the seventeenth and eighteenth centuries: a neglected area of study*. *Annales du 5 congrès international d'Etude Historique du verre*. Prague, 6–11 juillet, 1970. Liege. pp. 145–152.
62. *The Merchant Venturers*. [Online] Available from: https://www.themerchantventurers.co.uk/index.php?main_page=product_info&cPath=7_9&products_id=51

Сведения об авторах:

Лихтер Юлия Абрамовна – кандидат исторических наук, советник по науке ООО «Археологические изыскания в строительстве (АИСТ)» (Москва, Россия). E-mail: likhter@gmail.ru

Кокорина Юлия Георгиевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: kokorina@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Lighter Yulia A. – Candidate of Historical Sciences, Scientific Adviser of LLC “Archaeological Surveys in Construction (AIST)” (Moscow, Russian Federation). E-mail: likhter@gmail.ru

Kokorina Yulia G. – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kokorina@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 24.08.2021; accepted for publication 01.04.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья
УДК 37.018.46
doi: 10.17223/19988613/94/23

Система повышения квалификации в контексте «третьей роли» высшей школы СССР

Виктор Владимирович Расколец

Томский государственный университет, Томск, Россия, predator-101@mail.ru

Аннотация. На основе анализа нормативных правовых актов исследуется процесс институционализации системы повышения квалификации в СССР. Концептуальной основой исследования является «третья роль» высшей школы. Делается вывод, что система повышения квалификации в СССР институционализируется в 1960-е гг. В годы перестройки предпринимается попытка создания системы на основе концепции непрерывного образования, однако процесс прерывается с распадом СССР. Отмечается необходимость дальнейших исследований для определения места высшей школы в системе повышения квалификации и значения ее для общества.

Ключевые слова: третья роль, третья миссия, система повышения квалификации, дополнительное профессиональное образование, непрерывное обучение, советские вузы

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048 «Разрывы и преемственность в истории российских университетов. XVIII–XXI века».

Для цитирования: Расколец В.В. Система повышения квалификации в контексте «третьей роли» высшей школы СССР // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 194–206. doi: 10.17223/19988613/94/23

Original article

System of advanced training in the context of the “third role” of higher education in the USSR

Viktor V. Raskolets

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, predator-101@mail.ru

Abstract. The article examines the process of institutionalization of the advanced training system in the USSR based on the analysis of regulatory legal acts. The conceptual basis of the study is the “third role” of higher education. The third role is understood as the activity of universities focused on the needs of public institutions, going beyond teaching and science. The aim of the study is to characterize the processes of institutionalization of the advanced training system in Soviet Russia and the USSR and some results of activities in this direction. The methods are put forward and the sources of the study are determined: the synchronous and diachronic historical-comparative method, which is applied to the regulatory legal acts of the USSR. The stages of institutionalization of the advanced training system are distinguished. The first stage (1918-1958) is characterized by the emergence of the first institutes in the field of advanced training, the designation of key social groups (ordinary specialists, industry managers, teachers, doctors, etc.). However, advanced training, having covered different social groups, did not become a coherent unified system, and the compensatory and adaptive functions prevailed in the training itself. It is emphasized that advanced training as an independent area of education is institutionalized in the personnel training system in the 1960s. The formation of the advanced training system itself is completed, covering the main institutions, types of activities, goals and results of training and resources for implementation. It is noted that during the years of perestroika, an attempt was made to reorganize the advanced training system, which combined (to a certain extent contradictory) principles of continuous education and the utilitarian needs of the state to accelerate the economy, but this attempt failed due to the imminent collapse of the USSR. In conclusion, the work concludes that further scientific research is needed in this area to more accurately determine the place of higher education in the advanced training system and its role in society.

Keywords: third role, third mission, professional development system, additional professional education, lifelong learning, Soviet universities

Acknowledgements: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2024-0008.

For citation: Raskolets, V.V. (2025) System of advanced training in the context of the “third role” of higher education in the USSR. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 194–206. doi: 10.17223/19988613/94/23

Введение

Если попытаться упрощенно отобразить роли высших учебных заведений (например, университетов) в жизни общества и государства, то первой станет образование и подготовка кадров, а второй (начиная с XIX в.) – проведение научных исследований. Именно исследовательский университет, неразрывно сочетающий образование и науку, многими в российской высшей школе воспринимается в качестве эталона. Однако если нас спросят: всегда ли университет только преподавал и проводил научные исследования, наш ответ, скорее всего, будет отрицательным. Уже средневековые университеты играли значительную роль в становлении и развитии городов [1]. Университеты XIX в. не только обучали и проводили научные исследования, но также активно формировали национальную культуру, идентичности национальных государств. С конца XIX в. университеты в наиболее развитых странах мира не только проводили исследования, но и активно участвовали во внедрении научных результатов в промышленность.

Однако лишь на рубеже XX–XXI вв. исследователи стали признавать наличие «третьей», или общественной, роли, которую высшие учебные заведения стали играть наряду с двумя первыми. Своеобразной предтечей к этому повороту в восприятии высших учебных заведений стала работа американского экономиста и академического управленца Кларка Керра «Использование университета», опубликованная в 1963 г. и выдержавшая пять переизданий [2]. В ней К. Керр ввел термин «мультиуниверситет», чтобы определить, как менялись и меняются роли университетов в соответствии с требованиями общества в экономическом и культурном плане. Но зарождение тематики как отдельного направления приходится на 1990-е гг.

В России о «третьей роли» университетов постепенно стали задумываться начиная с 2000-х гг. На сегодняшний день «третья роль» (или «третья миссия») как понятие становится своеобразным трендом в дискурсе российских вузов. Принимаются программные документы, в которых закрепляется ответственность университетов перед обществом, внедряются рейтинги, создаются центры третьей роли [3–5]. Несмотря на это исследователи Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов и М.М. Юдкевич в монографии «Университеты в России: как это работает» констатировали «дефицит ощущения третьей миссии как в местных сообществах, так и в государстве в целом» [6. С. 14].

В отношении научных работ исторического характера «дефицит ощущения третьей миссии» наблюдается особенно отчетливо. Нельзя не согласиться с исследователями Д.Е. Шандалой и М.В. Грибовским, отметившими, что «в настоящее время феномен третьей

роли применительно к университетскому прошлому только начинает исследоваться» [7. С. 67].

Такое положение обусловлено в первую очередь тем, что «третья роль» – это современное понятие, не имеющее аналогов в истории. Более универсальным являлось бы понятие «социальное участие», которое на разных этапах истории зависело от потребностей государства и общества и воплощалось по-разному. Поэтому осмысление социального участия советских высших учебных заведений в качестве самостоятельного феномена требует отдельного исследования.

Плодотворное применение понятия третьей роли применительно к истории неизбежно требует корректной операционализации. Сложности вытекают из неустоявшегося определения самой «третьей роли» ввиду различного видения высшего образования со стороны исследователей. Мы придерживаемся определения, схожего с тем, что использует исследователь С.Э. Сорокин [8]. Третья роль – это ориентированная на потребности общественных институтов деятельность университета, выходящая за пределы преподавания и науки.

В центре настоящего исследования – одно из направлений деятельности вуза в рамках «третьей роли», которое исследователи обозначают как «повышение квалификации». Цель работы заключается в том, чтобы охарактеризовать процесс институционализации системы повышения квалификации в Советской России и СССР и некоторые результаты деятельности в данном направлении. Достижение этой цели является предварительным условием для выполнения других, более актуальных (применительно к концепции третьей роли) задач: определения места данного понятия в деятельности советского вуза и определения места советских вузов в системе повышения квалификации в СССР и др.

Теоретические и методологические рамки исследования

По направлениям деятельности третья роль высшей школы обычно распадется на такие виды, как просветительская деятельность, консультирование, повышение квалификации и коммерциализация (внедрение) научных результатов. Рассмотрение «третьей роли» в условиях специфики СССР неизбежно накладывает на каждый из этих видов деятельности свой отпечаток. Если специфика просветительской деятельности лежит в области изучения советской идеологии, консультирование и внедрение – в области исследования советской науки и изобретательства, то повышение квалификации – это, прежде всего, область, связанная с образованием и педагогикой. Известный советский и российский методолог П.Г. Щедровицкий отмечал: «...мы испытываем трудности в анализе деятельности

по повышению квалификации и зачастую не можем отделить процессы повышения квалификации от процессов обучения и подготовки кадров; а это, в свою очередь, означает, что у нас до сих пор нет адекватного представления о квалификации как таковой» [9].

Одно из центральных положений в его работе – это тезис о историчности самого понятия «квалификация», его зависимости от социокультурного контекста: «Изменение квалификационной карты социума – процесс постоянный; профессия инженера “сегодня” существенно отличается от того, что было “вчера”. Во многом это происходит в силу различия квалификации, т.е. рефлексивно-понимающего обеспечения самой специализированной деятельности» [9]. Далее в тексте мы увидим наглядное отражение этого тезиса.

Изучение использования понятия «повышение квалификации» в научных трудах довольно скоро приводит к ряду умозаключений. «Повышение квалификации», под которым исследователи понимают процесс, направленный «на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации» [10. С. 10], оказывается включенным в более обширное понятие – «дополнительное профессиональное образование» в качестве средства его осуществления. «Дополнительное образование», в свою очередь тесно связано с понятием «непрерывного образования» (lifelong learning). История возникновения этих понятий отражает рефлексию общества о месте обучения в жизни человека. В данном исследовании мы попытаемся рассматривать вышеназванные понятия в их непосредственной взаимосвязи.

Процесс институционализации повышения квалификации предлагается рассматривать через призму применения синхронного и диахронного историко-сравнительных методов преимущественно на основе нормативных правовых актов СССР. Внимательное сопоставление и анализ документов позволяют охарактеризовать этапы становления и развития повышения квалификации. Повышение квалификации рассматривается в соответствии с принципом системности. Под системой повышения квалификации мы будем понимать совокупность институтов на определенном этапе исторического развития, осуществляющую различные способы повышения квалификации, регулируемую и стимулируемую нормативными правовыми актами, характеризующуюся организационным и содержательным единством, преемственной взаимосвязью.

Место высшей школы среди других институтов, осуществляющих повышение квалификации, может быть определено лишь в общих чертах и заслуживает отдельного научного исследования.

Результаты исследования

Анализ нормативных правовых актов позволяет выделить три этапа в институционализации советской системы повышения квалификации.

I этап (1918–1958). Первый этап характеризуется становлением повышения квалификации как устойчи-

вой практики в Советской России и СССР. Ее отличают определенная степень неотрефлексированности, бессистемности и утилитарное подчинение нуждам задач народного хозяйства. В обучении преобладает компенсаторная функция (особенно для 1920-х гг.), направленная на компенсирование знаний, прежде недополученных частично или вовсе, затем адаптирующая функция, призванная адаптировать специалиста к уровню современных знаний и умений. Для периода характерен ведомственный принцип управления повышением квалификации, в особенности с начала 1930-х до середины 1940-х гг.

К концу 1920-х гг. положение с квалифицированными кадрами в России осложнилось. Войны и революции унесли жизни большого числа квалифицированных рабочих кадров. Социально-экономический кризис «военного коммунизма» и последовавший за ним НЭП привели к дезурбанизации российских городов и усилению безработицы (до 20%). Положение усугублялось необразованностью подавляющей части общества: на момент Октябрьской революции 70–75% населения были неграмотными (в городах этот процент был, разумеется, ниже).

В этих условиях подавляющую часть рабочих России в первые годы советской власти можно считать, скорее, неквалифицированными кадрами. Это понимало и советское правительство. В 1918 г. было введено общее и профессиональное обязательное обучение для подростков, работающих на фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных и других предприятиях. 20 июня 1919 г. был подписан декрет «О мерах распространения профессионально-технических знаний» [11], в соответствии с которым выдвигалась задача массового распространения профессионально-технических знаний и умений. В июле 1920 г. вышел декрет «Об учебной профессионально-технической повинности» [12], который вводил обязательное обучение для всех рабочих от 19 до 40 лет.

29 января 1920 г. при Наркомпросе был образован Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр). Летом 1920 г. при Главпрофобре решением СНК РСФСР был организован специальный отдел образования рабочих (ОПОР), подотчетный ВЦСПС и Главпрофобру, имеющий на местах соответствующие секции (секпоры) [13. С. 13]. В ведении Главпрофобра находилось и повышение квалификации рабочих, которое осуществлялось, прежде всего, на профессионально-технических курсах и в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Последние стали одной из основных форм профессиональной подготовки и повышения уровня квалификации рабочих в 1920–1940-е гг. Несмотря на предпринятые усилия, результаты в конце 1910-х – первой половине 1920-х гг. были более чем скромными. По данным С.Я. Батышева, в 1925 г. удельный вес квалифицированных и высококвалифицированных рабочих в промышленности СССР составлял всего 15% [14. С. 33].

В начале 1930-х гг. система профессионального образования и повышения квалификации оказалась реорганизована по тем же принципам, что и высшая школа. Школы ФЗУ были переданы в ведение пред-

приятий по отраслевому принципу. В результате была утрачена возможность создания единого государственного подхода к организации и содержанию профессионально-технического образования, а также планированию подготовки квалифицированных рабочих на перспективу. Попытки разработать единую систему дополнительного обучения рабочих на производстве за счет создания Межведомственной комиссии, состоящей из представителей Наркомпроса, ВСНХ, НКПС, профсоюзов и других организаций, несмотря на вариативность и гибкость форм подготовки (включая повышение квалификации и переподготовку), не дали необходимых результатов, и в начале 1940-х гг. система профессионального обучения вновь была реорганизована. 2 октября 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета «О государственных трудовых резервах СССР» [15] в стране были организованы ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО. Эта система с небольшими изменениями просуществовала до 1958 г.

Анализ развития института профессионального образования рабочих на первом этапе позволяет прийти к выводу о размытости между понятием «повышение квалификации» и понятием «обучение». Эта размытость стала следствием состояния, когда подавляющая часть рабочих в Советской России, а затем и СССР не являлась квалифицированными специалистами. В этих условиях большая часть форм организации осуществляла функции обучения наряду с функцией повышения квалификации. Повышение требований к специализации и уровню образования специалистов, обозначившихся с начала развертывания индустриализации, еще в большей степени размыло разницу между этими понятиями. В то же время обучение рядовых специалистов на данном этапе проводилось преимущественно вне стен вузов, на базе самих промышленных предприятий. Целью созданных рабфаков все-таки являлось не повышение квалификации рабочих, а их подготовка к поступлению в вуз.

Более ощутимым разделением между образованием и повышением квалификации стало для группы руководящих работников. Уже в 1921 г. открываются курсы повышения квалификации красных хозяйственников в Нижегородской области, а в 1925 г. при Ленинградском областном совете народного хозяйства.

Наряду с этим возникает система промышленных академий. В 1927 г. приступила к работе первая Промышленная академия в Москве, а в 1932 г. в 11 академиях обучались 2 370 хозяйственников. В исследованиях подчеркивается, что промышленные академии являлись следующей ступенью обучения после рабфаков, однако ни по своему профессиональному составу, ни по целям они не являлись взаимосвязанными [16. С. 68]. Промакадемии были предназначены преимущественно для руководителей промышленных предприятий. Их задачами стали предоставление базового образования, повышение квалификации, обеспечение управления квалифицированными кадрами. Поступление в эти академии (в отличие от рабфаков) осуществлялось по рекомендации, а те, кто рекомендовал «абитуриентов», несли за них персональную ответственность. Необходи-

мость в сдаче экзаменов при поступлении возникла лишь к середине 1930-х гг. Например, Н.С. Хрушев, пробывавший поступить в Промакадемию, не прошел собеседование, но благодаря протекции Л.М. Кагановича все же поступил туда [16. С. 87].

В 1941 г. в СССР работало 23 промышленных академии, готовилось их расширение за счет открытия вечернего и заочного обучения. Однако постановлением от 19 ноября 1940 г. промышленные академии были закрыты. В мотивировочной части постановления было указано, что промакадемии утратили свою актуальность в связи с развитием в стране высшего образования.

Динамично развивались в конце 1920-х и в 1930-е гг. институты усовершенствования и повышения квалификации. Среди них выделились две группы институтов: повышения квалификации врачей и повышения квалификации учителей. Один из первых институтов по усовершенствованию врачей (ГИДУВ) был открыт в Томске в 1927 г., а в 1930 г. в Ленинграде был организован институт усовершенствования ветеринарных врачей (современный СПбГУВМ). В 1929 г. был создан Институт повышения квалификации педагогов Горьковского областного института усовершенствования учителей.

В 1930-е гг. повышение квалификации в качестве отдельной самостоятельной задачи впервые получает отражение в типовых уставах вузов (уставы 1934 и 1938 гг.). В них, однако, оно относится лишь к двум социальным группам: профессорско-преподавательским кадрам и научно-педагогическому составу, «смело ведущим борьбу против устаревшей науки и прокладываям дорогу для новой науки» [17]. Несмотря на это, в вузах уже в 1920–1930-е гг. открываются первые курсы и факультеты повышения квалификации руководителей и научно-педагогических кадров [10. С. 89–90]. Вузах и техникумах организуется заочное и вечернее обучение без отрыва работников от производства.

Таким образом, к концу первого периода повышение квалификации вначале формируется как обособленная потребность государства и общества и как направленные деятельности. Формируется сеть учреждений повышения квалификации, ключевыми акторами которой стали профессионально-технические курсы повышения квалификации, ФЗО, промакадемии, отраслевые институты усовершенствования и повышения квалификации. Отдельным институтом, внутри которого постепенно фиксируется деятельность в области повышения квалификации, становится высшая школа, где функционируют факультеты и курсы повышения квалификации, вечерние и заочные отделения.

В то же время повышение квалификации не представляет собой самостоятельную величину, а функционирует как придаток, призванный компенсировать недостатки полученного образования или отсутствие такового. Лишь в 1950-е гг. на обучение человека в течение всей жизни начали смотреть как на нечто отличное от других форм обучения. Тогда на первый план вышла функция не компенсации, а адаптации к жизни в постоянно меняющемся обществе, улучшения «качества жизни» [18. С. 72].

На протяжении первого этапа (в особенности с начала 1930-х гг.) господствовал утилитарно-прагматический подход в отношении субъекта образовательного процесса. По мнению исследователей Т.Г. Мухиной, Е.В. Копосова, В.В. Бородачева, «плановая экономика, направляемая представителями господствующей идеологии, рассматривала профессиональное образование в тесной связи с требованиями материального производства к работникам. Эти требования закладывались в профильную структуру подготовки рабочих и специалистов и соответствующие планы приема-выпуска в системе профессионального образования, в профессионально-графические предписания, в содержание и средства обучения на всех уровнях профессионального образования, подкреплялись необходимыми ресурсами. При этом выпускник в качестве работника, профессионала рассматривался не как личность, а как “главный элемент производительных сил общества”, “народнохозяйственный ресурс”, “человеческий фактор”» [10. С. 116].

II этап (1958–1988). На волне стремительного научно-технического прогресса и резко выросших требований по подготовке кадров в СССР в конце 1950-х гг. и в 1960-е гг. принимается целый ряд нормативно-правовых актов, нацеленных на усиление системы повышения квалификации.

В 1958 г. в СССР принимается закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». «Дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства, – отмечалось в его преамбуле, – все больше повышает требования к квалификации основной массы рабочих. Недостаточный профессионально-технический уровень части рабочих уже сейчас в некоторых случаях сдерживает рост производства. Поэтому особо важное значение приобретает развитие профессионально-технического обучения молодежи и улучшение качества подготовки рабочих кадров» [19].

Изменения затронули среднюю школу, профессионально-техническое, среднее специальное и высшее образование. Закон, с одной стороны, усиливал связь обучения с реальными условиями труда, с другой – требовал укрепления различных уровней образования за счет более квалифицированного обеспечения кадрами, ресурсами и средствами обучения. Применительно к высшей школе, например, речь шла о качественном усилении научно-исследовательской составляющей за счет организации НИИ, лабораторий и объединение с вузами некоторых научно-исследовательских учреждений. Сместился профиль абитуриента в сторону социальных групп, имеющих реальный стаж и опыт работы на производстве.

В разделе IV «О высшей школе» одной из главных задач наряду с такими, как обучение, проведение исследований, просветительская деятельность и др., стала фигурировать задача повышения квалификации кадров. Как и в случае со средним специальным образованием, действенным средством здесь стало укрепление и расширение различных форм заочного и вечернего образования, в том числе подготовки специалистов «непосредственно при крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях» [19].

30 июля 1960 г. выходит одно из ключевых постановлений Совета Министров РСФСР «О системе повышения квалификации руководящих и инженерно-технических работников отраслей народного хозяйства и работников государственного аппарата РСФСР» [20].

В соответствии с ним система повышения квалификации была реорганизована. Повышение квалификации теперь производилось без отрыва от производства на существующих вечерних и заочных факультетах и отделениях дневных высших и средних специальных учебных заведений. Институты усовершенствования и повышения квалификации, работавшие в СССР еще в довоенный период, ликвидировались, однако их материально-техническая база продолжала использоваться для решения задач повышения квалификации. На их основе было организовано краткосрочные центральные курсы повышения квалификации при совнархозах, министерствах, ведомствах, крупных предприятиях, стройках и научно-исследовательских учреждениях от производства.

В этом же постановлении подчеркивалась необходимость не допустить «распыления контингента работников, повышающих квалификацию, по многим учебным заведениям» и добиться тем самым обеспеченности высококвалифицированными кадрами [20]. Особо важно было привлечь высококвалифицированных специалистов научно-исследовательских и проектных учреждений, предприятий и организаций. В постановлении подчеркивалось, что работникам, повышающим квалификацию, необходимо было предоставить «возможность как повышать свои теоретические знания, так и знакомиться с новейшими достижениями науки, техники, экономики и с передовым опытом производства непосредственно на предприятиях и в научно-исследовательских учреждениях» [20].

Закон 1958 г. оказал непосредственное влияние на типовые уставы вузов. Задача повышения квалификации специалистов стала фигурировать в качестве одной из главных начиная с Положения 1961 г. Фигурирует она и в типовых уставах современных вузов.

Вместе с тем, отвечая с опозданием на потребности периода, в Положении 1961 г. и последующих деятельности в области повышения квалификации расширялась и теперь включала в себя не только социальную группу научно-педагогических работников, но и «специалистов, имеющих высшее образование, занятых в различных отраслях народного хозяйства, культуры, просвещения и здравоохранения» [21]. Взаимодействие вузов с предприятиями и учреждениями в области повышения квалификации осуществлялось путем заключения соответствующих договоров. Сфера эта входила в задачи ректора.

11 марта 1965 г. Советом Министров СССР было принято еще одно постановление: «О повышении уровня экономических знаний руководящих работников, специалистов, студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений», – согласно которому в Московском, Ленинградском и Харьковском инженерно-экономических институтах и Уральском политехническом институте были организованы факультеты по подготовке организаторов промышлен-

ного производства и строительства, а при Московском институте народного хозяйства им. Плеханова – факультет планирования промышленного производства.

Главной задачей повышения квалификации вне зависимости от места подготовки и статуса являлось «систематическое изучение новейших достижений отечественной и зарубежной науки и техники, эффективных методов планирования и экономического стимулирования, научной организации труда и управления с использованием вычислительной техники, средств механизации и автоматизации производственных процессов и широкий обмен передовым научным и производственно-техническим опытом» [22]. Наряду с этим в постановлении 1965 г. подчеркивалось, что «главное внимание должно быть обращено на самостоятельную работу слушателей по решению конкретных экономических вопросов, связанных с работой предприятий истроек, и прежде всего с повышением производительности труда, снижением себестоимости, экономным расходованием сырья и материалов» [22].

Таким образом, задачи обучения, с одной стороны, были рассчитаны на адаптацию специалистов к требованиям научно-технического прогресса, с другой – на нужды развития экономики интенсивными методами. Такая постановка целиком и полностью укладывалась в сущность экономической реформы Косыгина–Либерева, стартовавшей в 1965 г.

6 июня 1967 г. вышло постановление Совета министров СССР «О совершенствовании системы повышения квалификации руководящих работников и специалистов промышленности, строительства, транспорта связи и торговли». Министр МВССО В.П. Елютин в статье «Развитие высшей школы за годы советской власти» отметил высшую школу в качестве главного института его претворения в жизнь: «...в современный период развития социалистического общества сфера деятельности высшей школы уже не может ограничиваться рамками традиционной подготовки высококвалифицированных специалистов для различных областей общественной жизни. Наряду с этой основной задачей высшая школа должна осуществлять и задачу повышения квалификации специалистов, занятых в различных отраслях народного хозяйства, культуры и просвещения» [23. С. 15].

Постановление 1967 г. дало старт созданию новых институтов повышения квалификации (ИПК) руководящих работников и специалистов. Учреждались и межотраслевые ИПК, создаваемые несколькими министерствами и ведомствами.

Стоит отметить, что повышение квалификации было рассчитано далеко не на всех специалистов. Приоритетной целевой группой являлись руководители предприятий, организаций и учреждений и их заместители, начальники отделов, секторов, лабораторий и других структурных подразделений и их заместители. Из рядовых специалистов допускались только «проявившие себя на производстве». Отбор дополнялся образовательным цензом. В то время как в институты и на курсы повышения квалификации допускались лица с высшим, средним специальным и общим средним

образованием, для слушателей ФПК требовалось наличие высшего образования [24. С. 87].

Обучение в институтах, на факультетах и на курсах повышения квалификации проводилось по специальным планам, утверждаемым министерствами и ведомствами, в ведении которых находились институты, вузы и курсы. Общее методическое руководство работой по повышению квалификации осуществлял Научно-методический кабинет по повышению квалификации руководящих работников и специалистов при МВССО СССР.

Срок обучения варьировал в зависимости от места. В ИПК и их филиалах, межотраслевых институтах, на ФПК и курсах при министерствах и ведомствах он составлял до 2 месяцев с отрывом от работы или до 6 месяцев без отрыва от работы. На курсах при предприятиях, в НИИ и проектно-конструкторских организациях, высших и средних специальных учебных заведениях, институтах повышения квалификации и их филиалах – до 1 месяца с отрывом и до 3 месяцев без отрыва от работы.

Сеть ИПК развивалась стремительно. К 1972 г., спустя 5 лет после постановления, в СССР работало около 40 институтов повышения квалификации (в том числе 6 межотраслевых) с 70 филиалами. Ежегодно в ИПК обучалось около 250 тыс. специалистов [25].

Еще одной и довольно обширной социальной группой в плане повышения квалификации были преподаватели вузов. Согласно нормативным правовым документам их подготовке придавалось большое государственное значение. Главное место в их подготовке заняли факультеты и институты повышения квалификации, созданные при ведущих вузах страны. Именно они стали центрами обобщения и распространения современных методов преподавания. На 120 таких факультетах и институтах начиная с 1967 г. обучались более 150 тыс. преподавателей [26. С. 72].

Для чтения лекций и проведения других учебных занятий на факультеты и в институты «привлекались видные ученые и педагоги, передовики производства, крупные специалисты народного хозяйства». Большинство факультетов и институтов повышения квалификации располагало необходимой документальной базой, современным оборудованием, технически оснащенными аудиториями и кабинетами, общежитиями и др.

Результаты обучения профессорско-преподавательского состава можно рассматривать как значительные. Особенно высокие цифры фигурируют в период проведения девятой пятилетки (1971–1975). Тогда свою квалификацию повысили более 250 тыс. профессоров и преподавателей.

Наряду с этим в 1973–1975 гг. была проделана большая работа по повышению квалификации ректоров, проректоров, деканов факультетов и заведующих кафедрами. Для них были организованы специальные семинары, на которых рассматривались вопросы дальнейшего совершенствования подготовки специалистов, идейно-воспитательной и научной работы в высшей школе.

13 июня 1967 г. вышел приказ по МВССО СССР, которым была утверждена инструкция о порядке ста-

жировки на предприятиях, в учреждениях и организациях преподавателей высших учебных заведений [27]. В соответствии с ней начиная с 1967 г. преподаватели специальных дисциплин высших учебных заведений должны были проходить стажировку на передовых промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в ведущих высших учебных заведениях и научно-исследовательских организациях. Срок стажировки составлял до 3 месяцев.

Проведение таких стажировок было выгодным для обеих сторон. Преподаватели вузов (стажеры) знакомились с технологией и современным оборудованием, экономикой и организацией производства, методикой проведения научных исследований и преподавания. В свою очередь, они разрабатывали и внедряли предложения, направленные на улучшение работы тех организаций, куда они направлялись [27. С. 74].

Отдельной подгруппой среди преподавателей были преподаватели общественных наук. Еще 6 августа 1949 г. Приказом по Министерству высшего образования СССР для преподавателей институтов марксизма-ленинизма (в дальнейшем – институты общественных наук) было создано три отдельных института повышения квалификации с годичным сроком обучения: при Московском (ежегодно принимал 150 человек), Ленинградском (100 человек) и Киевском (50 человек) госуниверситетах. В 1966 г. институты повышения квалификации преподавателей общественных наук были открыты при Ленинградском, Уральском, Ростовском-на-Дону и Ташкентском государственных университетах. Общий контингент приема составил 800 человек, срок обучения – до 5 месяцев. В 1973 г. были открыты институты при Белорусском и Новосибирском госуниверситетах с общим количеством слушателей 400 человек.

22 октября 1969 г. приказом по МВССО СССР было утверждено «Положение об институте повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений» [28]. В соответствии с ним задачей институтов определялось «повышение идейно-теоретического и научно-методического уровня и педагогического мастерства заведующих кафедрами и преподавателей истории КПСС, философии, политической экономии и научного коммунизма...», а также «научная разработка методики преподавания общественных наук в высших учебных заведениях, обобщение и распространение передового опыта преподавания общественных наук, использование наглядных пособий и технических средств в учебном процессе, организации самостоятельной работы студентов, идейно-политического воспитания студентов и деятельности учебно-методических кабинетов» [28. С. 76]. Достигались поставленные цели путем проведения лекций, организации самостоятельной работы слушателей по изучению научной литературы, изучения передового опыта преподавания, проведения спецкурсов и спецсеминаров, методических конференций, организации подпрактики, подготовки учебно-методических пособий и др.

Институты имели свой штат управляющего и профессорско-преподавательского состава, смету расходов,

кафедральную структуру и органы самоуправления. Срок обучения составлял 5 месяцев, занятия для слушателей начинались с 1 февраля и 1 сентября. Слушатели, проходящие обучение, освобождались от всех видов нагрузок по месту работы с сохранением заработной платы в размере не более 300 рублей в месяц, но не менее должностного оклада. Кроме того, они получали стипендию в размере 50 рублей в месяц. По итогам прохождения курсов проводилась аттестация слушателей, после чего они получали удостоверение о прохождении аттестации.

В 1969 г. было принято новое Положение о высшей школе. Принципиально оно не отличалось от положения 1961 г., в нем также в качестве одной из задач было указано «повышение квалификации специалистов, имеющих высшее образование, занятых в различных отраслях народного хозяйства, культуры, просвещения и здравоохранения» [29].

Однако в нем отразилось многообразие форм повышения квалификации применительно к научно-педагогическим кадрам. Оно включало уже не просто обучение в очной и заочной аспирантуре, предоставление отпусков для написания кандидатских и докторских диссертаций, перевода кандидатов наук, работающих в высших учебных заведениях, на должности научных сотрудников для подготовки докторских диссертаций. Теперь преподаватели специальных дисциплин могли направляться на стажировки на передовые промышленные и сельскохозяйственные предприятия, в ведущие вузы и научно-исследовательские организации. С другой стороны, к кафедрам теперь могли прикреплять специалистов предприятий, учреждений и организаций, а также научно-педагогических работников других высших учебных заведений «для оказания им помощи в повышении квалификации и выполнении научных исследований» [29]. Положение 1969 г., таким образом, давало возможность вузам становиться своеобразными «хабами», где осуществлялся тесный обмен опытом между профессорско-преподавательским составом вуза, который осуществлял повышение квалификации, и специалистами других учебных заведений, промышленных предприятий, НИИ и др.

2 августа 1974 г. вышел закон РСФСР «О народном образовании», который не содержал принципиальных новшеств в области повышения квалификации. Отметим лишь, что в ст. 79 в очередной раз была закреплена практика повышения квалификации специалистов народного хозяйства с высшим образованием «по новым перспективным направлениям науки и техники» за факультетами при высших учебных заведениях [30].

20 августа 1974 г. приказом МВССО СССР было утверждено «Положение о факультете по подготовке организаторов промышленного производства и строительства и факультете планирования промышленного производства при высших учебных заведениях и о порядке стажировки слушателей этих факультетов» [31], которое, в отличие от Постановления 11 марта 1965 г., делало учебный процесс намного более гибким и индивидуализированным. Так, в п. 11 подчеркивалось, что учебный процесс на факультетах разрабатывается с учетом состава слушателей и пожеланий заинтересо-

ванных организаций. При этом МВиССО СССР совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами и по согласованию с Госкомитетом по науке и технике Совмина СССР определяло предприятия, организации и учреждения, на которых слушатели факультетов проходили стажировку. Тематика стажировок в обязательном порядке относилась к области использования вычислительной техники и автоматизированных систем управления (АСУ), расцвет которых пришелся в СССР на 1970-е гг. Так же, как и в случае со стажировками для преподавателей, имелась выгода для обеих сторон: слушатели получали практический опыт на ведущих предприятиях, в организациях и ведомствах в своей отрасли, а взамен разрабатывали и внедряли предложения по улучшению их работы.

По итогам повышения квалификации слушатели защищали перед ГЭК выпускные работы, содержанием которых должна была быть «разработка мероприятий, предусматривающих решение производственных задач по внедрению автоматизированных систем управления, использованию вычислительной техники и совершенствованию работы конкретного промышленного предприятия или стройки» [31. С. 81].

Результаты усовершенствования системы повышения квалификации, которые пришлось на 1960-е – начало 1970-х гг., были значительными. В 1973 г. прошли обучение по повышению квалификации на предприятиях, в учреждениях и организациях 17,3 млн рабочих и служащих, новые профессии и специальности получили 5,4 млн человек. На вечерних и заочных отделениях в вузах в 1973/1974 учебный год обучалось свыше 2,2 млн человек (ежегодно выпускалось около 300 тыс. чел.), а в средних специальных учебных заведениях – свыше 1,7 млн человек (ежегодно выпускалось около свыше 400 тыс. чел.). В середине 1980-х гг. в СССР насчитывалось уже 356 ИПК и институтов усовершенствования, 188 их филиалов. При вузах работало 560 ФПК; 600 курсов функционировало при министерствах, ведомствах, организациях и учреждениях. Ежегодно в системе повышения квалификации обучались 3 млн человек, в учебном процессе были заняты около 60 тыс. преподавателей (70% из них имели ученые степени и звания). По мнению исследователей Т.Г. Мухиной, Е.В. Копосова, В.В. Бородачева, на тот момент в качестве перспективной рассматривалась задача создания единой государственной системы повышения квалификации. В то же время «...в условиях экстенсивного развития производства, административно-командной экономики, номенклатурного подхода к подбору и расстановке кадров деятельность системы повышения квалификации была излишне формализована и не всегда эффективна» [10. С. 149]. В то же время можно прийти к выводу, что именно в 1960-е гг. начинается постепенный переход от адаптирующей к развивающей функции обучения, нацеленной на приоритет потребностей личности.

III этап (1988–1991). Активная фаза периода перестройки изменила образование в стране в целом и систему повышения квалификации в частности. 6 февраля 1988 г. вышло ключевое для данного периода постановление Совета министров СССР «О перестройке

системы повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов народного хозяйства» [32]. В его преамбуле отмечалось: «В ходе научно-технической революции, коренной перестройки управления экономикой непрерывное обучение трудящихся становится одним из важнейших факторов обеспечения эффективной деятельности объединений, предприятий, организаций, учреждений, каждого трудового коллектива» [32]. При этом в постановлении неоднократно подчеркивалось, что потенциал высших и средних учебных заведений в повышении квалификации не использован в полной мере.

Постановление 1988 г. ставило достаточно амбициозную цель перехода от периодического к непрерывному обучению кадров, формирования мобильной и гибкой сети учебных заведений и подразделений повышения квалификации и переподготовки, развития различных форм непрерывного производственно-экономического обучения на предприятиях и в организациях. Для этого предлагалось упорядочить сеть на основе сочетания принципа ее организации с широкой межотраслевой и региональной кооперацией.

В каждой отрасли должны были быть созданы головной институт повышения квалификации и развернутая сеть учебных заведений (подразделений) по повышению квалификации и переподготовке кадров. Наряду с ними на базе факультетов по подготовке организаторов промышленного производства, строительства и планирования при вузах создавалось семь межотраслевых институтов повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров. Сеть их выглядела достаточно централизованной: по одному институту располагалось в Беларуси и Украине, по два – в Москве и Ленинграде; на периферии располагался лишь один институт – в Горьком. Общее методическое руководство, как и прежде, осуществляло МВиССО СССР. Как и 1960-е гг., при нем планировалось создание методического центра по исследованию проблем и обобщению опыта повышения квалификации.

Сама же сеть учреждений повышения квалификации обладала специализацией, которая определенным образом иерархизировала подготовку по уровням. Только руководители и работники аппарата управления, руководящие работники министерств, ведомств, советов министров союзных республик, руководители объединений могли повышать квалификацию в Академии народного хозяйства при Совете министров СССР, Планово-экономической академии при Госплане СССР и республиканских межотраслевых институтах повышения квалификации. Только работники центрального аппарата министерств и ведомств, руководители и главные специалисты предприятий, организаций и учреждений, их заместители могли повышать квалификацию в межотраслевых институтах повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров при вузах. Специалисты с высшим образованием повышали квалификацию в вузах, специалисты со средним образованием – в средних специальных учебных заведениях.

Вместе с тем новая система включала элементы, которые должны были обеспечить непрерывность образования: систематическое самостоятельное обучение

работника (самообразование) по индивидуальному плану; участие в постоянно действующих семинарах по производственным и экономическим вопросам (не реже одного раза в месяц); краткосрочное обучение по месту работы или в учебных заведениях (не реже одного раза в год); длительное периодическое обучение в учебных заведениях (не реже одного раза в пять лет). Эти четыре вида повышения квалификации образовывали единую систему, сочетающую повседневное, среднесрочное и долгосрочное обучение. Наряду с ними существовали различные виды стажировок, обучение в целевой аспирантуре, докторантуре по темам, интересующим данную организацию или предприятие, наконец, переподготовка, которая подразумевала получение новой специальности.

Обучение должно было стать в большей степени дифференцированным и индивидуализированным. «Дух перестройки», новые политические и экономические реалии, связанные с демократизацией общества и расширением рыночных начал, должны были проникнуть в систему повышения квалификации. В Постановлении обозначился некоторый баланс между техническими, экономическими и общественными дисциплинами. Этого предполагалось добиться за счет расширения подготовки в области системного анализа, системотехники, социологии, психологии, права, финансирования, кооперации, внешнеэкономических связей и др.

При этом сохранялась подчиненность подготовки задачам экономического и социального развития страны. Перестраиваемая система повышения квалификации по-прежнему во многом носила утилитарный, технократичный и идеологизированный уклон. «Каждый специалист, — отмечалось в постановлении, — должен уметь активно применять в работе электронно-вычислительную технику, ориентироваться в современной научно-технической информации, эффективно ее использовать для решения практических задач» [32]. При этом не допускалось, например, включение в учебные планы дисциплин, не связанных с углублением экономических, профессиональных знаний и навыков слушателей, развитием марксистско-ленинского мировоззрения.

Сроки обучения в сравнении с актами 1960-х гг. не увеличались, составляя в среднем от 2 до 6 месяцев. По приоритетным направлениям науки и техники они могли быть увеличены до 4 месяцев с отрывом от работы и 10 месяцев без отрыва от работы.

Любопытным представляется постепенное проникновение рыночных отношений в сферу повышения квалификации. В п. 5 постановления, например, отмечалось, что при учебных заведениях разрешается создание «хозрасчетных курсов для граждан, желающих получить знания по определенной программе» [32]. Занимались учебные заведения и консультацией лиц, желающих повысить квалификацию самостоятельно. В целом всю систему повышения квалификации планировалось перевести на хозрасчет, что имело свои долговременные последствия.

Существенно укрепился статус сети учреждений повышения квалификации. Теперь им предоставлялось право проводить научно-исследовательские работы

в порядке и на условиях, предусмотренных для вузов. Профессорско-преподавательскому составу этих учреждений предоставлялись возможности выполнять научную работу в научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических организациях, а также научных подразделениях вузов.

Усиливалась персональная ответственность руководителей ведомств, предприятий и организаций за повышение квалификации сотрудников. Предлагалось создать действенную систему материального и морального стимулирования непрерывного повышения квалификации. Ставилась задача укрепить аттестационную составляющую системы за счет разработки квалификационного аттестата единого образца как основного документа, удостоверяющего профессиональный уровень работников. Большое внимание нужно было уделить изучению передового опыта в приоритетных областях производства, управления, науки и техники, установлению прямых связей с производственными и научно-техническими зарубежными партнерами.

К повышению квалификации в качестве преподавателей должны были быть привлечены ведущие ученые, крупные специалисты, партийные, советские и хозяйственные руководители, а также новаторы производства. Численность профессорско-преподавательского состава — до 75% норм, установленных для вузов, готовящих специалистов данного профиля. Существенно упрощалась процедура трудоустройства: сотрудников из других организаций можно было привлечь к выполнению педагогической работы в объеме до 50 часов в год без оформления разрешения с места основной работы. С другой стороны, руководители предприятий и организаций могли на договорной основе без оформления разрешения с места основной работы приглашать для краткосрочного обучения кадров «ведущих научных, научно-педагогических и практических работников».

Штатные преподаватели учреждений повышения квалификации также должны были проходить ежегодную стажировку на передовых предприятиях и в организациях продолжительностью до одного месяца. Наряду с самыми высокопоставленными чиновниками страны им предоставлялся допуск к обучению в Академии народного хозяйства при Совете министров СССР, Планово-экономической академии при Госплане СССР и др.

Улучшались условия лиц, проходящих повышение квалификации. За ними сохранялась средняя заработная плата по основному месту работы. Иногородним слушателям, направленным на обучение с отрывом от работы, оплачивали в течение первого месяца командировочные расходы, а в последующий период платили заработную плату не более 200 рублей в месяц и стипендию в размере 40 рублей. Проходящим квалификацию предоставлялись «общежития гостиничного типа» или (за неимением таковых) гостиницы.

Наряду с обозначенными мерами в постановлении был запланирован целый комплекс мер, направленных на создание необходимой инфраструктуры и материально-технической базы системы повышения квалификации. Так, Государственный комитет СССР по науке и технике, министерства и ведомства СССР должны были

осуществлять первоочередное информационное обслуживание учреждений повышения квалификации. Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию и МВиССО СССР совместно с другими министерствами и ведомствами должны были организовать циклы передач и выпуск учебных видеопрограмм в помощь работникам, повышающим квалификацию. Выделялись средства на оснащение учебно-лабораторным оборудованием и средствами вычислительной техники. К 2000 г. для сети учреждений повышения квалификации предполагалось ввести в эксплуатацию около 2 млн 300 тыс. м² учебных корпусов и построить общежитий гостиничного типа почти на 170 тыс. мест.

Таким образом, в Постановлении 1988 г. был сделан большой шаг на пути к организации в стране системы повышения квалификации, основанной на принципах непрерывного образования. Непрерывность, дифференциация, индивидуализация, соответствие научно-технологическому духу времени отличало новое постановление. Наряду с этим оно являлось своеобразным компромиссом между потребностями государства и потребностями личности в условиях тенденций на гуманизацию образования. В этом отношении оно отставало от теории непрерывного образования, разрабатываемой в то время ведущими педагогами СССР и выдвинутой в скором времени в ряде программных документов Академией педагогических наук СССР («Концепция непрерывного образования» (1989) и «Учитель советской школы» (1990)).

Исследователи В.В. Арнаутов и Н.К. Сергеев, сравнивая традиционную и непрерывную системы образования в институциональном измерении, отмечают, что для первой характерны доминирование ведомственного принципа управления образованием, инструктивно-распорядительные формы управления, «принижающие роль и влияние нестандартного опыта в педагогическом поиске» [33]. В такой системе ее звенья образования функционируют независимо друг от друга, а специальное и профессионально-техническое образование обособлено от общего. С этой точки зрения система повышения квалификации в годы перестройки, несмотря на множество прогрессивных намерений и действий, во многом осталась в плену непереворотливого административно-командного механизма управления.

Вместе с тем под базу системы учреждений, осуществляющих повышение квалификации, была заложена «мина замедленного действия», поскольку вся их деятельность строилась, согласно Постановлению 1988 г., на хозяйственных началах, т.е. на основе прибыльности и самоокупаемости. Это во многом предопределило судьбу Постановления. В условиях стремительно разрастающегося социально-экономического кризиса большая часть положений не была осуществ-

лена, а сама система после 1991 г. на короткое время распалась [25].

Выводы

Система повышения квалификации в Советской России и СССР начала свое формирование еще в первые годы новой власти. В период 1918–1958 гг. возникли первые институты в области повышения квалификации, обозначились ключевые социальные группы (рядовые специалисты, руководители промышленности, учителя, медики и др.). Однако повышение квалификации, охватив разные социальные группы, не стало стройной единой системой, а в самой подготовке преобладали компенсирующая и адаптирующая функции.

Лишь в 1960-е гг. повышение квалификации как самостоятельная сфера обучения институционализируется в системе подготовки кадров. Одновременно завершается складывание самой системы повышения квалификации, охватывающей основные институты, виды деятельности, цели и результаты обучения и ресурсы осуществления. Повышение квалификации дифференцируется и специализируется, отвечая на научно-технологические вызовы времени.

В годы перестройки предпринимается несостоявшаяся (ввиду скорого распада СССР) попытка реорганизации системы повышения квалификации, сочетающей (в определенной степени противоречивые) принципы непрерывного обучения и утилитарные потребности государства в ускорении экономики.

С точки зрения концепции «третьей роли» наиболее простым и удобным стало бы декларирование о безусловной нужности повышения квалификации для нужд советского общества. Приведенные цифры (пусть и отвлеченные) могли бы укрепить данный вывод. Вместо этого мы заявляем, что данное исследование лишь отправная точка, поскольку место высшей школы в советской системе повышения квалификации (при демонстрации её важности) определено лишь в общих чертах.

Данное исследование демонстрирует, что повышение квалификации – это именно тот вид деятельности, где историчность понятия «третьей роли» проявляется наиболее ощутимо. Это вселяет надежду исследователям, занимающимся проблематикой истории «третьей роли». Однако на данном этапе повышение квалификации – это лишь механический компонент, который функционирует не рамках концепции «третьей роли», а в рамках развития образования в целом. Чтобы он функционировал в рамках теории «третьей роли» требуется иной фокус, свой категориальный аппарат и в конечном итоге синтез с другими видами деятельности «третьей роли». Иначе повышение квалификации останется повышением квалификации, внедрение останется внедрением, а просвещение просвещением.

Список источников

1. Университет и город в России в начале XX века / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 784 с.
2. Kerr C. The Uses of the University. London : Harvard University Press, 1963. 140 p.
3. Миссия Томского государственного университета // Томский государственный университет. URL: <https://tsu.ru/university/mission.php> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Московский международный рейтинг «Три миссии университета» / MosIUR : The Three University Missions. URL: <https://mosiur.org/about/memorandum/> (дата обращения: 15.09.2024).

5. Центр реализации третьей миссии НИУ ВШЭ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://3mission.hse.ru> (дата обращения: 15.09.2024).
6. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.
7. Шандала Д.Е., Грибовский М.В. Дискуссия о третьей роли. Подходы к изучению неакадемической деятельности университетов в исторической ретроспективе // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 66–73.
8. Сорокин С.Э. «Третья миссия» университетов: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Архангельск, 2020. 417 с.
9. Щедровицкий П.Г. Очерки концепции системы повышения квалификации // Очерки по философии образования. М., 1993. С. 77–96. URL: <https://shchedrovitskiy.com/ocherki-koncepcii-sistemy-povysheniya-kvalifikacii/> (дата обращения: 01.09.2024).
10. Мухина Т.Г., Копосов Е.В., Бородачев В.В. История и перспективы развития отечественной системы дополнительного профессионального образования в условиях высшей школы. Н. Новгород : Изд-во ННГАСУ, 2013. 289 с.
11. О мерах распространения профессионально-технических знаний и положение о Секции профессионально-технического образования Народного комиссариата просвещения : декрет Совета Народных Комиссаров от 20.06.1919 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15691> (дата обращения: 26.08.2024).
12. Об учебной профессионально-технической повинности : декрет Совета Народных Комиссаров от 29.07.1920 № 325 // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/42409> (дата обращения: 26.08.2024).
13. Силин А.В. Реализация учебной профессионально-технической повинности в период «военного коммунизма», 1920–1921 (на материалах Европейского Севера) // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 12–19.
14. Батышев С.Я. Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР. М. : Экономика, 1974. 383 с.
15. О государственных трудовых резервах СССР : указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.10.1940 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131140-o-gosudarstvennyh-trudovyh-rezervah-sssr-ukaz-ot-2-oktyabrya-1940-g> (дата обращения: 23.08.2024).
16. Иларионова Т.С. К истории промышленных академий в СССР // Культура мира. 2020. Т. 8, № 22 (1). С. 66–96.
17. Типовой устав высшего учебного заведения : утв. СНК СССР 05.09.1938 // Е-досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/LBmKAWzeci8WhOeM5e-Uo?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 06.07.2023).
18. Ширяева В.А. Непрерывное образование: исторические аспекты и современное состояние проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 3. С. 69–76.
19. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР : закон СССР от 24.12.1958 // Е-досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/HMPSfGLyuH-25VyuGau4?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 17.08.2024).
20. О системе повышения квалификации руководящих и инженерно-технических работников отраслей народного хозяйства и работников государственного аппарата РСФСР : постановление Совета министров РСФСР от 30.07.1960 № 1148 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_5564.htm (дата обращения: 21.08.2024).
21. Положение о высших учебных заведениях СССР : утв. Постановлением Совета министров СССР от 21.03.1961 № 251 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/DOCUMENT/9053534> (дата обращения: 03.07.2023).
22. О повышении уровня экономических знаний руководящих работников, специалистов, студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений // Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е.И. Войленко. М. : Высшая школа, 1978. Ч. 2. С. 78–79.
23. Елютин В.П. Развитие высшей школы за годы советской власти // Вопросы истории. 1968. № 6. С. 3–19.
24. О совершенствовании системы повышения квалификации руководящих работников и специалистов промышленности, строительства, транспорта связи и торговли : постановление Совета министров СССР от 06.07.1967 г. № 515 // Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е.И. Войленко. М. : Высшая школа, 1978. Ч. 2. С. 87–89.
25. Из истории дополнительного профессионального образования // Союз ДПО. URL: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=12635 (дата обращения: 06.09.2023).
26. О дальнейшем совершенствовании работы факультетов повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений : инструктивное письмо от 01.04.1976 № 11 // Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е.И. Войленко. М. : Высшая школа, 1978. Ч. 2. С. 72–74.
27. Инструкция о порядке стажировки на предприятиях, в учреждениях и организациях преподавателей высших учебных заведений // Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е.И. Войленко. М. : Высшая школа, 1978. Ч. 2. С. 74–75.
28. Положение об институте повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений // Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е.И. Войленко. М. : Высшая школа, 1978. Ч. 2. С. 76–78.
29. Положение о высших учебных заведениях СССР : утв. Постановлением Совета министров СССР от 22.01.1969 № 251 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765710565> (дата обращения: 07.07.2023).
30. О народном образовании : закон РСФСР от 02.08.1974 // Е-досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/GAT_GLY1LGlrR6qfGWR_0?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (08.09.2024).
31. Положение о факультете по подготовке организаторов промышленного производства и строительства и факультете планирования промышленного производства при высших учебных заведениях и о порядке стажировки слушателей этих факультетов // Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е.И. Войленко. М. : Высшая школа, 1978. Ч. 2. С. 80–82.
32. О перестройке системы повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов народного хозяйства : постановление Совета министров СССР от 06.02.1988 № 166 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765704776> (дата обращения: 15.09.2024).
33. Арнаутов В.В., Сергеев Н.К. Историко-педагогический анализ становления и развития системы непрерывного педагогического образования // Педагог. Наука, технология, практика. 2001. № 2 (11). С. 5–15.

References

1. Maurer, T. & Dmitriev, A. (eds) (2009) *Universitet i gorod v Rossii v nachale XX veka* [University and City in Russia in the Early 20th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Kerr, C. (1963) *The uses of the university*. London: Harvard University Press.
3. Tomsk State University. (n.d.) *Missiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Mission of Tomsk State University]. [Online] Available from: <https://tsu.ru/university/mission.php> (Accessed: 15th September 2024).
4. Anon. (n.d.) *Moskovskiy mezhdunarodnyy reyting "Tri missii universiteta"* [MosIUR: The Three University Missions]. [Online] Available from: <https://mosiur.org/about/memorandum/> (Accessed: 15th September 2024).
5. National Research University Higher School of Economics. (n.d.) *Tsentralizatsiya tret'ey missii NIU VShE* [Center for the Implementation of the Third Mission, HSE University]. [Online] Available from: <https://3mission.hse.ru> (Accessed: 15th September 2024).
6. Kuzminov, Ya.I. & Yudkevich, M.M. (2021) *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: How It Works]. Moscow: HSE.

7. Shandala, D.E. & Gribovskiy, M.V. (2024) Discussion about the third role. Approaches to the study of non-academic activities of universities in historical retrospect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 66–73. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/90/7
8. Sorokin, S.E. (2020) *“Tret'ya missiya” universitetov: sotsial'no-filosofskiy analiz* [The “Third Mission” of Universities: A Socio-Philosophical Analysis]. Philosophy Dr. Diss. Arkhangelsk.
9. Shchedrovitskiy, P.G. (1993) *Ocherki po filosofii obrazovaniya* [Essays on the Philosophy of Education]. Moscow: Eksperiment. pp. 77–96.
10. Mukhina, T.G., Koposov, E.V. & Borodachev, V.V. (2013) *Istoriya i perspektivy razvitiya otechestvennoy sistemy dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v usloviyakh vysshey shkoly* [History and Prospects of the Development of the Domestic System of Additional Professional Education in Higher Education]. Nizhniy Novgorod: NNGASU.
11. The Council of People's Commissars. (1919) *O merakh rasprostraneniya professional'no-tekhnicheskikh znaniy i polozhenie o Seksii professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya Narodnogo komissariata prosveshcheniya* [On Measures for the Dissemination of Vocational-Technical Knowledge and the Regulation on the Section of Vocational-Technical Education of the People's Commissariat of Education]. [Online] Available from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15691> (Accessed: 26th August 2024).
12. The Council of People's Commissars. (1920) *Ob uchebnoy professional'no-tekhnicheskoy povinnosti: dekret Soveta Narodnykh Komissarov ot 29.07.1920 № 325* [On educational vocational and technical service: Decree of the Council of People's Commissars of 29.07.1920 No. 325]. [Online] Available from: <https://istmat.org/node/42409> (Accessed: 26th August 2024).
13. Silin, A.V. (2010) Realizatsiya uchebnoy professional'no-tekhnicheskoy povinnosti v period “voennogo kommunizma”, 1920–1921 (na materialakh Evropeyskogo Severa) [Implementation of the Educational Vocational-Technical Duty During “War Communism,” 1920–1921 (Based on Materials from the European North)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 3. pp. 12–19.
14. Batyshev, S.Ya. (1974) *Formirovanie kvalifitsirovannykh rabochikh kadrov v SSSR* [Formation of Qualified Labor Personnel in the USSR]. Moscow: Ekonomika.
15. The Supreme Soviet of the USSR. (1940) *O gosudarstvennykh trudovykh rezervakh SSSR: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 02.10.1940* [On the state labor reserves of the USSR: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of October 2, 1940]. [Online] Available from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131140-o-gosudarstvennykh-trudovykh-rezervakh-sssr-ukaz-ot-2-oktyabrya-1940-g> (Accessed: 23rd August 2024).
16. Ilarionova, T.S. (2020) K istorii promyshlennykh akademiy v SSSR [On the History of Industrial Academies in the USSR]. *Kul'tura mira*. 8(22-1). pp. 66–96.
17. The Council of People's Commissars of the USSR. (1938) *Tipovoy ustav vysshego uchebnogo zavedeniya: utv. SNK SSSR 05.09.1938* [Model charter of a higher educational institution: Approved. Council of People's Commissars of the USSR on September 5, 1938]. [Online] Available from: https://e-ecolog.ru/docs/LBmKAWzeci8WhOeM5e-Uo?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Accessed: 6th July 2023).
18. Shiryayeva, V.A. (2010) Nepreryvnoe obrazovanie: istoricheskie aspekty i sovremennoe sostoyanie problemy [Lifelong Education: Historical Aspects and the Current State of the Problem]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. 3. pp. 69–76.
19. USSR. (1958) *Ob ukreplenii svyazi shkoly s zhiznyu i o dal'neyshem razvitiy sistemy narodnogo obrazovaniya v SSSR: zakon SSSR ot 24.12.1958* [On strengthening the connection between school and life and on the further development of the public education system in the USSR: USSR law of December 24, 1958]. [Online] Available from: https://e-ecolog.ru/docs/HMPSfpGLyuH-25VyvGau4?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Accessed: 17th August 2024).
20. The Council of Ministers of the RSFSR. (1960) *O sisteme povysheniya kvalifikatsii rukovodyashchikh i inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov otrasley narodnogo khozyaystva i rabotnikov gosudarstvennogo apparata RSFSR: postanovlenie Soveta ministrov RSFSR ot 30.07.1960 № 1148* [On the system of advanced training of management and engineering and technical workers of the sectors of the national economy and employees of the state apparatus of the RSFSR: Resolution No. 1148 of the Council of Ministers of the RSFSR of July 30, 1960]. [Online] Available from: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_5564.htm (Accessed: 21st August 2024).
21. The Council of Ministers of the USSR. (1961) *Polozhenie o vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR: utv. Postanovleniem Soveta ministrov SSSR ot 21.03.1961 № 251* [Regulations on higher educational institutions of the USSR: Approved by the Resolution of the Council of Ministers of the USSR of March 21, 1961, No. 251]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/DOCUMENT/9053534> (Accessed: 3rd July 2023).
22. USSR. (1978) O povyshenii urovnya ekonomicheskikh znaniy rukovodyashchikh rabotnikov, spetsialistov, studentov vysshikh i uchashchikhsya srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniy [On improving the level of economic knowledge of executives, specialists, students of higher and students of secondary specialized educational institutions]. In: Voylenko, E.I. (ed.) *Vysshaya shkola: sb. osnovnykh postanovleniy, prikazov i instruktsiy: v 2 ch.* [Higher School: Collected Basic Regulations, Orders and Instructions: in 2 parts]. Vol. 2. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 78–79.
23. Elyutin, V.P. (1968) *Razvitie vysshey shkoly za gody sovetской vlasti* [Development of higher education during the years of Soviet power]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 3–19.
24. The Council of Ministers of the USSR. (1978) O sovershenstvovanii sistemy povysheniya kvalifikatsii rukovodyashchikh rabotnikov i spetsialistov promyshlennosti, stroitel'stva, transporta svyazi i trgovli: postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 06.07.1967 g. № 515 [On improving the system of advanced training for executives and specialists in industry, construction, transport, communications and trade: Resolution No. 515 of the Council of Ministers of the USSR dated July 6, 1967]. In: Voylenko, E.I. (ed.) *Vysshaya shkola: sb. osnovnykh postanovleniy, prikazov i instruktsiy: v 2 ch.* [Higher School: Collected Basic Regulations, Orders and Instructions: in 2 parts]. Vol. 2. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 87–89.
25. Union of Heads of Institutions and Departments of Further Professional Education and Employers. (n.d.) *Iz istorii dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [From the history of additional vocational education]. [Online] Available from: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=12635 (Accessed: 6th September 2023).
26. USSR. (1978) O dal'neyshem sovershenstvovanii raboty fakul'tetov povysheniya kvalifikatsii prepodavateley vysshikh uchebnykh zavedeniy: instruktsionnoe pis'mo ot 01.04.1976 № 11 [On further improvement of the work of faculties for advanced training of teachers of higher educational institutions: Instructional Letter No. 11 dated April 1, 1976]. In: Voylenko, E.I. (ed.) *Vysshaya shkola: sb. osnovnykh postanovleniy, prikazov i instruktsiy: v 2 ch.* [Higher School: Collected Basic Regulations, Orders and Instructions: in 2 parts]. Vol. 2. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 72–74.
27. USSR. (1978) Instruktsiya o poryadke stazhirovki na predpriyatiyakh, v uchrezhdeniyakh i organizatsiyakh prepodavateley vysshikh uchebnykh zavedeniy [Instructions on the procedure for internships at enterprises, institutions and organizations for teachers of higher educational institutions]. In: Voylenko, E.I. (ed.) *Vysshaya shkola: sb. osnovnykh postanovleniy, prikazov i instruktsiy: v 2 ch.* [Higher School: Collected Basic Regulations, Orders and Instructions: in 2 parts]. Vol. 2. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 74–75.
28. USSR. (1978) Polozhenie ob institute povysheniya kvalifikatsii prepodavateley obshchestvennykh nauk vysshikh uchebnykh zavedeniy [Regulations on the Institute for Advanced Training of Teachers of Social Sciences of Higher Education Institutions]. In: Voylenko, E.I. (ed.) *Vysshaya shkola: sb. osnovnykh postanovleniy, prikazov i instruktsiy: v 2 ch.* [Higher School: Collected Basic Regulations, Orders and Instructions: in 2 parts]. Vol. 2. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 76–78.
29. The Council of Ministers of the USSR. (1969) *Polozhenie o vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR: utv. Postanovleniem Soveta ministrov SSSR ot 22.01.1969 № 251* [Regulations on higher educational institutions of the USSR: Approved by Resolution No. 251 of the Council of Ministers of the USSR of January 22, 1969]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/765710565> (data obrashcheniya: 07.07.2023).
30. RSFSR. (1974) *O narodnom obrazovanii: zakon RSFSR ot 02.08.1974* [On public education: law of the RSFSR of August 2, 1974]. [Online] Available from: https://e-ecolog.ru/docs/GAT_GIY1LG1kR6qfGWR_0?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Accessed: 8th September 2024).

31. USSR. (1978) Polozhenie o fakul'tete po podgotovke organizatorov promyshlennogo proizvodstva i stroitel'stva i fakul'tete planirovaniya promyshlennogo proizvodstva pri vysshikh uchebnykh zavedeniyakh i o poryadke stazhirovki slushateley etikh fakul'tetov [Regulations on the faculty for training organizers of industrial production and construction and the faculty of industrial production planning at higher educational institutions and on the procedure for internships of students of these faculties]. In: Voylenko, E.I. (ed.) *Vysshaya shkola: sb. osnovnykh postanovleniy, prikazov i instruktsiy: v 2 ch.* [Higher School: Collected Basic Regulations, Orders and Instructions: in 2 parts]. Vol. 2. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 80–82.
32. The Council of Ministers of the USSR. (1988) *O perestroyke sistemy povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rukovodyashchikh rabotnikov i spetsialistov narodnogo khozyaystva: postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 06.02.1988 № 166* [On the restructuring of the system of advanced training and retraining of executives and specialists of the national economy: Resolution No. 166 of the Council of Ministers of the USSR of February 6, 1988]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/765704776> (Accessed: 15th September 2024).
33. Arnautov, V.V. & Sergeev, N.K. (2001) Istoriko-pedagogicheskiy analiz stanovleniya i razvitiya sistemy nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya [A historical and pedagogical analysis of the formation and development of the system of continuous pedagogical education]. *Pedagog. Nauka, tekhnologiya, praktika*. 2(11). pp. 5–15.

Сведения об авторе:

Расколец Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Raskolets Viktor V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Problematic Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia, Senior Lecturer at the Department of Russian History at Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 27.11.2024; accepted for publication 01.04.2025

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия

УДК 94(47)“18/19”

doi: 10.17223/19988613/94/24

**Меняющаяся ментальность сибиряков накануне революции. Рецензия:
Литягина А.В. Менталитет горожан Западной Сибири второй половины XIX –
начала XX вв.: монография. Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2024. 252 с.**

Екатерина Александровна Дегальцева

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Бийск, Россия, katerina3310@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена недавно вышедшей монографии бийского историка А.В. Литягиной «Менталитет горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.». В рецензии дается характеристика структуры и содержания монографии, проводится анализ проделанной работы, использованных источников, методологии и методики исследования. Отмечаются отдельные неточности и упущения, критикуется ряд выводов. Обоснован вывод о том, что данная монография значительно восполняет пробелы в знаниях о ментальности сибиряков взятого для исследования периода.

Ключевые слова: менталитет, Западная Сибирь, благотворительность, профессионализация, городское самоуправление, модернизация, гражданское общество

Для цитирования: Дегальцева Е.А. Меняющаяся ментальность сибиряков накануне революции. Рецензия: Литягина А.В. Менталитет горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: монография. Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2024. 252 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 207–210. doi: 10.17223/19988613/94/24

Book review

**Review: The changing mentality of Siberians on the eve of the revolution. Review:
Lityagina A.V. The mentality of the townspeople of Western Siberia in the second half
of the 19th – early 20th centuries: monograph. Biysk: AGGPU named V.M. Shukshin,
2024. 252 p.**

Ekaterina A. Degalceva

Altai State Technical University named I.I. Polzunov, Biysk, Russian Federation, katerina3310@yandex.ru

Abstract. Everyday life of the provincial cities of pre-revolutionary Russia is interesting from the point of view of the micro-historical analysis of the socio-cultural processes that took place at that time. The publication is dedicated to the recently published monograph by Biysk historian A.V. Lityagina “The mentality of the townspeople of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries.” The book by the historian Alla Lityagina is devoted to the mentality of the townspeople of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The territory taken for research in the late 19th – early 20th centuries is a zone of special social border conditions that reveal the importance of the region within Russia. The development of Siberia by the Russian Empire with elements of colonization entered its final phase. During this period, there was a transformation of the mentality of local residents and, mainly, city dwellers. The development of this region led to the meeting of traditional and modernization flows, their mutual influence and mutual penetration.

When studying mentality in the historical aspect, it is most difficult to outline the range of problems under consideration. A.V. Lityagina, well aware of this, limits her study to the consideration of the traditional components of mentality associated with class and religion, the professionalization of consciousness and its further secularization. The author, relying on a wide range of sources (reference and statistical materials, police reports and church registers, records management of public organizations, diaries and memoirs), conducts a scrupulous analysis of changes in class consciousness. A.V. Lityagina's conclusions about the preservation of the communal way of life corresponding to the type of traditional society are consistent with the opinion of other historians. At the same time, she did not escape the new personal quali-

ties that appeared among the philistines: individualism, pragmatism, rationality. The review describes the structure and content of the monograph, analyzes the work done, the sources used, methodology and research techniques. Some inaccuracies and omissions are noted, and a number of conclusions are criticized. The conclusion is substantiated that this monograph significantly fills the gaps in knowledge about the mentality of the Siberians of the period taken for study.

Keywords: mentality, Western Siberia, charity, professionalization, city government, modernization, civil society

For citation: Degalceva, E.A. (2025) Review: The changing mentality of Siberians on the eve of the revolution. Review: Lityagina A.V. The mentality of the townspeople of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: monograph. Biysk: AGGPU named V.M. Shukshin, 2024. 252 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 207–210. doi: 10.17223/19988613/94/24

Развитие российской провинции в пореформенный период шло с опозданием от центра, однако и она постепенно включалась в модернизационные процессы. Жизнь изменилась, она была насыщена новыми, непривычными событиями: строилась железная дорога, открывались школы, больницы, ехали переселенцы, развивали свой бизнес купцы и жертвовали огромные суммы на городское благоустройство, церкви, образование, исследование края. Все это меняло ментальность городских обывателей, их общественное сознание, стереотипы, повседневные поведенческие практики.

На протяжении последнего времени, после бурного всплеска 1990-х – начала 2000-х гг., интерес к исследованию истории повседневности, ментальных и социокультурных процессов на примере периферии резко сократился [1–5]. Очевидно, это вызвано и тем, что многогранное понятие менталитета включает в себя самые разные аспекты (образ жизни, мировосприятие, политику, семейно-брачные отношения, праздники и будни, труд и т.д.) и исследовательское поле до сих пор не очерчено. За раскрытие данных проблем брались и философы, и социологи, и антропологи, и этнографы, и психологи. Перед историками стоит трудная задача: применяя междисциплинарный подход рассмотреть процесс с высоты времени или четко ограничиться исторической спецификой.

Представляется, что второй путь обедняет любое исследование, однако А.В. Литягина в своей монографии «Менталитет горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.» уверенно ему следует. Такой фокусированный взгляд позволил автору провести добросовестный классический анализ региональной социальной истории.

Книга бийского историка Анны Литягиной посвящена менталитету горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Автор раскрывает целый ряд вопросов, связанных с изучением ментальности и общественного сознания различных сословий и социальных слоев на примере Западно-Сибирского региона. Взятая для исследования территория в конце XIX – начале XX в. – это зона особых социальных порубежных условий, раскрывающих значение региона в составе России. Освоение Российской империей Сибири с элементами колонизации вступило в завершающую фазу. В этот период шла трансформация менталитета местных жителей, преимущественно горожан. Освоение данного региона привело к встрече традиционных и модернизационных потоков, их взаимовлиянию и взаимному проникновению [6].

Рецензируемое исследование А.В. Литягиной «Менталитет горожан Западной Сибири второй половины

XIX – начала XX вв.» выводит нас на осмысление таких дихотомий, как «центр–провинция», «местные–пришлые», «новации–традиции», содержащих целый ряд противоречий. Сословный менталитет и религиозное сознание горожан той эпохи претерпевали серьезные изменения. Эти адаптационные практики и пересекающиеся жизненные стратегии объясняют некоторые особенности менталитета сибиряков в указанный период.

При изучении менталитета в историческом аспекте сложнее всего очертить круг рассматриваемых проблем. А.В. Литягина, прекрасно это понимая, ограничивает свое исследование рассмотрением традиционных составляющих менталитета, связанных с сословностью и религией, профессионализацией сознания и его дальнейшей секуляризацией. Автор, опираясь на широкий круг источников (справочные и статистические материалы, полицейские отчеты и церковные ведомости, делопроизводство общественных организаций, дневники и мемуары) проводит скрупулезный анализ изменений сословного сознания, делая при этом вывод о том, что «вплоть до советского времени в городах ценились коллективизм, корпоративный строй жизни [7. С. 68]. Выводы А.В. Литягиной о сохранении общинного уклада, соответствующего типу традиционного общества, согласуются с мнением и других историков. При этом от нее не ускользнули и новые личностные качества, появившиеся у мещан: индивидуализм, прагматизм, рациональность. Особенно это коснулось тех, кто активно вел предпринимательскую деятельность.

Комплексный анализ сословной психологии и религиозного сознания горожан Западной Сибири дает возможность не только изучить их повседневные практики, быт, события светской жизни, но и проследить за всеми изменениями, которые медленно, но верно шли в общественном сознании. Особенно ценным в данном разделе монографии является освещение конфессиональной жизни старообрядцев, которые являлись своеобразной частью православного населения региона и сведения о которых очень скудны. Нельзя не согласиться с А.В. Литягиной в том, что эти «консервативные общины не были вечны. Религиозное сознание староверов подчинялось общим закономерностям: при отчасти происходившем разрушении обрядности (особенно у молодого поколения) оставалось место для Бога в душе, для обращения к нему в тяжелые минуты жизни, сохранялась готовность для отдельных элементов ритуала» [7. С. 120]. Автор отмечает все же их большую религиозность по сравнению с остальными социальными группами, среди которых ее проявление не было «одинаково широким и глубоким» [7. С. 125].

Большим успехом стала глава, включающая разделы о профессионализации сознания горожан дореволюционной Западной Сибири, деятельности профессиональных объединений и органах общественного городского самоуправления. Справедливыми представляются выводы об активном процессе профессионализации сознания горожан. Однако этот процесс содержал ряд противоречий, состоящих в сохранении пережитков сословной психологии, элементов традиционного общества. «Поэтому консолидация социальных слоев по новому признаку была прогрессом, хотя с современных позиций это выглядит многочисленным дроблением общества на разнообразные замкнутые кружки и организации» [7. С. 142]. Для автора это стало фактором формирования гражданского общества, что, конечно, спорный вопрос. Трудовая взаимопомощь и защита перед государством, несомненно, являются элементами гражданского общества, но еще далеко не зрелого.

Пафосный настрой и излишняя идеализация прослеживаются у А.В. Литягиной при описании деятельности профессиональных организаций и гласных городских дум. Не все из них, разумеется, радели о благе города и Отечества, тем более что состав органов западносибирского общественного самоуправления был в основном купеческим, и предприниматели нередко отстаивали свои коммерческие интересы. Однако благотворительность и общественная активность данного сословия зачастую идеализируются автором.

Критики заслуживают и некоторые выводы автора о преобладании православных установок в поведении населения, ориентации на православные ценности и нормы, уважении к существующей власти [7. С. 73]. Ряд исследователей говорят о кризисе монархических установок и религиозного сознания в указанный период [6; 7; 8. С. 41]. В свою очередь, А.В. Литягина в разделе «Секуляризация общественного сознания» все же делает вывод о падении «уровня религиозной обрядности, а не о падении в целом религиозности населения», обосновывая его отсутствием источников об утверждении атеизма в общественном сознании [7. С. 218].

Большой удачей для автора стал интереснейший раздел последней главы о развитии сферы услуг на примере фотографического дела, сопровождаемый целым рядом уникальных снимков разных форматов. Фотосалоны пользовались широким спросом в западносибирских городах, и А.В. Литягина объясняет это не только потребностью семьи увековечить о ней память, но и происходившей демократизацией общественного сознания, доступностью такого рода услуг, демонстрирующей разложение сословных привилегий [7. С. 218, 241]. Автор уделяет подробное внимание описанию развития фотодела в регионе, расценках и популярности фотоуслуг.

Сильными сторонами работы являются обнаружение неопубликованных ранее архивных материалов, освещение малоизученных аспектов ментальности и противоречивых процессов, связанных с изменением общественного сознания в переломную эпоху.

Список источников

1. Скубневский В.А. Заметки о духовном мире барнаульского купечества // Образование и социальное развитие региона. 1995. № 2. С. 113–119.
2. Лисичникова А.В. Образ жизни интеллигенции губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. 26 с.
3. Санникова Т.О. Интеллигенция российской провинции XIX в.: мировоззрение и образ жизни (на материалах Урала) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
4. Андреев Ч.Г. Образ жизни коренных народов Восточной Сибири (бурят, хакасов, якутов) во второй половине XIX – начале XX вв.: историческое исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2002. 39 с.
5. Бойко В.П. Менталитет сибирского купечества в конце XVIII – XIX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск : ИИ, 2003. С. 68–88.
6. Дегальцева Е.А. Повседневный быт населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 75–86.
7. Литягина А.В. Менталитет горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.. Бийск : АГТПУ им. В.М. Шукшина, 2024. 252 с.
8. Дегальцева Е.А. Образ власти в представлениях сибиряков (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории Сибири XX века : междуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2005. Вып. 7. С. 29–41.
9. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Ин-т истории Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Новосибирск, 2002. Вып. 2. 94 с.

References

1. Skubnevskiy, V.A. (1995) Zametki o dukhovnom mire barnaul'skogo kupechestva [Notes on the Spiritual World of the Barnaul Merchants]. *Obrazovanie i sotsial'noe razvitie regiona*. 2. pp. 113–119.
2. Lisichnikova, A.V. (2000) *Obraz zhizni intelligentsii gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v.* [Lifestyle of the Intelligentsia of Provincial and Regional Centers of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
3. Sannikova, T.O. (2002) *Intelligentsiya rossiyskoy provintsiy XIX v.: mirovozzrenie i obraz zhizni (na materialakh Urals)* [Intelligentsia of the Russian Provinces in the 19th Century: Worldview and Lifestyle (Based on Materials from the Urals)]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
4. Andreev, Ch.G. (2002) *Obraz zhizni korennykh narodov Vostochnoy Sibiri (buriat, khakasov, yakutov) vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: istoricheskoe issledovanie* [Lifestyle of the indigenous peoples of Eastern Siberia (Buryats, Khakasians, Yakuts) in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Irkutsk.
5. Boyko, V.P. (2003) Mentalitet sibirskogo kupechestva v kontse XVIII – XIX vv. [Mentality of Siberian merchants in the late 18th – 19th centuries]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv.* [Siberian Society in the Context of Modernization of the 18th – 20th Centuries]. Novosibirsk: NSU. pp. 68–88.
6. Degaltseva, E.A. (2005) *Povsednevnyy byt naseleniya Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Everyday life of the population of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 75–86.
7. Lityagina, A.V. (2024) *Mentalitet gorozhan Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [The mentality of Western Siberian townspeople in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Biysk: AltSPU.
8. Degaltseva, E.A. (2005) *Obraz vlasti v predstavleniyakh sibir'yakov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The image of power in the minds of Siberians (second half of the 19th – early 20th centuries)]. In: *Voprosy istorii Sibiri XX veka* [Questions of the history of Siberia in the 20th century]. Vol. 7. Novosibirsk: NSU. pp. 29–41.

9. Rezun, D.Ya., Lamin, V.A., Mamsik, T.S. & Shilovskiy, M.V. (2002) *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe* [The frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: general and specific]. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Сведения об авторе:

Дегальцева Екатерина Александровна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Бийского технологического института Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Бийск, Россия). E-mail: katerina3310@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Degalceva Ekaterina A. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Biysk Technological Institute of Altai State Technical University named after I.I. Polzunov (Biysk, Russian Federation). E-mail: katerina3310@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 21.10.2024; accepted for publication 01.04.2025

Рецензия

УДК 929.53

doi: 10.17223/19988613/94/25

О кыргызском князе Эренике замолвите слово... Рецензия на книгу: Козодой В.И. Князь сибирских кыргызов Эренок. Новосибирск: Дом Лира, 2023. 160 с.

Алексей Сергеевич Нилогов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, nilogov1981@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается монография доктора исторических наук Виктора Ивановича Козодоя, посвященная биографии лидера сибирских кыргызов XVII в. князя Эреника. В ней автор предпринял ребрендинг политико-этнической принадлежности кыргызского князя Алтисарского улуса XVII в. Эреника. Козодой вернул ему историческое именование в соответствии с бытованием в русских документах, но лишь отчасти. Благодаря широкой PR-кампании книга Козодоя вызвала большой общественный и научный интерес как в России, так и в Киргизии, тем не менее издание изобилует многочисленными ошибками и опечатками.

Ключевые слова: Козодой, Эренок, сибирские кыргызы, Бутанаев, хакасы, Кызласов, Российский государственный архив древних актов, князец, Сибирский приказ, Абдыкалыков

Для цитирования: Нилогов А.С. О кыргызском князе Эренике замолвите слово... Рецензия на книгу: Козодой В.И. Князь сибирских кыргызов Эренок. Новосибирск: Дом Лира, 2023. 160 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 211–214. doi: 10.17223/19988613/94/25

Book review

Put in a word about the Kyrgyz Prince Erenek... Review on the book: Kozodoy V. I. Prince of the Siberian Kyrgyz Erenek. Novosibirsk: Dom Lira LLC, 2023. 160 p.

Alexey S. Nilogov

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation, nilogov1981@yandex.ru

Abstract. The review examines a monograph by Viktor Ivanovich Kozodoy, Doctor of Historical Sciences, dedicated to the biography of the leader of the Siberian Kyrgyz of the XVII century, Prince Erenek. In this work, the author undertook a rebranding of the political and ethnic identity of the Kyrgyz prince of Altysarsky ulus of the XVII century, Erenek. Kozodoy returned him the historical name in accordance with the existence in Russian documents. However, it is incorrect for the author to use the term "prince" as the title of Erenek, because in Russian documents he is called "princeling", that is, in the status of the leader of a foreign tribe, the elder of the clan, a representative of the ancestral nobility mainly among the indigenous peoples of Siberia and the Far East. Kozodoy does not agree with the Khakass ethnographer V. Ya. Butanaev, who called Erenek the "great Khakass prince", since the term "Khakass" appeared only in the 1920s as a generalizing ethnonym for various foreign subethnoi of the Minusinsk basin.

The novelty of the monograph can be attributed to the fact that for the first time a separate biographical study is devoted to the Kyrgyz Prince Erenek. The source-based merits of Kozodoy should include actualization in scientific circulation, for instance, the first mention of the name of Erenek in Russian documents for 1660, which historians have not paid attention to so far. However, for the rest, both historiography and source studies about Erenek are well known from previous publications. Apparently, the author did not carry out a full-fledged source revision of the entire historiography about Erenek. This work involves an appeal to historical primary sources, in particular, to the cases of the Siberian Order (fund No. 214) of the Russian State Archive of Ancient Acts. Thanks to an extensive PR campaign, Kozodoy's book has aroused great public and scientific interest both in Russia and Kyrgyzstan. Nevertheless, the publication is replete with numerous errors and typos, which indicate poor-quality scientific review during the preparation of the monograph.

Keywords: Kozodoy, Erenek, Siberian Kyrgyz, Butanaev, Khakasy, Kyzlasov, Russian state archive of ancient acts, princeling, Siberian order, Abdykalykov

For citation: Nilogov, A.S. (2025) Put in a word about the Kyrgyz Prince Erenek... Review on the book: Kozodoy V.I. Prince of the Siberian Kyrgyz Erenek. Novosibirsk: Dom Lira LLC, 2023. 160 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 211–214. doi: 10.17223/19988613/94/25

В своей монографии доктор исторических наук В.И. Козодой попытался осуществить ребрендинг политико-этнической принадлежности кыргызского князя Алтысарского улуса XVII в. Эренека (середина 1630-х гг. – 1687), вернув ему историческое именование согласно бытованию в русских документах. Козодой не согласен с хакасским этнографом В.Я. Бутанаевым, который называл Эренека «великим хакасским князем» [1. С. 14], так как термин «хакасы» появился лишь в 1920-е гг. как генерализирующий этноним для разных инородческих субэтносов Минусинской котловины [2]. Интерпретируя деятельность Эренека в контексте цивилизации сибирских кыргызов, Козодой пишет: «Ситуация на сегодняшний момент сложилась так, что, с одной стороны, изучению биографии Эренека не уделялось должного внимания, с другой стороны, наблюдаем явные попытки вычеркнуть его имя из истории кыргызского народа и записать исключительно в историю хакасов. С чем, как уже говорилось, согласиться никак нельзя. Для выполнения названных пробелов в изучении биографии кыргызского князя Эренека и велась данная работа» [1. С. 16]. Термин «Кыргызская земля» («Киргизская земля») использовался русскими властями в XVII в., а это, по словам Козодой, «лишь подтверждает, что власти воспринимали местное население именно как кыргызов, а не каким-либо другим народом, например хакасами, как это пытаются представить некоторые специалисты» [1. С. 55].

Однако недоумение вызывает использование автором термина «князь» в качестве титула Эренека, тогда как в русских документах его называют «князем», т.е. в уменьшительном и отчасти пренебрежительном (дискриминирующем) статусе вождя инородческого племени, старейшины рода, представителя родовой знати преимущественно у коренных народов Сибири и Дальнего Востока (также встречается форма «князёк» по отношению к предкам Эренека). В письме Еренак красоярскому воеводе использовано слово «князь» (в переводе на русский язык): «Я де князь кыргызской, Ереняк <...>» [3. С. 141]. Нам не совсем понятно и то, почему автор избирает такую редкую форму имени, как «Эренок», отмечая, что «в российских архивных документах XVII в. использовалось почти полтора десятка транскрипций его имени» [1. С. 18], причем ссылку на форму «Эренок» нигде не дает. Нам же известны такие формы его имени: Еренак, Еранак, Ереначка, Ереняк, Еряняк, Ернак, Яраначка, Яренка, Яреняк (отчество – Ишеев / Ишиев) [4. С. 520].

К источниковедческим заслугам автора стоит отнести актуализацию в научном обороте, по-видимому, первого упоминания имени Эренека в русских документах за 1660 г. Ранее первое упоминание об Эренике относилось к 1665 г. По мнению Козодой, «за эти пять лет произошло множество важных для героя книги событий, без осмысления которых невозможно будет понять ход всей дальнейшей истории» [1. С. 91]. Конечно, Козодой не является первооткрывателем этого факта, так как еще в 1996 г. в «Материалах по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685 гг.», составленных Г.И. Слесарчуком, опубликован «Статейный список посольства томского сына боярского С. Грече-

нина к Алтын-хану Лубсану» за 1659–1660 гг., в котором в самом конце и упомянут «князец Ернак Ишеев» [4. С. 66]. Кстати, оригинал этого документа хранится в Российском государственном архиве древних актов (Ф. Сибирский приказ. Стб. 614. Л. 12–35), однако Козодой дает ссылку на копию XVIII в., с которой он познакомился в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 21 (Портфели Миллера). Оп. 4. Кн. 19. Л. № 59. Л. 125 об.–140), о чем и сообщил в сноске [1. С. 90]. Однако ссылка на копию XVIII в. была приведена еще в издании 1996 г., поэтому никакого источниковедческого первенства Козодой в этом нет.

Не совсем понятно, была ли вообще проведена полноценная источниковедческая ревизия всей историографии об Эренике, которой пользовался автор. Такая работа предполагает обращение к историческим первоисточникам, в частности к делам Сибирского приказа (фонд № 214 РГАДА). Одно дело – компилировать новую биографию исторического деятеля из уже опубликованных материалов, совсем другое – сверяться с архивными документами, чтобы лично провести сверку фактов. Вероятно, Козодой не верифицировал каждый цитируемый источник с архивным оригиналом, однако ему удалось обнаружить ряд ошибок в историографии предшественников. Так, восстановлена хронология событий, связанных с Эреником, за 1667 г.: «Таким образом, установлена важная для нас последовательность событий, что дает понимание далее случившемуся. При этом в мае 1667 г. был организован поход на Красноярск, а уже в июне пленен разгромленный Алтын-хан, а не наоборот, как утверждает в своей работе Л. Кызласов» [1. С. 108]. Также, по словам Козодой, историк С.В. Бахрушин указал, что Эреник дважды подходил к Красноярску в 1678 г., однако эти события происходили в июле и сентябре 1679 г. [1. С. 129]. Особенно нас заинтересовала информация из Исторического архива Омской области, в котором автор изучил фонд краеведа Г.Е. Катанаева, выяснив, что в начале XVIII в. «все они [кыргызы] постепенно были выселены в малодоступные теснины Джунгарского Алтау и Тянь-Шаня, где они и днесь обитают большею частью в качестве русских подданных под именем дико-каменных или черных кыргызов» [1. С. 145–146]. Тем не менее Козодой признается, что никакими документами о судьбе переселившихся потомков Эреника на Тянь-Шань он не располагает.

Проблему установления точной даты рождения Эреника автор объясняет следующим образом: «Дело в том, что из-за отсутствия документов мы не можем назвать точную дату рождения Эреника. Судя по всему, родился он в середине тридцатых годов, если исходить из того, что в самом конце пятидесятых годов XVII в. он уже был князем» [1. С. 71]. Хотелось бы уточнить у автора, о каких именно документах может идти речь, если у кыргызов в XVII в. никакой собственной письменности не существовало, за исключением монгольской? Неужели Козодой намекает на какие-то метрические книги или иные регистры (в Европе и России в них фиксировались факты крещений), пытаясь обосновать отсутствие точной даты рождения Эреника?.. Удивительным для нас оказалась

неполнота информации о дате смерти Эренека: назван лишь 1687 год, хотя из источников известно, что он погиб в сентябре 1687 г. около Телецкого озера [5. С. 104]. Учитывая, что автору приходилось по крупницам собирать информацию об этом алтысарском князе, игнорирование даты гибели, на наш взгляд, недопустимо.

Несмотря на актуализацию некоторых фактов биографии Эренека, в монографии имеются ошибки и опечатки, на которые стоит обратить внимание. Так, например:

1) китайский историк Сыма Цянь записан как «Сама Цань» [1. С. 27];

2) белые калмыки записаны как «беглые» [1. С. 58];

3) хакасский археолог и историк Л.Р. Кызласов записан как «А. Казласов» [1. С. 108];

4) родной брат Эренека Иван Айкан записан как «Иван Айтан» [1. С. 99, 100, 116], причем в другом месте его имя употреблено верно [1. С. 126]; от Айкана происходят казаки Айкановы, основавшие станицу Форпост (ныне Солёноозёрное);

5) князец Шанды (Шандык) записан как «Шандын» [1. С. 129], хотя далее по тексту его имя употреблено правильно, но, правда, без окончания при склонении [1. С. 131];

6) фамилия пешего казака Прокофия Шошина, который ранил Эренека в бою, записана как «Шошип», а ведь Шошины – известная старожильская фамилия в Сибири [1. С. 130];

7) цитируя книгу И.И. Тыжнова, Козодой езерских князей ошибочно записал как едерских, а боярского сына Греченинова – Гречаниновым [1. С. 134];

8) река Уйбат записана как «Уйбан» [1. С. 135];

9) имя собственное Кубага Кашка записано ошибочно как «Кубачага Кашна» [1. С. 140];

10) в письме Эренека к русскому царю, которое автор позаимствовал из книги А. Абдыкалыкова, вместо правильного словосочетания «ведает Москву» ошибочно записано «выдает Москву» [1. С. 140].

Кроме этого, нами выявлены небрежное отношение к оформлению списка литературы, ошибки в названии архивов и другие грамматические ошибки. Автор также целенаправленно избегает употребления отчества в инициалах ученых, хотя для себя везде делает исключение. Наша отдельная претензия – к оформлению сносок, которые – то ли изначально, то ли при верстке – не были упорядочены единообразно, в результате чего солидный объем монографии занимают повторяющиеся названия цитируемых книг, нередко записанные с ошибками. Например:

1) название Национального архива Республики Хакасия употреблено с ошибками: «Национальный архив республики Хакасии» [1. С. 14, 151];

2) название Санкт-Петербургского филиала Архива РАН употреблено ошибочно: «Санкт-Петербургский филиал Академии наук РАН» [1. С. 151];

3) использование советской аббревиатуры для Российского государственного архива древних актов (РГАДА) – ЦГАДА [1. С. 111];

4) Исторический архив Омской области назван то государственным архивом Омской области, то Госу-

дарственным историческим архивом Омской области (ГИАОО) [1. С. 145, 146];

5) использовано разговорное и даже вульгарное слово «поймать» [1. С. 42];

6) вместо формы множественного числа ошибочно употреблена форма единственного числа (фрагмент предложения: «подданные которого был кыштымами у сибирских кыргызов») [1. С. 42];

7) в местоимении «какая-либо» пропущен дефис (фрагмент предложения: «Он понял, что надеяться на какую либо преданность») [1. С. 57];

8) в наречии «по-кыргызски» отсутствует дефис (фрагмент предложения: «материл их по кыргызски») [1. С. 103];

9) неправильное склонение слова «отряды» – вместо правильной формы «отрядах» ошибочно указана форма «отрядов» (фрагмент предложения: «получил информацию о выдвинутых против него отрядов») [1. С. 133];

10) инверсия при использовании вводного словосочетания «к сожалению» (фрагмент предложения: «Но слухи, к сожалению воевод, не оправдались») [1. С. 124];

11) использование частицы «не» вместо правильной усилительной формы «ни» (фрагмент предложения: «от кого бы они не исходили») [1. С. 94];

12) отсутствие склонения имени собственного, которое к тому же записано ошибочно: «Кубачага Кашна» вместо правильного «Кубагой Кашкой» (фрагмент предложения: «Послы Эренека во главе с Кубачага Кашна были») [1. С. 140];

13) отсутствие обособления запятой после вводного слова «видимо» (предложение: «Но затем отряд вновь собрался – видимо это был один из тактических приемов Эренека») [1. С. 132];

14) пропуск буквы в союзе «как» (фрагмент предложения: «которому, ак уже говорилось») [1. С. 85];

15) в справке об авторе название Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова НАН Казахстана написано со строчной буквы, в названии Института истории и социально-политических исследований (общественная организация) также допущена небрежность: пропущен знак дефиса в слове «социальнополитических», а также в слове «организационноуправленческие» [1. С. 158];

16) в сносках и списке литературы при цитировании избранных работ по истории Сибири С.В. Бахрушина нет уточнения, что автором используется именно вторая часть III тома, содержащая главу про енисейских киргизов XVII в., при этом у Козодоя везде указан еще не наступивший XXII век [1. С. 107];

17) обсуждая события 1667 г., автор ошибочно делает ссылку на «Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг.» (М., 1959), хотя на самом деле имеются в виду «Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685 гг.» (М., 1996) [1. С. 108].

Благодаря удачно проведенной PR-кампании книга В.И. Козодоя вызвала большой общественный и научный интерес в Киргизии и России, породив вал одобрительных и критических отзывов в социальных сетях. Актуализация имени Эренека в массовом историче-

ском сознании считаем достоинством монографии, тем более что автор замыслил продолжение в виде исследования о двухтысячелетней кыргызской цивилизации. Эффект популярности монографии Козодоя в Кыргызстане мы объясняем потребностью в восстановлении этноисторической справедливости, с одной стороны, и этномифологическом реваншизме – с другой. Это одновременно и поиск своей этнической идентичности (самобытности), и осознание вины за потерянную историю предков. К положительным сторонам также

следует отнести научно-популярный стиль изложения, избранный автором для увеличения читательской аудитории: книга издана на русском и киргизском языках, общий тираж составил 10 тысяч экземпляров.

Несмотря на то, что у монографии есть научный редактор (доктор исторических наук В.А. Демидов) и два рецензента (кандидат исторических наук Т.А. Акеров и кандидат политических наук А.И. Степанов), это не убергло ее от ошибок и опечаток, которые должны быть исправлены во втором издании.

Список источников

1. Козодой В.И. Князь сибирских кыргызов Эренек. Новосибирск : Дом Лира, 2023. 160 с.
2. Бутанаев В.Я. Сказание о великом хакасском князе Еренаке. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2006. 154 с.
3. Абдыкалыков А., Бутанаев В.Я. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан : Хакасия, 1995. 249 с.
4. Русско-монгольские отношения. 1654–1685 : сб. документов / сост. Г.И. Слесарчук. М. : Вост. лит. РАН, 1996. 559 с.
5. Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке. Фрунзе : Илим, 1968. 140 с.

References

1. Kozodoy, V.I. (2023) *Knyaz' sibirskikh kyrgyzov Erenek* [Prince Erenek of the Siberian Kyrgyz]. Novosibirsk: DOM LIRA.
2. Butanaev, V.Ya. (2006) *Skazanie o velikom khakasskom knyaze Erenake* [The legend of the great Khakass Prince Yerenak]. Abakan: KhSU.
3. Abdykalykov, A. & Butanaev, V.Ya. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII – nachala XVIII vv.* [Materials on the history of Khakassia of the 17th – early 18th centuries]. Abakan: Khakasiya.
4. Slesarchuk, G.I. (ed.) (1996) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654–1685: sb. dokumentov* [Russian-Mongolian relations. 1654–1685. Collected documents]. Moscow: Vostochnaya literatura.
5. Abdykalykov, A. (1968) *Eniseyskie kirgizy v XVII veke* [The Yenisei Kirghiz in the 17th century]. Frunze: Ilim.

Сведения об авторе:

Нилогов Александр Сергеевич – кандидат философских наук, заведующий лабораторией генеалогических исследований ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» (Абакан, Россия). E-mail: nilogov1981@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nilogov Aleksandr S. – Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Genealogical Research Laboratory, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: nilogov1981@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 23.08.2024; accepted for publication 01.04.2025

Рецензия

УДК 94(47).084.6

doi: 10.17223/19988613/94/26

«Всё это из нашей истории строки». Рецензия: Шпрингер А.Э. Забытые герои Кузнецкстроя. Новокузнецк: Информационно-Аналитический центр, 2024. 240 с.

Алексей Николаевич Худолеев¹, Лев Алексеевич Тресвятский², Мария Николаевна Худолеева³

¹ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета,
Новокузнецк, Россия

^{2,3} Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк, Россия

¹ khudoleev73@mail.ru

² lev-35@mail.ru

³ ariadna21@list.ru

Аннотация. Публикация посвящена недавно вышедшей монографии новокузнецкого журналиста и краеведа А.Э. Шпрингера «Забытые герои Кузнецкстроя». Обобщается содержание работы, отмечаются как сильные ее стороны (обнародованный материал, освещение малоизученных аспектов повседневной жизни строителей Кузнецкого металлургического комбината), так и слабые (расположение материала, неточности и опечатки, дискуссионность названия). В итоге делается вывод о важности рецензируемого издания для изучения биографической, бытовой и повседневной истории Кузнецкстроя.

Ключевые слова: Кузнецкстрой, индустриализация, Новокузнецк, Сталинск, Кузнецкий металлургический комбинат

Для цитирования: Худолеев А.Н., Тресвятский Л.А., Худолеева М.Н. «Всё это из нашей истории строки». Рецензия: Шпрингер А.Э. Забытые герои Кузнецкстроя. Новокузнецк: Информационно-Аналитический центр, 2024. 240 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 215–218. doi: 10.17223/19988613/94/26

Book review

“All this is from our history lines”. Review: Shpringer A.E. Forgotten heroes of Kuznetskstroy. Novokuznetsk: Information and Analytical Center, 2024. 240 p.

Aleksey N. Khudoleev¹, Lev A. Tresvyatsky², Maria N. Khudoleeva³

¹ Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation

^{2,3} Siberian State Industrial University Novokuznetsk, Russian Federation

¹ khudoleev73@mail.ru

² lev-35@mail.ru

³ ariadna21@list.ru

Abstract. The study of the creation of an industrial and industrial base in the USSR during the first five-year plans is interesting from the point of view of a microhistoric analysis of the socio-economic processes taking place at that time. One of its aspects is the consideration of subjects related to the biographical cross-section, everyday life and everyday life of participants in great production projects. The focus of our attention is an attempt to explore the biographies of some builders of the Kuznetsk Metallurgical Plant in the work of Novokuznetsk journalist and local historian A.E. Springer "Forgotten heroes of Kuznetskstroy". The purpose of the review is to acquaint the scientific community with the monograph published in 2024, to show its strengths and weaknesses, to determine its place in the local history of Kuzbass. The source base of the work consists of archival documents of the Kuzbass State Archive in Novokuznetsk, the Novokuznetsk Museum of Local Lore, the Scientific and Technical Museum named after academician I.P. Bardin, as well as a number of printed publications (memoirs of I.P. Bardin, I.P. Khrenov, S.M. Frankfort, D.F. Safonov, V.N. Ushatin, A.N. Pirozhkova, etc., newspapers "Bolshevik Steel"). A.E. Springer's research tells about nine biographies of people who, each in their own way, remained in the historical memory of Kuznetsk. We will learn about the difficult fates of I.P. Khrenov and the first party organizer of Kuznetskstroy A.S. Kulakov, the young years of the future famous Soviet diplomat D.F. Safonov and the future Minister of Transport Construction of the USSR E.F. Kozhevnikov, the founder of the Komsomol shock brigades at Kuznetskstroy S.M. Dzenzel, knights of the Order of Lenin M.N. Roganov and T.A. Palatkina, bridge builder V.N. Ushatina, the wife of I.E. Babel, "Princess Turandot" by A.N. Pirozhkova. Due to this, the history of Kuznetskstroy ceases to be an example of only a mass labor feat, as it acquires a human

dimension. The peer-reviewed publication has both advantages (published material, coverage of little-studied aspects of the daily life of the builders of the Kuznetsk Metallurgical Plant), as well as disadvantages (location of the material, inaccuracies and typos, controversial title). As a result, the conclusion is made about the importance of A.E. Springer's work for the study of the biographical, household and everyday history of Kuznetsk. She revealed unknown pages of the biographies of the heroes of Kuznetsk, published a wealth of photographic material.

Keywords: Kuznetskstroy, industrialization, Novokuznetsk, Stalinsk, Kuznetsk Metallurgical Plant

For citation: Khudoleev A.N., Tresvyatsky L.A., Khudoleeva M.N. (2025) "All this is from our history lines". Review: Shpringer A.E. Forgotten heroes of Kuznetskstroy. Novokuznetsk: Information and Analytical Center, 2024. 240 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 215–218. doi: 10.17223/19988613/94/26

Строительство Кузнецкого металлургического комбината (Кузнецкстрой), воспетое в 1929 г. В.В. Маяковским в сатирическом журнале «Чудак» [1], является знаковым событием для истории индустриализации в СССР. Грандиозное и масштабное мероприятие первой пятилетки дало начало не только металлургическому гиганту и новому советскому городу Новокузнецку (Сталинску), поскольку, по справедливому замечанию автора рецензируемого издания, находившийся на правом берегу Томи дореволюционный Кузнецк к Кузнецкстрою имел «очень опосредованное отношение <...>» [2. С. 13], но и включило в свой водоворот многочисленные судьбы его непосредственных участников. Такие имена, как металлург-доменщик М.К. Курако, главный инженер Кузнецкстроя и КМК И.П. Бардин, «человек-экскаватор», землекоп А.С. Филиппов, начальник Кузнецкстроя и первый директор КМК С.М. Франкфурт, первый секретарь Сталинского горкома ВКП(б) Р.М. Хитаров, легендарный директор КМК периода Великой Отечественной войны Р.В. Белан хорошо известны не только специалистам в области экономической истории Кузбасса. Однако биографии многих кузнецкстроевцев, несмотря на желание некоторых из них запечатлеться в памяти потомков [3], остаются до сих пор неизвестными. Поэтому немногочисленные попытки пролить свет на затемненные страницы истории Кузнецкстроя вызывают уважение и интерес [4].

Рецензируемая работа принадлежит А.Э. Шпрингеру – журналисту, выпускнику филологического факультета Томского государственного университета, краеведу. На основе архивных материалов (Государственный архив Кузбасса в г. Новокузнецке, Новокузнецкий краеведческий музей, Научно-технический музей им. академика И.П. Бардина) и ряда печатных изданий (воспоминания И.П. Бардина, И.П. Хренова, С.М. Франкфурта, Д.Ф. Сафонова, В.Н. Ушатина, А.Н. Пирожковой и др., газета «Большевистская сталь») автор постарался рассказать о жизни и деятельности нескольких, на его взгляд, забытых героев одной из великих строек первой советской пятилетки.

В книге представлено девять биографических очерков, посвященных людям, которые, каждый по-своему, остались в исторической памяти Кузнецкстроя. Первым в этом перечне стоит И.П. Хренов, судьбоносная встреча которого с В.В. Маяковским породила на свет знаменитое стихотворение. Недолгое пребывание на раннем этапе Кузнецкстроя в качестве представителя профсоюза рабочих-металлистов до конца жизни оставалось значимым для И.П. Хренова. Будучи репрессированным и оказавшись на колымском этапе, он, по

свидетельству В.Т. Шаламова, хранил у себя одноклассник В.В. Маяковский, содержавший стихотворение о Кузнецкстрое [5. С. 572]. Репрессивный молох лишь по касательной задел первого парторга Кузнецкстроя А.С. Кулакова, который имел репутацию жесткого, справедливого и беспощадного борца с бесхозяйственностью, разгильдяйством, бытовым вредительством, обильно распространившимися в начале великой стройки. Неслучайно он был избран делегатом от Кузнецкстроя на XVI съезд ВКП(б). Не сработавшись с С.М. Франкфуртом, А.С. Кулаков вынужден был уехать и до конца жизни занимал различные хозяйственные, административные и партийные должности.

Отметился на Кузнецкстрое и известный советский дипломат, имевший высший дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посла, Д.Ф. Сафонов. Осенью 1932 г. молодой выпускник рабфака Ленинградского технологического института приехал в Сталинск и устроился слесарем в мартеновский цех. О трудовых буднях, быте работников завода и жителей молодого советского города Д.Ф. Сафонов подробно рассказал в своих воспоминаниях [6], из которых А.Э. Шпрингер приводит порой слишком обширные выдержки. Автор обнаруживает любопытную информацию о работе Д.Ф. Сафонова в должности заместителя коммерческого директора КМК. Поражает масштаб причитавшихся по соответствующей номенклатуре льгот и привилегий: открытый доступ к руководителям комбината, значительное увеличение зарплаты, отдельное жилье с электрическим чайником, электрическим утюгом, электрической кастрюлей-скороваркой, собственный кабинет с личным телефоном, секретарша, персональная лошадь с коляской и извозчиком для служебных и личных целей, пропуск в столовую инженерно-технических работников и специальный магазин-распределитель.

К комсомольской номенклатуре принадлежал следующий герой – С.М. Дзензель. Он стоял у истоков создания комсомольско-молодежных ударных бригад на Кузнецкстрое, которые постоянно доказывали, что «комсомол и на плохом месте может хорошо сделать» [2. С. 93], занимал последовательно посты начальника литейного, копрового цехов и заместителя начальника мартеновского цеха, что не спасло его в конечном итоге от расстрела в период большого террора.

Погибший в декабре 1942 г. под Сталинградом монтажник М.Н. Роганов – один из первых кузнецкстроевцев, награжденных орденом Ленина [7, 8]. М.Н. Роганов принимал активное участие в возведении четырех доменных печей КМК. Для того чтобы

3 апреля 1932 г. первая доменная печь дала стране чугуна, бригада монтажников под руководством М.Н. Роганова всю зиму трудилось в 45–50-градусные морозы на 30–40-метровой высоте. А.Э. Шпрингер пишет об интересном эпизоде. Для качественной работы первых двух доменных печей необходимо было смонтировать козловой рудный кран весом в 640 тонн. Прибыл он из Германии в разобранном виде без чертежей. Иностранные специалисты ехать в далекую и холодную Западную Сибирь не спешили. Бригада М.Н. Роганова решила монтировать кран «вслепую». Когда половина конструкции была уже собрана, на стройплощадке появились давно ожидаемые немцы. Они потребовали разобрать кран и начать монтаж заново. Однако М.Н. Роганов отказался и предложил провести проверку уже выполненных работ. Отклонений от чертежных норм выявлено не было, и работа продолжилась. 9 марта 1933 г. сборку крана завершили [9].

Много страниц уделяется плодотворной работе на Кузнецкстрое в качестве начальника «Земжелдорстроя», занимавшегося прокладкой железнодорожных путей и шоссейных дорог как на территории завода, так и в городе, будущего члена ЦК КПСС, министра транспортного строительства СССР Е.Ф. Кожевникова. Отметим наиболее важные его достижения: строительство первого в СССР автомобильно-пешеходного тоннеля под КМК протяженностью 540 м, шириной 10 м и высотой почти 4 м [10]; прокладка трамвайных путей и запуск первого трамвая в Сибири [11].

Точку зрения о том, что КМК был построен исключительно киркой и лопатой, опровергает очерк о В.Н. Ушатине. Молодой инженер был приглашен на Кузнецкстрой лично И.П. Бардиным, ему был поручен отдел механизации. В ведении В.Н. Ушатина находилась вся спецтехника: экскаваторы, краны, бетономешалки, насосы, ленточные транспортеры, тракторы, автомобили и т.д. Техники со временем было достаточно, остро не хватало квалифицированных кадров для управления ею [12]. С 1935 по январь 1938 г. он возглавлял «Земжелдорстрой» вместо уехавшего Е.Ф. Кожевникова. Главное детище В.Н. Ушатина – коммунальный капитальный мост через Томь, соединивший левый берег реки с Кузнецким районом (Старый Кузнецк), прослуживший до 1972 г.

В книге А.Э. Шпрингера нашлось место и двум героиням. Одна из них – вторая жена И.Э. Бабеля А.Н. Пирожкова. Выпускница Сибирского технологического института им. Ф.Э. Дзержинского (г. Томск) работала в конструкторском бюро Кузнецкстроя, где участвовала в проектировании промышленных и административных объектов КМК, в частности здания заводууправления, конструкций литейного и прокатного цехов. Подробности жизни и работы на Кузнецкстрое, а также историю, почему она была известна там

как «принцесса Турандот», А.Н. Пирожкова живописно отобразила в своих воспоминаниях [13]. Вторая героиня – кавалер ордена Ленина Т.А. Палаткина – мотористка шамото-динасового (огнеупорного) цеха, в котором производились огнеупорные кирпичи для доменных и мартеновских печей. Кроме того, она отличалась активной общественной работой, так как была уверена в том, что советскую женщину не может не интересовать общественная жизнь [14]. В 1936 г. Т.А. Палаткина принимала участие в работе Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, который утвердил новую Конституцию СССР [15].

Полезным и уместным считаем раздел книги, где кратко рассказывается о первых опытах описания Кузнецкстроя современниками, участниками событий. Здесь мы узнаем о пребывании на Кузнецкстрое Демьяна Бедного, Ф.И. Панферова, В.П. Ильенкова, И.Г. Эренбурга, написавшего по итогам поездки резонансный роман «День второй», воспоминаниях И.П. Бардина [16], С.М. Франфурта [17], фундаментальном исследовании Е.М. Полянской [18, 19].

К сильным сторонам работы отнесем обнародованный материал, личностно-ориентированный аспект, освещение малоизученных лакун повседневной жизни Кузнецкстроя, презентабельность издания. А.Э. Шпрингер скромно указывает, что его книга – «это не исторический труд, а, скорее, краеведческий и журналистский» [2. С. 160]. Конечно, работа не лишена, на наш взгляд, ряда недостатков. Так, мы полагаем, что уместнее было бы назвать работу «Судьбы героев Кузнецкстроя», поскольку прослеживаются биографии персонажей до, во время и после Кузнецкстроя. Многие «забытые» герои оставили печатные воспоминания и никогда не забывали о своей кузнецкстроевской молодости. Достаточное место в книге занимают разделы о топонимике Кузнецкстроя и летописи 1917–1934 гг. Информация полезная и важная, но к теме напрямую не имеющая отношения. Содержатся досадные неточности и опечатки. Однако неслучайно в название рецензии вынесена строка из знаменитого стихотворения В.Б. Гина «Легенды расскажут, какими мы были». Работа А.Э. Шпрингера подняла вопрос о человеческом измерении великой стройки первой советской пятилетки, обнародовала богатый фотографический материал, создала основу для поиска новых интересных биографий строителей КМК (например, прораба А.М. Заева, похороненного в 1933 г. на верхнем участке тоннеля) и, несомненно, заняла свое место в истории кузбасского краеведения. Это популярное и просветительское издание будет интересно всем любителям истории родного города, краеведам, исторической корпорации Кузбасса. Добавим также, что книга появилась благодаря поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Список источников

1. Маяковский Вл. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // Чудак. 1929. № 46. С. 2.
2. Шпрингер А.Э. Забытые герои Кузнецкстроя. Новокузнецк : Информационно-Аналитический центр, 2024. 240 с.
3. Кузнецкстрой : (история Кузнецкстроя в воспоминаниях) / сост. Л. Тоом. Новосибирск : Зап.-Сиб. краевое изд-во, 1934. 182 с.
4. Фойгт Л.И. Женщины Кузнецкстроя : воспоминания, документы, фотографии. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1998. 74 с.
5. Шаламов В.Т. О Колыме // Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. + Т. 7, доп. М. : Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 4: Автобиографическая проза. С. 572–574.
6. Сафонов Д.Ф. По дорогам XX века. М. : Изд-во ГосНИИАС, 2004. 239 с.

7. О награждении участников строительства и работников 1-го Кузнецкого металлургического завода им. Сталина // Правда. 1934. № 349. 20 дек. С. 1.
8. Орденосносцам // Большевицкая сталь. 1934. № 293. 23 дек. С. 1.
9. Закончен монтаж рудного крана // Большевицкая сталь. 1933. № 57. 11 марта. С. 1.
10. Тоннель открыт // Большевицкая сталь. 1933. № 257. 10 нояб. С. 4.
11. Первый сибирский трамвай // Большевицкая сталь. 1933. № 274. 30 нояб. С. 1–2.
12. Истратов В. Опыт механизации строительных работ на Кузнецкстрое. М. : Гл. ред. строительной лит., 1935. 54 с.
13. Пирожкова А.Н. Я пытаюсь восстановить черты : воспоминания : (о Бабеле и не только о нем). М. : АСТ, 2013. 605 с.
14. Палаткина Т.А. Из моей прошлой жизни // Большевицкая сталь. 1935. № 55. 8 марта. С. 4.
15. Палаткина Т.А. С новыми силами за работу! (Записки делегата VIII Съезда Советов) // Большевицкая сталь. 1936. № 196. 26 дек. С. 1.
16. Бардин И.П. Рождение Завода: Кузнецкий металлургический завод : воспоминания инженера. Новосибирск : Зап.-Сиб. краевое изд-во, 1936. 143 с.
17. Франкфурт С.М. Рождение стали и человека : очерки о создании Кузнецкстроя. М. : Старый большевик, 1935. 272 с.
18. История Кузнецкого металлургического комбината имени В.И. Ленина / под общ. ред. Б.Н. Жеребина. М. : Металлургия, 1973. 463 с.
19. Серебренников С.В. Фонд Е.М. Полянской в Новокузнецком филиале Государственного архива Кемеровской области // Отечественные архивы. 2001 № 1. С. 124.

References

1. Mayakovskiy, V.I. (1929) Rasskaz Khrenova o Kuznetskstroie i o lyudyakh Kuznetska [Khrenov's story about Kuznetskstroy and the people of Kuznetsk]. *Chudak*. 46. p. 2.
2. Shpringer, A.E. (2024) *Zabytye geroi Kuznetskstroya* [Forgotten heroes of Kuznetskstroy]. Novokuznetsk: Information and Analytical Center.
3. Toom, L. (ed.) (1934) *Kuznetskstroy: (istoriya Kuznetskstroya v vospominaniyakh)* [Kuznetskstroy: (the history of Kuznetskstroy in memoirs)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kraevoe izd-vo.
4. Voigt, L.I. (1998) *Zhenshchiny Kuznetskstroya: vospominaniya, dokumenty, fotografii* [Women of Kuznetskstroy: Memoirs, documents, photographs]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'.
5. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek. pp. 572–574.
6. Safonov, D.F. (2004) *Po dorogam XX veka* [Along the Roads of the 20th Century]. Moscow: GosNIIAS.
7. Anon. (1934) O nagrazhdenii uchastnikov stroitel'stva i rabotnikov 1-go Kuznetskogo metallurgicheskogo zavoda im. Stalina [On awarding the participants in the construction and workers of the 1st Kuznetsk Metallurgical Plant named after Stalin]. *Pravda*. 20th December. p. 1.
8. *Bol'shevistskaya stal'*. (1934) Ordenonostsam [To the Order Bearers]. 23rd December. p. 1.
9. *Bol'shevistskaya stal'*. (1933a) Zakonchen montazh rudnogo kрана [The installation of the ore crane is complete]. 11th March. p. 1.
10. *Bol'shevistskaya stal'*. (1933b) Tonnel' otkryt [The tunnel is open]. 10th November. p. 4.
11. *Bol'shevistskaya stal'*. (1933c) Pervyy sibirskiy tramvay [The first Siberian tram]. 30th November. pp. 1–2.
12. Istratov, V. (1935) *Opyt mekhanizatsii stroitel'nykh rabot na Kuznetskstroie* [Mechanization of construction work at Kuznetskstroy]. Moscow: Gl. red. stroitel'noy lit.
13. Pirozhkova, A.N. (2013) *Ya pytayus' vosstanovit' cherty: vospominaniya: (o Babele i ne tol'ko o nem)* [I am trying to restore the features: memories: (about Babel and not only about him)]. Moscow: AST.
14. Palatkina, T.A. (1935) *Iz moyey proshloy zhizni* [From my past life]. *Bol'shevistskaya stal'*. 8th March. p. 4.
15. Palatkina, T.A. (1936) *S novymi silami za rabotu! (Zapiski delegata VIII S'ezda Sovetov)* [With renewed vigor to work! (Notes of a delegate to the 8th Congress of Soviets)]. *Bol'shevistskaya stal'*. 26th December. p. 1.
16. Bardin, I.P. (1936) *Rozhdenie Zavoda: Kuznetskiy metallurgicheskiy zavod: vospominaniya inzhenera* [The birth of the plant: The Kuznetsk Metallurgical Plant: Memoirs of an engineer]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kraevoe izd-vo.
17. Frankfurt, S.M. (1935) *Rozhdenie stali i cheloveka: ocherki o sozdani Kuznetskstroya* [The birth of steel and man: Essays on the creation of Kuznetskstroy]. Moscow: Staryy bol'shevik.
18. Zherebina, B.N. (ed.) *Istoriya Kuznetskogo metallurgicheskogo kombinata imeni V.I. Lenina* [History of the Kuznetsk V.I. Lenin Metallurgical Plant]. Moscow: Metallurgiya.
19. Serebrennikov, S.V. (2001) *Fond E.M. Polyanskoy v Novokuznetskom filiale Gosudarstvennogo arkhiva Kemerovskoy oblasti* [E.M. Polyanskaya's Fund in the Novokuznetsk Branch of the State Archives of the Kemerovo Region]. *Otechestvennyye arkhivy*. 1. p. 124.

Сведения об авторах:

Худолеев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и обществознания факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: khudoleev73@mail.ru

Тресвятский Лев Алексеевич – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин института педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: lev-35@mail.ru

Худолеева Мария Николаевна – преподаватель кафедры непрерывного педагогического образования и методики обучения института педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: ariadna21@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Khudoleev Aleksey N. – Doctor of Historical sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Social Studies, Faculty of History and Law, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: khudoleev73@mail.ru

Tresvyatsky Lev A. – Doctor of Cultural studies, Associate Professor, Professor of the Department Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Pedagogical Education of Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: lev-35@mail.ru

Khudoleeva Maria N. – Lecturer of the Department of Continuing Pedagogical Education and Teaching Methods, Institute of Pedagogical Education of Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ariadna21@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 14.09.2024; accepted for publication 01.04.2025

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2025 № 94

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 25.04.2025 г. Формат 60х84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 27,5. Усл. печ. л. 25,6. Тираж 50 экз. Заказ № 6319. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.04.2025 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru